

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855310 8

400A
Muskvityan...

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

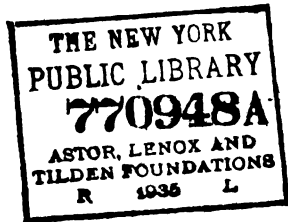
1854.

Томъ VI.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІЯХЪ: Л. СТЕПАНОВОЙ И В. ГОТЬЕ.

1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**СЪ ТЕМЪ, ЧТОБЫ ПО ОТПЕЧАТАНІИ ПРЕДСТАВЛЕНО БЫЛО ВЪ ЦЕН-
СУРНЫЙ КОМИТЕТЪ УЗАКОНЕННОЕ ЧИСЛО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ. НОЯБРЯ
19 ДНЯ 1854 ГОДА.**

Ценсоръ В. Флеровъ.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 21.

Ноябрь.

Кн. 1.

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

НОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА IX.

Прошла однакожь цѣлая недѣля послѣ перваго свиданія Раздумина съ Кривской, а онъ еще не показывался къ ней съ тѣхъ поръ; не то, чтобы ему совсѣмъ не хотѣлось ее видѣть, или бы прежнія предубѣжденія противъ нея отклоняли его отъ этого свиданія, — о, нѣтъ: Алексѣй Петровичу такъ случайно сдѣлалось извѣстно ея стремленіе къ добру, что сомнѣваться въ искренности этого прекраснаго стремленія было невозможно. Онъ засталъ ее, какъ говорится, врасплохъ, совсѣмъ больную, разстроенную, — именно въ такую минуту, когда человекъ бываетъ не въ силахъ скрыть никакой мысли, никакого движенія души своей; и онъ подстерегъ столько простодушія и откровенности, столько чувствъ благородныхъ и возвышенныхъ въ этой женщинѣ, что вполне могъ убѣдиться, что все, досель имъ о ней слышанное было чистая клевета. Ее, бѣдную женщину, или никто не понималъ, или дѣйствительно изъ зави-

PERL. JAN 21 1855

сти поносили, а можетъ быть и просто изъ одного пустословія. Ему было страшно досадно на себя, и страшно совѣстно противъ нея, что и онъ поддавался злорѣчію на ея счетъ; ему чувствовалось, что покуда онъ не признается ей въ своемъ проступкѣ, то ему тяжело ее видѣть, добрую, доверчивую къ нему, какъ къ давнишнему другу.

Ужь нѣсколько разъ выходилъ онъ изъ дому съ тѣмъ, чтобы зайти къ ней, но у него все не доставало духу, и онъ проходилъ только мимо ея квартиры, — не безъ того однакожъ, чтобы не заглянуть въ ея окна, въ которыхъ, разумѣется, не выдасть ничего. кромѣ малиновыхъ занавѣсокъ, напоминающихъ ихъ первое свиданіе.

Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ онъ особенно какъ-то предался размышленію о непзчислимомъ злѣ, происходящемъ отъ свѣтской болтовни. — Да, думалъ онъ, съ чувствомъ раскаянія, — мы, къ сожалѣнію, почти все слишкомъ легко позволяемъ себѣ судить и осудить каждаго, а особенно женщину; и это по какимъ-нибудь рассказамъ, пущеннымъ на вѣтеръ какою-нибудь кумушкою или куманькомъ, — всего чаще изъ личной досады, а иногда единственно изъ того только, чтобы *поговорить о чемъ-нибудь!* Эту добрыйшую женщину, посвятившую жизнь свою на дѣла тайнаго милосердія, разслабили же страшною кокеткою!... и я такъ повѣрилъ этому, что считалъ почти обязанностью обвинять ее, чтобы избавить молодежь отъ ея опасныхъ сѣтей, тогда какъ достаточно провести съ ней нѣсколько минутъ, чтобы увѣриться въ чистоту ея чувствъ и намѣреній. Да! я теперь не удивлялся бы, что Леонидовъ безъ ума влюбился въ нее, еслибъ онъ прежде не любилъ Софьи, потому что Софья еще въ высшей степени обладаетъ этою плѣнительною простотою, этимъ рѣдкимъ и лучшимъ достоинствомъ ихъ пола. и Софья любила его... а можетъ и теперь еще любить!... и резонеръ глубоко вздохнулъ. — Судьба, кажется, смѣется надо мной! продолжалъ онъ, — я давно потерялъ надежду встрѣтить женщину по сердцу, и вдругъ нахожу двухъ, и обѣ заняты Леонидовымъ! Чтожь это за особенное счастье ему? Но нѣтъ, сердце моея новой знакомой свободно, — это по всему видно, да и она такъ

наивна, что проговорила бы непременно... Однакожь, у Владиміра ея портретъ!

Отъ этой мысли кровь бросилась въ лицо Алексію Петровичу, упреки совѣсти замолкли, и черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ уже въ гостиной Вьры Егоровны.

Теперь его приняли при полномъ дневномъ свѣтѣ, въ чрезвычайно простомъ, но очень изящномъ домашнемъ платьѣ, приняли такъ радушно, съ такою дѣтскою радостью, что даже выбѣжали къ нему навстрѣчу, чуть-чуть не въ лакейскую, и взявъ его за руку какъ стараго знакомаго, повлекли за собою въ гостиную, осыпая милыми упреками. Ему говорили, что давно бы пора навѣстить больную, которая сучала страшно.

Никогда еще ни одна женщина не обращалась съ Раздумнымъ такъ просто и смѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ скромно и нѣжно. Разговоръ ихъ, естественно, склонился къ предмету взаимной ихъ заботы, то-есть Софьѣ, и Вьра Егоровна представила на его благоусмотрѣніе нѣсколько плановъ къ устройству ея будущности, на досугъ ея обдуманыхъ, и одинъ другаго великодушнѣе. Все это говорилось такъ задушевно, что Алексій Петровичъ нашъ рѣшительно растрогался до души, и чуть не со слезами покался этой добрейшей женщинѣ въ своей непростительной винѣ противъ нея.

Она выслушала это обидное ей признаніе не только не мѣняясь въ лицѣ, но съ такимъ выраженіемъ кротости и любви, что, казалось, готова бы цѣлый вѣкъ его слушать. Когда онъ замолчалъ, выжидая приговора себѣ, она взяла его за руку.

— Благодарю васъ, сказала она, сжимая ее крѣпко, — отъ сердца благодарю за такую честную откровенность со мною; она возвышаетъ меня въ собственныхъ глазахъ моихъ! — Вы одни меня поняли, однимъ вамъ и открыта будетъ вся душа моя. Вы не столько виноваты передо мной, какъ воображаете, Алексій Петровичъ! — Я только очень, очень недавно перестала быть кокеткой, и одна я была причиною, что Леонидовъ измѣнился къ Софьѣ.

Раздумный побѣднлъ, презрительная улыбка искажала

мужественное лицо его; онъ всталъ съ мѣста и взялся за шляпу.

— Имѣйте терпѣніе выслушать меня до конца, сказала она, останавливая его за руку. — Я могла обмануть васъ — и не хотѣла! Оцѣните жъ это чувство, какъ я оцѣнила вашу откровенность со мною. Сядьте, прошу васъ.

Раздумивъ сѣлъ на край стула и подальше отъ нея, чѣмъ прежде.

— Нѣтъ, сядьте поближе ко мнѣ, сказала она, — вотъ такъ, хорошо; теперь слушайте, и потомъ ужъ судите меня. Я не буду распространяться о томъ, какъ горько провела я въ сиротствѣ мое младенчество, и почти ребенкомъ была выдана опекуномъ моимъ за богатаго, больнаго и ревниваго старика, который, во всемъ смыслѣ слова, продержалъ меня въ золотой клеткѣ три года. Оставшись богатою вдовою въ тѣ лѣта, когда другіе только оканчиваютъ свое воспитаніе, я, признаюсь, очень обрадовалась своей свободѣ, и увлеченная совѣтами подругъ-предательницъ, еще въ годъ траура своего, пустилась съ ними по маскарадамъ, воображая, что никто этого не узнаетъ, восхищаясь всѣмъ какъ дитя и не считывая ни на что больше, какъ только на то, чтобъ посмѣяться и потанцовать подъ маскою. Самыя эти пріятельницы прославили меня вѣтренною и бездушною женщиною. Я это узнала очень скоро. — Въ числѣ дальнихъ родственниковъ моего покойнаго мужа былъ одинъ молодой человекъ, прекрасный, какъ казалось мнѣ тогда; онъ увѣрилъ меня, что давно меня любитъ; я всей душой привязалась къ нему. Оба совершенно свободныя мы ждали только окончанія моего траура, чтобы обвѣнчаться. Ему въ это время пришлось по службѣ уѣхать не надолго въ одинъ отдаленный губернской городъ; цѣлый мѣсяцъ я не получала отъ него ни строчки, и онъ возвратился съ женою старѣе себя и вдвое меня богаче. Отчаяніе мое перешло въ презрѣніе, въ ненависть ко всѣмъ мужчинамъ. Я поклялась не любить никого, и мстить, забавляясь ими. Сначала я восхищалась моими успѣхами, но скоро опротивѣлъ мнѣ и самый свѣтъ Божій, и одною отрадою моею было отыскивать несчастныхъ и помогать имъ

по возможности; но отвратительное названіе кокетки было уже мнѣ усвоено. Я это знала, но равнодушная ко всему міру, къ самой жизни, не только не заботилась о томъ, а напротивъ находила въ этой несправедливости что-то возвышающее меня въ моихъ собственныхъ глазахъ. Мнѣніемъ же свѣта я не дорожила, — свѣтъ обманулъ меня! — Теперь вы знаете всю жизнь мою: скажите-жъ мнѣ, достойна или нѣтъ я вашей дружбы?

Она замолчала и смотрѣла на него съ невыразимую грустью и нѣжностью.

Въ головѣ Раздумина былъ цѣлый хаосъ; онъ не зналъ: бѣжать ли ему отъ нея, или упасть къ ногамъ этой жертвы предательства друзей и свѣта, искунившей ошибки своей молодости множествомъ добрыхъ дѣлъ. Онъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ глубокаго состраданія, но не рѣшался еще протянуть ей руки на вѣчную дружбу и, потупившись, молчалъ.

— Нѣтъ, вы меня не презираете, сказала она, не дождавшись его отвѣта. Вы не можете презирать меня, Раздуминъ, — ваша душа слишкомъ справедлива. Вы поняли мое беззащитное положеніе, оцѣнили мое признаніе, и я наконецъ нашла себѣ искренняго друга, который будетъ руководить мною. О! какъ теперь я буду горда и счастлива, — продолжала она, одушевляясь все больше и больше; — вы увидите, какъ я умѣю любить! Вы сами полюбите меня безъ памяти, прибавила она съ ребяческимъ простодушіемъ и радостью.

— Это всего легче, улыбнувшись отвѣчалъ Раздуминъ. Но если вы удостоиваете меня вашей дружбы, я считаю себя вправѣ спросить васъ: на какомъ же положеніи останется у васъ мой родственникъ Леонидовъ? Вѣдь онъ съ ума сходитъ до васъ, я это очень хорошо знаю.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, сказала засмѣявшись Вѣра Егоровна, — я вамъ не договорила объ немъ: вотъ ужъ могу сказать, что сама не понимаю почему онъ такъ привязался ко мнѣ! Я больше ничего, какъ по просьбѣ его матери, старалась отклонить его отъ намѣренія жениться на бѣдной дѣвушкѣ, о которой, признаюсь вамъ, мнѣ дали очень невыгодное понятіе, — и я воображала, что совершаю доброе дѣло; но когда я случайно

узнала, что у ней больная тетка, что онъ въ крайности, мнѣ стало жаль ихъ; я искала случая мнѣ помочь, а судьба помогла мнѣ встрѣчею съ вами. И представьте, что Леонидовъ никогда не сказывалъ мнѣ ничего о положеніи этой бѣдной Софьи. Между нами сказать, онъ довольно пустой мальчикъ, хоть, впрочемъ, и добрый.

— Но у него однакожь вашъ портретъ, возразилъ Раздумивъ, устремивъ на нее черные, пронизательные глаза свои.

— Вы видѣли? похожь? спросила она, безъ малѣйшаго замѣшательства.

— Я тогда не зналъ васъ, и не обратилъ на это большаго вниманія, нѣсколько угрюмо отвѣчалъ Алексій Петровичъ.

— А славный живописецъ написалъ мнѣ его, и я заплатила довольно дорого; но что дѣлать, надо было утѣшить какъ-нибудь этого восторженнаго юношу: онъ безъ того не соглашался ѣхать въ деревню, а это разогорчило бы его мать, и такъ уже безпрестанно больную.

— Но какъ же вы такъ рискуете своей репутаціей, Вѣра Егоровна? это, право, больно слышать.

— А мнѣ больно слышать такое сужденіе отъ васъ, Алексій Петровичъ. Скажите, что значить репутація женщины, которая никому не принадлежитъ, въ сравненіи съ горемъ матери.

Алексій Петровичъ съ безмолвнымъ благоговѣніемъ поцѣловалъ руку милой вдовы.

— Да, сказалъ онъ потомъ, я никогда не воображалъ, чтобъ женщины были такъ геройски-добры.

— Не женщины, а женщина, возразила шутливо Вѣра Егоровна; — впрочемъ, я право не вижу въ этомъ особеннаго подвига, иначе и быть не должно.... Однакожь, баснями соловья не кормятъ, говорится у насъ на Руси; вы завтракали? мнѣ такъ очень ѣсть захотѣлось.

Она позвонила и спросила завтракъ; и какъ бы волшебствомъ угадали его вкусъ и привычки: было подано все то, что особенно нравилось Алексію Петровичу, который не врагъ былъ гастрономическому наслажденію; даже тотъ

самый лафитъ изъ англійскаго магазина, которымъ онъ любилъ иногда полакомиться, даясь, по правиламъ знатоковъ, понемногу, яхонтовою струею изъ рукъ прекрасной хозяйки въ роскошный граненый стаканъ. Потомъ спросили бутылку клико, выпить за здоровье новаго друга, — и Раздумину стало такъ ловко, такъ хорошо, точно какъ бы у себя дома, только съ тѣмъ превосходствомъ, что тамъ, въ подобныхъ случаяхъ, вертелась передъ нимъ довольно глупая и не всегда трезвая физиономія камердинера его Агафона, а здѣсь ухаживала за нимъ прекрасная и прелюбезная женщина.

Невольно, мысль о счастьи имѣть такую подругу, сверкнула въ головѣ отставнаго гусарскаго ротмистра, и глаза его начали довольно ясно высказывать эту мысль милой вдовушкѣ.

Съ послѣднимъ бокаломъ шампанскаго Алексѣй Петровичъ клялся уже ей въ вѣчной любви. Вѣра Егоровна торжествовала, а бѣдная Софья лишалась и послѣдняго своего покровителя.

— Мужчины! жалкіе мужчины! думала про себя ловкая кокетка, принимая видъ глубоко-растроганной: — стоить ли тратить на васъ свои чувства, чтобъ вамъ нравиться; надо только польстить вашему самолюбію, уметь забавлять васъ какъ дѣтей, да во-время поподчивать шампанскимъ.

Она на этотъ разъ не совсѣмъ ошиблась въ такомъ расчетѣ.

Раздуминъ не охладѣлъ къ ней и тогда, какъ разсыялись въ головѣ его легкіе пары шампанскаго, да и могли ли нѣсколько лишнихъ бокаловъ сильно отуманить гусара? конечно нѣтъ, но они придали ему только нѣсколько смѣлости, и, ему казалось, что онъ съ полнымъ сознаниемъ произнесъ волшебное слово: люблю! потому что вполне повѣрилъ симпатическому чувству къ нему этой неузнанной женщины; восхитился высокимъ назначеніемъ быть защитникомъ и единственныиъ утѣшеніемъ этому милому, оклеветанному созданию, — а главное ему было весело съ ней: она была такъ разнообразна, такъ ловко умѣла переходить отъ сарьзнаго къ

веселому, отъ трогательнаго къ смѣшному, что и въ театрѣ не зачѣмъ ѣздить. А какой же мужчина не предпочтетъ многому и многому своего собственнаго удовольствія.

Оно-то одно, почти всегда, и рѣшаетъ выборъ ихъ сердца; впрочемъ, Раздуминъ, не смотря на свое увлеченіе, былъ на столько разсудителенъ, чтобы не высказать уже готовое сорваться съ языка его *предложеніе руки своей*. Онъ безотчетно чувствовалъ, что слѣдуетъ *обождать*, укорениться, такъ сказать, въ своемъ вѣрованіи въ такія совершенства и такое скоропостижное увлеченіе къ нему; онъ не былъ настолько самолюбивъ, чтобы признать себя вполне этого достойнымъ; но какъ бы то ни было, однакожь съ этого утра мысль жениться на ней заронила въ его душу, и они сдѣлались почти неразлучны.

Судьба бѣдной Софьи все еще довольно часто была предметомъ ихъ взаимной заботы. Вѣра Егоровна предвидѣла возможность, удѣливъ ей часть своего состоянія, (котораго, между нами сказать, у ней почти уже не оставалось), склонить мать Леонидова на бракъ съ нею ея сына. Правилось или нѣтъ такое предположеніе Алексѣю Петровичу, не разобрала даже и Вѣра Егоровна, но получила его обещаніе переговорить о томъ съ ея теткою и самой Софьей, а за успѣхъ своего ходатайства она ручалась. Но Раздуминъ, собираясь каждый день навѣстить Клавдію Петровну, никакъ не находилъ къ тому удобной минуты. То назначена у нихъ съ утра прогулка за городъ; то Вѣра Егоровна поручить ему навѣстить гдѣ-нибудь очень далеко, вновь открытое ею бѣдное семейство; то нездорова она и будетъ скучать безъ него. Однимъ словомъ она овладѣла имъ такъ, какъ обыкновенно овладѣваютъ мужчинами тѣ женщины, которыя ихъ не любятъ.

Да и можетъ ли существовать истинная любовь иначе, какъ между двумя душами въ равной степени добрыми и благородными; а то, что у насъ обыкновенно называется любовью, довольно похоже на торгъ, въ которомъ одинъ сбываетъ ничего не стоящій товаръ, а другой платитъ за

него фальшивою монетою. И какъ часто всю жизнь свою иной человекъ проводитъ въ такой торговлѣ, и говоритъ потомъ: что и онъ любилъ.

ГЛАВА X.

Софья очень замѣтила отсутствіе Раздумина, какъ единственнаго существа, напоминавшаго ей не только о внѣшнемъ мірѣ, но и о звукахъ человѣческаго голоса, потому что день ото дня все слабѣе и безмолвнѣе становилась ея бѣдная слѣпая: спросить о погодѣ, о часѣ дня, и опять засыпаетъ.

Прежде несчастная дѣвушка по крайней мѣрѣ по неволѣ выходила чаще на воздухъ за разными потребностями по хозяйству, но съ нѣкотораго времени Клавдія Петровна кромѣ чаю ничего не хотѣла, а собственно для себя Соня и не думала готовить что-нибудь, и питалась чѣмъ случится, какъ птичка божья. Видно, она была съта затѣннымъ своимъ горемъ, и не замѣчала страшнаго упадка физическихъ силъ своихъ, или, лучше сказать, тѣмъ сильнѣе бодрствовала въ ней душа, вѣрная своему обѣту: безропотной покорности Богу.

Софья видѣла приближеніе той минуты, въ которую она, безпріютная сирота, останется уже рѣшительно одна въ мірѣ; но забывая себя, она заботилась только, какъ бы усладить чѣмъ-нибудь послѣдніе дни покидающаго ее послѣдняго друга, и дорожа каждою минутою ея земной жизни, не отходила отъ нея какъ отъ милой гостьи, которая сбегаетъ въ дальній путь; даже и ночи проводила она давно уже не въ постель, а въ креслѣ у изголовья больной, карауля каждое движеніе губъ ея, прислушиваясь къ каждому звуку замирающаго ея голоса. Иногда, по нѣсколькимъ часамъ сряду, слѣпая страдальца проводила безъ словъ, безъ всякаго движенія, воображая, можетъ быть, что тогда была ночь, и сберегая покой своей Сони, не подозревая того, что она и ночи на стражѣ подлѣ нея. Это безмолвіе, котораго не смѣла нарушать бѣдная дѣвушка, наводило на нее какой-то ужасъ:

ей казалось, что ее тетка уже при послѣднемъ издыханіи, и она падала на колѣни, лицомъ въ подушку кресла, чтобы заглушить свои рыданія и не видать страшнаго превращенія живаго существа въ прахъ. — Хотя она несомнѣнно вѣровала, что добраго друга ее ожидаетъ покой и радость въ мѣрѣ лучшемъ; хотя и сама находила отраду помышлять о своей послѣдней минутѣ, — но ее страшилъ процессъ смерти, и она ободрялась только тогда, какъ больная послѣ этого мучительнаго безмолвія спрашивала ее о чемъ-нибудь.

Упрекая безпрестанно себя въ малодушіи, Соня обѣщала быть тверже, не пугаться, что бы ни случилось — и при первомъ подобномъ случаѣ, опять впадала въ тотъ-же ужасъ. Такая почти ежедневная пытка не могла не изнурить до крайности нѣжнаго сложенія бѣдной дѣвушки. И не осталось уже и тѣни прежней Софьи. Одни темные глаза ея, сдѣлавшись еще больше отъ чрезвычайной худобы, только еще свидѣтельствовали о недавней красотѣ ея. И ни чей взглядъ не останавливался на ней съ участіемъ. Ея страданія видѣлъ одинъ Богъ, и цѣнила одна умирающая старушка. Она, въ описываемое нами утро, просила Соню приподнять ее на подушки, и, ухватившись за ея руки, болезненно вскрикнула и зарыдала.

— Другъ мой, Сонюшка, сказала она, — ты вся высохла, ты больна, и скрываешь это отъ меня.

Слезы закатали изъ глазъ дѣвушки, но она твердымъ голосомъ увѣряла слыящую, что здорова совершенно и нисколько не замѣчаетъ, чтобы худѣла, — да и дѣйствительно она не обращала на это вниманія; тутъ ей вздумалось взглянуть на себя въ свое маленькое, давно забытое, зеркало, и она сама чуть не вскрикнула отъ удивленія и состраданія къ самой себѣ.

Ея ужъ нѣтъ той Софьи, которая такъ любила тебя, Владиміръ! и сердце ея измѣнилось столько-же какъ и наружность. Она мертва теперь для всѣхъ земныхъ надеждъ, и ужъ никакія блага, никакая любовь, даже и твоя, Владиміръ, еслибъ это быть могло, не воззвуть его опять къ жизни. Но за все, за все благодарю Тебя Отецъ Небесный!

продолжала она, скрестивъ на груди свои руки: — и я знала радости въ моей жизни. Мое младенчество было счастливо, было кому любить, утѣшать меня. Мнѣ очень было весело тогда, я просыналась безъ сожалѣнія о прошедшемъ днѣ, засыпала безъ заботы о будущемъ; потомъ—я любила, я вѣрила... О! я очень тогда была счастлива!

Въ первый разъ дала она себѣ волю раздуматься объ этомъ прошедшемъ; и какъ бы испугавшись того, отерла живо слезы, схватила свое шитье и сѣла съ нимъ подъ открытое окно.

Несносное дребезжаніе экипажей по мостовой показало ей пріятнымъ: оно, отзываясь въ ея ушахъ, словно вытѣсняло изъ головы мысли; а главное, нарушало мертвую тишину ея жилища, которая, не смотря на всѣ ея усилія, доводила ее до какого-то отчаянія. Ея восемнадцать лѣтъ просили воздуха, движенія, жизни.—а передъ ней нищета, безнадежность и разрушеніе!

Соня шила, не поднимая головы, до тѣхъ поръ, покуда начало смеркаться; тогда, сложивъ свою работу, она встала на колѣни на соломенный стулъ, и, опершись локтями на окошко, смотрѣла, не видя ничего на улицѣ. Часы на башнѣ нѣсколько разъ били, но она не слыхала.

Наконецъ антипатичная ей тишина водворилась повсюду, и тотчасъ вывела ее изъ этого безсознательнаго созерцанія.

— Какъ все утихло, сказала она съ невольнымъ замраніемъ сердца, закрывая окно;—должно быть очень поздно... пора спать.

Небо покрыто было тяжелыми тучами; воздухъ удушливъ, какъ передъ грозою, и въ эту минуту, сперва нѣсколько крупныхъ, рѣдкихъ капель дождя, а вслѣдъ за тѣмъ и ливень застучалъ по желѣзнымъ крышамъ. Этотъ шумъ ободрилъ Соню.

— Пить, посижу еще, подумала она, и засвѣтила свою салютную свѣчку.

— Сонюшка! — почти шепотомъ сказала больная.

Соня, не ожидая этого, вздрогнула всемъ тѣломъ и бросилась со свѣчею за перегородку.

— Соня! повторила Клавдія Петровна.

— Я здѣсь, мой другъ тетенька, подлѣ васъ.

— Плохо ужъ и слышать начинаю, Соня; подсядь-ко, душенька моя ко мнѣ, дай ручку. И крѣпко, крѣпко сжала ея руку Клавдія Петровна и поднесла ея къ губамъ своимъ.

— Что вы дѣлаете, тетенька! вскричала дѣвушка, освобождая свою руку, обнявъ колѣна своей тетки и орошая ихъ слезами.

— Я благодарю тебя, ангель хранитель мой, за всѣ попеченія твои обо мнѣ. Не плачь, Соня!... ты будешь счастлива... Тебя благословитъ самъ Господь, какъ я теперь тебя благословляю. За этими словами, произнесенными едва внятно, послѣдовало долгое, мертвое молчаніе.

Софья, думая, что тетка ея опять заснула, задула огонь и помѣстилась на ночлегъ свой — въ кресло подлѣ нея.

— Ты почиваешь? шепнула опять старушка.

— Нѣтъ еще, тетенька.

— Какъ давно тому, Сонюшка, какъ ты написала нашему другу Ивану Николаевичу?

— Ужъ болѣе трехъ недѣль, отвѣчала Софья. — Но вы знаете, тетенька, онъ часто отлучается изъ города, и, вѣрно, письмо наше дожидается его тамъ. Я что-то совершенно увѣрена, что онъ живъ, здоровъ, и даже любитъ насъ по-прежнему.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! сказала Клавдія Петровна. Напиши ему опять, другъ мой, да поскорѣй.

— Напишу, тетенька.

Опять долгое молчаніе. Соня ужъ задремала.

— Ты еще не спишь, Соничка? спросила опять больная.

— Нѣтъ, тетенька, еще не такъ поздно, отвѣчала она, протирая глаза, до которыхъ, сквозь щели перегородки, доходилъ уже свѣтъ денницы.

— Скажи мнѣ: сколько дней не былъ у насъ Алексѣй Петровичъ Раздуминъ?

— Да ужъ около мѣсяца, тетенька; ужъ здоровъ ли онъ?

— И я то же думаю. Какъ бы узнать о немъ, другъ мой?

— Не знаю я его квартиры, тетенька, отвѣчала Софья.

— Эко горе, эко горе! повторила старушка.

— Да что это вы такъ беззаконитесь, мой другъ? Онъ, вѣрно, или скоро будетъ къ намъ, или пришлетъ проводить насъ; онъ такой добрый.

— Тебѣ скучно одной, Сонюшка, сказала опять Клавдія Петровна послѣ довольно продолжительнаго безмолвія; — попросила бы ты хоть хозяйку нашу посидѣть съ тобою.

— О нѣтъ, тетенька, я привыкла быть одна; мнѣ не скучно.

Софья не хотѣла напомнить теткѣ, что только занялась заря, и что ей очень хочется спать.

— Который часъ? спросила опять черезъ нѣсколько времени больная, но такъ тихо, что только чуткое ухо ея Сони могло слышать.

— Четвертый, отвѣчала она: — недавно три пробіло.

— Утро или вечеръ? спросила опять Клавдія Петровна, и на отвѣтъ, что утро, со вздохомъ и безпокойствомъ возразила: Долго еще!..

— Что вамъ нужно, тетенька? скажите мнѣ....

— Я такъ, мой другъ, поцѣлуй меня, и почивай себѣ съ Богомъ.

Софья поцѣловала ее; она была холодна, какъ ледъ.

— Вы озябли, спросила она.

— Нѣтъ... да, немножко.

— Я накрою васъ тепелѣе.

— Спасибо, хорошо, поцѣлуй еще... прости... почивай спокойно, и я усну. — И дѣйствительно, она болѣе не спрашивала Сони, и утомленная дѣвушка заснула крѣпкимъ сномъ.

Высоко было солнце и ярко свѣтило въ окна когда Софья открыла глаза и съ безпокойствомъ обратила ихъ тотчасъ на свою больную, опасаясь, что она не слышала, можетъ быть, какъ та звала ее; но Клавдія Петровна не дѣлала никакого движенія, и Соня, боясь разбудить ее, тихонько прокралась въ кухню, чтобы приготовить самоваръ къ ея пробужденію. — Закипѣлъ самоваръ, готовъ ужъ чай, а Клав-

дія Петровна все еще спитъ. Соня рывнется раскричать ее, — нѣтъ отвѣта, беретъ ее за руку — рука какъ камень неподвижна.... Наклоняется къ лицу — оно бѣлье наволочки, прислушивается къ дыханію — его неслышно.... Ужасъ заглушилъ горе въ бѣдной дѣвушкѣ; она въ безпамятствѣ бросилась вонъ изъ комнаты на парадную лѣстницу, и, сбѣжавъ нѣсколько ступеней, встрѣтилась съ Раздумнымъ, наконецъ ихъ вспомнившимъ. Софья протянула къ нему руки, хотѣла что-то сказать — и повалилась безъ чувствъ къ его ногамъ....

Когда Софья опомнилась, она увидѣла себя въ большой малиновой комнатѣ, на мягкомъ штофномъ диванѣ, всю въ бѣломъ ночномъ одѣяніи, окруженную подушками. Темно, но не мрачно было около нея; множество различныхъ предметовъ роскоши со всѣхъ сторонъ бросались ей въ глаза.

Это сонъ! подумала несчастная дѣвушка, и не сдѣлавъ никакого движенія, закрыла опять отяжелѣвшіе глаза свои. — Черезъ нѣсколько времени, ей начали слышаться тихія, но явственные слова двухъ различныхъ голосовъ.

— Какъ я рада, что она вышла изъ опасности, сказалъ одинъ голосъ.

— Вы ангель доброты, отвѣчалъ другой.

— Она такъ жалка, такъ хороша, даже въ болѣзни, ваша Софья.

Софья опять открыла свои большіе, темные глаза и, приподнявшись на локоть, озиралась во всѣ стороны, — но не видала никого.

— Гдѣ я?... сказала она....

Изъ-за ширинъ, находившихся въ головахъ у ней, слышались легкіе шаги; нѣжный ласковый голосъ отвѣчалъ ей: — Вы у друзей своихъ, милая Софья! — и Кривская подошла къ ней, съ материнскимъ участіемъ разспрашивая ее о здоровьи.

— Я не больна, отвѣчала Соня, смотря на нее съ изумленіемъ; — я заспалась, вѣрно. Тетенька меня спрашивала, мнѣ надо ли къ ней. И бѣднее дѣтя усиливалося поднимать въ подушки, и спустить ноги съ дивана.

Въра Егоровна, удерживая ее на мѣстѣ, не находилась что отвѣчать, и подозвала Раздумина. Соня тотчасъ узнала его, вспомнила все, и заплакала горько.

— Да, милая Софья Алексѣвна, сказалъ онъ, взявъ ее за руки, она теперь спокойна.

Нѣсколько минутъ Софья молчала и плакала; ей не мѣшали: докторъ сказалъ, что се надо заставить плакать.

— Алексѣй Петровичъ! сказала она потомъ, сдѣлайте мнѣ милость, пойдемте со мною къ ней.

— Когда вы совсѣмъ оправитесь, милая Софья Алексѣвна; — черезъ нѣсколько дней, я провожу васъ къ ся могиль.

— Какъ! возразила дѣвушка, всплеснувъ руками, развѣ все?...

— Да, все давно кончено, перебилъ ее Раздуминъ. Сегодня двѣнадцатый день, какъ вы больны, и потому умоляю васъ поберегитесь, не разстройвайте себя грустными воспоминаніями. Вашей почтенной тетушкѣ отдали весь подобающій долгъ, съ любовію. Она теперь счастлива. А мы подъ покровительствомъ добраго генія, онъ указалъ ей на Кривскую.

Софья схватила одною рукою его руку, другою руку Въры Егоровны, и соединила ихъ на груди своей, съ выраженіемъ пламенной благодарности.

— Я буду вашимъ другомъ, вашею старшей сестрой, говорила ей Кривская; и если вы меня полюбили, такъ докажите тѣмъ, что будете беречь свое здоровье.

— Я буду покорна воль Божьей, отвѣчала бѣдная дѣвушка.

— Милое дитя, сказала Въра Егоровна, цѣлуя ее въ голову. Но намъ надо ее оставить въ покоѣ, она еще слишкомъ слаба. Пойдемте, Раздуминъ, я пришла къ ней мою Анфису. Только вы, душенька, не говорите съ нею много, у васъ еще очень раздражены нервы. Она не ошиблась, Софья уже закрыла глаза, и голова ея почти безъ чувствъ свѣсилась съ подушки.

Долго еще не оправлялась бѣдная дѣвушка; наконецъ молодость взяла свое, и съ каждымъ днемъ быстро начали

возвращаться и сила, и красота ея. Вѣра Егоровна ухаживала за ней съ нѣжнѣйшею заботою, какъ за дорогимъ ребенкомъ. Раздумишь, восхищаясь ея добротою, желалъ бы и самъ раздѣлить ея попеченія о больной, но она боялась, что его присутствіе слишкомъ живо напоминаетъ бѣдной дѣвушкѣ недавнюю ея потерю и замедляетъ выздоровленіе, и потому онъ очень рѣдко входилъ къ ней. Какъ скоро Софья могла вставать съ постели, ее перевели въ назначенную ей комнату, небольшую, но удобную и снабженную всѣмъ нужнымъ. Давно уже бѣдная Соня не знала такого покоя и приволья; оно много напоминало ей прошедшую жизнь ея въ ихъ небольшомъ городкѣ, жизнь хотя и не роскошную, но однакожь достаточно-изобильную, потому что добрая тетка ея болѣе всего думала о ея удовольствіи и удобствахъ: — Покуда не совершенно еще возвратились къ ней ея физическія силы, Софья вполнѣ наслаждалась этимъ давно небывальнымъ покоемъ, не размышляя даже о такой внезапной перемѣнѣ своего положенія. Не въ силахъ еще выходить изъ своей комнаты, она и не желала того; ей было хорошо тамъ, съ ней была ласкова ея покровительница, навѣщала ее всякій день, давала ей книгъ. Когда, утомясь чтеніемъ, возвращалась она къ своимъ думамъ, онѣ твердили ей, что доброй ея теткѣ несравненно лучше теперь, чѣмъ было на землѣ, и если она иногда плакала и часто молилась о ней, то плакала безъ горечи, и молилась съ упованіемъ. Но когда возстановилось совершенно ея здоровье, и опредѣленная къ ней горничная принесла ей новое платье и шляпку, чтобъ вѣхать кататься съ Вѣрой Егоровной, Софья вдругъ стало невыносимо грустно: ей хотѣлось бы одѣться въ черное, не выходить никуда кромѣ церкви. — Но вправъ ли она изъявить такое желаніе? у ней нѣтъ ничего въ мірѣ, не должно быть и желаній; она не должна своею грустью мрачить дни тѣхъ, кто приотилъ, накормилъ, одѣлъ ее; ея собственная жизнь теперь сгладилась подъ гнетомъ бѣдности! — Она все это поняла, и застояло въ ней достоинство человека.

— Нѣтъ, это не неблагодарность во мнѣ, думала она. Я чувствую, что рада жизнь отдать за сдѣлавшихъ мнѣ добро,

Это не пустая гордость?... Я готова взять на себя самую трудную должность въ ихъ домѣ... но пользоваться всѣми удобствами жизни, не дѣлая ничего, зная, что я не нужна ни на что... о нѣтъ, этого я не могу. Этого не будетъ!

И она приняла твердое намѣреніе снискивать себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ, и начала безпрестанно обдумывать, какъ бы приступить къ этому, а думать ей было довольно времени. Сначала Ввра Егоровна, до чрезвычайности внимательная къ ней, нарядивъ ее какъ куколку, очень часто брала ее съ собою на прогулку или въ магазины, и хотѣла, чтобы она постоянно находилась въ ея гостиной во время посѣщенія ея знакомыхъ. Софья, безсловесно сидя въ уголкѣ, съ работою въ рукахъ, много разъ слышала, что почти вслухъ, какъ бы о компанной собачкѣ, говорили о ней: *что она хорошенкая*; слышала по нѣскольку разъ въ день исторію своихъ несчастій, не исключая и любви ея къ Леонидову, рассказанную при ней вполголоса сострадательною хозяйкою. Но когда всѣ знакомые извѣстились о благодѣяніи Ввры Егоровны, или, можетъ быть, нѣкоторыми слишкомъ часто повторялись замѣчанія насчетъ красоты Софьи, или, можетъ быть, не понравилось дружеское вниманіе къ ней Раздумна, — только ее перестали брать на прогулки, и вскорѣ объявили ей, что она освобождается отъ присутствія въ гостиной, и можетъ только выходить къ обѣду. Софья обрадовалась такому приговору и сдѣлалась почти невидимкою, даже для Раздумна, который ежедневно бывалъ у Кривской. Онъ нѣсколько разъ изъявлялъ свое желаніе видѣть чаще молодую отшельницу, но Ввра Егоровна такъ краснорѣчиво описывала ему блаженство Софьи въ уединеніи, съ книгами, цвѣтами и румодвѣшемъ, что убѣдила его *не мѣшать ей отдыхать отъ своихъ несчастій*, и Раздумнѣ завѣдла исключительно покровительницею, которая такъ и водила его за собою, хотя все еще не достигала желанной цѣли, то-есть, того, *чтобы онъ предложилъ ей свою руку*. Раздумну было ужъ за тридцать, стало быть, тотъ возрастъ, когда мужчине всего труднѣе рѣшиться на женитьбу: тогда требованія его становятся слишкомъ строги; жена его должна вывѣщать

въ себѣ все совершенство, а главное обожать его безъ видовъ, безъ расчетовъ, безъ ревности, безъ капризовъ. Онъ непременно хотеть безошибочно въ этомъ увѣриться, забывая то, что не узнать ему и годами свойство женщины, когда она почему-нибудь захочетъ казаться не тою, какой она есть въ самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, Раздуминъ казался такъ очарованнымъ милою вдовою, что, вѣроятно, рѣшился бы давно ей сдѣлать предложеніе, еслибъ не вертѣлся у него въ головѣ послѣдній разговоръ его съ Леонидовымъ, который какъ нарочно пропалъ съ тѣхъ поръ безъ вѣсти, — и потому онъ не имѣлъ никакой возможности изслѣдовать его отношеній къ Вѣрѣ Егоровнѣ, которая, на бѣду, не смотря на всю свою тонкость, какъ-то всегда неловко отвѣчала, когда рѣчь касалась Владиміра, и оканчивала всегда тѣмъ, что она прочитъ его въ мужья Софью. Между тѣмъ въ душѣ бѣсилась она на нерышительность Раздумина. Она знала, что Владиміръ скоро долженъ явиться въ Петербургъ, а въ ея расчетъ входило: быть уже подъ эгидою мужа, когда онъ возвратится.

Если припомните, читатель, Вѣра Егоровна разсталась съ Леонидовымъ въ деревнѣ, куда она ѣздила единственно для него, и гдѣ обѣщала ему прожить до тѣхъ поръ, пока онъ останется въ ея сосѣдствѣ; но по прочтеніи нѣкоторыхъ писемъ, забытыхъ имъ у ней, она вдругъ перемѣнила это намѣреніе и ускакала въ Петербургъ. Не думайте, однакожь чтобы въ слѣдствіе этого прекратились все отношенія Леонидова къ Вѣрѣ Егоровнѣ. О нѣтъ, она, какъ дальновидная женщина, любила всегда, на всякій случай, имѣть кого-нибудь въ запасъ, и умѣла придать очень ловкій оборотъ своему импровизированному отъѣзду изъ деревни.

Леонидовъ, какъ она и ожидала, примчался туда черезъ нѣсколько дней послѣ ея отъѣзда, и, разумеется, изумился, найдя на томъ мѣстѣ, гдѣ думалъ видѣть очаровательную вдову, довольно неопрятную деревенскую бабу за прялкою. Не добившись ни отъ кого толку, онъ взбѣсился и повернулъ оглобли, клянясь забыть, презрѣть эту бездушную женщину, — но не безъ того, однакожь, чтобы не написать ей длиннаго письма, полнаго упрековъ. Этого-то и выжи-

дала Вѣра Егоровна; она, въ отвѣтъ, отослала ему забытый имъ портфель, упрекая его въ свою очередь въ нескромномъ довѣрїи къ Раздумину насчетъ сердечной связи ихъ, сознаваясь, впрочемъ, что поступила нехорошо, прочитавъ его переписку.

«Но дѣло было сдѣлано, писала она; — въ первую минуту я не могла совладѣть съ своею досадою, и тогда часть уѣхала въ Петербургъ, думая, что никогда не захочу болѣе тебя видѣть; теперь равнодушнѣе смотрю на твой поступокъ и ограничиваю твое наказаніе слѣдующимъ: ты не будешь писать ко мнѣ до своего возвращенія въ Петербургъ; по возвращеніи, не иначе явиться ко мнѣ, какъ испросивъ предварительно моего позволенія, а свадьба наша отлагается на годъ, потому что ты еще слишкомъ втѣренъ. Если ты принимаешь эти условія, мы уже примирились. Но не иначе; клянусь тебѣ самимъ тобою.»

Владиміръ, по полученіи этого отвѣта, не имѣлъ уже права обвинять ее, и обратилъ всю свою досаду на самого себя. Покорившись налагаемому на него наказанію, онъ всѣми силами ума и воли торопился окончаніемъ дѣлъ своихъ въ деревнѣ; но Вѣра Егоровна очень хорошо знала, что они были такого рода, что не могли быть скоро приведены къ концу, и разочла очень вѣрно, что ей достаточно будетъ времени на то, чтобы женить на себѣ Раздумина, а въ случаѣ неудачи, благовидно возвратиться къ прежнему своему узнику. Не разочла она только того, что Леонидовъ, не находясь уже подъ безпрестаннымъ вліяніемъ ея взглядовъ, ласкъ, милыхъ капризовъ и прочихъ уловокъ, имѣлъ время вспомнить иногда и о той, которая любила его просто и безпредѣльно. Въ тиши деревенской жизни, милый, кроткій образъ Софьи удобнѣе представлялся воображенію молодаго человѣка, чѣмъ блестящая, живая, смѣлая Вѣра Егоровна, къ которой вовсе не шла обстановка его прадѣдовскаго жилища, равно какъ и тихая бесѣда его хворой матери. Сколько разъ, прохаживаясь съ нею по длинной липовой аллеѣ ихъ вѣковаго сада, онъ думалъ про себя: какъ хорошо было бы, еслибъ Софья шла по другую ея сторону; онъ помнилъ, съ какимъ терпѣніемъ,

съ какою любовью она ухаживала за своей больной теткой, какъ всегда была ровна, спокойна, весела даже, не смотря на скучную и однообразную жизнь свою, и умѣла всегда сказать ему что-нибудь такое милое, утѣшительное, что онъ на цѣлый день бывалъ счастливъ. И глубокий вздохъ следовалъ за этимъ воспоминаніемъ.—Она, вѣрно, теперь ненавидитъ меня, говорилъ онъ, но могъ ли я идти противъ воли моей матери?

Но совѣсть твердила, что гораздо меньше его мать, чѣмъ *Вѣра Егоровна*, была причиною этого разрыва. И чувство, похожее на злобу, иногда возставало въ душѣ его противъ этой женщины, такъ недавно казавшейся ему совершенствомъ, безъ котораго ему и жизнь была не въ жизнь.

Стыдясь, можетъ быть, самого себя, онъ не допускалъ однакожъ сознанія, что ему грустно по Софѣ, а не по ней, и все держалъ въ головѣ, какъ бы скорѣй въ Петербургъ.—Я здѣсь съ ума сойду безъ Вѣры: кто можетъ любить, какъ она! Она для меня не подорожила свѣтомъ, оставила его, подвергала его суду свое доброе имя, только бы быть ближе ко мнѣ. Такъ говорилъ онъ, смотря на преукрашенные черты портрета Кривской.—О! несомнѣнно, она меня любитъ.

А Софья развѣ не любила? шептала ему совѣсть.

Гдѣ-то теперь, бѣдная Софья?

И онъ шелъ бродить по полямъ и лѣсамъ своего владѣнія, возвращаясь домой усталый и грустный.

ГЛАВА XI.

Время легло даже и для затворницы Софьи. Уже болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ живетъ она въ домѣ Кривской, и все не представляется ей случая объясниться съ нею, или съ Раздуминымъ, которому она всегда считала себя обязанною. Предпринять что-нибудь безъ ихъ вѣдома она не рѣшалась; а уловить ихъ вниманіе, становилось дежъ ото дня все невозможнѣе для бѣдной дѣвушки.

Лѣто подходило къ концу, и алчные къ удовольствіямъ петербургскіе жители, страшились пропустить послѣднія ра-

дости сезона. Въ, и, разумеется, въ томъ числѣ Кривская съ неразлучнымъ своимъ Раздумнымъ, не пропускали ни прогулки, ни концерта, ни бала по окрестностямъ города,—и, пускаясь изъ дома съ утра, возвращались обыкновенно гораздо за полночь.

Въ одинъ подобный вечеръ тихій, теплый, но уже порядочно темный, Софья, просидѣвъ цѣлый день одна безвыходно въ своей комнатѣ, гдѣ имѣла довольно времени и на читаться, и на работу, и на думать, почувствовала себя какъ-то особенно утомленною, и вышла сумерками походить по большимъ комнатамъ Вѣры Егоровны,—гдѣ и воздухъ былъ посвѣжѣе, да и предметы поразнообразнѣе.

Расхаживая взадъ и впередъ, она прислушивалась къ стуку пробуждавшихся экипажей, чтобы успѣть ей укрыться въ свою келью, если хозяйка возвратится домой ранѣе обыкновеннаго, потому что Софья была слишкомъ умна и смѣлива, чтобы не видать, что съ нѣкотораго времени ея присутствіе какъ-бы мѣшало Вѣрѣ Егоровнѣ. Но облагодѣтельствованная ею, она не искала настоящей причины этого, и не только словомъ, но и самою мыслью не позволяла себѣ судить о ней. Ужъ много разъ многоглаголивая Анфиса забѣгала къ ней въ комнату, пробуя заводить намеки на частыя посѣщенія Раздумина!... Но Соня, ласковая и въжливая со всеми въ домѣ, во избѣжаніе такого разговора, принуждена была обходиться съ ней довольно сухо, и, разумеется, заслужила тѣмъ совершенное неблаговоленіе этой Ирисы.

—По моей милости попала къ намъ, говорила озлобленная Анфиса; а еще носъ отъ меня воротить! Туда-жь въ барышни лѣзеть!... Низко ей, видишь, разговаривать съ нами!... а что!... въ лохмотьяхъ къ намъ пришла!

Такія пріятныя слова нѣсколько разъ доходили до слуха бѣдной дѣвушки, когда она проходила черезъ дѣвичью къ обѣду; но и виду непріятнаго не показывала никому Софья: она ужъ знала, что подобныя оскорбленія неразлучны съ бѣдностью, и считала недостойнымъ себя выводить изъ того какую-нибудь исторію; только все сильнѣе становилось

ея желаніе сыскать себѣ рабочее мѣсто. — Хотя бѣ въ швей въ магазинѣ, — все лучше, думала она, чѣмъ ѣсть даровой хлѣбъ. Жизнь имѣла слишкомъ мало для нея интереса, чтобы удовлетвореніе ея существенныхъ потребностей могло казаться ей большимъ благомъ; ея душа хотѣла дѣятельности полезной, и едва ли не счастливѣе она себя чувствовала въ совершенной бѣдности, ухаживая за больною своею теткою, которой она была нужна, которая любила ея, чѣмъ въ этомъ изобиліи, гдѣ ея чуждались.

Въ этотъ вечеръ особенно овладѣла ею эта господствующая мысль, и она вдругъ рѣшилась дожидаться возвращенія Вѣры Егоровны, какъ бы поздно это ни было, и кстати или не кстати, но объяснить ей свое неперемѣнное намѣреніе оставить ея домъ, гдѣ она бесполезна, и найдти средство жить единственно трудами рукъ своихъ, къ которымъ она имѣла время привыкнуть.

Уставши ходить по комнатамъ, она сѣла, прижавшись въ уголокъ на диванъ, въ огромной гостиной, совершенно темной, какъ и весь домъ, въ отсутствіе хозяйки. Тутъ, предавшись обычнымъ своимъ воспоминаніямъ о послѣдней бесѣдѣ своей съ теткой, о Напольномъ, можетъ быть, невольно — и о Леонидовѣ, не слыхала она, какъ кто-то подошелъ къ ней по мягкому ковру, и очнулась при восклицаніи: Вѣра! наконецъ я у ногъ твоихъ! И она почувствовала, что обняли ея колѣна и осыпали поцѣлуями ея руки.

Удивленная, испуганная, почти оскорбленная дѣвушка, не въ состояніи была произнести ни одного слова, и только старалась, но напрасно, оттолкнуть отъ себя этого страннаго посѣтителя.

— Вѣры Егоровны нѣтъ дома.... оставьте меня! удалось ей сказать наконецъ.

Въ эту самую минуту вошелъ человекъ съ зажженными свѣчами въ рукахъ, а вслѣдъ за нимъ и сама хозяйка дома съ Раздуминымъ. Софья не слыхала какъ подѣхалъ экипажъ ихъ.

Четыре восклицанія на разные тоны, и еще съ болѣе

различными чувствами, въ одно мгновеніе раздались въ этой большой комнатѣ.

Леонидовъ вскочилъ съ колѣнъ и столъ какъ вкопанный, пораженный неожиданностью встрѣчи съ Софьею и съ Раздуминымъ, возвращающимся такъ поздно съ Вѣрой Егоровной, когда два мѣсяца тому назадъ онъ не былъ даже и знакомъ съ нею.

Софья обѣими руками схватила себя за голову — и убѣжала изъ комнаты.

Раздуминъ почувствовалъ, что дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, и принужденъ былъ сѣсть на ближайшій къ нему стулъ.

Одна Вѣра Егоровна пришла тотчасъ въ себя.

— Прекрасно! сказала она, принявъ строгій видъ, и обращаясь къ Владиміру, — чрезвычайно хорошо!... Я воображаю, что вы въ деревнѣ, и нахожу васъ тайно у себя въ домѣ, у ногъ той дѣвушки, которую я взяла подъ свою защиту, и которую вы ужь разъ такъ недостойно обманули. Признаюсь, я не ожидала отъ васъ такой дерзости, и только уваженіе мое къ вашей матери останавливаетъ меня вѣлѣть людямъ моимъ проводить васъ отсюда. — Вы, или сейчасъ-же должны просить у меня руки Софьи, или навсегда оставить мой домъ. Вы слышали? извольте жь рѣшиться на что-нибудь.

Проговоривъ это, она сѣла рядомъ съ Раздуминымъ.

Леонидовъ, мертвѣе смерти, нѣсколько минутъ не могъ вымолвить ни слова, но выраженіе лица его было такъ страшно, что Кривская невольно прижалась къ Алексѣю Петровичу и нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказала ему:

— Алексі! послѣ сегодняшняго разговора нашего, мы составляемъ одно съ тобою, и ты вправѣ требовать, чтобы г. Леонидовъ сейчасъ же оставилъ нашъ домъ. — Я помолвлена съ Алексѣемъ Петровичемъ, продолжала она, обращаясь къ Леонидову, и потому вы понимаете, что онъ здѣсь имѣетъ такія-же права какъ и я.

— Мои права здѣсь старѣе его правъ, сударыня, отвѣчалъ Владиміръ съ презрительною и горькою усмѣшкою.

Вы, я думаю, не имели еще времени этого забыть!... и я имью противъ него то преимущество, что для васъ.... я разбилъ сердце доброй, достойной дѣвушки, которую любилъ истинно, и которую по многимъ причинамъ никакъ не ожидалъ найти у васъ въ домъ. Вы очень хорошо знаете, что я пришелъ сюда единственно для васъ. Вы взяли трудъ окружить меня такими чарами, вы такъ убѣрили меня въ своей неодолимой, вѣчной любви ко мнѣ, вы такъ мастерски завладѣли моею волею, что, не смотря на вашъ странный поступокъ со мною въ деревнѣ, я не могъ вдругъ потерять къ вамъ все довѣріе, и вѣрный своему слову, явился за тѣмъ, чтобы получить вашу руку, торжественно мнѣ обещанную. Я побѣдилъ всѣ препятствія, склонилъ мать мою, которой не нравился неравный бракъ этотъ. Но видя васъ невѣстою другаго, мнѣ остается только пожелать вамъ обоимъ счастья. Рука Софьи несомнѣнно вознаградила бы мнѣ вполне такую потерю, но и она даже потеряла бы въ глазахъ моихъ всю цѣну, еслибъ я получилъ ее — отъ васъ, сударыня! — Прощайте, Алексѣй Петровичъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ безмолвствующему Раздумину. Вашъ поступокъ со мною слишкомъ будетъ наказанъ союзомъ вашимъ съ этою женщиною. Мнѣ остается только сожалѣть о васъ.

Сказавъ это, Леонидовъ поклонился и ушелъ.

Лицо Кривской порядочно подергивало въ продолженіе этой рѣчи; и краснѣла и блѣднѣла она, вызывая взглядами Раздумина на защиту свою, но привычная, можетъ быть, къ подобнымъ сценамъ, она оправилась прежде, чѣмъ Владиміръ успѣлъ дойти до двери.

— Былъ, и вѣчно останется безсмысленнымъ ребенкомъ, сказала она вслѣдъ ему очень спокойнымъ и почти шутливымъ тономъ, — и всего лучше то, что мы навсегда избавились отъ него. — Но что же ты такъ задумался, мой милый Алексѣй? неужели-жъ тебя могли оскорбить слова этого глупаго мальчика? Полно, пожалуйста, придвинься еще ко мнѣ, поцѣлуй свою Вѣру, и вѣрь только тому, въ чемъ она тебя убѣряетъ, то-есть: въ вѣчной, домогильной любви

своей. Что, ты не хочешь меня приласкать? не стыдно ли тебе, что за ребячество, Алексѣй? ну, дай же мнѣ хоть руку.

Но вместо отвѣта Алексѣй Петровичъ всталъ съ мѣста.

— О! о! какъ поздно, сказалъ онъ, взглянувъ на часы, — мы нынче пропасть ходили; я очень усталъ; пора домой. Спокойной ночи.

— Въ которомъ часу мнѣ завтра ожидать тебя? спросила Вѣра Егоровна почти оробѣвъ.

— Какъ обыкновенно, отвѣчалъ онъ на ходу.

— Такъ до завтра, мой милый, сказала она, сжимая крѣпко его руку.

— До завтра, отвѣчалъ онъ, не останавливаясь.

Оставшись одна, Вѣра Егоровна почувствовала такую грусть, какой, кажется, еще никогда не испытывала; напрасно старалась она себя увѣрить, что этотъ капризъ Раадумина, (такъ называла она переѣму его обращенія съ нею), пройдетъ при первомъ ихъ свиданіи, но совсѣмъ тѣмъ никакъ не могла успокоиться до тѣхъ поръ, покуда не написала ему этихъ строкъ:

« Ты, вѣрно, спокойно отдыхаешь въ эту минуту, мой « безцѣнный другъ, и не воображаешь, что твоя безумная « Вѣра не можетъ глазъ сомкнуть, задыхаясь отъ горя: что « ты не ласково простился съ нею сегодня вечеромъ! Не « правда ли, глупо любить такъ какъ я? но эти, по вашему, « мелочные расчеты чувствъ останутся вѣчно непонятны « вамъ, мужчинамъ. Впрочемъ, не думай, милый, чтобы я усомнилась въ твоей привязанности или доверіи ко мнѣ? О, « нѣтъ, мы для этого слишкомъ понимаемъ другъ друга, мы « слишкомъ знаемъ, что намъ ужъ разлюбить нельзя; но мнѣ « только больно, что ты огорчился глупостями этого Леони- « дова, тѣмъ болѣе, что, можетъ быть, я и сама въ томъ не- « сколько виновата: зачѣмъ мнѣ было скрывать отъ тебя всѣ « его дурачества, но я берегла единственно тебя, мой другъ. « я боялась твоей вспыльчивости, боялась исторіи между нами. « Прости-же мнѣ это малодушіе, милый Алексѣй. Завтра я « расскажу тебѣ всѣ подробности этого смѣшного романа, и « клянусь во всю жизнь мою не скрывать отъ тебя ни одной

«своей мысли. Я слишком изстрадалась, видя, что ты недо-
«воленъ мною, хотя и знаю, что намѣренія мои были чисты.
«Пусть послужитъ мнѣ это добрымъ урокомъ.

«Написавъ тебѣ, я ужь чувствую себя спокойнѣе; теперь,
«можетъ быть, усну, какъ всегда, съ мыслью о тебѣ.

«Прости, до свиданія, мой другъ, мой добрый, милый,
«единственный другъ на свѣтъ. О еслибъ поскорѣй про-
«мчалась эта несносная ночь. Завтра, я увѣрена, ты самъ оправ-
«даешь да еще и пожалеешь, что огорчилъ твою бѣдную
«Вѣру».

Запечатавъ это письмо, она позвала Анфису и приказала ей рано утромъ доставить лично это письмо Раздумину. Потомъ легла и уснула съ полной увѣренностью, что получить самый благоприятный отвѣтъ, безъ котораго Анфисъ не вѣжливо было и возвращаться.

Услужливая горничная съ великою радостью приняла это порученіе, и легла спать очень поздно, приготовляя себѣ туалетъ для утренняго посѣщенія Агафона, черезъ котораго надѣялась быть представленной барину его, не смотря на раннюю пору.

На слѣдующее утро, Вѣра Егоровна проснулась вѣрно часомъ ранѣе противъ своего обыкновенія, и какъ скоро позвонила, Анфиса тотчасъ предстала передъ нею съ письмомъ въ рукѣ.

— Какъ! ужь успѣла воротиться? спросила ее барыня, протягивая руку къ письму.

— Мы на подорогѣ повстрѣчались съ Агафономъ Стегненичемъ, сударыня, отвѣчала горничная; онъ несъ къ вамъ письмо отъ своего барина, мы и помянулись.

— А! видно сердце сердцу вѣсточку подало, улыбаясь и распечатывая письмо, сказала Вѣра Егоровна. Но скоро Анфиса замѣтила страшную перемену въ лицѣ своей барыни.

«Я никогда не считалъ игрушками любовь и супру-
«жество, — писалъ Раздуминъ, — и потому, признаюсь, что сильно
«разстроены, но не основывайте на этомъ надежды удержать
«меня въ сѣтяхъ вашихъ. Нѣтъ, сударыня, увѣрьтесь совер-
«шенно, что все безвозвратно между нами кончено.

«Вчера, прямо отъ васъ я отправился къ моему родственнику Леонидову, мы объяснились и поняли взаимно, что «разыгрывали оба самыя забавныя роли въ глазахъ вашихъ. «Я еще болѣе его долженъ стыдиться, потому что гораздо «его старше.

«Вы столько умны и предусмотрительны, Вѣра Егоровна, «что, безъ сомнѣннй, поспѣшите взять назадъ ваше слово, которымъ вы меня удостили, тѣмъ болѣе, что я, не желая «быть предметомъ насмѣшекъ моихъ знакомыхъ, принялъ «намѣреніе опять поступить на службу, и надѣюсь черезъ «нѣсколько дней быть уже на дорогѣ въ Тифлисъ».

Вѣра Егоровна побагровѣла съ досады, хотѣла что-то сказать, вѣроятно злую насмѣшку, потому что вдругъ захотала, потомъ зарыдала, —однимъ словомъ съ ней сдѣлалась страшная истерика, и настоящая на этотъ разъ.

— Что это вы себя такъ беспокоите, сударыня, говорила Анфиса, оттирая свою барыню. Мнѣ сказывали-съ Алексѣй Петровичъ хотятъ ѣхать на Кавказъ; ну что жъ такое, сударыня, не убиваться же вамъ по нихъ. Господь съ нимъ, туда ему и дорога, что за невидаль Раздуминъ, — мало-ль такихъ; еще кабы богатъ былъ, такъ, конечно, можно бъ пожалеть, что злые люди сдѣлали между вами раздоръ, а то что въ нсѣ! И изъ себя совсѣмъ не мужчина, да и деньгами то и дѣло перебивается. Агафонъ Стегнецъ и ѣхать съ нимъ не хочетъ такую даль; онъ вольный; говоритъ, какая прибыль служить у небогатаго: жалованье-то только, — пусть, моль, ищетъ себя другаго. Да такой ли у васъ будетъ еще женихъ, сударыня; намъ подавай богатѣе, а то изъ чего-жъ и волошку свою тратить! Право, сударыня, будьте спокойны, найдемъ не въ примѣръ лучше.

Эти вздорныя слова, казалось, въ самомъ дѣлѣ нѣсколько поуспокомили разбиженную вдову.

— Оно такъ, Анфиса, отвѣчала она, — найдемъ, можетъ быть, гораздо лучше его, да насмѣшекъ-то не оберешься; все придется пожить въ деревнѣ, покуда уймутся добрые люди толковать объ этомъ; дѣлать больше нечего, мы на этой же недѣлѣ уведемъ.

— И! да что это вы, матушка Вѣра Егоровна, на осень да въ деревню? да что мы тамъ будемъ дѣлать съ вами? И дожу-то нѣтъ, и сосѣди-то все старики; съ кѣмъ вамъ будетъ заниматься отъ скуки?... А куда денемъ гардеробъ-то вашъ? вѣдь шкапы ломаются! — Не носимши все выдѣтъ изо вкуса, — жалость! Сами извольте подумать, какая жалость!

— Ну, ужь чтобъ тамъ ни было, а я побѣду непременно, можетъ и цѣлый годъ проживу. — Надоѣло мнѣ здѣсь. Ты ужь такъ и будь къ этому готова, Анфиса, — слышишь? всѣмъ распорядись къ отъезду, и чтобъ меня никто и ни чѣмъ не беспокоилъ. Да скажи, чтобъ никого не принимали. Для всѣхъ одинъ отвѣтъ: на дачу уехала. Ступай.

— Какъ бы не такъ! ворчала сквозь зубы Анфиса, усаживаясь за самоваръ, — такъ и побѣхала я съ тобой въ эту берлогу!... Вотъ завтра же слягу больна, и все тутъ.... Ахъ ты пропасть, — продолжала она свое самобесѣдованіе, — изъ ума вонъ, что есть еще записка отъ Раздумина къ нашей важной барышнѣ; — навязалъ намъ ее на шею, да, видно, теперь не знаетъ самъ, какъ быть съ нею? — Известно, что держать теперь не станемъ, для него взяли эту абужу. Просили отдать прямо въ руки; пойдти отдать, авось приметъ помилованіе? продолжала она съ насмѣшкою. А то куда тебѣ! и приступу нѣтъ.

И допивъ еще послѣднюю чашку чаю, она достала письмо изъ кармана и пошла съ нимъ въ комнату Софьи. Постель ея была оправлена, все на своемъ мѣстѣ, а ея нѣтъ.

— Куда бъ она такую ранъ? подумала Анфиса; — развѣ пошла хныкать на кладбище по своей слѣпой? Вѣдь опричь никуда не ходитъ, словно монахиня какая. Да и то сказала бы, чай. Что за диковинка?

И съ любопытствомъ и подозрѣніемъ, такъ свойственнымъ ея званію, она начала осматривать во всѣхъ подробностяхъ комнату Софьи. — Все оказалось на своихъ мѣстахъ, даже то платье, въ которомъ она была вчера, висѣло вмѣстѣ съ прочими въ ея шкапу.

— Во что жъ она одѣлась-то? говорила съ удивленіемъ

Анфиса: — я ея платья всѣ знаю! Вотъ всѣ до одинаго тутъ. Что за диковина!

Наконецъ послѣ всего она увидѣла на письменномъ столѣ запечатанную записку, и, схвативъ ее съ жадностью, понесла на освидѣтельствованіе грамотному Спиридону. Записка оказалась на имя ихъ барыни. Осторожная Анфиса вырвала ее изъ рукъ чтеца, готовившагося по складамъ раззобратъ это посланіе.

— Ну ее! сказала она: — барыня и такъ и рветъ и мечетъ, а я понесу ей еще такія глупости! Чай жалуется на кого-нибудь въ домъ... вотъ ей и конецъ. И Анфиса въ мелкіе куски изорвала записку Софьи. — Мнѣ не отдавали, почему я знаю куда дѣвалась, коли дѣло дойдемъ до чего, — продолжала она. — Да и ты, Спиридонъ Елисеичъ, ничего не видалъ и не знаешь.

— Понимаемъ-съ, Анфиса Герасимовна, будьте спокойны, отвѣчалъ Спиридонъ. И они разошлись въ разные стороны.

ГЛАВА XII.

— О! я люблю, я все еще люблю его! говорила себѣ Софья, прибѣжавъ въ свою комнату послѣ своего сценическаго свиданія съ Леонидовымъ, — и, бросившись на постель лицомъ въ подушку, дала волю слезамъ своимъ. А онъ! онъ принялъ меня за другую: этотъ восторгъ, эти ласки, все это было не для меня! Что жъ мнѣ теперь дѣлать съ собою? Вѣдь я думала, что разлюбила его! Я не останусь здѣсь! Я не могу осудить себя на мученье видѣть его подлѣ этой женщины! О! теперь не удивляюсь больше, что я не могла приучить къ ней моего сердца! Она, она отняла у меня Владимира, пусть же мое горе падетъ на ея совѣсть; но нѣтъ, пусть проститъ ей Богъ! она дала мнѣ пристанище. И за чѣмъ винить ее? Она ли, другая ли — не все ли мнѣ равно. — Несчастье мое въ томъ, что полюбила я человека безъ сердца, — иначе, онъ оцѣнилъ бы мою привязанность и не промѣнялъ бы меня ни на кого.

Долго пролежала бѣдная дѣвушка, не раздѣваясь, не

мѣняя положенія, то въ безутѣшныхъ слезахъ, то въ мучительномъ раздумьи о томъ, какъ бы избѣгнуть ей новой встрѣчи съ Леонидовымъ.

— Онъ, вѣрно, будетъ здѣсь завтра, говорила она, — будетъ всякій день:—я должна выходить къ обѣду, видѣть какъ онъ любитъ другую! Эта пытка свыше силъ моихъ! Но къ кому жь прибѣгнуть. у кого просить совѣта? кому сказать что у меня на сердцѣ? Уйти? куда же? съ чѣмъ же? у меня нѣтъ ничего, все чужое, и я одна въ мѣрѣ.

Отчаяніе начало подавать ей страшные совѣты. Софья съ ужасомъ вскочила съ своего мѣста и кинулась на колѣни, безъ молитвы на устахъ, но съ покорностію въ сердцѣ, передъ образомъ, которымъ нѣкогда тетка ея благословила ихъ вмѣстѣ съ Владиміромъ.

Заря занялась, и какъ бы желая утѣшить бѣдную сироту, сдѣлала ей видимымъ святой ликъ, предъ которымъ она низливала печаль свою, и который до той минуты видѣла только мысленными очами. Лучъ несомнѣнной надежды на всеильный покровъ Божій проникъ въ измученную ея душу, — она поднялась съ колѣнъ успокоенная.

Она рѣшилась оставить домъ Кривской.

Переодѣвшись въ свое прежнее полуизношенное платье, Соня принялась приводить въ порядокъ все подаренное ей Вѣрою Егоровной; потомъ собрала въ небольшой узелокъ нѣсколько собственнаго бѣлья своего и сѣла писать слѣдующія строки:

«Вы призрѣли меня безпріютную; я тогда нашла у васъ «отраду въ сиротствѣ моемъ. И я прошу Бога, чтобы Онъ не «далъ мнѣ забыть благодѣянія вашего. Благодарю также «Алексѣя Петровича; не забуду никогда его участія ко мнѣ. «Я буду молиться о его счастьи до послѣдней минуты моей «жизни. Прошу обоихъ васъ не беспокоиться обо мнѣ, я имѣю «надежнаго покровителя.»

Запечатавъ эту записку, она оставила ее на письменномъ столѣ въ своей комнатѣ, взяла свой образъ, который скрыла подъ косынку, взяла въ руки приготовленный узелокъ, перекрестилась, и вышла изъ дому черною лѣстницею, замѣ-

ченая однимъ только дворникомъ, который, правда, посмотрѣлъ на нее нѣсколько подозрительно, но пропустилъ безъ распросовъ; едва ли даже и зналъ онъ ее въ лицо, да и тогда бы не узналъ ее въ такомъ бѣдномъ одѣяніи.

Намѣреніе Софьи было отправиться прямо къ хозяйкѣ той квартиры, гдѣ жила она съ своею теткою: другихъ знакомыхъ у ней не было.

— Она знаетъ меня, думала Соня, и навѣрное не откажетъ мнѣ въ пристанищѣ, на нѣсколько дней только, покуда найду себѣ мѣсто; она даже поможетъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Я въ самую пору приду къ ней, покуда она еще не уйдетъ на рынокъ. И бѣдная дѣвушка, стараясь ободрять себя, шла робко, озираясь во всѣ стороны, по длиннымъ и еще пустымъ въ это время улицамъ многолюднаго Петербурга; а путь предстоялъ ей не малый: съ Литейной къ Екатериненгофскому проспекту. — Свѣжій утренній воздухъ благотворно подѣйствовалъ на нее; робость ея мало-по-малу разсѣялась, безсонной ночи какъ небывало, и что-то похожее на предчувствіе чего-нибудь радостнаго начало отрадно волновать молодую грудь ея.

О, молодость — птица быстрая! — еслибъ и возможно было челоѣку прожить вѣкъ свой безъ утраты милыхъ сердцу, безъ всѣхъ тѣхъ тяжкихъ испытаній, которыя каждому пали на долю, и тогда бы оставалась всегда на душѣ его грусть безутышная — по тебѣ, быстролетная молодость! Если и у тебя бываетъ свое горе, которое впоследствии кажется смѣшнымъ, за то сколько же хотя и безотчетныхъ, но прекрасныхъ надеждъ! Ты все ждешь какихъ-то радостей отъ жизни. Каждый день для тебя канунъ свѣтлаго праздника. Самыя слезы твои освѣжаютъ тебя, какъ освѣжаетъ роса небесная пышный цвѣтокъ, и не обсохнутъ еще слѣды этихъ слезъ, какъ улыбка заиграетъ уже на розовыхъ устахъ твоихъ, потому, что ты встрѣтила привѣтливый взглядъ, ты услышала ласковое слово, ты повѣрила, что тебя будутъ любить вѣчно... и мало ли чему ты повѣрила! Нѣтъ, ни одинъ челоѣкъ не вправе сказать: что онъ не зналъ счастья въ

жизни: онъ былъ молодъ, — а больше этого счастья, не являлъ никто на свѣтъ.

Бодро и почти весело совершила Соня длинный путь свой. Ужь начали встрѣчаться ей хозяйки и кухарки съ клеенчатыми мѣшками на ружь, и она ускоряла свои шаги, чтобъ успѣть захватить дома свою единственную надежду. Не переводя духу вбѣжала Софья на знакомую ей лѣстницу, но вдругъ тяжкое воспоминаніе стѣснило ей грудь... она остановилась и плакала. Въ это время вышла ея знакомая со всѣми атрибутами хозяйки и нѣмки.

— Ахъ, мой Богъ! сказала она, васъ я вижу мамзель Софи? Какимъ манеръ мой опять васъ здѣсь увидалъ?...

— Я пришла просить васъ дать мнѣ пристанище на нѣсколько дней, добрая мадамъ Крохъ. Бога ради. не откажите мнѣ въ этой милости! отвѣчала со слезами дѣвушка.

— Мой очень удивляетъ, мамзель, что вашъ пришелъ сюда? я не имѣю свободна комнату, и думаетъ, что вамъ лучше бывать у той господинъ, который васъ увозилъ на свой квартиръ, когда кончалъ вашъ тетенька. Мой реверансъ, мамзель; мой нада спѣшить на рынка.

И старая нѣмка тяжелымъ шагомъ спустилась съ длинной лѣстницы, прежде чѣмъ Соня, какъ громомъ пораженная, могла придти въ себя.

— Боже мой! говорило себѣ невинное дитя: — вѣрно она думаетъ, что я не ужилась съ чужими, не умѣла угодить имъ, и потому не хочетъ меня принять къ себѣ; я побѣгу, догоню ее; она сжалится надо мной.

И Софья, поднявъ свой узелокъ, выпавшій изъ рукъ ея, пустилась почти бѣгомъ съ лѣстницы. Въ снѣгахъ ее невольно остановилъ звукъ какъ будто знакомаго ей голоса, слышнаго на улицѣ.

— Ты говоришь пустое, братецъ мой, говорилъ этотъ голосъ: я вѣрно знаю, что она квартируетъ здѣсь.

— Воля ваша, сударь, такой фамиліи нѣтъ у насъ въ домѣ, отвѣчалъ другой. Развѣ до меня была, я здѣсь всего третья недѣля; вотъ извольте пройти къ управляющему, — вотъ

здѣсь подѣ воротыhalb, первое крыльцо. Они по книгѣ справятся; имъ надо знать куда съѣхали, коли жила здѣсь.

— Ну, хорошо, пойду; постой, братъ, у лошади.

Соня, не слыша болѣе ничего, въ раздумьѣ вышла на улицу. У подъѣзда стоялъ въ одну лошадь кабріолетъ самаго страннаго фасона; въ немъ лежалъ чемоданчикъ, да изъ рогожнаго кулька выглядывалъ самоваръ. Дворникъ стоялъ подлѣ лошади. Софья показалось что-то знакомое въ этомъ экипажѣ, но гдѣ, и когда она видѣла нѣчто подобное, она не могла припомнить. Въ Петербургѣ такое разнообразіе старыхъ и новыхъ фасонѣ, начиная отъ костюмовъ и до экипажей, что очень трудно замѣтить исключительно что-нибудь; къ тому же бѣдной дѣвушкѣ было не до наблюдений: ей такъ хотѣлось догнать свою нѣмку, что о другомъ раздумываться было некогда, и еслибъ не совѣстно, она побѣжала бы по улицѣ.

Ужъ перешла она Сидовую и вступила на Сѣнную площадь, посматривая во всѣ сторѣны, чтобы въ густой толпѣ покупающихъ узнать свою бывшую хозяйку, какъ нѣсколько разъ повторенное ея имя заставило ее остановиться и оглянуться назадъ. Въ немногихъ шагахъ отъ нея ѣхалъ тотъ самый кабріолетъ. Сидѣвшій въ немъ человекъ въ военной фуражкѣ и съ краснымъ воротникомъ, бросивъ вожжи, выпрыгнулъ на мостовую съ легкостью молоденькаго мальчика. Софья узнала стараго друга своего Напольнаго, вскрикнула и бросилась къ нему на шею. Нѣсколько минутъ ни она, ни почтенный Напольный не могли сказать ни слова, только оба плакали. Проходящіе начали уже пріостанавливаться около этой группы: плачущаго старика и плачущей дѣвушки, и скоро собралась кругомъ ихъ толпа народа, всегда готоваго посмотреть на какое бы то ни было зрѣлище.

— Знать дочку, аль внучку свою узналъ, сказалъ одинъ старичекъ почтенной наружности, отирая ладонью невольную слезу.

— А можетъ статья и не радъ, что узналъ, проговорила въ отвѣтъ на это замѣчаніе какая-то женщина: вишь, дѣдушка, какая на ней одеженка-то!

*

— Да, вовсе илдохенькая, подхватила другая баба; — да и сама то-въ чемъ душа, а онъ, видно, изъ хорошихъ людей; чиновникъ знать: воротникъ красный и на своей лошади.

— Изъ военныхъ отставной, сказалъ красивый гвардейскій солдатъ—и должно быть, на Француза ходилъ въ двѣнадцатомъ году: форма двухъ-бортная, медаль такая и Георгій въ теплицѣ. И онъ вытянулся во фронтъ, хотя Напольный и не могъ его видѣть. — Въ ту пору, продолжалъ онъ, рѣдкій въ нашей арміи не заслужилъ отличія: такъ слышали отъ старшихъ. И гвардеецъ тотчасъ принялъ подъ свой при-смотръ экипажъ Напольнаго. Взглянувъ на усталую клячу его, печально повѣсившую голову, нельзя было предполагать, чтобы ей вздумалось разыграться; она стояла какъ вкопанная въ полномъ смыслѣ этого слова, но въ числѣ зрителей могли быть и такіе, которые остановились не изъ одного *нустаго* любопытства; русскій солдатъ разомъ это смѣтилъ, и почелъ своею прямою обязанностию послужить георгіевскому кавалеру.

Наконецъ Напольный очнулся отъ своего восторга, и съ тѣмъ вмѣстѣ и горя, потому что онъ узналъ отъ управляющаго домою о смерти Клавдіи Петровны и о переѣзѣ жилища Софьи,—и туда-то и отправлялся онъ, когда увидѣлъ ее на Сѣнной площади.

— Садитесь въ мою одноколку, Софья Алексѣвна, сказалъ онъ, почтительно взявъ ее подъ руку,—и прикажите мнѣ доставить васъ на вашу квартиру.

— У меня нѣтъ квартиры, отвѣчала Соня, улыбнувшись сквозь слезы.

— Какъ?... гдѣ жъ вы живете, моя безцѣнная?

— Нигдѣ съ сегодняшняго утра, мой добрый другъ; я вамъ все расскажу.

Напольнаго покорило: онъ замѣтилъ скудное одѣяніе своей ненаглядной Софии.

— О! охъ, началъ было онъ.... но сядемте скорѣй: всего прежде слѣдуетъ намъ пріютиться куда-нибудь. И съ помощію гвардейскаго солдата, онъ посадилъ Софью въ высокую свою одноколку и помѣстился подлѣ нея, принявъ

вожжи изъ рукъ служиваго. Замѣтивъ его усердіе, Напольный досталъ кошелекъ.

— Не извольте беспокоиться, ваше благородіе, сказали солдаты: мы всѣмъ довольны отъ своего начальства. И сдѣлавъ налѣво кругомъ, пошелъ своею дорогою.

— Спасибо, товарищъ, за услугу, да за твое правдивое слово, закричалъ ему вслѣдъ старый воинъ, приподнявъ свою фуражку.

Иванъ Николаичъ Напольный слишкомъ тридцать лѣтъ не былъ въ Петербургъ, и находился въ большомъ затрудненіи: куда-бъ удобнѣе пристать ему съ молодою дѣвицею? Онъ такъ боялся подвергнуть ее какому-нибудь безпокойству, что не удовольствовался разспросить одного кого-нибудь, но останавливалъ своего коня почти передъ каждымъ лицомъ, которое казалось ему попочтеннѣе, и засыпалъ его вопросами.

— Да у насъ, батюшка, отвѣчалъ ему одинъ съдовласый купецъ, — нынѣ, слава Богу, вездѣ чинность и порядки. Въ любой гостинницѣ извольте пристать, — все получите въ свое удовольствіе и никакого безпокойства себя не увидите. И онъ указалъ ему ближайшую гостинницу. Напольный тотчасъ отправился по его указанію, спросилъ тамъ номеръ на улицу, въ третьемъ этажѣ, для Софьи, а другой, въ четвертомъ, окнами на дворъ, для себя; поручилъ свой экипажъ и своего коня попеченіямъ дворника; поручилъ содержателю гостинницы немедленно отыскать надежную женщину для услугъ Софьи; самъ осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ самая заботливая мать, приготовленную ей комнату; требовалъ то, другое, все самое чистое, самое лучшее, и не успокоился до тѣхъ поръ, покуда не привелъ въ надлежащій порядокъ ея новаго жилища. Напрасно Соня упрасивала его отложить всѣ прихоти, — въ этомъ случаѣ онъ оказался непокорнымъ ей.

Наконецъ, устроивъ все, потребовалъ самоваръ, и началась у нихъ задушевная бесѣда.

Софья, растроганная до глубины души такою заботливостію, со слезами благодарности и грусти рассказала ему все случившееся съ нею со времени разлуки ихъ. Тяжело

было Наполеому слушать рассказ о послѣднихъ дняхъ Клавдіи Петровны, помнившей его до послѣдней минуты; но отрадно стало на душѣ у него, когда Соня объяснила и настоящую причину своего побѣга изъ дому Вѣры Егоровны Кривской. Она заключила свою рѣчь просьбою: простить ей проступокъ ея противъ него, въ которомъ она вѣчно будетъ упрекать себя, и за которъй довольно была наказана.

— Видить Богъ сердился ли я когда-нибудь на васъ, моя безподобная! отвѣчалъ старикъ, отирая слезы синимъ бумажнымъ платкомъ своимъ: мигъ только стало такъ грустно, что видѣть никого не захотѣлось, когда я узналъ, что мои сердечные друзья улѣтели въ такую даль, и *прости* не сказали своему старику, дураку.

И при этомъ воспоминаніи задрожалъ голосъ Наполеяго.

— Вотъ, я и забрался въ свою деревушку, — продолжалъ онъ по минутномъ молчаніи, — и что грѣха таить, чуть-чуть тамъ совсѣмъ не рехнулся съ тоски да печали!... За то ужъ и обрадовался же, какъ получилъ вашу безцѣнную грамотку, моя хорошая, моя милая барышня! Вы этимъ за все меня вознаградили съ проторями и убытками. Вотъ она, продолжалъ старикъ, указывая на грудь свою: — тутъ, тутъ, на крестъ, никогда не разстанусь съ нею! Могу ли когда-нибудь забыть такое ваше благодѣяніе? Вѣдь старикъ Наполеяный совсѣмъ было жизнь возненавидѣлъ; за то ужъ какъ же онъ и помолодѣлъ вдругъ! откуда что взялось! Духомъ собрался въ нашъ городъ, — и тамъ-то, что радости надѣлалъ... Не по заслугамъ моимъ, такъ наперерывъ и тащили меня, кто на закуску, кто на обѣдъ, а я, какъ волкъ, такъ въ лѣсъ и гляжу, только бѣ скорый дѣлишки свои справиться, да и тягу дать. Но какъ тамъ ни суетился, а безъ малаго три недѣли пришлось выжить; да ужъ хоть тому радъ, что имѣньишко-то удалось продать въ добрыя руки, — да и деньги получилъ наличными. — А тѣмъ временемъ мой лихой конь поотѣлся, да вотъ и дотащилъ меня къ вамъ, моя неописанная красота; вѣдь съ небольшимъ въ двѣ недѣли сдѣлалъ на немъ слѣшкомъ тысячу верстъ.

— И все это для меня!... сказала Софья, сжимая крѣпко

его руку. — Одинъ Богъ можетъ вамъ заплатить за все это, а я могу только любить, уважать васъ какъ благодѣтеля, какъ отца моего,

— И, что вы! что вы это, моя неподобная барышня! отвѣчалъ ей Напольный, заглушая какимъ-то истерическимъ смѣхомъ избытокъ чувствъ своихъ; — я безъ васъ пропадалъ, какъ червь, — за что жъ вамъ благодарить меня, что я теперь счастливъ какъ герцогъ.

Это было любимое сравненіе Ивана Николаевича, — хоть и неизвѣстно почему онъ считалъ герцоговъ такими счастливыми.... Софья, отвыкшая отъ странныхъ оборотовъ его разговора, засмѣялась.

Старикъ чуть не вспрыгнулъ отъ радости.

— Вотъ, вотъ чего мнѣ только не доставало, — сказалъ онъ, ударяя тихонько въ ладоши въ изъявленіе своего удовольствія: это, чтобъ вы, моя драгоценная перла, развеселились, какъ въ прежнія времена, надъ своимъ старымъ потышнымъ Иваномъ, Николаевымъ сыномъ, Напольнымъ, — и этого добился!... Да кто жъ теперь блаженнѣе меня? И онъ запѣлъ нѣсколько дребежжающимъ, но звонкимъ теноромъ:

Ты не плачь, не тужи душа-дѣвица!
 Веселись, рѣзвись, ненаглядная!
 За твое-ль за одно, слово ласковое,
 За улыбку за твою драгоценную
 Я отдамъ тебѣ свой булатный мечъ,
 Приведу тебѣ своего коня:
 То товарищи неразлучные,
 Утѣшители мои неизмѣнные.

Тутъ голосъ пѣвца задрожалъ, — онъ расплакался. А на него глядя, и Соня закрыла бѣленькимъ платочкомъ свои темные, блестящіе глаза.

— Ахъ я скотина!... вскричалъ Напольный... вотъ выдумалъ, хотѣлъ повеселить да въ слезы ввелъ. А о чемъ намъ плакать? Совсе теперь не о чемъ, моя сударыня! — Все-то у насъ будетъ, чего душа пожелаетъ.... У Напольнаго бумажникъ рвется отъ денегъ! Двѣ тысячки серебромъ сколотить! А пенсія-то еще!... Въдъ это лучше герцогства, моя

милая барышня!.. А не будет доставать намъ, — еще и на службу царскую годится старикъ вашъ; мѣсто хорошее пожалуютъ: вѣдь я состою въ комитетѣ раненыхъ. Никакого слѣда нѣтъ намъ съ вами плакать; покуда живъ Напольный, вы его госпожа, а онъ вашъ вѣрный слуга.

— Вы мнѣ другъ, отецъ, благодѣтель, повторяла дѣвушка.

Напольный замахалъ руками, выбѣжалъ изъ комнаты и ушелъ со двора.

Часа черезъ два, онъ возвратился на извозникъ, нагруженномъ картонками, узелками, свертками; онъ привезъ своей милой дочкѣ на нѣсколько платьевъ, мантилью, шляпку, бѣлья, лентъ, перчатокъ, духовъ, помады; словомъ все, что только могъ придумать. И все было хорошо и прилично, потому что разспросамъ и увѣщаніямъ, которые онъ дѣлалъ продавцамъ всѣхъ этихъ товаровъ, не было конца; и все взято съ уговоромъ: если не понравится, такъ назадъ. Не забыто было и лакомство, для потѣхи милого дитяти.

Софья справедливо поняла, что лучшая награда ея великодушному другу будетъ та, когда онъ увидитъ, что обрадовалъ ее своими подарками; и хотя по душѣ она готова бы отъ всего отказаться, жалѣя его расходовъ, но на этотъ разъ она изъявила только удовольствіе, обѣщаясь себѣ, впередъ отклонять его отъ подобныхъ издержекъ.

Къ совершенному удовольствію Ивана Николаевича, она тотчасъ-же принялась, съ помощію своей горничной, кроить и шить себѣ платья.

Совершенно счастливый Напольный, поцѣловавъ у ней ручку и рассчитывая, что ей свободнѣе остаться одной, удалился въ свой номеръ, чтобы тамъ немного отдохнуть, а главное — выкурить трубочку тютюна, который онъ предпочиталъ всевозможнымъ турецкимъ и американскимъ табакамъ.

ГЛАВА XIII.

Ужъ слишкомъ мѣсяць прошелъ съ тѣхъ поръ какъ отдыхала бѣдная сирота Соня подѣ неусыпною заботою своего неизмѣннаго друга. Съ каждымъ днемъ становился онъ все бодрѣе и веселѣе, словно настала для него другая молодость, — онъ во всемъ смыслѣ слова: *блаженствовалъ*. Осуществилась любимая мечта его: онъ, одинъ онъ теперь, сталъ единственнымъ защитникомъ и покровителемъ той, которую отъ самаго младенчества полюбила такъ крѣпко, за сиротство ея, добрая, простая душа его, чуждая всякаго эгоизма.

О! еслибъ всѣ люди захотѣли вникнуть умомъ и сердцемъ въ настоящее назначеніе человѣка на землѣ, которое неоспоримо состоитъ въ томъ, чтобъ любить, и помогать другъ другу, — какъ богата радостными ощущеніями была бы тогда жизнь каждаго изъ насъ!... Не пришлось-бы никому испытывать холодно-вѣжливаго пріема, горечи отказа, приводящаго въ отчаяніе, невниманія къ положенію человѣка, стыдящагося протянуть руку; не разчитывали бы тогда, что благоразумнѣе побережъ *про себя* и просьбы и ходатайства, и никого не останавливала бы въ добромъ дѣлѣ, жалкая, недостойная мысль: *кто жь мнѣ поможетъ, когда и у меня ничего не останется: меня назовутъ дуракомъ, и отвернутся отъ меня.*

Но мнѣніе людей, выгоды состоянія продлятъ-ли хоть на минуту жизнь человѣка, когда настанетъ послѣдній часъ его? и не пожалѣетъ ли онъ о такомъ разчетѣ въ торжественную минуту разлуки своей съ землею?

И такъ Напольный мой былъ изъ числа *глупыхъ по суду свята* и не разчитывалъ много въ даль, только бѣ въ настоящемъ хорошо и привольно было его милому дитяти, только забылось бы ей сколько-нибудь ея тяжкое положеніе въ мѣрѣ, и для этой цѣли не щадилося имъ ничего.

Стараясь предупредить, угадать малѣйшія ея потребности, онъ, забывая свои шестьдесятъ лѣтъ, по нѣсколько разъ въ день иногда отпраплялся то за той, то за другой бездѣлкой пѣшкомъ въ гостинный дворъ, по счастью до-

вольно близкій отъ нихъ, увѣряя Соню, что такая-то вещь ему бросилась въ глаза.

— Показалось дешево, сдурить купить, моя сударыня, говаривалъ онъ, не бросать же... возьмите, на что-нибудь пригодится авось.

Предпочитая самъ самую простую, даже грубую пищу, онъ увѣрялъ ее, что подъ старость становится лакомкою, и что все ему хочется послаще да получше, и сердился, если за столомъ ихъ являлось не *все самое отличное*, какъ между прочимъ обыкновенно водится во всѣхъ гостинницахъ на свѣтъ.

Напрасно Соня, понимавшая всъ его великодушныя хирости, при каждомъ случаѣ говорила ему о привычкѣ своей къ самой строгой умеренности, особливо въ последнее время жизни своей съ теткою. Ничто не помогало; напротивъ, онъ тѣмъ болѣе хотѣлъ вознаградить ее за всъ прежнія лишения, и не смотря на скудныя его средства, бѣдная сирота никогда еще не жила въ такомъ изобиліи.

При малѣйшемъ признакъ ненастья, онъ никакъ не соглашался, чтобы она вышла на прогулку пѣшкомъ, и вообще охотнѣе отпускалъ ее въ крытомъ экипажѣ, не желая, кажется, чтобы и пыль смѣла коснуться ея маленькихъ ножекъ, обутыхъ въ черныя пріонелевыя ботинки; впрочемъ, тутъ у него былъ еще свой другой расчетъ: онъ страшно боялся встрѣчи съ ея прежними знакомыми, воображая, что ее тотчасъ у него отнять! всего же ужаснѣе казалась ему встрѣча съ Леонидовымъ, къ которому, вопреки своего справедливо превосходнаго сердца, онъ питалъ отвращеніе непреодолимое: развѣ не онъ былъ причиною, что Софья оставила мирный уголокъ, гдѣ такъ тихо и ясно текли ея юные дни? развѣ не отъ него забыла было она своего стараго друга?... не отъ него вытерпѣла столько горя, столько лишеній, столько трудовъ... и наконецъ, совсѣмъ осталась безъ пристанища, и со всѣмъ тѣмъ, до сихъ поръ, развѣ можетъ она произнести имя *Владимира* безъ того, чтобы не вспыхнули ея щеки и не затуманились неподобныя глазки?

— Охъ! ужъ эти мнѣ *выскожки съ чертовскими фанта-*

зіями! такъ говаривалъ часто про себя Напольный:—не даромъ не лежало у меня никогда къ нему сердце.... Чуть-чуть было не вогналъ онъ въ землю мою драгоценную Соничку, да и теперь еще держи ушки на макушкѣ, чего добраго.... сохрани Господи встрѣтится!... опять не отстанеть, опять начветъ подпускать турусы на колѣсахъ.... дѣвичье сердце, что мягкій воскъ — огня не подноси. Ужь скажу, что ума палата моя Соничка (въ самобесѣдованіи онъ только и позволялъ себѣ называть ее этимъ милымъ для него именемъ), а что жъ?... поддалась же, полюбила, чуть душевьку свою не сложила изъ-за такого пострѣла.... а что въ немъ? ни красоты, ни осанки, ни ума ни вѣдѣнія, только и есть что *парлѣ фрэнсѣ*, и самъ не знаетъ, что языкъ мелеть, такъ вовсе дрянъ! пустѣйшій мальчишка!

Но какъ тамъ ни *окофуживалъ* онъ его въ собственныхъ глазахъ своихъ, а все прибавался страшно, и это одно, что нѣсколько возмущало его настоящее счастье.

Когда Софья случалось выѣхать безъ него, то Иванъ Николаевичъ прохаживался взадъ и впередъ по тротуару около подъѣзда ихъ дома, въ ожиданіи ея возвращенія, и высаживая ее изъ кареты съ привычною фразою: *пожалуйте мнѣ ла-бра, сударыня*, всматривался ей въ глаза, желая отгадать не потревожило-ли, не взволновало-ли что-нибудь его милую дитю, — но никакъ не позволяя себѣ сдѣлать ей ни одного вопроса, покуда она сама не расскажетъ ему всѣхъ своихъ приключеній и дѣйствій; Софья, понимая очень хорошо его безпокойство, вмѣняла это себѣ въ постоянную обязанность, и безъ крайней необходимости не вытѣжала одна, сберегая какъ расходы, такъ и спокойствіе своего добраго друга.

Прошелъ еще такой же восхитительный мѣсяць для великодушнаго Напольнаго, и въ одно утро онъ не безъ замيرانія сердца замѣтилъ, что бумажникъ его значительно поскисалъ. Призадумался старикъ. Не допилъ и половины своего самоварчика, и выкурилъ сверхъ положенія лишнюю трубочку тютюна, расхаживая по всѣмъ направленіямъ въ крошечной своей комнатѣ. Потомъ облекся въ свою форму и.

утекъ со двора, не безъ того однакожь, чтобъ не вызвать горничной Софьи для разспросовъ о здоровьѣ и благополучіи ея госпожи.

Некому было обращать на то вниманія, а то замѣтили бы, что Иванъ Николаевичъ безпрестанно навѣдывался у корридорнаго о новопріѣзжихъ въ ихъ гостиницу, и когда случалось, что сосѣдніе номера къ Софьѣ занимались мужчинами, то онъ обыкновенно начиналъ жаловаться на дурной воздухъ, или другое неудобство въ своей комнатѣ, отъ котораго онъ не спалъ прошедшую ночь; подъ этимъ предлогомъ приносилъ онъ въ корридоръ свою походную кожаную подушку и ночевалъ на прилавкѣ, а иногда и просто на полу противъ двери Софьиной квартиры, — и этотъ бивуакъ продолжался до тѣхъ поръ, покуда онъ увѣрялся, что поселились въ ея сосѣдствѣ люди добропорядочные, отъ которыхъ нельзя было ожидать ей никакого безпокойства.

Хотя Софья не знала и половины жертвъ, ей безпрестанно приносимыхъ, но достаточно было и видимыхъ, чтобы возбудить въ ней благодарность безпредѣльную. Испытанная горемъ благородная душа ея, усиливалась любить опять жизнь, чтобы не мнимо только вознагражденъ былъ великодушный другъ ея; но послѣдняя встрѣча съ Леонидовымъ, вопреки ея воли, возобновила все прежнее, зарытое ея горе, и она чувствовала, что если и можетъ выносить жизнь для счастья другаго, то для своего собственнаго она отжила безвозвратно. Бѣдная дѣвушка осудила себя на безпрестанное притворство, столько чуждое откровенному ея характеру, и принялась за прежнюю свою методу: не позволять себѣ раздумываться ни о чемъ, чтобъ никогда ни малѣйшій слѣдъ грусти не оставался на лицѣ ея, и не донесъ о ея затаенномъ горѣ тому, который желалъ окружить ее всѣми радостями и жилъ только ея жизнью. Она всегда встрѣчала Наполеона съ такимъ веселымъ лицомъ, такъ любовалась всѣмъ, что онъ непременно хотѣлъ дарить ей, съ такимъ удовольствіемъ сбиралась съ нимъ на прогулку, такъ охотно возвращалась домой, съ такимъ терпѣніемъ выслушивала повторенія его военныхъ разсказовъ, что ея

самоотверженіе могло равняться великодушію ея благодѣтеля, и вѣрно не меньше его она страшилась встрѣчи съ Владиміромъ, не довѣряя, можетъ быть, собственнымъ своимъ чувствамъ столько же, сколько не вѣрила уже теперь въ возможность счастья земнаго. Она желала одного, чтобы не возмутили вновь ея летаргическое спокойствіе, но ей суждено было еще одно новое, тяжкое испытаніе.

Въ то же самое утро, въ которое Напольный замѣтилъ ущербъ капитала своего, и пустился ранѣе обыкновеннаго со двора съ глубокою думою на чель, горничная подала Софьѣ письмо, полученное по городской почтѣ. Соня тотчасъ по адресу узнала почеркъ Леонидова; не распечатывая письма, положила его на столъ въ гостиной, и въ ожиданіи своего почтеннаго друга, сѣла у окна съ книгою въ рукъ.

— Нѣтъ, не читается, сказала она, послѣ многихъ напрасныхъ усилій обратить вниманіе къ любимому своему занятію; — просто не вижу, не понимаю, чтѣ читаю. Катюша, поди сюда, сказала она, отворивъ дверь къ своей горничной, — займемся чѣмъ-нибудь, подай мнѣ мое бѣлье, Катя; пересмотримъ его вмѣстѣ, можетъ быть, нужно починить что-нибудь, мнѣ дѣлать нечего.

— И, помилуйте, сударыня, бѣлье у насъ все новое, да и развѣ бы я васъ допустила до такого дѣла; кстати ли вамъ этимъ самимъ заниматься, — отвѣчала горничная.

— Ну, я помогу тебѣ намѣчать его.

— Дамы еще намедни все перемѣтили; вы забытъ изволили.

— Ахъ, правда; чѣмъ бы заняться, не придумаю? ты, Катя, привнеси сюда свою работу, и поговори со мной.

Катюша, нѣсколько удивленная такимъ необывальнымъ приглашеніемъ, явилась съ своимъ чулкомъ, и сѣла по приказанію своей барышни.

— Ну, Катя, расскажи мнѣ что-нибудь, сказала Софья, садясь на диванъ и облокотясь объ столъ.

— Что прикажете, сударыня?

— Ахъ, какая! что-нибудь, что хочешь... живы ли твои отецъ и мать?

— Помнится, я докладывала вамъ, сударыня, что давно ужъ померли.

— А братья, сестры есть у тебя?

— Никого нѣтъ, барышня, одна какъ есть.

— Бѣдная! и тебѣ также скучно на свѣтѣ.

— Да не безъ того-то, сударыня, вздохнувъ отвѣчала Катя; — много горя и я, грѣшная, перемыкала на свой вѣкъ; вотъ десятый годъ все по чужимъ людямъ маячусь, и обиды и притѣсненія, все видѣла, да ужъ видно за претерпѣнныя мнѣ Богъ васъ послалъ, Софья Алексѣвна, вамъ вѣкъ рада служить.

— Спасибо, Катюша, и я рада бы съ тобой не расставаться.... Звонятъ, Катя, отпри; вѣрно Иванъ Николаичъ пришелъ.

И по своему обыкновенію, Соня вскочила съ мѣста и пошла его встрѣтить.

Передъ ней явился Леонидовъ.

Софья схватила руку своей горничной и отступила нѣсколько шаговъ назадъ.

Съ минуту оба не могли вымолвить ни слова.

— Софья! милый другъ! сказалъ наконецъ Владиміръ, по-французски, выслушайте меня! Вышлите эту женщину.

— Вы, вѣрно, ошибкою зашли въ мой номеръ, отвѣчала Софья дрожащимъ отъ волненія голосомъ, — сдѣлайте милость уйдите!... Или я сама уйду отсюда.

И не оставляя руки горничной, она приблизилась къ дверямъ своей спальни.

— Одно слово, ради Бога, одно слово! умоляя говорилъ Леонидовъ, — и я уйду потомъ, если вы этого потребуете; скажите только: вы не получили еще моего письма сегодня?

Получила.

— И выгоняете меня, Софья?

— Я перестала вѣрить вамъ, и потому, мнѣ видѣть васъ очень тяжело.... Прощайте, будьте счастливы.

— И это ваше послѣднее, рѣшительное слово? блѣднѣя спросилъ молодой человекъ.

— Рѣшительно послѣднее, — отвѣчала твердымъ голосомъ дѣвушка, — и ушла въ другую комнату, гдѣ почти упала на диванъ и спрятала въ подушку лицо.

Катя оставила ее, чтобъ проводить Леонидова, и въ ту минуту, какъ отворила ему дверь, въ ней показалась голова Напольнаго и тотчасъ же скрылась.

Владиміръ, взбѣшенный своею наудачею, бросился вонъ изъ комнаты и исчезъ на лѣстницѣ.

Горничная возвратилась къ своей плачущей барышнѣ.

— Катя, принеси мнѣ скорѣй воды умыть лицо, сказала ей Софья, отирая свои слезы; — я не хочу, чтобъ мой добрый Иванъ Николаичъ замѣтилъ, что я плакала; это огорчило бы его надолго. Онъ, вѣрно, скоро возвратится; поторопись, Катюша.

— Да они ужъ воротились, сударыня. Не прикажете ли мнѣ сбѣгать за ними? спросила горничная, старая любопытствомъ узнать развязку этой сцены.

— Когда воротился? почему ты знаешь? онъ тотчасъ бы зашелъ ко мнѣ.

— Они приходили, отвѣчала Катя, — я ихъ видѣла, они было высунули головку въ дверь, да какъ увидѣли этого барина, и бросились бѣжать наверхъ.

— Поди, Катя, попроси его ко мнѣ.

Горничная отправилась, и возвратилась съ отвѣтомъ: что Иванъ Николаевичъ опять ушелъ со двора и поручилъ корридорному доложить Софьѣ Алексѣвнѣ, чтобъ не изволили ждать его къ обѣду; ему дѣла, моля, много; къ чаю постарается быть дома.

Софья также не стала обѣдать.

— Боже мой! думала она, ходя по комнатѣ, онъ, вѣрно, огорчился, увидѣвъ здѣсь Леонидова? Но неужели онъ подумалъ, что это было съ моего согласія и умышленно въ его отсутствіе?... Нѣтъ, нѣтъ, онъ слишкомъ любитъ меня, чтобы могъ заподозрить въ намѣреніи обмануть его.... Но что жъ за особенныя дѣла у него сегодня? онъ всегда рассказываетъ мнѣ все; нѣтъ, онъ просто недоволенъ мною, и не хочетъ меня видѣть.

Бѣдная дѣвушка опять начала плакать.

— А! сказала она, взглянувъ вдругъ на нераспечатанное письмо, — вотъ это оправдываетъ меня! О, еслибъ онъ пришелъ скорѣй! каково жъ ждать до восьми часовъ? Не знаю. въ кото-

рую сторону онъ отправился, а то пошла бы съ Катей къ нему навстрѣчу.

И она продолжала расхаживать изъ одной комнаты въ другую, безпрестанно поглядывая на часы. Не дошла еще стрѣлка и до половины седьмого, какъ тихій, знакомый звонокъ Напольнаго пріятно отозвался въ сердцѣ взволнованной дѣвушки; она сама бросилась отпирать ему дверь.

Нѣсколько блѣдный, какъ бы вдругъ постарѣвшій, но все съ тѣмъ же кроткимъ выраженіемъ въ лицѣ, предсталъ предъ нею старый другъ ея. — Соня чуть не бросилась къ нему на шею.

— Гдѣ это вы пропадали, душенька, Иванъ Николаичъ, сказала она, таща его за руку, — я совсѣмъ соскучилась, ждалась васъ, мнѣ многое надо вамъ рассказать. Садитесь, слушайте.... или нѣтъ, прежде всего прочтите это.

Она подала ему письмо Леонидова.

— Это не ко мнѣ, Софья Алексѣевна, — отвѣчалъ онъ, взглянувъ на адресъ и возвращая ей письмо.

— Я знаю, мой другъ, что не къ вамъ, а ко мнѣ, знаю даже отъ кого, и именно по этому-то и не хотѣла распечатать безъ васъ; прочтите вы мнѣ это письмо, если еще любите меня, — прибавила, она взглянувъ на него такъ умильно, что слезы навернулись на глазахъ старика, и онъ въ ту же минуту разломилъ печать и прочелъ ей слѣдующее:

« Я не смѣю самъ умолять васъ о прошеніи; поручаю это моей матери; ей извѣстны мои чувства, ей передаю и перо.

« Я прошу васъ, милая Софья Алексѣевна, — писала мать « Владиміра, — примириться съ моимъ сыномъ; я знаю, онъ много « огорчилъ васъ, но онъ любитъ васъ истинно, я имѣла слу- « чай въ томъ совершенно удостовѣриться. Вы не можете со- « мнѣваться въ искренности моихъ словъ, тѣмъ болѣе, что вамъ « извѣстно, что я долго не соглашалась на вашъ бракъ съ « моимъ сыномъ; но вы своею твердостью въ несчастьи, о ко- « торой передалъ мнѣ мой родственникъ Раздуминъ, возбу- « дили во мнѣ столько участія и уваженія, что я, видя сильную « привязанность къ вамъ моего сына, почту себя счастливою « назвать васъ своею дочерью. За отвѣтомъ на мое письмо я « пришлю къ вамъ самого Владиміра.»

Нѣсколько разъ прерывался голосъ чтеца, и окончивъ, онъ медленно свернулъ письмо и молча подалъ его Софьѣ.

— Что жъ вы ничего мнѣ на это не скажете, мой добрый другъ? спросила его Софья.

Напольный, блѣдный какъ смерть, всталъ съ мѣста, подошелъ къ ней, взялъ ея руку и крѣпко, крѣпко прижалъ къ своему сердцу.

— Ни одна мать не хочетъ мѣшать счастью своего дѣтища, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, — но безъ горя, не можетъ разставаться съ нимъ. А я, я любилъ... какъ любятъ матери.

Онъ готовъ былъ зарыдать, и хотѣлъ убѣжать изъ комнаты; Софья остановила его.

— Нѣтъ, не пушу, — сказала она весело, принуждая его сѣсть, — я и такъ цѣлый день была одна; извольте-ко посидѣть на мѣстѣ и волей или неволей, а выслушать, что я буду говорить вамъ.

И придвинувъ къ нему стулъ, она взяла его за руку.

Я сердита на васъ Иванъ Николанчъ; вы меня обидѣли, — продолжала она, стараясь принять серьезный видъ.

Напольный вопросительно и уныло смотрѣлъ на нее, толстыя губы его зашевелились, но слова не шли съ языка.

— Да, да, сердита, даже очень сердита, повторяла дѣвупка: развѣ это не обидно мнѣ, что вы могли подумать, что я забыла все. чѣмъ обязана вамъ, забыла. чѣмъ обязана самой себѣ, и тайно отъ васъ приняла Леонидова? А вы такъ подумали: я это очень хорошо вижу.

Напольный закрылъ лицо рукою и молчалъ.

— Худо же вы меня еще знаете. мой другъ, продолжала Соня, и я вижу, что мнѣ должно познакомить васъ съ моимъ характеромъ. Я горда, Иванъ Николанчъ. и не приняла бы продолженія г-на Леонидова послѣ поступка его со мною и тогда даже, еслибъ была не той счастливой Софьей, какъ теперь, подъ крыломъ вашимъ, а той еще неприютною вищей, какой вы нашли меня и призрѣли. — Я вамъ открою всю мою душу: я любила Владимира всеми силами души моею, покуда вѣрила, что и онъ меня любитъ; любила его еще и тогда, когда потеряла эту вѣру; любила его еще вчера, не смотря на то, что видѣла его у ногъ другой. Я извиняла его въ душѣ моею за предпочтеніе къ женщинѣ, которая умнѣе, любезнѣе, достойнѣе меня, но не люблю уже его сегодня, за то, что онъ опять обратился ко мнѣ. Это слипи-

комъ уже легко! И такое свойство можетъ внушать мнѣ только состраданіе, — стало быть, отказываясь отъ руки его, я не приношу ни малѣйшей жертвы; а признаюсь вамъ, я почти сожалею, что такъ остыло вдругъ къ нему мое сердце, потому что мнѣ пріятно было бы за всѣ благодѣлія ваши доказать вамъ, что счастье быть всегда съ вами я предпочитаю теперь всему на свѣтѣ.

Съ первыхъ словъ Софьи колѣна Наполеона начинали уже подгибаться, а тутъ, онъ совсѣмъ епустился съ кресель и очутился у ногъ ея, въ безмолвномъ восторгѣ заливаясь слезами.

— Не вамъ, а мнѣ надо быть у ногъ вашихъ, говорила Софья, стараясь его приподнять. — Я счастлива теперь, мой добрый другъ, и не разстанусь съ вами до тѣхъ поръ, куда вы сами этого не захотите.

— Такъ вы, моя безподобная, закроете и глаза вашему старому дураку! вскричалъ Наполеонъ, и не зная уже какъ изъявить свой восторгъ, принялся хохотать. Нескоро онъ могъ привести въ порядокъ свои мысли и разсказать Софьѣ о своемъ намѣреніи поступить вновь на службу.

— Я ужь сдѣлалъ первый приступъ къ тому, моя сударыня, сказалъ онъ, и меня обнадежили; боюсь только одного: не услали бы куда далеко!...

— Такъ чтожь такое? возразила Софья, — развѣ вамъ такъ жаль разставаться съ Петербургомъ?

— И нѣтъ, моя безподобная барышня, для меня все равно, да вамъ-то какъ?

— О! что до меня, отвѣчала Софья, то чѣмъ дальше, тѣмъ лучше! Хотя въ Камчатку, мнѣ все равно.

— Ну! воскликнулъ старикъ, теперь смѣло можетъ сказать Наполеонъ, что небыло и не будетъ человека счастливѣе его! Пожалуйте мнѣ *votre la main*, моя герцогиня прекрасная!

Теперь и самое истощеніе бумажника не тревожило уже Ивана Циколаевича. Въ полученіи мѣста его обнадежили, Софья готова была ѣхать съ нимъ — чегожь ему больше!

— Деньги тлѣнь! — говорилъ онъ; — пока дѣлишки обдѣлаются, натянемъ какъ нибудь, а тамъ пока есть сила, станемъ служить: что такъ болтатся-то!...

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

НѢСКОЛЬКО МАТЕРІАЛОВЪ

КЪ ОБЪЯСНЕНІЮ

ДАНТОВОЙ ПОЭМЫ АДА.

I.

БОНИФАЦІЙ VIII.

(Къ XIX кнѣзѣ Ада) *.

Папа Бонифацій VIII умеръ въ 1303 г., слѣд. въ 1300, въ годъ замогильнаго странствованія Данта, не могъ быть помѣщенъ въ аду. Однакожь поэтъ, не желая оставить заклятаго своего врага ненаказаннымъ, влагаетъ въ уста Николая III будущее его осужденіе. Краткій перечень событій въ папствованіе Бонифація VIII покажетъ, что Данте имѣлъ полное право произнести столь строгій приговоръ надъ этою замѣчательною личностію среднихъ вѣковъ.

Послѣ двухлѣтняго междуцарствія, кардиналы избрали въ папы благочестиваго пустынника Пьетро ди Мороне, подъ именемъ Целестина V (въ 1294). *) Этотъ добрый, но слабодушный человекъ вскорѣ такъ сильно покорился вліянію Карла II Анжуйскаго, что, по его настоянію, возвелъ двѣнадцать иноземцевъ въ кардинальское достоинство. Честолюбивый кардиналъ Кастанъ Ананья (будущій Бонифацій VIII), изъ гибеллинской фамиліи, пользуясь неспособностію Целестина, употребилъ все средства, чтобы возложить на свою голову папскую тиару, и для того, съ одной стороны, вооружалъ про-

*) Прилагаемые здѣсь три историческіе очерка заимствованы безъ измѣненія изъ перевода Филалетеса (имѣя Короля Саксонскаго Іоанна) «Divina Commedia». Собственно это комментарий къ XIX, XXVII (а рѣдко и къ XIV кнѣзѣ Чистилища) и XXXIII кнѣзямъ Ада, и если бы не были такъ обширны, могли бы быть напечатаны въ сносахъ къ моему переводу. Я перевелъ ихъ безъ сокращенія, полагая, что для любителя Дантовой поэмы они могутъ показаться весьма интересными дополненіями упомянутыхъ кнѣзъ поэмы, тѣмъ болѣе, что все три составлены знаменитымъ кѣмецкимъ переводчикомъ и комментаторомъ Данте по весьма рѣдкимъ подлиннымъ документамъ историческимъ.

**) Ада III, 58—60 и прим. и XXVII, 106 и прим.

тивъ Целестина кардиналовъ, а съ другой—дѣйствовалъ на его тревожную совѣсть; говорятъ даже, что онъ черезъ рупоръ намекалъ слабодушному папѣ, что само небо побуждаетъ ему сложить съ себя папское достоинство. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ стуживалъ снискать себѣ благосклонность прежняго своего врага Карла II Анжуйскаго обещаніемъ содѣйствовать ему во всемъ, если Анжуйскій доставитъ въ пользу его избранія голоса 12 преданныхъ ему кардиналовъ. Целестинъ, издавъ напередъ буллу, въ силу которой дозволялось папѣ слагать съ себя тиару ради спасенія души своей, отказался отъ папскаго престола, и Бонифацій былъ единодушно избранъ на его мѣсто (въ 1294).

Но какъ многіе сомнѣвались въ законности такого выбора и продолжали считать Целестина истиннымъ папою, то Бонифацій повелѣлъ содержать несчастнаго старца, укрывшагося въ своей пустыни, въ Фумонѣ (въ Кампаньи), до самой его смерти въ столь тѣсномъ заключеніи, что ночью онъ преклонялъ голову на ступени того самаго алтаря, на которомъ днемъ служилъ литургію.

Едва вступивъ на престолъ, Бонифацій предался душою и тѣломъ партіи Гвельфовъ, старался всѣми средствами дать Карлу II возможность завладѣть Сиціліей и льстивыми обещаніями приманивалъ Карла Валуа въ Италію, гдѣ онъ и принялъ столь сильное участіе въ дѣлахъ Флоренціи. *)

Вскорѣ Бонифацій обнаружилъ всю необузданность своего характера. Узнавъ, что Альбрехтъ Австрійскій избранъ въ императоры римскіе, Бонифацій самъ возложилъ на свою голову императорскую корону, сказавъ: «Я цезарь, я императоръ; мнѣ подобаеетъ право управлять имперіей.» — Однажды, въ день освященія пепла, онъ кинулъ освященную золу въ лице генуезскому архіепископу Поркетто Синола и воскликнулъ: «Помни, гибеллинъ, ты прахъ, и вмѣстѣ съ гибеллинами, тебѣ подобными, развѣшишься прахомъ!»

Но всего разительнѣе обнаружилъ Бонифацій бурную неукротимость страстей въ борьбѣ съ могущественнымъ домомъ Колонна. Одинъ изъ членовъ этой фамили, Шарра Колонна, похитилъ часть папскихъ сокровищъ во время переезда папскаго двора изъ Аппаньи въ Римъ; а кардиналы Яколю и Пьетро Колонна явно противились избранію Бонифація въ папы. Раздраженный этимъ,

*) Ада VI, 64 и прим.

Бонифаций издалъ въ 1297 буллу съ жесточайшими упреками противъ знаменитой фамили: ею лишалъ онъ обомхъ кардиналовъ ихъ достоинства и всего имѣнiя, объявивъ весь домъ ихъ, до четвертаго колѣна, недостойнымъ ни для какой духовной должности. Противъ непокорныхъ былъ объявленъ крестовый походъ, при чемъ Бонифаций хитростию и силою завладелъ ихъ замками въ Кампаньи дн Рома. *)

Избывая преслѣдованiй, многіе члены дома Коломна нашли убѣжище при дворѣ Филиппа Прекраснаго, короля французскаго. Эгогъ монархъ, прежній другъ Бонифація, теперь, нарушивъ неприкосновенность правъ духовенства отнятіемъ ихъ доходовъ, поссорился съ папою, будучи поддерживаемъ въ этой борьбѣ не только чинами, но и духовенствомъ своего королевства. Вскорѣ вражда ихъ дошла до того, что адвокатъ королевскій, Вильгельмъ Ногаретъ, подалъ королю обвинительную грамоту, въ которой уличалъ Бонифація во всевозможныхъ преступленiяхъ: святотупствѣ, волшебствѣ и ереси. Тогда Бонифацій призвалъ французское духовенство на соборъ въ Римѣ для обузданiя Франціи въ ея злоупотребленiяхъ по управленiямъ духовному и гражданскому; узнавъ же, что король запретилъ своему духовенству присутствовать на этомъ соборѣ, отлучилъ Филиппа и всѣхъ его соумышленниковъ отъ церкви. Это заставило короля прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Ногаретъ, Шиарра Коломна и другіе враги папы прибыли въ Италію и, сдѣлавъ десантъ въ Стаджин, между Флоренціей и Сіенной, напали на папу въ Анавьи. Въ эту критическую минуту Бонифацій обнаружилъ необыкновенное присутствіе духа: въ полномъ папскомъ облаченіи, колѣнопреклоненный предъ алтаремъ, 86-лѣтній старецъ спокойно ожидалъ заговорщиковъ; они же, будучи поражены невольнымъ благоговѣніемъ, не осмѣлились надолжить на него руку, а только требовали, чтобы онъ явился на соборъ ліонскій. Послѣ трехсуточного грабежа, произведеннаго ими въ Анавьи, народъ, образумившись отъ страха, наконецъ освободилъ папу. Но гнѣвъ и страхъ до того потрясли его душу, что въ Римѣ, куда онъ послѣ того прибылъ, вообразилось ему, что его держатъ въ заключенiи въ домѣ Орсини: послѣ неудавшейся попытки къ бѣгству, Бонифацій со всеми признаками по-

*) Дн XXVII, 61 и пр. и.

мышпательства заперся въ своей комнатѣ, гдѣ и найденъ на другой день мертвымъ (11 Октября 1303).

Гвельфскій историкъ, Виллани, слѣдующими чертами изображаетъ его характеръ: «Папа Бонифацій былъ весьма начитанъ въ Св. Писаніи, имѣлъ природный умъ, славился великою мудростію и опытностію, обладая обширными свѣдѣніями и прекрасною памятью; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ гордъ, высокомеренъ и жестокъ къ своимъ врагамъ и противникамъ. Отличаясь необыкновенною смѣлостію, онъ внушалъ во всехъ страхъ своего имени, возвысилъ значительно и увеличилъ доходы святой церкви. По его повелѣнію, кардиналы мессеръ Гюильельмо да Бергамо и мессеръ Риккардо да Сиенна, великіе знатоки правъ и декреталій, издали, подъ его собственнымъ иждивеніемъ, (ибо и онъ былъ отличнымъ знаткомъ каноническаго права), шестую книгу декреталій, служащую некоторымъ образомъ свѣтомъ для всехъ прочихъ законовъ и канона. Онъ щедро награждалъ людей храбрыхъ и ему преданныхъ, сильно домогался свѣтскаго великолѣпія и былъ весьма алченъ до золота, не совѣстился пользоваться всякаго рода приобритеніями для обогащенія церкви, или своихъ племянниковъ. Въ свое папствованіе онъ избралъ многихъ ему преданныхъ людей въ кардиналы, въ томъ числѣ двухъ своихъ племянниковъ, которые въ то время были еще очень жолбы, и одного дядю по матери, а также 20 епископовъ и архіепископовъ изъ своихъ родственниковъ и друзей въ небольшомъ городкѣ Ананьи; другимъ своимъ племянникамъ и ихъ сыновьямъ, имѣвшимъ титулъ графовъ, онъ оставилъ огромныя богатства.» *Giov. Villani, Hist. Fior. Libr. VIII. Cap. 64.*

Знать эти подробности о Бонифаціѣ потому необходимо, что объ этомъ человѣкѣ, равно какъ и о многихъ событіяхъ его жизни, очень часто упоминается въ Дантовой поээмъ *).

*) Для XIX, 53; XXVII, 70—85. Частн. XX, 87. Раа IX, 132; XII, 90; XVII, 49; XXVII, 22; XXX, 148.

II.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ГОРОДОВЪ РОМАНЬИ
ВЪ 1274—1302.

(Къ XXVII пѣснь ада и XIV чистылища).

Романья украшалась въ это время цѣлымъ рядомъ городовъ большахъ и малыхъ. Между первыми отличались: Болонья, Имола, Фаэнца, Форли, Чезена, Равенна, Римини; между вторыми: Бертиноро, Червіа, Форлимиополи и др. Кромѣ того, между мѣстнымъ дворянствомъ славилась могущественная фамилія графовъ Кастракаро, Коніо, Баньякавалло, Каттани да Медичина, Кальбозеи, Траверсара, Пагани и др., которыя впрочемъ всѣ вошли въ связь съ какой нибудь изъ городскихъ общинъ.

Въ Романью, какъ и во всей Италіи, имѣло мѣсто гибельное раздѣленіе на партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ, распространившихся въ особенности изъ Болоньи по всей провинціи подъ названіемъ *Джеремеевъ* и *Ламбертадзи*.

1274 г. Іюня 2-го, партія Ламбертадзиевъ или Гибеллиновъ, въ числѣ 12,000,—а по показанію Гирардаччи, основанному на архивныхъ документахъ, въ числѣ 15,000 человекъ,—была изгнана ея противниками Джеремееми изъ Болоньи. Послужило ли поводомъ въ этому изгнанію романтическое приключеніе съ Имельдою Ламбертадзи, которой влюбленный, Бонофаціо Джеремен, былъ у нея застигнутъ и убитъ ея братомъ, какъ рассказываетъ Гирардаччи,—это такой вопросъ, который я не берусь рѣшить. Въ подлинныхъ документахъ я нашелъ только то, что Джеремен успѣли склонить народъ къ войнѣ съ г. Форли, вопреки желанію партіи Ламбертадзиевъ, бывшихъ въ пріязни съ жителями этого города и желавшихъ начать войну съ Моденою, отказавшейся принять ихъ изгнанниковъ: отсюда произошла въ городѣ ссора, кончившаяся изгнаніемъ Гибеллиновъ.

Изгнанники искали и нашли покровительство и защиту въ пріазненныхъ имъ городахъ, и въ то время, какъ Болонцы склонили на свою сторону Имолу и Баньякавалло, составилъ въ отпоръ имъ могущественный союзъ, преимущественно изъ общинъ городовъ Форли и Фаэнцы, къ которымъ присоединились изгнанники изъ Чезены, Равенны и Римини. Въ двухъ послѣднихъ горо-

дах господствовали въ то время Колента и Малатеста, двѣ фамиліи, которыя хотя и причисляли себя къ Гвельфамъ, однакожъ, когда дѣло касалось обезпеченія ихъ могущества, легко перемѣняли цвѣтъ своей партіи.

Во главѣ союза Ламбертадзиевъ стоялъ храбрый и опытный въ ратномъ дѣлѣ графъ Гвидо да Монтефельтро, который у Данта не даромъ называется Романью *своею*. *)

Въ слѣдующемъ году (въ Іюнь 1275), графъ Гвидо одержалъ великую побѣду при Ponte S. Procolo, между Фаэнцей и Имолой, надъ Джеремейми, при чемъ Фаэнтинцы отняли г. Карроціо у Болоньи. Въ слѣдъ за тѣмъ въ томъ же году Ламбертадзи взяли города Червію и Чезену. Изъ послѣдняго они изгнали Малатесту да Римини и возвратили изгнанныхъ Маццоллини.

Но на слѣдующій годъ Форліи чуть было не перешла въ другія руки: въ ней были двѣ значительныя фамиліи Орделаффи и Аргульози.

Два члена этихъ фамилій, по взятіи Чезены, были поставлены въ ней подестами, и къ концу этого періода мы уже видимъ эти два дома стоящими во главѣ гибеллинской партіи въ Форліи. Паганино делья Аргульози и Гюильельмо делья Орделаффи составили заговоръ противъ Гвидо да Монтефельтро; но предпріятіе не удалось, и они, бѣжавъ во Флоренцію, заключили съ господствовавшими въ ней Гвельфами и господствовавшими въ Болоньѣ Джеремейми союзъ съ намѣреніемъ передать Форліи папской партіи. Условлено было действовать за одно. Въ то время, какъ Болонцы подступали къ Фаэнцѣ, Флорентинцы, подъ предводительствомъ графа Гвидо Сальватико ди Довадоло и Баскьеры Тосинги, будущаго главы Бѣлыхъ, перейдя Аппенины, подошли къ Форліи. Здѣсь они были подкрѣплены Реньеромъ ди Кальболи и Люціемъ изъ Вальбоны, двумя гражданами форлійскими, принадлежавшими къ мѣстному дворянству страны, и завладѣли крѣпостію Чивителла и многими замками въ горахъ. Но Гвидо да Монтефельтро устремилъ все свои силы въ эту сторону, отнялъ Чивителлу и взялъ въ плѣнъ обоехъ старшинъ изгнанниковъ, при чемъ флорентинское войско бѣжало за Аппенины, а Болонцы отступили безъ успѣха. Паганино и Гюильельмо были заперты въ императорской башнѣ въ Чезенѣ и потомъ тайно умерщвлены (1276).

*) Ада XXVII, 29—30 и прим.

Спустя годъ, Гвидо отмстил и Реньеру ди Кальболи: онъ осадилъ его замокъ Кальболи и громилъ его день и ночь семью стенобитными машинами, такъ что замокъ, не смотря на помощь Блопцентъ, давшихъ Реньеру значительное денежное вспомошествованіе для обороны стѣвъ, наконецъ вынужденъ былъ сдаться, послѣ чего Гвидо разорилъ его до основанія (1277).

Въ такомъ положеніи находились дѣла Романьи, когда Николай III взошелъ на папскій престолъ, *) и, заключивъ выгодный договоръ съ Рудольфомъ Габсбургскимъ, произвелъ важную реформу въ состояніи этой провинціи. Давно уже папы имѣли виды на Романью; Николай получилъ отъ Рудольфа, неохотно вмѣшавшагося въ дѣла Италии, формальное признаніе этихъ правъ, такъ что прежнія права императора въ Романь перешли теперь къ папѣ, а города и дворянство были вынуждены дать ему клятву въ вѣрности.

Для обезпеченія своихъ правъ, папы съ того времени стали избирать наместника въ провинцію подъ именемъ *графа Романьи*. Къ нему присоединялся легатъ для управленія духовными дѣлами; иногда же объ эти должности соединялись въ одномъ лицѣ. Сверхъ того, существовалъ, кажется, при графѣ родъ особаго судилища подъ именемъ *«Judices generales.»* Въ случаяхъ надобности собираемъ былъ парламентъ или *сеймъ* изъ представителей городовъ и дворянства подъ председательствомъ графа. Но эти отдѣльныя общины оставались столько же независимыми, какъ и прежде, съ тою только разницею, что мѣсто отдаленнаго императора теперь заступилъ болѣе близкій, а потому и болѣе важный по своему вліянію папа. Что же касается до графовъ, то вліяніе ихъ болѣею частью было незначительно, если только они не были предводителями земскаго войска, или не имѣли опоры въ одной изъ преобладающихъ партій. За то вліяніе графовъ болѣею частью было употребляемо на поддержаніе мира и соглашеніе партій, хотя и то и другое обыкновенно удавалось только на весьма короткое время.

Въ 1278 г., Бертольдо Орсини **), племянникъ папы, является первымъ графомъ Романьи, а кардиналъ Латиню, тоже папскій пле-

*) Ада XIX, 52, и прим.

***) Хотя Гиридаччи и приводитъ извѣстіе, что будто бы уже во времена Иннокентія IV вѣсто Томасіусъ былъ графомъ Романьи; однакожь это достоинство является постояннымъ только со времени Бертольдо.

мянникъ, первымъ легатомъ въ области, успѣвшимъ подчинить церкви все общины.

Въ слѣдующемъ году (1279), эти люди примирили партіи въ Имоля, Фазинца, Болонья и Равеннѣ, а также содѣйствовали возвращенію многихъ изгнанниковъ, именно: дома Манореди въ Фазинца, Траверсара въ Равеннѣ и партіи Ламбертадзиевъ въ Болонья, гдѣ самъ Бертольдо избранъ былъ подестою.

Но это согласіе партій было непродолжительнымъ. Ламбертадзи — ихъ сильно упрекаетъ *Matthaeus de Griffonibus*, очень благосклонный Джеремей — не довольствовались тѣмъ, что возвратились на родину, но потребовали себѣ половину должностей. Поднялась тревога, окончившаяся 21 Декабря того же года новымъ изгнаніемъ.

Тогда Бертольдо призвалъ къ отвѣту общину Болонья, партію Джеремеевъ и многія общества и отдѣльныя личности изъ Болонья; но какъ *Syndicus Bartholomaeus di Chiara*, явившійся отъ лица всѣхъ приглашенныхъ, не имѣлъ достаточнаго уполномоченія, и притомъ отказался привести присягу въ вѣрности римской церкви, а графъ требовалъ личнаго присутствія всѣхъ приглашенныхъ, то все объявленное было виновнымъ: графъ присудилъ ихъ къ денежной пенѣ, давъ имъ впрочемъ 14 дней срока, и взялъ заложниковъ отъ каждой партіи.

Около этого же времени случилось происшествіе благопріятное Джеремеевъ. Бѣжавшіе Ламбертадзи удалились частью въ Форли, частью въ Фазинцу, и въ послѣднемъ городѣ возбудили Тебальделло Самбрави къ мести, въ слѣдствіе которой онъ измѣннически предалъ Фазинцу въ руки Болонцевъ (24 Августа 1280). *) Но гораздо хуже было для нар. Ламбертадзиевъ то, что по смерти Николая III. (1280) на папскій престолъ взошелъ Мартинъ IV, **) природный Французъ (8 Марта 1281), который, действуя въ интересахъ гвельфской партіи, рѣшительно объявлялъ себя противъ Ламбертадзиевъ.

Бертольдо, уже болѣе не удерживаемый въ своемъ нейтральномъ положеніи, оставилъ провинцію, выдавъ Джеремеевъ ихъ заложниковъ, а заложниковъ парт. Ламбертадзиевъ, съ которыми не былъ въ единодушіи, увелъ съ собою въ Римъ.

Посланный отъ этихъ послѣднихъ въ резиденцію папы, въ Урбино получалъ неблагопріятное рѣшеніе ихъ дѣла; а Іоаннъ Анша

*) Ада XXXII, 123 и прим.

**) Чистл. XXIV, 22.

(другіе называютъ его Эпша или Па), тоже Французъ по рожденію, назначенный въ графы провинція, тотчасъ же потребовалъ у Фордидцевъ изгнанія нар. Ламбертадзевъ, а отъ Гвидо да Монтефельтро отщепенія Романьи. Требованіе свое онъ подкрѣпляетъ многочисленнымъ наемнымъ войскомъ, большею частию французскимъ. Но всами признанными воинскія способности Гвидо давали ему важный перевѣсъ передъ его противникомъ.

Въ теченіе 1281 г. Иоаннъ два раза предпринималъ безуспѣшный походъ противъ Форли. Столько же неудачно было его нападеніе и на крѣпость Траверсара, родовой замокъ вновь-изгнанныхъ въ то время предводителей Гведьвовъ въ Равеннѣ, изъ семей которыхъ Гюльельмо Траверсара былъ тогда избранъ подестою въ Форли. Гвидо нанесъ 1 Мая 1282 значительное пораженіе Иоанну при нападеніи его на г. Форли.)

Между тѣмъ, въ противоположность значительному могуществу Джеремеревъ, стали, какъ кажется, занемогать Ламбертадзи. Уже въ Августъ 1282 г. графы Кастракаро передались церкви и сдали графу Романьи свой замокъ, который былъ потомъ въ теченіи многихъ лѣтъ главною опорой папскаго могущества въ Романьѣ. Въ слѣдующемъ 1283 г., Червія отдана была измѣною въ руки графа, а за нею сдались церкви Чезена и Форли. Кардиналы ера Джіакоммо д'Асколи и Іакопо Колоцца, посланные папою, приказали разрушить ихъ стѣны, и Гибеллины были изгнаны отсюда. Не извѣстно, тогда ли покорился церкви Гвидо Монтефельтро, какъ утверждаетъ летописецъ фюрлійскій и чезенскій, или это воспослѣдовало въ 1285 въ папствованіе Гонорія IV, какъ говоритъ Виллани **).

Такимъ образомъ папская власть и торжество папской партіи, казалось, были упрочены; но вліяніе близкаго папы вскорѣ сдѣлалось для некоторыхъ властителей болѣе тягостнымъ, нежели власть отдаленнаго императора, и это тѣмъ болѣе, что по смерти Мартина IV (1285) послѣдующіе папы по видимому стали настойчивѣе принимать на себя прежнюю свою роль посредниковъ.

Прежде всего Малатеста старшій, властитель Римици, заключилъ союзъ съ городами Форли и Фазенцо противъ графа Романьи. Въ обоихъ этихъ городахъ вражда между господствовавшими семействами обнаружилась пролитіемъ крови. Въ Форли умерщвленіе

*) Лад XXVII, 43—45 и прим.

**) Лад XXVII, 67 и прим.

Альдобрандини делли Ардулиови поссорило съ фамилией Кальбодели родственниковъ убитаго, которые стало быть тогда не принадлежали еще габеллинской партіи. Тоже самое произошло между домами Манореди и Коніо убійство Манореди де' Манореди вмѣстѣ съ сыномъ его Альберетто, предательски совершенное монахомъ Альберто де' Манореди. *) Беатриче была въ замужествѣ за Альберто де' Манореди, сыномъ Бернардино. Малатеста примирилъ партіи и присоединилъ ихъ къ упомянутому союзу.

Впрочемъ графъ Романы **) напалъ на Малатесту, шедшаго на Римини (27 Іюня 1287), половилъ его сына Джіованни Малатесту, супруга несчастной Франчески, ***) и такимъ образомъ принудилъ союзниковъ къ миру и къ внесу значительнаго выкупа за Джіованни.

Вскорѣ за тѣмъ и самъ Малатеста явился вынужденнымъ прибѣгнуть къ помощи графа, ибо его изгнали изъ Римини, причемъ замокъ Monte Scotolo, находившійся во власти его сына Малатестино, былъ взятъ Римипійцами (1288).

Въ 1289 Стефано Колонна, посланный Николаемъ IV, явился въ Романию въ санѣ графа и пытался способствовать возврату Малатесты. Во время своего пребыванія въ Римини онъ примирилъ партіи; однакожъ, какъ дѣлывалось обыкновенно въ этихъ случаяхъ, оставилъ Малатесту и его сына еще на некоторое время въ изгнаніи.

Вскорѣ послѣ того, произошла ссора между слугами подесты Орсо и слугами маршала графа, его сына. Мартино Катальдо, предводитель народной партіи, велѣлъ звонить въ вечевой колоколъ: собравшіяся толпы кинулись на дворецъ общины, гдѣ жилъ графъ, и непременно захватили бы графа, если бы Монтанья де' Парчитати—Парчитати были предводителями Гвельфовъ въ Римини—не выступилъ посредникомъ и не уговорилъ народа разойтись. Этимъ перемиремъ воспользовался графъ: онъ ввелъ Малатестовъ съ ихъ телохранителями въ городъ задними воротами и такимъ образомъ одолѣлъ партію народа, коей вождь, Мартино Катальдо, захваченный при этомъ въ плѣнъ и сознавшійся подъ пыткой въ измѣнѣ графу, былъ казненъ. Тогда городъ объявили лишеннымъ всехъ правъ и судо-

*) Ада XXXIII, 118 и прим.

**) Былъ ли графомъ Романы въ это время Іоаннъ Аппіа, мнѣ неизвестно: между нимъ и Стефано Колонна историки не упоминаютъ ни объ одномъ графѣ.

***) Ада V, 74 и прим.

производства; подестою же и ректоромъ поставили Андреа дела Монтанья, коего летописецъ форлійскій называетъ *virum psci'ent et prudentem* и коего не должно смѣшивать съ вышеупомянутымъ Монтаньею де' Парчитати (24 Юня 1290).

Изъ Римини Стефано пошелъ на Равенну и потребовать сдачи города и городской цитадели у братьевъ Остасіо и Рамберто Поленты, изъ которыхъ первый былъ тамъ подестою. Но они, опасаясь подвергнуться участи, постигшей господствующую партію въ Римини, предупредили графа и, возбудивъ въ городѣ возстаніе, захватили въ плѣнъ какъ самаго графа, такъ и сына его маршала (13 Ноябрь. 1290).

Въ тотъ же день поссорились между собою въ Имоля Алдозио, глава Гибеллиновъ, и фам. Нордоли, главы Гвельфовъ этого города. Болонцы пришли на помощь послѣднимъ, изгнали Алдозио съ его приверженцами и разорили укрепления и мосты.

Между тѣмъ взятіе Стефано въ плѣнъ дало деламъ въ Романьной оборотъ. Въ Фазинцъ при этомъ извѣстнѣе тоже произошло возстаніе. Манфреди, вожди фазинтискихъ Гвельфовъ, хотя вначалѣ и выпали своихъ противниковъ, Аккарвизи и Самбрази, къ которымъ — вѣроятно по памяти объ ужестивленіи ихъ родственника — примкнули на этотъ разъ сыновья Бергардино да Коніо; однакожъ эта послѣдняя партія скоро возвратилась, и, поддерживаемая Маншардомъ Пагани да Созенана и Робертомъ Номентою, изгнала Манфреди.

Въ то же время удалось и Малатестѣ удалить Андреа дела Монтанью и сдѣлаться властителемъ города, а вѣроятно также изгнать и своихъ противниковъ Парчитати. *) Онъ хотя и получалъ отъ Стефано Колонны позволеніе возвратиться, однакожъ не удовольствовался, какъ кажется, простымъ равенствомъ правъ, и присталъ къ партіи противной графу.

Въ свою очередь и Чезена перешла въ руки этой партіи. Только г. Форли, прежній оплотъ Гибеллиновъ, держался еще церкви и принималъ къ себѣ бѣжавшихъ изъ Чезены *judices generales*, а также и легата Піетро Сарачено, который началъ отсюда проповѣдывать хрестовый походъ на враговъ папскаго владычества. Однакожъ 20 Дек. того же года сдалась наконецъ и Форли соединеннымъ си-

*) Ада XXVII, 46—48 и прим.

ламъ Маннардо Пагани, Поменты и Малатесты, и Гвидо Полента былъ поставленъ въ ней подестою.

Тогда Римскій дворъ, начавъ затрогивать струны болѣе нѣжныя, послалъ епископа равеннскаго Альдобрандини въ качествѣ графа и легата въ провинцію. Въ Августѣ 1291, Альдобрандини прибылъ въ Кастракаро, по видимому единственное укрѣпленное мѣсто, еще державшее сторону папъ, и вступилъ въ мирные переговоры съ противною партіею, въ силу чего Стефано Колонна былъ уволенъ, а противникамъ церкви дарована полная амнистія. Вскорѣ Альдобрандини созвалъ большой парламентъ въ Форли и употребилъ все мѣры, чтобы возвратитъ изгнанниковъ. Это дѣйствительно удалось ему въ Имоля, которую хотя онъ и отдалъ во владѣніе Болонцевъ, однакожь требовалъ отъ нихъ возстановленія еам. Алидозіо и ея партіи.

Напротивъ Фазанца заперла для него ворота изъ опасенія, чтобы онъ не потребовалъ возвращенія изъ ссылки дома Манореди, и тогда же грозная туча разразилась надъ его головой; въ отпоръ ему соединились могущественныя семейства и города подъ именемъ союза *Романы*. Къ нимъ принадлежали Малатеста старшій изъ Римни, двое Поменты, воеводы Черви и Равенны, и Маннардо Пагани съ Фазанцами. Вскорѣ союзникамъ удалось вытѣснить графа изъ Форли, тѣмъ удобнѣе, что властвовавшіе тамъ Кальболези, хотя прежде и считавшіеся вождями Гвельфовъ, тоже присоединились къ этому союзу. Вслѣдъ за тѣмъ графъ былъ изгнанъ изъ Чезены (17 Іюля 1292) и Малатестино поставленъ подестою какъ въ этомъ городѣ, такъ и въ Бертиноро, а вслѣдствіе этого папская власть опять сосредоточилась только въ одномъ Кастракаро.

Capitanus generalis этого союза былъ Бернардино ди Монтальяна.

Напрасно старались Болонцы дѣйствовать какъ посредники. Вмѣсто того, чтобы внимать ихъ представленіямъ, Маннардо Пагани укрѣпилъ Фазанцу при помощи союза и когда Болонцы потребовали срыть вновь возведенныя укрѣпленія, то получили рѣшительный отказъ.

Наконѣцъ, въ 1294, былъ заключенъ миръ между графомъ Альдобрандини и союзомъ Романы (въ Форли 19 Мая). Съ Фазанцевъ снято церковное отлученіе, а Маннардо Пагани оказалъ графу даже нѣкоторыя услуги. Въ Форли возвратились Аргульіози, которые,

не смотря на примирение въ 1286, оставались противниками еам. Кальбозези.

Впрочемъ этотъ миръ ничего не измѣнилъ въ положеніи партій, и былъ только новымъ доказательствомъ слабости папскаго вліянія на Романью—вліянія, которое Альдобрандини не могъ усилить въ теченіе своего трехлѣтняго управленія, также какъ и его наследникъ Петръ де Согнау, отправленный въ Романью слабодушнымъ Целестиномъ V (въ Октябрѣ 1294).

Не за долго до прибытія Петра де Согнау была изгнана изъ Форліи фамилія Орделлафи и Аргульіози фамилія Кальбозези, а также Гвидо Полента, подеста, и за тѣмъ Маннардо Пагани былъ поставленъ подестою и capitano.

Гораздо болѣе силы получили графы Романьи съ того времени, какъ на папскомъ престолѣ воцарился Бонифаций VIII (въ Декабрѣ 1294). Въ Маѣ 1295 явился въ Романью въ качествѣ графа Піетро, архіепископъ монреальскій, и началъ съ того, что требовалъ отъ двухъ главныхъ вождей союза: Маннардо Пагани и Малатестино, сложить съ себя званіе капитановъ въ Фазенцѣ и подесты въ Чезенѣ. Подомъ онъ вездѣ хлопоталъ о возвратѣ изгнанниковъ и о примиреніи партій. Такъ графы Ковію, и между ними особенно Бернардино, жаловались на Маннардо Пагани и требовали сыгнѣ укрѣпленій Фазенцы. Піетро изгналъ вождей противныхъ партій: графовъ Ковію, Маннардо и Бандино ди Мондильяна, и принудилъ избрать себя въ capitano. За тѣмъ онъ отправилъ заложниковъ партіи Маннереди въ Кастракаро, а заложниковъ партіи Аккариси въ Чезену. Въ числѣ послѣднихъ находился сынъ Альберго Ковію, который слѣдовательно все еще держался партіи Аккариси.

За этимъ начались мирные переговоры между изгнанными вождями партій въ замкѣ Оріоли и, по счастливомъ ихъ окончаніи, торжественно заключенъ миръ на площадіи въ Фазенцѣ. Здѣсь же воспослѣдовало примиреніе Альберго Ковію отъ его имени и отъ имени его жены съ монахомъ Альбергомъ де' Маннереди (въ июнѣ).

Тѣхъ же результатовъ достигъ Піетро и въ Равеннѣ, гдѣ велѣлъ разрушить дома Гвидо и Рамберто Поленты, а наконецъ и въ Римини.

Но и это примиреніе было не продолжительное предшествовавшихъ.

Въ Фазенцѣ раздались крики: «Форлійцы, Форлійцы, идуть!»—

На этотъ крикъ, съ одной стороны, Манфреди и Колио, а съ другою — Маннардо и его партія выступили съ оружіемъ въ рукахъ на площадь. Однакожъ графъ Романъи, въ качествѣ capitano, явился между ними и разнялъ сражавшихся, послѣ чего каждая партія укрѣпила улицы своей части города цѣпами (zagagli). Между тѣмъ Манфреди начали съ своей стороны срывать окна города, чтобы открыть дорогу друзьямъ своимъ изъ Болоньи, достигшимъ уже до Имолы. Свѣдавъ объ этомъ, Маннардо стремительно ударилъ на своихъ противниковъ и выгнѣсилъ ихъ изъ города, сдѣлавъ это, какъ кажется, не безъ согласія графа Романъи. Тоже случилось и въ Равеннѣ съ противниками Поленты и въ Бертинорѣ съ габеллипскою партіею, во главѣ которой стоялъ Бальдинетто де' Манарди.

При папскомъ дворѣ, казалось, были недовольны дѣйствіями Пиетро монреальскаго, благопріятствовавшаго Габеллипамъ: онъ былъ отозванъ и мѣсто его заступилъ Гюильельмо Дуранте, епископъ самниатскій.

Съ его прибытіемъ партіи по видимому пришли опять въ свое старинное естественное состояніе: папа объявилъ себя въ пользу Гвельфовъ, которые, съ своей стороны, тоже примкнули къ нему. Такъ поступили Поленты, можетъ быть раздраженные своимъ изгнаніемъ изъ Форли, или, можетъ быть, какъ враги фамиліи Колонны, злѣйшей ненавистницы Бонифація VIII. Такъ поступили и Малатесты, изгнавшіе въ Декабрѣ 1295 фамилію Парчитати и ихъ партію изъ Римни. Напротивъ, Фантинцы, Форлійцы и Чезенцы крѣпко держались между собою. Во главѣ ихъ, какъ capitani generales, стояли Маннардо Пагани и Галассіо да Мантефельтро, capitano чезенскій. Военное счастье благопріятствовало послѣднимъ: Маннардо Пагани завладѣлъ Имолою, одержавъ побѣду надъ Болонцами 30 Марта 1296, и выгналъ партію Нордоли и возвратилъ Алдобіо и его приверженцевъ. Вслѣдъ за этимъ союзъ помогъ графамъ Кастркарро завладѣть ихъ родовымъ замкомъ (18 Мая).

Вскорѣ союзники предприняли осаду Кастроново, занятаго соединенными Кальболези. Во время осады, Кальболези, поддерживаемые Равенцами, Римнидцами и Бертинорцами, дѣлали попытку на Форли, ворвались въ городъ и убили между прочимъ Теодерило дельи Орделаффи и Джіованни дельи Аргульиози. Маннардо, Галассіо и Скарпетта дельи Орделаффи, свѣдавъ объ этомъ, поспѣ-

шили из Кастроново въ Форли и завладели городомъ, при чемъ были убиты Рейнеро и Джіованни Кальболо (15 июля).

“Около этого времени союзъ соединился съ Адзо д' Эсте¹⁾: противъ Болонцевъ, избравъ себя въ *capitolo generale* знаменитаго Угучіоне дела Фаджіола. “)

За нимъ въ этомъ званіи послѣдовалъ избранный въ сентябрь того же года Губертъ, графъ Ризоло, сынъ Паоло Малатесты Прекраснаго, измѣнившій своей партіи, вѣроятно, изъ мщенія за убіеніе своего отца; совершающіе Джіованни Хроммыгъ, супругомъ несчастной Франчески.

Военныя предпріятія 1298 г. не столь были важны. Въ это время сдѣлано нѣсколько попытокъ къ мирнымъ переговорамъ, которыя однако же только въ началѣ 1299 г. приняли болѣе благоприятный оборотъ. Прежде всего маркграфъ Адзо отдѣлился отъ союза и при содѣйствіи Флорентинцевъ сошелся съ Болонцами въ томъ, что обѣ стороны рѣшили представить свое дѣло на рѣшеніе папы.

Въ Мартъ начались переговоры о мирѣ, съ одной стороны, между Болонцами и ихъ романскими друзьями, а съ другой—между городами и дворянствомъ, соединенными съ партіею Ламбертадзиевъ, и начались при содѣйствіи фра Анджело, пріора доминиканскаго монастыря въ Фаянцъ, въ Кастель С. Піетро. Въ одно время съ этимъ сближеніемъ начались переговоры между общиною Піетро и изгнанниками Ламбертадзи, при чемъ обѣ партіи рѣшились наконецъ представить свое дѣло на судъ Матео Висконти, капитана медиоланскаго, и Альберто дела Скала, капитана веронскаго. Впрочемъ въ переговорахъ первыхъ главнѣйшее затрудненіе составлялъ вопросъ: кому должна принадлежать Имола, которую Маинардо Пагани не хотѣлъ уступить, тогда какъ Болонцы настоятельно того требовали. Не смотря однакожъ на это, обѣ воюющія партіи наконецъ заключали миръ 4 мая 1299 въ мѣстечкѣ Кроче Пеллегрина, не далеко отъ Кастель С. Піетро.

Кромъ возвращенія изгнанниковъ во всѣхъ городахъ, постановлено еще было относительно Имолы то, чтобы этотъ городъ отдать подъ покровительство Матео Висконти и Альберто дела Ска-

¹⁾ Ада XII, III и прим.

***) Ада I, прим. къ ст. 102.

да до техъ вѣръ, пока партіи сообща найдутъ это болѣе не нужнымъ. Не смотря однакожъ на все это, Маннардо Пагани, какъ видно изъ подлиннѣйшихъ летописцевъ, все таки оставался полнымъ обладателемъ Имолы до самой своей смерти, последовавшей въ 1302 г.

Подсудимыми при этихъ переговорахъ явились, со стороны Джеременъ, Болонцы съ своимъ воеводою Оттеддино Манделло изъ Медіолава и съ капитаномъ Блазио де' Толонемъ во главѣ ихъ; потомъ Гвидо Полента съ общиною равеннскойю, Бернардино Полента съ общиною червійскою, Малатеста съ общиною римнннйскою и община Бергтиноро; далѣе графы Коніо; изгнанныя изъ Флоренцы Манфреды, также какъ и Кальболози, изгнанники Имолы и наконецъ дворяне вальбонскіе. Со стороны же Ламбертадзиевъ подсудимыми были саританца *generalis* Заплатино дельи Убертини, общины Чезены, Формы, Флоренцы, Имолы и Кастракаро; Маннардо Пагани, *capitano* еванцскій и имольскій; Галассіо да Монтеельтро, саританца чезенскій; Уберто Малатестино, графъ Гиацини и графы Кастракаро.

Изъ всего этого видно, что картина политическаго состоянія Романьи тѣмъ превосходнѣе начерчена Дантомъ, что и въ послѣдующіе годы возмущенія и мѣстныхъ тревогъ не прекращались, хотя и не тотчасъ превратились въ настоящую войну.

(*Annales Forliv.* pag. 133—274. Murat. XXII. *Annales Cesenates* pag. 1104—1117. Mur. XIV. *Math. de Griffonibus*, pag. 123—131. Mur. XVII, *Cronica di Bol.* pag. 285—301. Mur. ib. Ghirardacci, *historia di Bologna*, lib. VIII—XII.) Филалетесъ.

III.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ СОБЫТІЙ ВЪ ПИЗЪ ВО ВРЕМЯ УГОЛИНО.

(Къ XXXIII пѣснь ада).

Партіи Гибеллиновъ и Гвельфовъ въ Пизѣ носили наименованія партій *Конти* и *Висконти*. Во главѣ послѣднихъ стояли Висконте пизанскіе, которыхъ не должно смѣшивать съ Висконти медиоланскими; а во главѣ первыхъ графы (*conti*) дела Герардеска. Слѣдующее обстоятельство заставило Висконти присоединиться къ шапской партіи. По завоеваніи Сардиніи Пизанцами, могущественныя фамиліи Пизы раздѣлили этотъ островъ между собою. Въ непродолжительномъ времени возникли между ними важныя несогласія: тогда слабѣйшія стали искать и дѣйствительно нашли защиту у папскаго двора, который вскорѣ объявилъ свои права на обладаніе этимъ островомъ. Убальдо Висконти, долго противившійся такимъ притязаніямъ, наконецъ убѣдился, что ему легче будетъ достигнуть своей цѣли, если онъ женится на Адельгейдѣ, родственницѣ Григорія IX, владѣтельницѣ Галлуры и Торре, и получить эти владѣнія отъ папы какъ ленный вассалъ его (1239). Послѣ этой сдѣлки, на которую Пизанцы смотрѣли очень неблагоклонно, какъ на мѣру, ограничивающую ихъ права, Висконти стали судьями Галлуры и вождями гвельфской партіи въ Пизѣ.

Въ концѣ XIII столѣтія, во главѣ противной партіи находился *Уголино дела Герардеска*, графъ *Доноратико*. Онъ сблизился съ Гвельфами тѣмъ, что выдалъ сестру свою за Джіованни Висконти. Вслѣдствіе этого Пизанцы, всегда ревностные Гибеллины, выгнали вождей обвѣхъ партій изъ города. Но послѣдніе, прибѣгнувъ къ помощи гвельфскихъ городовъ Тосканы, старались получить право возврата въ отечество и достигли до того, что въ условіяхъ мира, заключеннаго въ 1267, выговорено было между прочимъ это право для изгнанниковъ. Такимъ образомъ Уголино и Нино Висконти (Джіованни въ это время уже умеръ) возвратились на родину. Но, не взирая на все это, отношеніе, въ которомъ Уголино находился къ

объёмъ враждующимъ партіямъ, придавало всёмъ его политическимъ дѣйствіямъ характеръ нерышительности и порождало то недоверіе, которое, по видимому, питали къ нему объ партіи.

Около этого времени возгорѣлась продолжительная морская война между Генуей и Пизой. Послѣ многихъ незначительныхъ стычекъ, произошло наконецъ, 6 Августа 1284, большое сраженіе при Мелоріи, въ которомъ объ республики измѣрили свои силы. Это произошло такимъ образомъ: Генуезцы подъ предводительствомъ Оберто Доріи явились съ 130 галлерами передъ гаванью Пизы. Изъ этого числа судовъ Оберто укрылъ 30 галлеръ подъ командою Бенедетто Закаріи за островомъ Мелорія въ томъ предположеніи, что Пизанцы, имѣя только 103 галеры, не рѣшатся сдѣлать на него нападеніе, если увидятъ его превосходство въ силахъ. Расчетъ его удался какъ нельзя лучше: Пизанцы, горя нетерпѣніемъ удовлетворить рѣшительнымъ ударомъ давнишней своей ненависти къ Генуезцамъ, поспѣшно посадили на суда войско. При этомъ не обошлось безъ дурныхъ предзнаменованій: такъ лѣтописцы рассказываютъ между прочимъ, что при самомъ отплытіи войска, у епископа, благословлявшаго флотъ съ Ponte Vecchio, выпалъ изъ рукъ крестъ въ Арно (*Uberto Fofietta, Genuesium hist.*)

Пизанцы вышли въ море тремя эскадрами: первую велъ Оберто Морозини изъ Венеціи, подѣста пизанскій, незадолго передъ тѣмъ избранный Пизанцами въ capitano generale della guerra; второю предводительствовалъ Аудреотто Сарачино, а третьею графъ Уголино. Какъ только эти эскадры приблизились на такое разстояніе, что имъ уже невозможно было избѣгнуть сраженія, то Бенедетто Закарія показался съ своими галлерами изъ засады. Бой былъ упорный и кровопролитный. Корабль, на которомъ развивалось пизанское знамя, сдался; адмиральскій корабль, гдѣ находился Морозини, не выдержалъ соединеннаго нападенія генуезскаго адмиральскаго корабля и галлеръ Бенедетто Закаріи; но, не взирая на это, оставалось еще многое, чтобъ совершенно одолѣть Пизанцевъ. Въ эту критическую минуту графъ съ своей эскадрою обратился въ бѣгство въ надеждѣ, что при помощи друзей своихъ Флорентинцевъ и Луккійцевъ успеетъ покорить своей власти ослабленный этимъ пораженіемъ городъ. Впрочемъ этого обвиненія (самаго важнаго) не возводилъ на него ни одинъ изъ современныхъ писателей; это говорить только пизанская лѣтопись, составленная въ XVI столѣтіи, впрочемъ по весьма хорошимъ источникамъ. (*Cronica di Pisa, Rer. It.*

Ser. Tartino, Vol. I., pag. 564). Замѣчательно, что въ летописи при этомъ сказано: «*Secondo che recita Dante,*» т. е. какъ повѣствуетъ Данте (который впрочемъ объ этомъ обстоятельстве совсѣмъ не упоминаетъ). Эта ссылка естественно рождаетъ въ насъ недоуврѣе къ составителю летописи, не смотря на то, что онъ тотчасъ послѣ нея ссылается и на другихъ историковъ.

Пораженіе Пизанцевъ было совершенное и нанесло ихъ морской силѣ такой ударъ, что они уже никогда не могли вполнѣ отъ него оправдаться. Въ то время на это бѣдствіе смотрѣли какъ на возмездіе за то, что Пизанцы при этомъ же самомъ островѣ Мелорин захватили въ плѣнъ епископовъ, плившихъ на генуезскихъ судахъ въ Римъ на соборъ, созданный противъ императора Фридерика II.

Пизанцы потеряли 36 галеръ и до 16000 человекъ убитыми и плѣнными, такъ что тогда говаривали въ шутку: «Кто хочетъ видѣть Пизу, пусть идетъ въ Геную.»

Касательно участи плѣнныхъ, принадлежавшихъ отчасти къ благороднѣйшимъ семействамъ, немедленно сдѣлано было це совсѣмъ великодушное рѣшеніе, именно: постановлено сколько можно долѣе держать ихъ въ неволѣ для того, чтобы женамъ ихъ не позволить вступить во второй бракъ и такимъ образомъ еще болѣе ослабить и безъ того уже упавшую духомъ Пизу (*Chron. di Pisa*). Дѣйствительно, только по истеченіи 18 лѣтъ 1000 изъ нихъ получили свободу и возвратились на родину. Надъ Пизой, казалось, разразились всѣ бѣдствія: въ первые мѣсяцы послѣ упомянутого пораженія, гвельфскіе города, въ главѣ которыхъ были Флоренція и Лукка, заключили съ Генуей наступательный союзъ для уничтоженія Пизы. Тогда Пизанцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ броситься въ объятія графа Уголино, въ надеждѣ, что связи съ Гвельфами дадутъ ему способъ начать переговоры съ ними. По этому еще въ Октябрѣ 1284 его избрали въ *capitano* и подесты на одинъ годъ, а въ Февралѣ 1285 еще на десять лѣтъ. Къ счастью, военныя дѣйствія Генуезцевъ противъ Пизы были отложены до весны. Уголино воспользовался этимъ временемъ, чтобы войти въ переговоры отдѣльно съ каждою изъ непріятельскихъ сторонъ. Прежде всего онъ отдѣлилъ отъ союза Флорентинцевъ, обещавъ имъ изгнать Гибелиновъ, что дѣйствительно и исполнилъ, изгнавъ десять значительнѣйшихъ гражданъ этой партіи. Преданіе однакоже говоритъ, что важнѣйшимъ поводомъ къ заключенію этого отдѣльнаго мира съ Флоренціей послужило то, что онъ отпразднвалъ многимъ изъ главнѣйшихъ вельможъ

ея бутылки, наполнены не виномъ, *vernasia*, а золотомъ. Не такъ счастливъ былъ онъ въ веденіи переговоровъ съ Генуей и Луккой. Генуезцамъ онъ предложилъ важную крѣпость *Кастро* въ Сардиніи въ замѣнъ пленныхъ; но эти послѣдніе сами воспротивились такому рѣшенію и объявили, что если имъ удастся возвратиться въ отечество, они сочтутъ своимъ врагомъ каждого, кто подавалъ советы на столь безчестное предложеніе. Гражданамъ Лукки онъ сдалъ, по ихъ собственному требованію, Рипаратту и Віареджіо (въ Февралѣ 1285); но это не помѣшало Луккійцамъ продолжить войну такъ, что они захватили крѣпости Куозу и Аванѣ почти въ ту самую минуту, какъ Генуезцы завладѣли сторожевою башнею пизанской гавани (18 Іюля 1285). Пиза неминуемо должна была бы погибнуть, если бы Флорентинцы не отстали отъ союзниковъ; безъ нихъ же содѣйствія окончательная гибель этого города была отдалена.

Вскорѣ послѣ этого Уголино, могущество котораго поддерживалось только партіею Гвельфовъ, принужденъ былъ принять себѣ въ товарищи по управленію республикою племянника своего Нинно Висконти, достигшаго въ то время совершеннолѣтія (*Framm. hist. Pis. Mur. Rer. It. scr. Vol. XXIV.*) Понятно, что между ними полнаго согласія не могло существовать, особенно съ той поры, какъ Нинно началъ видимо склоняться къ Гибеллинамъ; но раздоръ обнаружился только тогда, какъ Ганно Скорниджіано, приверженецъ Висконти, былъ умерщвленъ на Lung' Агго внукомъ графа, Нинно, прозваннымъ *il Brigata*, и его товарищами. Пылая мщеніемъ, Висконти пытался произвести возстаніе въ народѣ, заставивъ своихъ приверженцевъ кричать по городу: «Смерть всѣмъ, кто не хочетъ мира съ Генуей!» но какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ желаетъ не мира, а только паденія графа Уголино, то и не нашелъ никакого къ себѣ сочувствія. Тогда Нинно Висконти обратился къ консуламъ моря и къ старшинамъ цеховъ, которые и принудили Уголино удалиться изъ Palazzo del Popolo и передать санъ *capitano* Гвидоччинде Бонджи, уже бывшему подестою города (въ Декабрѣ 1287. *)

Вожди обѣихъ партій вскорѣ увидѣли, что власть ихъ ослабѣваетъ и потому немедленно условились дѣйствовать за одно, чтобы

*) *Podesteria*, собственно обязанность судебная, не давала большаго вліянія; она большею частью возлагалась на нвоземцевъ, какъ на людей чуждыхъ духу партій. Нѣрѣдко властители республикъ передавали ее лицамъ совершенно второстепеннымъ, какъ, по вѣдному, было и въ этомъ случаѣ.

возвратить утраченное могущество. Случай къ этому вскорѣ представился: по повелѣнію Гвидочино, одинъ изъ прежнихъ служителей графскихъ былъ арестованъ. Уголино, тщетно старавшійся освободить его, принявъ это за личное себѣ оскорбленіе и потому, договорившись съ Нино, вмѣстѣ съ нимъ и своими приверженцами завладѣвъ ночью Palazzo del Popolo и такимъ образомъ удалить изъ города Гвидочино, выплативъ ему то, что стоило его содержаніе (въ Мартъ 1288).

За тѣмъ Уголино поселился самъ въ Palazzo del Popolo, а Нино избралъ себѣ мѣстопробываніемъ Palazzo del Comune — жилище подесты.

Въ эту-то эпоху Уголино спросилъ умнаго Марко Ломбарди на пиру, данномъ имъ въ день своего рожденія:—«Что скажешь, Марко, о моемъ положеніи?» Марко отвѣчалъ: «Тебѣ, графъ, недостаетъ только гнѣва Божьяго!»

Гнѣвъ Божій, однакоже, не замедлилъ надъ нимъ разразиться.

Съ восстановленіемъ прежней власти, снова пробудились несогласія. Въ то время (въ Апрель 1288) находились въ Пизѣ довѣренныя отъ пизанскихъ пльнниковъ, прибывшіе для переговоровъ къ заключенію мира съ Генуей, о которомъ хлопотали сами пльнники. Уголино былъ противъ мира, потому ли, что боялся возвращенія пльнниковъ, или, можетъ быть, потому, что считалъ его для себя невыгоднымъ; Нино напротивъ сильно стоялъ за миръ. Наконецъ первый долженъ былъ уступить общему голосу и Раміери Зампанте былъ отправленъ съ полномочіемъ въ Геную. Графъ и тутъ еще пытался разстроить переговоры и, не смотря на перемиріе, заключенное въ Сардиніи, гдѣ находился сынъ его Гвельфо, позволялъ корсарамъ тревожить Генуезцевъ (май 1288). *)

Около этого времени возникла между ссорившимися властителями третья партія, партія старыхъ, истыхъ Гибеллиновъ, къ которымъ принадлежали могущественныя фамиліи Гвазанди, Сисмонди и Ланфранки. Во главѣ ихъ стоялъ архіепископъ пизскій, Руджіери, делья Убальдини, родомъ гибеллинъ изъ Ареццо. Уголино искалъ союза съ этой партіей, чтобы при ея помощи отдѣлаться отъ Нино. Между тѣмъ одно происшествіе едва не прервало начатыя пере-

*) Хотя генуезскіе писатели приписываютъ этотъ поступокъ Уголино и Нино обоимъ вмѣстѣ; однакоже часто приводимая нами лѣтопись Пизы называетъ виновникомъ всего дѣла одного Уголино, что и вѣроятно по вескому долгу дѣла.

воры. Дороговизна припасовъ возбудило неудовольствіе въ народѣ, который—какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ—всю вину дороговизны слагалъ на дурное управленіе грава. Одному изъ внуковъ грава Уголино далъ знать объ этомъ настроеніи умовъ тестя его Гвидо капронскій; а этотъ передалъ о томъ графу и предложилъ ему поцизить дѣну на необходимѣйшія жвиечныя потребности. Уголино при этомъ предложеніи пришелъ въ такую ярость, что, выхвативъ кинжалъ, поранилъ ему руку, говоря: «Измѣнникъ, ты хочешь лишить меня моей власти!» Другой его родственникъ я вмѣствъ съ тѣмъ племянникъ архіепископа выставилъ ему на видъ всю необдуманность этого поступка; но Уголино, вѣя себя отъ башенства, ударилъ его въ голову и тотъ упалъ мертвый. Трупъ привесли къ дядѣ и сказали: «Вотъ твой племянникъ; его убилъ графъ Уголино!» Но Руджіери, находившійся въ это время въ хорошихъ отношеніяхъ съ графомъ, отвѣчалъ: «Унесите трупъ! это не племянникъ мой. Я не знаю, имѣлъ ли графъ какую нибудь причину умертвить моего племянника; мнѣ напротивъ извѣстно, что онъ всегда обращался съ намъ какъ съ родственникомъ. Не говорите болѣе объ этомъ.» Мщеніе свое Руджіери приберегъ для другаго болѣе удобнаго времени. До сихъ поръ непонятно, какъ Уголино, нанеши такое оскорбленіе Руджіери, рѣшился оставаться съ нимъ въ пріязни: это можно объяснить только высокоуміемъ счастливаго тирана, или собственными не совсѣмъ честными намѣреніями *.) Какъ бы то ни случилось, союзъ между ними былъ заключенъ. Уголино, вѣроятно для того, чтобы не вовсе потерять довѣріе Гвельфовъ, остался въ своемъ помѣстьѣ Settimo въ день, назначенный для возстанія, т. е. 30 іюля 1288, когда гибеллинская партія поднялась на Нино. Этотъ послѣд-

*) Изъ Пизанской Лѣтописи кажется слѣдуетъ заключить, что это происшествіе случилось въ эпоху между изгнаніемъ Нино и паденіемъ Уголино. Но какъ *Framm. Hist. Pis.* прямо говорятъ, что паденіе Уголино воспослѣдовало на другой день послѣ изгнанія Нино (*l' autre die*); а другой тоже современиый оtryвогъ (*Marat., Scr. rer. Ital. Vol. XXIV, p. 695*), очень точный въ хронологіи, говоритъ объ этомъ происшествіи какъ о случившемся *die sequenti*: то, принявъ эти неопровержимыя свидѣтельства, найдемъ, что для совершенія убійства племянника Руджіери не остается времени: слѣдовательно, нужно допустить, если принять это происшествіе за историческій фактъ, что оно совпадаетъ съ эпохою переговоровъ, вѣденныхъ съ Уголино, что подтверждаетъ и самый образъ дѣйствія архіепископа. Само собою понятно, что отношеніе обонхъ людей одного къ другому и въ особенноти образъ дѣйствій Руджіери, представляется намъ чрезъ это совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, подтверждающемъ болѣе приговоръ поэта.

ній, чувствуя невозможность сопротивляться и догадавшись объ изгнѣ графа, отказавшаго ему въ помощи, покинулъ въ полдень городъ со всей своей партіей и удалился въ свои замки. Между тѣмъ отсутствіе Уголино, какъ и всякія полумѣры, повредило его же собственному дѣлу. Гибеллины осадили Palazzo del Comune; а Гаддо, сынъ Уголино, также какъ и Бригата, внукъ его, вѣроятно не совершенно знавшіе его намѣренія, рѣшились, вопреки приглашенію къ сдачѣ, защищать дворецъ. Наконецъ къ вечеру прибылъ Уголино; но тогда Гибеллины стали предлагать требованія болѣе рѣшительными: они настаивали, чтобы Уголино взялъ въ товарищи своей власти архіепископа или кого другаго изъ ихъ вождей. Это было весьма непріятно графу. Общаніе, принесенное имъ на другое утро въ церкви Bastiano, не повело ни къ какимъ результатамъ, ибо въ это самое время архіепископъ (*Scr. rer. Ital. Vol. XXIV, p. 652*) неожиданно получилъ извѣстіе, что Бригата, внукъ графа, намѣренъ ввести въ городъ отрядъ изъ 1000 человекъ воиновъ черезъ *Porte alla Spina* на Арно. Тотчасъ велѣлъ онъ ударить въ набатный колоколъ на дворцѣ общины при крикахъ народа: «Къ оружію!» Уголино, съ своей стороны, тоже велѣлъ бить въ набатъ на дворцѣ народа: въ городѣ произошла битва. Партія послѣдняго, смятая и отгнѣшенная, принуждена была защищаться во дворцѣ народа, который скоро былъ взятъ приступомъ и зажженъ. Уголино съ своими сыновьями Гаддо и Угличчоне и внуками Нино, по прозванію Бригата, и Ансельмуччіо (нѣкоторые упоминаютъ еще о третьемъ, Энрико) взяты въ плѣнъ. Сперва ихъ заключили на 20 дней въ Palazzo del Comune, а потомъ содержали въ башнѣ Гваланди, прозванной *alle Settevie* (ибо къ ней вели семь дорогъ), на площади dei Anziani, гдѣ они и оставались до Марта слѣдующаго года (1289).

Въ мартъ Пизанцы, не смотря на отчаянные крики заключенныхъ, громко умолявшихъ о помилованіи, велѣли запереть башню, а ключи бросить въ Арно, не дозволивъ несчастнымъ даже духовнаго утѣшенія, о которомъ они тщетно просили. По прошествіи 8 дней отворили башню и умершихъ голодною смертію похоронили съ оковами на ногахъ въ францисканскомъ монастырѣ. О послѣднемъ обстоятельствѣ упоминаетъ пизанскій комментаторъ Данта, Франческо ди Бути, видѣвшій эти цѣпи, когда были вырыты скелеты несчастныхъ.

Данта упрекали въ томъ, что онъ будто бы безъ основанія приписалъ это злодѣяніе архіепископу. Даже Троя въ своемъ *Veltro*

allegorico обвиняет его за то, что онъ только одинъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ утверждаетъ это, и присовокупляетъ, что Руджіери поставленъ былъ въ сеньоры Пизы только на пять мѣсцевъ (слѣд. только до Ноября 1288), что жѣсто подесты послѣ него занялъ Вальтеръ де Брунефорте и что уже по прибытіи Гвидо да Монтефельтро (въ Мав 1290) Уголино умеряли голодомъ. Но вина ни сколько не падаетъ на послѣдняго. Это вполне доказывается тѣмъ, что по стариннымъ отрывкамъ Пизанской Исторіи, обнаруженнымъ Муратори (*Vol. XXIV Scr. rer. It.*), видно, что башню заперли за нѣсколько дней до его прибытія, что Гаддо и Угуччione уже погибли и что остальные умерли на той же недѣлѣ. По этому скорѣе можно думать, что если бы Гвидо прибылъ нѣсколько раньше, то онъ вѣроятно воспрепятствовалъ бы совершенно такого страшнаго дѣла. Злодвѣнія этого нельзя приписать и Вальтеру ди Брунефорте, ибо подесты подобные ему во времена бурныхъ имѣли обыкновенно очень мало вліянія, тѣмъ болѣе, что и Руджіери, какъ кажется, не уступилъ сеньоріи своего политическаго могущества. Это можно заключить изъ того, что въ упоминаемой летописи есть слѣдующее мѣсто: «Въ Пизу призвали графа Гвидо да Монтефельтро, потому что во время этихъ военныхъ смутъ казалось вреднымъ имѣть во главѣ республики человекъ духовнаго сана.» Во всякомъ случаѣ, Руджіери, какъ глава господствующей партіи, долженъ былъ имѣть сильное вліяніе на образъ ея дѣйствій и мы действительно находимъ въ одной старинной летописи, *Cronica di Pisa* (Mur. Sc. rer. Ital. Vol. XV p. 979), писанной вѣроятно въ концѣ XIV столѣтія и слѣдовательно почти современной, что смерть графа приписывается архіепископу и другимъ вождямъ гвобеллинской партіи. Наконецъ Уберто Фоліетта, основательный, хотя несравненно позднѣйшій генуезскій историкъ, говоритъ утвердительно, что Руджіери для того избралъ такой страшный родъ смерти, чтобы буквально исполнить правила церкви, запрещающія духовнымъ всякое пролитіе крови. Еще можно почти съ вѣроятностію заключить, что Уголино обреченъ былъ этой казни съ тѣмъ, чтобы вынудить у него уплату 5000 флоринъ пени.

(Muratori, *Rer. It. Sc.* Vol. XV u XXIV; *Cronica di Pisa*, *Fragment. histor. Pisan.*; Uberto Folietta, *Genues. hist. Libr. X*; *Cronica di Pisa*, *Rer. It. Sc.* di Iuseppe Tartinius Vol. I.) Филалетесъ.

ЛИТОВСКІЯ ПЕЧАТИ СЪ РУССКИМИ НАДПИСАМИ.

Въ 1841 году изданъ въ Познани Дзялынскимъ Литовскій Статутъ, напечатанный польскими буквами, при которомъ приложены изображенія польскихъ и литовскихъ печатей; между литовскими печатями встрѣчаются некоторыя съ русскими надписями. Въ нынѣшнемъ же году явилось въ Берлинѣ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Siegel des mittelalters von Polen. Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. Ein beitrage zur förderung diplomatischer, genealogischer, numistatischer und kunstgeschichtlicher studien über ursprünglich Slavische theile der Preussischen monarchie; mit XXV kúpfertafeln. Berlin, druck von Gebr. Unger. 1854 in 4°. (Средневѣковыя печати Польши, Литвы, Силезіи, Поммераніи и Пруссіи. Опытъ дипломатическихъ, генеалогическихъ, нумизматическихъ и археологическихъ изслѣдованій о первоначальныхъ славянскихъ областяхъ Прусской монархіи, съ XXV гравюрами). Это прекрасное изданіе составлено г-мъ Фосбергъ и посвящено имъ нашему петербургскому ученому, столько извѣстному своею любовью къ искусствамъ и своими археологическими трудами, — г-ну Кене. Оно содержитъ въ себѣ отличныя гравированныя на мѣди изображенія древнихъ печатей и отчетливо составленный къ нимъ объяснительный текстъ. Впрочемъ, изображенія Польскихъ и Литовскихъ печатей, сюда вошедшія, (за исключеніемъ двухъ) скопированы съ рисунковъ, приложенныхъ къ Литовскому Статуту Дзялынскаго. Нечего говорить, какъ важно для отечественной исторіи изученіе литовскихъ, польскихъ и другихъ Славянскихъ древностей, и потому настоящій трудъ

г-на Фосбергъ представляетъ для насъ довольно интереснаго. Но къ сожалѣнію русскія надписи, какія находимъ мы на литовскихъ печатяхъ, въ текстъ сочиненія (на стр. 44) переданы не точно, что совершенно затемнило ихъ смыслъ. На печати зеленого воска, привѣшанной на пергаменномъ ремнѣ къ акту 1385 года, хранящемуся въ Архивъ Краковскаго Капитула, Дзяльинскій прочиталъ: «*rezat' kniazia ligwen*», а г. Фосбергъ.

† *puctio knaza nzwgen* надо же читать: ПЧАТЬ КНЯЗЯ ЛЫГВЕНЕВА т. е. печать князя Лыгвенева. На другой же печати, несправедливо приписанной издателемъ какому-то мнимому литовскому князю «Вопо» и нѣкогда находившейся въ Пулавахъ, въ собраніи князя Адама Черторыжскаго, Дзяльинскій прочиталъ слѣдующую надпись: «*rcztiatina kniazia wapa*», а г. Фосбергъ: *пчтатино княза вопо*, — на изображенной же печати явственно читается: КНЯЗЯ ІВНА ПУТЯТИНА т. е. князя Ивана Путятина. Иванъ Семеновичъ Путята, какъ видно изъ Никоновской летописи, былъ княземъ Друцкимъ и въ 1423 году ходилъ, по приказу В. Кн. Витовта, на Татарь.

Останавливаясь на этихъ замѣчаніяхъ, мы имѣемъ въ виду обратить на нихъ вниманіе нашихъ ученыхъ. Такъ-какъ большая часть древнихъ памятниковъ Пулавскаго собранія поступила въ Архивъ Военнаго Министерства, то не посчастливится ли кому открыть и издать въ свѣтъ самый актъ, къ которому приложена была печать князя Путятина. По всему вѣроятію, содержаніе этого акта должно быть любопытно и важно для русской исторіи.

К. М. ОБОЛЕНСКІЙ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

ИЗВѢСТІЕ О НИЖЕГОРОДСКОМЪ ГРАЖДАНИНѢ КОСМѢ МИНИНѢ СУХОРУКОМЪ.

(Сообщилъ В. Борисовъ.)

Недавно посчастливилось мнѣ приобрести здѣсь въ г. Шуѣ одинъ старинный хронографъ. Судя по почерку письма, хронографъ этотъ можно отнести къ концу XVII столѣтія. Начинается онъ сказаніемъ о началѣ христіанскихъ церквей на Востокъ; далѣе говоритъ о Вселенскихъ Соборахъ, потомъ помѣщены отрывки изъ исторіи Греческихъ Императоровъ, за тѣмъ о новгородскихъ еретикахъ, и отрывки изъ русскихъ летописей, между коими помѣщено отдѣльно: «Взятіе Москвы Поляками и Литовцами и освобожденіе ея Княземъ Пожарскимъ и Мининымъ.» Изъ сей последней статьи не излишнимъ почитаю сообщить любопытное сказаніе хронографа о Мининѣ, котораго, кажется, въ другихъ подобныхъ рукописяхъ не встрѣчается. Хронографъ говоритъ, что послѣ паденія Москвы и убіенія Прокопія Ляпунова:

«Русская земля зело опечалися и бысть же тогда великое уныніе и мятежъ во всей земли Рускій, понеже велицей влобъ Христіанскому народу належащи прещенія ради невѣрныхъ и насилуванія ратныхъ. Аще не были прекратилися дніе тѣ, не бы убо спаслася всяка плоть, по глаголющему. Но есть Богъ близъ всемъ призывающимъ Его, воюющимъ истиннѣ, по великой воспостираемъй убо милости своей даруетъ ко здравію врачеваніе. Воздвигаетъ бо нѣкоего христіанска народа мужа отъ рода не неславна,

помысломъ мудра, его же прозваніемъ нарицаху *Косма Мининъ*, художествомъ быше прежде *говядаръ*; сей случаю чина (?) чреды своей, бысть начальникъ въ то время судныхъ дѣлъ во брати своей, рекше посадскихъ людей въ Нижнемъ Новгородѣ. Видѣвъ тогда насилуемы многи, и зело оскорбися, и поболь Зоравельски душею за люди Господни, всемогущаго Бога на помощь призывая и молбу безчисленныхъ печалей на ся пріять, и тако ношашеся всегда бурями различныхъ попеченій, аще и не искусенъ стремленіемъ, но смѣлъ дерзновеніемъ; собравъ убо отъ народа многая сокровища сребра и дари люди ратныя оброки довольными, и сице собра полки многія и военачальники искусны во бранѣхъ, князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго надъ всеми быти совосприподоби, самъ же никогда отлучаяся, аки древній Геденъ всѣхъ сердца на сопротивныя укрѣпяя, и тако со многими вои подъ Москву пріиде и благимъ добронравіемъ своимъ, аки солнечнымъ любовнаго луча свѣтомъ, военачальники совокупи и всѣхъ храбрыхъ благочестиваго воинства во едино собра, и тако Содоѣтелевымъ промысломъ, всеильныя же Его и неисповѣдимыя десницы крѣпостию и воеводствомъ разгнашася темныя облацы толикихъ великихъ належашихъ золь, приступиша тогда со устроенными на брань орудіи ко стѣнамъ града и пріяша вои Русскія пакы Москву въ лѣто 7121-е Октомврія въ 24 день, на память Святаго мученика Арфы.»

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исследование каменно-угольного Донецкаго бассейна, произведенное по распоряженію *А. Н. Демидова*, главнымъ Горнымъ Инженеромъ и Профессоромъ въ Главной Парижской школѣ, *Ле Пле*, при пособіи гг. *Маленво*, *Лалана* и *Эйро*. Переводъ съ Французскаго Профессора *Г. Е. Шуровскаго*. Съ атласомъ изъ 9 таблицъ и геологической карты. Москва, въ Тип. А. Семена, 1854. Въ 8-ю д. л. стр. 553 текста и 179 приложений.

Это четвертый томъ путешествія Демидовской экспедиціи.

Въ первой главѣ говорится о топографіи, растительности и климатѣ Донецкаго края и прилежащихъ къ нему степей; во второй о геологическомъ образованіи Донецкаго края; третья содержитъ подробное описаніе мѣсторожденій каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ; четвертая — заключенія о нынѣшнемъ состояніи и будущей промышленности Донецкаго края.

Донецкій крайъ можно разсматривать въ видѣ вздутаго, очень плоскаго пузыря, котораго поверхность, среднимъ числомъ, возвышается не болѣе 168 футовъ надъ равнинами огромной степи, находящимися къ востоку и западу отъ него, подъ одною параллелью. Онъ имѣетъ форму неравносторонняго тригольника, за вершины котораго можно принять слѣдующія точки: первая, нѣсколько ниже Зміева на Донцѣ, вторая при впаденіи Донца въ Довъ, третья около Каракубы на Калміусѣ въ 60 верстахъ къ сѣверу отъ Маріуполя. Наибольшая сторона тригольника направляется почти непрерывно по теченію Донца на 375 версть отъ С. З. къ Ю. В. Донецкій крайъ занимаетъ поверхность въ 4197000 десятинъ (около 833 квад. геогр. миль); каменноугольная формація на

этомъ пространствѣ составляетъ существенное основаніе почвы и по всей вѣроятности она простирается и за предѣлы края, подѣ формациями новѣйшаго образованія. Крайъ представляетъ гористое плато, нечувствительно склоняющееся къ югу. Наибольшая разность высоты его не превышаетъ 360 футовъ.

Высоту Донецкаго края можно принять въ 492 фута, именно: а) паденіе Дона отъ устья Донца до моря 23 фута; б) паденіе Донца отъ устья Бахмута до Дона 256 ф.; в) паденіе Бахмута отъ источника до устья 49 футовъ; д) высота наибольшаго возвышенія центральнаго ребра края надъ источниками Бахмута 164 фута.

Равнины Донецкаго края, какъ и сосѣдняя Понтійская степь — безлѣсны; но въ гористыхъ мѣстностяхъ являются красивыя рощи. Сѣверный склонъ края также безлѣсенъ. Но въ ложбинахъ рѣчекъ, спадающихъ въ Донецъ, находятся прекрасныя дубровы и множество мелницъ лѣсовъ. Здѣшнія деревья: дубъ, красный букъ, грабница, береза, илимъ, ольха, ива. Напротивъ, на правомъ берегу Донца, между Изюмомъ и мысомъ Привольнымъ, встречаются въ большемъ изобиліи малорослыя сосны, растущія въ самомъ чистомъ кварцевомъ пескѣ, въ которомъ, по его подвижности, трудно укореняются другія деревья. Вообще по мнѣнію автора здѣшняя безлѣсность происходитъ отъ вліянія метеорологическихъ дѣятелей и всегда была однимъ изъ отличительныхъ свойствъ южной Россіи. Плодородіе этихъ странъ извѣстно каждому. Города Таганрогъ и Изюмъ находятся подѣ тѣми же параллелями, какъ Буржъ и Компьенъ во Франціи, но изъ 142 видовъ растений, собранныхъ авторомъ, 70 не находятся во Франціи и смежныхъ мѣстахъ Германіи, Швейцаріи, Савойи и Италіи. Всѣ эти 70 видовъ принадлежатъ именно степямъ, составляющимъ отличительный характеръ Южной Россіи. Здѣшній климатъ представляетъ рѣзкія крайности: разность крайнихъ температуръ доходитъ до 71° по стоградусному термометру.

Во второй главѣ авторъ переходитъ къ геологическому изученію края. Онъ состоитъ, по времени образованія, изъ осьми формаций: 1) Дѣлпровской кристаллической; 2) каменно-угольной; 3) рухляковой Бахмутской; 4 и 5) мѣловыхъ; 6) третичной Понтійской; 7) прѣсноводной Таганрогской; 8) наносной или аллювіальной.

Кристаллическая формация, занимающая обширное пространство къ Ю. З. отъ Донецкаго края, состоитъ изъ полеваго шпата, кварца и амфиболя. Къ нимъ присоединяются слюда и альбитъ, и гораздо рѣже пироксенъ, діаллагонъ, гиперстенъ, гранитъ, талькъ, хлоритъ, амфиболъ и др. Изъ этихъ простыхъ минераловъ образуются породы: а)

пегматитъ разныхъ видовъ; б) діоритъ; в) сіенитъ, довольно рѣдко; д) гранитъ и е) гнейсъ. Рудныхъ мѣсторожденій мало: обстоятельство это авторъ приписываетъ тому, что здѣсь рѣдки глубокіе прорѣзы, гдѣ бы можно было удобно производить наблюденія. Между прочимъ, авторъ указываетъ на случайную обработку мѣдной руды и на одно мѣсторожденіе циркопа.

Собственно каменно-угольная Донецкая формація состоитъ изъ разныхъ породъ, относящихся къ тремъ главнымъ классамъ: къ первому относятся породы, состоящія преимущественно изъ кварца и содержащія также полевой шпатъ, каолинъ, слюду и амфиболъ, болѣе или менѣе разложившійся; ко второму относятся сланцы, состоящіе изъ землистаго, довольно рыхлаго тѣста; къ третьему известняки плотные, либо полусатаровидные. Кварцевыя породы составляютъ $\frac{17}{20}$, известнякъ $\frac{2}{20}$, а сланцы $\frac{1}{20}$ всей формаціи.

Породы перваго класса суть псаммиты, песчаники, пудинги, аркозы и многочисленныя переходы псаммита въ сланцы и даже известняки.

Глинистые сланцы въ своей типической формѣ состоятъ изъ голу-бовато-темнаго тѣста, повидимому совершенно однороднаго даже подъ микроскопомъ. При ударѣ они не издають такого звука, какъ аспидный камень, имѣють малую твердость, такъ что легко ломаются отъ давленія руки. Строевіе иногда листоватое. Поверхности отдѣльныхъ листовъ часто бывають покрыты оболочкою буро-краснаго или желтова-таго цвѣта со многими отпечатками ископаемыхъ растений. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ соприкосновеніи съ камешнымъ углемъ, сланецъ становится болѣе землистымъ и обращается въ массу пепель-наго цвѣта. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Донецкаго края вовсе нѣтъ сланцевъ; въ другихъ, и особенно въ тѣхъ, которыя изобилуютъ минераль-нымъ топливомъ, они встрѣчаются довольно часто.

Известнякъ обыкновенно находится небольшими слоями, сподчи-ненными псаммиту, но не такъ часто какъ сланецъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ образуетъ огромныя и непрерывныя массы. Самымъ обыкновеннымъ известнякомъ почитается плотный, темносѣрый, *смолистый*, и при ударѣ обнаруживающій *непріятный запахъ*.

Жаль, что авторъ не показалъ ни состава смолы, ни состава веще-ства, отъ котораго происходитъ запахъ. Эти два обстоятельства важны для теоріи образованія каменнаго угля.

Кромѣ главныхъ породъ, въ западной части края встрѣчаются еще нѣкоторыя исключительныя, изъ которыхъ особенно замѣчательны доло-

мить, совершенно соответствующий своему нормальному составу (1 атомъ углекислой извести и 1 атомъ углекислой магнезии).

Въ породахъ, составляющихъ каменно-угольную формацию, и особенно въ известнякахъ, содержится очень много органическихъ остатковъ. Чаще всего встречается *Productus antiquatus* (Sow); также *Productus concinnus*, *P. lobatus*, *P. latissimus*, *P. hemisphaericus*, *P. giganteus*, *P. scabriculus*, *P. fimbriatus*. Изъ другихъ родовъ — *Spirifer Mosquensis*, *Spirifer rotundatus*, *S. glaber*, *S. striatus*, *Nerita spirata*. Здѣшніе энкрипты представляютъ все возможные размеры отъ одной линии до одного дюйма въ діаметрѣ и заключены въ агатовидномъ кварцѣ. Самый кварцъ находится гѣздами посреди огромныхъ массъ известняка. Въ глинистыхъ сланцахъ находится множество раковинъ, проникнутыхъ желѣзнымъ колчеданомъ. Ископаемыхъ растений здѣсь много, но они не такъ богаты видами, какъ животные остатки. Преимущественно отпечатки растений находятся въ глиняныхъ сланцахъ и именно гдѣ они соприкасаются съ каменнымъ углемъ.

За тѣмъ авторъ разсматриваетъ положеніе, наслоеніе и взаимную перемежаемость породъ каменно-угольной формации, и потомъ переходитъ къ формациямъ — Бахмутской рухляковой, двумъ мѣловымъ, третичной Понтийской степи, прѣсноводной Таганрогской и формации новыхъ прѣсноводныхъ осадковъ.

Бахмутская рухляковая формация состоитъ изъ красной, мало вязкой глины, не заключающей никакихъ органическихъ остатковъ; б) изъ гипса, слои котораго имѣютъ иногда сажень и болѣе толщины; с) изъ известняка, иногда раковистаго и поздраватаго, — иногда сплошнаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ известнякъ содержитъ магнезію, но въ меньшей пропорціи, чѣмъ доломитъ; d) изъ песчаниковъ; e) изъ каменной соли. Гипсъ занимаетъ нижнюю, известнякъ верхнюю часть формации.

Не останавливаясь на остальныхъ формацияхъ, обозримъ бѣгло содержаніе втораго отдѣла этой главы, содержащаго изслѣдованія о переворотахъ земнаго шара, оставившихъ послѣ себя слѣды въ Донецкомъ краѣ.

Съ перваго взгляда, говоритъ авторъ, поднятіе Днѣпровской кристаллической формации и поднятіе каменно-угольныхъ породъ можно было бы принять за два явленія, тѣсно связанные между собою. Въ такомъ случаѣ въ періоды кембрийскій, силурскій и девонскій вся Донецкая область была бы покрыта моремъ и первое появленіе этой части материка слѣдовало бы непосредственно за каменно-угольнымъ періодомъ. Но болѣе внимательное изслѣдованіе подастъ поводъ думать,

что первое основаніе Донецкаго края и прилежащихъ къ нему степей получило начало въ эпоху болѣе новую.

Тамъ, гдѣ каменно-угольные пласты соприкасаются съ пегматитами, первые представляютъ наиболее правильное расположеніе, чего бы не могло быть, если бы пегматиты при своемъ подъемѣ взломали ихъ. Также точно предположеніе одновременнаго происхожденія обѣихъ породъ не согласно съ топографіею страны, гдѣ соприкосновеніе обѣихъ формаций всегда бываетъ покрыто обширными травянистыми равнинами; наконецъ каменноугольная формация не представляетъ ни малѣйшей инфльтраціи эруптивныхъ породъ, а метаморфическія встрѣчаются въ ней очень рѣдко.

Съ другой стороны, по мнѣнію автора, есть много такихъ явленій, которыя доказываютъ, что первое поднятіе кристаллической формации предшествовало каменноугольному періоду. Въ бассейнѣ Днѣпра находятся обширные осадки, состоящіе изъ песчаниковъ, сланцевъ и известняковъ и заключающіе въ себѣ такія ископаемыя, которыми характеризуется силурская формация, именно нѣкоторые виды *Orthocerotites*, *Producta*, *Spirifer* и др. Всѣ геологи, наблюдавшіе эту осадочную формацию, увѣряютъ, что она лежитъ горизонтальными слоями на западномъ склонѣ Днѣпровской кристаллической возвышенности, изъ чего слѣдуетъ, что появленіе этой возвышенности предшествовало силурскому періоду.

Днѣпровская кристаллическая формация по мнѣнію автора образовалась одновременно, въ одинъ моментъ; иначе позднѣе выступившія части ея должны были взломать древнѣйшія и проникнуть въ каменноугольные пласты. Наконецъ среди общаго переворота, измѣнившаго абсолютную высоту юговосточной части Европы, относительныя высоты силурскихъ и пегматитовыхъ породъ потеряли самыя незначительныя измѣненія.

Силурскія формации Подольской губерніи и западнаго края Днѣпровской возвышенности покрыты одною ильвою формациею, слѣдственно поднятіе ихъ послѣдовало непосредственно за силурскою эпохою. Этотъ переворотъ благоприятствовалъ скопленію минеральнаго богатства въ нынѣшней Донецкой области, потому что увеличилъ протяженіе материка, на которомъ произрастали растенія, доставившія въ слѣдующемъ періодѣ первый матеріалъ для каменнаго угля, но не измѣнилъ положенія осадочныхъ породъ.

Осажденіе Донецкихъ каменноугольныхъ породъ произошло на огромномъ протяженіи въ томъ морѣ, изъ котораго выдавались кристаллическіе и силурскіе острова Царства Польскаго, Саксоніи и Бове-

мін, Гарца, Таунуса и Гундерюка, Арденскихъ и Вогезскихъ горъ, Нормандіи и Бретани, Британскихъ острововъ, Швеціи и Норвегіи, Финляндіи и пр. Въ Россіи, по изслѣдованіямъ Мурчисона, эта система продолжается отъ Тулы и Калуги до Архангельска и далѣе. Судя по органическимъ остаткамъ, надобно полагать, что осажденіе совершалось въ продолженіи длиннаго спокойнаго періода при самыхъ одностороннихъ физическихъ явленіяхъ; что выдавшіеся острова были покрыты одинаковыми растеніями и что одни и тѣже виды морскихъ животныхъ, существенно различныя отъ силурскихъ видовъ, размножались на всемъ пространствѣ этого обширнаго океана.

За этою спокойною эпохою послѣдовалъ переворотъ, поднявшій каменноугольные пласты и дѣйствовавшій гораздо сильнѣе на западъ, чѣмъ на востокъ Европы. Въ Россіи поднялась каменноугольная полоса на 1800 верстъ длины отъ низовья въ Днѣпру до Бѣлаго моря. Эта каменноугольная полоса параллельна съ каменноугольною цѣпью сѣверной Англіи.

Затѣмъ авторъ разсматриваетъ причины, измѣнявшія Донецкіе каменноугольные пласты по направленію отъ В. С. З. къ В. Ю. В. Онъ не находитъ возможности допустить, чтобы это измѣненіе было слѣдствіемъ того же переворота, который поднялъ главную ось, а потому и полагаетъ, что это измѣненіе произошло отъ переворота, подымающаго породы по направленію большаго круга, проходящаго черезъ цехштейнскій бассейнъ Мансфельда и герцогства Гессенскаго перпендикулярно по ихъ меридіану. Этотъ кругъ пересѣкаетъ Бахмутскій меридіанъ подъ угломъ 65° , слѣдов. параллельно среднему направленію каменноугольныхъ породъ. Слѣдов. это тотъ самый переворотъ, который поднялъ цехштейнъ, древній красный песчаникъ и каменноугольную формацию въ южной части Гарца и измѣнилъ положеніе пластовъ каменнаго угля въ Вестфалии, Бельгіи и Валлисъ. Этотъ переворотъ предшествовалъ образованію Вогезскаго песчаника и триаса.

Затѣмъ авторъ находитъ близкое сходство между каменноугольнымъ Донецкимъ краемъ и Рурскимъ бассейномъ; простаравшимся между рѣками Везеромъ и Рейномъ отъ Миндена до Дюссельдорфа.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ слѣдовать за авторомъ въ исторіи дальнѣйшихъ переворотовъ, потрясавшихъ Донецкій край, — и переходимъ къ третьей главѣ, — описывающей мѣсторожденія каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ.

Горючіе минералы Донецкаго кража принадлежатъ къ тѣмъ видамъ,

которые у минералоговъ и химиковъ известны подъ именами камсваго угля и антрацита. Антрацитъ отличается отъ угля самымъ однороднымъ строеніемъ, блестящимъ раковистымъ изломомъ и большою плотностію. Иногда, впрочемъ, онъ имѣетъ листоватое строеніе и дѣлится на параллелепипеды; иногда у него и строеніе неправильное и изломъ неровный, какъ бы заозистый.

Каменный уголь, по составу и строенію, одинаковъ съ каменнымъ углемъ, добываемымъ во Франціи, Бельгіи и Великобританіи. Самыя обыкновенныя измѣненія принадлежать къ разряду тошыхъ углей, дающихъ очень много газа и оставляющихъ послѣ горѣнія спекшіяся коксъ. Такимъ образомъ въ западной оконечности формациі часто встрѣчается горючій матеріалъ, который, послѣ быстрой перегонки въ закрытомъ сосудѣ, сохраняетъ только половину своего вѣса въ коксъ. Спекшающіеся каменные угли рѣже. Уголь Аппинской копи, принадлежащей къ Луганскимъ разработкамъ, при обыкновенномъ каленіи, вздувается до того, что поднимаетъ крышки тиглей и даетъ около 75% углерода. Есть виды, дающіе углерода еще болѣе. Антрацитъ находится почти исключительно въ восточной части края, соседней съ Дономъ и Нижнимъ Донцомъ; на противоположной оконечности края уголь самый тошій и самый газовый; а самый жирный уголь между двумя означенными предѣлами, особенно въ Торецкихъ и Луганскихъ копяхъ. Уголь чаще всего сопутствуетъ сланцамъ и мелкозернистымъ, либо сланцеватымъ псаммитамъ. Рѣдко онъ находится въ сопряженіи съ кварцевыми псаммитами — и никогда авторъ не находилъ его посреди большихъ известняковыхъ массъ. Но пласты известняка черваго, раковистаго, смолистаго и паучаго, соподчиненные глинистымъ сланцамъ, содержатъ въ себѣ каменный уголь. Случается, что известняковые пласты, содержащіе *productus antiquatus* и *spirifer Mosquensis*, состоятъ въ сопряженіи съ каменнымъ углемъ.

Толщина слоевъ угля рѣдко больше $3\frac{1}{2}$ футовъ. Средняя толщина изъ 225 образцовъ = 2 футамъ. Слои часто перерываются и не представляютъ никакой связи съ какою либо системою осадковъ. Среднее склоненіе ихъ = 38° . Иногда слои угля лежатъ параллельно одинъ надъ другимъ, но число такихъ параллельныхъ слоевъ нигдѣ не простирается болѣе 10. Такія изъторженія не всегда оказываются самыми богатыми, потому что толщина этихъ слоевъ часто такъ мала, что не представляетъ выгодной разработки.

Железная руда въ каменноугольной формациі встрѣчается очень часто. Она находится также въ нижней части мѣловой формациі и даже

въ песчаныхъ наносахъ, по теченію Дѣнца, между Изюмомъ и Подгорнымъ. Она находима была авторомъ только въ двухъ видахъ: воднаго желѣзнаго окисла или бурого желѣзняка и камневиднаго углекислаго желѣза. Эти руды преимущественно встрѣчаются въ сланцеватыхъ псаммитахъ и сланцахъ; нѣкоторые слои до такой степени бываютъ проникнуты водокисью желѣза, что представляютъ всевозможные переходы отъ сланца, собственно такъ называемаго, до желѣзной руды въ землистомъ состояніи. Самыя богатая желѣзною рудою части въ этомъ случаѣ отдѣляются отъ сланца въ видѣ плоскихъ почегъ. Въ другихъ мѣстахъ водный окислъ желѣза образуетъ неправильные куски и небольшіе жеоды разсыпанные въ сланцахъ; такіе сланцы, повидимому, не имѣютъ большаго протяженія, но могли бы составить предметъ открытыхъ, хотя не слишкомъ значительныхъ, разработокъ. Рѣже встрѣчаются очень большіе жеоды, состоящіе изъ чистаго окисла. Внутренняя ихъ поверхность сосцевидна, а наружная гладка и блестяща. Это настоящіе бурые гематиты (кровавики). Иногда водный окислъ образуетъ массы плотныя, либо перерѣзанныя небольшими трещинами. Эти трещины покрыты бурой, съ радужными отливами, оболочкою, содержащею марганецъ. Обѣ руды, т. е. жеодовая и плотная, находятся въ большомъ количествѣ въ бѣлыхъ и охристыхъ глинахъ, непосредственно покрывающихъ каменноугольную формацию и даже проходятъ между самими пластами этой формации. Эти глины повидимому произошли отъ разрушенія глиняныхъ сланцевъ каменноугольной формации; главнѣйшія мѣсторожденія находятся въ гидрографическомъ бассейнѣ Лугани, именно въ окрестностяхъ Городища, Малой Ипановки, Павловскаго, и т. д. Самыя значительныя изъ нихъ лежатъ въ двухъ верстахъ отъ Городища. Есть преданіе, что желѣзныя руды здѣсь разрабатывались Татарами и Генуезцами: это подтверждается открытіемъ въ этихъ мѣстахъ заводскихъ шлаковъ и моветъ. Городищенское мѣсторожденіе начали снова разрабатывать въ 1795 году и наибольшая часть руды, переплавленной на Луганскомъ заводѣ, добыта въ этомъ мѣсторожденіи.

Разработка рудъ, находящихся въ известнякѣ, оказалась невыгодною. Нѣкоторые известняковые слои, залегающіе между псаммитами и глинистыми сланцами, бываютъ иногда до того проникнуты желѣзнымъ окисломъ, что могутъ поступить въ доменную плавку какъ руда и какъ плавень для глинистыхъ рудъ. Водный окислъ желѣза находится еще гнѣздами и небольшими слоями въ пескахъ, образующихъ нижнюю часть мѣловой формации, и наконецъ въ измененныхъ долинахъ, состо-

лишки из кварцеваго песку и примыкающих къ лѣвому берегу Донца.

Камневидное углекислѣе желѣзо часто встрѣчается, особенно въ группѣ Каменскихъ разработокъ. Эта руда повидному разсыяна, безо всякой правильности, небольшими пластинками, либо янцевидными и плоскими почками. Большія почки лежатъ въ изслѣдованномъ мѣсторожденіи, посреди глинистыхъ сланцевъ и сланцеванныхъ псаммитовъ. Не рѣдко они бывають окружены слоемъ водножелезнаго окисла и почками такой же, но совершенно чистой руды.

Авторъ приложилъ затѣмъ очень подробныя таблицы изслѣдованныхъ мѣсторожденій каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ. Все это вмѣстѣ съ картами разрѣзовъ достаточно для того, чтобы составить полное и ясное понятіе, какъ о пластованіи породъ, такъ и о мѣсторожденіяхъ описываемыхъ минераловъ.

Въ четвертой главѣ авторъ разсуждаетъ: 1) О важности Донецкихъ каменноугольныхъ мѣсторожденій; 2) о настоящемъ и будущемъ сбытѣ каменнаго угля; 3) о средствахъ къ усиленію каменноугольныхъ разработокъ въ Донецкомъ краѣ.

Изъ 4000000 десятинъ, составляющихъ разсматриваемую область, около 2000000 не покрыто другими породами, такъ что горючіе минералы на всемъ этомъ пространствѣ могутъ выступать наружу. До сихъ поръ доказано существованіе 94 каменноугольныхъ мѣсторожденій, но число годныхъ къ разработкѣ простирается до 65. Наконецъ 33 мѣсторожденія были до сихъ поръ предметомъ собственно такъ называемыхъ разработокъ.

Вообще, судя по даннымъ, изложеннымъ въ третьей главѣ, Донецкій край далеко не можетъ быть поставленъ въ параллель съ тѣми каменноугольными бассейнами, которые, по причинѣ своего минеральнаго богатства, играютъ въ настоящее время весьма важную роль въ западной Европѣ. Тогда какъ самый главный разрабатываемый слой на Донцѣ имѣетъ только 24 фута толщины, тамъ многіе слои гораздо толще, въ 30, 65, 82, 130, 200 и даже 330 футовъ. Различіе въ минеральномъ богатствѣ по мнѣнію автора соответствуетъ различію въ геологическомъ составѣ почвы. Въ Великобританіи, Франціи, Бельгіи и Германіи каменноугольныя породы, относительно богатства содержащагося въ нихъ угля, представляютъ два главныхъ и очень различныхъ между собою яруса — нижній, имѣющій гораздо большую толщину и состоящій изъ псаммитовъ, глинистыхъ сланцевъ, а въ особенности изъ огромныхъ толщей известняка; верхній, въ которомъ известнякъ встрѣчается рѣдко, а преобладають напротивъ того псаммиты, глинистые сланцы и

сланцеватая глина. Осадки нижняго яруса, названные горным или каменноугольным известнякомъ (calcaire carbonifere) составляютъ почву цѣлыхъ провинцій: они изобилуютъ животными остатками и заключаютъ въ себѣ только небольшое количество минеральнаго топлива, осадки верхняго яруса, названные по преимуществу каменноугольною формациею (terrain houiller), представляютъ гораздо меньшее пространство, содержатъ въ себѣ только часть животныхъ, характеризующихъ горный известнякъ, но большое количество каменнаго угля. А Донецкіе осадки надобно отнести по аналогіи къ нижнему ярусу; только въ сравненіи съ этимъ ярусомъ западной Европы они гораздо богаче. Притомъ здѣшняя каменноугольная область гораздо обширнѣе соответствующихъ областей западной Европы и менѣе раскрыта разработками, что все говоритъ въ пользу будущаго ея богатства. Далѣе авторъ замѣчаетъ, что если собственно каменноугольные осадки нигдѣ не встрѣчаются въ Донецкомъ краѣ; то не отъ того, чтобы ихъ тамъ не было, а отъ того, что они покрыты другими позднѣйшими осадками.

При достаточно-легкомъ сбытѣ, по мнѣнію автора, разсмотрѣнныя имъ группы могутъ производить въ годъ до 18300000 пудовъ каменнаго угля.

Переходя къ изслѣдованію о нынѣшнемъ и будущемъ сбытѣ каменнаго угля, авторъ замѣчаетъ, что первое потребленіе его для выдѣлки желѣза. Прежде всего онъ вводится въ употребленіе кузнецами и слесарями. Луганскій заводъ почти исключительно пробавляется Донецкимъ углемъ. Къ сѣверу для этого употребленія уголь идетъ до Харькова, къ западу до Екатеринославля и во все города, лежащія по нижнему Днѣпру, на югъ во все при-Донецкіе города, въ Таганрогъ, Мариуполь и т. д. Небольшое количество угля употребляется для домашняго отопленія, для небольшихъ сельско-хозяйственныхъ заведеній, фабрикъ, для жженія извести и алебаstra. Наконецъ съ 1836 года начали отправлять уголь по Днѣпру и Дону въ Азовское море для выговы, имѣющихъ цѣлю рѣшить вопросъ, можетъ ли Донецкое минеральное топливо съ успѣхомъ выдержать соперничество съ англійскимъ каменнымъ углемъ на пароходахъ. Въ 1839 году, какъ видно изъ таблицы автора, употреблено угля 877250 пудовъ.

Что касается до вѣроятныхъ будущихъ успѣховъ каменноугольной промышленности, очевидно, что эти успѣхи зависятъ: а) отъ расширенія мѣстнаго потребленія и б) отъ возможности потребленія на Азовскомъ, Черномъ, и, можетъ быть, Средиземномъ морѣ. Относительно перваго предмета расширеніе промышленности не можетъ быть значи-

тельными. Донъ и Довецъ не имѣютъ почти нигдѣ прямого соприкосновенія съ каменноугольными разработками, и доставленіе топлива въ ближайшіе узлы всегда будетъ производиться сухимъ путемъ, а сухопутная перевозка никогда не можетъ сдѣлаться въ южной Россіи дешевле настоящаго времени. Мануфактурныя заведенія сосредоточены въ другихъ болѣе населенныхъ частяхъ имперіи, что вѣроятно останется надолго. Домашнее потребленіе ограничивается тѣмъ, что поселяне вездѣ стараются извлекать топливо изъ своей собственной земли, хотя оно и обходится дороже. Луганскій заводъ не достигъ еще той степени, до какой онъ можетъ достигнуть; притомъ производство этого завода подрывается соперничествомъ уральскихъ заводовъ.

Что касается до потребленія угля на Азовскомъ и Черномъ морѣ, авторъ думаетъ, что по всей вѣроятности оно вскорѣ приметъ громадные размѣры. Въ самомъ дѣлѣ за 12 лѣтъ до 1834 года въ бассейнѣ Чернаго моря не было почти никакого потребленія каменнаго угля, а въ 1839 году его употреблено 549000 пудовъ. Причинами этого усиленія потребленія служатъ необыкновенное плодородіе южной Россіи, обширность хлѣбной торговли и возрастаніе городовъ, которые не могутъ обойтись безъ мануфактуръ. Но и здѣсь потребляется не Довепкій, а заграничный уголь. Привозный каменный уголь продается въ Одессѣ по 47 к. сер. за пудъ, до чего не можетъ въ настоящее время дойти Донецкій уголь. Авторъ посвящаетъ этому предмету обширное разсужденіе и затѣмъ переходитъ къ разсмотрѣнію средствъ увеличенія каменноугольнаго производства въ Довецкомъ краѣ.

Здѣсь онъ упоминаетъ о новыхъ развѣдочныхъ работахъ, производимыхъ по распоряженію правительства, причемъ полагаетъ, что гораздо выгоднѣе производить подробнѣйшіе развѣдки мѣсторожденій уже известнѣхъ и на небольшихъ глубинахъ, чѣмъ предпринимать совершенно новыя развѣдки и слишкомъ углубляться, ибо всѣ выгоды новыхъ открытій, какъ бы они важны ни были, не могутъ вознаградить неизбежныхъ потерь. Еще менѣе можно ожидать пользы отъ развѣдокъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ каменноугольная формація покрыта другими породами; но въ этомъ отношеніи авторъ дѣлаетъ исключеніе для той части мѣловой формаціи, которая находится на лѣвомъ берегу Донца; на высотѣ Лисичей Балки. Если гдѣ нибудь въ Довецкомъ краѣ существуетъ собственно каменноугольная формація (*terrain houiller*), то всего вѣроятнѣе она откроется въ этой мѣстности. Нѣсколько буреній на разстояніяхъ, отъ Донца постепенно увеличивающихся, были бы достаточны для рѣшенія этого вопроса.

Открытие сбыта — именно основание новых чугунныхъ заводовъ, по мнѣнію автора, тоже не повело бы къ цѣли, потому что произведенія этихъ заводовъ далеко превзошли бы потребности края.

Наложение на иностранннй каменный уголь таможенной пошлины въ той мѣрѣ, чтобы для Донецкаго угля былъ обезпеченъ сбытъ по 23 коп. сер. за пудъ на Одесскомъ рынкѣ, кажется автору мѣрою самою надежною; безъ нея невозможно ни улучшение разработокъ, ни доведение цѣны до той точки, чтобы онѣ могли соперничать съ цѣнами привознаго угля.

Затѣмъ слѣдуютъ химическія разложенія Донецкаго угля. Г. Маленко въ этихъ изслѣдованіяхъ имѣлъ въ виду преимущественно прикладную цѣль, а потому заботился преимущественно объ опредѣленіи въ углѣ горючихъ веществъ, оставляя безъ разложенія золу. Известно, что при обжиганіи углей отдѣляются вещества газообразныя, происходяща чрезъ разложение водо-углеродныхъ соединеній и остается коксъ. Отъ сжиганія кокса остается наконецъ зола. Уголь, дающій наибольшее количество кокса, даетъ и наибольшій жаръ. Таблицы, показывающія результаты разложеній, составлены отчетливо, но жаль, что не видно, изъ чего состоитъ зола. Этого недостатка не пополнялъ и переводчикъ, дополнившій эту статью весьма любопытнымъ приложеніемъ. Изъ приводимыхъ имъ испытаній г-на Воскресенскаго оказывается, что Грушевскій антрацитъ содержитъ: углерода 93,783; водорода 1,732; кислорода и азота 2,978, золы 1,573; Лисичинскій углерода 90,798; водорода 2,840; кислорода и азота 1,712, золы 4,850. Каменный уголь Краснокутскій углерода 71,173; водорода 4,977; кислорода и азота 21,2; золы 2,348. Изъ Петровской слободы углерода 72,259; водорода 3,524; кислорода и азота 21,67; золы 3,160. Жаль, что въ анализѣ каменнаго угля кислородъ не отдѣленъ отъ азота. Въ приводимыхъ для сравненія разложеніяхъ Ричардсона и Реньо количество кислорода и азота, выставленное также вмѣстѣ, нигдѣ не доходитъ до этой цифры. Въ этомъ же приложеніи содержится свѣдѣніе объ опытахъ, произведенныхъ на нѣсколькихъ пароходахъ надъ употребленіемъ антрацита Грушевскаго и Екатерининскаго. Первый дороже, но несравненно лучше.

Въ слѣдующей статьѣ г. Маленко о буреніи подтверждаются положенія г. Де Пле, нами уже выписанныя.

За тѣмъ помѣщена статья г. Лалана объ астрономическихкихъ наблюденіяхъ и географіи края. Лугаискій заводъ лежитъ приблизительно

подъ $48^{\circ}33' 35''$ С. Ш. $57^{\circ}2'$ долготы. Склоненіе магнитной стрѣлки здѣсь $4^{\circ} 48' 28''$.

Слѣдуетъ статья о климатѣ и каталогъ растений, собранныхъ докторомъ Левелле.

Въ прибавленіи, составленномъ г. Ле Пле въ 1853 году, содержатся данныя, сдѣлавшіяся известными въ продолженіи послѣднихъ 14 лѣтъ. Подъ управленіемъ одного изъ горныхъ русскихъ инженеровъ образовалась компанія для основанія другаго желѣзнаго завода около Керчи, на мѣсторожденіи желѣзныхъ рудъ Камышь Буруна. Почти въ то же время образовались два разрабтки, назначенныя для снабженія углемъ Черноморскаго бассейна, въ двухъ каменноугольныхъ группахъ, ближайшихъ къ Дону и Азовскому морю, первая подлѣ Елизаветинской станицы при слияніи Дона съ Дономъ, въ Александровской копи. Въ 1850 г. она дала 245000 пуд., угля, напротивъ Грушевскія копи въ 1839 г. дала 15000, а съ 1850 г., 2400000 пудовъ. Эта усиленная разработка произошла отъ того, что правительство предоставило Донецкому углю и антрацитѣ исключительное потребленіе на военныхъ пароходахъ, а торговая компанія добровольно послѣдовала этому примѣру. Цѣна антрацита въ портахъ Чернаго моря отъ 15 до 20 к. сер. за пудъ. Общее потребленіе каменнаго угля съ 1850 г. простиралось до 3540000 пудовъ, тогда какъ въ 1839 г. было 876600 пудовъ.

Но по расчетамъ автора Донецкія копи нынѣ же могутъ дать до 19520000 пудовъ.

Изъ приложенныхъ переводчикомъ метеорологическихъ таблицъ, составленныхъ М. Ѳ. Спаснимъ, узнаемъ, что въ Луганн:

Средняя годовая высота барометра 593,98 полулѣтій. Средняя измѣняемость 0,88; наибольшая разность 2,57. Средняя высота барометра въ январѣ 597,64, въ июлѣ 590,38.

Средняя (по автору нормальная) температура $6,07^{\circ}$ Р. Средняя измѣняемость 0,4 $^{\circ}$; наибольшая разность 1,6 $^{\circ}$. Средняя температура января— $7,07^{\circ}$; средняя измѣняемость 3,0 $^{\circ}$; наибольшая разность 11,9 $^{\circ}$. Средняя температура июля 18,54 $^{\circ}$; средняя измѣняемость 1,3 $^{\circ}$; наибольшая разность 4,6 $^{\circ}$. Зимомъ термометръ опускается иногда до 30 $^{\circ}$ ниже нуля, а лѣтомъ нередко достигаетъ 30 $^{\circ}$ выше нуля. Суточное измѣненіе доходитъ иногда до 18 $^{\circ}$.

Во второмъ приложеніи переводчикъ сообщаетъ извлеченіе изъ сочиненія Проф. Теофилактова о Днѣпровской кристаллической формации въ губерніяхъ Кіевской, Волынской и Подольской. Формация эта состоитъ здѣсь изъ гранита, какъ господствующей породы, сіенита,

гиперстеза и особого видоизмѣненія, которое авторъ называетъ пеликанитовымъ гранитомъ. Гранитъ двухъ видовъ—сѣрый и красный. Сѣрый состоитъ изъ сѣроватаго и бѣловатаго ортоклаза, серебристой, бронзовой, либо бурой слюды (преимущественно двуосной) и сѣроватаго, либо безцвѣтнаго кварца. Въ немъ встрѣчаются вениса и альбитъ; послѣдній рѣже, чѣмъ первая. Этотъ гранитъ быстро разрушается. Фарфоровая глина близъ Корца, Городницы и Барановки, по мнѣнiю г. Теофилактова, есть продуктъ химическаго разложенiя ортоклаза. Въ красномъ гранитѣ господствующая часть ортоклаза краснаго цвѣта одитъ, либо въ соединенiи съ зеленымъ олигоклазомъ, потому слюда и кварцъ, послѣднiй гораздо менѣе, чѣмъ въ сѣромъ гранитѣ, а потому гнейсо-гранитъ, какъ сподчиненная порода, случается только между сѣрыми гранитами. Кристалловъ венисы здѣсь также нѣтъ, а вмѣсто ея встрѣчается иногда роговая обманка, способствующая переходу гранита въ сіенитъ. Красный гранитъ медленно выветривается, а потому составляетъ превосходный материалъ для зданiй. Сѣрый гранитъ находится преимущественно въ сѣверной, а красный въ южной части этой формаціи. Прочiя исчисленныя выше породы гораздо рѣже. Особенно замѣчательнъ опаловый или пеликанитовой гранитъ. Главную составную часть его составляетъ особое вещество, которое Эйхвальдъ почитаетъ измѣненiемъ полеваго шпата и называетъ пеликанитомъ. Самую породу Эйхвальдъ привалъ за порфиръ и назвалъ ее глинистымъ или полевошпатовымъ порфиромъ. Г. Теофилактовъ находитъ большое сходство пеликанита съ полуопаломъ.

Въ опаловомъ гранитѣ находятся между прочимъ зерна вениса, содержащiя внутри себя кварцъ, и опалъ обыкновенный и драгоценный.

Сіенитъ бываетъ крупный и мелкозернистый; существенныя части обонхъ лабрадоръ и гиперстенъ. Примеси апатитъ, черная или бронзовая слюда, плавиковое желѣзо, сѣрый колчеданъ и кварцъ.

По всему вѣроятiю, говоритъ г. Щуровскiй, днѣпровская кристаллическая масса выступила по направленiю весьма длинной трещины и образовала плоскую возвышенность между Днѣпромъ и Бугомъ. Г. Теофилактовъ называетъ эту возвышенность гранитнымъ эллипсоидомъ. Но между этою возвышенностью и тѣми горами, которыя Фонтъ-Бушъ называетъ эллипсоидами, нѣтъ ничего общаго.

Въ статьѣ о каменноугольной формаціи переводчикъ, исчисляя труды предшествовавшихъ Ле-Пле ученыхъ, обращается наконецъ къ позднѣйшему изслѣдованiю Мурчисона. Мурчисонъ дѣлитъ горный известнякъ на три яруса. Нижнiй заключаетъ въ себя каменный уголь и остатки

раковины *Productus giganteus*; въ среднемъ угля не бываетъ и находится раковина *Spirifer Mosquemos*; верхній также безъ угля характеризуется остатками раковины *Fusulina cylindrica*. Въ северномъ бассейнѣ встрѣчается то верхній, то оредній ярусъ, а въ Донецкомъ бассейнѣ — нижній ярусъ.

Слѣдуютъ статьи переводчика о третичной формациі Повтійской степи, о прѣсноводной Таганрогской формациі, о новыхъ переносныхъ осадкахъ — статья заключающая любопытныя свѣдѣнія о черноземѣ и потомъ о мѣсторожденіяхъ каменнаго угля и желѣзныхъ рудъ. Изъ послѣдней заимствуетъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Одинъ фунтъ антрацита можетъ нагрѣть отъ 0° до 80° 75 фунтовъ воды. Сажень осиновыхъ дровъ по своей нагревательной силѣ = 20,74 пудамъ, сажень березовыхъ = 25,77 пуд., сажень пятичетвертыхъ словыхъ = 33,6 пуд. Въ сравненіи съ каменнымъ углемъ нагревательная сила антрацита на 10% больше. Антрацитъ, содержащій колчеданы, не годится для плавки чугуна и выдѣлки желѣза, которое отъ сѣры становится ломкимъ. Антрацитъ смѣшанный съ 20—30% глины можетъ еще горѣть, но медленно и безъ пламени.

Разсмотрѣвъ отдѣлія каменнаго угля, авторъ между прочимъ упоминаетъ о способѣ очищенія угля отъ колчедана посредствомъ поваренной соли, предложенномъ Кольвертомъ.

Лигниты при горѣніи не измѣняютъ формы, горятъ съ пламенемъ и неприятнымъ запахомъ, заключающимъ отъ пригорѣлой (древесной) кислоты (*acidum pyrolignosum*). Лигнитъ не даетъ кокса. Осколки его, съ прѣткращеніемъ пламени, распадаются въ пепель. Антрацитъ и каменный уголь принадлежатъ собственно первичнымъ или палеозоическимъ, и частью вторичнымъ или мезозоическимъ, лигнитъ однимъ третичнымъ или кайнозойскимъ формациямъ. Торфъ есть произведеніе нынѣшняго времени.

Искапаемый уголь на мѣстѣ своего образованія отдѣляетъ изъ себя два газа: водоуглеродъ (*hydrogène carboné*) и углекислоту. Первый у рудокоповъ называется газу, а второй шкетомъ. Объ этихъ газахъ, равно о разсматриваемыхъ г. Щуровскимъ явленіяхъ, мы будемъ говорить въ послѣдней статьѣ.

Захѣтъ идетъ статьи: Сравненіе Донецкаго бассейна съ Рурскимъ. Здѣсь приведено мнѣніе Мурчисона, по которому Донецкій бассейнъ несходенъ съ Рейнскимъ въ томъ отношеніи, что въ Рейнскомъ бассейнѣ, между мѣловыми осадками и каменноугольною формациею, находятся промежуточные пласты цинштейна, которыхъ въ Донецкомъ бассейнѣ вовсе

нѣтъ. Напротивъ Мурчисонъ видитъ ближайшее сходство между Донецкимъ бассейномъ и сѣверо-западными округами Англій.

Железное производство Донецкаго края, и наконецъ, описаніе извѣстнѣйшихъ каменноугольныхъ бассейновъ, для сравненія съ Донецкимъ, гдѣ г. Щуровскій разсматриваетъ: 1) бассейны Британскихъ острововъ; 2) Бельгіи, Франціи и Испаніи; 3) Германіи; 4) Сѣверной Америки и 5) Европейской и Азіатской Россіи.

Превосходство Британскихъ каменноугольныхъ копей передъ всеми другими состоятъ: а) въ непрерывности слоевъ на большомъ пространствѣ, б) въ разнообразіи видовъ угля; в) въ богатствѣ желѣзной руды, особенно сѣросодержата (углекислаго желѣза), и присутствіи всѣхъ матеріаловъ, нужныхъ для желѣзнаго производства, и d) въ счастливомъ положеніи для сбыта. Первые историческія свѣдѣнія о копяхъ Ньюкестля являются въ 1240 г. Черезъ два столѣтія Ньюкестль въ состояніи былъ отправить въ Булонь 3000 тоннъ. Въ 1740 г. въ Англій считалось 59 заводскихъ печей, дѣйствовавшихъ исключительно древеснымъ углемъ. Въ 1750 году для этого стали употреблять коксъ. Въ 1780 г., выдѣлка желѣза возросла до 300000 тоннъ. Въ настоящее время чугуна и желѣза выдѣлывается болѣе 2000000 тоннъ, на что потребляется болѣе 42000000 тоннъ угля, а все потребленіе простирается до 40000000 тоннъ.

Пропустивъ бассейны Бельгіи, Франціи, Испаніи, Германіи и Америки, извлечемъ нѣсколько словъ изъ статьи г. Щуровскаго о бассейнахъ Россіи, кромѣ Донецкаго. Въ Европейской Россіи ихъ три: сѣверный, восточный и западный. Сѣверный, начавшись отъ Архангельска и Мезея, тянется довольно узкою полосою до рѣки Вытегры и Онежскаго озера; потомъ, расширившись, покрываетъ все пространство, ограниченное двумя извѣстными плато Валдайскимъ и Орловскимъ, называемое обыкновенно Московскою котловиною или Московскимъ бассейномъ. Сѣверный бассейнъ имѣетъ два яруса: верхній и нижній. Каменный уголь принадлежитъ только нижнему. Этотъ ярусъ лежитъ очень глубоко и не всегда доступенъ. Онъ разрабатывается только по краямъ котловины, въ губерніяхъ Новгородской, Тульской и Калужской. Тульскій уголь даже лучшій (Валинскій), не имѣетъ нужныхъ качествъ и по нагревательной силѣ уступаетъ даже торфу. Въ 1850 г., составлена особая экспедиція подъ начальствомъ геолога Пандера и Подполковника Томилова. Пандеръ находилъ нужнымъ углубить буровую скважину около селенія Подлюклаго, на берегу Оки, въ 9 верстахъ отъ Серпухова, заложить новыя скважины близъ сел. Соборья, предметія Серпухова

и наконецъ около Подольска, на берегу р. Пахры. Нынѣ, какъ известно, производится буреніе г. Фохтсомъ около самой Москвы, близъ с. Троицкаго. Въ Подмосковномъ краѣ всего добыто каменнаго угля 240787 пуд.

Въ Восточномъ (Уральскомъ) бассейнѣ, составляющемъ длинную дѣль по теченію Чусовой, Уфы, Бѣлой и Сагмары, каменный уголь открытъ до сихъ поръ очень въ немногихъ мѣстахъ; напротивъ въ западной части Россіи или въ Царствѣ Польскомъ угольные слои горизонтальны и непрерывны, притомъ необыкновенно толсты: рѣдкіе толщиною менѣе сажени, большею частію $4\frac{1}{2}$ —3 сажень, въкоторые въ 5—6 сажень; въ Бендзинскихъ разработкахъ толщина угля въ одномъ мѣстѣ доходить до 7 сажень. Здѣсь находятся огнеупорная глина, известнякъ, камневидное углекислосое желѣзо или сферосидеритъ.

Въ Сибири находятся обширнѣйшія мѣсторожденія угля, особенно при подошвѣ Салаирскихъ, Алатагскихъ и Саянскихъ горъ. Салаирскій бассейнъ, называемый также Томскимъ или Кузнецкимъ, занимаетъ всю долину между Алатагскими и Салаирскими горами. Долина эта на всемъ протяженіи прорѣзывается р. Томью; средняя ширина бассейна 400, длина 400 верстъ, слѣдов. площадь 40000 кв. верстъ. Открытыя мѣсторожденія угля оказываются чрезвычайно богатыми; толщина слоевъ доходить иногда отъ 4—3 сажень; найденъ одинъ слой въ 5 сажень. Но этотъ уголь остается до сихъ поръ почти безъ разработки и потребленія.

За Кавказомъ найдено также три мѣсторожденія каменнаго угля.

Изложивъ содержаніе книги, хотя и бѣгло, мы думаемъ, что сказали довольно о ея достоинствахъ. Подобные труды не нуждаются въ похваляхъ. Есть однакожъ и недостатки: одни общіе со всеми другими геологическими сочиненіями, другіе собственные. Въ послѣднемъ отношеніи, можно бы было пожелать ипогда болѣе яспости и отчетливости и болѣе строгой системы,—наконецъ болѣе вниманія къ Химіи и Минералогіи; что касается до первыхъ недостатковъ, мы посвятимъ имъ особую статью, которая и будетъ заключеніемъ нашей рецензіи.

ОСНОВАНІЯ ХИМІИ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ ЕЯ КЪ СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ, ТЕХНИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ДОМАШНЕМУ ВЪЗДУХУ. Сочиненіе *Шмидта*, исправляющаго должность младшаго профессора Горыгорѣцкаго земледѣльческаго Института по части Химіи и Физики. Москва, 1854 года. Двѣ части, часть 1-я, химія неорганическая—333 страницы; часть 2-я, химія органическая—370 страницъ.

При составленіи этой книги авторъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: во-первыхъ дать руководство къ изученію химіи *ab ovo*, и, во-вторыхъ, показать примѣненія ея къ сельскому хозяйству и промышленности технической. То и другое предлагается читателю вмѣстѣ: то есть, при описаніи тѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію элементарной химіи, упоминается и о вліяніи ихъ (если онѣ имѣютъ вліяніе) на сельское хозяйство и техническую промышленность. Чтобы сказать, удовлетворяетъ ли сочиненіе г. Шмидта этимъ двумъ цѣлямъ, мы разсмотримъ отдѣльно и основанія химіи и примѣненія ея.

Элементарная химія составлена превосходно. Въ настоящее время на русскомъ языкѣ нѣтъ болѣе хорошаго сочиненія въ этомъ родѣ, какъ въ отношеніи полноты, такъ и въ отношеніи изложенія. Кроме того, если такъ быстро идетъ впередъ естество-знаніе, если въ этой области наукъ каждый день дѣлаются новыя открытія, то сочиненіе г. Шмидта имѣетъ весьма большое достоинство и по тому, что оно новѣйшее. Основанія химіи раздѣлены на двѣ части: въ первой содержится химія неорганическая, во второй органическая, исторія химіи и приложенія. Трудно сказать, какая изъ этихъ частей составлена отчетливѣе и добросовѣстнѣе: авторъ до конца выдержалъ такой огромный трудъ.

Что же касается до примѣненій химіи, то гораздо было бы лучше, если бы авторъ издалъ ихъ отдѣльно, а то онѣ, занимая довольно много мѣста, разбросаны безъ связи, такъ, что по прочтеніи трудно собрать ихъ въ порядокъ и даже удержать въ памяти. Притомъ, примѣненія эти отвлекаютъ вниманіе отъ главнаго предмета—элементарной химіи, науки и безъ того требующей отъ изучающаго слишкомъ много вниманія. Если г. Шмидтъ примѣненіями химіи хочетъ подготовить своихъ слушателей (студентовъ Горыгорѣцкаго Института, для которыхъ преимущественно назначено сочиненіе) къ лекціямъ сельскаго хозяйства и технологій, то едва ли изложеніе отрывочныхъ понятій будетъ полезно въ этомъ отношеніи, особенно въ такомъ заведеніи

гдѣ сельское хозяйство и технология составляютъ главные предметы изученія. Какъ руководство, какъ учебникъ, химія должна, по нашему мнѣнію, преподаваться въ видѣ самостоятельной науки, иначе она выйдетъ изъ предѣловъ учебника и не будетъ имѣть надлежащей цѣлости и единства, а примѣненія будутъ лишены полноты и ясности. Такъ вышло и у г. Шмидта. О примѣненіи химіи къ сельскому хозяйству, напримѣръ, онъ говоритъ вскользь, мимоходомъ, при описаніи тѣлъ. Напримѣръ, въ статьѣ о кислородѣ, между прочимъ, сказано: «Кислородъ оказываетъ также большое вліяніе и на жизнь растений. Прозрѣніе сѣмянъ происходитъ только въ такомъ случаѣ, когда кислородъ воздуха имѣетъ свободный къ нимъ доступъ, въ чемъ можно удостовѣриться слѣдующимъ опытомъ: если бросить сѣмя какого-либо растенія въ стаканъ, потомъ налить сюда воды и добавить столько масла, чтобы слой его препятствовалъ протоку кислорода воздуха къ сѣмени: тогда прозрѣнія не будетъ вовсе. Этимъ между прочимъ объясняется и то явленіе, что нѣкоторыя сѣмена, пролежавъ цѣлыя столѣтія подъ землею, гдѣ кислородъ воздуха на нихъ вовсе не могъ дѣйствовать, и послѣ бывъ посѣяны, могли прозябать. Кромѣ того кислородъ важное для земледѣльца тѣло и относительно тѣхъ перемѣлъ, которыя онъ производитъ въ составныхъ частяхъ почвы». Въ статьѣ объ амміакѣ упомянуто, что онъ также имѣетъ большую важность для царства растительнаго. По всей вѣроятности, растенія получаютъ свой азотъ главнымъ образомъ изъ амміака, который они (онъ) воспринимаютъ изъ гнѣущихъ органическихъ тѣлъ и изъ воздуха. Образование главной части мучнистаго вещества въ зернахъ пшеницы, ржи и т. п. основано на воспріятіи растеніями амміака. Въ этомъ же родѣ сдѣланы замѣчанія при описаніи извести, кали и другихъ тѣлъ. Г. Шмидтъ самъ сознаетъ, что трудно такія отрывочныя замѣчанія привести въ систему, и потому въ концѣ органической химіи помѣщена имъ особая статья: «Питаніе растений и животныхъ»—передъ которой онъ говоритъ: «О составныхъ частяхъ растенія, а также пахатнаго слоя земли и нѣкоторыхъ другихъ приуготовительныхъ свѣдѣніяхъ, нужныхъ для объясненія питанія растений, было говорено подробно въ разныхъ предыдущихъ статьяхъ. Здѣсь, мы краткими словами, повторимъ все это въ связи». Этой статейки было бы очень и очень достаточно, чтобы показать, какое важное участіе припимаетъ химія въ сельскомъ хозяйствѣ. Вотъ ея содержаніе: 1. Ближайшія и отдаленнѣйшія части растеній; 2. Необходимость минеральныхъ веществъ для полнаго развитія растеній; 3. Составныя части пахатной почвы; 4. Средства питанія растеній;

5. Усвоение растениями углерода и углекислоты; 6. Усвоение растениями водорода, воды, и необходимость последней в других отношениях; 7. Усвоение растениями азота; 8. Необходимость кислорода при прорывании семян; 9. Усвоение растениями минеральных веществ; 10. Питание и возрастание дикорастущих растений; 11. Усиление дикорастущих растений удобрением; 12. Парь; 14. Плодоперемывность. Далее следует статья о питании животных и человека. При статье, которой содержание мы выписали, изложенной коротко, ясно и связно, пригласительные сведения, о которых говорится в разных предыдущих статьях, становятся лишними. Для доказательства выпишем из этой статьи «О необходимости кислорода при прорывании семян»: «Кислород воздуха не имеет никакого влияния собственно на питательный процесс растений. Он необходим только с самого начала развития растений, именно при прорывании семян. Зародыш, хотя в нем и есть уже жизненная сила, еще не обладает способностью поглощать прямо из атмосферы, или всасывать из почвы питательные вещества, а потому он и питается только веществами, запасенными в самом семени. Эти вещества, для того, чтобы могли служить к этой цели, отчасти должны прежде подвергнуться различным переменам. Им-то содействует кислород воздуха, поглощаемый прорывающими семенами. Так мы знаем между прочим, что при прорывании хлебных семян, из фибрина их образуется диастаз, который превращает крахмал, нерастворимый в воде, в сахар легко растворимый. Потом сахар и прочие растворенные в соку семени органические вещества подвергаются дальнейшим переменам, окончательным результатом которых нам представляются корешок и перышко молодого растения; но после появления корня и первых листьев, кислород перестает непосредственно содействовать дальнейшему возрастанию растения. Прорывание же семян уже невозможно без воздуха—как вещества кислородо-содержащего, ибо опыты показали, что в пустом пространстве—в водородном, азотном, углекислом газе семена не прорываются».

Сравните эту выписку с предыдущей о кислороде же—и увидите, что предыдущая не нужна. Повторяем опять, что все сказанное нами о применениях относится к ним только потому, что они помещены в учебник элементарной химии: сами же по себе они дают довольно большой запас сведений о составных частях растения, атмосферы, почвы и удобрения, а изданные отдельно и в систематическом виде были бы весьма полезны.

Приложенія къ технической промышленности удалось гораздо лучше, потому что онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ, цѣлыхъ статей.

Нельзя при этомъ не упомянуть о второмъ отдѣлѣ неорганической химіи, «О металлахъ». Здѣсь, кромѣ подробнѣшаго описанія свойствъ, обработки и употребленія металловъ, сообщены и статистическія свѣдѣнія о количествѣ, въ которомъ они добываются въ разныхъ мѣстахъ нахожденія. Чтобы дать понятіе о полнотѣ изложенія этого отдѣла, выпишемъ содержаніе статьи о желѣзѣ: 1. Государства, преимущественно изобилующія желѣзомъ; 2. Состояніе, въ какомъ оно находится въ природѣ; 3. Желѣзные руды, преимущественно употребляемая для выплавки металла; 4. Чугунъ; сорта его и свойства оныхъ; 5. Выдѣлка изъ чугуна желѣза по пѣмецкому способу, 6. По англійскому способу; 7. Свойство желѣза; желѣзная проволока; ломкость желѣза въ иныхъ случаяхъ; 8. Приготовленіе различныхъ сортовъ стали; рафинировка стали; свойства стали; закалка ея; напускъ стали; 9. Навариваніе стали на желѣзо; дамаскированная сталь; 10. Скопый способъ превращенія желѣза въ сталь; 11. Ост-Индская сталь.

Послѣ органической химіи помѣщена, какъ мы сказали, статья о питаніи растений и животныхъ, которая, не смотря на краткость, даетъ понятіе объ органической жизни въ связи и зависимости ея отъ природы неорганической. Кромѣ того, статья эта такъ краснорѣчиво говоритъ о пользѣ химіи, что не нужно, какъ это обыкновенно дѣлается, говорить объ этомъ во введеніи. Далѣе слѣдуетъ краткій очеркъ исторіи химіи, написанный живымъ языкомъ и въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ именно должна быть исторія при учебникѣ.

«Страннымъ, можетъ быть, покажется съ перваго взгляда, говоритъ авторъ въ предисловіи, что въ этомъ руководствѣ, вопреки общепринятому порядку, исторія науки излагается въ концѣ книги; но это безспорно правильно и удобно». Мы въ этомъ случаѣ совершенно согласны съ авторомъ. И да послужитъ это примѣромъ и для другихъ составителей руководствъ къ какой бы то ни было наукѣ. Исторія каждой науки есть часть исторіи умственнаго развитія человѣчества, а потому необходимо сперва узнать степень развитія, на которой стоитъ наука въ настоящее время, чтобы разумно оглянуться назадъ, на пройденный ею путь, и воздать должное каждому, работавшему на пользу науки, поколѣнію.

За исторіей слѣдуетъ «Краткій очеркъ важнѣйшихъ основнѣй наукъ химіи», составленный по извѣстному сочиненію Штекгардта: Die Schule

der Chemie, съ которымъ, кажется, мы еще не были знакомы на русскомъ языкѣ, а потому г. Шмидтъ имѣеть тѣмъ больше права на благодарность за этотъ очеркъ, или, лучше сказать, химию въ лицахъ.

Сочиненіе г. Шмидта принято въ руководство для преподаванія въ Горыгорѣцкомъ Институтѣ, въ Лѣсномъ и Межевомъ, въ Харьковскомъ ветеринарномъ училищѣ, въ Московской коммерческой практической Академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Книга г. Шмидта, вѣроятно, скоро разойдется, какъ потому, что имѣеть неоспоримыя достоинства, такъ и по дешевизнѣ. За двѣ книги большаго объема, хорошо напечатанныя, и съ рисунками, авторъ назначилъ только 3 рубля серебромъ. Въ заключеніе скажемъ, что сочиненіе это было рассмотрѣно ученымъ комитетомъ министерства Государственныхъ Имуществъ и удостоилось слѣдующаго отзыва: «Записки, составленныя г. Шмидтомъ, признаны ученымъ комитетомъ заслуживающими полного одобренія и вниманія. По отзывамъ трехъ лицъ, которымъ поручено было прочтеніе руководства Шмидта, оно отличается полнотою и современностію, и показываетъ въ авторѣ хорошее знаніе предмета и способность излагать науку самымъ интереснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ для читателей образомъ».

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ. Повѣсть. Сочиненіе А. К...ва Москва. 1854 г. Въ тип. Л. Степановой. Въ 8 д. л. стр. 124.

Есть романы и повѣсти, преизобилующіе, такъ сказать, содержаніемъ, которое только чуть-чуть прикрито блѣдными цвѣтами разсказа; есть романы и повѣсти, въ которыхъ, напротивъ, по самой скудной основѣ раскинута мастерская ткань. «Первая Любовь» принадлежитъ къ повѣстямъ перваго рода. Содержаніе ея такъ длинно и многосложно, что его трудно передать въ немногихъ словахъ, — а не передать его нельзя, потому что иначе нечего будетъ сказать и о самой повѣсти.

Василій Васильичъ не любитъ роскоши. Онъ живетъ въ третьемъ этажѣ, въ маленькой, грязной и сырой комнатѣ, мебель которой состоитъ изъ двухъ дивановъ: одного мягкаго и другаго жесткаго. На одномъ сидѣть спокойно, но не совсѣмъ безопасно, потому что подушки его при малѣйшемъ движеніи разъѣзжаются въ разныя стороны; на другомъ сидѣть безопасно, но не совсѣмъ ловко, потому что середина его выпящается точно опрокинутое лукошко. Вся эта *некомфортабельность* въ квартирѣ Василя Васильича происходитъ не отъ бѣдности — у

Василья Васильича, замѣтимъ мимоходомъ, стоитъ подь кроватью привинченная шкатулка,—а отъ того только, что онъ не любитъ женщинъ и вовсе не думаетъ жениться, не смотря на то, что ему уже за сорокъ.

Въ составемъ домъ съ тѣмъ, въ которомъ нанимаетъ квартиру Василій Васильичъ, въ третьемъ же этажѣ и въ маленькой же комнаткѣ, только не сырой и не грязной, но опрятной, хотя и бѣдно убранной, живетъ молодая дѣвушка, блондинка съ голубыми глазами, съ блѣднымъ лицомъ, съ розовыми губками и худыми руками, которыми однакожь нисколько не мѣшаютъ ей быть прекрасной.

Наконецъ, въ томъ же самомъ домѣ, въ которомъ живетъ дѣвушка, живетъ и управляющій этимъ домомъ, Жукъ, прозванный такъ вѣроятно за свой маленькой ростъ, черные волосы и смуглую кожу. Этотъ Жукъ лицо ужасное, въ родѣ Роденя Евгенія Сю. У Жука сестра, престарѣлая дѣва, которую ему очень хочется сбыть съ рукъ,—и видя его въ этомъ случаѣ падаютъ на Василья Васильича и его шкатулку, привинченную къ полу.

Дѣвушка, о которой сказали мы, живетъ съ больной матерью. Онѣ бѣдны, и хотя платятъ Жуку за квартиру, но съ трудомъ, съ разсрочками—однимъ словомъ жилицы неблагонадежны. Съ одной стороны, чтобъ избавиться отъ неблагонадежныхъ жилищъ, а съ другой, чтобъ поближе сойтись съ Васильемъ Васильевичемъ, Жукъ предлагаетъ ему нанять квартиру, въ которой живетъ дѣвушка съ худыми руками и съ больной матерью; Василій Васильичъ человекъ апатическій. Ему вездѣ и все хорошо, но по просьбѣ Жука онъ идетъ смотрѣть предлагаемую ему квартиру и—съ перваго же свиданія влюбляется въ дѣвушку, горестное положеніе которой сильно его тронуло.

Отсюда названіе повѣсти: «Первая Любовь» и совершенное преобразование и комнаты и образа жизни Василья Васильича. Онъ стряхнулъ съ себя апатію, въ первый разъ въ жизни велѣлъ прибрать свою комнату, перемѣнилъ въ пей мебель, и самъ изъ неряхи сдѣлался франтомъ. Начинается интрига. Замѣтивъ любовь Василья Васильича къ Ольгѣ, такъ зовутъ дѣвушку, Жукъ старается очернить ее. Василій Васильичъ ничему не вѣритъ. Призываетъ для больной матери Ольги доктора, принимаетъ въ положеніи бѣдныхъ своихъ сосѣдокъ самое теплое участіе, и наконецъ рѣшается предложить Ольгѣ сердце и руку. Но Ольга нисколько ему не сочувствуетъ. Она любитъ молодого, богатаго человека, Полденскаго, владѣльца того самаго дома, въ которомъ онъ съ матерью нанимаютъ квартиру. Но Полденскій въ Петер-

бургъ, а дѣйствіе повѣсти происходитъ въ Москвѣ. Они не видались цѣлый годъ, и Ольга почти увѣрена, что молодой человекъ забылъ ее. У Ольги есть подруга, Анята, которая увѣряетъ ее въ противномъ, и даже пишетъ къ Полденскому безыменное письмо, умоляя спасти Ольгу отъ ненавистнаго ей замужства съ пожилымъ и очень не красивымъ человекомъ. Ольга не ошиблась: Полденскій въ самомъ дѣлѣ не могъ понять, о какой Ольгѣ пишутъ ему, да и вѣроятно не появля бы совсѣмъ, еслибы пріятель, бывший съ нимъ вмѣстѣ въ Москвѣ, не напомнилъ ему, что онъ тамъ вслѣдъ вечеръ ходилъ пить чай къ какой-то жилищѣ, Оленькѣ. Полденскій тотчасъ же написалъ письмо къ Ольгѣ, въ которомъ, въ свою очередь, умолялъ ее не выходить замужъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ прибавлялъ, что онъ боленъ и по этому самъ не можетъ пріѣхать. Другое письмо онъ написалъ своему управляющему, Жуку, приказывая ему непременно разстроить эту свадьбу, и обѣщая за то прибавить къ жалованью еще 300 рублей серебромъ.

Пока письма эти писались и шли по почтѣ (мы не знаемъ была ли тогда желѣзная дорога), настоянія матери, а еще больше ея бѣдность, заставили Ольгу согласиться на предложеніе Василья Васильича. Когда ей принесли письмо Полденскаго, она была уже въ подвѣчномъ платьѣ. Казалось бы, что письмо это должно было разстроить свадьбу, но вышло обратно: по натянутому и принужденному слогу письма, Ольга инстинктивно поняла, что Полденскій ее не любитъ, а пишетъ къ ней такъ, для забавы,—и это утвердило еще болѣе ея рѣшимость выдти за Василья Васильича. Часа черезъ два послѣ полученія письма она была ужъ обвинена. Письмо Полденскаго къ Жуку подѣйствовало гораздо сильнѣе. Съ горя ли, что ему не удалось получить трехъ сотъ рублей, обѣщанныхъ въ прибавку къ жалованью, отъ самолюбія ли, оскорбленнаго тѣмъ, что онъ не сумѣлъ разстроить свадьбу Ольги, только Жукъ впалъ въ бѣлую горячку, во время которой ему представлялись страшные призраки, и страшно мучила его совѣсть за какія-то, еще невѣдомыя читателю, темныя преступленія. Жукъ умеръ.

Такъ какъ Жукъ, по случаю смерти своей никакъ не могъ отвѣчать Полденскому ни о дѣлѣ, о которомъ тотъ писалъ ему, ни о прочихъ дѣлахъ, касающихся его должности управляющаго, Полденскій наконецъ рѣшился самъ ѣхать въ Москву, чтобъ узнать причину такого упорнаго молчанія. Въ дорогъ онъ не любилъ быть одинъ, и взялъ себѣ въ компанію какого-то господина Пипкина, который, въ продолженіи путн, рассказалъ ему, для развлеченія, сначала исторію своей соб-

ственной любви, а потомъ и исторію Жука, очень хорошо ему известную, по стеченію обстоятельствъ, подведенныхъ на этотъ случай авторомъ. Изъ исторіи этой объяснилось, что Жуку былъ конторщикомъ у одного богатаго купца, и отравилъ другаго конторщика, хотѣвшаго обличить его въ плутняхъ.

Пріѣхавъ въ Москву, Полденскій нашель Жука на столѣ, а Ольгу за-мужемъ. Мертваго преслѣдовать ужь нельзя, но замужнюю женщину, думалъ онъ еще можно — и Полденскій отправился къ Калужскимъ воротамъ, куда переѣхалъ Василій Васильичъ съ своей молодой женой. Жизнь Ольги не очень весела. Вотъ какими разговорами занимается ее Василій Васильичъ, который больше не служить, больше все дома сидитъ, смотритъ въ окно и наблюдаетъ: «какъ хитрый грисесметатель (это было въ мартѣ мѣсяцѣ), запрудивъ глыбами сѣнга лужу, вдругъ прорываетъ плотину — и грязь съ комами дѣлу и прочаго несется шумно, куда слѣдуетъ.»

— Оленька! закричалъ Василій Васильичъ, смотри скорѣе, сейчасъ прорветь.... Вопа, пошло, пошло; смотри—ка, Оля, какую глыбу несетъ. Что значить сила-то! Вонъ, еще, еще.... У! какова!... Не пора ли, Оленька, чай готовить?

Во время этого интереснаго разговора, слуга доложилъ о пріѣздѣ Полденскаго.

— Не надо, не надо!—почти закричала Ольга.

— Да отчего же не надо?—сказалъ Василій Васильичъ, пристально глядя на Ольгу.

— Да.... да.... я не одѣта!... впрочемъ я уйду. И она почти выбѣжала изъ комнаты.

Полденскаго приняли; Ольга вошла; Полденскій хотѣлъ возобновить прежнее волокитство, но съ перваго же свиданія съ Ольгой увидѣлъ, что онъ съѣлъ грибъ. Больше онъ не показывался; а у Ольги родился сынъ, на которомъ сосредоточились всѣ ея заботы и вся ея любовь.

Въ разсказѣ автора замѣтна явная претензія на юморъ; но мы замѣтимъ ему, что этотъ неуловимый элементъ хорошъ тогда только, когда срывается самъ съ пера разскащика, и нигуда не годится, когда за нимъ гоняются.

Библиотека романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ, издаваемая **Н. Н. Улитинымъ**. Выпускъ VII, (томы VI, VII, VIII и IX). Москва, 1854 г., въ тип. Готье, въ 12 л. л.

Въ 46 № Москвитанина нынѣшняго года мы говорили о первыхъ пяти томахъ этого изданія, въ которыхъ между прочимъ были помѣщены: «Обрученные, романъ А. Манзони, и путешествія въ Варварійскія владѣнія, А. Дюма — то и другое безъ окончаній. Теперь передъ нами еще 4 тома. Въ двухъ изъ нихъ продолжаются «Путешествія Дюма», въ одномъ конченъ романъ Манзони, наконецъ весь послѣдній томъ занятъ преоригинальнымъ произведеніемъ, подъ заглавіемъ: «Кое что, изъ дневника большой», сочин. Е. У.... О романѣ Манзони мы уже говорили, о путешествіяхъ Дюма можно бы даже и совсѣмъ не говорить, такъ какъ онѣ относятся больше къ области промышленной, нежели литературной.

Многимъ изъ читателей нашихъ конечно извѣстно, что за нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій А. Дюма получалъ отъ издателей построчную плату. Изъ слѣдующаго отрывка легко видѣть, какъ ловко этотъ знаменитый сочинитель пользуется этимъ условіемъ. Раскрываемъ страницу 55 и читаемъ слѣдующее:

«ЖЕРАРЪ, ИСТРЕБИТЕЛЬ ЛЬВОВЪ.

«Арабы вспоминаютъ только объ одномъ истребителѣ львовъ.

«Его звали Гассанъ.

«Гассанъ былъ охотникомъ у Гамед-бея, у Мамелюка и у Брагам-бея.

«Онъ умеръ въ правленіе послѣдняго.

«Вотъ какъ Арабы рассказываютъ объ его смерти.

«Левъ реветъ, Гассанъ идетъ на встрѣчу къ нему: слышетъ выстрѣлъ, потомъ ревъ, потомъ крикъ, потомъ ничего не слышно.

«Гассанъ былъ мертвъ.

«Гассанъ ловить львовъ посредствомъ засадъ изъ камней, прикрытыхъ древесными пнями и землею.

«Такимъ образомъ онъ убилъ много львовъ, которые попадались въ такую засаду.

«Оружіе его состояло изъ винтовки, двухъ пистолетовъ и ятагаизъ.

«Онъ охотился одиннадцать лѣтъ.

«Арабы несогласны между собою на счетъ числа убитыхъ имъ львовъ.

«Случай сберегалъ для Франціи славу дать преемника Гассану.

«Этотъ преемникъ — Жюль Жераръ, квартирмейстеръ въ корпусѣ «спаговъ.»

Понимаете ли, откуда взялась эта отрывочная рѣчь?

Больше, кажется, о Путешествіяхъ говорить не стоитъ, и мы перейдемъ къ дневнику больной. Но дневникъ этотъ до того страненъ, что обыкновенный критическій приѣмъ, то есть толки объ идеѣ автора, объ избранной имъ формѣ, и т. д. здѣсь совершенно не приложимы; остается только одно средство: показать товаръ лицомъ. Не удивляйтесь, читатель, если услышите престранныя вещи. Чего же и требовать отъ бреда больной, переведеннаго самимъ авторомъ съ своего же французскаго оригинала, следовательно *перебреженнаго* еще разъ, если можно такъ выразиться. Мудрено ли, что въ этомъ бредѣ представляются такія науки, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ, наприм: *Стихотвореніе* (стр. 12 изъ произведенія: Первая прихоть сердца); что дѣвушки бываютъ тамъ часто *на пунктѣ заплакать* и влюбляются въ молодыхъ людей, которыхъ *блѣкнущія волосы имѣютъ нѣсколько рыжеватыхъ отпльковъ*, что русскіе ямщики поютъ тамъ: *cours, cours plus vite, o ma troïka pur sang!*; что вмѣсто смѣшныхъ и занимательныхъ разсказовъ, которые одни могли бы сколько-нибудь оживить сочиненіе Е. У...., читателя просятъ *вообразить*, что онъ прочелъ ихъ (стр. 14); что нянюшка называетъ свою барышню (автора) *батушечкой*, вопреки всякому здравому смыслу; что нѣкоторая подмосковная вилла, отдѣляясь, по словамъ автора, отъ Бутырокъ, превозвышаетъ ихъ; что автору предлагаются его знакомыми даже слѣдующіе вопросы: всегда ли онъ живетъ на квартирѣ? на которые онъ, «усмыхнувшись неволью и принявъ тотчасъ же довольно серьезный видъ, отвѣчаетъ: зимой я всегда имѣю предосторожность обезпечить себя какимъ нибудь теплымъ убѣжищемъ подъ кровлей и между четырьмя стѣнами, чтобъ защитить себя отъ непогоды и мороза; лѣтомъ же подобно птичкѣ, порхаю съ дерева на дерево, въ разныхъ романическихкихъ мѣстахъ, въ недалекомъ разстояніи отъ Москвы».

Но недовольно ли о прозаической части сочиненія г. Е. У.... Жаль будетъ не познакомить читателя съ отдѣломъ стихотворнымъ. Беремъ на выдержку:

ПРОЕЗДЪ МИМО ПРЕЖНЕЙ КВАРТИРЫ.

ЭКСПРОМТЪ.

Тамъ я жила!... тамъ я его любила!...
 О сколько радости и грусти было тамъ!
 Тамъ сердце я похоронила,
 Сказавъ: *прости!* моимъ мечтамъ!

Тамъ онъ *всталъ* внезапно предо мною,
 Какъ дивный сонъ, какъ свѣтлый метеоръ;
 И вдругъ *изгесъ*, падущею звездою,
 И ночь моя настала съ этихъ поръ.

И съ этихъ поръ я жить ужъ перестала,
 Не улыбаясь никому!...
 Сомнѣнье горькое, далеко въ грудь западо,
 И сердцемъ гордому *пожертвала* уму!...

И умъ *одинъ* на лрѣ горделивой,
 Пропылъ вамъ дивный свой *разказъ!*...
 И разомъ осушилъ, какъ вѣтерокъ игривый,
 Последнюю слезу, *катившися* изъ глазъ!

Не правда ли, мило?

Но оставимъ въ сторонѣ шутку, не можемъ не замѣтить автору, что выпускать въ свѣтъ такіа сочиненія, въ которыхъ, не говоря уже о другихъ недостаткахъ, нѣтъ ни знанія русскаго языка, ни первоначальныхъ правилъ грамматики, наконецъ почти нѣтъ смысла — непонятная для насъ смѣлость. Не понимаемъ и цѣли издателя, украсившаго страницы своей Библіотеки подобнымъ сочиненіемъ.

Наставленіе къ разведенію козъ. Составилъ Циммерманъ. С. П. 1854 г. Въ тип. Королева и комп.

Наставленіе къ разведенію жидьекъ. Составилъ Циммерманъ. С. П. 1854 г. Въ тип. Королева и комп.

Наставленіе къ разведенію гусей. Составилъ Циммерманъ. С. П. 1854 г. Въ тип. королева и Коми.

НАСТАВЛЕНІЕ КЪ РАЗВЕДЕНІЮ ГЕОРГИНЪ. Составлено Циммерманомъ. С. П. 1854 г. Въ тип. Королева и комп.

Что вы больше любите, моя любезная читательница: козь, индѣекъ, гусей, или георгины? Я смѣло отвѣчаю за васъ: георгины. Но если вы хорошая хозяйка, вы непременно должны любить и козь, и гусей, и индѣекъ, и, волею или неволею, непременно должны прочесть наставленія къ разведенію этихъ домашнихъ птицъ и животныхъ. Я даже совѣтую вамъ прочесть эти три наставленія прежде наставленія о георгинахъ, на основаніи того правила, что полезное надобно предпочитать пріятному.

«Наставленіе къ разведенію гусей» начинается такъ: «Между домашними птицами гусь, конечно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ».

«Наставленіе къ разведенію индѣекъ» начинается слѣдующими словами: «Изъ всѣхъ домашнихъ птицъ болѣе прочихъ бросается въ глаза индѣйскій пѣтухъ».

Эти два начала совершенно равносильныя приводятъ меня въ затрудненіе: съ чего мнѣ начать мою рецензію — съ гусей или съ индѣекъ? Начну съ индѣекъ, вкусное мясо которыхъ вѣроятно гораздо чаще подается къ вашему столу, чѣмъ грубое мясо гуся.

Изъ «Наставленія къ разведенію индѣекъ» вы узнаете прежде всего: почему это наставленіе составлено; потомъ узнаете: какъ устроить для нихъ курятникъ, какъ ухаживать за ними, какъ узнавать свѣжесть ихъ яицъ, какъ выводятся цыплята, какъ ихъ кормить, какъ лечить болѣзни старыхъ и молодыхъ индѣекъ, какъ сохранить ихъ всегда въ хорошемъ тѣлѣ, какъ откармливать ихъ, какъ замораживать и готовить мясо ихъ въ прокъ, или для пересылки, — узнаете, какія выгоды можетъ вамъ дать разведеніе индѣекъ, почему платится за перевозъ битыхъ птицъ по С. Петербурго-Московской желѣзной дорогѣ и по какимъ цѣнамъ продаются индѣйки въ Петербургъ, — наконецъ узнаете даже и то, какъ отличить индѣйскаго пѣтуха отъ индѣйки (стр. 7.)

Не смотря на всю наружную полноту этой брошюры, въ ней есть однакожъ и нѣкоторыя недомолвки. Такъ на прим., говоря о болѣзни индѣекъ, которой обыкновенно подвергаются они мѣсяца черезъ два послѣ вывода, и именно, когда, по опредѣленію автора, начинается образовываться на нихъ грубая, бородавчатая кожа, и по опредѣленію простыхъ птичниковъ, когда у нихъ начинаютъ периться головы, г. Циммерманъ совѣтуетъ, въ это время выносить цыплятъ на солнце, или грѣть

ихъ у огня, глаза вымывать сахарною водою, и кормить хворающихъ птицъ хлѣбною мякиною, напитанною краснымъ виномъ, бобами и фасолью многоцвѣтною, такъ же коноплей, укропомъ и петрушкой, какъ средствами возбуждающими». Къ этому не мѣшало бы прибавить, что во время этой болѣзни очень полезно кормить индѣекъ рубленой крапивой и давать имъ глотать зернистый перецъ, какъ средство еще болѣе возбуждающее и слѣдовательно еще болѣе дѣйствительное всѣхъ, приведенныхъ авторомъ брошюры. Но онъ не говоритъ ни слова ни о крапивѣ, ни о перцѣ, такъ же какъ и о томъ новомъ средствѣ, которое на этотъ случай придумала королева Викторія, и которое одно только спасло отъ конечной гибели ея индѣекъ, во время распространившейся между ними страшной смертности,—это средство лукъ (*).

Во время *кашля*, который, по словамъ автора, «почти душитъ индѣекъ и происходитъ отъ маленькихъ, красныхъ червячковъ, покрывающихъ дыхательные органы», онъ совѣтуетъ давать имъ, для уничтоженія этихъ червячковъ, горькіе настои. Никакъ не мѣшало бы пояснить, изъ чего именно надобно дѣлать эти настои.

Въ началѣ статьи моей я сказалъ, что изъ этой брошюры вы узнаете, какія выгоды можетъ вамъ дать разведеніе индѣекъ — виновать! въ этого не узнаете. Въ расчетѣ, сдѣланномъ авторомъ о выгодахъ отъ разведенія индѣекъ, не подведены даже и примѣрно цѣны стоимости ихъ выкормки и содержанія. Совершенно согласны, что стоимость эта не вездѣ равна; но въ такомъ случаѣ вовсе ужъ не для чего было и указывать на предметы, которые, при разведеніи индѣекъ, слѣдуетъ принять въ расчетъ. Неужели сами хозяева не знаютъ, что для ухода за птицей — нужна птичница, для пріюта птицы — нуженъ курятникъ, для выкормки — кормъ, а для корма — посуда ?

«Наставленіе къ разведенію гусей» составлено совершенно по той же программѣ, какъ и разсмотрѣнная нами брошюра; но въ немъ есть еще, сверхъ того, физиологія гуся и его историческое значеніе, и есть еще описаніе признаковъ, по которымъ можно отличить гуся... отъ кого бы вы думали? отъ селезня (стр. 7). Вообще намъ кажется, что въ обѣихъ этихъ брошюрахъ сказано много такого, о чемъ вовсе не было надобности говорить, и не досказано то, о чемъ надобно было сказать.

(*) Смотри «Журналъ Сельскаго Хозяйства» и статью о немъ въ 11 N Москвит. 1854 года.

Но я вижу ваше нетерпѣніе, узнать что нибудь новенькое о георгинахъ, и спѣшу перейти къ нимъ. Изъ «Наставленія» г. Циммермана новаго вы ничего не узнаете, потому что оно составлено изъ источниковъ довольно уже известныхъ; но не смотря на то, я вамъ совѣтую купить эту брошюру, совѣтую прочесть ее и имѣть у себя настольной книжкой,—во-первыхъ потому, что обертка ея довольно красива, а во-вторыхъ, что она составлена гораздо дѣльвѣе всѣхъ остающихся «наставленій»... Ко всему сказанному авторомъ этой брошюры о георгинахъ, мы можемъ прибавить отъ себя только нѣсколько словъ.

Послѣ половины апрѣля г. Циммерманъ совѣтуетъ выставлять георгины въ воздушный парникъ, устроенный на манеръ обыкновенныхъ арбузныхъ и дынныхъ парниковъ, только вырубленный немножко повыше. Но гораздо лучше сдѣлать для этого парникъ, такъ называемый италіанскій, т. е. покрытый стеклами на два ската, такъ какъ дѣлаются ананасницы, съ тою только разницею, что въ ананасницѣ все выкопанное углубленіе набивается навозомъ, а здѣсь въ этомъ углубленіи надобно отгородить два парника по бокамъ, оставивъ въ среднѣй коридоръ для прохода. Набивку парниковъ сдѣлать точно такъ же, какъ говорить г. Циммерманъ, только лучше сверхъ навозу положить вмѣсто листьевъ ивовую кору (такъ называемое корье, употребляемое кожевниками для дубленія кож), потому что она больше придаетъ жару. Въ такомъ парникѣ, или «оварѣ», какъ его еще называютъ, свѣтъ падаетъ на георгины сверху и со всѣхъ сторонъ, отъ чего онѣ растутъ гораздо скорѣе, не гнутся, и не гнутся въ одну сторону, какъ это случается тамъ, гдѣ свѣтъ проникаетъ на нихъ только съ одного боку. Парникъ этотъ можетъ быть готовъ еще въ мартѣ мѣсяцѣ, и въ него прямо надобно и ставить георгины, какъ только корни будутъ высажены въ горшки, разумѣется, покрывая на ночь парникъ рогожами; черевки, выгнанные въ такомъ парникѣ, могутъ цвѣсть въ то же лѣто, и даже непременно должны, если только за ними будутъ хорошо ухаживать. Передъ высадкой въ клумбы, георгины надобно выставить въ горшкахъ на воздухъ, куда нибудь въ тихое мѣсто, около строенія, и продержать ихъ такъ недѣлю или дней десять, чтобы онѣ окрѣпли. На ночь, въ случаѣ мороза, прикрывать рогожами, устраивая эту покрывку на колыяхъ.

Кромѣ недомолвки объ описанномъ нами парникѣ, въ «Наставленіи» г. Циммермана есть все, что нужно знать для разведенія георгичъ, ухода за ними и улучшенія ихъ. Это теорія довольно полная, и если въ ней есть недостатки, такъ недостатки свойственные всѣмъ теоріямъ

вообще, въ которыхъ невозможно объяснить всѣхъ тѣхъ подробностей и приемовъ, которымъ учить только практика.

Къ брошурѣ приложены: списокъ георгинъ, которыя, въ 1852 и 1853 годахъ, отлично удались въ С. Петербургскихъ частныхъ садахъ, и списокъ георгинъ возвращенныхъ въ С. П. Императорскомъ Ботаническомъ саду. Очень замѣтно, что авторъ разсматриваемыхъ нами четырехъ брошуръ изучилъ этотъ предметъ съ бѣльшей любовью и гораздо основательнѣе прочихъ. Это очень естественно: невозможно одному человеку знать все.

Въ «Наставленіи» къ разведенію козъ» говорится о козахъ всѣхъ породъ. Но козъ я не советую вамъ разводить никакой породы, онѣ могутъ повѣсть ваши георгины.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Современникъ. 1854 года, N N VII, VIII и IX.

Книжки Современника за июль и августъ, какъ истинно лѣтнія, представляютъ весьма мало замѣчательныхъ статей, и только съ сентябрьской книжки, Современникъ является такимъ, какимъ былъ нынѣшнюю зиму и весну. Въ слѣдствіе этого намъ придется высказать свое мнѣніе объ очень немногихъ произведеніяхъ. Мы будемъ говорить только о повѣсти г. Писемскаго *Фанфаронъ*, о повѣсти г. Тургенева *Затишье*, о стихотвореніи г. Фета и о Воспоминаніяхъ кавалерійскаго офицера г. Н. И. Кромъ того упомянемъ о двухъ трехъ переводныхъ статейкахъ. Разборы же статей г. Дружинина о Шериданѣ и г. Гаевскаго о Дельвигѣ, мы откладываемъ до ихъ окончанія.

Изъ всѣхъ поименованныхъ нами статей, первое мѣсто, по литературному достоинству, занимаетъ *Фанфаронъ* г. Писемскаго. Сюжетъ этой повѣсти очень простъ. Кокинскій исправникъ (тотъ самый, отъ лица котораго переданъ рассказъ: «*Лышій*») рассказываетъ автору, какимъ образомъ племянникъ его штабсъ-капитанъ *Шамаевъ* промоталъ отцовское наслѣдство и женينو приданое. Шамаевъ человекъ самый пустой и не практическій. Вся цѣль его жизни состоитъ единственно только въ томъ, чтобы пускать всѣмъ пыль въ глаза; по эту мелкую страсть онъ прикрываетъ теоріями изъ практической жизни, съ виду весьма глубокомысленными. Въ повѣсти г. Писемскаго на каждомъ шагѣ обличается ложность и неприложимость этихъ теорій, которыя впрочемъ признаются многими почти за аксіомы. Критикомъ всѣхъ дѣйствій и фразъ Фанфарона является дядя его — кокинскій исправникъ. Авторъ очень хорошо сдѣлалъ, что поручилъ такому лицу воспѣвать подвиги своего Фанфарона. Еслибъ онъ сталъ рассказывать повѣсть отъ своего лица и критиковать дѣйствіе Шамаева,

то ему бы пришлось высказывать сентенціи о самых прозаических предметах, онъ впалъ бы въ резонерство, и повѣсть вышла бы черезъ чуръ практической и сухой. Но авторъ всю критику на дѣйствіи Фанфарона и всѣ возраженія на его теоріи воплотилъ въ образъ живаго лица. Въ устахъ простаго и положительнаго исправника всѣ разсужденія необыкновенно умѣстны. Чувствуешь, слушая его, что онъ, по характеру своему, никакъ не могъ бы разсказать исторію своего племянника безъ длинныхъ критическихъ комментаріевъ на его поступки. Онъ по большей части разсуждаетъ о вопросахъ изъ сферы чисто матеріальныхъ интересовъ, и рѣшаетъ ихъ всегда чрезвычайно остро и глубокомысленно, и при этомъ иногда высказываетъ даже новыя и самостоятельныя взгляды. Но всѣ его сентенціи не смотря на ихъ многостороннія достоинства, повредили бы повѣсти, если бъ были высказаны отъ лица самого автора. Въ устахъ исправника онъ потому кстати, что выводя на свѣжую воду всѣ дѣйствія Фанфарона, въ тоже время обрисовываютъ чрезвычайно опредѣлительно характеръ рассказчика.

Вообще характеръ исправника изображенъ превосходно. Авторъ ничего въ немъ не преувеличилъ, — нигдѣ не пересолил, хотя поводовъ къ тому было очень много. Г. Писемскій изобразилъ въ исправникѣ человѣка совершенно простаго — безъ претензій и фанфаронства, но и тутъ поступилъ очень умѣренно и не впалъ нигдѣ въ крайность. Такъ напримѣръ исправникъ весьма не прочь и самъ пустить пыль въ глаза тамъ, гдѣ это *нужно*. Когда его племянникъ женился на очень богатой дѣвушкѣ и отговаривался пріѣхать къ нему за неимѣніемъ экипажа, онъ послалъ за молодыми карету четверней и сказалъ при этомъ самому себѣ: «знай нашихъ.»

Многіе находятъ, что повѣсть г. Писемскаго немного длинна, что авторъ могъ бы изобразить характеръ своего героя въ разсказѣ гораздо болѣе сжато, потому что весь характеръ Фанфарона, по ихъ мнѣнію, высказывается съ первыхъ страницъ и далѣе въ разсказѣ нѣтъ ничего такого, чтобы высказывало новыя черты этого характера. Но намъ кажется, что этого нельзя требовать, принявъ въ соображеніе цѣль автора, который хотѣлъ изобразить фанфаронство во всѣхъ его фазисахъ — съ колыбели человѣка имъ одержимаго до послѣднихъ его результатовъ: онъ изобразилъ, какъ развивается фанфаронство отъ глупаго воспитанія и слишкомъ нѣжнаго попеченія матери, какъ оно подстрекается и поддерживается общественнымъ

мирънїемъ и какъ, опутавъ свою жертву, дѣлаетъ самаго добраго челоуѣка бичемъ всего близко съ нимъ соприкасающагося и даже собственнаго семейства. Поэтому все, что описывается въ повѣсти г. Писемскаго, вращается около одной идеи, служить къ ея выисненїю: неожиданностей тутъ требовать нельзя.

Повѣсть г. Тургенева «Затишье» много уступаетъ «Фанфарону» г. Писемскаго, въ отношенїи постройки цѣлаго. У г. Писемскаго всѣ событія, характеры и описанїя сведены къ одной мысли—сгруппированы около одного главнаго лица. Отъ того произведенїе г. Писемскаго является стройнымъ цѣлымъ, всѣ части его гармонируютъ между собою. Напротивъ, въ повѣсти г. Тургенева всѣ лица представляются случайно сошедшимися или насильственно сведенными авторомъ: они не связаны общей идеей произведенїя. Можно безъ вреда цѣлому уменьшить или увеличить число ихъ: повѣсть выйдетъ только короче или длиннѣе, по объему, но не претерпитъ никакого измѣненїя въ отношенїи общаго впечатлѣнїя, производимаго на читателя. По прочтенїи повѣсти г. Тургенева (въ которой впрочемъ есть много очень прекрасныхъ частныхъ), остаешься въ какомъ-то смутномъ недоумѣнїи—не знаешь, ни въ чемъ заключается идея произведенїя, не знаешь даже въ чемъ состоитъ главное событіе, въ немъ разсказанное. Передъ вами мелькають живыя лица прочитанной повѣсти, полныя движенїя отдѣльныя сцены, фразы, выхваченныя живьемъ изъ дѣйствительной жизни, прекрасныя описанїя природы,—но все это представляется въ умѣ вацѣмъ такимъ разбросаннымъ, такъ мало гармонирующимъ одно съ другимъ, что вы никакъ не можете найти внутренней связи, которая соединяла бы всѣ эти калейдоскопическія явленїя въ одинъ общїй замкнутый кругъ. Впрочемъ нестройность цѣлаго повѣсти г. Тургенева нельзя ставить въ вину автору. Онъ остался вѣренъ общему направленїю современной русской изящной литературы или такъ называемой «*беллетристики*». Въ наше время всѣ литераторы хлопочатъ изъ-за *типовъ*. Типъ: *idée fixe* современныхъ русскихъ читателей и писателей. Литература и публика дружно ударились подмѣчать типы въ русской жизни; слово *типъ* сдѣлалось моднымъ словомъ; оно не сходитъ съ языка даже и тѣхъ, кто не имѣетъ никакого понятїя, что оно означаетъ, но вполнѣ увѣрены, что подъ нимъ должно разумѣть нѣчто очень хорошее и прїятное, и потому совершенно спокойны на счетъ его значенїя.... Поставивъ себѣ главною цѣлью отысканїе въ русской жизни, такъ называемыхъ, *живыхъ типовъ*, литераторы наши, какъ даровитые, такъ

и не даровитые наполняют ими свои произведения. Менѣ искусные ограничиваются простымъ и безхитрымъ изображеніемъ этихъ типовъ и не заботятся не только о томъ, чтобы столкновение лицъ, ими выведенныхъ, породило какой-нибудь сюжетъ или дало общую идею ихъ произведенію, но даже не имѣютъ претензіи на то, чтобы между ихъ дѣйствующими лицами (если только можно назвать ихъ дѣйствующими) произошло какое-нибудь столкновение. (Бываютъ даже такіе счастливые сочинители, которые нисколько не огорчаются, если между лицами ихъ повѣстей и романовъ рѣшительно нѣтъ никакого отношенія). Болѣе искусные не ограничиваются простымъ изображеніемъ типовъ, добытыхъ ими при наблюденіяхъ надъ повседневной жизнью: они гнушаются такого рода литературными произведеніями и даютъ имъ унизительное названіе дагерротиповъ. Имѣя понятіе о вѣчныхъ требованіяхъ искусства, зная, что отъ художественнаго произведенія требуется цѣлость, стройность постройки, что завязка и развязка въ романѣ или повѣсти дѣло не только не лишнее, но даже весьма желаемое, они всячески стараются собрать свои типы въ одно цѣлое и стройное, такъ, чтобы изъ сопоставленія ихъ вышла завязка и развязка: И дѣйствительно, въ ихъ произведеніяхъ является и завязка и развязка, а потому съ перваго взгляду они представляются не простыми дагерротипами, какъ произведенія литераторовъ безъ претензій, но чѣмъ-то стройнымъ и цѣлымъ. Но всмотрѣвшись въ нихъ попристальнѣе увидишь, что все ихъ преимущество состоитъ въ томъ, что они не *просто* дагерротипы, а дагерротипы съ разными ухищреніями; увидишь, что авторомъ руководила та же цѣль, какая руководитъ и смиренныхъ дагерротипистовъ: какъ и они, онъ желалъ вывести нѣсколько новыхъ типовъ, но для пущей важности придалъ къ этой своей коллекціи завязку и развязку. Рецептъ, для составленія такихъ quasi не натуральныхъ произведеній довольно простъ и не сложенъ. Берется нѣсколько болѣе или менѣ живыхъ и вѣрныхъ портретовъ изъ дѣйствительности, которые потому и составляютъ комическую сторону произведенія. Такъ какъ авторъ не можетъ изъ столкновения этихъ лицъ сдѣлать завязку, то берется еще одна или нѣсколько (смотря по объему произведенія) паръ влюбленныхъ. Характеры этихъ влюбленныхъ очень мало напоминаютъ дѣйствительность. Они одного покроя съ влюбленными старинныхъ романовъ драмъ и повѣстей, и потому и дѣйствуютъ и чувствуютъ, какъ дѣйствовали и чувствовали герои добраго стараго времени. Столкновение между ними составляетъ трагическую или слезливую

сторону произведенія. Но внутренняго отношенія между ними и комическими лицами (т. е. типами) почти нѣтъ никакого. Авторъ выводитъ тѣхъ и другихъ въ перемежку. Сперва выводитъ онъ передъ вами нѣсколько болѣе или менѣе живыхъ лицъ, говорящихъ языкомъ болѣе или менѣе (смотря по степени таланта автора) вѣрнымъ дѣйствительности. Потомъ они исчезаютъ, и являютя влюбленные, которыхъ авторъ заставляетъ передъ читателями любить другъ друга и объясняться въ любви. Потомъ опять являютя типы съ ихъ *живымъ*, народнымъ языкомъ. А тамъ опять являютя влюбленные и уже страдаютъ. Въ заключеніе авторъ собираетъ въ одно мѣсто всѣхъ — и типы и влюбленныхъ, и тутъ-то наконецъ онъ или на всегда разлучаетъ влюбленныхъ, или соединяетъ ихъ счастливымъ бракомъ.... Такимъ образомъ удовлетворены всѣ возможные литературныя требованія. Удовлетворены требованія современности, потому—что въ произведеніи выведены «*живые типы дѣйствительности*»; не обижены такъ же и требованія *въчинаго* искусства или художественности, потому что въ романѣ есть завязка и развязка, драматическія движенія и положенія, чувствительные монологи и проч. Цѣнители искусства восклицаютъ: «какая мастерская *постройка!*» А между тѣмъ въ сущности такія произведенія ничѣмъ не отличаются отъ литературныхъ дагерротиповъ: это «*тотъ же блинъ, да на другомъ блюдѣ.*» Такъ сильно въ наше время распространена болѣзнь — любовь къ типамъ, что даже люди съ дарованіемъ знакомые съ истинными требованіями искусства, не могутъ ничего произвести внѣ сферы типовъ. Они чувствуютъ, или предугадываютъ, что писать дагерротипы не очень и высокая дѣятельность, что есть другіе роды произведеній, которые гораздо ближе подходятъ и къ идеалу искусства; имъ хочется творить въ этомъ лучшемъ родѣ, но душа ихъ до того погружена въ наблюденія, ихъ мысли такъ прикованы къ самымъ мелкимъ явленіямъ жизни, что воображеніе ихъ охладѣваетъ и притупляется, и потому они *списываютъ* почти при помощи одной памяти, а не творятъ, при посредствѣ свободной фантазій.

Да не отнесутъ читатели сказаннаго нами о произведеніихъ натуральной школы, съ претензіями на сюжетъ, завязку и развязку, къ повѣсти г. Тургенева. Въ повѣсти этой нѣтъ такого рода претензій. Напротивъ она, какъ мы уже сказали, почти не представляетъ никакого сюжета, и ничего цѣльнаго. Это рядъ сценъ и картинъ, связанный только единствомъ мѣста.—Лица, выведенныя авторомъ, по большой части, очень хороши. Къ лучшимъ характерамъ повѣсти

принадлежить Петръ Алексѣевичъ Веретьевъ, представляющій одинъ изъ современныхъ *титовъ*. Это одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, одаренныхъ блистательными и почти всѣсторонними способностями, про которыхъ обыкновенно всѣ говорятъ, что они чрезвычайно много обѣщаютъ въ будущемъ, но которые всю свою жизнь остаются только при обѣщаніяхъ. Пріятели величаютъ ихъ энциклопедическими натурами и даже гениями, и захваливаютъ ихъ наконецъ до того, что они, бросивъ трудъ и пренебрегая всякаго рода дѣятельностью, дѣлаются самыми несчастными людьми. Веретьевъ г. Тургенева лицо чрезвычайно живое и вѣрное дѣйствительности. Авторъ подѣлилъ множество самыхъ мелкихъ чертъ, неразлучныхъ съ характерами людей, о которыхъ мы говоримъ, и изобразилъ ихъ въ Веретьевѣ. Онъ, напри- мѣръ, надѣленъ способностью и страстью «*копировать*», т. е. переразвивать, страстью такъ сильно распространенною между теперешнею молодежью, и считающеюся несомнѣннымъ признакомъ великаго сценическаго дарованія. Онъ, такъ же какъ многіе современные молодые люди, отличается пѣніемъ русскихъ и цыганскихъ пѣсень. «Онъ пѣлъ, говоритъ авторъ, славно, бойко и весело. Его мужественное лицо и безъ того выразительное, еще болѣе оживлялось, когда онъ пѣлъ; изрѣдка подергивалъ онъ плечами, внезапно прижималъ струны ладонью, поднималъ руку, встряхивалъ кудрями и соколомъ взглядывалъ кругомъ. Онъ въ Москвѣ не разъ видалъ знаменитаго Илью и подражалъ ему. Хоръ дружно ему подтягивалъ.» Таковъ его пѣвческій талантъ. А вотъ сцена, гдѣ онъ показываетъ свое сценическія способности.

«— О чемъ вы это спорите?» спросилъ Веретьевъ, вставая и приближаясь къ нимъ.

Онъ лѣнливо переваливался на ходу; во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась не то небрежность, не то усталость.

«— Всѣ о Петербургѣ, отвѣтила Надежда Алексѣевна.— Владимиръ Сергѣичъ не нахвалится имъ.

«— Городъ хорошій, замѣтилъ Веретьевъ: — а по моему вездѣ хорошо. Ей Богу. Были бы двѣ-три женщины, да извините за откровенность, вино, и человѣку право ничего не остается желать.

«— Это меня удивляетъ, возразилъ Владимиръ Сергѣичъ: — неужели же вы дѣйствительно того мнѣнія, что для образованнаго человѣка не существуетъ. . .

«— Можеть быть.... точно, я съ вами согласенъ, перебилъ его Веретьевъ, за которымъ, при всей вѣжливости, водилась привычка не дослушивать возраженія:—но это не по моей части, я не философъ.

«— Да и я не философъ, отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ:— и насколько не желаю быть имъ; но тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ....

«Веретьевъ разсѣянно взглянулъ на свою сестру, а она, слегка усмѣхнувшись, нагнулась къ нему и въ полголоса прошептала:

«— Петруша, душка, представь намъ Егора Капитоныча, сдѣлай одолженъе.

«Лицо Веретьева мгновенно измѣнилось и, Богъ вѣдаетъ, какимъ чудомъ стало необыкновенно похоже на лицо Егора Капитоныча, хотя между чертами того и другаго рѣшительно не было ничего общаго, и самъ Веретьевъ едва только сморщилъ носъ и опустилъ углы губъ.

«— Конечно, началъ онъ шептать голосомъ, совершенно напоминавшимъ голосъ Егора Капитоныча:—Матрена Марковна дама строгая насчетъ манеръ; но супруга за то примѣрная. Правда, чтѣ бы я ни сказалъ....

«— Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно;—подхватила Надежда Алексѣевна; едва удерживая хохоть.

«— Все на другой же день извѣстно, отвѣтилъ Веретьевъ съ такой уморительной ужимкой, съ такимъ смущеннымъ, косвеннымъ взглядомъ, что даже Владиміръ Сергѣичъ разсмѣялся.

«— У васъ, я вижу, большой талантъ къ подражанію, замѣтилъ онъ.

«Веретьевъ провелъ рукой по лицу, черты его приняли обычное выраженіе, а Надежда Алексѣевна воскликнула:

«— О! да! онъ всѣхъ умѣетъ передразнивать, кого только захочетъ.... Онъ на это мастеръ.

«— И меня бы, напримѣръ, сумѣли представить? спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

«— Еще бы! возразила Надежда Алексѣевна:—разумѣется.

«— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, представьте меня, промолвилъ Астаховъ, обращаясь къ Веретьеву.—Я прошу васъ, безъ церемоній.

«— А вы ей и повѣрили? отвѣтил Веретьевъ, чуть-чуть прищуривъ одинъ глазъ и придавъ своему голосу звукъ астаховскаго голоса, но такъ осторожно и легко, что одна Надежда Алексѣевна это замѣтила и прикусила губы:—вы пожалуйста, ей не вѣрьте, она вамъ еще не то наскажетъ про меня.

«— *И какой онъ актеръ*, еслибъ вы знали, продолжала Надежда Алексѣевна:—*всѣ возможныя роли играетъ*. Такъ чудесно! *Онъ нашъ режиссёръ и сурфлёръ и все*, что хотите. Жаль, что вы скоро ѣдете.

«— Сестра, твое пристрастіе тебя ослѣпляетъ, произнесъ важнымъ голосомъ, но все съ тѣмъ же оттѣнкомъ, Веретьевъ. — Что подумаетъ о тебѣ господинъ Астаховъ? Онъ сочтетъ тебя за провинціалку.

«— Помилуйте, началъ было Владиміръ Сергѣичъ....

«— Петруша, знаешь что, подхватила Надежда Алексѣевна:—представь, пожалуйста, *какъ пьяный человекъ никакъ не можетъ достать платокъ изъ кармана*, или вѣтъ, лучше представь, *какъ мальчикъ муху на окнѣ ловить*, и она у него *жужжитъ* подъ пальцами.

«— Ты совершенное дитя, отвѣчалъ Веретьевъ.

«Однако онъ всталъ и подоидя къ окну, возлѣ котораго сидѣла Марья Павловна, началъ водить рукой по стеклу и представлять какъ мальчикъ ловить муху. Вѣрность, съ которой онъ подражалъ ей жалобному, прерывистому писку, была точно изумительна. Казалось, дѣйствительная, живая муха билась у него подъ пальцами. Надежда Алексѣевна засмѣялась, и по немного всѣ засмѣялись въ комнатѣ.»

Въ концѣ повѣсти мы встрѣтили этого самаго Веретева уже порядкомъ состарѣвагося, съ изношеннымъ лицомъ, съ заплывшими глазами, сильно придерживающимся горько-померанцевой водки, но все еще подающимъ великія надежды, въ глазахъ своихъ пріятелей. Конецъ очень естественный. Веретьевъ тоже страдалъ современной болѣзнію—любовью къ типамъ (страсть къ передражниванію предполагаетъ страсть къ наблюденію—къ подмѣчанію «типовъ»), а къ сожалѣнію, очень рѣдко съ такими наклонностями соединяется стремленіе къ высокимъ цѣлямъ, и осуществленію высокихъ идеаловъ или даже просто стремленіе къ исполненію долга и охота къ труду, а безъ всего этого человеку очень легко опомалиться или впасть въ

пороки. Если весь свой вѣкъ будешь только наблюдать, подмѣчать одни мелочи жизни, рыться въ ея тинѣ, не много соберешь душевныхъ сокровищъ.

Хорошо такъ же очерчено лицо Стельчинскаго, молодаго губернаторскаго чиновника. Но больше всѣхъ лицъ въ повѣсти г. Тургенева повравился намъ Владиміръ Сергѣевичъ Астаховъ. Въ немъ авторъ очень удачно выставилъ всю комическую сторону современныхъ положительныхъ молодыхъ людей, живыхъ представителей, такъ называемыхъ утилитарныхъ идей. Очень хороша сцена, когда положительнаго и солиднаго Астахова приводитъ въ крайнее замѣшательство Стельчинскій, совершенно неожиданнымъ вызовомъ на дуэль. Хорошо такъ же описаніе бала... Впрочемъ прекрасныхъ отдѣльныхъ сценъ и описаній въ повѣсти г. Тургенева очень много. Рѣзкихъ недостатковъ въ новомъ произведеніи г. Тургенева нѣтъ, за исключеніемъ странной катастрофы, которая служитъ какъ бы развязкой повѣсти.

Стихотвореніе г. Фета: *жди яснаго на завтра дня* представляетъ какъ бы собраніе всѣхъ самыхъ характеристическихъ недостатковъ произведеній г. Фета, недостатковъ, о которыхъ уже нѣсколько разъ было подробно говорено въ нашемъ журналѣ. Неопредѣленность содержанія въ немъ доведена до послѣдней крайности.

Жди яснаго на завтра дня...
Стрижи мелькаютъ и звенятъ,
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озаренъ эжкатъ.

Въ заливъ дремлютъ корабли,
Едва трепещутъ вымпела,
Далеко небеса ушли,
И къ нимъ морская даль ушла.

Такъ робко набѣгаетъ тѣнь,
Такъ тайно свѣтъ уходитъ прочь,
Что ты не скажешь: минулъ день,
Не говоришь: настала ночь.

Чтожь это наконецъ такое ?

Изъ статей помѣщенныхъ въ смѣси очень интересны «Воспоминанія кавалерійскаго офицера (Эпизоды изъ Турецкой войны 1828 года)». Людей небывавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ статья г. Н. П. очень близко знакомитъ съ этимъ предметомъ. Подробности нѣкоторыхъ сраженій

разсказы авторомъ такъ живо и общедоступно, что читая его воспоминашя, переношишья на его мѣсто и весь происшествя видишь какъ передъ глазами. Г. И. П. не описываетъ, какъ стратегъ, общій ходъ компаніи 1828 года, но говорить только о томъ, что могъ онъ самъ видѣть, какъ простой кавалерійскій офицеръ. Потому статью его можно читать безъ пособия ландъ-картъ.

Изъ переводныхъ статей замѣчательнъ граціозный юмористическій очеркъ Теккерея *Балъ у Мистрисъ Перкинсъ*. Статья тогоже автора «Пріѣздъ въ Парижъ» отличается (особенно въ началѣ) необыкновеннымъ искусствомъ разсказа и рѣдкой въ наше время веселостью шутокъ.

В. А.

С Н Ъ С Ъ.

ВОСПОМИНАНІЯ УЧИТЕЛЯ.

Ежели, по пословицѣ, каждый баронъ имѣеть свою фантазію,— то почему же и каждому челоуѣку не имѣть своихъ воспоминаній? Карамзинъ назвалъ благодарность *памятью сердца*; а подѣ старость и всѣ наши воспоминанія имѣють право называться этимъ прекраснымъ именемъ. Какъ бы ни горько было для насъ прошедшее, но мы воспоминаемъ объ немъ съ *нѣкоторою благодарностью*.... Хоть бы даже за одно то, что оно *прошло*, а мы остались цѣлы и наслаждаемся настоящимъ. — Ну, а если прошедшее было прекрасно, то воспоминаніе о немъ не принадлежитъ ли болѣе къ памяти сердца, нежели воображенія?...

Пріятно вспомнить прошедшее, каково бы оно ни было, но ежели въ этомъ туманѣ минувшаго времени блестать и звѣздочки былой радости, былыхъ успѣховъ, то воспоминаніе тогда имѣеть двойную цѣну.

Окончивъ съ честью трудное поприще педагога, я поселился въ спокойномъ Нѣжинѣ; люблюсь настоящимъ видомъ Нѣжина и и его Лицея, люблю прислушиваться къ говору молодого, умнаго и добраго поколѣнія, но—часто съ любовью вспоминаю и прошедшее. Куда дѣвались всѣ эти прекрасные образы, мелькающіе въ моемъ воображеніи, всѣ эти прекрасные люди, прежніе мои спутники?... «Однихъ ужъ нѣтъ, другіе отошли, далече....» Впрочемъ, этотъ вопросъ похожъ на то, если бы я спросилъ самого себя: куда дѣвались эти прекрасные волосы, которыми прежде украша-

дѣя голова моя? Кто ихъ знаетъ, куда дѣвались, — день за днёмъ все дѣлались рѣже и рѣже, — осталось ужъ немного, да и тѣ уже не прежніе, черные и лоснящіеся, но сѣдые.... Все перемѣняется!... Не пора ли и мнѣ перемѣнить заунывный тонъ моихъ воспоминаній? Къ чему пугать доверчивую юность стариковскимъ ворчаньемъ? Какъ будто важное дѣло, что проживши за половину столѣтія, ты сдѣлался чѣмъ-то похожимъ на старика? Да вѣдь душа не старѣетъ; можно быть душевно-молодымъ и добрымъ, не смотря на постепенное обветшанье тѣла; можно быть даже моложе этихъ «юныхъ стариковъ», въ золотыхъ очкахъ, съ отцвѣтшею на зарѣ жизни душою, медленно, какъ будто вѣхота, тащиться по пути жизни, утомляясь всякимъ трудомъ, унывая предъ всякою невзгодою. Впрочемъ, пожалуйста не думайте, чтобы я хотѣлъ смѣяться надъ «отцвѣтшимъ» молодымъ поколѣніемъ: подобныя чудаки были и въ мое время, да еще тогда и больше было ихъ, нежели теперь, — тогда, видите, была мода на лорда Байрона, и всѣ модные юноши «вашего» времени мѣтили прямо въ Чайльдъ-Гарольды.

О чѣмъ-бишь я хотѣлъ говорить? Да, о томъ, что я люблю вспоминать прошедшее. Впрочемъ, у меня-то и прошедшаго немного — какія-нибудь тридцать лѣтъ, только! — Не пугайтесь не наскучу.

Въ августъ мѣсяцъ 1825 года я былъ опредѣленъ учителемъ латынскаго языка въ гимназію Высшихъ Наукъ (что нынѣ Лицей) князя Безбородко. Мнѣ отъ роду было 22 года. — Надобно разсказать, какъ я былъ экзаменованъ для поступленія въ эту должность. — Директоръ гимназіи Высшихъ Наукъ былъ тогда *Иванъ Семеновичъ Орлай*, докторъ медицины и членъ разныхъ учебныхъ обществъ, котораго почитали (и справедливо) первымъ латынистомъ того времени въ Россіи. — Я имѣлъ смѣлость явиться къ нему и просить объ опредѣленіи меня учителемъ латынскаго языка. — Но моя рѣчь впереди — я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы принести дань моей признательности незабвенному И. С. Орлаю. Карпато-Россъ по рожденію, И. С. воспитывался въ австрійскихъ училищахъ, и по окончаніи тамъ курса наукъ, былъ опредѣленъ учителемъ въ низшіе классы одной гимназіи. Черезъ нѣсколько времени потомъ открылась ваканція учителя въ высшихъ классахъ, и открытъ былъ конкурсъ на то мѣсто. Изъ трехъ явившихся конкурентовъ, Орлай лучше всѣхъ выдержалъ установленный экзамень;

но когда дошло до окончательнаго рѣшенія, іезуитъ-ректоръ не далъ мѣста Орлаю, за то, что «онъ Русинъ, а не Нѣмецъ.» — Это чрезвычайно оскорбило молодаго учителя. «Ну, когда я Русинъ, такъ поѣду въ Русь» — сказалъ онъ, и пріѣхалъ въ Россію. Это было въ царствованіе Государя Императора Павла Петровича. Орлай поступилъ студентомъ въ новоучрежденную тогда медико-хирургическую Академію, отлично кончилъ курсъ, подружился съ Вильё, и вмѣстѣ съ нимъ оставилъ Фармакопею (*Pharmacopoea castrensis*). Служа постоянно въ С.-Петербургѣ и будучи придворнымъ докторомъ, онъ по слабости своего здоровья, искалъ наконецъ для себя теплаго климата, и въ 1822 году опредѣленъ былъ директоромъ въ Пѣ-жинъ; а въ 1826 году поѣхалъ еще въ теплѣйшій климатъ, директоромъ въ Одесскій Лицей, гдѣ и кончилъ свою жизнь, исполненную благихъ дѣлъ, любви къ наукамъ, чести и славы.

Кромѣ Фармакопей, И. С. Орлай напечаталъ еще въ Сѣверномъ Вѣстникѣ (изд. И. И. Мартынова) свой трактатъ *О Карматоссахъ*, на который ссылается Карамзинъ въ 302-мъ примѣчаніи къ 1-му тому И. Г. Р. — А когда въ началѣ текущаго столѣтія, съ учрежденіемъ Министерства Нар. Просвѣщенія, предположено было по всѣмъ губернскимъ городамъ открыть гимназій, и сверхъ того было приступлено уже къ учрежденію Харьковскаго и Казанскаго Университетовъ, то Министерство Н. Пр., имѣя надобность въ наставникахъ для предполагаемыхъ училищъ, обратилось за этимъ къ австрійскимъ педагогамъ. Орлай сочинилъ на латинскомъ языкѣ приглашеніе, которое, по сношенію съ австрійскимъ правительствомъ, было разослано по всѣмъ австрійскимъ училищамъ. Вслѣдствіе этого приглашенія, пріѣхали въ Россію изъ Австріи наставники: Кукольникъ (отецъ писателя), Стойковичъ, Дудровичъ, Терлаичъ, Навловичъ, Билевичъ и другіе. Всѣ они были Русины, и безъ большаго труда начали читать лекціи по-русски. — В. Р. Кукольникъ, послѣ должности профессора Педагогическаго Института, былъ первымъ директоромъ гимназій высшихъ наукъ, а по смерти его, поступилъ на это мѣсто, какъ выше было сказано, И. С. Орлай.

Возвращаясь къ самому себѣ.

Когда явился я къ И. С. Орлаю и просилъ опредѣлить меня учителемъ латинскаго языка, онъ, послѣ общаго разговора со мною о томъ-о сѣмъ, оставилъ меня у себя обѣдать. — Вошедши съ нимъ въ столовую, мы уже застали семейство его за столомъ. Кромѣ супруги и дѣтей Ивана Семеновича, сидѣло за столомъ

★

нѣсколько гимназистовъ въ синихъ мундирахъ съ черными бархатными воротниками. Мнѣ довелось мѣсто возлѣ хозяина, противъ одного гимназиста, лѣтъ 18-ти, черноволосаго, съ черными, едва пробившимися усиками. — Когда мы съли, хозяинъ сперва сказалъ обо мнѣ нѣсколько словъ своей супругѣ, — при чемъ я какъ-то не совсѣмъ ловко поклонился, — потомъ, указывая на моего *vis-à-vis*, сказалъ мнѣ: «рекомендую вамъ этого молодого студента; онъ учился въ Полоцкѣ, у іезуитовъ, а вотъ по изгнаніи іезуитовъ, пріѣхалъ къ намъ оканчивать курсъ. Іезуиты учили ихъ говорить по-латыни; не угодно ли вамъ проэкзаменовать его за объдомъ, умѣетъ ли онъ говорить по-латыни.»

Сколько было во мнѣ крови, вся бросилась въ мое лице. Я понималъ, что это приготовленъ экзаменъ *мнѣ*, а не моему *vis-à-vis*; между тѣмъ мнѣ подали тарелку съ супомъ: надобно было и ѣсть, и думать, и говорить по-латыни!...

Благодаря мѣсту моего воспитанія, ежели я и ничего не знаю, то все-таки умѣлъ говорить по-латыни; тогда это не было рѣдкостью. Вотъ — присамаясь, я и началъ говорить на безсмертномъ языкѣ Квириновъ, — сперва спросилъ что-то о Полоцкѣ, о іезуитской коллегіи, потомъ, не помню какъ, мы заговорили о Горациѣ. Мой товарищъ, *Любичъ-Романовичъ*, бойко отвѣчалъ на все мои вопросы, и говорилъ свободно, чистымъ латынскимъ языкомъ. Искусство товарища и мнѣ придало духу; я развязался, какъ говорится, и благо напали мы на любимаго моего поэта, — вотъ и начали мы разбирать его по косточкамъ, читать наизусть оду за одою, съ указаніемъ красотъ. Надобно жъ было случиться такъ, что Гораций былъ любимымъ поэтомъ у Орлая.

Не утерпѣлъ почтеннѣйшій старикъ, началъ перебивать нашу декламацию и самъ декламировалъ строфы Тибурнскаго пѣвца. Мы трое (Орлай, Любичъ-Романовичъ и я) забыли и о котлетахъ, лежавшихъ передъ нами, да все латынствовали, пока наконецъ Шарлота Ивановна (жена И. С-ча) просила насъ сдѣлать милость перестать съ латынью, да больше кушать, и говорить на общепонятномъ языкѣ.

Послѣ объда, за чашкою кофе, Иванъ Семеновичъ приказалъ мнѣ пойти въ его канцелярію и написать тамъ прошеніе объ опредѣленіи меня учителемъ, а по окончаніи наступившихъ каникулъ явиться къ должности. — Вотъ я и учитель.

Гимназія высшихъ наукъ состояла тогда изъ 9-ти классовъ, для преподаванія наукъ, и изъ 6-ти отдѣленій, для преподаванія языковъ. Трудно было по новоучрежденному заведенію поравнять успѣхи учениковъ, собравшихся изъ разныхъ училищъ Россіи и даже Греціи. Къ моему вступленію въ учительскую должность (августъ 1825) гимназія сформировалась наконецъ всѣми 9-ю классами и шестью отдѣленіями. Я преподавалъ въ первыхъ трехъ отдѣленіяхъ, въ которые сходились ученики разныхъ классовъ, низшихъ и высшихъ. — Между моими учениками были два особенно замѣчательные, *Николай Гоголь-Яновскій* и *Евгеній Гребенкинъ* (впослѣдствіи онъ подписывался *Гребенка*).

Что вамъ сказать о Гоголѣ?

Какъ теперь вижу этого бѣлокурого мальчика въ сѣромъ суконномъ сюртучкѣ, съ длинными волосами, рѣдко расчесанными, молчаливаго, какъ будто затаившаго что-то въ своей душѣ, съ лѣнивымъ взглядомъ, съ довольно неуклюжею походкою, и никогда незнавшаго латынскаго урока. Онъ учился у меня три года, и ничему не научился какъ только перевести первый параграфъ изъ хрестоматіи при латынской грамматикѣ Кошанскаго: *Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram*. Не одинъ онъ былъ такой лѣнивый къ латинскому языку; было еще нѣсколько такихъ, и каждаго изъ нихъ я иначе не звалъ, какъ — *Universus mundus*. «Пу-тка ты, *Universus mundus*, скажи свой урокъ.» — Могъ ли я тогда думать, что этотъ бѣлокурый, молодой *Universus mundus*, будетъ нашимъ первокласснымъ писателемъ?...

Во время лекціи Гоголь всегда-бывало подъ скамьею держать какую-нибудь книгу и читаетъ, не обращая вниманія ни на *coelum*, ни на *terram*. Принудительныхъ средствъ у меня не было никакихъ, кромѣ аттестаціи въ мѣсячной вѣдомости. Я писалъ нули да единицы, а Гоголь три года все оставался на латынскомъ синтаксисѣ, и дальше Корнелія-Непота не заходилъ въ латынскую словесность, — съ этимъ и кончилъ курсъ. — Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ, онъ, право, ничему не научился. Школа приучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ. Это былъ талантъ, неузнанный школою, и ежели правду сказать, не хотѣвшій или не умѣвшій призываться школою. Между тогдашними наставниками Гоголя были, такіе, которые могли бы приглубить и прилежать этотъ талантъ,

но онъ никому не сказался своимъ настоящимъ именемъ: Гоголя знали только какъ лѣниваго, хотя повидимому *не бездарнаго* юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію.—Жаль, что не угадали его. А кто знаетъ? можетъ быть и къ лучшему.

Вотъ что достойно замѣчанія: будучи лѣнивцемъ, Гоголь въ тоже время былъ самымъ благоп нравнымъ юношею, и велъ себя всегда благородно. Хотя вообще уже принято въ школахъ: ставя ученику худой шаръ за ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшать шары и въ поведеніи — вѣроятно на томъ основаніи, что лѣность есть нравственный порокъ; но Гоголь былъ въ этомъ случаѣ исключеніемъ: *едишица*, или даже *нуль* въ ученіи и *пять* въ поведеніи!

Живо я помню представленіе *Митрофанушки-Недоросля* на гимназическомъ театрѣ. Гоголь игралъ *Еремьевну*; хохотали до слезъ, и не подозрѣвали, что эта Еремьевна уже, можетъ быть, обдумывала своего Ревизора.

Окончивши курсъ въ 1828, Гоголь прежде всѣхъ товарищей своихъ, кажется, одѣлся въ партикулярное платье. Какъ теперь вижу его въ свѣтлоричневомъ сюртукѣ, котораго полы подбиты были какою-то красною матеріей въ большихъ клѣткахъ. Такая подкладка почиталась тогда *пес plus ultra* молодаго щегольства; и Гоголь, идучи по гимназій, безпрестанно обѣими руками, какъ будто ненарочно, раскидывалъ полы сюртука, чтобы показать подкладку.

Въ заключеніе моихъ воспоминаній о Гоголѣ скажу, что онъ впоследствии времени имѣлъ сильное сознаніе своего таланта, и кажется, такое же сознаніе недостаточности своего научнаго образованія. Въ 1834 году его пригласили адъюнктъ-профессоромъ Исторіи въ Кіевскій Университетъ, но онъ отказался.... потому что приглашали не прямо въ ординарные профессоры! — Вотъ, что я слышалъ отъ лица, уполномоченнаго пригласить Гоголя адъюнктомъ въ Кіевъ. Зимой 1834 года въ Министерствѣ приготавливали уставъ и штаты для Университета св. Владимира и заботились о присканіи наставниковъ. Воспитанники профессорскаго института тогда еще не возвратились изъ ученаго путешествія по Европѣ, — нужно было запастись домашними средствами. Для всѣхъ кафедръ были уже въ виду достойные кандидаты, только для Русской Исторіи не было человѣка. Начальство само вспомнило о Гоголѣ, и предложило лицу уполномоченному познакомиться съ нимъ и

пригласить его на кафедру адъюнкта. Гоголю тогда было не больше 26 лѣтъ. Пришедши къ лицу, пригласившему его, онъ съ перваго слова очаровалъ его своимъ умнымъ и краснорѣчивымъ разговоромъ. Къ концу бесѣды Гоголю было объявлено, чтобъ онъ принесъ свои документы и прошеніе. — Чрезъ нѣсколько дней Гоголь опять явился, опять очаровалъ своимъ разговоромъ, но ни документовъ, ни просьбы не принесъ. Когда ему за третьимъ разомъ напомнили объ этомъ, онъ не безъ нѣкотораго замѣшательства вынулъ изъ боковаго кармана, и подалъ свой аттестатъ объ окончаніи курса гимназіи высшихъ наукъ съ правомъ на чинъ XIV класса, и прошеніе объ опредѣленіи его ординарнымъ профессоромъ!

— Знаете ли, что? отвѣчали ему: васъ нельзя вдругъ опредѣлить ординарнымъ при этомъ аттестатѣ; согласитесь сперва въ адъюнкты.

Гоголь долго упрямился, не соглашался; дѣло дошло до Министра, который и съ своей стороны приказалъ объявить молодому писателю, что онъ охотно опредѣлитъ его адъюнктомъ. — Но Гоголь не согласился, и дѣло разстроилось. — Не далѣе года послѣ того онъ поступилъ адъюнктомъ въ Петербургскій Университетъ.

Гребенка былъ — совершенная противоположность Гоголю. Вѣчно веселый, вѣчно смѣющійся, вѣчно любимый всѣми, и товарищами и учителями, съ открытою умною и доброю физиономіей, *Евгеній Павловичъ* (какъ его честили даже наставники — разумѣется шутя), учился хорошо, даже притворялся, будто любитъ латынскій языкъ; старался всякому угодить, отъ всякаго заслужить благосклонность. — Страсть къ русской литературѣ проявилась въ немъ очень рано, когда ему еще не было 14 лѣтъ. — Нѣжинскій Лицей построенъ въ предмѣстьи города. Эта патріархальная часть Нѣжина, именуемая *Магерки*, состоитъ изъ низенькихъ домиковъ ббльшею частью подъ соломенною крышею, отдѣляющихся одинъ отъ другаго плетневыми заборами. Въ одномъ изъ такихъ домиковъ жилъ я, а чрезъ плетень въ другомъ домѣ квартировалъ Гребенка. Не помню, какъ онъ сблизился со мною, но это милое, веселое дитя сдѣлалось моимъ любимцемъ, и не проходило того дня, чтобъ Гребенка чрезъ плетень не перѣзжалъ ко мнѣ. У меня онъ бралъ читать журналы и альманахи; рассказывалъ мнѣ о своихъ занятіяхъ, и наконецъ началъ показывать мнѣ свои стихи. Я любовался этимъ кудрявымъ, веселымъ мальчикомъ, и называлъ его *«волло-*

щенною юностью.» — Профессоромъ Русской Словесности былъ тогда у насъ одинъ почтенный старикъ, который нѣкогда былъ ученъ, но за хлопотами жизни отсталъ отъ современнаго состоянія литературы, остановился на Херасковъ и Державинъ, Карамзину только изъ милости давалъ мѣсто въ Исторіи Русской литературы — да и то уже послѣ изданія имъ первыхъ томовъ Исторіи Русскаго Государства, а на Пушкина, Козлова, Дельвига и вообще на *«всю эту молодежь»* смотрѣлъ съ видомъ негодованія и сожалѣнія, которое доказывалъ тѣмъ, что онъ вовсе не читалъ ихъ. — Вотъ у какого профессора Словесности учились Гоголь и Гребенка.

Однажды этотъ профессоръ приказалъ ученикамъ написать стихи на произвольную тему. Когда такіе стихи были потомъ разсмотрѣны и поправлены профессоромъ, вотъ Гребенка послѣ обѣда перелѣзъ чрезъ плетень ко мнѣ, и послѣ разныхъ разговоровъ, сопровождаемыхъ дѣтскимъ смѣхомъ, сказалъ:

— А показать вамъ штуку?

— Покажи, другъ мой.

— А никому не скажете?

— Что жъ это такое? Разумѣется, если можно, никому не скажу.

— Пожалуйста не говорите никому. — Съ этими словами Гребенка вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ, смѣясь, стихи, которые онъ представлялъ профессору для исправленія, какъ свое собственное сочиненіе.

Это были извѣстные стихи Козлова:

Вечерній звонъ! вечерній звонъ!
Ахъ! сколько думъ вводитъ онъ! и проч.

Профессоръ, не читавши ничего новаго, ужасно переправилъ эти стихи, почитая ихъ произведеніемъ ученика *5-го класса Гребенкина*; не осталось ни одной строчки не поправленной, и въ заключеніе всего профессоръ написалъ похвалу: *«марьяднѣхонько.»*

Я хотѣлъ-было бранить Евгенія за его продѣлку, но не удержался, и самъ началъ хохотать съ нимъ. Признаюсь, мы хохотали до слезъ. Впрочемъ Гребенка, посмѣявшись, увѣрялъ меня, что онъ сдѣлалъ эту *«штучку»* совсѣмъ безъ злаго намѣренія: всталъ поздно; звонокъ уже прозвонилъ въ классъ; надобно было нести

стихи, а стиховъ своихъ онъ не приготовилъ; вотъ онъ *взялъ да ѣ переписалъ* изъ *Съверныхъ Цѣтговъ* кажется, готовые стихи Козлова для подачи профессору.

Гребенка, и возмужавши, оставался всё прежнимъ веселымъ, добрымъ и вѣчно смѣющимся. Лѣтъ чрезъ 15 послѣ продѣлки его со стихами Козлова, позднимъ вечеромъ въ июнь 1843 года, я, утомленный дневною работою, пошелъ прогуляться по Нѣжинской мостовой отъ Лицея къ монастырю.—На углу около монастыря у насъ продаются булки и бублики. Подходя къ этому мѣсту, я услышалъ громкій смѣхъ какого-то знакомаго мнѣ голоса. Продащицы бубликовъ вторили этому добродушному смѣху своимъ смѣхомъ и звонкими голосами. Я подошелъ ближе, — смотрю — и самъ себя не вѣрю:

— Евгений Павловичъ! ты ли это? — Гребенка, бросилъ бублики, купленные имъ, и прыгнулъ ко мнѣ на шею....

Онъ тогда вѣхалъ изъ Петербурга къ матери, и везъ съ собою свою сестру, кончившую курсъ ученія въ Патріотическомъ Институтѣ.

Оставивши сестру на почтовой станціи готовить чай, самъ онъ пошелъ купить булокъ, — сперва заговорился съ бубличницами, потомъ увлекся разговоромъ со мною, провелъ меня до моей квартиры, зашелъ ко мнѣ, и просидѣлъ у нея до втораго часа ночи.

— Ба! а сестра моя ожидаетъ меня съ бубликами! сказалъ онъ, прощаясь со мною.

— Какая сестра? — Что это ты говоришь?

Тогда только я узналъ отъ него, что онъ ѣдетъ съ сестрою, которая ожидаетъ его съ чаемъ на станціи.

Миръ праху вашему, любезные мои ученики, Гоголь и Гребенка! Не мнѣ бы слѣдовало писать воспоминанія объ васъ; ученикамъ приличнѣе было бы воспоминать объ учителяхъ своихъ. Но вы опередили многихъ своихъ учителей во всемъ и въ славѣ и даже въ могилѣ.

Изъ другихъ литературныхъ извѣстностей нашихъ, въ одно время съ Гоголемъ и Гребенкою, воспитывались въ Лядеѣ Кукольникъ и Базили. Они не были моими учениками, но учились латинскому языку въ высшихъ отдѣленіяхъ у профессора *Андрущенка*. Кукольникъ держалъ себя аристократически; а любознательный

Базили, не совсѣмъ еще хорошо говорившій тогда по-русски, радъ былъ со всякимъ разговаривать. Онъ часто присаживалъ ко мнѣ въ корридоръ между камерами классовъ, и при всемъ стараніи моемъ разговаривать съ нимъ по-гречески, всегда побѣждалъ меня своею настойчивостью говорить по-русски. Базили былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, которыя пріѣхали изъ Константинополя въ Одессу вмѣстѣ съ тѣломъ блаженнаго священномученика Григорія, патріарха Царградскаго. Ему тогда было лѣтъ 15 отъ роду. Онъ любилъ рассказывать о своемъ плаваніи съ этимъ драгоцѣннымъ залогомъ страждущей Греціи, и слезы всегда, при такомъ рассказѣ, блестѣли въ юношескихъ черныхъ очахъ молодаго Элина.

Не судилось Гоголю быть профессоромъ Русской Исторіи въ Кіевѣ, — такъ досталось это важное мѣсто младшему товарищу его, другому ученику моему, В. О. *Домбровскому*. — Бѣдный сирота, Домбровскій воспитывался своею матерью, которая нарочно для этой цѣли приняла должность кастелянши при лицейномъ пансіонѣ. При счастливыхъ способностяхъ, онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ, и провелъ свое дѣтство и юность, не мѣшаясь въ игры товарищей своихъ, вѣчно занятый, погруженный въ самого себя. Едва только кончилъ курсъ ученія въ гимназій высшихъ наукъ, тотчасъ искалъ случая облегчить свою мать въ средствахъ существованія, и принялъ первое, представившееся ему, мѣсто — надзирателя при лицейскомъ пансіонѣ. Не выѣзжая изъ Нѣжина, Домбровскій пріобрѣлъ обширныя познанія: кромѣ основательнаго знанія древнихъ языковъ и всѣхъ преподаваемыхъ ему наукъ, онъ свободно говорилъ по-французски и по-нѣмецки. Начальство скоро замѣтило даровитаго труженика, и быстро повело его къ возвышенію. Сперва онъ былъ переведенъ учителемъ въ Кіевское уѣздное училище, потомъ въ Кіевскую гимназію, а оттуда скоро въ адъюнкты, и вслѣдъ за тѣмъ въ профессора Университета по кафедрѣ Русской Исторіи. Кромѣ лекцій студентамъ, Домбровскій двѣ зимы сряду читалъ публичныя лекціи для охотниковъ, и Кіевляне высшаго образованія толпились въ его аудиторіи. Достигнувши славы и довольства, въ полномъ цвѣтѣ жизни, молодой профессоръ былъ наконецъ пораженъ жестокимъ недугомъ, объ который сокрушилось все знаніе, все искусство и все усердіе цѣлаго факультета медицинскаго, и который свелъ его въ могилу раньше всѣхъ знаменитыхъ товарищей его, въ 1845 году. — Будучи уже профессоромъ, Домбровскій нѣсколько разъ благодарилъ меня за латынскій языкъ, и я всегда съ удовольствіемъ хвалюсь этимъ, не боясь упрека въ тщеславіи,

но будучи сладко убѣжденъ въ душѣ моеѣ, что и я былъ кому-нибудь полезенъ.

Въ 1827 году, вмѣсто И. С. Орлая, поступилъ директоромъ въ гимназію высшихъ наукъ Д. Е. Ясновскій. Будучи когда-то соученикомъ знаменитаго богослова и іерарха *Ириней Фальковскаго* онъ, по окончаніи старинной Кіевской академіи, поступилъ на службу въ канцелярію фельдмаршала Задунайскаго, — скоро былъ замѣченъ имъ и поступилъ къ его особѣ въ *генеральскъ-адъютанты*. Въ этой должности онъ состоялъ до самой смерти героя, закрылъ ему глаза, и потомъ былъ главнымъ распорядителемъ дѣлъ при дѣлѣхъ наслѣдства между тремя сыновьями покойнаго фельдмаршала, Михайломъ Петровичемъ, Сергѣемъ Петровичемъ и Николаемъ Петровичемъ Румянцовыми. Подѣлившись наслѣдствомъ, три молодые вельможи желали отблагодарить чѣмъ-нибудь Ясновскаго за его труды, и подарили ему на его родинѣ, на берегу Десны, село въ триста душъ крестьянъ. Обезпеченный въ своемъ содержаніи, Ясновскій, въ концѣ прошедшаго столѣтія, поѣхалъ служить въ Петербургъ, поступилъ тамъ въ директоры банка, потомъ вдругъ отказался отъ всякихъ видовъ честолюбія, женился, и вышедши въ отставку, поѣхалъ въ свою деревню. Болѣе двадцати лѣтъ жилъ онъ въ отставкѣ, потомъ лѣтъ шесть служилъ по дворянскимъ выборамъ, и еще бодрымъ, свѣжимъ старикомъ пріѣхалъ къ намъ въ Нѣжинъ директоромъ гимназіи. Добрый, умный, краснорѣчивый, Ясновскій былъ живою исторіей XVIII вѣка. Чего онъ не зналъ? чего не видалъ? съ кѣмъ изъ знаменитыхъ людей не былъ въ сношеніяхъ? Нѣкоторые сановники нарочно пріѣзжали въ Нѣжинъ, чтобы повидаться съ прежнимъ своимъ товарищемъ, добрымъ Данилою Емельяновичемъ. — Похваляюсь и я благосклонностію его ко мнѣ. Сверхъ должности учителя, я при немъ былъ секретаремъ правленія гимназіи, и слѣдовательно ежедневно бывалъ у него, ежедневно слушалъ неистощимые рассказы его о старинѣ. Такого добраго человѣка и такого мастера говорить я уже не встрѣчалъ въ моей жизни. Вѣчная память тебѣ, добрый Д. Е.-чъ!

Въ свободное отъ службы время я иногда писалъ кое-что, и посылалъ мои статьи въ Украинскій Вѣстникъ, издававшійся въ Харьковѣ подъ редакціей покойнаго *Склябовскаго*, и въ Дамскій Журналъ князя П. И. *Шаликова*. — Собравши нѣсколько моихъ статей, я издалъ ихъ особою книжкою. Теперь такіе слабые опыты въ словесности прошли бы безъ всякаго замѣчанія; но тогда....

мало было писавшихъ, и вообще гг. редакторы, журналисты и даже книгопродавцы были тогда очень внимательны къ каждому возникающему охотнику сочинять. Въ Склабовскомъ и Шаликовъ я нашелъ такихъ пріятливыхъ редакторовъ, и получалъ отъ нихъ такія очаровательныя письма, что теперь даже самъ я удивляюсь благосклонности ихъ къ моимъ незрѣлымъ произведеніямъ. Профессоръ М. Т. Каченовскій захотѣлъ познакомиться со мною потому только, что былъ цензоромъ моей книжки, и чрезъ моего директора г. Орлая прислалъ мнѣ изъ Москвы поклонъ; а книгопродавецъ А. С. Ширлевъ предложилъ мнѣ свои услуги по изданію моей книжки. Теперь во всемъ этомъ я не вижу никакихъ заслугъ съ моей стороны, но вижу только особенный характеръ «добраго стараго времени». — Вслѣдъ за изданіемъ моей книжки (*Малороссійская деревня*) Московское Общество Любителей Россійской Словесности приняло меня въ свои соревнователи. «Доброе старое время!»

Въ 1829 году былъ я переведенъ старшимъ учителемъ въ Харьковскую гимназію, и пріѣхалъ въ Харьковъ въ самый разгаръ Успенской ярмарки. Трудно изъяснить то впечатлѣніе, которое сдѣлалъ на меня Харьковъ съ своею ярмаркою. Всеобщій видъ довольства и изобилія, неутомная дѣятельность, множество денегъ, пріятливость харьковскихъ жителей, всеобщая какаѣ-то тенденція къ образованности и просвѣщенію, развивавшаяся отъ университета по всему Харькову, — все это вмѣстѣ составляло отличительный характеръ Харькова и пріятнымъ образомъ дѣйствовало на пріѣзжаго. Но для меня, въ кругу новой моей дѣятельности, встрѣтилась слѣдующая неожиданность: привыкли смотрѣть на самого себя, какъ на латынскаго учителя, и поставляя всю свою славу и даже всю надежду на кусокъ хлѣба въ одной латыни, я скоро, къ удивленію моему, замѣтилъ, что меня трактуютъ въ Харьковѣ, какъ какого-то русскаго литератора. Это сколько льстило моему самолюбію, столько же и уязвляло его. Какъ? я, латынскій учитель, изобрѣтшій даже новую методу изученія латынской грамматики въ самое кратчайшее время, я обязанъ буду моею извѣстностью полдюжины стихотвореній да двухъ-трехъ прозаическимъ статейкамъ, напечатаннымъ мною въ журналахъ?? А моя латынь развѣ не заслуживаетъ извѣстности?... Ищущая харьковская молодежь бросалась искать моего знакомства, все это были — прекрасные юноши, въ очкахъ и безъ очковъ, прекрасно декламирующие, на перехватъ спѣшившіе за каждою новою книгою, соби-

ратели древнихъ пѣсень, издатели альманаховъ. Присмотрѣвшись ближе къ нимъ, я крайне удивился, что у нихъ вѣтъ другой *professii*, кромѣ — восхищаться новыми стихами Пушкина, писать свои стихи въ подражаніе великому поэту, и набрасывать мелкія прозаическія статейки «о томъ о сѣмъ, а больше ни о чемъ.» — Не далѣе, какъ съ мѣсяцъ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, меня пригласили въ домъ княгини Ш. читать русскую словесность двумъ ея сыновьямъ; потомъ въ одномъ женскомъ пансіонѣ открылась вакансія русской словесности, — меня и туда пригласили. Платятъ хорошо, по 10 р. асс. за урокъ, — все это прекрасно; но я вѣдь учитель латынскаго языка! Съ чего они взяли, что я долженъ декламировать имъ *Чернеца* или *Онъгина*?... Чтобы поддержать славу своего «*латынскаго происхожденія*» я дождался перваго торжественнаго акта гимназіи, и произнесъ на немъ латынскую рѣчь *de differentia classicam inter et sic dictam romanticam Poësin* (о различіи между классическою и романтическою поэзіею). Ректоромъ Университета былъ тогда Иванъ Яковлевичъ *Кронбергъ*, великій латынистъ и даже издатель латынскаго лексикона. За нѣсколько дней до акта, я рѣшился повезти къ нему мою рѣчь на разсмотрѣніе, и, ежели будетъ нужно, на исправленіе. Покойный Кронбергъ принялъ меня очень хорошо, т.-е. *ambabus manibus*, какъ говорилось у насъ по-латыни, и оставилъ мою рѣчь у себя. Для чрезъ два прихожу я къ нему за рѣчью, признаюсь, съ трепетомъ и страхомъ, ожидая великихъ и страшныхъ исправленій въ моей латыни. Но И. Я. отдалъ мнѣ рѣчь совершенно безъ всякихъ исправленій, только начеркнулъ ногтемъ въ одномъ мѣстѣ, и отдавая замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ для благозвучія лучше бы вмѣсто *et* сказать *quodque*. Я почти не вѣрилъ такому совершенству моей рѣчи, и съ того времени, признаюсь, началъ еще больше уважать свою латынскую профессію. — Вопросъ о романтической поэзіи былъ тогда животрепещущею современностью. Надеждинъ въ Москвѣ защищалъ докторскую диссертацию по этому же предмету. Московскій Телеграфъ цѣлыми горстями сыпалъ на публику все то, что находилъ объ этомъ въ иностранныхъ журналахъ; вся образованная Россія была раздѣлена на *классиковъ* и *романтиковъ*, хотя — правду сказать — многіе не совсѣмъ отчетливо понимали, что такое классицизмъ и романтизмъ.

Какъ бы то ни было, но я моею рѣчью утвердилъ за собою достоинство латынскаго учителя, и послѣ того получилъ нѣсколько приглашеній къ чтенію частныхъ уроковъ этого языка *Василій*

Назаръевичъ Каразинъ былъ изъ первыхъ, пригласившихъ меня преподавать латынскій языкъ сыну его. Основуюсь на этомъ славномъ имени. — Не знаю, въ какомъ-то журналѣ, чуть-ли не въ Москвитянинѣ, давно уже было обѣщано напечатать подробную біографію В. Н. *Каразина*; жаль, что это обѣщаніе не исполнено. — За Харьковомъ до сихъ поръ въ недоимкѣ — памятникъ Каразину. Когда въ началѣ нынѣшняго столѣтія дѣло шло объ открытіи въ Россіи университетовъ, и когда избраніе мѣста для Университета колебалось между Черниговомъ, Кіевомъ и Екатеринославлемъ, В. Н. Каразинъ доказалъ, (и его доказательства были уважены), что нѣтъ приличнѣйшаго мѣста для Университета, какъ Харьковъ. Потомъ онъ двинулъ въ ходъ всѣ огромныя, зависѣвшія отъ него, средства и устроилъ это высшее училище въ любимомъ своемъ мѣстѣ на своей родинѣ. Благодѣянія Харьковскаго Университета для всей Украины неизчислимы. — Каразинъ до глубокой старости сохранилъ пламенное воображеніе, твердую волю, и ревностную любовь къ просвѣщенію.

На другой годъ моего учительства въ Харьковѣ я напечаталъ мою краткую латынскую грамматику на двухъ листахъ (*таблицы латынскія, этимологіи и синтаксиса*). Первое изданіе разошлось въ нѣсколько мѣсяцевъ; потомъ было и другое изданіе. Въ Харьковѣ тогда любили латынскій языкъ. Гимназія, состоявшая тогда изъ четырехъ классовъ, имѣла учениковъ болѣе 400. Сверхъ гимназій было еще четыре мужскіе частные пансіона. Кто хотѣлъ въ Университетъ, тотъ не шутя учился по-латыни. Мои гимназисты, вмѣстѣ съ латынскимъ языкомъ, полюбили и меня. Человѣкъ десять самыхъ бѣднѣйшихъ, предполагая слушать въ Университетѣ медицину, просили меня, чтобъ я давалъ имъ частные уроки, и я, не имѣя другаго свободнаго времени, упражнялъ ихъ въ латынскомъ языкѣ по-воскресеньямъ послѣ обѣда.

Какъ ни старался я утвердить за собою исключительную славу латыни, и даже какъ ни успѣвалъ въ этомъ, но и Русская Словесность не оставляла меня въ покоѣ. На другой же годъ моего харьковскаго учительства, меня пригласили въ тамошній институтъ благородныхъ дѣвицъ преподавать сперва русскую грамматику, потомъ и словесность. Этого мало. — Я началъ уже отказываться отъ частныхъ уроковъ, — такъ ихъ много было у меня. Какъ теперь помню, я преподавалъ 42 часа въ недѣлю. Отъ 8 часовъ утра до 8 вечера, съ небольшими промежутками отдыха,

я работалъ, — возвращался домой истомленный, ложился спать — часто не раздѣтый, и спалъ, какъ убитый. Сны всегда снились мнѣ относящіяся къ моимъ урокамъ; иногда я во снѣ декламировалъ какіе-нибудь стихи, иногда разбиралъ Цицерона, или Горация. — Живя такою труженническою жизнью, я позже всѣхъ узнавалъ городскія новости, а что дѣлалось въ свѣтѣ, я вовсе не зналъ, — у меня рѣшительно не было времени читать газеты. — Что дѣлалось чрезъ улицу отъ моей квартиры, я и объ томъ не зналъ.

Вотъ — въ февралѣ 1832 года, вдругъ получаю я пакетъ за печатью Университета, — распечатываю, и къ удивленію моему читаю, что совѣтъ Университета поручаетъ мнѣ преподавать въ Университетѣ Русскую Словесность! — Первымъ моимъ движеніемъ было — бѣжать къ ректору, чтобъ отказаться отъ этой чести. Но отказаться было рѣшительно невозможно; для меня сдѣлали только то снисхожденіе, что вмѣсто шести лекцій, въ недѣлю, назначили въ Университетѣ только двѣ, и изъ всего курса позволили мнѣ ограничиться только исторіей русской литературы. Какъ будто нарочно вышло такое «безсловесное» время, что всѣ преподаватели словесности выбыли изъ Университета, нѣкоторые вышли въ отставку, другіе разъѣхались на неопредѣленное время. — Чтѣ я читалъ, и какъ читалъ, теперь право не помню. При всемъ усердіи моемъ, у меня не было времени приготовляться къ лекціямъ; я рѣшился положиться на свою память, да за справками заглядывалъ только въ Исторію литературы Греча и — читалъ. Аудиторія моя всегда была полна студентовъ; приходили слушать даже медики и математики — вѣроятно изъ любопытства. Я читалъ съ февраля мѣсяца по конецъ семестра, и заключилъ мои лекціи экзаменомъ студентовъ въ присутствіи декана И. Я. Кронеберга.

Ухъ! даже теперь чувствую, какъ тяжело было мнѣ учительствовать. Мнѣ было тогда 29 лѣтъ отъ роду, а голова моя уже была сѣдая, какъ у сорокалѣтняго. Отдохнувши лѣтними ваканціями, я потомъ отказался отъ многихъ частныхъ уроковъ, и къ наступавшему новому учебному году ограничилъ себя гимназіей, институтомъ и однимъ пансіономъ. Но, въ началѣ года Провидѣнію Божию угодно было сдѣлать перемѣну въ моемъ состояніи и положить конецъ моему учительству. 6-го августа 1833 года призвалъ меня къ себѣ попечитель и объявилъ мнѣ о назначеніи меня директоромъ въ Луцкую гимназію. — Прощай, Харьковъ! прощайте, мои ученики и ученицы!

Какъ ни лестно было для меня новое и совершенно неожиданное назначеніе, но.... мнѣ жалко было разставаться съ моимъ учительствомъ. Я всегда любилъ предметъ моего преподаванія и всегда любилъ моихъ учениковъ. — вѣроятно, за это и они всѣ любили меня. Приходя въ классъ, я какъ-будто приходилъ въ мое семейство. Въ Харьковской гимназіи тогда еще не было инспектора, — вся полиція и расправа по классу принадлежала учителю, у котораго (въ случаѣ надобности) была наготовѣ и розга. Я очень рѣдко употреблялъ это *последнее* средство, но, признаюсь, употреблялъ-таки; однако никто изъ учениковъ не сердился на меня и за это. — Черезъ 15, черезъ 20 лѣтъ послѣ того, мнѣ не разъ доводилось встрѣчать моихъ харьковскихъ учениковъ въ разныхъ родахъ службы на разныхъ концахъ Россіи: всѣ они съ любовью спѣшили ко мнѣ, старинному своему учителю, и старались въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ изъяснить мнѣ свою благодарность. Одинъ изъ нихъ, знаменитый докторъ и профессоръ Кіевскій *Ф. С. Цицуринъ*, безъ рецепта, вылечилъ меня своими умными совѣтами отъ жестокой болѣзни. Дѣти мои, служащія въ разныхъ мѣстахъ Россіи, также вездѣ находятъ моихъ учениковъ, которые свою благодарность отцу стараются засвидѣтельствовать дѣтямъ. Часто бываетъ пріятно до слезъ получать подобныя извѣстія. Благодарю васъ, мои добрые ученики, за вашу добрую память, благодарю всенародно, печатно! — Мой примѣръ да послужитъ всѣмъ молодымъ учителямъ поощреніемъ и ободреніемъ въ прохожденіи ими многотруднаго учительскаго поприща. — Dixi.

И. К.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ВАРШАВЫ.

Статья II.

Амодій. Диоскоридъ. Слово о полку Игоревъ. Горный Словарь Лабенцкаго.

Сочинение свое: *Polska i Ruś aż do pierwszej połowy XVII wieku, Petersburg i Warsz. 1842*, (Польша и Русь до первой половины XVII столѣтія), Мацѣевскій раздѣлилъ на 4 части. Въ первой описываетъ состояніе Польши въ правленіе королей изъ дома Пяста. Во второй, не одна уже Польша составляетъ предметъ его наблюденій: Русь, разумѣется, только та, которая состояла подъ Польскимъ владычествомъ, тоже обращаетъ на себя вниманіе автора. Описаніе Русскихъ земель, Русскаго народа и разныхъ его сословій, образа жизни, рода занятій, и способа веденія войны, сдѣлано со всею отчетливостью, но по однимъ только Польскимъ источникамъ. Въ этой части Польша и Русь разсмотрѣны единственно въ періодъ царствованія королей изъ дома Ягелла. Въ третьей части описана домашняя, семейная жизнь Поляковъ и Руси, а именно воспитаніе юношества, супружество, игры и увеселенія, уборы, экипажи, и наконецъ кушанья и напитки. Четвертая часть занимается описаніемъ болѣзней, способовъ леченія, похоронъ, добродѣтелей и пороковъ, т. е. свѣтлой и темной стороны характера Поляковъ и Русскихъ. Одно уже это исчисленіе предметовъ, составляющихъ содержаніе сочиненія, показываетъ степень его важности.

Повторяя, что всѣ эти описанія сдѣланы по Польскимъ источникамъ; остается теперь сдѣлать то же самое по источникамъ Русскимъ, и тогда будемъ имѣть полную картину домашней жизни Русскаго народа, по крайней мѣрѣ, до половины XVII столѣтія.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія этого сочиненія, вышло въ 1846 году въ Варшавѣ новое твореніе того же автора, подъ заглавіемъ:

Pierwotne dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne, z uwagą na ościenne Kraje, a mianowicie na Ruś, Węgry, Czechy i Niemcy, (Первобытная исторія Польши и Литвы, какъ виѣшняя, такъ и внутренняя, въ ея связи съ исторією сосѣдственныхъ племенъ, а именно, Руси, Венгровъ, Чеховъ и Пѣмцевъ. Варшава, 1846. in 8° IV. 632). Въ этомъ сочиненіи, авторъ обратилъ преимущественное вниманіе на

происхождение разныхъ наименованій Славянскихъ племенъ и указалъ, по историческимъ свидѣтельствамъ, на первобытныя жилища нашихъ предковъ. Одни и тѣ же наименованія племенъ или городовъ авторъ находить въ разныхъ земляхъ Славянскихъ, такъ напр., Кіевлянъ сравниваетъ г. Мацѣвскій съ Куявинами, которые жили по Вислѣ или Одеру, и носятъ это наименованіе даже до сихъ поръ. Дѣйствительно Кіевъ названъ у Константина Багрянороднаго (952) Кіова, у Дитмара (1018) Куева, у Арабскаго летописца съ 1273, Куява. Точно такъ же созвучны, и, кажется, одного происхожденія, названія Лужичанъ (по нѣм. Lausitz) отъ *лужи* (26), Егзсусан (въ цар. Польскомъ) отъ *Іака* (*Іака-лугъ*), Лучанъ (жителей Лутска) и Лутичей; впрочемъ, сихъ послѣднихъ скорѣе можно взять за одно съ Полабскими Славянами, Лютичами, или Вильтами. Песторъ тоже Полянъ однихъ помѣщаетъ по Вислѣ, другихъ по Днѣпру; основываясь на этомъ, Мацѣвскій доказываетъ единство ихъ происхожденія и взаимную любовь, опровергая такимъ образомъ мнѣніе Нѣмцевъ, а преимущественно Цейса (27), утверждавшихъ, что Вислинскіе и Днѣпровскіе Поляне состояли между собою въ вѣчной борьбѣ. Только пришельцы поссорили насъ; Ляхи—Славянскаго происхожденія, но съ военнымъ Германскимъ устройствомъ, противнымъ духу Славянскихъ народовъ, уходя изъ Саксоніи отъ насилій Франковъ, нахлынули на мирную Польшу и сдѣлались въ ней господствующимъ рыцарскимъ сословіемъ. Точно такъ Руссы завладѣли землею восточныхъ Славянъ, поселились въ землѣ Днѣпровскихъ Полянъ, и, подчиняя подъ свою власть окрестныя племена, столкнулись съ владѣніями Ляховъ и вошли съ ними въ борьбу. Съ тѣхъ поръ Руссы и Ляхи воспылали взаимною враждою и ненавистью, и передали эти чувства братскимъ племенамъ, которыя прежде никакихъ поводовъ къ взаимной непріязни не имѣли. Вообще, всѣ сочиненія Мацѣвскаго писаны въ духъ взаимной любви и мира; не увидишь въ нихъ пристрастныхъ описаній, не встрѣтишь ни фанатизма религіознаго, ни ложнопонимаемаго патріотизма. Онъ ищетъ истины, и догадки свои подкрѣпляетъ ссылками на очевидцевъ или на достойныхъ свидѣтелей вообще.

Только нѣсколько словъ могу сказать о сочиненіи Мацѣвскаго подъ заглавіемъ: *Rocznii i Kroniki Polskie i Litewskie najdawniejsze. Warsz.*

(26) *Нѣ* отъ *лужи*, какъ это некоторымъ казалось.

(27) *Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837. von K. Zeuss.*

1850. in 8° V. 281 (Древнѣйшія Польскія и Литовскія лѣтописи и хронографы). Это собственно продолженіе предъидущаго творенія. Здѣсь тоже разсматриваются древнѣйшія наименованія Славянъ. Говора о Куявіи (сѣвер. часть нынѣшней Плоцкой губ.), Мацѣвскій приводитъ значеніе этого слова въ Русинскомъ языкѣ, гдѣ, по Багилевичу (Рус. грам. Львовъ 1846. стр. 74), Куява означаетъ степную страну, пустыню. Въ малой Польшѣ (въ окрестностяхъ Кракова) Куявою называется вихрь, засыпающій поля пескомъ, и, слѣдовательно, какъ бы превращающій оныя въ пустыни.

Въ Куявіи есть село Кіевъ, и удивительно. говоритъ Мацѣвскій, что на однихъ Куявскихъ печатлѣхъ встрѣчаемъ Славянскія надписи.

Исчислить мелкія разсужденія Мацѣвскаго весьма трудно, или, по крайней мѣрѣ, такое исчисленіе заняло бы слишкомъ много времени. Они печатались то отдѣльно, то по разнымъ журналамъ, здѣшнимъ и заграничнымъ. Отдѣльно напечатаны слѣдующія: 1) *De vita et constitutionibus S. Q. M. Trajani Decii. Göttingæ. 1818*; 2) *Legum Solonis et Decemviralium comparatio, Varsaviæ. 1819*; 3) *In M. T. Ciceronis Topica animadversiones, Varsaviæ, 1820*; 4) *Principia juris Romani, Varsaviæ, 1820*; 5) *De origine stipulationis, Varsaviæ, 1825*; 6) *Sylloge opusculorum, Varsaviæ, 1823*; 7) *Historia juris Romani, Varsaviæ, 1825*.

Изъ журнальныхъ статей, первое мѣсто, по времени напечатанія, занимаетъ разсужденіе: *De Sveboldo Fiolo et Ioanne Hallero, duobus antiquis Cracoviae tyrographis*, помѣщенное въ 1 номеръ ученаго журнала, выходившаго въ Краковъ въ 1814 г. и слѣд., подъ заглавіемъ: *Miscellanea Cracoviensia*. Кромѣ того, множество статей напечатано Мацѣвскимъ въ слѣдующихъ журналахъ: *Pamiętnik Warszawski* (Варшавскія Записки), *Temida Polska*, *Kwartalnik Naukowy Krakowski*, *Schuck's Jahrbücher der gesammten juristischen Literatur*, *Przegląd Naukowy* (Ученое Обзореніе, издававшееся въ Варшавѣ) *Денница*, журналъ, издававшійся П. П. Дубровскимъ, *Warszawska Biblioteka*, *Dziennik Warszawski*, и другихъ.

Перехожу къ описанію нынѣшнихъ занятій Мацѣвскаго, разумѣется, сколько таковыя могутъ быть нѣ извѣстны.

Чтобы однимъ словомъ опредѣлить настоящее направленіе трудовъ Мацѣвскаго, скажемъ, что оно есть анти-германское, или, лучше сказать, анти-нѣмецкое, потому что подъ именемъ древнихъ Германцевъ Мацѣвскій разумѣетъ собраніе племенъ кельтскаго, славянскаго, литовскаго и нѣмецкаго происхожденія. Въ разсужденіи своемъ о Све-

вахъ, (Bibl. Warsz. 1853. Т. 2. стр. 405), Мацѣвскій, изслѣдовавъ и сличивъ между собою древнѣйшія права Славянъ и Нѣмцевъ, приходитъ къ заключенію, что Свевы, которые, по соединеніи съ германскими племенами, нанесли послѣдній ударъ Римской Имперіи, были не нѣмецкаго, а славянскаго происхожденія.

Точно такъ же анти-нѣмецкое направленіе Мацѣвскаго видно изъ его мнѣній о нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ. Онъ полагаетъ, что не только учрежденіе аллодій (наслѣдствъ) не нѣмецкое, а славянское, но что самое даже названіе можетъ быть объяснено исключительно однимъ славянскимъ языкомъ. Любопытный споръ по этому предмету завязался между Мацѣвскимъ съ одной стороны, и однимъ молодымъ ученымъ г. Валишевскимъ съ другой (28). Споръ этотъ довольно важенъ и имѣетъ не мѣстное, а общее учебное значеніе, и потому приведемъ его здѣсь вкратцѣ, не опуская, впрочемъ, ни одной мысли, которая могла бы послужить къ рѣшенію этого темнаго вопроса.

Мацѣвскій, рассказывая знакомымъ о послѣднемъ своемъ (1853 г.) путешествіи за границу, выразилъ свои мнѣнія о нѣкоторыхъ вопросахъ, которые до сихъ поръ считаются нерѣшенными, между прочимъ, о салическомъ правѣ, и приписывалъ ему славянское происхожденіе, не только по его внутреннему значенію, но и по самому названію аллодій, составляющихъ самую существенную принадлежность салическихъ законовъ. Мнѣніе это, повторенное печатно редакторомъ Варшавскаго Журнала г. Бартошевичемъ, вызвало возраженія со стороны г. Валишевскаго, который въ 90 N сказаннаго журнала (1854 г.), представилъ три возраженія, на которыя сейчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ редактора, списанный со словъ г. Мацѣвскаго. Эти возраженія суть слѣдующія:

1) Если допустимъ славянское происхожденіе салическаго права, то какое значеніе припишемъ тогда слову *all-ot*? Нѣмецкіе и Французскіе историки единогласно утверждаютъ, что *ot*, *od* въ тевтонскихъ нарѣчіяхъ означаетъ *собственность*, и что такую собственность, *allot* (*allodium*), составляли земли, перешедшія во владѣніе завоевателей

(28) Такъ какъ возраженія свои г. Валишевскій дѣлаетъ въ письмѣ, адресованномъ къ редактору Варшавскаго Журнала (*Dziennik Warszawski*), то и отвѣтъ напечатанъ отъ имени того же редактора (г. Бартошевича), хотя собственно списанъ со словъ г. Мацѣвскаго.

via rasti, или по раздѣлу (loos), какъ напр. въ Галліи. Эти собственности получили названіе *салическихъ земель* и не могли переходить по наслѣдству въ женской линіи. Но въ послѣдствіи, по новому умноженію аллодій, началъ, къ первоначальной завоеванной собственности, прибывать еще другая, пріобрѣтенная покупкою или полученная по наслѣдству, а такъ какъ и эта собственность тоже называлась аллодіальною, то и невозможно было удержать первоначальное разграниченіе; въ слѣдствіе чего женщинамъ признано наконецъ право наслѣдовать всякую собственность безъ различія. Если, слѣдовательно, принять толкованіе г. Мацѣвскаго и видѣть въ *ot* корень слова *от-ецъ*, и аллодіи перевести словомъ *отчина*, то какъ объяснить значеніе *салической земли (terra salica)*? Если *ot* означаетъ *отчину*, отцовское наслѣдіе, то въ этомъ словѣ заключается славянское понятіе о патриархальномъ устройствѣ общества; но если видѣть въ немъ понятіе о собственности вообще, пріобрѣтенной силою или по раздѣлу, въ такомъ случаѣ понятіе это было бы германское, а слѣдственно и слову надобно было бы приписать германское происхожденіе. Принявъ славянское значеніе слова, мы никакъ не могли бы объяснить значенія салической земли, которая легко объясняется, если слову аллодій припишемъ нѣмецкое происхожденіе.

2) Былъ ли салическій законъ дѣйствительно закономъ, т. е. правомъ, составленнымъ высшею властью, или только обычаемъ, уставомъ Франковъ, списаннымъ, по мнѣнію Вярды и Гизо, какими нибудь копистами, можетъ быть, варварскаго происхожденія, желавшими передать потомству обычай племенъ, жившихъ между Арденскимъ лѣсомъ и рѣками: Шельдою, Мозелемъ и Лисомъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ салическій законъ имѣлъ бы характеръ Саксонскаго зерцала (*Sachsen-spiegel*) или формуляровъ Маркульфа.

3) Если бы салическіе законы были славянскаго происхожденія, еслибы въ нихъ можно было замѣтить малѣйшій слѣдъ вліянія славянскаго законодательства, въ такомъ случаѣ общая фizioномія этихъ правъ имѣла бы характеръ высшей образованности; между тѣмъ, въ законахъ этихъ отражается прошлое народа дикаго, варварскаго, котораго нравственная сторона вовсе не развита, чему доказательствомъ служатъ заключающіяся въ сихъ законахъ учрежденія. Только варварскіе народы могутъ имѣть уложенія, исключительно уголовныя, и именно только такіа находимъ въ законахъ салическихъ (слова Гизо). Все это никакъ

не можетъ быть отнесено къ славянскому законодательству, въ основаніи котораго лежатъ учрежденія патріархальныя.

На это г. Мацѣвскій отвѣчаетъ слѣдующее :

Касательно 4-го. Въ первобытной Германіи были земли, принадлежавшія цѣлой общинѣ, и слѣдовательно, не составлявшія частной собственности. Объ этомъ свидѣлствуютъ два знаменитѣйшіе писателя древности: Цезарь и Тацитъ, въ особенности же первый (*de bello gallico*, VI, 22). Общая патріархальная собственность была во время Цезаря—закономъ, которымъ руководствовалась Германія (29). Никто въ ней не имѣлъ ничего своего; всѣ воздѣлывали общія земли и потомъ по равну дѣлились плодами ея и всѣми доходами вообще. Такая общая собственность и такія общины служили въ древности, отчасти же и нынѣ служить, основаніемъ внутреннему управленію славянскихъ племенъ, и даже Нѣмцевъ, подчинившихся славянскому вліянію, какъ напр. Вандавовъ въ Африкѣ, или Готтовъ во Фракии. Нынѣ, внѣ славянскихъ земель, нѣтъ и слѣдовъ такого общиннаго устройства; а между тѣмъ, въ самой восточной части Европы, гдѣ образованность запада не могла искоренить народной индивидуальности, такія общины (волости) и общая собственность остались и понынѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Однимъ словомъ, въ Велико-Россійскихъ губерніяхъ встрѣчаемъ то, что за 19 столѣтій до насъ Цезарь встрѣчалъ въ Германіи. Тамъ общины (волости) существуютъ понынѣ: поля засяваются общимъ зерномъ, и хлѣбъ раздѣляется между всѣми семействами, и даже ежегодно, какъ во время Цезаря въ Германіи (30), старосты, выбираемые изъ крестьянъ же, поручаютъ вспашку поля сегодня тому, завтра другому. Въ Германіи цѣлыя общины переходили съ мѣста на мѣсто; здѣсь переходятъ отдѣльныя лица. Но духъ учрежденія остается всегда одинъ и тотъ же: постоянное движеніе и перемѣна. Другая разница та, что здѣсь не правительство занимается раздѣломъ участковъ между общи-

(29) Напоминаетъ, что подъ Германією г. Мацѣвскій разумѣетъ не однихъ Нѣмцевъ.

(30) Вотъ это мѣсто у Цезаря (*De bello gall. VI. 22*): Никто изъ нихъ (Германцевъ) не имѣетъ своего участка земли, заключеннаго въ извѣстныя границы; но ихъ чиновники и управители ежегодно выдѣляютъ семьямъ п соединеннымъ между собою родственникамъ столько полей и въ такомъ мѣстѣ, сколько и гдѣ имъ угодно; по прошествіи же одного года, приказываютъ имъ занимать новыя мѣста.

нами, какъ въ Германіи, но общины сами собственною властью опредѣляютъ занятіе каждому отдѣльному члену. На это общинное устройство волостей въ Россіи первый обратилъ вниманіе Европы Гакстгаузенъ, въ сочиненіи своемъ: *Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands*. Berlin 1852 г., три тома. Слѣды такой общей собственности исчезаютъ на Западѣ Европы съ прекращеніемъ темнаго періода исторіи; въ Чехіи замѣчаются они еще въ IX столѣтіи, въ Польшѣ въ XI—XII. Гдѣ же земля могла составлять такую общую собственность? Разумѣется, тамъ, гдѣ ея было довольно, гдѣ населеніе не было слишкомъ велико, гдѣ труды земледѣльца могли легко вознаграждаться. Въ такомъ именно положеніи была во время Цезаря Германія, отдѣленная отъ Римской Республики Герцинскимъ лѣсомъ, занимавшимъ всю южную полосу нынѣшней Германіи, отъ краевъ Гельвеціи до земли Даковъ (*de bell. Gal. IV, 25*). Если бы земли было мало, Германцы очищали бы лѣса и занимали бы землю подъ пахатныя поля.

Совершенно другое видимъ въ странахъ съ слишкомъ великимъ населеніемъ, или въ такихъ, гдѣ производительность земли была весьма ограничена, какъ напр: въ Скандинавіи. Тамъ, слѣдовательно, должно было родиться первоначально понятіе о правѣ частной собственности, о наследствѣ. Эти понятія внесены на материкъ Европы Франками, пришедшими съ Сѣвера весьма нескоро послѣ Цезаря.

Такое же патриархальное воздѣлываніе земли видимъ въ позднѣйшее время надъ Шельдою, куда это понятіе объ общей собственности занесено было *Германцами*, при чемъ не должно упускать изъ виду, что этимъ историческимъ именемъ назывались не одни Пѣтцы. Франки уже застали здѣсь эти учрежденія. Но Франкамъ, какъ рыцарскому народу, не на руку была общинная система: имъ надобно было имѣть какъ можно болѣе воиновъ, которые, притомъ, имѣли бы средства вести безпрестанную войну для новыхъ пріобрѣтеній. Тогда-то объявили они покореннымъ жителямъ, что собственность съ тѣхъ поръ прекращается, и что на мѣсто ея вводится собственность частная, т. е. что всѣ земли раздѣляются между извѣстнымъ числомъ воиновъ, что, разумѣется, одни мужчины могутъ быть ихъ владѣльцами, что эта собственность должна переходить по наследству, какъ *al ot* (техническое выраженіе салического права). Спрашивается теперь: что значитъ это слово? Ученые различнымъ образомъ рѣшали этотъ вопросъ; большинство однакожь согласно въ томъ, что *ot, od*, въ тевтонскихъ нарѣчіяхъ

означаетъ собственность. Изрѣченіе, слѣдовательно, что земля переходитъ къ кому-либо по наслѣдству какъ *al-od* значило бы, что она дѣлается его собственностью, а такое объясненіе вовсе не рѣшаетъ вопроса: кто по смерти воина имѣетъ право на его землю? Нѣмцы обыкновенно разлагаютъ это слово на два, именно: на латинскую частицу *a* и нѣмецкое существительное *lot*, означающее *вѣсъ* (лотъ), что воины брали землю *a lot* т. е. по вѣсу, по мѣрѣ, определенной при первомъ раздѣлѣ. Во-первыхъ, невозможно допустить составленія слова изъ одного латинскаго, а другаго нѣмецкаго; во-вторыхъ, не возможно, чтобы нѣмецкій воинъ говорилъ по-латыни одними предлогами; и, наконецъ, какая связь между вѣсомъ и мѣрою?

Прибавимъ, что до сихъ поръ слово *al-lod* или *allodium* объясняли нѣмецкимъ языкомъ одни Нѣмцы; но если только допустимъ, что въ Германіи жили и Славяне, исторія много прояснится.

Слово это не отвѣчаетъ латинскому *sorte*, встрѣчаемому въ древнихъ дипломахъ, потому что въ такомъ случаѣ *alot* означало бы землю по раздѣлу, просто участокъ земли; потому что *sorte* былъ единицею мѣры въ средніе вѣка, и такихъ участковъ (*sortes*) можно было имѣть два, три и болѣе. Сверхъ того, словомъ *sorte* означалась не только вотчина, но и вообще всякая собственность, приобретенная покупкою, полученная въ даръ, и т. п. Притомъ *al-ot* было прямо противоположно не только общей, но и левной, феодальной собственности.

Allodium и *feudum* — это два полюса, два понятія, совершенно одно другому противоположныя. *Ot* (Нѣмцы пишутъ *od*), по мнѣнію г. Мадцѣвскаго, есть корень слова *отецъ*; *al* же по простой перестановкѣ буквъ образовалось изъ *la*, вмѣсто *для* — ради; по этому, *al-ot* означало бы наслѣдство, полученное послѣ отца. Слово *od*, *ad* и т. д. находится еще въ Кельтскомъ и Финскомъ языкѣ; не встрѣчается однакожъ, по мнѣнію Гримма, въ Нѣмецкомъ, гдѣ обыкновенно приставляется къ нему согласная *f*, напр. *fater*. Корень этого слова нигдѣ не имѣетъ столь пространнаго значенія, какъ въ языкахъ славянскихъ; и слѣд., говорить г. Мадцѣвскій, слово это славянскаго происхожденія (31).

(31) Натяжка здѣсь очевидна; во-первыхъ, Нѣмцы не всегда прибавляютъ согласную *f*, чему доказательствомъ служитъ Готская біблія Ульфилы, гдѣ отецъ называется *atta* (*atta unsar thuin himi nam etc.* Отче нашъ иже еси на небеси и т. д.); во-вторыхъ, объясненіе частицы *al* — предлогомъ *для* никакимъ образомъ допущено быть не можетъ, тѣмъ болѣе, что предлогъ «для» не имѣлъ бы здѣсь никакого значенія, или, по крайней мѣрѣ, ни съ *отцемъ* не объяснял бы того понятія, какое связывало со словомъ *alot*. И. П.

Касательно 2-го. Въ прологѣ къ салическимъ законамъ сказано, что умные люди, народные судьи (*gestoges populi*), приглашены были къ собранію всѣхъ правъ, которыми руководствовались побѣжденные. Къ этимъ правамъ, основывавшимся на обычаяхъ, побѣдители, Франки, прибавили то, что служило имъ самымъ въ пользу. Отъ того произошла смѣсь дикихъ франкскихъ понятій съ общиннымъ учрежденіемъ, свойственнымъ и нынѣ Славянамъ.

Салическіе законы образовались изъ сліянія многихъ мѣстныхъ правъ. Доказательства этому находимъ въ нихъ самихъ. Нѣмецкій ученый, Тилень, насчиталъ до 1800 финскихъ словъ; кромѣ того, есть тамъ и славянскія слова, напр. *Klet* (Клѣть), *warg* (врагъ), *Scrinia* (Поль. *skrzynia* — сундукъ, впрочемъ, это слово находится и въ итальянскомъ), *slr* (чеш. *slerica* — курица) и др. Къ этимъ словамъ г. Мацѣвскій причисляетъ и *alot*. Гриммъ признаетъ эти слова (кромѣ *alot*) славянскими, но приписываетъ внесеніе ихъ въ салическіе законы Франкамъ, жившимъ нѣкогда въ сосѣдствѣ съ Славянами и Финнами. Это объясненіе г. Мацѣвскій считаетъ натяжкой.

Касательно 3-го. Для опроверженія третьяго возраженія, г. Мацѣвскій говоритъ, что салическіе законы состоятъ изъ двухъ элементовъ: общиннаго — кроткаго, и насильственнаго — дикаго. Первый элементъ приписываетъ онъ законодательству славянскому, второй — франкскому.

Вотъ вкратцѣ изложенный ученый споръ, который, касаясь предмета, весьма занимательнаго и до сихъ поръ не объясненнаго, можетъ обратить на себя вниманіе и русскихъ ученыхъ.

Извѣство, что Дакскія племена жили въ мѣстахъ, нынѣ занимаемыхъ Маджарами и Славянами; они исчезли изъ Исторіи еще до образованія Славянскихъ государствъ и вопросъ объ ихъ происхожденіи до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Въ концѣ истекшаго столѣтія Гаттереръ всѣми силами старался доказать, что все пространство земель отъ Дуная до устьевъ Вислы было нѣкогда занято Готами и Даками, которыхъ исторія и разныя перемѣны судьбы составляли предметъ его глубокихъ изслѣдованій. Нынѣ Лелевель въ послѣднемъ своемъ сочиненіи: *Narody na Ziemiach slawiańskich, pozed powstaniem Polski, Poznań 1853*, дополняетъ Гаттерера и указываетъ на Дакскія названія въ областяхъ западныхъ Славянъ, хотя и самъ сознается въ натяжкахъ, приводя и такіа названія городовъ, время основанія которыхъ записано въ славянскихъ летописяхъ. Диоскоридъ, греческій натура-

лестъ, жившій въ I мѣ вѣкѣ по Р. Х., путешествуя въ земляхъ, смежныхъ съ сѣверными провинціями римскими, кажется, въ званіи военнаго медика, побѣтилъ и Дакскую страну, собирая вездѣ травы и изслѣдуя ихъ лечебныя свойства. Онъ оставилъ послѣ себя весьма важное для медиковъ сочиненіе, которымъ исторія вздумала тоже воспользоваться, призвавъ себя на помощь филологію. Именно, Діоскоридъ, говоря о разныхъ травахъ, приводитъ возлѣ греческихъ или римскихъ названій, еще и Дакскія ихъ наименованія. Эти Дакскія слова, такъ какъ они до сихъ поръ приводились въ книгахъ, издававшихся Нѣмцами съ подлинника, хранящагося въ Вѣнской бібліотекѣ, вовсе не положили ни на нѣмецкія, ни на славянскія. Но Гриммъ (Geschichte der Deutschen Sprache), сличилъ эти названія, съ подлинникомъ, и, тщательно выискувъ въ предметъ, нашелъ что эти дакскія названія суть нѣмецкія. Мацѣвскій, съ своей стороны, объявляетъ такъ, что эти наименованія вовсе не нѣмецкія, а славянскія.

Вопросъ о происхожденіи Даковъ рѣшить весьма трудно; со вѣстмъ тѣмъ, объясненіе Діоскоридовыхъ названій лекарственныхъ растений весьма много способствовало бы къ сему рѣшенію, и потому обращаемъ на нихъ особенное вниманіе читателей. Предметъ этотъ важенъ для всѣхъ Славянъ, и, еслибы можно было съ достовѣрностью заключить изъ всѣхъ изслѣдованій, что Даки были Славяне, мы имѣли бы еще однимъ и важнѣйшимъ доказательствомъ болѣе, что предки наши еще до Р. Х. жили въ тѣхъ же земляхъ, въ которыхъ и понынѣ живутъ ихъ погомки. Г. Мацѣвскій взялся за объясненіе этихъ словъ, подобралъ разные славянскія наименованія растений, созвучныя съ дакскими и почти рѣшилъ, что эти слова славянскія. Прочтя однакожъ (въ рукописи) всѣ его остроумные доводы славянскаго происхожденія Даковъ, смѣло рѣшить можемъ, хотя и съ прискорбіемъ, что Даки *не были* Славянами. Настоящій путь, какимъ слѣдовать должно для объясненія этихъ техническихъ терминовъ, указанъ П. А. Мухановымъ, который посоветовалъ Мацѣвскому прибѣгнуть къ помощи ботаники, и подъ такимъ уже руководствомъ продолжать начатое дѣло.

Ботаническій трудъ, и за нимъ филологическій, должны служить основаніемъ историческимъ изслѣдованіямъ. Для этого необходимо знать народныя названія съихъ растений на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и то изъ разныхъ мѣстностей, тѣмъ болѣе, что эти растения, имѣя цѣлебныя свойства, должны быть знакомы простому народу. Чтобы дать читателямъ возможность исполнить съ своей стороны требуемое

отъ ниль для объясненія историческаго вопроса, приведемъ здѣсь всѣ эти дакскія наименованія по Гриму. Диоскоридъ въ сочиненіи своемъ, *de materia medica*, исчисляя различныя лекарственныя растенія, къ 37-ми греческимъ и римскимъ названіямъ прибавилъ и дакскія. Ученый Варшавскій ботаникъ Н. Александровичъ, исполняя мысль П. А. Мухомова, объяснилъ: 1) Какъ тѣ же растенія называются по нынѣшней систематической ботаникѣ; 2) какія изъ нихъ употребляются въ аптекахъ и подъ какими названіями; 3) книжныя названія тѣхъ же растеній по-русски и по-польски. Остается, слѣдовательно, прибавить народныя наименованія силъ растеній по всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и тогда только будемъ въ состояніи судить, въ какой степени можно симъ дакскимъ словамъ приписывать славянское происхожденіе. Не должно еще упускать изъ виду и того обстоятельства, что Диоскоридъ, какъ Грекъ, вѣроятно многія названія исковеркалъ, что тѣмъ основательнѣе можемъ допустить, видя, какъ въ настоящее время ученые Нѣмцы коверкаютъ славянскія слова, хотя и выписываютъ оныя изъ печатныхъ книгъ. Тотъ же г. Александровичъ показывалъ мнѣ фармакопею, изданную въ Германіи, въ которой приведены и польскія названія разныхъ медикаментовъ; но этихъ польскихъ названій рѣшительно узнать нельзя, такъ они переименованы глубокомысленнымъ Нѣмцемъ. Если, слѣдовательно, въ XIX ст. Нѣмецъ не умѣетъ списать печатныхъ названій, то тѣмъ болѣе въ I вѣкѣ по Р. Х. Грекъ не умѣлъ написать словъ, слышанныхъ имъ изъ устъ варваровъ. Въ случаѣ признанія этихъ словъ славянскими, можемъ заключать о мѣстѣ жительства нашихъ предковъ; но вовсе не имѣемъ права давать выводы о высокой образованности Славянъ въ I-мъ вѣкѣ и о ихъ познаніяхъ въ ботаникѣ на томъ основаніи, что они умѣли назвать по-своему нѣкоторыя цѣлебныя травы. А между тѣмъ сколько мнѣ извѣстно, г. Мацѣвскій имсиво впадаетъ въ эту крайность. Это рѣшительно тоже, какъ еслибы кому нибудь чрезъ полторы тысячи лѣтъ вздумалось приписывать высокую степень образованности Остякамъ и Камчадаламъ, намъ современнымъ, потому что въ XVIII-мъ вѣкѣ Палласъ привелъ названія нѣкоторыхъ травъ и на языкѣ остякскомъ или камчадалскомъ. Предметъ этотъ въ ботаническомъ отношеніи тщательно изслѣдованъ г. Александровичемъ, и вотъ составленная имъ сравнительная таблица Диоскоридовыхъ названій расте...

ΝΑΖΒΑΝΙΑ ΡΑΣΤΕΝΙΩΝ Υ ΔΙΟΣΚΟΡΙΔΑ.				ΚΑΚΨ ΕΤΗ ΡΑΣΤΕΝΙΑ ΝΑΖΒΥΒΑΙΟΥΝΤΑΙ ΒΨ ΝΥΝΨΥΝΨΕΨ ΣΥΣΤΕΜΑΤΙΚΗΣ ΒΟΤΑΝΙΚΨ ?
Νο	ΠΟ-ΓΡΕЧЕСКИ.	ΠΟ-ΡΙΜСКИ.	ΠΟ-ΔΑСКИ.	
1.	Βλῆτον	Βλιτουμ	Βλῆς.	<p>Πο всей вѣроятности одно изъ слѣдующихъ Blitum Bonus Henricus. Chenopodium Bonus Henricus.</p> <p>а можетъ быть: Chenopodium Botrys, ambrosioides.</p> <p>или: Chenopodium Vulvaria.</p> <p>или: Atriplex hortensis.</p> <p>или: Blitum virgatum.</p>
2.	Ἀναγάλλις ἀρήν	Χελιδόνιον	Κερκεραφρών.	Anagallis arvensis.
3.	Χελιδόνιον μεγα (γλαυκον).	Φαβιουμ γλαυκον.	Κρουστανη.	Chelidonium maius.
4.	Κενταυριον.	Φευριφούγιαμ οί δε αὔρα μουλτιραδιξ.	Τουλβηλά.	ErythroniumCentaurium Gentiana Centaurium.
5.	Διχακος.	Λαβρουμ Βενερισ, οί δε Καρδουμ Βενερισ.	Σχίαρη.	Dipsacus Fullonum.
6.	Ηρύγγιον.	Καπιτουλουμ καρδους, οί δε καρνερα.	Σικουπνοεξ.	Eryngium campestre.
7.	Θύμος.	Θουμους.	Μοξουλα.	Thymus vulgaris или: Thymus Scryllum.

<p>ЧТО ОТЪ НИХЪ УПОТРЕБЛЯЕТСЯ ВЪ АПТЕКАХЪ И ПОДЪ КАКИМИ НАЗВАНИЯМИ.</p>	<p>РУССКІЯ И ПОЛЬСКІЯ КНИЖНЫЯ НАЗВАНІЯ СИХЪ РАСТЕНІЙ.</p>
<p>Herba Boni Henrici s. Chenopodii s. Lapathi unctuosi, s. Totæ bonæ.</p>	<p>Жминда стрѣлолистная. Zminda strzełkowa.</p>
<p>Herba Botryos ambrosioidis. s. Atriplicis odoratæ, s. Botryos, s. Ambrosiæ.</p>	<p>Марь душистая. Komosa wonna.</p>
<p>Herba Vulvariae, s. Atriplicis foetidæ s. olidæ.</p>	<p>Марь вонючая. Komosa źmierdząca.</p>
<p>Herba Atriplicis sativæ.</p>	<p>Лебеда садовая. Lebioda ogrodowa.</p>
<p>Въ аптекахъ не употребляется.</p>	<p>Жминда обыкновенная. Zminda różgowa.</p>
<p>Herba Anagallidis maris (Pulvis Anagallidis s. contra rabiem).</p>	<p>Куросльвь. Kurzyślad. Куромор (чеш).</p>
<p>Radix et herba Chelidonii majoris.</p>	<p>Чистотѣль. Glistownik. Jaskółeze kieb. Cendalia, Cencelia.</p>
<p>Herba et flores s. apices florentes s. comæ floridæ, s. summitates s. cucumina cum floribus Centaurii minoris s. febrifugæ s. Fellis terræ.</p>	<p>Эриорей аптечная, Золототысячникъ. Tysiąc-zucú centaurya.</p>
<p>Herba Cardui Veneris.</p>	<p>Ворелика. Szezeć, Drapez.</p>
<p>Radix Eryngii s. Lyringii s. Asteris inguinalis, s. Capituli Martis, s. Acus Veneris. s Cardui voluntatis aculeati.</p>	<p>Снеголовникъ полевой. Перекати-поле. Mikolajek Wietzuik.</p>
<p>Herba et flores Thymi ulgaris s. hortensis</p>	<p>Тимьянъ садовый. Tymian, tymianek ogrodowy.</p>
<p>Herba et flores Serpylli.</p>	<p>Тимьянъ ползучій, Богородская трава. Tymian macierzanka.</p>

ΝΑΖΒΑΝΙΑ ΡΑΣΤΕΝΙΩΝ Υ ΔΙΟΣΚΟΡΙΔΑ.				ΚΑΚΉ ΕΤΗ ΡΑΣΤΕΝΙΑ Η ΖΥΒΑΙΟΥΝΤΑ ΒΉ ΗΜΕΨΗΝΗ ΣΥΣΤΕΜΑΤΙΚΗΣ ΒΟΤΑΝΙΚΉΣ ?
№	ΠΟ-ΓΡΕΧΕΣΚΙ.	ΠΟ-ΡΗΜΣΚΙ.	ΠΟ-ΔΑΚΣΚΙ.	
8.	Ἄνηθον τὸ ἐσθιομεν οἱ δὲ πολυιδος	—	Πόλπους.	Anethum Foeniculum.
9.	Ἀρτεμισία.	Οναλεντία ¹⁾ , οἱ δὲ σεργυλλοὺμ οἱ δὲ ἔρβα ρενια οἱ δὲ ραπίουμ, οἱ δὲ τερτανάγετα	Ζουόδση	Ὀνα ἐκ τῶν σκλαδουοῦσων ποροδῶν: Artemisia vulgaris. Artemisia Abrotanum. Artemisia Absinthium. Artemisia pontica.
		¹⁾ ne Valentia λι?		
10.	Ὅρμινον ἡμερον.	Γεμινάλις.	Ὅρμια.	Salvia Horminum.
11.	Λιθοσπερμον.	Κολουμβά.	Γονολητά.	Lithospermum officinale
12.	Ὀνοβρυχίς.	Ὀπακά, οἱ δὲ βριχιλλάτα, οἱ δὲ λοπτά, οἱ δὲ ιουγκιναλεμ.	Ἀνιασεξίς.	Onobrychis sativa, s. Hedysarum Onobrychis
13.	Χαμαιπιτίς.	Κυπριπούς.	Δοχέλα.	Ajuga reptans.
14.	Λειμώνιον.	Ὀυεράτρουμ νιγροῦμ, οἱ δὲ τιντινά βουλουμ τερραι.	Δακίνα.	Statice Limonium.
15.	Ἴρις.	Γλαδιόλουζ οἱ δὲ ἴριμ αγρεστέμ.	Ἀπρούς.	Iris Pseudacorus.
16.	Ἀγρωστίς.	Γράμεν οἱ δὲ ἄσιφολιουμ, οἱ δὲ σαγγουινάλεμ, οἱ δὲ ουνιόλαμ.	Κοτιάτα.	Triticum repens.

Ю ОТЪ НИХЪ УПОТРЕ- ИЕТСЯ ВЪ АПТЕКАХЪ И ОДЪ КАКИМИ НАЗВАНИЯМИ.	РУССКІЯ И ПОЛЬСКІЯ КНИЖНЫЯ НАЗВАНІЯ СИХЪ РАСТЕНІЙ.
radix Foeniculi s. Foeni- ali dulcis, s. Marathri- emen Foeniculi.	Укропъ Воложскій. Korper włosai.
radix Artemisiae. erba et summitates Ab- rotani maris s. hortens- s. erba et folia Absinthii s. Absynthii s. Absin- thii onlgaris. erba et summitates Ab- sinthii pontici s. romani.	Чернобыльникъ обыкновенный. Wylica pospo- lita. Чернобыльникъ Божье-дерево. Wylica Bożed- zewko. Чернобыльникъ. Полынь. Wylica, Piołum.
erba Hormini s. Cal- litrichi.	Шалфей пурпурнолистный. Szalwia barwioli- ścieo, Łusisinosok, по-исп. Horminio, итал. Orminio, порт. Oremino.
emen Lithospermi s. Mili solis.	Воробейникъ аптечный. Nawrot lekarcki, wrótte proso.
ь аптекахъ не употре- бляется.	Эспарсетъ посѣвный. Sparceta siewka.
erba Bugulae.	Живучка обыкновенная. Dąbrówka rozługowu, gądzieł lozłogowu.
radix Behen rubri s. Li- monii, s. Limonii ma- ritimi.	Желтокорень аптечный. Załrwian Gruszezycsa.
radix Aeori palustris s. vulgaris s. Pseudacori, s. Aeori adulterini, s. leos palustris, s. Gla- dioli tubi.	Косатикъ болотный. Kasaciec osatny.
radix Graminis s. Gra- minis canini s. albi.	Пырей. Perz. Warpuczaj (clum).

ΝΑΖΒΑΝΙΕ ΡΑΣΤΕΝΙΉ Υ ΔΙΟΣΚΟΡΙΔΑ.			ΚΑΚΉ ΞΤΗ ΡΑΣΤΕΝΙΑ ΗΥ ΖΥΒΑΙΟΥΝΤΑ ΕΒΉ ΗΥΝΉΣΗΝΕ ΣΥΣΤΕΜΑΤΗΚΕΣΚΟΉ ΒΟΤΑ ΝΗΚΉ.	
№	ΠΟ-ΓΡΕΚΕΣΚΗ.	ΠΟ-ΡΗΜΣΚΗ.	ΠΟ-ΔΑΚΣΚΗ.	
17.	Βατος.	Σεντις οί δε ρουβουμ, οί ρε- μορα βατιχα- να.	Μαντετα.	Rubus Idaeus. Rubus fruticosus.
18.	Πενταφυλλον.	Κιγχεφόλι- ουμ.	Προπεδουλα.	Potentilla reptans.
19.	Τραχιον, τρα- γοκερωσ.	Κορνουχάκα, οί δε βιτο- νευσα.	Σαλια.	Pimpinella Saxifraga.
20.	Ύοσκίαμις.	Ινδανα, Δεν- ταρια.	Διέλια.	Hyosyamus niger.
21.	Ετρύχον αλι- κακαβον.	Βισοικάλις, οί δε απολλινασις μινωσ, οί δε οχιγιχανεμ.	Κοκολίδα.	Physalis Alkekengi.
22.	Ακολοφη, οί δεκνίδη.	Ουρτίκα.	Δύν.	Urtica urens. Urtica dioica. Urtica pilulifera.
23.	Ποταμογει- τωσ.	Βήνα, φολι- ομ οί δε ερ- βάγα οί δε γλαδιατορια.	Κοαδαμα.	Potamogeton.
24.	Αστρηαιτι- κός οί δε δωφ- θαλμον	Ιγγιτάλις.	Ραδιβιδα.	Erigeron acre или же: Anthemis tinctoria.
25.	Βουγλωσσον.	Λογγαίβουμ, οί δε λιγγονα βοβουμ.	Λογγαίβουμ. Βουδαλλα.	Anchusa officinalis.

что отъ нихъ употре- бляется въ аптекахъ и подъ какими названіями.	РУССКІЯ И ПОЛЬСКІЯ КНИЖНЫЯ НАЗВАНІЯ СПѢХЪ РАСТЕНІЙ.
Baccæ et fructus Rubi Idaci. Baccæ Rubi nigri, s. fru- ticosi, s. vulgaris, s. Mora rubra, s. Mororum sylvestrium.	Малина обыкновенная. Malina zwyczajna. Awi- etes (clum). Малина Ежевика. Malina Jeżyna, ostrzeżyna.
Radix Potentillæ, s. Pen- taphylli, s. Quinquefo- lii, s. Quinquefolii ma- joris.	Могучникъ стелющийся. Srebrnik rozestany.
Radix Pimpinellæ albæ s. nostratis s. umbelli- feræ s. hircinæ s. Tra- goselini.	Бедринецъ обыкновенный. Biedozeniec pospo- lity.
Herba et folia Hyoscyam- i. Semen Hyoscyami.	Бьялена черная. Lulen popolity.
Baccæ Alkekengi v. So- lani vesicarii s. Halica- cabi.	Можжуха обыкновенная. Miechówka zwyczajna, Garliczka, Peżeszycza, Wiśnia Łydowska.
Herba Urticæ minoris. Herba Urticæ majoris. Semen Urticæ romanæ s. piluliferæ.	Крапива малая. Pokszycna Zegawka. Dilgeles (clum). Крапива большая. Pokszycna wielka.
	Рдестъ. Wodnica, Rdestnica, Wodny rdest.
Herba Conyzae cœruleæ s. minoris, s. Senecionis cœrulei, s. Asteris cony- zoidis. Herba Buphthalmi.	Блошница обыкновенная, Богатинка. Pozy- miotno popolite, stare ziele, kluk. Ромашка красильная. Rumian farbierski.
Radix Buglossi, s. Anchu- sæ, s. Linguae bovis.	Воловикъ аптечный. Czerwieńic popolity, wo- łomyjęзык.

ΝΑΖΒΑΝΙΕ ΡΑΣΤΕΝΙΎ Υ ΔΙΟΣΚΟΡΙΔΑ.			ΚΑΚΎ ΕΤΗ ΡΑΣΤΕΝΙΑ ΝΑΖΥ- ΒΑΥΟΤΣΑ ΠΟ ΝΥΝΎΣΗΝΕΎ ΣΙΣΤΕΜΑΤΙΧΕΣΚΟΎ ΒΟΤΑ- ΝΙΚΎ.	
Ν ^ο	ΠΟ-ΤΡΕΧΕΣΚΗ.	ΠΟ-ΡΗΜΣΚΗ.	ΠΟ-ΔΑΚΣΚΗ.	
26.	Κατανανχη.	Έρβα φιλικλα οι δε Δατισκα οι δελοβις μα διους.	Καραπιθλα.	Catananche lutea (?) ИЛИ Datisca cannabina.
27.	Αδιαντον.	Κιγκιναλις, οι δε τερραι κα- πιλλους, οι δε σουπερκιλιουμ τερραι.	φιθοφθεθλα.	Adiantum Capillus Ve- neris ИЛИ же: Asplenium Trichomanes
28.	Έλλεβορος με- λας.	Βερατρουμ νι- γρουμ οι δε σαρακα.	Προδιορα.	Helleborus niger.
29.	Ακτηοι δε δεν- ρον ακτον, οι δε ημερον.	Σαμβουκους.	Σεβα.	Sambucus nigra.
30.	Χαμαιακτη,οι δε κλειοσακτη, οι δε αγρια ακτη.	Εβουλουμ.	Οлма.	Sambucus Ebulus.
31.	Κολοκυνθις.	Κουκουρβита ουλβατικα.	Τουταστρα.	Citrullus Colocynthis Co- locynthis vulgaris Cucu- mis Colocynthis.
32.	Αμπελος με- λαινα, οι δε βρωνια με- λαινα, οι δε βουκρανιον.	Οβλαμηνια, οι δε βατα νου- τα, οι δε βε- τισαλκια.	Πριαδηλα οι δε Πεγρινα.	Tamus communis.
33.	Αριστολοχια.	Ιταλοι τερρα μαλα.	Αχινδιον χω- ρικιον.	Aristolochia Clematitis. — — — longa. — — — rotunda. — — — Pistorochia.

<p>что отъ нихъ употре- бляется въ аптекахъ и подъ какими названіями.</p>	<p>РУССКІЯ И ПОЛЬСКІЯ КНИЖНЫЯ НАЗВАНІЯ СИХЪ РАСТЕНІЙ.</p>
<p>Въ аптекахъ не употр- бляется.</p>	<p>Трескучникъ желтый. <i>Szelescik żółty</i>. Коноплянка обыкновенная. <i>Poztawka konop- nica</i>.</p>
<p><i>Herba Capillorum Vene- ris.</i> <i>Herba Trichomanis s.</i> <i>Adianti rubri.</i></p>	<p>Необиока обыкновенная. <i>Ślutowłos pospłity</i>. <i>Małki Boskiej włoski</i>. Стоножникъ обыкновенный. <i>Sledzionka pospo- lita</i>.</p>
<p><i>Radix Hellebori s. Elle- bori nigri s. Melampodii.</i></p>	<p>Смертоводъ червый. <i>Lierniernic szaryny</i>.</p>
<p><i>Cortex et alburnum Sam- buci. Baccae Sambuci.</i> <i>Grana Actes.</i></p>	<p>Бузина черная. <i>Bez czarny</i>.</p>
<p><i>Radix Ebuli s. Sambuci humilis s. agrestis s.</i> <i>Chamaeacti. Folia Ebuli.</i> <i>Baccae s. grana Actes.</i></p>	<p>Бузина малорослая. <i>Bez Hebd, Chebd</i>.</p>
<p><i>Fructus s. pomum Colo- cynthidis; pulpa Colo- cynthidis s. Cucumeris Colocynthidis.</i></p>	<p>Колокинтъ обыкновенн. <i>Kolokwint zmyczajny</i>, <i>ośli ogórek</i>, <i>Wońka zamorska</i>, <i>s. Jabłko zamorskie</i>.</p>
<p><i>Radix Tami s. Tamnis,</i> <i>s. Bryoniae nigrae.</i></p>	<p>Водогонъ обыкновенный. <i>Przełaj zwyczajny</i>.</p>
<p><i>Radix Aristolochiae vul- garis s. creticae, s. te- nuis.</i> <i>Radix Aristolochiae lon- gae verae.</i> <i>Radix Aristolochiae ru- tundae verae.</i> <i>Radix Pistolochiae s. Ari- stolochiae polyrhizae.</i></p>	<p>Кирказонъ обыкновенный. <i>Kokornak Smolonik</i>.</p>

Название растений у Диоскорида.				КАКЪ ЭТИ РАСТЕНІЯ НАЗЫВАЮТСЯ ВЪ НЫНѢШНЕЙ СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ БОТАНИКѢ.
№	ПО-ГРЕЧЕСКИ.	ПО-РИМСКИ.	ПО-ДАКСКИ.	
34.	<i>Βήχιον.</i>	<i>Τουβιλαγω, οἱ δὲ φαρφασι- αμ, οἱ δὲ πον- στουλαγω.</i>	<i>Βεβοῖ ἀσσα.</i>	Tussilago Farfara.
35.	<i>Καλαμινθῆ.</i>	— —	<i>Τευδιλα, τευ- δειλα.</i>	Melissa Calamintha.
36.	<i>Αμρακον.</i>	— —	<i>δονωδηλα.</i>	Origanum Majoran.
37.	<i>Βρυονια λευκη</i>	— —	<i>Κινουβοιλα.</i>	Bryonia alba.

Остается теперь просить только, чтобы люди, имѣющіе случай со-общаться съ сельскимъ народонаселеніемъ, прибавили къ сей таблицѣ народныя названія этихъ травъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Соплеменники наши Болгары, Сербы, Чехи и другіе сдѣлаютъ то же самое, и тогда, сличивъ всѣ народныя наименованія сихъ растений, въ состояніи будемъ заключить о происхожденіи Даковъ: или признать ихъ Славянами, или отказаться отъ родства съ ними. Заслуга Г. Мацѣвскаго будетъ та, что онъ первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ, хотя до окончательнаго рѣшенія еще очень и очень далеко.

Поговоривши о Мацѣвскомъ, перейдемъ къ другимъ писателямъ, коихъ сочиненія имѣютъ большую или меньшую связь съ русскимъ языкомъ и словесностью.

Въ Варшавской газетѣ печатается нынѣ исторія города Минска, написанная г. Кондратовичемъ, извѣстнымъ болѣе подъ псевдонимомъ Сырокомли. О Минскѣ первый разъ упоминается въ лѣтописи подъ 1067 г., по случаю борьбы Всеслава Брячиславича съ Ярославичами: Изяславомъ, Святославомъ и Всеволодомъ, которые «совокупивши вси, подоша на Всеслава, зимѣ сущи велицѣ. И придоша ко Мѣньску, и Мѣняне затворишася въ градѣ; си же братья взяша Мѣнескъ, и сѣкоша

что отъ нихъ употре- блается въ аптекахъ и подъ какими названіями	РУССКІЯ И ПОЛЬСКІЯ КНИЖНЫЯ НАЗВАНІЯ СИХЪ РАСТЕНІЙ.
Radix Farfarae s. Tussi- laginis s. Bechii, s. Un- gulae Caballinae. Folia et herba Farfarae.	Бѣлокопытникъ обыкновенный. Мать и мачи- ха. Podbiał rozpolity.
Herba Calaminthae s. Ca- laminthae montanae s. vulgaris s. Menthae Ca- laminthae s. Calmonta- nae.	Медовка южная. Kojoownik południowy.
Herba et flores Majora- nae s. Amaraci s. Sam- psuchi.	Душица настоящая. Lebiodka majranen.
Radix Bryoniae.	Бріонія бѣлая. Переступень бѣлый. Pizestuf biały.

мужъ, а жены и дѣти вѣша на щиты, и поидоша къ Немизѣ, и Все-
 славъ поиде противу...» и т. п. Всеславъ волкомъ прибѣгаетъ на по-
 мощь своему городу (Слово о полку Иг.); битва на берегахъ Немиги
 рѣшаетъ дѣло въ пользу Ярославичей. При этомъ авторъ объясняетъ
 значеніе Немиги, которое привожу здѣсь вполнѣ. Карамзинъ (Т. II.
 стр. 43. Изд. Эйверлинга) говоритъ, что Всеславъ сошелся съ непри-
 ятелями на берегахъ Нѣмана, покрытыхъ глубокимъ снѣгомъ. Но Нѣ-
 манъ течетъ только въ 80-ти верстахъ отъ Минска (это самый близкій
 пунктъ этой рѣки), и вовсе не былъ на пути Всеслава; во-вторыхъ, Нѣ-
 манъ ни на какомъ мѣстѣ никогда не назывался Немигою. Авторъ ви-
 дитъ въ объясненіи Карамзина неточность и говоритъ, что подъ Мин-
 скомъ, или, лучше сказать, въ самомъ городѣ, въ сѣверо-восточной
 его сторонѣ, течетъ маленькая рѣчка Немига, отъ которой и вся эта
 часть города получила свое наименованіе. Рѣчка эта вливается въ Сви-
 слочь, лѣтомъ высыхаетъ, но весною русло ея опять наполняется, и
 вода заливаєтъ улицы такъ, что жители, для взаимнаго сообщенія другъ
 съ другомъ должны прибѣгать къ посредству лодокъ. Надъ этою-то
 Немигою, то есть въ самомъ Минскѣ, а не надъ Нѣманомъ происхо-
 дило сраженіе Всеслава съ Ярославичами въ 1067 году. Г. Дубенскій
 тоже Немигу переводитъ Нѣманемъ, основываясь въ этомъ отношеніи
 на словахъ Карамзина. Объясненіе г. Кондратовича рѣшаетъ вопросъ.

Но заслуга его идетъ дальше: его догадки на счетъ Бояна, будто бы родомъ Минянина, не только не основательны, а даже забавны. На основаніи словъ въ Игоревой Пѣсни, которыя влагаются въ уста Бояну, въ его обращеніи къ Всеславу: «ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіи не минути», г. Кондратовичъ утверждаетъ, что Боянъ, видно, лично зналъ Всеслава, когда предсказываетъ ему судь Божій; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Боянъ жилъ въ Минскѣ. Говоря, что Боянъ упоминаетъ о Немигѣ, и слѣдовательно, знаетъ мѣстность Минска, авторъ, кажется, сочинителя слова принимаетъ за одно съ Бояномъ; потому что все, относящееся къ Немигѣ, не приписывается, какъ извѣстно, Бояну, а говорится отъ самаго творца Пѣсни объ Игорѣ. Да и самый языкъ Слова о П. И. авторъ считаетъ Бѣлорусскимъ, чуть ли не на томъ основаніи, что Боянъ былъ родомъ изъ Минска. Впрочемъ, г. Кондратовичъ не идетъ еще такъ далеко, какъ другіе Польскіе ученые, напр. Вишневскій, авторъ Исторіи Польской литературы, который Слово о П. Иг. причисляетъ къ древнѣйшимъ памятникамъ, какъ Русской, такъ и Польской письменности, основывая свое мнѣніе на словахъ Пожарскаго, видѣвшаго въ Словѣ о П. Иг. много полонимамовъ. Дѣйствительно, въ памятникъ семь встрѣчаются слова, сохранившіяся донныя въ Польскомъ языкѣ и вышедшія изъ употребленія въ русскомъ; но между тѣмъ извѣстно, что эти же слова встрѣчаются и въ другихъ русскихъ памятникахъ. Напр. «мон ти Куряне свѣдоми къ мети». Карамзинъ перевелъ: мѣтки въ стрѣляніи; г. Дубенскій къ мети считаетъ, и весьма основательно, за одно слово и объясняетъ словомъ *halbdrücken*. Слово *Kümet* находится во всѣхъ западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ и первоначально означало судью, вѣроятно, отъ латинскаго *comes, comites*; нынѣ въ Польскомъ оно означаетъ поселянина и употребляется чаще въ уменьшительномъ видѣ: *kmiotek*. Въ русскомъ языкѣ слово это нынѣ не употребляется, но часто встрѣчается въ древнихъ летописяхъ (*). Неосновательно, слѣдовательно, мнѣніе польскихъ писателей, считающихъ этотъ памятникъ польско-русскимъ. На польскомъ языкѣ есть два перевода Слова о П. П.; одинъ Гудебскаго—съ французскаго перевода, другой—Бѣльскаго (Львовъ, 1833). Последній сдѣланъ отлично, хотя само собою разумѣется, что въ темныхъ мѣстахъ авторъ давалъ волю воображенію, а впрочемъ иначе и быть не могло. Замѣчательно, что при объясненіи слѣдующаго выраженія слова: «чръна земля подъ копыты, костыми была

(*) Русскія достопамятности. Ч. 3-я Слово о П. Иг., Дубенскаго стр. 32.

посѣяна, а кровью полявана», г. Бѣлевскій говоритъ, что въ окрестностяхъ города (Бучача въ южной Галиціи), слышалъ онъ престолярскую пѣсню, въ которой побойще описывается слѣдующими словами:

Чорна роля (земля) выорана
И кулями (пулями) засіяна
Былымъ тиломъ слоложена
Чужей кровцею слоложена.

Сходство разительное! Прибавлю наконецъ, что изъ Польскихъ писателей рѣшительно ни одинъ не сомнѣвается въ подлинности пѣсни; напротивъ того, говорятъ, и весьма справедливо, что подобная поддѣлка изобличала бы гениальнаго человѣка, у котораго достало бы довольно силъ для созданія какого либо оригинальнаго произведенія и безъ поддѣлки. Гений къ подобнымъ средствамъ пріобрѣтенія себѣ славы не прибѣгаетъ, а человѣкъ съ посредственными познаніями и способностями никогда не былъ бы въ состояніи создать что нибудь подобное.

Г. Лабѣнскій Иеронимъ (*), авторъ Минералогіи и Исторіи Горнозаводства въ Польшѣ составилъ Горный Словарь польско-русско-французско-нѣмецкій. Уже въ Исторіи Горнозаводства авторъ осязательно доказалъ, что въ средніе вѣки Нѣмцы учились горному дѣлу у Славянъ, что лучшіе рудокопы были Славяне, и что изъ Польши вызываемы были рудокопы даже во Францію. Все это подтверждено неопровержимыми *официальными* документами и множествомъ славянскихъ словъ, перешедшихъ въ Горный Словарь Нѣмцевъ. Для составленія вытѣшняго своего труда, Г. Лабѣнскій прочелъ множество древнѣйшихъ польско-латинскихъ памятниковъ, выбралъ изъ нихъ всѣ техническіе термины, относящіеся къ горнозаводству, объяснилъ ихъ значеніе, прибавилъ французскія, нѣмецкія и русскія наименованія и такимъ образомъ составилъ свой словарь, который займетъ весьма почетное мѣсто въ Славянской Лексикографіи. Впрочемъ историческія слова составляютъ не важнѣйшую часть этого труда; это только необходимое дополненіе къ словарю, котораго сущность составляютъ слова своеземныя, находящіяся въ употребленіи у простаго народа, и относящіяся какъ къ горному ремеслу, такъ и къ другимъ, состоящимъ съ нимъ въ большей или меньшей связи. Трудъ этотъ совершенно уже оконченъ

(*) Начальникъ технического отдѣленія въ Горномъ Департаментѣ при Правительственной Комиссіи Финансовъ и Казначейства.

и, вѣроятно, скоро явится въ печати. Недостатокъ средствъ, необходимыхъ на изданіе книги въ свѣтъ, нѣсколько затрудняетъ автора, который впрочемъ, для пользы науки, готовъ на пожертвованія, будучи напередъ увѣренъ, что издержки не возвратятся. Еслибы это былъ переводъ какого нибудь французскаго романа, въ такомъ случаѣ скоро нашлись бы и издатели, и подписчики; но словарь — экземпляръ сто разойдется, а больше — очень сомнѣваюсь.

О настоящемъ направленіи Польской литературы не говорю, потому что пользы отъ этого никакой не вижу. Узнаете нѣсколько собственныхъ именъ, нѣсколько заглавій книгъ, вотъ и все; а развѣ изъ такого обзора можно имѣть понятіе о литературѣ? — рѣшительно нѣтъ. Общаю, слѣдовательно, доставлять только такія свѣдѣнія, которыя будутъ состоять въ какой либо связи съ русскою письменностью или исторіею.

ж. ПАЦЮКСКІЙ.

Варшава

24 Юня 1854 г.

6 Юля

Привосимъ искреннѣйшую благодарность ученому корреспонденту за украшеніе вашего журнала своими важными извѣстіями, и просимъ убѣдительно объ ихъ продолженіи. *Ред.*

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Парижъ и Лондонъ въ настоящую минуту. — Бѣгство въ Италію. — Народныя итальянскія празднества. — Праздникъ Пьедигротта въ Неаполь. — Праздникъ въ Сиенѣ. — Teatro diuino. — Происхожденіе Крувелли. — Миланскія воспоминанія о Байроувѣ. — Меруазскія муміи въ Гамбургѣ. — Древній памятникъ богемской скульптуры. — Новая телеграфическая линія между С.-Петербургомъ и Берлиномъ. — Фотографическое изображеніе луны. — Ученныя занятія Бонплага. — Отрывокъ изъ письма Шафарика къ М. П. Погодину.

Въ Парижъ и Лондонъ ни о чемъ больше не говорятъ и не пишутъ, кромѣ Севастополя. Всѣ журналы наполнены толками, разсужденіями, предположеніями по поводу Севастополя, хвастливыми возгласами о томъ, че. о вовсе не бывало, разными несбыточными мечтами, и искаженными рапортами главнокомандующихъ союзною арміею. Заглянемъ же лучше въ какую-нибудь другую страну, не взволнованную до такой степени политическими страстями, посмотримъ на какое-нибудь зрѣлище, болѣе отрадное. Путешествовать всего пріятнѣе по Италіи. Отправимся и мы туда, и, чтобы доставить себѣ развлеченіе, взглянемъ на тамошнія народныя празднества.

Изъ всѣхъ такихъ празднествъ Италіи самое блистательное — это праздникъ Пьедигротта въ Неаполь. У подошвы грота Паузилипа, на берегу моря, напротивъ Везувія, возвышается небольшая церковь самой простой архитектуры, существующая добровольными приношеніями богомольцевъ и расписанная мрачною кистью Коренціо. Святилище это существуетъ съ давняго времени; оно пользовалось большимъ уваженіемъ уже въ 1486 году, когда монахи ордена Св. Василия уступили его Бенедиктинцамъ. Напрасно стали бы напоминать намъ, что на томъ мѣствѣ, гдѣ стоитъ церковь, былъ нѣкогда храмъ Венеры Каллинигійской: Христіанство осватило этотъ храмъ и воздвигло крестъ на мѣствѣ прежняго идольскаго служенія.

Праздникъ Пьедигротта можетъ назваться сельскимъ, военнымъ и вмѣствъ гражданскимъ празднествомъ. Въ прежнее время онъ былъ только сельскимъ. Когда городъ еще не былъ такъ обширенъ, церковь находилась въ чистомъ полѣ. Крестьяне нѣсколькихъ сотъ деревень, лежащихъ въ окружности, стекались туда 8 сентября, въ день Рождества Богородицы, и оставляли тамъ свои обѣтныя приношенія.

Въ 1745 году, Карль III, послѣ победы надъ императорскими войсками при Велетри, пожелалъ принести благодарственную молитву Св. Мадоннѣ, и учредилъ праздникъ, который чествуется ежегодно, вотъ уже въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Да и можетъ ли прекратиться это любимое торжество неаполитанскаго народа, когда отъ Chiaja до Foggia всякій брачный контрактъ заключаетъ въ себѣ непрѣмънную статью, что мужъ долженъ водить жену свою на праздникъ Пьедигротта по крайней мѣрѣ въ продолженіи трехъ первыхъ лѣтъ супружества? Можно обойтись безъ приданого, но безъ Пьедигротта — нельзя; не то новорожденные дѣти будутъ несчастливы.

Праздникъ этотъ начинается, такъ сказать, накануне, и продолжается цѣлые двадцать четыре часа; — двадцать четыре неаполитанскихъ часа, которымъ такъ завидуютъ всѣ народы, посвящены этому празднеству. Вечеромъ 7-го числа, какъ только тысячи колоколовъ на трехъ стахъ шестидесяти церквахъ Неаполя ударятъ къ вечернѣ, народъ, сотворивши краткую молитву, бросаетъ кверху свой шерстяные колаки и провозглашаетъ: да здравствуетъ веселье! Праздникъ начинается, и толпы народа спѣшать на Пьедигротту, наполняютъ публичный садъ, Виллу-Реале, у которой въ этотъ день только для виду, стоятъ часовые, а веселыя толпы преспокойно шагаютъ черезъ садовыя рѣшетки. Туда собираются съ острова Искія, съ Прочиды, съ Капреи, а по сухому пути изъ Кастелла-Маре, изъ Сорренто, изъ Пуццолы, изъ-за десяти лѣ въ окрестности, и, — разумеется, всѣ пѣшкомъ; за то уже и отдыхаютъ потомъ — отплясывая нескончаемую тарантеллу.

Вотъ порядокъ самаго праздника. Опъ открывается музыкальнымъ и танцевальнымъ вечеромъ. Не думайте однакожь, чтобы народъ заимствовалъ свои музыкальныя пьесы изъ театральныхъ представлений или салонныхъ концертовъ: вѣрнѣе сказать, что театръ и салоны заимствуютъ почти всегда свою музыку у народа. Нужна просторная зала для такого стеченія слушателей: — передъ вами гротъ, длиною въ милю, вырытый искусствомъ древнихъ Римлянъ. Освященіе производится посредствомъ складчины: всякій приноситъ съ собою большой фонарь, и вотъ вамъ зала освѣщена *a giorno*, (*à jour*). Восходящая луна рѣшается бросить свой косвенный лучъ на эту картину, но видя излишнюю роскошь двойнаго свѣта, отправляется, по обычаю, свѣтить запоздавшимъ странникамъ.

Лацпарони являютъ съ огромнымъ запасомъ пѣсенъ; тогда выбираютъ изъ нихъ лучшую — и въ этихъ лирическихъ *коміціяхъ* двѣ рѣшаются съ общаго голоса. Выбравши слова пѣсни, приступаютъ къ выбору мотива; Метастазіи уступаютъ мѣсто Беллини. Музыка

импровизируется духомъ; ее аранжируютъ и обрабатываютъ тутъ-же. Остается только пустить ее въ ходъ, — и цѣлая стая уличныхъ мальчишекъ разсыпается по всѣмъ двѣнадцати кварталамъ Неаполя и горланить ее во всеуслышаніе. Это пѣсня настоящаго года. Каждый годъ имѣеть свою особенную пѣсню. Вотъ зародышъ того прекраснаго репертуара, которымъ проживаютъ издатели, учителя пѣнія и нѣмецкіе шарманщики. Вотъ происхожденіе той знаменитой *Ricci-oletta*, которой воспользовался Россини, какъ вельможа, усыновившій найденыша, и которую онъ потомъ ввелъ въ свою *Семирамиду*, словно бѣдняка въ роскошно-убранный чертогъ. Занимается заръ; огни блѣднѣютъ; всѣ отправляются въ церковь. Тамъ васъ давать и тѣснять въ полномъ смыслѣ слова. За то, по выходѣ изъ церкви, чувствуется потребность распрямить свои члены, — и всѣ бѣгомъ отправляются въ Виллу-Реале. Бѣдные крестьяне только разъ въ годъ посѣщаютъ эти сады. Любопытно послушать, какъ они объясняютъ статуи и группы: *похищеніе Сабитокъ*, *похищеніе Прозерпины*, *похищеніе Европы*. Народъ замѣчаетъ мимоходомъ, что въ древнія времена похищенія совершались очень ловко. Нѣкоторыя крестьянки краснѣютъ при взглядѣ на Аполлона, деревенскіе мальчишки строятъ гримасы фавну, носильщики пожимаютъ плечами, разсматривая атлетическое сложеніе Геркулеса и ищутъ глазами какого-нибудь Актел, который бы помѣрялся съ ними. Сквозь садовыя рѣшетки имъ видно, какъ солдаты проходятъ по улицѣ. Такимъ образомъ бюстъ Виргилія оправдываетъ свой девизъ: *Cecini paspa, rura, duces*. — Въ этотъ день въ Вилла-Реале полное раздолье для народа; ни въ чемъ нѣтъ здѣсь недостатка, и два дюжіе, ловкіе парня тащатъ на плечахъ гигантскую грозду винограда.

Съ другой стороны, Толедская улица, главная артерія неаполитанской жизни, наполняется войсками. Изъ оконъ смотрятъ на улицу, съ улицы смотрятъ въ окна. Площадь королевскаго дворца до того набита народомъ, что продавецъ холодной воды (*acquaio*) не можетъ протѣсниться сквозь толпу; солнце страшно печетъ, но гдѣ тутъ думать о жадѣ, когда предстоитъ обозрѣть цѣлый строй изъ двадцати пяти или тридцати тысячъ войска... Это смотръ: король обзрѣваетъ войско съ балкона своего дворца.

За тѣмъ выдаются два часа отдыха; народъ спѣшитъ отобѣдать. Любопытство не мѣшаетъ человеку заботиться объ этой ничтожной потребности... даже и въ Неаполѣ! — Но раздается пушечный выстрѣлъ. Всякій въ торопяхъ дождаетъ остатокъ апельсина и бѣжитъ къ окну. Въ это время король отправляется въ церковь. Въ двадцати золоченыхъ каретахъ, запряженныхъ каждая въ восемь лоша-

*

дей въ великолѣпной сбруѣ и съ перьями на головѣ, ѣдетъ предворная свита. Впереди этого поѣзда, по бокамъ его и съѣди тянется королевская гвардія, придворные конюшіе, камер-лакеи, пажи. Счастливы тотъ, у кого есть окошко на улицу; ему не придется нанимать стулъ и платить за него дороже, чѣмъ бы стоило приобрести его въ вѣчную собственность.

Въ то время, когда король молится въ церкви, пушечные выстрѣлы раздаются съ крѣпости; флотъ, стоящій на шпрингъ въ рейдѣ и роскошно убранный флагами, отвѣчаетъ залпами изъ своихъ люковъ.

Вотъ раздается опять звонъ къ вечерней молитвѣ. Настала чаша открытія театра. Синьоры уступаютъ свои ложи крестьянамъ, семействамъ своихъ фермеровъ, семействамъ своихъ кормилицъ, и т. п. Стоитъ взглянуть на эту наивную и двѣственную публику; дѣйствія гораздо больше въ залѣ театра, нежели на сценѣ. Да и что жъ тутъ дурнаго: королевская вилла на одинъ день отдается въ распоряженіе народа, — надо же и театръ Савь-Карло отдать въ его распоряженіе хоть на одинъ вечеръ.

Ночью всѣ отправляются во-свои, рассчитывая по пальцамъ, сколько дней остается еще ждать новаго праздника. Слава Богу, ждать долго не приходится. Скоро будетъ сборъ винограда, праздникъ св. Мартина, Рождество, а тѣмъ — глядишь — явится и Новый годъ въ награду за долгіе труды.

— Не менѣе любопытно и еще болѣе оригинально, ежегодное же, празднество въ Сіень, называемое *patio*. Главная цель его и причина: скачки, — только не *steaple chase*, начавшія съ нѣкотораго времени переселяться изъ Англии на материкъ Европы, — нѣтъ, это чисто итальянскія, народныя и при томъ старинныя скачки, во время которыхъ Сіена принимаетъ свой прежній среднее вѣковой видъ и характеръ.

Въ половинѣ XII столѣтія городъ этотъ былъ раздѣленъ на три части (*terzi*). Одинъ изъ кварталовъ носилъ имя Св. Мартина, по тому что въ немъ находилась церковь во имя этого святаго, епископа Турскаго. Потомъ, постоянно увеличиваясь въ объемѣ, городъ потребовалъ новаго раздѣленія на *sestieri* (на шесть частей). Въ XIV вѣкѣ число жителей возросло въ немъ до 100,000, и его раздѣлили уже на шестьдесятъ *contrade*. Въ 1348 году моровая язва, четыре мѣсяца свирѣпствовавшая въ Сіень, побила только пятую часть всего народонаселенія, и число городскихъ кварталовъ уменьшилось до сорока двухъ. Каждый кварталъ назывался по имени святаго, подъ защитой котораго онъ находился, и доставлялъ роту солдатъ для городской стражи. Въ XVI вѣкѣ, число народонаселенія уменьшилось еще

вслѣдствіе кровопролитныхъ войнъ съ соседними областями. Сіена подпала подъ власть Карла Пятаго, а потомъ перешла въ руки Медичисовъ. Все эти обстоятельства, бывшія причиною уменьшенія народонаселенія, породили новое дѣленіе Сіены на семнадцать *contrade*, дѣленіе, оставшееся и до нашего времени. Изъ каждого квартала, ежегодно 16-го августа, отряжаются на праздникъ отборные кондотьеры, одѣтые каждый въ цвѣтъ своей *contrade*.

La piazza del Campo, о которой упоминается у Данта въ одиннадцатой пѣснѣ его Чистилища, есть столько же произведеніе природы, сколько и дѣло рукъ человѣческихъ. Она имѣетъ видъ раковины и представляетъ амфитеатръ, устроенный самой природою для народныхъ празднествъ. Простирается до 380 метровъ въ окружности, она составляетъ пунктъ, къ которому сходятся одиннадцать улицъ. Казино, стоящее противъ городской ратуши, служитъ мѣстомъ, къ которому должны приходить скаковыя лошади. Фасадъ этого зданія, выстроеннаго въ 1309 году искуснымъ архитекторомъ Дучіо, поражаетъ своимъ величественнымъ, триумфальнымъ видомъ, и справедливо занимаетъ мѣсто противъ городской думы, которая служила некогда резиденціей консуловъ Сіенской республики. По распоряженію этихъ консуловъ, Катерина Корсини, трудившійся прежде надъ зданіемъ городского собора, выстроилъ великолѣпный крытый портикъ. Этотъ портикъ, образцовый по своей легкости, украшенъ статуями и барельефами изъ жизни святыхъ. Подъ сводомъ замѣчательны фрески *Джакоппо делла-Кверчіа*, *Маттеино* и братьевъ *Русичи*, писанныя въ 1551 году. Направо находится мраморная трибуна работы Перуджи, рѣдкая по красотѣ отделки.

Съ 1500 года, пятацъ дель Кампо служила театромъ для боя быковъ, который въ 1599 году замѣненъ былъ боемъ буйволовъ. Каждый изъ семнадцати кварталовъ выставилъ своихъ бойцовъ и своихъ представителей, одѣтыхъ въ различныя платья и имѣвшихъ каждый отдѣльное знамя; отличившіеся въ этомъ бою получали награды изъ рукъ депутатовъ дворянства, которые, для большей торжественности, председательствовали на этихъ праздникахъ. Въ 1650 году бой буйволовъ замѣнили скачками. Въ это время призы, назначаемые побѣдителю, состояли изъ куска алаго бархата, называвшагося *pallio*; отсюда и самое названіе этого праздника, сохранившееся до сихъ поръ, хотя впоследствии, призы назначаемы были денежные. Конскія скачки бывали обыкновенно 2-го іюля; но во время господства Французовъ, онѣ перенесены на 16-е августа. На этотъ день, огромная площадь, служащая обыкновенно рынкомъ, очищается отъ всехъ принадлежностей торговли; кругомъ устраиваются мѣста,

которыя отдаются внаймы; чернь помъщается въ срединѣ, огороженной балюстрадаю, и между пѣшеходами и сидящими зрителями остается еще широкій проходъ. Дома увѣшаны фестонами, гирландами и шелковыми матеріями. Городская дума, составляющая своимъ мрачнымъ великолѣпиемъ рѣзкую противоположность съ окружающими ее яркими цвѣтами, ея стройная, летящая въ небо колокольня, ея часовая башня, украшенная фресками, и наконецъ эта масса народа въ нарядныхъ одеждахъ, этъ широкія соломенные шляпы женщинъ, мелькающія точію гигантскія бабочки, шумное нетерпѣніе всѣхъ партій, желающихъ победы каждая своему кварталу — все это представляетъ рѣдкое зрѣлище, переносящее васъ во времена рыцарскія.

Наконецъ подають сигналъ — *Palio* начинается. Шествіе открывається взводомъ солдатъ; за ними семнадцать барабанщиковъ, одѣтые въ цвѣтъ каждаго квартала, идутъ впереди семнадцати знаменщиковъ, и выкидываютъ разныя штуки своими палками, бросаютъ ихъ кверху и ловятъ налету съ пресмѣшными ужимками. Далѣе, выступаютъ капитаны въ средневѣковой одеждѣ, съ кинжалами въ рукахъ, и въ сопровожденіи своихъ пажей; за ними ведутъ лошадей, назначенныхъ для скачки, и наконецъ ѣдутъ наѣзтники верхомъ, на лошадяхъ подъ великолѣпными чепраками, вышитыми геральдическими знаками, съ гербовымъ питомъ на груди и съ нашлемниками изъ перьевъ на головѣ. Военные музыканты идутъ впереди торжественной колесницы съ знаменами и съ изображеніемъ Богородицы наверху. Взводъ солдатъ заключаетъ шествіе. Какъ скоро очистится мѣсто отъ народа, наѣзтники пересаживаются на варварійскихъ лошадей, записанныхъ на скачку. Наѣзникамъ производится осмотръ: нѣтъ ли на нихъ какого-нибудь оружія, потому что были примѣры, что они убивали своихъ товарищей, которые обскакивали ихъ. Имъ дозволяется, впрочемъ, имѣть хлыстъ изъ воловьей жилы, которымъ они хлещутъ безъ пощады того изъ скачущихъ собратій, кто подвернется подъ руку. Начальство терпитъ это злоупотребленіе, уничтоженіе котораго, говорятъ, повело бы къ народному возстанію. А между тѣмъ послѣ каждой скачки, братья милосердія стаскиваютъ съ арены двухъ-трехъ несчастныхъ, облитыхъ кровью и почти полумертвыхъ отъ нанесенныхъ имъ ударовъ.

Во все продолженіе скачки, со всѣхъ сторонъ слышны неистовые крики одобренія или насмѣшки. Только подъ жаркимъ небомъ Италіи и можно встрѣтить подобное увлеченіе. Мужчины хлопаютъ въ ладоши, женщины махаютъ своими вѣерами, при безпрестанныхъ крикахъ: «Вивать Никкіо! Браво Гоббо! Нѣтъ! нѣтъ! вивать Пас-

пина! онъ побѣдитель! и т. д.» Наконецъ объявляютъ имя побѣдителя. Капитанъ — представитель выигравшаго квартала, гордо разхаживаетъ по аренѣ, приветствуемый громомъ рукоплесканій. Восторгъ зрителей доходитъ до бѣшенства. Женщины, двѣицы забываютъ свою скромность; онѣ осыпаютъ поцѣлуями коня-побѣдителя.

Всѣ синьоры, всѣ чиновныя лица выигравшаго квартала отдають все, что съ ними есть денегъ навзднику-побѣдителю, и имя его съ торжествомъ вносится въ архивъ ратуши, какъ памятникъ его триумфа. Горе иностранцу, который, явившись на этотъ странный праздникъ, не выкажетъ горячаго участія къ скачкѣ! Его затолкають, зашпилють, забьютъ, задушатъ среди этой восторженной толпы. Въ этомъ случаѣ, даже *слабая* половина рода человеческого оказывается непомѣрно *сильной*. Нѣтъ ничего обманчивѣе этой нѣжной наружности. Глядя на сиенскихъ красавицъ, на ихъ блое лицо, черныя волосы, маленькія ручки и крошечныя ножки, вы подумаете: — какое чувствительное сердце должно биться подъ этой очаровательной оболочкой! Ничего не бывало: женщина города Сиены во время *Palio* ожесточается болѣе, нежели гордая Андалузка во время боя быковъ. За это неистовство во время скачекъ, всѣ остальные итальянцы прозвали жителей Сиены бѣшеными, сумазбродными (*pazzi*), — и Сиенцы не оскорбляются этимъ прозвищемъ, а только причину этого сумазбродства приписываютъ водѣ, которую черпають они изъ своихъ фонтановъ.

— Бросивъ взглядъ на народныя празднества Италіи, нельзя не взглянуть и на ея театры, которые составляютъ необходимую принадлежность итальянской жизни, необходимую потребность каждаго итальянца. Въ этомъ случаѣ мы возьмемъ въ чичероне одного французскаго туриста.

«Г-жа Сталь, — говоритъ онъ, — нѣсколькими удачными чертами ярко обрисовала физиономію итальянскихъ театровъ. Ложи превращаются здѣсь въ маленькія гостиныя; гости постоянно заняты разговоромъ, и только удостоиваютъ своего вниманія, да и то съ грѣхомъ пополамъ, нѣкоторые любимыя дуэты, тріо и соло. Только при представленіи балетовъ царствуетъ въ театрѣ величайшая тишина и порядокъ: слухъ и зрѣніе присутствующихъ исключительно обращены на сцену».

«Италія, которая подарила насъ оперой, не можетъ похвалиться существованіемъ національнаго театра; кромѣ трагедій Альфіери, она обладаетъ только болѣе или менѣе удачными опытами въ комическомъ и драматическомъ родѣ. Исключеніе остается развѣ за однимъ

Гольдони, подражателемъ Мольтера (*). Въ теченіе двухъ лѣтъ, на театрахъ въ Пизв, Флоренціи, Сиенѣ и Ливорно я видѣлъ постоянно пьесы изъ французскаго репертуара; Скрибъ и Дюма совершенно овладѣли итальянской сценой».

«Италія, отечество Рубини, Каталани, Лаблаша, никогда не имѣла знаменитыхъ актеровъ. Самый посредственный актеръ парижскихъ театровъ затмитъ первыя театральныя знаменитости Италіи».

«Итальянцы гордятся именами Таддеи, Ристори и Модена. Двухъ первыхъ я имѣлъ счастье видѣть: одного въ пьесѣ Рёге Gogiot, гдѣ онъ занималъ роль, которую считалъ своимъ лучшимъ созданіемъ; другаго — въ его обычныхъ роляхъ простяковъ, — и оба показались мнѣ не вполне достойными своей славы. О Моденѣ слышалъ я много, и всѣ мнѣнія сходятся къ тому, что извѣстностью своей онъ обзавъ преимущественно своимъ политическимъ убѣжденіемъ. Лучшая роль, созданная Моденой — роль Людовика XI въ пьесѣ Казимира Делавиана».

«Въ Италіи всѣ актеры, не исключая и самыхъ знаменитостей, могутъ быть названы странствующими комедіантами. По прошествіи каждаго сезона, они снимаютъ свои палатки и переносятъ ихъ на новое мѣсто, подъ новое небо. Обыкновенно во время поста закрывается *opera*, и на смену ея является *prosa*.

Дѣломъ, большая часть театровъ, прекращаетъ свои представленія; тогда открываются *i teatri diurni* (временные, обыденные театры). Эти театры подъ открытымъ небомъ напоминаютъ собой театры древнихъ. Представьте себѣ длинную, открытую галлерею, устроенную въ видѣ лошадиной подковы и поддерживаемую огромными столбами и сводами. Нѣсколько официальныхъ ложъ по обѣимъ сторонамъ, неизбѣжный партеръ, и потомъ сцена, отдѣляемая отъ него занавѣсомъ, который взвивается и падаетъ какъ и въ прочихъ театрахъ. Во время антрактовъ, зрители прохаживаются вдоль по галлерей, любясь прекрасными видами (театры обыкновенно строятся за городской заставой) или выходятъ въ садъ, обыкновенно находящійся при зданіи. Не рѣдко на *teatro diurno* появляется *stenterello*, тосканскій буффо, всѣ достоинства котораго заключаются въ его гримасахъ и въ многоизвѣстномъ парикѣ съ косою. Подчасъ ему удастся щегольнуть и острымъ словцомъ».

«Иногда на этихъ театрахъ случаются происшествія трагическія. Однажды, на *teatro diurno* въ Пизв давали *Torquato*

(*) Авторъ, вѣроятно, забылъ о Гоцци, которымъ по справедливости гордится Италія и который имѣетъ такое же право на названіе представителя народнаго театра, какъ и Мольтеръ въ своемъ отечествѣ. *Пр. Перев.*

Тассо. Уже несколько минут Элеонора даромъ тратила время передъ неблагодарной публикой, какъ послышался страшный шумъ за кулисами... Элеонора прервала свое разглагольствованіе и убѣжала... Шумъ все увеличивался; декорации, сдвинутыя съ мѣста, упали на сцену — и трагическое зрѣлище представилось глазамъ нашимъ... Торквато Тассо, *il divino Torquato* угощаль побоями своего тюремщика, зрителя феррарской темницы, который запутался въ своемъ дорогомъ одѣяніи и никакъ не могъ вырваться изъ рукъ знаменитаго поэта. Къ счастью его, приближала на поле сраженія блѣдная и встревоженная Элеонора, взяла сторону тюремщика и принялась браниться съ своимъ *возлюбленнымъ, своимъ divino Torquato*. Въ одно мгновеніе зрители изъ партера перескочили въ оркестръ и явились на сценѣ. На эту сумятицу сбѣжали изъ уборныхъ все актеры и актрисы, и предъ очами непосвященной публики раскрылись все таинства закулиснаго міра; мужчины толкали другъ друга, кричали, бранились; женщины визжали, плакали; публика оставалась въ нерѣшимости, не зная къ которой изъ сражающихся партій ей присоединиться. Тутъ подошла герцогская стража. Представленіе было прервано; Торквато, его тюремщикъ и другія дѣйствующія лица, принявшія участіе въ этой импровизованной драмѣ, отведены были *al fresco*: такъ называютъ Тосканцы полицейскую будку).

«Съ этого дня я сталъ прилежнѣе посѣщать представленія *Прозы*, въ надеждѣ быть свидѣтелемъ какого-нибудь новаго забавнаго происшествія. Въ *Нергола* одинъ теноръ во всеуслышаніе обругалъ публику за то, что она не удостоила своимъ вниманіемъ примадонны, его любимицы. Стража появившись на сценѣ, преспокойно взяла тенора и отправила его въ удобное мѣсто, чтобъ онъ сочинилъ тамъ *le mie prigioni*,—теноръ былъ Итальянецъ. На томъ же театрѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ баритонъ бросилъ Атталіинымъ мечемъ въ лицо одному господину, который вздумалъ было освистать его пѣніе. Дѣло дошло опять до полиціи; воинственнаго баритона вывели за воротъ со сцены, а пьеса пошла своимъ чередомъ. Пылкій артистъ этотъ былъ Французъ. Ему вѣрно было выхзть изъ города; тѣмъ исторія и кончилась. Но къ величайшему моему сожалѣнію, я не видалъ уже болѣе ни одной сцены, въ родѣ той, которая происходила на *teatro diurno*».

— Тотъ, кто говоря въ настоящую минуту объ Итальянскихъ пѣвцахъ и пѣвицахъ, не сказалъ бы ничего о Крувелли, могъ бы почестся человекомъ несовременнымъ. По этому, а *propos di teatro diurno*, мы скажемъ, что эта пѣвица, надѣлавшая гораздо больше шуму своимъ

внезапнымъ бѣгствомъ съ парижской сцены, чѣмъ присутствіемъ на ней, вовсе не Итальянка. *Atheneum Franais* увѣряетъ, что всѣ журналы, приписывавшіе ей итальянское происхожденіе, жестоко ошибались, потому что она дочь нѣмецкаго пастора и родилась въ окрестностяхъ Касселя. Настоящее имя ея было Грюбель, которое она *обитальянизировала* при вступленіи на сцену. Всѣ эти извѣстія сообщены однимъ изъ ея соотечественниковъ.

— Въ Италіи сохранилось много воспоминаній о Байронѣ. Вотъ нѣсколько анекдотическихкихъ очерковъ, схваченныхъ съ него, во время пребыванія его въ Миланѣ, Бейлемѣ, и помѣщенныхъ въ книгу Бейля, вышедшей въ нынѣшнемъ году, подъ заглавіемъ: «Рассинъ и Шекспиръ».

Въ 1817 году, двѣнадцать или пятнадцать человекъ молодежи сходились по вечерамъ въ театрѣ ла-Скала, въ ложѣ монсиньора Лудовика Бременскаго, бывшаго прежде первымъ капелланомъ Итальянскаго короля Наполеона. Видаясь постоянно каждый вечеръ, кружокъ этотъ сблизился, и изъ бесѣды его была изгнана всякая церемонность — тѣмъ болѣе, что это охлаждающее начало французскихъ салоновъ совершенно неизвѣстно въ миланскихъ гостиныхъ.

Однажды вечеромъ вошелъ въ ложу монсиньора молодой человекъ невысокаго роста, съ чудными глазами; по походкѣ его замѣтно было, что онъ немного прихрамывалъ. Монсиньоръ Бременскій сказалъ намъ: «Рекомендую вамъ, господа, лорда Байрона» и затѣмъ представилъ насъ англійскому аристократу съ необыкновенной важностью, которая напомнила важность его дѣда, бывшаго посланникомъ герцога Савойскаго при дворѣ Лудовика XIV.

Зная нѣсколько странности характера Англичанъ, которые избегаютъ того, кто въ нихъ ищетъ, мы рѣшились не заговаривать съ лордомъ Байрономъ и даже не обращать на него никакого вниманія. Въ ложѣ находился одинъ красивый собой мужчина съ воинственной осанкой. При видѣ этого человека, лордъ Байронъ немножко измѣнилъ свою британскую холодность въ обращеніи. Впоследствии мы узнали, что Байронъ восторженный поклонникъ и въ тоже время завистникъ Наполеона Бонапарте. «Насъ только двое, говорилъ онъ: мы оба подписываемся N. В.» (Noël Vugon). Ему сказали, что онъ увидитъ въ ложѣ монсиньора Бременскаго одного человека, который участвовалъ въ кампаніи 1812 года. Въ 1817 году это событіе имѣло еще всю прелесть новизны. Лордъ Байронъ принималъ красиваго мужчину съ усами за московскаго бѣглеца.

На другой день онъ узналъ свою ошибку: честь эта принадлежала мнѣ, и онъ удостоился заговорить со мной о Россіи. Я былъ преданъ Наполеону и отвѣчалъ Байрону, какъ члену той законодательной

палаты, которая осудила великаго челоуѣка на позорное заточеніе, вдали отъ его любимой Франціи.

Лордъ Байронъ никакъ не могъ переспорить двѣнадцати или пятнадцати Итальянцевъ, собиравшихся по вечерамъ въ ложъ монсиньора Бременскаго. Однажды онъ далъ намъ замѣтить, что мы должны уступить ему, какъ перу и зватному вельможѣ. Это самохвальство не прошло ему даромъ. Монсиньоръ Бременскій припомнилъ по этому случаю извѣстный анекдотъ о генералѣ де-Кастри, который не могъ хладнокровно видѣть уваженія, оказываемаго д'Аламберу, и выразилъ свое негодованіе въ слѣдующихъ словахъ: «туда же лѣзетъ съ разговоромъ, а у самого хоть бы тысячу талеровъ дохода!»

Мои друзья-Итальянцы находили Байрона челоуѣкомъ страннымъ, высокомернымъ и немного помѣшаннымъ.

Разъ вечеромъ онъ былъ смѣшонъ не на шутку, когда съ горячностью доказывалъ, что онъ не имѣетъ ничего общаго съ Жанъ Жакомъ Руссо, съ которымъ сравнивали его въ одномъ тогдашнемъ журналѣ. Главная причина его негодованія, которой онъ, конечно, не хотѣлъ высказать, заключалась въ томъ, что Руссо былъ прежде лакеемъ. Притомъ же и отецъ Руссо былъ часовщикомъ. Мы смѣялись отъ души, когда по окончаніи спора, онъ сталъ разспрашивать монсиньора Лудовика, одного изъ первыхъ туринскихъ аристократовъ, о семействѣ де-Говонъ, гдѣ Жанъ-Жакъ служилъ лакеемъ.

Лордъ Байронъ во многомъ походилъ на Руссо, въ томъ смыслѣ, что онъ постоянно занятъ былъ собственной личностью и слишкомъ дорожилъ впечатлѣніемъ, которое производилъ на другихъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ недраматическихъ поэтовъ, какіе только существовали на землѣ; онъ никакъ не могъ переселиться въ душу другаго челоуѣка. Отсюда его страшная ненависть къ Шекспиру, которому онъ не могъ простить, что онъ побывалъ въ шкурѣ Шайлока, подлаго венеціанскаго жида, или въ шкурѣ Джона Кедъ, презрѣннаго демагога.

Одинъ изъ пунктовъ помѣшательства Байрона состоялъ въ томъ, что онъ страшно боялся потолстѣть.

Полидори, молодой медикъ, путешествовавшій съ нимъ, открылъ намъ, что мать лорда Байрона была мала ростомъ и очень толста. Анализируя характеръ Байрона, друзья монсиньора Бременскаго пришли къ заключенію, что въ теченіе двѣой трети дня лордъ Байронъ былъ истымъ денди: онъ боялся потолстѣть, тщательно отставлялъ назадъ правую ногу, которая устроена была не совсемъ правильно, и старался нравиться женщинамъ, — но мелочность его въ послѣднемъ отношеніи была до того велика и болезненна, что онъ

для средства забивалъ о цѣли. Любовь могла помѣшать его прогулкамъ верхомъ, — онъ пожертвовалъ любовью. Въ Миланѣ, и потомъ въ Венеци, его прекрасные глаза, его красивыя лошади, его слава породила страсть во многихъ молодыхъ, знатныхъ и хорошенькихъ женщинахъ. Одна изъ нихъ прѣехала за сто миль для того только, чтобы присутствовать въ маскарадѣ, гдѣ долженъ былъ находиться Байронъ. Онъ зналъ это, и отъ гордости или отъ робости, не удостоилъ ее даже отвѣтомъ. Невѣжа! воскликнула она, отходя отъ него всторону. Малѣйшая неудача съ свѣтской женщиной свела бы Байрона въ могилу. Истинный представитель всей мелочности англійской цивилизаціи, онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ только тѣхъ женщинъ, въ глазахъ которыхъ богатство есть лучшее достоинство мужчины.

Не довольствуясь славою перваго красавца въ Англии, лордъ Байронъ хотѣлъ быть вмѣстѣ и самымъ моднымъ человѣкомъ. Какъ *дени*, онъ съ подобострастіемъ и ревностью произносилъ имя Бруммея, законодателя моды отъ 1796 по 1810 годъ, одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей XVIII столѣтія.

Когда Байронъ не думалъ о своей красотѣ, тогда онъ гордился своимъ происхожденіемъ. Надо было видѣть, съ какимъ добродушнымъ видомъ миланскіе юноши разсуждали при немъ о томъ, достоинъ ли Генрихъ IV названія милосердаго послѣ того, какъ онъ велѣлъ отрубить голову герцогу Бирону, своему старому товарищу. «Наполеонъ не сдѣлалъ бы этого», отвѣчалъ лордъ Байронъ. Комизмъ этого разговора состоялъ въ томъ, что Байронъ то ставилъ свою фамилію выше Бироновой, то высказывалъ зависть къ этому знаменитому роду. Надо сказать, что ни одна фамилія въ Англии не произвела столько храбрыхъ воиновъ, сколько вышло ихъ изъ фамиліи Бироновъ.

Но за то, когда Байронъ забывалъ о своемъ происхожденіи и о своей красотѣ, онъ вдругъ становился великимъ поэтомъ и умнымъ человѣкомъ. Никогда не разглагольствовалъ онъ пустыми фразами, какъ напримѣръ г-жа Сталь, которую онъ оставилъ въ Коппетъ и которая вскорѣ прѣехала къ намъ въ Миланъ. Заходила ли рѣчь объ литературѣ, лордъ Байронъ представлялъ собою рѣзкую противоположность съ академиками: въ разговоръ его всегда было больше мыслей, чѣмъ словъ, и никогда не старался онъ выражаться отборными словами. Особенно къ полуночи, подъ впечатлѣніемъ оперной музыки, онъ не заботился уже о произведеніи эффекта своей рѣчью, а отдавался увлеченію со всей страстью южнаго челоуѣка.

Страннее всего, что въ прозе онъ вѣчно гонится за мыслью, и мыслью самой жалкой, состоящей въ намекъ на какое-нибудь мѣсто изъ классическаго писателя. Я могу сказать смѣло, что ничего не было общаго между его скучной, и достойной архидиакона Трублѣта прозой и той живой, увлекательной рѣчью, когда онъ не былъ пошлякомъ или помѣшаннымъ. А нельзя не сознаться, что цѣлую треть дня онъ казался намъ просто помѣшаннымъ. Нѣкоторые думали, что этотъ помѣшанный видъ есть слѣдствіе угрызенія совѣсти. Нужели говорили мы другъ другу, это происходитъ оттого, что въ припадкѣ аристократической гордости или самолюбія денди, онъ отправилъ на тотъ свѣтъ какую-нибудь невольницу-гречанку, которая оказалась ему певтрой!...

Какъ бы то ни было, въ минуты *не дендизма*, душа Байрона была до того впечатлительна, что не мудрено, если сознаніе увеличивало въ его собственныхъ глазахъ всю тягость его юношескихъ проступковъ. Приговоръ двѣнадцати присяжныхъ, случайно собранныхъ въ ложѣ монсиньора Бременскаго, состоялся на томъ, что тайный проступокъ, помрачавшій во времямъ свѣтлый взоръ лорда Байрона, былъ непременно совершенъ противъ женщины. Однажды, въ разговорѣ зашла рѣчь объ одной хорошенькой Миланкѣ, которая рѣшилась вызвать на дуэль покинувшаго ее любовника; потомъ бѣсѣда перешла къ другому случаю: какъ одинъ князь безъ всякой расправы убилъ женщину изъ простаго класса, которая, по его словамъ, променяла его на другаго. Лордъ Байронъ выслушивалъ молча эти рассказы; видно было, что онъ старался удерживать самого себя, и вскоре вышелъ изъ ложы. Если онъ чувствовалъ ненависть, то чувствовалъ ее противъ самого себя, и это обстоятельство служить ему въ нашихъ глазахъ полнымъ извиненіемъ...

Не прошло и нѣсколькихъ недѣль, какъ Байронъ пристрастился душой къ этому миланскому обществу, которое одно въ XIX вѣкѣ служить убѣжищемъ искреннему добродушію. Иногда, по окончаніи спектакля, мы оставались въ театральныхъ свѣняхъ и рассматривали проходящихъ красавицъ. Немногіе города могутъ похвалиться собраніемъ такихъ красавицъ, какія съѣхались случайно въ Миланъ въ 1817 году. Многія изъ нихъ ожидали, что лордъ Байронъ изъяснитъ желаніе быть имъ представленнымъ. Было ли то тщеславіе, или робость, или вѣрнѣе общая всѣмъ денди страсть дѣйствовать на перекоръ другимъ, только онъ всегда уклонялся отъ этой чести. Онъ охотнѣе проводилъ вечера въ толкахъ о поэзій и философіи. Я очень хорошо помню, какъ горячи были ваши споры, — такъ что не рѣдко разгнѣванный партеръ принуждалъ насъ къ молчанію.

Разъ вечеромъ, среди самаго одушевленнаго спора, Сильвіо Пеллико вошелъ въ ложу и объявилъ лорду Байрону, что полиція задержала его медика, Полидори.

Мы отправились на гауптвахту. Полидори, красавецъ собой и высокій мужчина, разсердился на мѣховую шапку дежурнаго офицера, которая, по его словамъ, мѣшала ему видѣть пѣвца, и попросилъ офицера снять шапку. Дѣло въ томъ, что Полидори, не смотря на свою итальянскую фамилію, родился въ Англіи, и по этой причинѣ чувствовалъ потребность, излить на кого нибудь припадокъ своего сплина (*vent his spleen on somebody*).

Великій поэтъ Монти пошелъ тоже съ нами на гауптвахту, такъ что мы въ числѣ пятнадцати или двадцати человекъ явились на выручку пѣвника. Всѣ мы заговорили разомъ; Полидори былъ внѣ себя и красенъ какъ раскаленный уголь. Лордъ Байронъ напротивъ, былъ блѣденъ и едва сдерживалъ свой гнѣвъ; его патриціанское сердце было глубоко оскорблено такимъ неуваженіемъ къ его славу и аристократическому происхожденію. Въ эту минуту онъ, казалось, глубоко скорбѣлъ о томъ, что не принадлежитъ ни къ одной партіи и не пользуется дружбой эрцгерцога вице-короля Миланскаго. Таково по крайней мѣрѣ было наше мнѣніе. Какъ бы то ни было, австрійскій офицеръ принялъ насъ за бунтовщиковъ, ввроятно, вспоминая о генуэзскомъ возмущеніи 1740 года. Монти замѣтилъ даже, что онъ побѣжалъ за солдатами, которые схватились за свои ружья, стоявшія за дверью. Тогда счастливая мысль пролетѣла въ голову Монти: уйдемте отсюда, сказалъ онъ, пусть останется здѣсь одна знать (*Sortiamo tutti; restino solamente i titolati*).

Мы вышли; на гауптвахтѣ остались: монсеньоръ Бременскій, съ своимъ братомъ, маркизомъ де-Сартирана, графъ Ковфалоньери и лордъ Байронъ. Они вписали въ книгу свои имена. Взглянувъ на титулы, офицеръ забылъ объ обилѣ, нанесенной его шапкѣ, и сейчасъ же отпустилъ Полидори. Тогда и мы воздали должное великодушію офицера и увидѣли, что онъ былъ человекъ очень добродушный. Изъ одного тщеславія многіе караульные офицеры задержали бы своего пѣвника. Въ тотъ же вечеръ, около полуночи, Полидори получилъ однакожъ приказъ выхвать въ двадцать четыре часа изъ Милана.

На другой день отъѣзда Полидори, лордъ Байронъ, оставшись съ нами въ огромномъ и мрачномъ фойѣ театра ла-Скала, говорилъ съ сердцемъ о тѣхъ притѣсненіяхъ, какія онъ выносить. «Въ Коппетъ, — воскликнулъ онъ, стиснувъ зубы и какъ бы разсуждая съ самимъ собой, — когда я въ одну дверь входилъ въ

гостиную, всѣ эти англійскіе и жевевскіе дураки выходили вонъ въ другую». Слова эти были сказаны почти про себя и очень неясно. Изъ соболъзнованія къ несчастію или къ сумасшествію, собесѣдникъ Байрона отошелъ на нѣсколько шаговъ. Когда онъ опять подошелъ къ намъ, лордъ Байронъ началъ снова свои жалобы, но только въ духъ болѣе умѣренномъ и не въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Собесѣдникъ этотъ до того мало зналъ *i titolati*, говоря словами Монти, что сказалъ лорду самымъ наивнымъ тономъ: «Пустите въ ходъ четыре или пять тысячъ франковъ, разгласите повсюду о своей смерти; двое-трое вѣрныхъ друзей схоронять деревянный чурбанъ въ какомъ-нибудь уголкѣ, хоть на островъ Эльбъ напримѣръ. Слухъ о вашей кончинѣ дойдетъ до Англии, а сами вы между тѣмъ, отправляйтесь въ Лиму и живите себѣ спокойно и припѣваючи, подъ именемъ какого-нибудь Смита или Дюбуа. Что за бѣда, если даже этотъ Смитъ съ посѣдвой головой возвратится въ Европу и купить гдѣ-нибудь, въ Парижъ или въ Римъ экземпляръ тридцатаго изданія *Чайльдъ-Гарольда* или *Лары*? За то въ минуту дѣйствительной смерти, г-нъ Смитъ можетъ, если захочетъ, потѣшить себя блестящимъ и невиданнымъ зрѣлищемъ. «Я тотъ самый лордъ Байронъ, скажетъ онъ, котораго вы схоронили тому назадъ лѣтъ тридцать. Англійское общество надобно мнѣ своей глупостью, и я вздумалъ подшутить надъ нимъ».

— «Мой двоюродный братецъ, наследникъ моего титула, сказалъ бы вамъ большое спасибо за эту выдумку, — отвѣчалъ хладнокровно Байронъ».

Полидори разсказывалъ намъ, что Байронъ очень часто писалъ по сотнѣ стиховъ въ одно утро. Вечеромъ, возвратясь изъ спектакля, подъ впечатльнѣемъ музыки или какого-нибудь разговора, онъ садился за работу, и просидѣвъ иногда до разсвѣта, сокращалъ число стиховъ до двадцати или тридцати; набравши такимъ образомъ до четырехъ или пяти сотъ стиховъ, онъ отсылалъ ихъ въ Лондонъ, къ книгопродавцу Мюррею. Работая по ночамъ, онъ пилъ грогъ изъ воды и можжевеловой водки. Нѣтъ спору, что если вдохновеніе не слушалось великаго поэта, онъ выпивалъ добрую порцію этого грога; но и въ этомъ порокѣ онъ обвинялъ себя напрасно — онъ вовсе не былъ пьяницей. Иногда, боясь разтолстѣть, онъ вызывалъ назадъ свой обѣдъ или питался одними овощами и небольшимъ кускомъ хлѣба. Обѣдъ этотъ обходился ему одинъ, много два франка, — и тогда Байронъ, придравшись къ этому случаю, хвастался своей скупостью.

Поладори сообщили намъ много подробностей о женитьбѣ Байрона. Супруга его была юная наследница, гордая своимъ богатствомъ и капризная, какъ всѣ дочки, ни съ кѣмъ не разделяющія любви родительской. Она надѣялась вести блестящую жизнь знатной дамы, а вмѣсто того напала на гениальнаго человека, который не любилъ ни повелевать въ домѣ, ни состоять подъ чьей-нибудь властью. Миледи Байронъ стала негодовать на свое положеніе; недоброжелательная горничная которая не могла привыкнуть къ страшностямъ Байрона, еще болѣе разжигала гнѣвъ своей юной госпожи, и она бросила мужа. Высшее общество обрадовалось этому случаю; оно *отреклось* отъ великаго человека, и жизнь Байрона была навсегда отравлена.

Можетъ быть, этому вѣчно-раздраженному состоянію и сознанию своего несчастія и обязанъ онъ былъ той любовью къ музыкѣ, которая усаждала его страданія и заставляла его проливать слезы. Лордъ Байронъ былъ чувствителенъ къ высокой музыкѣ, но чувствителенъ какъ новичекъ. Прослушавши годъ или два сразу новыя оперы, онъ вдругъ сходилъ съ ума отъ той же самой музыки, которая въ 1816 году не доставляла ему никакого наслажденія и которую онъ подчасъ даже называлъ пустою и оскорбляющею ухо....

Въ немъ замѣтна была одна слабость литераторовъ: величій чувствительность къ похвалѣ или порицанію, въ особенности со стороны людей, промышляющихъ искусствомъ.

Мои итальянскіе друзья, не щадившіе Байрона, замѣтили, что онъ какъ ребенокъ гордится своими познаніями во многихъ языкахъ. Одинъ истинный ученый, не то что шарлатанъ въ наукѣ, посѣщавшій иногда ложу монсеньора Бременскаго, сказалъ намъ, что лордъ Байронъ очень не далекъ въ древнемъ и въ новомъ греческомъ языкахъ. Тоже самое приходится сказать и о его познаніяхъ въ исторіи, которыми онъ такъ гордился.

— Если вы охотникъ до египетскихъ или перуанскихъ мумій — вѣдь бываютъ всякіе вкусы, — то поезжайте въ Гамбургъ. Тамъ выставлены три перуанскія муміи, сохранившіяся въ совершенной цѣлости. Онѣ найдены однимъ жителемъ Перу и куплены у него капитаномъ Бельгійскаго корабля, который разчелъ, что выставкой этихъ мумій онъ доставитъ пользу археологич., спермацевтич. и — своему карману.

— Если вы охотникъ до изящныхъ искусствъ, то заѣзжайте въ Богемію. Тамъ въ древнемъ монастырѣ св. Георгія недавно открытъ барельефъ, сдѣланный въ 1149 году. Это древнѣйшее изъ всѣхъ скульптурныхъ произведеній, до сихъ поръ извѣстныхъ въ Богеміи.

На немъ изображена Мадона съ прочими аксессуарными фигурами. Годъ произведенія обозначенъ въ подписи очень ясно сохранившейся.

— Въ новой телеграфической линіи, проведенной отъ Берлина до С.-Петербурга, черезъ Кенигсбергъ, употреблена система гг. Сиенуэ и Гальске, посредствомъ которой передается до 600 словъ въ минуту, между тѣмъ какъ по другимъ системамъ передается въ минуту только отъ 120 до 130 словъ.

— Съ луны сняли фотографическій портретъ, въ родъ тѣхъ, какіе г. Левицкій, въ Петербургъ, снимаетъ съ людей. Портретъ этотъ снятъ на коллодіумъ, и первоначальные снимки имѣли въ діаметрѣ $1\frac{1}{2}$ дюйма, а копіи фотографическія 2 и $4\frac{1}{2}$ дюйма. Луну, которая какъ известно не любитъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, поймали для сеанса слѣдующимъ образомъ: часы были такъ приваровлены, что телескопъ слѣдовалъ мало по малу за луною, спускаясь вправо. Кругъ часовъ и кругъ наклоненія были остановлены, а потому отраженіе луны было содержимо, по возможности, на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно являлось въ искатель; этого достигали посредствомъ винтовъ, которыми инструменту сообщалось тихое движеніе въ прямомъ восхожденіи и въ уклоненіи. Телескопъ былъ 4-хъ футовъ въ діаметрѣ. Два изображенія, снятыя одно за другимъ послѣ полнолунія, когда ихъ положили въ стереоскопъ, представляли довольно ясное рельефное явленіе, похожее на прозрачное полушаріе. Увеличенные снимки были показаны въ проекціи на экранъ, освещенные посредствомъ волшебнаго фонаря, и привели всѣхъ въ удивленіе; къ сожалѣнію инструментъ, служившій для этихъ опытовъ, и суженный г-мъ Симсомъ, имѣлъ многіе недостатки. Эти изображенія представилъ въ лондонское астрономическое общество г. Гартнупъ.

— Знаменитый А. Гумбольдтъ напечаталъ недавно въ журналѣ *Bonplandia*, три письма почтеннаго друга своего Бонплана, съ которыми, въ концѣ прошлаго столѣтія, они вмѣстѣ путешествовали по Америкѣ. Письма эти писаны въ Монтевидео, въ декабрѣ 1853, когда Бонплану исполнилось восемьдесятъ два года отъ роду. Проживъ очень долго въ Парагваѣ, почти отлученномъ отъ образованнаго міра, Бонпланъ не могъ слѣдовать за развитіемъ естественныхъ наукъ. «До сихъ поръ я читалъ только первый томъ Космоса, — говоритъ онъ, — да и того бы не видать, если бы не бразильскій повѣренный въ дѣлахъ, который былъ столько благосклоненъ, что ссудилъ мнѣ эту книгу. Все, что ты посылалъ ко мнѣ, пропало, я ничего не получилъ. Ученыя книги составляютъ величайшую рѣдкость въ Буэнос-Айресь и въ Южной Америкѣ вообще». Все досужное время, остающееся Бонплану отъ занятій его въ каче-

ствъ медика и агронома, онъ посвящаетъ естественнымъ наукамъ, особенно же своей любимой наукѣ — ботаникѣ. Онъ приводитъ теперь въ порядокъ свои коллекціи растеній по системѣ Эндлихера и Декандоля. Онъ собираетъ также растенія парагвайскія, уругвайскія и паранскія, и при этомъ изъявляетъ надежду, что ему самому удастся отвезти свои ботаническія коллекціи въ Парижъ. Онъ назначаетъ эти коллекціи для парижскаго Ботаническаго сада (Jardin des plantes).

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ШАФАРИКА КЪ М. П. ПОГОДИНУ.

... Съ нѣкоторымъ удивленіемъ вижу я изъ вашего письма, что вы вдругъ уклоняетесь отъ вашихъ изысканій, пускаетесь на такое поприще, которое для меня чуждо, и котораго я избегаю, sane pejus et ague. Мнѣ впадаютъ при этомъ на мысль Горациевы слова: «periculosae plenum opus alicui tractas, et incedis per ignes suppositos cineri doloso». Я, съ моей стороны, поклялся сохранять вѣчную, неизмѣнную вѣрность моей кроткой богинѣ, грамматической музѣ. Впрочемъ, это легко объясняется: вы, въ сравненіи со мною, еще молоды; вы можете еще не безъ основательности думать о будущемъ, а я мало по малу старѣю, и смотрю назадъ, и, когда оставляетъ меня моя богиня покровительница, думаю объ единственной Ураніи.

О древнихъ монетахъ напишу. Цѣны неслыханныя. Князь Милошъ присылалъ въ свое время такія монеты въ Вѣну пудами, какъ старое, негодное серебро, и тамъ ихъ продавали на вѣсъ. Предложите за нихъ, что по вашему мнѣнію, можно дать, и я думаю продавцы образумятся....

Наконецъ я добрался до значенія двухъ выраженій сербскихъ лѣтописей, которыя были непонятны даже Копитару. Это Ledjan, Ledjannsky Kra ... Ledjansky grad и Кирио-пасха, Кириопасха. Первое есть Lengyel (по-мадьярски) т.-е. Ляхъ, Полякъ, Ledjansky grad — Краковъ. Последнее — двойственный праздникъ: Светлое Воскресенье и Благовѣщеніе въ одинъ день, 25 марта. Загадка разрѣшена. Сообщите объ этомъ друзьямъ, потому что это слово, сколько мнѣ извѣстно, не находится ни въ одномъ сербскомъ, греческомъ и славянскомъ словарѣ. Радуюсь, что всѣ ваши здоровы, могу сообщить вамъ тоже и о моихъ.

Сентября 28 н. с. Прага.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ ЗА ПОСЛѢДНІЯ ДВѢ НЕДЕЛИ.

Значеніе октября въ русской военной исторіи. — Обновленіе Николаевского Дворянскаго собора въ Новгородъ и соединенные съ нимъ историческія воспоминанія. — Встрѣча гвардейскихъ войскъ въ Псковъ. — Ежегодное торжество въ Ревель. — Сайменскій каналъ. — Отрывокъ изъ письма военно-плѣннаго Финлянца. — Учрежденіе въ Одессѣ Комитета для призрѣнія неимущихъ. — Поступокъ тринадцатилѣтняго Болгарина. — Русский человекъ. — Мичетскій праздникъ. — Новыя наблюденія надъ болъзною картофеля.

Въ Русскомъ Инвалидѣ помѣщена очень любопытная статья полковника Лебедева, изъ которой мы приводимъ отрывокъ, подъ заглавіемъ: «Значеніе октября въ русской военной исторіи».

«5-го октября (наканунѣ Тарутинскаго и втораго дня Лейпцигскаго сраженія) Англо-Французская армія открыла бомбардированіе Южныхъ укрѣпленій Севастополя, которое дало нашимъ мужественнымъ войскамъ новый случай показать изъ испытанное мужество и всегдашнюю готовность биться и умереть за родину и Государя».

«Замѣчено было, что днемъ высадки нашихъ непріятелей на Русскую землю было 2-е сентября — день вступленія Наполеона въ Москву и начало гибели и великой арміи, и ея предводителя.... Въ судьбѣ народа благочестиваго и вѣрнаго преданіямъ, Вѣрѣ и доблестямъ отцевъ своихъ, не можетъ быть игры случая; напротивъ, глядявшись ближе въ исторію нашу, мы убѣдились, что Провидѣніе бодрствуетъ надъ Русскою землею и даже путемъ испытанія ведетъ ее къ славѣ и величію.... Не потому-ли и народъ нашъ, съ незапамятныхъ временъ, зоветъ свою родину Святою-Русью.»

«Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ Русскихъ не былъ возмущенъ хвастливою прокламаціею Сентъ-Арно, его фельетонною статьею, названною донесеніемъ объ Альмскомъ сраженіи и — главное — общаніемъ

или взять Севастополь, или не вернуться живымъ — и что же? — прошло болѣе мѣсяца со дня высадки (*) Севастополь стоитъ въ своемъ грозномъ величїи и неодоимости, а между тѣмъ Франція, прежде времени, праздновала фейерверками и иллюминаціями взятіе Русской твердыни, и трупъ Сентъ-Арно привезенъ къ берегамъ Франціи. Но, не упреждая хода событій, исчислимъ, что замѣчательнаго происходило въ жизни Русскаго народа въ теченіе октября мѣсяца».

«1-го октября 1788 — разбитіе Суворовымъ Турокъ на Кинбурнской кость».

«2-го октября 1811 года, генераль-лейтенантъ Марковъ, разбивъ великаго визиря близъ Рущука, сталъ на его пути отступленія. Смѣлый маневръ этотъ имѣлъ послѣдствіемъ сдачу визиря и его арміи у Журжи».

«3-го октября 1813 года — взятіе Тетенборномъ Бремена».

«4-го октября 1813 года — первый день Лейпцигскаго сраженія».

«5-го октября 1813 года — Силезская армія, послѣ блистательнаго кавалерійскаго дѣла Васильчикова, переходитъ черезъ рѣку Парту».

«6-го октября 1812 — сраженіе при Тарутань; 1813 года — второй день Лейпцигскаго сраженія».

«7-го октября 1813 — послѣдній день Лейпцигскаго сраженія, окончательный разгромъ арміи Наполеона и освобожденіе Германіи».

«8-го октября 1811 — пораженіе Турокъ у Виддина Графомъ Воронцовымъ; въ 1812 году — взятіе Слонима Чичаговымъ, и Подоцка графомъ Витгенштейномъ».

«10-го октября 1813 — взятіе Готы Полковникомъ Храповицкимъ».

«11-го октября 1812 — бѣгство Наполеона изъ Москвы».

«12-го октября 1812 — бой при Маломъ-Ярославцѣ, побудившій Наполеона отступить по раззоренному его же арміею пути».

«13-го октября 1812 и 1813 годовъ — подвиги Платова при рѣкѣ Лужѣ, Иловайскаго при Кременцѣ, и Чернышева у Эйхроде».

«18-го октября 1790 — взятіе Килии Гудовичемъ».

«19-го октября 1805 года — первая встрѣча Русскихъ съ войсками Наполеона при Ламбахѣ; въ 1812 — пораженіе Персіанъ Котляревскимъ при Асландузѣ; — бой Витгенштейна у Чашниковъ».

«20-го октября 1812 — бѣдственное отступленіе арміи Наполеона послѣ Малоарославскаго сраженія».

(*) Теперь уже болѣе двухъ.

«21-го октября 1658 — взятіе воеводою княземъ Юріемъ Долгорукимъ города Вильно, послѣ упорнаго боя».

«22-го октября 1812 — пораженіе Французовъ при Вязьмѣ».

«24-го октября 1794 года — штурмъ Праги Суворовымъ; 1805 — бой Кутузова у Амштетена».

«27-го октября 1737 года — отбитіе генераль-маіоромъ Барономъ Штофельномъ штурма, произведеннаго Турками на Очаковъ. Это блистательное дѣло заставило Манштейна сознаться, что нѣтъ въ мірѣ войска, подобнаго Русскому».

«28-го октября 1612 года — взятіе Кремля и изгнаніе Поляковъ изъ Москвы; въ 1812 — разбитіе вице-короля Итальянскаго во время переправы черезъ рѣку Вошь».

«30-го октября 1805 — пораженіе Мортъе Кутузовымъ у Дюрнштейна; въ 1813 — сраженіе при Ганау».

— Въ Новгородѣ, 19-го сентября, совершилось торжественное обновленіе Николаевскаго Дворищскаго собора, находящагося на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ дворецъ древняго Властителя Новгорода, сына Равноапостольнаго Владимира, великаго князя Ярослава. Николаевскій Дворищскій соборъ, одиѣ изъ древнихъ памятниковъ святыни Новгородской, знаменитый и древностью своею и чудотворною въ немъ иконою Святителя Николая, существуетъ съ 1113 года. Поводомъ къ построенію его, по преданію, сохранившемуся въ летописцѣ собора, послужило чудесное исцѣленіе новгородскаго князя Мстислава отъ тяжкой болѣзни посредствомъ упомянутой чудесно обрѣтенной иконы Святителя. Въ III-й новгородской летописи, на страницѣ 213-й, читаемъ объ этомъ обрѣтеніи «того же лѣта (862^{лѣтъ}/1113) образъ Николы Чудотворца Мирликійскаго приплыль изъ Кіева въ великій Новградъ, дска круглая, и взяли на Липпѣ, при Епископѣ Іоаннѣ; и тою икону устроиша, въ томъ превеликомъ храмѣ, на Ярославль дворищѣ, въ церквѣ». Князь Мстиславъ Владимировичъ и вообще всѣ Князья Новгородскіе жили во дворцѣ, или дворѣ Ярослава I-го около Николаевскаго собора; на площади, насупротивъ дворца и собора, собиралось вѣче новгородское. Николаевскій Дворищскій соборъ можетъ назваться предстателемъ трехъ издревле близъ него находящихся храмовъ Божіихъ (Историческ. Разгов., о древнемъ Новгородѣ стран. 87.): храма Св. Мученицы Параскевы Пятницы, построеннаго ганзейскими купцами въ 1156 году; — Святаго Великомученика Прокопія, первоначально построеннаго въ XII вѣкѣ, и Святыхъ Женъ Муромщицъ, вновь сооруженнаго въ 1510 году достопамятнымъ создателемъ многихъ храмовъ и обителей Новгорода;

московскимъ гостемъ Федоромъ Сырковымъ. Въ продолженіе семи вѣковъ чтимый Новымъ-городомъ, Николаевскій Дворицкій соборъ бывалъ не разъ исправляемъ въ ветхостяхъ; въ 1299 году онъ былъ опустошенъ пожаромъ (II Новг. Лѣт., стр. 222); въ 1611 г., во дни бѣдствія Новагорода, пльненнаго Шведами, коснулись и до него святотатственныя руки иноплеменниковъ. Въ послѣдствіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, пристроенъ къ нему притворъ съ двумя придѣлами, отчего измѣнился первоначальный видъ собора, но зданіе настоящаго соборнаго храма во имя Св. Николая все то же самое, которое воздвигнуто было княземъ Мстиславомъ Владимировичемъ.

— Другой старецъ между русскими городами — Псковъ, праздновалъ недавно встрѣчу проходящихъ черезъ него гвардейскихъ войскъ. «Трудно изобразить — пишетъ одинъ изъ тамошнихъ жителей, — какою полнотою жизни закипѣлъ нашъ тысячелѣтній старецъ, Псковъ, при видѣ цвѣта нашихъ рѣтниковъ, идущихъ на поприще славы, часть которой падала прежде и на его долю, потому что Псковъ былъ нѣкогда вѣрнымъ вѣковымъ стражемъ той части родныхъ предѣловъ, которые болѣе подвергались неурядительскому вторженію. Всѣ сословія, одно предъ другимъ, можно скзать, рвались выразить свою пріятливость дорогимъ гостямъ. Одни выходили толпами за городъ, и тамъ по цѣлымъ часамъ, съ нетерпѣніемъ ожидали минуты, когда могли бы порадоваться, глядя на родныхъ своихъ; другіе спѣшили предложить имъ русскую хлѣбъ-соль. Городовое общество угощало нижнихъ воинскихъ чиновъ булками, мясною и винною порціею; губернской предводитель дворянства, Н. С. Беклешовъ, далъ для штабъ и оберъ-офицеровъ, отъ имени дворянъ Псковской губерніи, четырнадцать богатыхъ обѣдовъ. Достойный начальникъ губерніи, А. Д. Черкасовъ, отъ своего лица; для тѣхъ же штабъ и оберъ-офицеровъ, сдѣлалъ пять блистательныхъ вечеровъ. Тотъ и другой не знали, какъ лучше выразить свое усердіе къ общему дѣлу Россіи и вниманіе къ ея храбрымъ воинамъ.

— Двадцать девятое сентября ежегодно, въ теченіе ста сорока четырехъ лѣтъ, празднуется въ Ревель какъ счастливый день присоединенія этого города къ Россіи. Особая торжественная служба совершается въ этотъ день во всѣхъ лютеранскихъ церквахъ, и каждый спѣшитъ принести Всевышнему теплую, признательную мольбу за благоденствіе Россіи и ея Августѣйшаго Царственнаго Дома. Затѣмъ, ежегодно въ этотъ день, въ Клубъ Ремесленнаго Общества, основаннаго королемъ Датскимъ Канутомъ VI (1196—1215), дается членами этого общества обѣдъ для воинскихъ нижнихъ чиновъ. По случаю нынѣшняго военнаго положенія города и сосредоточенія въ

немъ значительной части гвардейскихъ и резервныхъ войскъ, объѣдъ этотъ въ нынѣшнемъ году былъ совершенъ съ особою торжественностью.

— Заговоривъ о Финляндіи, нельзя не упомянуть объ устройствѣ въ этой странѣ одного изъ важнѣйшихъ путей сообщенія, — это о постройкѣ Сайменскаго канала.

Озеро Сайма есть самое большое изъ озеръ Финляндіи. Оно соединяется протоками съ Ладогой. Обширностью водяной поверхности оно уступаетъ Ладожскому озеру, но едва ли уступаетъ ему протяженіемъ своихъ береговъ. Множествомъ заливовъ врезывается оно въ землю, и омываетъ своими волнами множество полуострововъ и острововъ обитаемыхъ. Кромѣ того, съ Саймою соединяется множество меньшихъ судоходныхъ озеръ, спускающихъ свои воды черезъ рѣчные протоки; такимъ образомъ съ Саймою возможно, посредствомъ каналовъ, соединить воды озерныхъ системъ, имѣющихъ свои истоки близъ Фридрихсгамма, Бьернеборга и Улеборга. Вся Финляндія современемъ представитъ непрерывную сеть внутреннихъ судоходныхъ дорогъ. Сайменскій каналъ полагаетъ великое основаніе этому великому дѣлу; по этому Финляндцы справедливо смотрятъ на этотъ каналъ какъ на залогъ успѣховъ народнаго благосостоянія въ ихъ целомъ краѣ. Иматрою Сайма пролагаетъ себѣ дорогу къ Ладогѣ, черезъ Воксу, которая по мѣстамъ рѣка, а по мѣстамъ проточное озеро. Пороги блистательно-шумной Иматры дѣлаютъ невозможнымъ судоходное сообщеніе Саймы съ Ладогой, закрываютъ естественный ходъ изъ Саймы къ морю: Сайменскій каналъ долженъ замѣнить этотъ естественный, но, впрочемъ, дальній путь, сообщеніемъ искусственнымъ, но прямымъ и безопаснымъ. Этотъ каналъ начинается на седьмой верстѣ къ востоку отъ Вильманстранда, и оканчивается у Выборга; вся длина этого водянаго пути — пятьдесятъ четыре версты. Вильманстрандъ стоитъ у южной оконечности Саймы; тутъ къ самому озеру подходитъ горная гряда, которая непрерывною линіею на нѣсколько сотъ верстъ тянется вдоль Финскаго залива; прорывъ черезъ эту-то гряду и составляетъ Иматру. Близъ Вильманстранда эта гряда очень не широка, и возвышается надъ уровнемъ Саймы не болѣе какъ на сто футовъ; изъ болотъ южнаго склона этой гряды, въ четверти версты отъ берега Саймы, беретъ свое начало рѣка Соксуанъ (Soksuanjoki), которая у Выборга впадаетъ въ море, образуя при своемъ устьѣ судоходное озеро; эта рѣка принимаетъ въ себя воды нѣсколькихъ озеръ, лежащихъ на лѣвомъ, т.-е. восточномъ ея берегу; нѣкоторая часть этой рѣки судоходна, а направленіе ея теченія параллельно съ дорогою

изъ Вильманстранда въ Выборгъ. По этому не удивительно, что уже въ началѣ XVII столѣтія начали было рыть каналъ для сообщенія Саймы съ моремъ. До сихъ поръ сохранились рвы въ двухъ мѣстахъ, гдѣ предполагали тогда провести каналъ; но работа была оставлена, вѣроятно, по недостатку средствъ. Только въ наше время, въ славное царствованіе нынѣшняго Государя Императора, стало возможнымъ осуществить эту благую мысль. Генеральный Эриксонъ, братъ знаменитаго изобрѣтателя Эриксона, былъ приглашенъ содѣйствовать своимъ умомъ и познаніями при проведеніи нынѣшняго канала. Въ книгѣ «Живописная Финляндія» (*La Finlande pittoresque*) въ N 74-мъ представленъ видъ Лавритсала (*Lauritsala*): такъ называется мѣсто, гдѣ начинается каналъ. Сайменское озеро въ этомъ мѣстѣ глубоко и представляетъ очень удобную обширную пристань, съ сѣвера защищенную островами отъ вѣтровъ и волнъ; здѣсь, въ семи верстахъ отъ Вильманстранда, останавливались прежде суда, нагруженные досками, строевымъ лѣсомъ и т. п., и выгружали эти лѣсные материалы для сухопутной доставки ихъ въ Выборгъ; теперь здѣсь начало и главный пунктъ Сайменскаго канала, бѣльшая часть котораго уже окончена и открыта для судоходства; осталая часть начата и близка къ окончанію. Въ настоящемъ году работы производились на пространствѣ отъ 12-го до 27-го шлюза, то-есть на пространствѣ, гдѣ Сайменскій каналъ соединяетъ въ непрерывную дѣль девять озеръ, изъ которыхъ самое сѣверное возвышается надъ уровнемъ моря на сто шестьдесятъ три фута; эти озера составляютъ какъ бы девять уступовъ лѣстницы, ведущей отъ Финскаго Залива къ Саймѣ.

— Изъ Гельсингфорса сообщенъ довольно любопытный отрывокъ изъ письма нашего военнопльннаго офицера, родомъ Финляндца. Письмо отправлено изъ Ширнеса отъ 19 сентября. Вотъ что онъ пишетъ: «Теперь я въ Англии, куда прибылъ въ оборванномъ сюртукѣ и дырявыхъ сапогахъ; все мое имущество пропало въ крѣпости. Дорогою купилъ я себѣ двѣ рубашки. Cholera свирѣпствовала на кораблѣ во время переезда, и я каждый день по нѣсколькx часовъ помогалъ лекарямъ, но остался здоровъ. По прїездѣ сюда многіе изъ нашихъ умерли. Одинъ, посланный къ намъ отъ Библейскаго Общества, далъ мнѣ псалтырь и общалъ Библию. Говорятъ, что насъ скоро увезутъ отсюда, Богъ знаетъ куда. Другія письма сообщаютъ, что наши плѣнные офицеры въ Ширнесѣ получаютъ на содержаніе по семи шиллинговъ (2 р. 10 к.) въ день. Они ходятъ въ гражданскомъ платьѣ, и на честное слово получаютъ отпускъ даже въ Лондонъ. Солдаты военнопльнные живутъ на блокшифахъ, и получаютъ со-

держаніе наравнѣ съ матросами перваго класса. Кто-то въ Daily-News жалуется, что содержаніе русскихъ военнопленныхъ стоитъ много англійскому казначейству».

— Въ Одессѣ учрежденъ Комитетъ для призрѣнія немущихъ жителей этого города. Оттуда же сообщаютъ о поступкѣ тринадцатилѣтняго Болгарина, который можетъ служить доказательствомъ преданности Болгаръ къ Россіи:

Когда войска наши, снявъ осаду крѣпости Силистріи, начали стягиваться къ Букаресту, Турки устремились большими массами усиливать свои Дунайскія позиціи въ Силистріи, Рушукъ и Туртукав. Прибывшій въ Рушукъ значительный отрядъ турецкихъ войскъ предназначался переправиться на лѣвый берегъ Дуная, и сдѣлать нападеніе на наши войска у Журжи. Въ то время тринадцатилѣтній Болгаринъ, Райчо Николовъ, уроженецъ села Трляны (что въ Балканахъ, близъ Габрова), находившійся въ услуженіи у рушукскаго кожевника, движимый чувствами преданности къ Россіи, убѣжалъ отъ своего хозяина, переплылъ Дунай (котораго ширина въ этомъ мѣстѣ простирается до 500 сажень) и далъ первое и вѣрное свѣдѣніе о числѣ турецкихъ войскъ и ихъ намѣреніи. Райчо былъ приведенъ къ командиру войсками 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, г. генераль-адъютанту князю Горчакову. На предложенные княземъ вопросы, онъ отвѣчалъ бойко и удовлетворительно. Два дня спустя, показанія его оправдались: Турки дѣйствительно переправились на островъ Радаманъ, а потомъ въ Журжу, гдѣ и были остановлены нашими войсками 25-го іюня. Въ награду за усердіе и смѣлый поступокъ, князь наградилъ Райчо Николова, «за доказанную преданность Русскому правительству серебряною медалью, съ надписью: за усердіе на Анненской лентѣ, и сверхъ того выдано ему десять полуимперіаловъ» (*). Князь изъявилъ при этомъ желаніе довести до свѣдѣнія Государа Императора о поступкѣ Райчо и ходатайствовать о принятіи его въ Технологическій Институтъ, для воспитанія на казенный счетъ.

— А вотъ еще характеристическая черта Русскаго человека, которую мы заимствуемъ изъ частнаго письма, напечатаннаго въ Тамбовскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ.

«По двѣмъ службѣ, на дняхъ былъ я въ Борисоглѣбскѣ, — пишетъ корреспондентъ Тамбовскихъ ведомостей. — Передъ вы-

(*), Слова документа, выданнаго Райчо Николову, по принаказанію князя и хранящагося у Д. С. С. Озерова.

взломъ моимъ оттуда, явился ко мнѣ съ почтовой станціи, получить прогоны, староста, крестьянннхъ преклонныхъ уже лѣтъ, съдой, но свѣжій и бодрый. Черты лица его показались мнѣ знакомыми; сначала я его не узналъ, но послѣ вспомнилъ, что за два года, въ Борисоглебскѣ-же, и также являсь ко мнѣ за полученіемъ прогоновъ. этотъ старикъ, со слезами на глазахъ, съ видимымъ отчаяніемъ, жаловался мнѣ, что его любимаго сына, надежду и опору престарѣлыхъ отца и матери, какъ-то неправильно берутъ въ рекруты, по случаю бывшаго тогда набора. Я записалъ имя старика и его сына, и, по возвращеніи въ губернской городъ, просилъ въ палатѣ государственныхъ имуществъ оказать бѣдному крестьянину справедливость. Благонамѣренное и попечительное начальство казенныхъ крестьянъ нашей губерніи не замедлило возвратить сына старику, какъ скоро удостоверилось, что жалоба его основательна и законна. Я встрѣтилъ старосту вопросомъ: сколько слѣдуетъ тебѣ, любезный? — «А что, баринъ! какъ считать-то, на три лошади, али на четыре?» — Я беру четыре лошади, за четыре и плачу. Советую тебѣ, старина, со всѣми разсчитываться такимъ жѣ образомъ: кто сколько беретъ лошадей, за столько и платить долженъ. На это есть правило. До Грибановки, кажется, пятнадцать верстъ съ половиною возьми деньги! — Староста принялъ прогоны, потомъ посмотрѣлъ на меня, и началъ со мною слѣдующій разговоръ: «А вѣдь молодца-то нашего взяли, батюшка, ваше благородіе!» — Какого молодца? — «Сынишку-то мово, что прошлый разъ ты же, ваше сіятельство, дай Богъ тебѣ здоровья, отъ набору освободилъ. Въ гвардію, вишь-ты, выбрали, сказываютъ». — Что жъ, любезный, можетъ быть, такъ то и счастье Господь ему сулилъ. Нынче время такое, что если бы меня велѣли взять въ солдаты, и я пошелъ бы съ радостью. — «Такъ, батюшка, такъ, господинъ добрый! Вотъ и мы съ хозяйкой не плачемся, и молебень отслужили, благословили парня, въ путь дорогу на Царскую службу снарядили». — Ладно, старикъ! Для чего же ты говоришь мнѣ объ этомъ: ты, стало быть, все таки жалѣешь о сынѣ? — «Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Не жалю, и радъ, и доволенъ, и Бога благодарю!»

— Войска нашего Кавказскаго корпуса снова ознаменовали себя блестящею побѣдою, одержанною барономъ Николаи надъ полчищами Шамиля. И громы войны, раздающіеся вокругъ Тифлиса, нисколько не нарушаютъ обычнаго хода дѣлъ той страны и даже народныхъ празднествъ и увеселеній. 1-го октября, и наканунѣ, многіе изъ жителей Тифлиса отпраплялись на Мцхетскій праздникъ, который справедливо можетъ быть названъ *праздникомъ праздниковъ* грузинскихъ, какъ

по многочисленности богомольцевъ, къ нему стекающихся, такъ особенно и по воспоминанію, съ нимъ сопряженному и восходящему къ той великой эпохѣ, когда Грузія только что была озарена свѣтомъ христіанства. Изъ далекой Арменіи, изъ глубины горъ Хевсуріи и Осетіи приходятъ на этотъ праздникъ усердные пилигримы, чтобы поклониться и облобызать то святое мѣсто, гдѣ былъ *животворящій столбъ*, нѣкогда источавшій св. миро. Надъ этимъ мѣстомъ, находящимся во внутренности Мцхетскаго собора, у южныхъ вратъ, нынѣ возвышается четырехугольная каменная колоннада, огражденная желѣзною рѣшеткой; углубленіе подъ колоннадой обозначаетъ муроточивое мѣсто. Въ день праздника, съ утра до вечера, толпятся здѣсь во множествѣ набожные посетители: кто ставитъ свѣчу, кто достаетъ изъ углубленія щепотъ земли, и прикладываетъ ее къ глазамъ или беретъ съ собою домой, въ увѣренности цѣлбывной ея силы противъ разныхъ болѣзней.... Любопытную картину представляетъ во время праздника обширная ограда собора. Ночью вокругъ церкви, близъ палатокъ, зажигается множество костровъ; все ликуетъ и веселится, но не тѣмъ буйнымъ и непристойнымъ весельемъ, какое человекъ иногда позволяетъ себѣ въ шумномъ волненіи житейскаго моря; здѣсь, вблизи святыни, все проникнуто благоговѣніемъ: и это ликованье, имѣетъ особый характеръ чинности, встрѣчаемой только на Кавказѣ. — Днемъ, по отходѣ обѣдни, бываетъ борьба, на которой состязаются въ силѣ и ловкости атлеты окрестныхъ деревень; побѣдитель награждается новою чухой и шумными изъявленіями одобренія со стороны многочисленныхъ зрителей.

— Въ газетѣ «Посредникъ» напечатана статья придворнаго садовника Е. Л. Львова объ опытахъ и наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ надъ болѣзнью картофеля. Основываясь на этихъ опытахъ, г. Львовъ говоритъ, между прочимъ, вотъ что:

«Я заключаю, во-первыхъ, что картофельная болѣзнь не заражается ни отъ воздуха, ни отъ росы, какъ иные хозяева и писатели полагаютъ. У меня, въ нынѣшнихъ опытахъ, здоровый картофель былъ подвергнутъ всѣмъ атмосфернымъ влияніямъ во время роста до цвѣта, и по отцвѣтеніи, и все же остался здоровымъ; напротивъ того, больной картофель былъ до конца роста укрываемъ отъ росъ и холодныхъ ночей, и при всѣхъ томъ родился сильно больнымъ».

«Во-вторыхъ, что болѣзнь не заражается отъ земли, какъ это также видно изъ моихъ опытовъ: у меня здоровый и больной картофель росли на одной и той же грядѣ, и въ одинаковой землѣ, а

черенокъ отъ здороваго картофеля былъ посаженъ даже въ средину куста самаго больнаго картофеля, следовательно въ самую средину заразы, но состояніе кустовъ вышло различное: здоровый картофель, какъ отъ посаженнаго черенка, такъ и особо на той же грядкѣ росшій, дали здоровыя картофелины, а больной картофель остался все тѣмъ же больнымъ».

«Въ-третьихъ, что касается до дѣйствія цвѣточной пыли, то очевидно, что отъ перенесенія ея здоровый картофель заражается этою болѣзнію: при моихъ опытахъ, изъ числа пяти здоровыхъ, кустовъ, именно тотъ одинъ кустъ и произвелъ больной картофель, который былъ мною опыленъ болѣзненною цвѣочною пылью съ цвѣтковъ больнаго картофеля, а прочіе четыре куста, не бывъ опыленными, ни искусственно, ни случайно, потому что были во время цвѣта закрыты крышею, дали картофель совершенно здоровый».

«Не основательно также приписывать зарожденіе этой болѣзни микроскопическимъ грибкамъ, и подобнымъ же мелкимъ клещамъ и другимъ насѣкомымъ. Такого свойства чужеродныя грибки, какого бы рода они ни были, зараждаются только на разрушающихся уже или истлѣвающихъ тѣлахъ, а не сами производятъ начало этого разрушенія или истлѣванія; точно такъ же и всѣ чужеродныя насѣкомыя заводятся уже на болѣзненныхъ тѣлахъ, а не сами бываютъ причиною такого рода болѣзней».

«И такъ, по моему мнѣнію и по моимъ наблюденіямъ, представляется покуда одно только средство къ отстраненію картофельной болѣзни, именно то, чтобы картофель, оказавшійся больнымъ, вовсе не допускать цвѣсти. Такое недопущеніе легко можно исполнить посредствомъ скашиванія картофельной травы, прежде чѣмъ покажутся на ней цвѣточные почки. Такимъ скашиваніемъ больной картофель будетъ не допущенъ къ цвѣтенію, а потому и къ перенесенію цвѣточной пыли на здоровый картофель, который, въ слѣдствіе такой предосторожности, охранился отъ заразы и родится здоровымъ. Ожидая съ нетерпѣніемъ извѣстія объ опытахъ и наблюденіяхъ по этому предмету отъ другихъ Русскихъ хозяевъ, которые, можетъ быть, также производили ихъ, въ слѣдствіе моего приглашенія, изъявленнаго въ N 26-мъ газеты Посредникъ».

2-Я КОЛЪВЪЯ.

За насъ Господь: Онъ тучи водить,
 Трясетъ основами земли,
 Самъ по волнамъ во гнѣвъ ходить,
 Въ щелы ломаетъ корабли.
 О Севастополь! крѣпость славы!
 О мужи силы, Божья рать!
 За васъ есть въ небѣ Мститель правый,
 На васъ Господня благодать!

С. Швыгревъ.

Февраля 17. Москва.

П О П Р А В К А.

Въ статьѣ о Шеллингѣ, № 19 Москвитянина, на стр. 88-й напечатано: Рейнгольдъ былъ не виноватъ въ письмѣ къ Фихте: онъ даже порицалъ.... Надобно читать: Рейнгольдъ былъ не виноватъ: въ письмѣ къ Фихте онъ даже порицалъ....

На стр. 98: Вполнѣ понимаемъ..., но не можемъ и считаемъ безчестнымъ.... потому что чувствуемъ.... Надобно читать: Онъ вполнѣ понимаетъ..., но не можетъ и считаетъ безчестнымъ..., потому что чувствуетъ....

На стр. 99-й: Человѣкъ, который оказавъ значительное.
 — Этотъ человѣкъ не совершилъ ли великаго подвига самоотверженія?

У меня обозначено, — что это собственныя слова Шеллинга, а въ печати этого невидно.

На той же стр.: Онъ позволялъ себѣ.

— Надобно: Онъ позволяетъ себѣ.

На стр. 105: «Еслибъ я былъ убѣжденъ...»

Надобно: «Еслибъ я не былъ убѣжденъ...»

Авторъ.

М О Д Ы.

— Модныя шляпки дѣлаются болѣею частью гладкія, а не капотами; форма ихъ почти одна и та же: маленькія поля, но немного болѣе надвинутыя на лобъ; тулья, положенная очень низко, и т. д. Мармоты дѣлаются еще больше прежнихъ, такъ что возлѣ лица поля совершенно исчезаютъ подѣ густымъ рюшемъ блонды, цвѣтами, перьями и проч.

— Платья постоянно носятъ съ большими отдѣлками; ленты, тесьма, плюшь подѣ мехъ, плюшь тѣневый — все это въ модѣ.

— Часто самыя богатыя платья дѣлаютъ безѣ лифовъ и надѣваютъ съ баскинами изѣ атласу или бархату, убранными кружевомъ и стеклярусомъ.

— Что же касается до лифовъ, то форма ихъ неизмѣнна: гладкій и высокій воротъ, баски и проймы, т.-е. украшенія, расположенныя въ видѣ проймъ.

— Рукава носятъ самыя разнообразныя: широкіе внизу и узкіе вверху, и наоборотъ — широкіе вверху, и на обшивку внизу, рукава разрыванныя à l'espagno! и т. д.

— Манто, пальто, тальмы и всѣ пардесю вообще дѣлаютъ очень изящно и богато; кружево, шитье, гипюръ, аграманты, все это составляетъ необходимую принадлежность каждаго пардесю.

— Бальныхъ нарядовъ мало видно. Вотъ однакожъ два, совершенно новыхъ и очень изящныхъ. — Платье сѣрое атласное, юбка гладкая, лифъ съ мысомъ, открытый и вышитый бѣлыми венеціанскими бусами; кордельеръ изѣ тѣхъ же бусъ около тальи; рукава также вышиты, и обшиты широкимъ кружевомъ, которое принято въ видѣ модести; — квафюръ изѣ розовыхъ камелій и кистей бусъ; брошь, браслеты и серьги топазовые, осыпанные жемчугомъ. — Платье бѣлое репсовое, убранный бѣлыми кружевами, подколотыми на лифѣ аграфами изѣ рубиновъ съ брилльантами; на головѣ нитка рубиновъ и двѣ вѣтки пунцовой фуксіи.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ:

— Платье репсовое, отдѣланное тесемочкой; голова убрана лентами.

— Дѣтскія моды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Восхищенные своимъ успѣхомъ, мы проходимъ Францію, не касаясь земли. — Я становлюсь женщиной. — Мы добровольно записываемся въ рекруты.

На разсвѣтѣ я разбудилъ О'Бріэна; онъ поспѣшно вскочилъ на ноги.

— Я вѣрно спалъ, Питеръ?

— Да, отвѣчалъ я, и слава Богу; силъ человѣческихъ не стало бы выносить долѣе такую усталость, какую вынесъ ты. Если ты сдѣлаешься боленъ, что будетъ со мною?

Это значило затронуть его за живое.

— Хорошо, Питеръ, такъ-какъ отъ этого ничего дурнаго не произошло, то значить и сдѣлать это не было ни сколько дурно. Я выспался теперь за цѣлую недѣлю: это вѣрно.

Мы воротились въ лѣсъ. Снѣгъ успѣлъ уже стаять, дождь пересталъ и солнце просвѣчивало сквозь тучи; намъ было довольно тепло.

— Не заворачивай такъ далеко въ ту сторону, сказалъ О'Бріэнъ; теперь какъ снѣгъ растаялъ, мы увидимъ несчастныхъ замерзшихъ. Намъ нужно перемѣнить квартиру къ ночи; я перебывалъ уже во всѣхъ деревенскихъ шинкахъ и не могу болѣе показываться въ нихъ безъ того, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія, хотя я и жандармъ.

Мы пробыли здѣсь до вечера и потомъ отправились въ путь, все еще возвращаясь по направленію къ Живе.

За часъ до разсвѣта мы встрѣтили, въ четверти мили отъ какой-то деревни, маленькую рощицу, находившуюся у самой закраины большой дороги и окруженную ровомъ. Подошедъ къ рощѣ, мы нашли, что ровъ слишкомъ широкъ и перепрыгнуть черезъ него невозможно. О'Бріэнъ уложилъ рядомъ наши четыре ходуля и составилъ такимъ образомъ мостъ, по которому я и прошелъ. Потомъ онъ перебросилъ ко мнѣ наши пожитки, и съ муш-

кетомъ на плечахъ, отправился въ деревню, попросивъ меня оставить ходули на мѣстѣ, чтобы, по возвращеніи его, этотъ мостъ послужилъ и ему. Онъ не приходилъ цѣлые два часа и наконецъ воротился съ огромнымъ запасомъ отличной провизіи, какой мы ни разу еще не имѣли. Онъ принесъ французскія сосиски, приправленные чеснокомъ и показавшіяся мнѣ восхитительными, четыре бутылки водки, не считая его фляжки, кусокъ копченой говядины, шесть караваевъ хлѣба, и сверхъ всего этого половину жаренаго гуся и часть огромнаго пирога.

— Вотъ, сказалъ онъ, этого станетъ на цѣлую недѣлю; но посмотри, Питеръ, вотъ это лучше всего.

И онъ показалъ мнѣ два большихъ шерстяныхъ одѣяла.

— Превосходно, возразилъ я; теперь мы будемъ спать съ комфортомъ.

— Я честно заплатилъ за все, кромѣ этихъ одѣялъ, замѣтилъ О'Бріэнъ; побоявшись купить ихъ, я рѣшился украсть. Но мы возвратимъ ихъ тѣмъ, кому они принадлежать — это будетъ заемъ.

Мы устроили довольно уютную бесѣдку съ помощью переплетенныхъ между собой вѣтвей, и, высушивъ на солнцѣ листья, получили довольно покойную постель, на которой разложили одно изъ одѣялъ, а сами покрылись другимъ.

Мостъ изъ ходуль мы сняли и такимъ образомъ обезопасили себя отъ нападенія врасплохъ. Этотъ вечеръ мы пировали: гусь, пирогъ, сосиски, величиною съ мою руку, поочередно выдерживали нашу атаку; по временамъ мы подходили ко рву напиться воды и потомъ снова принимались ѣсть. Теперешнее наше положеніе, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы вытерпѣли, было настоящимъ блаженствомъ, въ особенности при предстоящей перспективѣ хорошей постели. Когда стемнѣло, мы легли, и тотчасъ же заснули; въ теченіе нашего бродяжничества я никогда не чувствовалъ такого спокойствія. На разсвѣтѣ О'Бріэнъ всталъ.

— Теперь, Питеръ, маленькое упражненіе до завтрака.

— Какое упражненіе?

— Какъ! на ходуляхъ. Надѣюсь, черезъ недѣлю ты будешь въ состояніи протанцовывать гавоттъ. Питеръ, мы выйдемъ изъ Франціи на нихъ.

Тутъ О'Бріэнь взялъ ходули, принадлежавшія мужчинѣ, и подалъ мнѣ тѣ, которыя служили дѣвушкамъ. Мы привязали ихъ къ ногамъ и, прислонясь къ дереву, успѣли встать прямо; но при первой попыткѣ ходить, О'Бріэнь упалъ въ одну, а въ другую сторону. О'Бріэнь ударился объ дерево, а я упалъ на носъ и ушибъ его до крови. Это однакожь только размѣшило насъ: мы поднялись снова, и хотя падали часто, но наконецъ понабились—таки въ этомъ искусствѣ. Тутъ представилось новое затрудненіе, какъ слѣзть съ ходуль; однакожь мы успѣли и въ этомъ съ помощію деревъ, къ которымъ прислонялись. Послѣ завтрака мы снова привязали ходули и опять начали наши упражненія, которыя продолжались цѣлый день; послѣ этого мы еще разъ атаковали съѣстные припасы и заснули подъ нашими одѣялами. Это повторялось въ теченіе пяти дней, по прошествіи которыхъ постоянно занимаясь ходулями, мы таки порядочно наострились, и хотя я не могъ протанцовать гавотта, потому что и не зналъ что такое, однакожь очень легко могъ расхаживать.

— Мы съ каждымъ днемъ приобретаемъ все болѣе и болѣе ловкости, сказалъ О'Бріэнь: наша провизія рано или поздно истощится, и тогда мы отправимся въ путь, а покуда станемъ дѣлать репетиціи въ костюмахъ.

О'Бріэнь нарядилъ меня въ платье несчастной дѣвушки, а самъ надѣлъ одежду мужчины; костюмы эти очень шли къ намъ, и въ послѣдній день мы упражнялись на ходуляхъ въ роли савоярской пары — мужа и жены.

— Питеръ, сказалъ О'Бріэнь, изъ тебя выходитъ хорошенькая женщина; смотри не позволяй мужчинамъ вольностей.

— Не бойся, возразилъ я. Но, О'Бріэнь, эти юбки не очень-то теплы; я буду носить брюки, обрѣзавъ ихъ только по колѣна.

— Хорошо, сказалъ О'Бріэнь.

На слѣдующее утро мы перешли ровъ съ помощію ходуль, и, взявъ ихъ потомъ на плечи, смѣло вышли на большую дорогу, ведущую въ Мехельнъ. Мы встрѣчали много народа, жандармовъ и другихъ, но никто не обращалъ на насъ вниманія, развѣ только дѣлали кой-какія замѣчанія насчетъ моей пріятной наружности. Подъ вечеръ мы пришли въ деревню, въ сараѣ которой ночевали, и тотчасъ же,

ставъ на ходули, начали маршъ. Толпа окружила насъ; мы подставили шапки и, получивъ девять или десять копѣекъ, вошли въ шинокъ. Насъ закидали вопросами, откуда и куда идемъ; О'Бріанъ на все давалъ отвѣты, сплетая ложь самую неестественную.

Я разыгрываю скромную дѣвушку, а О'Бріанъ, выдавая меня за сестру, прикидывался заботливымъ братомъ и ревнивымъ къ малѣйшему вниманію, которое мнѣ оказывали. Мы выпалили хорошо, и на слѣдующее утро продолжали путь къ Мехельну. На дорогѣ мы часто влѣзали на ходули для практики, что очень замедляло нашъ путь; отъ этого мы прибыли въ Мехельнъ не прежде, какъ на восьмой день, впрочемъ безъ всякихъ приключеній и задержекъ. Подходя къ заставѣ, мы влѣзли на ходули и смѣло вошли въ городъ. У заставы стража остановила насъ, не по подозрѣнію, а чтобы позабавиться, и прежде чѣмъ мы получили позволеніе войти въ городъ, я принужденъ былъ подвергнуться поцѣлуямъ устъ, издававшихъ сильный запахъ чесноку. Мы снова влѣзли на ходули (стража заставила насъ слѣзть, иначе она не могла бы цѣловать меня) и отправившись на главную площадь, выдѣлывали по дорогѣ нѣчто въ родѣ танца. Тутъ мы остановились противъ одного отеля и начали какой-то зауценный нами вальсъ; обитатели отеля смотрѣли на насъ изъ оконъ. Кончивши, я подошелъ къ окну съ шапкой О'Бріана. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ полковника О'Бріана, строго глядѣвшаго мнѣ въ лицо? Къ моему еще большому удивленію я увидѣлъ также Целесту, которая тотчасъ же узнала меня и, закрывъ глаза руками, бросилась въ глубину комнаты на софу, съ словами: «c'est lui, c'est lui!» Къ счастью, О'Бріанъ стоялъ недалеко, и успѣлъ поддержать меня, иначе я упалъ бы.

— Питеръ, собрай деньги съ народа, или ты порибъ. Я послѣдовалъ этому совѣту и, получивъ нѣсколько пенсовъ, спросилъ его, чтѣ мнѣ дѣлать?

— Подойди опять къ окну, ты увидишь.

Я воротился къ окну; полковникъ О'Бріанъ уже исчезъ, но Целеста была здѣсь и, казалось, ожидала меня. Я протянулъ къ ней шляпу; она опустила въ нее руку. Шляпа подалась внизъ отъ тяжести упавшаго; я вынулъ кошелекъ, сжалъ его въ рукѣ и положилъ за пазуху. Целеста отошла отъ окна, въ глубинѣ комнаты послала мнѣ поцѣлуй рукою и вышла въ дверь. На мнуну и

какъ бы окаменѣлъ, но О'Бріэнъ возвратилъ меня къ чувству; мы оставили площадь и заняли квартиру въ небольшомъ шинкѣ. Заглянувъ въ кошелекъ, я нашелъ въ немъ пятьдесятъ наполеондоровъ; эти деньги, конечно, она получила отъ отца. Я плакалъ надъ ними отъ восхищенія. О'Бріэнъ былъ также тронутъ добротой полковника.

— Онъ настоящій О'Бріэнъ, говорилъ онъ, и не только онъ, но каждый вершокъ въ немъ; даже эта проклятая страна не въ состояніи лишить благородный родъ его добрыхъ качествъ.

Въ шинкѣ, гдѣ мы остановились, намъ еказали, что офицеръ, предъ отелемъ котораго мы плясали, назначенъ комендантомъ сильной крѣпости Бергенъ-ошъ-цумъ, куда онъ и отправляется.

— Мы, по возможности, должны избѣгать встрѣчи съ нимъ, сказалъ О'Бріэнъ; это значило бы преслѣдовать его чувство долга. Не годится также показываться болѣе на ходуляхъ; а потому, Питеръ, мы постараемся скорѣе уйдти изъ города и въ дальнѣйшей судьбѣ своей положимся на нашу смышленность.

Рано утромъ мы вышли изъ города; О'Бріэнъ досталъ кой-какое крестьянское платье. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сень-Николя мы бросили ходули и нашу прежнюю одежду и одѣлись въ платье, приобретенное О'Бріэномъ. Онъ не забылъ также запастись двумя широкими темноватаго цвѣта простынями, которыя мы привязали на спяиѣ, какъ солдаты привязываютъ свои шинели.

— За кого же мы станемъ теперь выдавать себя, О'Бріэнъ?

— Это будетъ рѣшено сегодня ночью. Я придумываю, и надѣюсь напасть на какую-нибудь оригинальную идею; но намъ нужно поторопиться, а то насъ завалитъ снѣгомъ.

Погода стояла страшно холодная, и снѣгъ валилъ въ теченіе цѣлаго дня; уже стемнѣло, но луна освѣщала намъ путь. Мы шли очень скоро и вдругъ замѣтили впереди себя путниковъ.

— Догонимъ ихъ: они, можетъ быть, сообщатъ намъ какія-нибудь полезныя свѣдѣнія.

Когда мы подошли къ нимъ, одинъ изъ нихъ (оба они были ребята семнадцати или восемнадцати лѣтъ) сказалъ О'Бріэну:

— Я думалъ мы послѣдніе, но ошибся. Какъ далеко до Сень-Николя?

— Почему я знаю! отвѣчалъ О'Бріэнъ: я такой же чужестранецъ въ этихъ мѣстахъ, какъ и вы.

— Вы изъ какой части Франціи? спросилъ другой, стуча зубами отъ холода, потому что былъ бѣдно одѣтъ и плохо защищенъ отъ суровости погоды.

— Изъ Мехельна, отвѣчалъ О'Бріанъ.

— А я изъ Тулузы. Непріятно, товарищъ, промѣнять оливковыя рощи и виноградники на такой климатъ, какъ этотъ. Проклятый наборъ! Я надѣялся обзавестись женочкой на будущій годъ.

О'Бріанъ толкнулъ меня, какъ бы желая сказать «здѣсь можно кое-чѣмъ воспользоваться» — и потомъ продолжалъ:

— Проклятый наборъ! скажу я также; я только что женился, и теперь жена моя подвергается докучливому вниманію *fermier général*. Но дѣлу нельзя помочь. *C'est pour la France et pour la gloire.*

— Мы опоздаемъ взять билетъ, возразилъ другой; а у меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ. Не застанъ намъ главнаго отряда рекрутъ въ Флюшингѣ; судя по назначенному ему маршруту, онъ долженъ быть теперь въ Ахенѣ.

— Хорошо-бы быть поскорѣе въ Сень-Николѣ, сказалъ О'Бріанъ; у меня осталось немного денегъ, и я не допущу, чтобъ мой товарищъ, отправляющійся на службу отечеству, оставался безъ ужина или постели. Мы рассчитаемся въ Флюшингѣ.

— И съ величайшей благодарностью, отвѣчалъ Французъ; точно также и Жанъ, если вы повѣрите ему.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ О'Бріанъ, и вступилъ съ Французами въ длинный разговоръ, въ которомъ узналъ, что часть рекрутъ отправлена въ Флюшингъ и что они отстали отъ главнаго отряда.

О'Бріанъ выдалъ себя за рекрута, принадлежащаго къ тому же отряду, а меня за своего брата, рѣшившагося лучше вступить въ армію барабанщикомъ, чѣмъ разстаться съ нимъ. Черезъ полчаса мы пришли въ Сень-Николъ, и не безъ нѣкотораго затрудненія были впущены въ одинъ изъ шинковъ. —

— *Vive la France!* вскричалъ О'Бріанъ, подходя къ окну и отряхая снѣгъ съ своей шляпы.

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже сидѣли за хорошимъ ужиномъ

и очень сноснымъ виномъ; хозяйка сидѣла съ нами, слушая правдивые рассказы настоящихъ рекрутъ и живые О'Бріэна. Послѣ ужина рекрутъ, тотъ самый, который первый заговорилъ съ нами на дорогѣ, вынулъ печатную бумагу, содержащую въ себѣ маршрутъ, и замѣтилъ, что мы отстали отъ другихъ на два дня пути. О'Бріэнь прочелъ ее и положилъ на столъ, потомъ, небрежно оттолкнувъ ее отъ себя, спросилъ вина. Мы сами мало пили, но за то усердно угощали ихъ и наконецъ рекрутъ началъ рассказывать исторію своего преднамѣреннаго брака; время отъ времени онъ прерывалъ ее воплями и рвалъ на себѣ волосы.

— Ничего! возражалъ О'Бріэнь почти чрезъ каждые двѣ или три минуты; *vivons encoqe un soup roug la gloire.*

Такимъ образомъ онъ продолжалъ спать ихъ все болѣе и болѣе, пока наконецъ, шатаясь, не отправились они въ постель, забывъ печатную бумагу, которую О'Бріэнь не задолго передъ тѣмъ украдкой стащилъ со стола. Мы также удалились въ свою комнату.

— Эти примѣты, замѣтилъ мнѣ О'Бріэнь, также похожи на меня какъ я на чорта, но это ничего не значитъ — въ рекруты никто нейдетъ добровольно, а потому никто и не усомнится, что все въ порядкѣ. Завтра намъ нужно встать пораньше, пока эти добряки будутъ еще въ постели, и на многое обогнать ихъ. Намъ теперь нечего опасаться до Флюшинга.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Что приключилось въ Флюшингѣ и что случилось съ нами, когда мы вышли изъ Флюшинга.

За часъ до разсвѣта мы отправились въ путь. Снѣгъ глубоко покрывалъ землю, но небо было ясно; пройдя безъ всякихъ затрудненій города Ахень и Гальетъ, мы пришли въ Тернѣзъ и продолжали путь къ Флюшингу въ сообществѣ около дюжины отсталыхъ отъ главнаго отряда рекрутъ. Когда мы подошли къ этому городу, часовой спросилъ насъ, не рекруты ли мы? О'Бріэнь отвѣчалъ

утвердительно и показалъ свой паспортъ. Часовой записалъ въ книгу его имя, или, лучше, имя лица, которому принадлежалъ паспортъ, и сказалъ ему, чтобъ къ тремъ часамъ онъ явился въ главный штабъ. Мы вошли въ городъ, восхищенные своимъ успѣхомъ; О'Бріэнъ вынулъ письмо, полученное въ шинкѣ отъ женщины, помогавшей моему бѣгству, когда онъ выдавалъ себя за жандарма, и, прочитавъ адресъ, принялся отыскивать улицу. Скоро мы нашли самый домъ и вошли.

— Рекруты! вскричала хозяйка, взглянувъ на О'Бріэна; у меня уже полонъ домъ постояльцевъ. Это какое-нибудь недоразумѣніе. Гдѣ вашъ приказъ?

— Читайте, отвѣчалъ О'Бріэнъ, подавая письмо.

Она прочла письмо, и, спрятавъ его за пазуху, попросила О'Бріэна слѣдовать за собой. Онъ подалъ мнѣ знакъ войти, и мы очутились въ маленькой комнаткѣ.

— Чтò могу я сдѣлать для васъ? сказала хозяйка. Я употребляю все, что только въ моихъ силахъ; но, къ несчастію, вы выступаете изъ города дня черезъ два или три.

— Не бойтесь, отвѣчалъ О'Бріэнъ. Мы поговоримъ объ этомъ со временемъ, а покуда позвольте намъ оставаться въ этой маленькой комнаткѣ; мы не желаемъ, чтобъ насъ видѣли.

— Comment donc? вы рекруты и не желаете, чтобъ васъ видѣли! Не хотите ли вы ужъ дезертировать?

— Отвѣчайте на мой вопросъ: вы прочли письмо; намѣрены ли вы поступать сообразно съ его содержаніемъ, по просьбѣ сестры?

— Клянусь спасеніемъ! я готова, хотя бы пришлось пострадать за это. Она добрая сестра и не стала бы писать такъ серьезно, еслибъ не имѣла на это достаточныхъ причинъ. Мой домъ и все, что въ немъ находится, къ вашимъ услугамъ — могу-ли сказать болѣе?

— Но, продолжалъ О'Бріэнъ, положимъ, я хочу дезертировать: станете вы помогать мнѣ?

— Съ опасностью собственной жизни, отвѣчала хозяйка; вѣдь вы помогли моей сестрѣ, когда она находилась въ затруднительномъ положеніи.

— Хорошо же. Теперь я не хочу удерживать васъ отъ вашихъ занятій; я слышала, васъ звали нѣсколько разъ. Пришлите намъ обѣдать, когда придетъ время; мы останемся здѣсь.

— Если я понимаю сколько-нибудь въ физ... какъ бишь это называется? — замѣтилъ О'Бріэнъ, когда хозяйка насъ оставила, — это честная женщина. Я могу вѣрится ей, но не теперь; пужно подождать, пока уйдутъ рекруты.

Я согласился съ О'Бріэномъ, и мы остались въ комнатѣ, бесѣдуя другъ съ другомъ, пока хозяйка не принесла намъ обѣдать.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ О'Бріэнъ.

— Луиза Эвташъ; вы могли прочесть это на письмѣ.

— Вы за-мужемъ?

— Да, уже шесть лѣтъ. Мой мужъ рѣдко бываетъ дома, онъ лоцманомъ въ Флюшингѣ. Тяжелая жизнь, тяжелѣе солдатской! Кто этотъ мальчикъ?

— Это мой братъ; онъ намѣренъ, если я поступлю въ солдаты, записаться волонтеромъ въ барабанщики.

— *Pauvre enfant, c'est dommage.*

Шинокъ былъ полонъ рекрутъ и прочаго народа, такъ что хозяйкѣ было пропасть дѣла. На ночь она ввела насъ въ маленькую спальню, находившуюся возлѣ комнаты, которую мы занимали.

— Вы здѣсь почти одни; рекрутамъ, какъ я слышала, назначенъ смотръ на плацпарадѣ утромъ въ два часа: пойдете вы?

— Нѣтъ, отвѣчалъ О'Бріэнъ; но это, ничего: подумаютъ, я отсталъ.

— Хорошо, отвѣчала хозяйка. Дѣлайте какъ знаете; вы можете положиться на меня. Однако, не имѣя никакой посторонней помощи, я такъ занята, что пока они не уйдутъ, едва ли буду имѣть время поговорить съ вами.

— Они уйдутъ скоро, хозяйшка, отвѣчалъ О'Бріэнъ; *au revoir.*

Вечеромъ хозяйка вошла къ намъ испуганная. Она рассказала, что въ городъ пришелъ какой-то рекрутъ, подъ именемъ котораго кто-то уже записался у заставы, и что лицо, присвоившее его

ния, не было на смотру. Рекрутъ объявилъ, что какой-то человекъ, съ которымъ онъ останавливался въ Сентъ-Николѣ, укралъ у него паспортъ. Вслѣдствіе этого отданъ былъ приказъ строжайше обыскать весь городъ, такъ какъ изъ тюрьмы убѣжали какіе-то англійскіе офицеры и полагаютъ, что изъ нихъ-то кто-нибудь и похитилъ паспортъ.

— Конечно, вы не Англичанинъ? спросила хозяйка, серьезно взглянувъ на О'Бріэна.

— Право? А между тѣмъ я Англичанинъ, моя милая, отвѣчалъ О'Бріэнь, и этотъ мальчикъ тоже. Милость, какой ожидаетъ отъ васъ ваша сестра, состоитъ именно въ томъ, чтобъ вы вывели насъ изъ этого затруднительнаго положенія; сотня лундоровъ готова въ награду за эту услугу.

— Oh, mon Dieu, mais c'est impossible!

— Impossible! возразилъ О'Бріэнь; развѣ такъ отвѣчалъ я вашей сестрѣ въ ея несчастіи?

— Au moins c'est fort difficile.

— Это другое дѣло; но съ вашимъ мужемъ лодманомъ, мнѣ кажется, большая часть затрудненій устраняется.

— Мой мужъ! Я не имѣю власти надъ нимъ, отвѣчала хозяйка, закрывая глаза фартукомъ.

— Но сотня лундоровъ, можетъ быть, поможетъ, возразилъ О'Бріэнь.

— Это правда, замѣтила хозяйка послѣ минутнаго молчанія; — но что же мнѣ дѣлать, если они придутъ обыскивать домъ?

— Вышлите насъ отсюда на время, пока не представится случай отправить насъ въ Англію. Я поручаю это вамъ, — этого ожидаетъ отъ васъ сестра.

— И она не обманется въ своемъ ожиданіи, если угодно будетъ Богу, возразила хозяйка послѣ нѣкотораго молчанія. Но я боюсь, вамъ придется покинуть этотъ домъ и городъ сегодня ночью.

— Какъ же мы выдемъ изъ города?

— Это я устрою. Будьте готовы къ четыремъ часамъ, потому-что ворота запираются при наступленіи вечера. Теперь я пойду; не должно терять времени.

— Наши харчи здѣсь очень недурны, замѣтилъ я, когда хозяйка вышла изъ комнаты.

— Богъ съ ними! мнѣ ихъ не жалко, Питеръ; но я не желалъ-бы разгаться съ такой удобной квартирой.

Уложивъ наши пожитки, въ числѣ которыхъ не были забыты и двѣ простыни, мы стали дожидаться возвращенія хозяйки. Черезъ часъ она вошла въ комнату.

— Я говорила съ сестрой моего мужа, которая живетъ почти въ двухъ миляхъ отсюда по дорогѣ въ Мидельбургъ. Сегодня рыночный день, и теперь она въ городѣ, вы будете въ безопасности тамъ, гдѣ она васъ спрячетъ. Я сказала ей, что дѣлаю это по приказанію мужа; иначе она бы не согласилась.

— Вотъ, душка, надѣньте это платье: я помогу вамъ.

Я еще разъ одѣлся женщиной, и О'Бріэнъ разразился громкимъ смѣхомъ, при видѣ моихъ синихъ чулокъ и коротенькой юбки.

— *Il n'est pas mal*, замѣтила хозяйка, надѣвъ мнѣ на голову маленькую шляпку и повязавъ шею платкомъ, до половины закрывавшимъ мнѣ лицо.

О'Бріэнъ надѣлъ широкій сюртукъ, который дала ему хозяйка, и шляпу съ огромными полями.

— Теперь ступайте за мной, сказала хозяйка.

Она вывела насъ на улицу, на которой толпился народъ, потомъ на рынокъ, гдѣ присоединилась къ намъ другая женщина. На концѣ рынка стояла маленькая лошаденка, запряженная въ телѣгу; я и незнакомая женщина сѣли въ телѣгу, между тѣмъ какъ О'Бріэнъ, путеводимый хозяйкой, повелъ лошаденку черезъ толпу до заставы, гдѣ хозяйка, въ присутствіи караула, громкогласно распростилась съ нами. Караулъ не обратилъ на насъ вниманія; мы спокойно прошли и очутились на прекрасно-мощеной дорогѣ, прямой, какъ стрѣла, и окоймленной съ обѣихъ сторонъ высокими деревьями и рвами. Черезъ часъ мы остановились около фермы, принадлежавшей женщинѣ, подъ покровительствомъ которой мы находились.

— Видите вы въ этотъ лѣсъ? сказала она О'Бріэну, указывая въ деревня въ полумилѣ отъ большой дороги. Я не смѣю принять васъ въ домъ: мой мужъ такъ ненавидитъ Англичанъ, отнявшихъ у него барку и сдѣлавшихъ его бѣднякомъ, что донесетъ

на васъ непременно. Ступайте туда, распорядитесь на ночь, какъ умѣете, а къ утру я пришлю вамъ все, что вамъ нужно. Adieu, je vous plains vraiment enfant, прибавила она, взглянувъ на меня и направляясь съ своей телѣгой къ дому.

— Питеръ, сказала О'Бріэнъ, я вижу доказательство ея чистосердечности въ томъ, что она отказываетъ намъ отъ дому, а потому я не въ претензіи на это. У насъ есть еще фляжка съ водкой для поддержанія бодрости духа, а потому живо въ лѣсъ, хоть это и дастъ мнѣ на цѣлые двѣнадцать лѣтъ отвращеніе къ этимъ, такъ называемымъ, пикникамъ.

— Но, О'Бріэнъ, какъ же я перейду этотъ ровъ въ юбокѣ? я въ обыкновенной моей одеждѣ едва ли смогу бы перепрыгнуть черезъ него.

— Привяжи къ поясу подолъ твоихъ юбокъ и перебѣги проворнѣе ровъ; войди въ него по крайней мѣрѣ, на сколько можешь, а тамъ я перетащу тебя.

— Но ты забываешь, что намъ предстоитъ ночевать въ лѣсу, а промокнуть насквозь при такомъ сильномъ морозѣ не шуточное дѣло.

— Твоя правда, Питеръ; но ровъ покрытъ такъ глубоко снѣгомъ, что, можетъ быть, подъ нимъ образовался довольно крѣпкій ледъ. Я попробую; если онъ снесетъ меня, то ужъ навѣрное не вздумаетъ прорваться подъ такой щедурной фигуркой, какъ твоя.

О'Бріэнъ попробовалъ ледъ; онъ былъ крѣпокъ, и мы, перешедши ровъ, поспѣшно направились къ лѣсу, какъ называла его женщина; но это была небольшая группа деревьевъ, занимавшая около полудесятины земли. Мы очистили отъ снѣгу пространство около шести футовъ въ окружности, что образовало довольно значительную впадину; О'Бріэнъ наръзалъ колева и, воткнувъ ихъ въ землю, развѣсилъ надъ ними простыню. Снѣгъ лежалъ на два фута глубины, такъ что у насъ образовалось отверстие, въ которое довольно удобно можно было пролѣзть подъ простыню. Потомъ мы набрали какъ можно больше листьевъ, выбили изъ нихъ снѣгъ, и разложивъ ихъ на двѣ впадины, покрыли другой простыней. Помѣстивъ туда узлы, мы заложили снѣгомъ всѣ отверстия между поломъ и верхней простыней, исключая входа. Удивительно какъ

тепло сдѣлалось это мѣсто послѣ того, какъ мы побыли въ немъ нѣсколько времени, сдѣлалось даже жарко, тогда какъ внѣ нашей палатки господствовала пронзительная стужа. Хорошенько поужинавъ и выпивъ порядочную порцію водки, оба мы заснули, но прежде я постарался сбросить съ себя женскій нарядъ и облечься въ собственную одежду. Никогда мы не спали такъ спокойно и такъ тепло, какъ въ этой ямѣ, которую выкопали въ землѣ, покрытой льдомъ и снѣгомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

О'Бриэнъ уходитъ на охоту за провiantомъ и, вслѣдствіе другой охоты, я попадаю въ другое общество. — О'Бриэнъ патетически оплакиваетъ мою смерть и находитъ меня въ живыхъ. — Мы спасаемся.

На слѣдующее утро мы съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго вспомошествованія, потому что были не очень-то богаты съестными припасами, хотя то, что имѣли, было отличнаго достоинства.

Около трехъ часовъ пополудни мы увидѣли маленькую дѣвочку, шедшую по направленію къ намъ, съ огромной дворной собакой. Подошедъ къ группѣ деревьевъ, гдѣ мы скрывались, она закричала что-то своей собакѣ по-нѣмецки, и та тотчасъ же бросилась бѣгать по рощѣ, пока наконецъ отыскала насъ. Дворняшка легла у самаго входа нашей палатки и съ яростью залаяла, что заставило насъ опасаться съ ея стороны нападенія. Но маленькая дѣвочка снова заговорила; собака, оставаясь въ томъ же положеніи, устремила на насъ свои глаза и, вилая хвостомъ, распластала нижнюю челюсть на снѣгу. Дѣвочка подошла, заглянула въ отверстіе и положила въ него корзину, дѣлая намъ знаки головой. Мы опустили корзину. О'Бриэнъ вынулъ наполеондоръ и подаль ей; она отказывалась, онъ всунулъ ей насильно въ руку. Но дѣвочка опять сказала что-то собакѣ, и та начала лаять съ такою яростію, что мы съ каждой минутой опасались, что она бросится на насъ.

Дѣвочка протягивала намъ наполеондоръ, указывая въ то же

время на собаку. Я приблизился и взял монету; она тотчас же усмирila огромное животное и, смѣясь, поспѣшила прочь.

— Клянусь всеми святыми! это прекрасная маленькая дѣвочка, воскликнулъ О'Бріэнъ. За нее и ея собаку я готовъ стоять противъ всѣхъ и каждого. Меня никогда еще не травили собаками за то, что я давалъ денегъ; но — вѣкъ живи, вѣкъ учись. Питеръ, посмотримъ теперь, что она принесла намъ въ корзинѣ.

Мы нашли варенныя въ крутую яйца, хлѣбъ, копченую баранью ногу и огромную бутылку джину.

— Милая малютка! Надѣюсь, она часто будетъ удостоивать насъ своего лизезрѣнія. Я думаю, Питеръ, намъ здѣсь также хорошо, какъ въ мичманской каютѣ.

— Ты забылъ, что ты лейтенантъ.

— Да, Питеръ, я забылъ, такова ужь сила привычки. Теперь давай обѣдать. Это новая манера, однакожь, обѣдать лежа, за то она очень экономична: намъ надоѣстъ глотать въ этомъ положеніи.

— Я читалъ, О'Бріэнъ, что Римляне имѣли обыкновеніе обѣдать лежа.

— Не могу сказать, чтобъ въ Ирландіи объ этомъ упоминали когда-либо при мнѣ; но это еще не доказываетъ, чтобъ этого не было, и потому, Питеръ, я вѣрю тебѣ на слово. Фу! какъ сильно снѣгъ повалилъ опять! Желалъ бы я знать, о чемъ въ это время думаетъ мой отецъ?

Это замѣчаніе О'Бріэна послужило поводомъ къ разговору о друзьяхъ и родственникахъ, оставленныхъ въ Англіи, послѣ чего мы крѣпко заснули. На слѣдующее утро мы нашли, что снѣгу выпало на восемь вершковъ глубины, и подъ тяжестью его наша верхняя простыня такъ опустилась, что мы принуждены были выйти и нарѣзать шестовъ, чтобы подпереть ее изнутри. Въ этомъ занятіи мы вдругъ услышали страшный шумъ и стрѣльбу и замѣтили нѣсколько человекъ съ собаками, повидимому вооруженныхъ, несшихся прямо по направленію къ лѣсу, въ которомъ мы бивуакировали. Мы очень испугались, воображая, что они ищутъ насъ, но они вдругъ повернули въ другую сторону и также быстро исчезли, какъ появились.

— Что такое? спросилъ я О'Бріэна.

— Не могу сказать въ точности, Питеръ; но думаю, что это охота, а единственный звѣрь, который, кажется мнѣ, может водиться въ этихъ мѣстахъ, выдра.

Я былъ того же мнѣнія. Мы ожидали маленькую дѣвочку, но она не приходила; прождавъ ее до сумерекъ, мы вползли наконецъ въ нашу яму и поужинали остаткомъ провизіи.

На слѣдующій день, можно представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ мы ожидали ея прихода; но она не являлась. Ночь наступила снова, и мы легли въ постель безъ всякой пищи, кромѣ маленькаго куска хлѣба и немного джина, оставшагося въ флажкѣ.

— Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, если она не придетъ завтра утромъ, я попытаюсь сдѣлать, чтѣ могу. Мнѣ вовсе не нравится идея умереть здѣсь обоимъ съ голоду. Если она не явится къ тремъ часамъ, я отправляюсь за провіантомъ и не вижу тутъ никакой опасности: въ этой одеждѣ я также похожъ на сипача, какъ любой голландскій мужикъ.

Мы провели беспокойную ночь, потому что были увѣрены, что или опасность такъ велика, что намъ не смѣютъ помогать, или, послушавъ чужихъ внушеній, намъ измѣнили и оставляютъ насъ напроизволь судьбы. На слѣдующее утро я влѣзъ на самое высокое дерево въ роцѣ и принялся осматривать окрестность, въ особенности по направленію къ фермѣ, принадлежавшей женщинѣ, которая укрыла насъ въ этомъ мѣстѣ. Я не увидѣлъ ничего кромѣ огромнаго пространства ровной поверхности, покрытой снѣгомъ, и время отъ времени какого-нибудь экипажа, проѣзжавшаго вдаль по медельбургской дорогѣ. Я слѣзъ и нашелъ О'Бріана совсѣмъ готовымъ къ отправленію. Онъ былъ очень грустенъ.

— Питеръ, сказалъ онъ, если меня схватятъ, ты долженъ непремѣнно опять нарядиться въ женское платье и идти въ Флюшингъ въ шинокъ. Хозяйка его, я увѣренъ, приметъ тебя подъ свое покровительство и отправитъ въ Англію. Мнѣ нужно только два наполеондора; остальное возьми себѣ — тебѣ понадобится. Если я къ ночи не возвращусь, отправляйся въ Флюшингъ завтра утромъ. О'Бріанъ остался еще на нѣсколько времени поговорить со мною, и, когда пробило четыре часа, пожалъ мнѣ руку и, молча, вышелъ изъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ какъ мы оба попали въ Тулонскую

тюрьму, я ни разу еще не чувствовал себя столь несчастным; лишь только онъ отошелъ отъ меня шаговъ на сто, я упалъ на колѣни и началъ молиться. Прошло два часа съ тѣхъ поръ, какъ онъ ушелъ и уже стемнѣло, какъ вдругъ я услышалъ шумъ въ отдаленіи; съ каждой минутой онъ все болѣе и болѣе приближался. Вдругъ кусты затрещали, я поспѣшилъ подъ простыню, покрытую снѣгомъ, въ надеждѣ, что входъ останется незамѣченнымъ; но едва я очутился тутъ, какъ вслѣдъ за мной вторгнулся огромный волкъ. Я вскрикнулъ, опасаясь быть разорваннымъ въ куски, но звѣрь растянулся на животѣ, съ широко-открытою пастью, съ сверкающими глазами, съ длиннымъ висящимъ изъ пасти языкомъ — и хотя мы соприкасались, однако онъ былъ такъ утомленъ, что не трогалъ меня. Шумъ усилился и я понялъ, что это охотники, преслѣдующіе волка. Я присѣлъ на корточки; волкъ двинулся впередъ, такъ что я очутился около его хвоста. Я поспѣшилъ выползти и увидѣлъ въ двухъ стахъ шагахъ отъ себя людей и собакъ во всемъ жару преслѣдованія.

Я побѣжалъ къ большому дереву и едва успѣлъ подняться на шесть футовъ отъ земли, какъ они были уже на мѣстѣ; собаки бросились въ отверстіе, и чрезъ нѣсколько минутъ волкъ былъ убитъ.

Охотники были слишкомъ заняты, чтобъ замѣтить меня; между тѣмъ я влѣзъ на дерево и укрылся на сколько могъ. Находясь отъ нихъ въ разстояніи не болѣе пятнадцати шаговъ, я могъ видѣть ихъ удивленіе, когда они открыли простыню и вытащили изъ-подъ нея мертваго волка, котораго увлекли съ собою. Они разговаривали по-нѣмецки; я ничего не понималъ, но ясно слышалъ часто повторяемое слово «Англичанинъ». Охотники и собаки покинули мѣсто, и я готовился уже слѣзть, какъ одинъ изъ нихъ воротился, схватилъ простыни и, сложивъ ихъ вмѣстѣ, ушелъ. Къ счастью при слабомъ лунномъ свѣтѣ онъ не замѣтилъ нашихъ узловъ. Подождавъ еще немного, я сошелъ на землю. Чтѣ мнѣ дѣлать? думалъ я: если уйти, а О'Бріэнъ воротится, чтѣ подумаетъ онъ? Если остаться, значитъ замерзнуть къ утру.

Я обратился къ нашимъ узламъ и нашелъ, что въ борьбѣ волка съ собаками, они зарылись въ листьяхъ.

Вспомнивъ совѣтъ О'Бріэна, я одѣлся въ женское платье, но никакъ не могъ рѣшиться идти во Флюшингъ.

Я положилъ наконецъ отправиться въ ферму, потому что близость ея отъ дороги давала мнѣ возможность встрѣтиться съ О'Бріэномъ. Вскоромъ времени я былъ уже въ фермѣ и бродилъ вокругъ нея; двери и окна были заперты, постучать же я не осмѣливался, послѣ того, что слышалъ отъ женщины, о ненависти ея мужа къ Англичанамъ. Въ недоумѣніи, осматриваясь вокругъ, я увидѣлъ въ отдаленіи человѣческую фигуру, шедшую по направлению къ рошѣ. Я поспѣшилъ за ней и увидѣлъ, какъ она вошла въ рошу. Хотя мнѣ и показалось, что это О'Бріэнь, но какъ съ тою же вѣроятностью можно было предположить, что это одинъ изъ людей, охотившихся за волкомъ, и воротившійся за болѣею добычею, то я сталъ приближаться осторожнѣе. Скоро я услышалъ голосъ О'Бріэна и поспѣшно подошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ закрывъ лицо руками; я стоялъ около него, но онъ не замѣчалъ меня.

— О Питеръ! мой бѣдный Питеръ! говорилъ онъ. Такъ ты пойманъ наконецъ! Ужели я не могъ на одинъ часъ оставить тебя безъ того, чтобъ ты не погибъ? Какъ мнѣ жить безъ тебя? Бѣдный мой, бѣдный Питеръ! Простъ ты былъ, правда, да это-то я и любилъ въ тебѣ; я сдѣлалъ бы изъ тебя человѣка, Питеръ; ты заключалъ въ себѣ весь нужный на этотъ предметъ матеріалъ — и въ добавокъ еще славнаго человѣка, право! Куда мнѣ идти за тобой, Питеръ? Гдѣ могу я найти тебя? Въ эту минуту ты за крѣпкими замками, и всѣ мои труды пропали даромъ. Но я хочу быть запертъ также, Питеръ. Гдѣ ты, тамъ буду и я; мы не могли уйти вмѣстѣ въ Англію, ну, такъ воротимся вмѣстѣ въ эту проклятую яму, въ Живе.

О'Бріэнь умолялъ и залился слезами.

Я былъ очень тронутъ этимъ доказательствомъ его чисто-сердечнаго расположенія ко мнѣ и, приблизясь къ нему, заключилъ его въ свои объятія. Онъ взглянулъ на меня.

— Чего тебѣ, противная нѣмецкая непотребница? вскричалъ онъ.

Въ эту минуту, онъ совсѣмъ забылъ о моей женской одеждѣ, но вспомнивъ, бросилъ меня обнимать.

— Питеръ, сказалъ онъ, какъ ты утѣшилъ меня. Не найдя тебя и простынь, я, правду сказать, очень отчаялся. Что такое случилось?

Я рассказалъ ему все, какъ можно короче.

— Хорошо, Питеръ, я радъ, что нахожу тебя въ добромъ здоровьѣ и еще болѣе, что вижу, на тебя можно полагаться, когда ты остаешься одинъ; ты велъ себя, какъ нельзя лучше. Теперь я расскажу тебѣ, что дѣлалъ я. Я зналъ, что между Флюшингомъ и нами нѣтъ ни одного шинка; я обращалъ на это особое вниманіе, когда мы шли сюда. И такъ я отправился по мидельбургской дорогѣ и нашелъ только одинъ шинокъ, да и то наполненный солдатами. Я прошелъ мимо, но другаго не нашелъ. Когда я возвращался мимо того же шинка, одинъ изъ солдатъ вышелъ ко мнѣ, но я продолжалъ идти по дорогѣ. Онъ ускорилъ шагъ, я сдѣлалъ тоже самое, потому что чужалъ недоброе. Наконецъ, онъ нагналъ меня и заговорилъ по-нѣмецки; на это я не отвѣчалъ. Онъ схватилъ меня за воротъ, тогда я счелъ за нужное прикинуться глухо-нѣмымъ. Я указывалъ ему на ротъ, крича: ау — ау, потомъ на уши, покачивая головою; но онъ не убѣдился, и я слышалъ, что онъ заговорилъ что-то про Англичанъ. Тутъ я понялъ, что времени терять нечего; залился громкимъ смѣхомъ и остановился. Онъ попытался тащить меня, но я ударилъ его подъ-ноги и онъ упалъ на ледъ, хватившись съ такимъ трескомъ головою, что, думаю, и теперь еще не опомнится. Оставивъ его, я бросился бѣжать, не принеся съ собою ничего, чѣмъ бы мой Питеръ могъ наполнить свой голодный желудокъ. Теперь, Питеръ, что ты посоветуешь? Говорятъ, мудрое слово исходитъ иногда изъ устъ младенцевъ, а вѣдь ты, Питеръ, еще младенецъ.

— Не маленькій, однакожь, О'Бріанъ, хотя и не советъ такой большой, какъ младенецъ Фингала, исторію котораго ты мнѣ рассказывалъ. Мое мнѣніе: идти непремѣнно на ферму. Они помогутъ намъ, такъ согласятся, можетъ быть, помочь и теперь; если откажутъ, мы пойдемъ во Флюшингъ и предоставимъ судьбу свою случаю.

— Хорошо, заиѣтилъ О'Бріанъ, помолчавъ съ минуту; быть по твоему: лучше мнѣ, кажется, мы ничего не можемъ сдѣлать.

Мы пошли къ фермѣ и, приблизившись къ двери, встрѣтили огромную дворняжку. Я отступилъ назадъ, О'Бріэнъ, смѣло приблизился.

— Это умная собака; она узнаетъ насъ. Я подожду къ ней, прибавилъ онъ, продолжая идти къ дворняжкѣ, и поглажу ей морду; если она нападетъ на меня, то отъ этого хуже не будетъ, вѣдь она не позволитъ намъ воротиться. Говоря это, онъ приблизился къ собакѣ, оставившей на него сердитые глаза. Онъ погладилъ ее, она заворчала, но О'Бріэнъ обхватилъ ее шею, погладилъ еще разъ, свиснулъ, и подошелъ къ двери фермы. Собака, молча, но тѣсно слѣдовала за нимъ. О'Бріэнъ постучался, и маленькая дѣвочка отперла намъ дверь. Дворняжка приблизилась къ дѣвочкѣ, обернулась и, уставивъ глаза на О'Бріэна, казалось, спрашивала: «впустить его?» Дѣвочка проговорила что-то собакѣ и ушла за дверь. Собака растянулась на порогѣ. Черезъ нѣсколько секундъ вышла женщина, привезшая насъ изъ Флюшинга, и попросила войти. Она говорила очень хорошо по-французски и объявила, что, къ счастью, мужа ея нѣтъ дома и что намъ не присылали пищи, потому что прошлаго дня ея маленькая дочь, возвращаясь, встрѣтила волка, котораго едва-едва отогнала собака. Послѣ этого она уже боялась посылать ее одну; слышала, однакожъ, что волкъ сего-дня вечеромъ убитъ и намѣревалась завтра утромъ прислать къ намъ дѣвочку. Она прибавила, что волки едва извѣстны въ этой странѣ, но жестокая зима привела ихъ въ равнину; обстоятельство весьма рѣдкое, случающееся, можетъ быть, разъ въ двѣнадцать лѣтъ.

— Но какимъ образомъ прошли вы мимо собаки? спросила она, это удивило насъ съ дочерью.

О'Бріэнъ удовлетворилъ ея любопытству: это заставило ее воскликнуть, что «Англичане дѣйствительно *des braves* и что не одинъ еще не осмѣливался на это» Такъ думалъ и я, потому что самъ ни за что бы не рѣшился на такой поступокъ. О'Бріэнъ, рассказалъ ей со всѣми подробностями исторію смерти волка и объявилъ о нашемъ намѣреніи, если не представится лучшаго плана, воротиться во Флюшингъ.

— Я слышала Пьеръ Эвсташъ воротился домой вчерашній

день, отвѣчала женщина, и думаю, что вы будете тамъ без-опаснѣе, чѣмъ здѣсь: никто не станетъ искать васъ среди казармъ, близъ которыхъ находится его шинокъ.

— Вы поможете намъ перебраться туда?

— Посмотрю, что можно сдѣлать; но не голодны ли вы?

— Почти такъ, какъ люди, которые два дни ничего не ѣли.

— Mon Dieu c'est vrai. Мнѣ и въ голову не пришло этого; но люди съ полнымъ желудкомъ забываютъ тѣхъ, у кого онъ пустъ. Дай Богъ намъ исправиться и сдѣлаться челоувѣколюбивѣе!

Она заговорила по-нѣмецки съ маленькой дѣвочкой, и та не замедлила нагрузить столъ; мы съ своей стороны не замедлили его опустошить. Дѣвочка удивлялась нашей жадности, наконецъ начала смѣяться, хлопала въ ладоши при всякомъ новомъ кускѣ, который мы клали въ ротъ, и упрашивала насъ ѣсть еще. Она позволяла мнѣ цѣловать себя, но когда мать сказала ей, что я не женщина, она съ недовольнымъ видомъ оттолкнула меня. Къ пол-ночи мы уже крѣпко спали на лавкахъ у кухонной печи. На разсвѣтъ женщина разбудила насъ и поставила передъ нами хлѣба и водки; послѣ завтрака мы вышли на дворъ, гдѣ уже ожидала насъ телѣга, нагруженная овощами для рынка. Женщина, маленькая дѣвочка и я сѣли въ телѣгу, О'Брiанъ по прежнему повелъ лошадь подъ узцы, собака заключила шествиѣ. Мы узнали имя собаки; ее звали Ахилломъ и, казалось, она полюбила насъ. Мы безъ затрудненiй прошли страшную заставу, и чрезъ десять минутъ были уже въ шинкѣ Эвсташа. Мы тотчасъ же отправились въ маленькую комнатку мимо толпы солдатъ, изъ которыхъ двое ущипнули меня за подбородокъ. Здѣсь мы нашли самаго лодмана Эвсташа въ разговорѣ съ женой, предметомъ котораго, казалось, были мы. Повидимому, онъ не соглашался вмѣшиваться въ это дѣло; она настаивала.

— Ну, вотъ они сами, Эвсташъ; если ты ихъ выдашь, солдаты, которые видѣли, какъ они вошли, не повѣрятъ, чтобы это было въ первый разъ. Я предоставляю имъ хлопотать самимъ за себя; но слушай, Эвсташъ, я трудилась для выгоды твоей день и ночь въ шиннѣ; если ты откажешься оказать эту услугу мнѣ и моему семейству, я не стану болѣе содержать для тебя шинка.

Съ этими словами мадамъ Эвташъ вышла изъ комнаты, въ сопровожденіи свояченицы и маленькой дѣвочки; О'Бріанъ, тотчасъ же подошелъ къ Эвташу.

— Обѣщаю вамъ, сказалъ онъ, сотню луидоровъ, если вы посадите насъ на берегъ Англій или на бортъ какого-нибудь англійскаго военнаго корабля, а если вы успѣете сдѣлать это въ теченіи недѣли, прибавлю еще двадцать.

О'Бріанъ вынулъ пятьдесятъ наполеондоровъ, которые дала намъ Целеста, и разложилъ ихъ на столѣ.

— Вотъ вамъ задатокъ, въ доказательство, что я говорю серьезно. Скажите, выгодно это вамъ?

— Я никогда не слыхивалъ, чтобы бѣдный человѣкъ могъ устоять противъ доводовъ своей жены, подкрѣпляемыхъ сто двадцатью луидорами, сказалъ, улыбаясь, Эвташъ и забралъ деньги со стола.

— Надѣюсь, вы не откажетесь отправиться сегодня же ночью? Это доставитъ вамъ еще десять луидоровъ, сказалъ О'Бріанъ.

— Постараюсь заслужить ихъ, отвѣчалъ Эвташъ. Чѣмъ скорѣй мы отправимся, тѣмъ лучше; я не могу долго скрывать васъ здѣсь. Эта молодая бабенка, полагаю, вашъ товарищъ, о которомъ мнѣ говорила жена. Онъ рано началъ трудную жизнь. Садитесь-ка и поговоримте; до вечера намъ нечего дѣлать.

О'Бріанъ разсказалъ ему всѣ событія, относящіяся до нашего побѣга. Когда рѣчь зашла о заблужденіи, въ которомъ пахотилась его жена, касательно услуги, будто бы оказанной нами ея семейству, онъ расхохотался, до упаду.

— Прежде я неохотно соглашался помогать вамъ, но теперь я готовъ, именно потому, что это дастъ мнѣ поводъ посмѣяться надъ женой, когда возвращусь. Всякій разъ, какъ она будетъ требовать моей помощи по просьбѣ своихъ родственниковъ, я буду напоминать ей этотъ анекдотъ; но, впрочемъ, она хорошая женщина и добрая жена, только слишкомъ ужъ любить своихъ сестеръ.

Вечеромъ онъ одѣлъ насъ въ матросскія куртки и шаровары и приказалъ бодро слѣдовать за собой. Онъ повелъ насъ мимо часовыхъ, которые знали его очень хорошо.

— Что, ужь опять въ море? сказалъ одинъ изъ нихъ. Видно съ женой поссорился.

Солдаты расхохотались, и мы прошли. Мы пришли на берегъ, вскочили въ маленькій ботинокъ Эвсташа, причалили къ его кораблю, и чрезъ нѣсколько минутъ снялись съ якоря.

Съ помощію сильнаго течения и благопріятнаго вѣтра мы скоро вышли изъ Шельды и къ утру завидѣли кутерь. Мы понеслись къ нему, стали ему подъ вѣтеръ, и О'Бріэнъ закричалъ, чтобъ спустили ботъ. Эвсташъ, получивъ отъ меня вексель на остальные деньги, пожелалъ намъ успѣха. Мы пожали другъ другу руки и чрезъ нѣсколько минутъ снова увидѣли себя подъ покровительствомъ британскаго флага.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Приключенія дома. — Я знаколюсь съ дядушкой. — Онъ прискиваетъ мѣсто О'Бріэну и мнѣ на фрегатѣ.

Едва мы поднялись на палубу кутера, какъ командовавшій лейтенантъ съ важнымъ видомъ предложилъ намъ вопросъ, кто мы таковы. О'Бріэнъ отвѣчалъ, что мы Англичане, бѣжавшіе изъ плѣна.

— А, мичманы, я полагаю, возразилъ лейтенантъ; я слышалъ, какіе-то мичманы пытались спастись.

— Мое имя, сэръ, отвѣчалъ О'Бріэнъ, — лейтенантъ О'Бріэнъ, и если вы пошлете за газетами, я буду имѣть честь указать вамъ мѣсто, которое это доказываетъ. Этотъ молодой джентльменъ мистеръ Питеръ Синплъ, мичманъ и внукъ его сіятельства лорда виконта Привиледжа.

Лейтенантъ, маленький, курносый человѣчекъ, съ угростымъ лицомъ, тотчасъ же измѣнился въ обращеніи и просилъ насъ войти въ каюту, гдѣ предложилъ намъ англійскаго сыру и портеру, которые, въ это время, показались намъ необыкновеннымъ лакомствомъ.

— Сложите, пожалуйста, сказалъ онъ, не видали ли вы одного изъ моихъ офицеровъ, попавшагося въ плѣнъ, когда меня посылали съ депешами къ флоту Средиземнаго моря?

— Позвольте сначала узнать названіе вашего кораблика? сказалъ О'Бріэнъ.

— Снэшеръ, отвѣчалъ лейтенантъ.

— А, мы съ нимъ встрѣтились. Онъ посланъ въ Вердюнь, но мы имѣли честь пользоваться его обществомъ дорогою до Мехельна. Такой замѣчательно-прекрасный, чисто одѣтый молодой человекъ: не правда ли?

— Я, право, ничего не могу сказать насчетъ его красоты; въ этомъ я не судья. Что до одежды, то ему бы слѣдовало хорошо одѣваться, хоть этого съ нимъ никогда не случалось на борту моего корабля. Его отецъ мой портной, и я принялъ его въ мичманы, чтобъ уладить кой-какіе счеты между нами.

— Я такъ и думалъ, отвѣчалъ О'Бріэнъ.

Онъ не распространялся болѣе насчетъ этого предмета, чему я былъ очень радъ, такъ какъ лейтенанту непріятно было бы услышать то, что произошло между нами.

— Когда надѣетесь вы войти въ гавань? спросилъ О'Бріэнъ; мы страстно желаемъ вступить поскорѣе на берегъ Старой Англіи.

Лейтенантъ отвѣчалъ, что его крейсировка почти кончилась и что онъ считаетъ наше прибытіе достаточною причиною немедленнаго возвращенія въ Англію, вслѣдствіе чего и подыметъ руль, лишь только экипажъ пообѣдаетъ. Мы очень обрадовались, услышавъ о такомъ намѣреніи, и еще болѣе, когда чрезъ полчаса оно осуществилось.

Черезъ три дня мы бросили якорь у Спитгиды и вышли на берегъ съ цѣлю отправиться вмѣстѣ съ лейтенантомъ къ адмиралу. Съ какимъ восторгомъ я вступилъ на набережную Сэллпорта и съ какой поспѣшностію бросился на почту, чтобъ вложить длинное письмо, написанное мною матери! За неизмѣнимъ порядочнаго платья, мы не представлялись адмиралу, а рапортовались только въ его канцелярію; но въ Мерейдите мы поспѣшили призвать портнаго, который обѣщалъ къ слѣдующему утру вполне обмундировать насъ. Заказавъ потомъ новыя шляпы и все, что было нужно, мы отправились въ гостиницу Фонтанъ. О'Бріэнъ не хотѣлъ остановиться

въ гостиницѣ Голубыхъ Столбовъ подѣ предлогомъ, что это пристанище однихъ мичмановъ. На слѣдующее утро въ одиннадцать часовъ мы могли уже представиться адмиралу, который принялъ насъ очень ласково и пригласилъ къ себѣ обѣдать. Не имѣя на мѣренія отправляться домой до получения отвѣта отъ матери, я, конечно, принялъ предложеніе.

За обѣдомъ было множество морскихъ офицеровъ и дамъ, которые всѣ очень забавлялись расказами О'Бріэна.

Когда дамы вышли изъ-за стола, жена адмирала пригласила меня къ себѣ; мы пришли въ гостиную, дамы окружили меня, и я принужденъ былъ разсказывать имъ свои похождения, которыя очень заинтересовали ихъ. На слѣдующее утро я получилъ отъ матери очень нѣжное письмо, которымъ она приглашала меня пріѣхать, какъ можно скорѣе, домой и привезти съ собой моего *защитника* О'Бріэна. Я показалъ его О'Бріэну и спросилъ, желаетъ ли онъ ѣхать со мною.

— Питеръ, сынъ мой, сказалъ онъ, у меня есть здѣсь дѣльце нѣкоторой важности; а именно, мнѣ нужно получить запоздавшее жалованье и кой-какія, слѣдующія мнѣ, призовыя деньги.

Устроивъ это дѣло, я сначала отправлюсь засвидѣтельствовать мое почтеніе старшему лорду адмиралтейства, а потомъ, надѣюсь, пріѣду познакомиться съ твоимъ отцемъ и матерью. Къ собственнымъ своимъ роднымъ я не поѣду, пока не увижу, какъ обдѣлались дѣла и могу ли ѣхать къ нимъ съ кой-какими лишними деньжонками въ карманѣ. Напиши мнѣ твой адрессъ, и будь увѣренъ, я пріѣду, хоть для того только, чтобы разсчитаться съ тобой; я таки у тебя порядочно въ долгу.

Получивъ деньги на вексель, присланный мнѣ отцемъ, я въ ту же ночь отправился въ дилижансѣ и вечеромъ слѣдующаго дня благополучно прибылъ домой. Предоставляю читателю вообразить себѣ происшедшую при этомъ сцену: мать всегда любила меня, а въ глазахъ отца меня возвысили обстоятельства; я былъ теперь его единственнымъ сыномъ, и виды его на меня совершенно нѣмѣнились. Недѣлю спустя, къ намъ пріѣхалъ О'Бріэнъ, покончившій свои дѣла. Первымъ дѣломъ его было разсчитаться съ моимъ отцемъ за свою долю издержекъ; онъ непремѣнно хотѣлъ заплатить

также половину пятидесяти наполеондоровъ, данныхъ мнѣ Целестю, которые вмѣстѣ съ благодарственными письмами отъ моего отца на имя полковника О'Бріэна и отъ меня на имя маленькой Целесты, еще до прибытія О'Бріэна были отосланы къ одному банкиру въ Парижѣ. Пробывъ у насъ около недѣли, О'Бріэнъ объявилъ мнѣ, что онъ имѣетъ сто шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ въ карманѣ и намѣренъ повидаться съ своими родными, будучи при такихъ обстоятельствахъ, увѣренъ въ радушномъ приѣмѣ даже со стороны патера М'Грата.

— Я намѣренъ пробытъ у нихъ около двухъ недѣль, а потомъ вернусь приписывать себѣ мѣсто. Ну, Питеръ, хочешь ты остаться подъ моимъ покровительствомъ?

— О'Бріэнъ, если отъ меня будетъ зависѣть, я никогда не покину тебя и твоего корабля.

— Ты говоришь, какъ чувствительный человѣкъ, Питеръ. Хорошо; мнѣ общались вскорѣ мѣсто, и я увѣдомлю тебя, лишь только мнѣ исполнять обѣщаніе.

О'Бріэнъ простился съ моимъ семействомъ, которое уже успѣло полюбить его, и въ тотъ же день отправился въ Голигидъ. Отецъ мой теперь уже не обращался со мной какъ съ ребенкомъ, да и несправедливо было бы, если бы онъ поступалъ иначе.

Я не говорю, чтобы я сдѣлался умнымъ малымъ, но я успѣлъ въ короткое время видѣть многое въ свѣтѣ и могъ дѣйствовать и думать самъ собою. Онъ часто разговаривалъ съ мной о своихъ видахъ, которые очень измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Оба мои дяди, его старшіе братья, умерли; третій былъ женатъ, но имѣлъ только двухъ дочерей. Если у него не будетъ сына, мой отецъ наследуетъ титулъ. Смерть старшаго брата Тома приблизила и меня къ этому наследству.

Мой дѣдъ, лордъ Привиледжъ, не заботившійся прежде о томъ, чтобы отцѣ и развѣ изрѣдка только присылавшій ему въ подарокъ корзину дичи, въ послѣднее время началъ часто приглашать его къ себѣ и изъявилъ даже желаніе познакомиться *какъ-нибудь* съ его женой и дѣтьми. Онъ сдѣлалъ даже значительное прибавленіе къ доходамъ моего отца, такъ-какъ смерть дядей давала ему на это средства; но какъ бы на зло всему этому, мы слышали, что

жена дяди моего была снова въ родахъ. Не могу сказать, чтобы я съ удовольствіемъ слышалъ, какъ отецъ мой разсчитывалъ все вѣроятности этого послѣдняго обстоятельства; мнѣ казалось, что не только, какъ человѣкъ, но еще болѣе какъ духовное лицо, онъ заслуживалъ этимъ сильнаго порицанія, но тогда еще я слишкомъ мало зналъ свѣтъ. Цѣлые два мѣсяца мы ничего не слышали объ О'Бріентѣ; наконецъ получили письмо, въ которомъ онъ писалъ, что видѣлся съ своимъ семействомъ и купилъ для него нѣсколько десятинъ земли, чѣмъ оно осталось очень довольны; что онъ уже цѣлый мѣсяцъ въ городѣ хлопочетъ о мѣстѣ, но никакъ не можетъ получить его, хотя обѣщанія сыплются одно за другимъ.

Спустя нѣсколько дней, отецъ мой получилъ записку отъ лорда Привилэджа, въ которой лордъ просилъ его пріѣхать на нѣсколько дней къ нему и привезти съ собой своего сына Питера, бѣжавшаго изъ французской тюрьмы. Приглашеніемъ такого рода нельзя было, конечно, пренебрегать, и мы приняли его тотчасъ же. Я долженъ признаться, что чувствовалъ къ моему дѣдушкѣ нѣкотораго рода страхъ; онъ держалъ наше семейство всегда въ такомъ разстояніи отъ себя, что имя его упоминалось болѣе съ уваженіемъ, нежели съ чувствомъ родственной любви; но теперь я уже кое-что узналъ. Мы прибыли въ Игль-паркъ, пышное помѣстье, служившее ему мѣстопробываніемъ, и были встрѣчены дюжиною слугъ въ ливреяхъ и безъ ливрей. Мы вошли.

Лордъ находился въ своей библіотекѣ, огромной комнатѣ, стѣны которой были уставлены красивыми книжными шкапами и сидѣлъ въ покойныхъ креслахъ. Болѣе почтеннаго, красиваго стараго джентльмена я никогда не видывалъ; его сѣдые волосы спускались по обомъ вискамъ и сзади были связаны въ пучокъ. Когда объ насъ доложили, онъ всталъ и поклонился; моему отцу были поданы два пальца, мнѣ только одинъ; но невозможно описать изящества манеры, съ которой это было сдѣлано. Онъ указалъ рукою на стулья, поставленные *джентльменомъ* безъ ливрей, и просилъ насъ садиться. Въ это время я вспомнилъ мистера Чукса, боцмана, и его столь справедливыя замѣчанія, касательно знатнаго происхожденія; при мысли, что мистеръ Чуксъ нѣкогда обѣдалъ съ лордомъ Привилэжемъ, я внутренно улыбнулся. Лишь только слуги вышли изъ комнаты, разстояніе, въ которомъ дѣдушка держалъ насъ

отъ себя, тотчасъ же исчезло. Онъ предложилъ мнѣ множество вопросовъ и, казалось, былъ доволенъ моими отвѣтами; но онъ постоянно называлъ меня «дитя.» Поговоривъ съ полчаса, отецъ мой всталъ, подъ предлогомъ, что его сіятельство, вѣроятно, имѣетъ какія-нибудь дѣла и объявилъ, что, въ ожиданіи обѣда, мы пойдёмъ погулять въ паркъ. Мой дѣдушка всталъ, и мы исполнили что-то въ родѣ церемоніи окончательнаго прощанья, хотя однакожь это не было окончательное прощанье, а какой-то высокой тоной, въ которомъ просвѣчивалось уваженіе себя и другихъ. Что касается до меня, я былъ доволенъ первымъ свиданіемъ и сказалъ объ этомъ отцу, лишь только мы вышли изъ комнаты.

— Милый мой Питеръ, отвѣчалъ онъ, твой дѣдушка занятъ одной идеей, которая поглощаетъ въ немъ всё прочія — царство, помѣстья, происхожденіе по прямой линіи. Пока твои дяди жили, объ насъ не думали, такъ какъ мы не стояли въ ряду наследниковъ; теперь объ насъ вспомнили, благодаря обстоятельству, что у дяди твоего Уильяма только дочери. Впрочемъ и теперь все-таки на насъ смотрятъ не какъ на настоящихъ, а какъ на близкихъ наследниковъ титула. Еслибъ твой дядя умеръ сегодня, обращеніе съ нами измѣнилось бы непосредственно.

— Это значитъ, что вамъ вмѣсто *двухъ пальцевъ* протянули бы всю руку, а меня, вмѣсто *одного*, удостоили бы *двухъ*.

Отецъ мой залился чистосердечнымъ смѣхомъ.

— Ты мѣтко попалъ въ цѣль, Питеръ. Удивляюсь, какъ мы были такъ слѣпы, что считали тебя глупѣйшимъ въ семействѣ.

На это я не возражалъ, потому что трудно было возражать, не униживъ другихъ, или самого себя. Я перемѣнилъ разговоръ, начавъ расхваливать красоты парка и великолѣпныхъ построекъ, которыми онъ былъ украшенъ.

— Да, Питеръ, отвѣчалъ со вздохомъ мой отецъ, тридцать пять тысячъ годового дохода съ земли, сверхъ того капиталъ и построекъ, по крайней мѣрѣ на сорокъ тысячъ, — этими вещами нельзя пренебрегать. Но все въ волѣ Божіей.

Послѣ этого замѣчанія отецъ мой, казалось, погрузился въ глубокую думу, и я не прерывалъ его.

Мы пробыли десять дней у дѣдушки. Въ продолженіе этого времени, онъ нерѣдко послѣ завтрака удерживалъ меня при себѣ и заста-

вляялъ разсказывать мои приключенія; мнѣ право кажется, что онъ очень полюбилъ меня. За день до моего отъезда онъ сказалъ мнѣ:

— Ты отправляешься завтра, дитя; скажи мнѣ, чего ты хочешь; я намѣренъ дать тебѣ доказательство моего благорасположенія. Не бойся, говори чего тебѣ надобно? часовъ съ печатками, или—ну, чего ты желаешь?

— Милордъ, отвѣчалъ я, если вы хотите оказать мнѣ милость, то попросите старшаго лорда адмиралтейства помѣстить лейтенанта О'Бріэна на какой—нибудь хорошій фрегатъ, а для меня, въ то же время, попросите мѣсто мичмана.

— О'Бріэнъ! возразилъ милордъ, сколько я помню, это тотъ, который бѣжалъ съ тобой изъ Франціи; изъ разсказа твоего видно, что это твой вѣрный другъ. Мнѣ нравится твоя просьба, дитя мое: она будетъ исполнена.

Его сіятельство приказалъ мнѣ подать бумага и чернилицу, написалъ подъ мою диктовку письмо, запечаталъ его и сказалъ, что пришлетъ отвѣтъ. На слѣдующій день мы выѣхали изъ Игльпарка; лордъ пожелалъ моему отцу счастливаго пути, но преждемъ протянувъ ему два пальца, а мнѣ одинъ.

— Я доволенъ тобой, дитя, сказалъ онъ мнѣ; можешь писать по временамъ.

На дорогѣ къ дому отецъ замѣтилъ, что я такъ далеко зашелъ въ расположеніе моего дѣдушки, какъ не удавалось еще никому! Его позволеніе писать, равняется десяти тысячамъ фунтовъ въ завѣщаніи; онъ никого не обманываетъ и никогда не измѣняется въ своихъ чувствахъ.

Я возразилъ, что желалъ бы имѣть эти десять тысячъ фунтовъ, но я не такъ жаденъ, чтобъ изъ—за нихъ желать его смерти.

Спустя нѣсколько дней по возвращеніи домой, я получилъ записку отъ лорда Привиледжа со вложеннымъ въ нее письмомъ. Содержаніе записки было слѣдующее:

«Милое дитя мое, посылаю тебѣ отвѣтъ лорда, изъ котораго ты узнаешь все. Поклонъ отъ меня твоему семейству.

Твой и пр.

Привиледжъ.»

Другое письмо было отъ старшаго лорда адмиралтейства, которымъ онъ увѣдомлялъ, что назначилъ О'Бріэна на фрегатъ

Санглиз, а меня туда же мичманомъ. Я съ восхищеніемъ отослалъ это письмо О'Бріэну, и черезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ, въ которомъ онъ благодирилъ меня и увѣдомлялъ, что уже помѣщенъ, и, что я могу остаться дома еще на цѣлый мѣсяць, такъ какъ корабль нашъ въ поправкѣ. «Но, прибавлялъ онъ, если ты надоѣлъ уже своему семейству, что случается иногда въ самыхъ благоустроенныхъ семействахъ, то пріѣзжай въ Портсмуть, гдѣ ты можешь поучиться немножко своей обязанности.» Онъ оканчивалъ просьбою кланяться всему моему семейству и засвидѣтельствовать его любовь дѣдушкѣ. Последняго обстоятельства я, конечно, не помѣстилъ въ благодарственномъ письмѣ, адресованномъ мною на имя лорда. Мѣсяць спустя, я получилъ другое письмо отъ О'Бріэна, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что корабль стоитъ совсѣмъ готовый въ гавани и чрезъ нѣсколько дней броситъ якорь при Спитгидѣ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Капитанъ и мистрисъ Ту. — Свирина. — Мы отправляемся въ Плимуть и встречаемся съ нашимъ прежнимъ капитаномъ.

Я тотчасъ же простился съ моимъ семействомъ и отправился въ Портсмуть; спустя два дня, я прибылъ въ гостиницу Фонтанъ, гдѣ ожидалъ меня О'Бріэнь.

— Питеръ, сынъ мой, сказалъ онъ, пойдемъ въ мою комнату; тамъ мы будемъ одни, и я сообщу тебѣ кой-что насчетъ нашего корабля и новаго капитана. Начну съ корабля, какъ съ самаго важнаго изъ двухъ: онъ воплощенная красота. Я не помню какъ онъ прозывался до взятія его нами въ плѣнь, но Французы лучше умѣютъ строить корабли, чѣмъ отстаивать. Теперь онъ прозывается Санглиз, что значитъ Кабанъ, и, клянусь, — это дѣйствительно свиной корабль, какъ ты сейчасъ самъ увидишь. Имя капитана очень коротко и не понравилось бы мистеру Чуксу; оно состоитъ

изъ двухъ буквъ Т и У, что составляетъ Ту. Кажется, какъ будто бы кто-то отсѣкъ отъ этого имени лучшую его половину и оставилъ только начало; впрочемъ, это очень удобное имя, чтобы подписываться при выдачѣ жалованья экипажу. Теперь я опишу тебѣ видъ этой морской машины. Капитанъ построенъ на манеръ нѣмецкаго шунта: высокъ въ кнѣсѣ и широкъ въ трюмѣ.

Въ послѣднихъ двухъ корабляхъ, которыми онъ командовалъ, онъ хлопоталъ о томъ, чтобъ боковыя галлерей были сдѣланы, какъ можно шире. Въсу въ немъ по крайней мѣрѣ пудовъ шесть. Онъ очень тихаго характера, страшно не обтесанъ, не похожъ ни на офицера, ни на простаго матроса; за то за столомъ никто не превосходитъ его въ доблести. Но недостаточно сказать объ немъ одною; съ нимъ живетъ жена на кораблѣ, леди, очень похожая на копченую селедку и чрезвычайно скучная. Всего несноснѣе то, что она держитъ на борту фортепяно, страшно разстроенное, и играетъ на немъ безъ всякаго такта; кошачье мауканье — музыка въ сравненіи съ ея игрой.

Когда она беретъ высокія ноты, даже капитанская собака начинаетъ выть. Тѣмъ неменѣе она разыгрываетъ тонкую женщину и угощаетъ офицеровъ музыкой каждый разъ, какъ они обѣдаютъ въ каютѣ, что заставляетъ ихъ уходить, какъ можно поспѣшнѣе.

— А я думалъ, О'Бріанъ, женамъ не позволяется жить на корабляхъ.

— Это правда, но это-то и составляетъ худшую черту въ характерѣ капитана: онъ знаетъ, что запрещено жить съ женами на кораблѣ, а потому никому не говоритъ, что она его жена и ни съ кѣмъ не знакомитъ ее на берегу. Если кто-нибудь изъ прочихъ капитановъ спрашиваетъ его, какъ поживаетъ мистрисъ Ту. «Превосходно отвѣчаетъ онъ, благодарю васъ» — и при этомъ улыбается, такъ, будто хочетъ сказать: «она мнѣ не жена». Хоть всякій знаетъ, что она жена его, но, по его мнѣнію, лучше заставить думать со всѣмъ другое, чѣмъ подвергаться расходамъ, какихъ потребовало бы содержаніе ея на берегу. Тебѣ вѣдь извѣстно, Питеръ, что хоть у насъ есть постановленія относительно женъ, но относительно прочихъ женщинъ нѣтъ никакихъ.

— А жена его развѣ этого не знаетъ? спросилъ я.

— Я убѣжденъ, что она сообщница въ этомъ дѣлѣ. Носятся слухи, будто бы она скупа до крайности; она вѣчно выпрашиваетъ подарки у офицеровъ, потому что на дѣлѣ—то, командуетъ кораблемъ она, а не мужъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, О'Бріэнъ, все это представляетъ намъ не очень—то пріятную перспективу.

— Тсъ! погоди немного; конецъ будетъ всему дѣлу вѣнецъ. Этотъ капитанъ Ту крайне страстный охотникъ до свинины, и у насъ столько же свиней на борту, сколько фунтовъ въ баластъ (*). Старшій лейтенантъ чуть не съ ума сходитъ отъ этого. Въ то же время капитанъ никому не позволяетъ имѣть свиней, изъ опасенія, чтобъ чужія не перемѣшались съ его собственными. Хлевы полны свиней; оба коровьи хлева, взятые съ верфи и находящіеся на большой палубѣ около пушекъ, обращены въ свинные; обѣ овчарни, что въ серединѣ корабля, тоже заняты свиньями; птичникъ раздѣленъ на клѣтки для четырехъ супоросыхъ свиней. Ты самъ знаешь, Питеръ, содержать свиней на борту огромнаго фрегата, при такомъ количествѣ гороховаго отвара и гороху, ровно ничего не стоитъ, другой же провизіи у насъ нѣтъ никакой. Утромъ первыиъ дѣломъ его осматривать, въ сопровожденіи мясника, свиней, пощупать одну, почесать грязное ухо другой, и потомъ раздѣлять ихъ по разрядамъ: одна предназначается на окорока, другая на свинину, третья на поддержаніе свиной породы и т. д. Старшій боровъ все еще находится въ хлеву гостинницы, но я слышалъ, и онъ поступитъ на бортъ, лишь только придетъ приказъ къ отплытію: онъ слишкомъ дикъ, а потому его хотятъ продержатъ на берегу до послѣдней минуты. Это хрюканье свиней, это дребезжанье фортепянь капитанской супруги можетъ, право, съ ума свести. Пойдешь на корму, тебѣ надоѣдаетъ одно, къ носу — дереть уши другое; по мнѣнію капитана и его жены, все это очаровательно. Ну, скажи, не досадно ли, что такой прекрасный фрегатъ обращенъ въ свиной хлевъ и что на его большой палубѣ воняетъ хуже, чѣмъ отъ навозной кучи?

— Но какъ же его жена примиряется съ мыслию питаться одною свининой?

(*) Въ подлинникъ здѣсь непереводимый каламбуръ, основанный на двоякомъ значеніи слова pig: свинья, и названіи одной изъ англійскихъ мѣръ тяжести.

— Она! Помилуй Богъ, Питеръ! она скупа, какъ акула, и обладаетъ точь въ точь такимъ же аппетитомъ; она упрячетъ чепырехъ-фунтовой кусокъ свинины, прежде чѣмъ ты успѣешь хорошенько уложить его на блюдѣ.

— Нѣтъ ли другаго такого же забавнаго извѣстія?

— Нѣтъ, Питеръ; я рассказалъ уже самое худшее. Лейтенанты хорошіе офицеры и веселые товарищи, докторъ немного страненъ, казначей считаетъ себя острякомъ, шкиперъ, старый Шотландецъ, знаетъ свое дѣло и любитъ выпить стаканчикъ грогу, мичманы сборъ прекрасныхъ молодыхъ людей, полныхъ веселости и юмора. Паря держу, что скоро наступитъ моръ въ свиномъ хлеву: онъ созрѣлъ для несчастія. Теперь, Питеръ, едва ли есть надобность говорить тебѣ, что моя каюта и все, что я имѣю, къ твоимъ услугамъ. Дай Богъ только хорошаго вѣтра или жаркой стычки съ неприятелемъ и свиньи и фортепяно отправятся за бортъ.

На слѣдующій день я прибылъ на корабль и отправился въ каюту представиться капитану. Мистрисъ Ту, высокая, худощавая женщина, сидѣла за фортепіано. При входѣ моемъ она встала и закидала меня вопросами — кто мои родственники, сколько они назначили мнѣ въ годъ жалованья — и кучу другихъ вопросовъ, показавшихся мнѣ дерзкими; но женѣ капитана позволятельны вольности. Наконецъ она спросила меня люблю ли я музыку? Отвѣтъ былъ затруднителенъ: сказать люблю, она, по всѣмъ вѣроятностямъ, принудила бы меня слушать ее, сказать нѣтъ — рисковать не понравится ей. Я отвѣчалъ, что очень люблю музыку на берегу, когда она не перерывается никакимъ постороннимъ шумомъ.

— А, такъ вы, я вижу, настоящій любитель, мистеръ Симплъ, отвѣчала леди.

Въ это время капитанъ Ту, полуодѣтый, вышелъ изъ задней комнаты.

— А, такъ вы наконецъ прибыли, мичманъ. Приходите къ намъ обѣдать; да на пути къ вашему отдѣленію прикажите-ка часовому позвать ко мнѣ мясника — мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Я поклонился и вышелъ. Я былъ дружески встрѣченъ офицерами товарищами, которыхъ О'Бріанъ расположилъ въ мою пользу еще до моего пріѣзда. Въ морской службѣ вы всегда найдете мо-

людыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій на борту большихъ фрегатовъ, такъ какъ этотъ родъ кораблей предпочитается всеѣмъ прочимъ. Все мои товарищи были джентльмены, за исключеніемъ одного или двухъ, и я никогда не встрѣчалъ вмѣстѣ столькихъ молодыхъ сорванцовъ. Я сѣлъ съ ними обѣдать, хотя и былъ приглашенъ обѣдать въ каюту; но морской воздухъ возбуждалъ во мнѣ аппетитъ.

— Вѣдь вы обѣдаете сегодня въ каютѣ, Симиль? сказалъ провіантмейстеръ.

— Да, отвѣчалъ я.

— Ну, такъ не ѣшьте свинины, мой милый, у васъ будетъ довольно ея. Наполните ваши стаканы, джентльмены, и выпьемте за счастье нашего поваго товарища; а кто пьетъ за его счастье, тотъ этимъ самымъ обязуется содѣйствовать ему.

— Я держу также этотъ тостъ, сказалъ О'Бріэнъ, входя въ отдѣленіе мичмановъ. Что такое вы пьете?

— Кое-что, чѣмъ мы запаслись въ Кальерскомъ портѣ. Мальчикъ, подай стаканъ мистеру О'Бріэну.

— За твое здоровье, Питеръ, желаю тебѣ не попасться во французскую тюрьму въ настоящую крейсировку. Мистеръ Монтаю, прошу васъ, какъ провіантмейстера, прикажите подать другую свѣчу, чтобъ видно было, что у васъ на столѣ, тогда, можетъ быть, и я зацѣплю чего-нибудь кусочекъ.

— Вотъ кончикъ бараньей ноги, мистеръ О'Бріэнъ, и вотъ кусокъ вареной свинины.

— Ну, такъ я попрошу у васъ кусочекъ ножки вплоть до сустава. Питеръ, ты обѣдаешь въ каютѣ и я также, — докторъ отказался.

— Вы не слышали, когда мы отправимся въ путь, мистеръ О'Бріэнъ? спросилъ одинъ изъ моихъ товарищей.

— Я слышалъ въ канцеляріи адмирала, что насъ назначать въ Плимутъ, гдѣ, какъ думаютъ, мы получимъ приказъ плыть въ Западную или Восточную Индію. Да и дѣйствительно, огромные запасы наши означаютъ, что намъ предстоитъ дальнее путешествіе; капитанъ только-что выкинулъ знакъ, — вѣроятно, адмиралъ сообщитъ намъ что-нибудь новое.

Часъ спустя, капитанъ воротился красный, какъ ракъ; онъ отозвалъ старшаго лейтенанта отъ прочихъ офицеровъ, встрѣтившихъ его на казубѣ, и сообщилъ ему, что мы отправляемся въ Плавутъ на слѣдующее утро, откуда, какъ объявилъ ему адмиралъ, насъ пошлютъ въ Западную Индію съ конвоемъ, который еще не собрался. Казалось, онъ ужасался мысли отправиться на обѣдъ крокодиламъ, и, дѣйствительно, при его тучности, климатъ Индіи былъ для него очень нездоровъ. Эта новость тотчасъ же распространилась по кораблю, и, какъ водится, начался страшный хлопотъ и приготовленія. Докторъ, отказавшійся обѣдать въ каютѣ, подъ предлогомъ нездоровья, приказалъ сказать, что ему гораздо лучше и что онъ съ удовольствіемъ принимаетъ приглашеніе. Такимъ образомъ, когда мы вошли въ каюту, старшій лейтенантъ, О'Бріэнъ и я, то къ намъ вскорѣ присоединился и докторъ. Мы сѣли за столъ и сняли съ приборовъ салфетки; какъ предсказывали мичманы, тутъ было пропасть свинины: черепаховый супъ съ свиной головой, вареная свинья ножки и гороховый пуддингъ, жареный свиной бокъ, посыпанный сухарями, сосиски съ картофелемъ, пороссячьи ножки. Не могу сказать, чтобъ мнѣ не понравился этотъ обѣдъ; но я былъ очень удивленъ, когда вмѣсто десерта поданъ былъ поросенокъ. Всего же удивительнѣе было количество, какое подавала мистрисъ Ту: она переходила отъ вареной свинины къ жареной, спрашивала пороссячьихъ ножекъ, пробовала сосисокъ, и закончила полной тарелкой фаршированного поросенка. Подъ конецъ всего, подали яблочный тортъ, но какъ передъ тѣмъ мы ѣли яблочный соусъ съ жареной свиной, то на тортъ не обратили вниманія. Докторъ, ненавидѣвшій свинину, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и былъ до крайности внимателенъ къ мистрисъ Ту.

— Не хотите ли вы кусочекъ жареной свинины, докторъ? спросилъ капитанъ.

— Какъ же, капитанъ Ту. Если вѣрять молвѣ, мы отправляемся въ такую страну, гдѣ у насъ не будетъ свинины; а потому я не откажусь отъ нея: я до нея такой охотникъ.

— Что вы говорите? вскричали въ одинъ голосъ капитанъ и его супруга.

— Можетъ быть, дошедшій до меня слухъ ложенъ, возразилъ докторъ; но я слышалъ, будто бы насъ отправляютъ въ Западную

Индію. Если это правда, то всякому извѣстно, что хотя здѣсь мы безъ вреда ѣдимъ свѣжую свинину, но во всѣхъ тропическихъ странахъ, въ особенности же въ Западной Индіи, пища эта производитъ неминуемо кровавый поносъ, крайне вредный при тамошнемъ климатѣ.

— Право? спросилъ капитанъ.

— Вы не шута говорите? отозвалась леди.

— Серьезно. Я именно по этой причинѣ всегда избѣгалъ Западной Индіи, — я такой охотникъ до свинины.

Тутъ докторъ привелъ въ примѣръ около сотни своихъ товарищей и моряковъ, подвергшихся въ Западной Индіи кровавому поносу отъ употребленія свѣжей свинины. О'Бріэнъ, понявъ штуку доктора, и началъ подкрѣплять его, рассказывая съ своей стороны также пропасть поразительныхъ случаевъ, касательно страшныхъ послѣдствій употребленія свинины въ жаркихъ климатахъ.

Между прочимъ онъ рассказалъ, что не задолго до взятія нами Мартиники, осажденные Французы были доведены до необходимости питаться одной свининой, и что вслѣдствіе этого, изъ тысячи семисотъ солдатъ и офицеровъ, въ теченіе какихъ-нибудь трехъ недѣль, умерло тысяча триста, а остальные были такъ ослаблены болѣзнію, что принуждены были сдаться. Тутъ докторъ перемѣнилъ разговоръ и заговорилъ о желтыхъ горячкахъ и прочихъ болѣзняхъ жаркаго климата, такъ что, по его словамъ, острова Западной Индіи, не что иное, какъ госпитали, въ которые отправляются умирать. Кто крѣпче здоровѣе, тотъ всего скорѣе подвергается тамошнимъ болѣзнямъ; люди же слабые скорѣе всѣхъ могутъ надѣяться избѣгнуть опасности.

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ до тѣхъ поръ, пока встали изъ-за стола; мистрисъ Ту приуныла и замолчала, а капитанъ, вздыхая, по капелькѣ глоталъ вино. Когда мы встали, мистрисъ Ту, противъ обыкновенія, не просила насъ остаться и послушать ея музыку; она была, подобно своему фортепиано, очень разстроена.

— Клянусь всѣми святыми, докторъ, вы придумали славную штуку, сказалъ О'Бріэнъ, когда мы вышли изъ каюты.

— О'Бріэнъ, возразилъ докторъ, сдѣлайте одолженіе, и вы также, мистеръ Симпъ, сдѣлайте одолженіе не рассказывайте ни-

кому объ этомъ; если это разнесется, то все пропадетъ даромъ; но если вы на короткое время поудержите свои языки, я могу обѣщать вамъ, что мы избавимся отъ капитана Ту, его жены и свиней.

Мы согласились съ справедливою его замѣчаніемъ и обѣщали молчать. На слѣдующее утро корабль отправился въ Плимутъ; въ тотъ же день мистрисъ Ту почувствовала себя нездоровою и послала за докторомъ. Докторъ прописалъ ей лѣкарство, и я увѣренъ, по совѣсти, что онъ нарочно усилилъ ея нездоровье. Болѣзнь жены и собственные опасенія еще болѣе сблизили капитана Ту съ докторомъ; онъ часто упрасивалъ доктора сказать ему откровенно, какихъ послѣдствій онъ долженъ ожидать отъ своего темперамента въ жаркомъ климатѣ.

— Капитанъ Ту, отвѣчалъ докторъ, я никогда не высказалъ бы своего мнѣнія по этому предмету, если бы вы не спрашивали меня; я знаю, что, какъ офицеръ, вы ни за что не захотите уклониться отъ своей обязанности, въ какую бы часть свѣта васъ ни посылали. Но такъ какъ вы спрашиваете, то я долженъ сказать, что при вашей дородности вы не проживете тамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Виѣсть съ тѣмъ, сэръ—я, можетъ быть, и ошибаюсь—но во всякомъ случаѣ долженъ обратить ваше вниманіе на то, что мистрисъ Ту очень желчнаго темперамента, и я надѣюсь, вы не будете такъ жестоки къ этой милой дамѣ, чтобъ позволить ей сопутствовать вамъ.

— Благодарю васъ, докторъ, вы меня очень обязываете, отвѣчалъ капитанъ, отворачиваясь и спускаясь по лѣстницѣ въ свою каюту.

Въ это время мы плыли внизъ по Ла-Маншскому проливу; вѣтеръ дулъ попутный, но когда мы проходили мимо Портланда, настала вдругъ тишь и потомъ вѣтеръ подулъ на западъ. На слѣдующій день капитанъ отдалъ приказъ убить самую лучшую свинью, потому что провизія его уже истощилась. Мистрисъ Ту все еще лежала въ постелѣ, а какъ по этому случаю капитанъ не могъ принимать гостей, то онъ велѣлъ послать часть свиньи. Я находился въ отдѣленіи мичмановъ, когда нѣкоторые изъ нихъ предложили завладѣть свиньею. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ планъ: они должны были отправиться ночью къ хлѣву и помощію деревяннаго

шеста, съ иглою на одной изъ его оконечностей, колоть всю свинью, и потомъ раны натереть порохожъ. Это было приведено въ исполненіе, и хотя мясникъ въ теченіе ночи разъ десять приходилъ посмотрѣть, что такое дѣлается съ свиньей, но мичманы передавали иглу отъ одной вахты въ другую, пока не нататуировали ее окончательно. Утромъ ее зарѣзали, и когда обварили въ котлѣ и содрали щетину, нашли, что кожа ея вся въ красныхъ пятнахъ. Мичманъ, находившійся въ утренней вахтѣ, непреминулъ выразить мяснику свое мнѣніе, что свинья паршива; съ этимъ мясникъ, хотя и неохотно, но согласился, утверждая, однакожъ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ это могло случиться съ свиньей, лучше которой ему никогда еще не приходилось рѣзать. Обстоятельство это дошло до свѣдѣнія капитана и очень удивило его. Онъ просилъ доктора, пришедшаго въ это время съ визитомъ къ мистрисъ Ту, освидѣтельствовать свинью и сказать ему свое мнѣніе. Хотя это и не входило въ обязанность доктора, но не желая поколебать благорасположеніе къ себѣ капитана, онъ тотчасъ же согласился. На пути онъ встрѣтился со мной, и я открылъ ему тайну.

— Хорошо, возразилъ онъ, это поможетъ успѣху нашего плана.

Воротившись къ капитану, онъ объявилъ ему, что свинья, безъ всякаго сомнѣнія, паршива, что это, очень обыкновенно на борту корабля, въ особенности же въ теплыхъ странахъ, гдѣ всѣ свиньи дѣлаются паршивыми, что и доказываетъ вредность тамошняго климата. Капитанъ послалъ за старшимъ лейтенантомъ, и съ глубокимъ вздохомъ приказалъ ему выбросить свинью за бортъ; старшій лейтенантъ, знавшій уже о томъ, что было сдѣлано О'Бриэномъ, призвалъ подшкипера и приказалъ выбросить ее.

— Слушаю, отвѣчалъ подшкиперъ, приложивъ палецъ къ шляпѣ, и отправилъ свинью внизъ въ мичманское отдѣленіе, гдѣ мы, разрѣзавъ ее пополамъ, одну половину посолили, а другую съѣли еще до прибытія въ Плимуть, что случилось шесть дней спустя послѣ того, какъ мы покинули Портсмутъ. Прибывъ туда, мы нашли часть конвоя уже на мѣстѣ; но никакого приказа еще не выходило. На слѣдующій день, къ величайшему моему удивленію, воротился съ крейсировки фрегатъ Діомедъ. Я получалъ позво-

леніе, вмѣстѣ съ О'Бріномъ, отправиться на его бортъ, и мы еще разъ увидѣлись съ нашими товарищами. Мистеръ Фальконъ, старшій лейтенантъ, далъ знать капитану Сэваджу, что мы находимся на бортѣ, и онъ попросилъ насъ въ свою каюту.

Онъ съ чувствомъ поздоровался съ нами и очень хвалилъ за ловкость, съ какою мы успѣли освободиться изъ плѣна. Вышедъ изъ каюты, я нашелъ мистера Чукса, поджидавшего меня.

— Милый мой мистеръ Симпль, протяните мнѣ вашу руку; я въ восхищеніи, что вижу васъ. Я желаю имѣть съ вами длинный разговоръ.

— Я тоже, мистеръ Чуксъ, но боюсь, что намъ не будетъ на это времени; я обѣдаю у капитана Сэваджа, а до обѣда всего только часъ.

— Ну, мистеръ Симпль, я смотрѣлъ на вашъ фрегатъ и нахожу, что это красавецъ — лучше гораздо Діомеда.

— Онъ и въ поведеніи очень хорошъ. Мнѣ кажется, онъ больше Діомеда двумястами тоннъ; впрочемъ, вы не можете получить понятія о его размѣрахъ, не побывавъ на его палубѣ.

— Я желалъ бы быть его боцманомъ, мистеръ Симпль, но только съ капитаномъ Сэваджемъ; съ нимъ не хочу разстаться.

Я поговорилъ еще нѣсколько съ мистеромъ Чукомъ, но скорѣ принужденъ былъ обратиться къ другимъ товарищамъ, которые прервали насъ. Мы отобѣдали очень весело съ нашимъ старымъ капитаномъ, рассказали ему свои приключенія, и потомъ возвратились на бортъ нашего фрегата.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Мы избавляемся отъ свиней и фортепиано. — Последний воть, отправленный къ берегу передъ отплытиемъ. — Горячность старшаго лейтенанта и ея послѣдствія для меня.

Спусти три дня, мы услышали, что капитанъ Ту намѣренъ обмѣняться своимъ кораблемъ съ капитаномъ Сэваджемъ. Мы не хотѣли вѣрить справедливости такихъ добрыхъ вѣстей, а увѣриться въ этомъ не могли, такъ-какъ капитанъ отправился на берегъ вмѣстѣ съ министрисъ Ту, которая, едва освоболилась изъ рукъ нашего доктора, какъ тотчасъ же выздоровѣла. Въ самомъ дѣлѣ, это случилось такъ скоро, что недѣлю спустя, воротившійся на бортъ капитанскій слуга, на вопросъ, какъ поживаетъ министрисъ Ту, отвѣчалъ:

— О, превосходно, сэръ! она успѣла съѣсть цѣлую свинью съ тѣхъ поръ, какъ покинула корабль.

Извѣстiе, однакожъ, было вѣрно: капитанъ Ту, испугавшись Западной Индiи, обмѣнялся кораблемъ съ капитаномъ Сэваджемъ. Капитану Сэваджу дозволено было, по обычаю морской службы, взять съ собой старшаго лейтенанта, боцмана и экипажъ своего бота. Онъ прибылъ на бортъ за два или за три дня до отплытiя, и никогда не было на кораблѣ такъ весело, какъ въ этотъ день; печальны были одинъ старшiй лейтенантъ и тѣ изъ экипажа Сангле, которые принуждены были слѣдовать за капитаномъ Ту. Въ теченiе одного утра капитанъ Ту освободилъ насъ отъ своей собственной особы, своей жены, ея фортепиано и свиней.

Я уже описалъ вамъ день выдачи жалованья на бортѣ военнаго корабля, но мнѣ кажется, два послѣднiе дня передъ отплытиемъ еще болѣе непрiятны; хотя, правду сказать, когда всѣ деньги наши истрачены, мы не безъ удовольствiя смѣшимъ выйдти изъ гавани и увидѣть себя въ открытомъ морѣ. Въ эти дни матросы никогда прилежно не работаютъ. Они мечтаютъ о женахъ и милыхъ сердцу, объ удовольствiи быть на свободѣ на берегу, гдѣ они могутъ напиваться, не страшась наказанiя; многiе изъ нихъ

или вполнину пьяны, или страдаютъ отъ послѣдствій прежняго пьянства. Корабль въ безпорядкѣ и заваленъ всякаго рода провіантомъ и запасными снастями, которые наскоро приняты и еще не уложены на свои мѣста. Старшій лейтенантъ сердитъ, офицеры серьёзны, а бѣдныхъ мичмановъ, которымъ надо похлопотать и о томъ, чтобъ обезпечить немного свой собственный комфортъ на время путешествія, гоняють взадъ и впередъ съ разными порученіями.

— Мистеръ Симплъ, закричалъ старшій лейтенантъ, откуда вы?

— Съ верфи, сэръ; привезъ запасные пушечные винты и задки.

— Хорошо. Пошлите матросовъ на корму очистить боть и прикажите первому кутеру быть наготовѣ. Мистеръ Симплъ, вы отправитесь въ первомъ кутерѣ въ Маунтъ-Вейсъ за офицерами. Смотрите, чтобъ никто изъ матросовъ не убѣжалъ съ бота. Отправляйтесь живѣе!

Я пробылъ въ командировкѣ цѣлое утро, и было уже половина перваго, а я еще не обѣдалъ; однакожь, не отвѣчая ни слова, я сошелъ въ боть. Лишь только я отправился, О'Бріанъ, стоявшій возлѣ мистера Фалькона, сказалъ ему:

— А Питеръ надѣялся пообѣдать, бѣдняжка!

— Въ самомъ-дѣлѣ! я и забылъ объ этомъ, возразилъ старшій лейтенантъ; у насъ такъ много дѣла. Онъ ревностный малый и за то пообѣдаетъ въ провіантской, когда воротится.

Такъ и случилось. Такимъ образомъ я ничего не потерялъ тѣмъ, что не хотѣлъ возражать, и наоборотъ много выигралъ въ благорасположеніи старшаго лейтенанта, который никогда не забывалъ того, что онъ называлъ *рвеніемъ*. Но самому трудному испытанію подвергается мичманъ, который, за день до отплытія, командруется за съѣстными припасами для каюты и провіантской. Злой судьбѣ моей было угодно, чтобы должность эта была поручена мнѣ, и это совершенно неожиданно. Я получилъ приказаніе одѣться, взять денегъ и отправиться въ адмиралтейство за ордеромъ для капитана. Я уже готовился съѣсть въ боть въ самомъ новомъ мундирѣ и въ лучшемъ вооруженіи; но въ это время провіантмейстеръ, подошедъ къ старшему лейтенанту, потребовалъ себѣ боть. Боть

былъ экипированъ, и одинъ изъ мячановъ получилъ приказъ принять надъ нимъ начальство; но когда онъ вышелъ, старшій лейтенантъ вспомнилъ, что за два дня передъ тѣмъ онъ воротился только съ половиною своего экипажа, а потому не надѣясь на него, велѣлъ позвать меня.

— Вотъ, мистеръ Симплъ, я долженъ отправить васъ съ этимъ ботомъ. Смотрите, чтобъ никто изъ людей не бѣжалъ и привезите назадъ сержанта, который посланъ за матросами, просрочившими свой отпускъ.

Хотя мнѣ и льстило это предпочтеніе, но тѣмъ не менѣе мнѣ не очень-то нравилось отправляться въ самый новомъ мундирѣ. Я желалъ бы сойти внизъ и переодѣться, но матросы были уже въ ботѣ и съ ними командиръ корабельнаго отряда солдатъ: я не рѣшился заставить ихъ дожидаться, вошелъ въ ботъ, и мы отчалили. Здѣсь были, кромѣ экипажа и командира корабельнаго отряда, казначей, ключникъ, капитанскій слуга, слуга казначея, такъ что ботъ былъ довольно полонъ.

Съ Ю-В. дулъ сильный вѣтеръ, но какъ въ это время былъ приливъ, то обстоятельство это мало насъ беспокоило. Распустивъ марстенги, мы понеслись по вѣтру и по теченію, и черезъ четверть часа были уже въ Муттонъ-Ковѣ, гдѣ командиръ пожелалъ быть высаженнымъ на берегъ. Пристань была загромождена ботами; наши матросы, находившіеся на носу, направили противъ нихъ гарпуны, чтобъ заставить ихъ очистить намъ дорогу, и подъ градомъ ругательства и проклятій мы пробились къ берегу. Офицеръ и всѣ слуги вышли, а я долженъ былъ остаться, чтобы присматривать за матросами. Не прошло и трехъ минутъ, какъ одинъ изъ нихъ объявилъ мнѣ, что его жена находится на верфи съ бѣльемъ, и просилъ позволенія сходить за нимъ. Я отказалъ, сказавъ, что она сама можетъ принести ему бѣлье.

— Помилуйте, мистеръ Симплъ, закричала женщина: вы порядочный человекъ, и вѣрно не заставите меня пачкать новые башмаки и чистые чулки среди всѣхъ этихъ дохлыхъ собакъ, черыжекъ и вонючей рыбы.

Я взглянулъ на нее и нашелъ, что дѣйствительно она, какъ говорить Французы, была *bien chaussée*.

— Ну, мистеръ Смитль, позвольте ему взять бѣлье; вы увидите, что онъ воротится черезъ минуту.

Я не хотѣлъ отказать ей, такъ какъ было грязно, мокро, и боть дѣйствительно былъ заваленъ всею тѣмъ, о чемъ она упоминала. Матросъ выпрыгнулъ на берегъ съ помощью причального гарцуна, бросилъ его назадъ, подошелъ къ женѣ и началъ съ ней разговаривать; я не переставалъ наблюдать за нимъ.

— Сэръ, вотъ и моя жена; позвольте поговорить съ ней? сказалъ другой матросъ.

Я обернулся къ нему и отказать. Онъ началъ возражать, убѣдительно упрасивать, но я былъ непоколебимъ. Когда я снова обернулся къ первому матросу, ни его, ни жены его уже не было.

— Вотъ, сказалъ я кокетному командиру, я зналъ, что она лжетъ; ты видишь, Гикманъ ушелъ.

— Ушелъ выпить прощальный стаканъ вина, сэръ, отвѣчалъ кокетный командиръ; онъ воротится тотчасъ же.

— Надѣюсь; но боюсь, что нѣтъ.

Послѣ этого я сталъ отказывать всею и не пускалъ ни одного матроса на берегъ, однако не запрещалъ приносить иль пива. Въ это время ключникъ воротился съ корзиной, наполненной караваями хлѣба, и донесъ, что командиръ корабельнаго отряда просить меня позволить двумъ матросамъ идти съ нипъ въ лавку Гленкросса за разными припасами. Я послалъ ему двухъ матросовъ и сказалъ ключнику, что если онъ увидитъ Гикмана, то привелъ бы его въ боть.

Между тѣмъ собралось множество матросскихъ женъ, завязавшихъ съ берега шумный разговоръ съ экипажемъ моего бота. Одна приносила какую-нибудь статью гардероба для Джима, другая для Била, а нѣкоторые пробирались въ боть и садились между матросами, другія поминутно переходили съ бота на берегъ и съ берега въ боть, съ пивомъ и табакомъ для матросовъ.

Толпа, шумъ и беспорядокъ были такъ велики, что я съ величайшимъ трудомъ могъ присматривать за людьми, которые, одинъ за другимъ, пытались уйти съ бота. Въ это самое время явился сержантъ корабельныхъ солдатъ съ двумя изъ нашихъ людей; онъ засталъ ихъ буянившихъ въ пьяномъ видѣ. Ихъ

бросили въ ботъ, и это привело меня еще въ большее затрудненіе, потому—что, присматривая за пьяными, которые старались силою вырваться изъ бота, я не могъ хорошенько наблюдать за трезвыми. Сержантъ ушелъ за другимъ матросомъ, и я поручилъ ему отыскать тоже Гикмана. Черезъ полчаса слуга и двое матросовъ воротились, нагруженные капустой, коробами яицъ, пучками луку, горшками всѣхъ сортовъ, пакетами пряностей, бараньями ножками и спинками; всѣмъ этимъ завалили не только задніе шкоты, но даже всю середину бота. Они сказали мнѣ, что имъ нужно сходить еще кой за чѣмъ и что командиръ корабельныхъ солдатъ отправился въ Стокгоусъ повидаться съ женой, такъ что они успѣютъ воротиться гораздо прежде его. Еще черезъ полчаса, въ теченіе котораго я едва-едва управлялся съ экипажемъ моего бота, слуга опять воротился съ дюжиной гусей и двумя утками, связанными по ногамъ, но безъ обоихъ матросовъ, успѣвшихъ улизнуть отъ него. Такимъ образомъ у меня не доставало теперь трехъ матросовъ, и я зналъ, что мистеръ Фальконъ будетъ сердиться, потому—что это были самые расторопные парни изъ всего экипажа. Теперь я рѣшился не рисковать большою потерей народа и приказалъ боту отчалить отъ берега и остановиться въ верфи, гдѣ матросамъ невозможно было уйдти. Это имъ не понравилось; они ворчали и съ трудомъ рѣшились повиноваться приказанію: дѣло въ томъ, что они порядочно напились и нѣкоторые изъ нихъ были болѣе, чѣмъ въ половину пьяны. Тѣмъ не менѣе приказаніе мое наконецъ было исполнено; но это навлекло на меня градъ ругательствъ со стороны женщинъ и проклятій со стороны людей, находившихся на лодкахъ и береговыхъ ботахъ, которыхъ шквалъ наталякивалъ на нашъ ботъ. Погода испортилась еще больше и сдѣлалась грозною. Еще черезъ часъ ожиданія воротился сержантъ съ двумя другими матросами, въ одномъ изъ которыхъ, къ величайшей моей радости, я узналъ Гикмана. Это меня успокоило, такъ—какъ я не отвѣчалъ за двухъ другихъ бѣжавшихъ; однакожъ меня все—таки смущало пьяное и дерзкое поведеніе экипажа моего бота и прочихъ людей, приведенныхъ сержантомъ. Одинъ изъ нихъ повалился на коробъ съ яйцами и разбилъ ихъ въ дребезги. Командиръ все еще не возвращался, а между тѣмъ становилось поздно. Наступилъ отливъ, и такъ—какъ съ нимъ боролся вѣтеръ, дувшій по направленію къ

берегу, то море сдѣлалось очень бурно, а мнѣ предстояло возвращаться на корабль въ ботѣ, тяжело нагруженномъ и съ толпою пьянаго народа. Кокетный командиръ, одинъ только трезвый, совѣтовалъ мнѣ отправляться, говоря, что скоро стемнѣетъ и съ нами можетъ случиться несчастіе. Подумавъ съ минуту, я согласился съ нимъ, скомандовалъ приниматься за весла, и мы отчалили. Сержантъ и ключникъ забрались на носъ, пьяные матросы, утки и гуси валялись въ беспорядкѣ на днѣ бота, задніе шкоты были нагружены до самыхъ шкафуровъ; я и прочіе пассажиры расположились какъ могли, среди горшковъ и прочихъ статей, которыми заваленъ былъ ботъ, — сцена, однимъ словомъ, представляла крайній беспорядокъ. Полупьяные матросы, шатаясь, падали другъ на друга, а тѣ, которые были пьяны совсѣмъ, клянясь и ругаясь, понуждали ихъ грести.

— Работай весломъ, Сюзливанъ; ты больше мѣшаешь, чѣмъ помогаешь, — пьяный негодай, я отпрапортую тебя, лишь только пріѣдемъ на корабль.

— Кой чортъ тутъ будетъ грести, ваша милость, когда этотъ негодай Джонсъ ломаетъ мнѣ спину весломъ и вовсе не касается воды.

— Ты лжешь, закричалъ Джонсъ; я гребу одинъ за весь бакбордъ.

— Онъ гребеть такъ, что и весла не замочить, ваша милость — только что размахиваетъ.

— Это ты называешь весла не замочить? вскричалъ тотъ, между тѣмъ какъ огромная волна залила весь ботъ отъ носа до кормы, промочивъ всѣхъ насъ до костей.

— Смотрите, ваша милость, не гребу ли я со всего плеча? закричалъ Сюзливанъ.

— Довольно ли будетъ у насъ воды, при проѣздѣ черезъ Бриджъ, Свинбурнъ? спросилъ я кокетнаго командира.

— Довольно, мистеръ Симпль; теперь отливъ еще въ самомъ разгарѣ, и чѣмъ скорѣе мы будемъ на бортѣ, тѣмъ лучше.

Въ это время мы огибали мысъ Дьявола. Море было бурно; ботъ нырнулъ между двухъ волнъ съ такой силой, что я опасался, чтобы онъ не разбился. Вода наполнила его до половины, и двое заднихъ матросовъ положили весла, чтобъ выкачивать воду.

— Не прикажете ли, ваша милость, развязать ноги этимъ уткамъ и гусамъ, чтобъ они могли спасти жизнь свою вплавь, сказалъ Сюзливанъ, кладя весло, иначе несчастныя птицы потонутъ въ собственномъ климатѣ.

— Не нужно, не нужно — гребите сильнѣе.

— Между-тѣмъ пьяные зашевелились на днѣ бота, почувствовавъ со всѣхъ сторонъ воду, и тщетно пытались подняться на ноги. Они падали снова на утокъ и гусей, которые, ббльшую частію, спаслись отъ потопленія только тѣмъ, что были задавлены. Море въ Бриджѣ сильно волновалось, и хотя теченіе выносило насъ, но мы чуть было не сѣли на мель. Хлѣбъ плавалъ на днѣ бота, пакеты съ сахаромъ, перцемъ и солью промокли насквозь соленою водою; внезапный скачекъ бота сбросилъ капитанскаго слугу, сидѣвшаго на шкафутѣ, прямо на горшки и яйца, что еще болѣе увеличило сумму истребленнаго. Къ довершенію всего волны снова залили ботъ и привели въ крайнее отчаяніе ключника.

— Вотъ такъ ботъ, закричалъ Сюзливанъ, онъ кланяется и присѣдаетъ лучше самой хорошенькой сельской дѣвушки. Дружно, ребята! работайте такъ, чтобъ выгнать всю мокрую матерію.

Черезъ четверть часа мы уже подѣхали къ боку корабля, но матросы гребли такъ скверно, а море было такъ бурно, что мы миновали корабль и подошли сзади. Намъ опустили канатъ съ прикрепленнымъ къ нему бакеномъ; мы ухватились за него и были втащены наверхъ. Между тѣмъ ботъ погружался въ это время носомъ въ воду, которая окачивала насъ съ ногъ до головы. Наконецъ мы очутились на кормовомъ подзорѣ, и я отправился наверхъ по задней лѣстницѣ. Мистеръ Фальконъ былъ на палубѣ и очень сердился, что ботъ не подступилъ какъ слѣдуетъ, къ боку корабля.

— Я думаю, мистеръ Симплъ, вамъ пора бы знать, какъ причаливать ботъ къ кораблю.

— Миѣ кажется, сэръ, я сумѣлъ бы сдѣлать это, отвѣчалъ я; но ботъ былъ полонъ воды, а матросы не хотѣли грести, какъ слѣдуетъ.

— Сколько человѣкъ сержантъ привезъ на корабль?

— Трехъ, сэръ, отвѣчалъ я, дрожа отъ холода и недовольный тѣмъ, что испортилъ свой лучший мундиръ.

— Весь вашъ экипажъ воротился съ вами, сэръ?

— Нѣтъ, сэръ, двое остались на берегу; они....

— Ни слова, сэръ! Полѣзайте на мачту и оставайтесь тамъ, пока васъ не позовутъ. Еслибъ не было такъ поздно, я-бы послалъ васъ на берегъ и не принялъ бы на бортъ безъ потерянныхъ матросовъ. Полѣзайте, сэръ, тотчасъ же!

Я не осмѣлился оправдываться и полѣзъ на мачту; было очень холодно, съ Ю-В подымался сильный шквалъ; я былъ такъ мокръ, что вѣтеръ, казалось, продувалъ меня насквозь; было уже почти совсѣмъ темно. Достигнувъ перекладинъ, я расположился на нихъ съ сознаниемъ, что исполнилъ свою обязанность и терплю за это несправедливое возмездіе. Между тѣмъ втащили боть и начали снимать съ него грузъ, который найденъ былъ въ прекрасномъ состояніи. Утки и гуси передохли, яйца и горшки были разбиты, приности почти промокли, короче, какъ замѣтилъ О'Бріэнъ, все было въ полномъ разрушеніи.

— Кто изъ матросовъ пропалъ? спросилъ мистеръ Фальконъ, все еще сердитый, кокетнаго командира Свинбурна, когда тотъ поднялся на корабль.

— Уильямъ и Свитианъ, сэръ.

— Двое, какъ я слышалъ, самыхъ расторопныхъ марсовыхъ. Это изъ рукъ вонъ! Нѣтъ ни одного мичмана, на котораго можно было бы положиться. Я каждый день изъ силъ выбиваюсь и ни отъ кого не вижу помощи. Служба никуда не годится съ этими молодыми людьми, которые считаютъ унижительнымъ для себя исполненіе обязанности. Что вы тамъ такъ долго дѣлали, Свинбурцъ?

— Мы дожидались начальника корабельнаго отряда, который отправился въ Стонгоусъ повидаться съ женой; а когда стемнѣло, то ужъ мистеръ Симплъ не захотѣлъ долѣе ждать его, такъ-какъ всѣ почти наши матросы перепились.

— Мистеръ Симплъ хорошо сдѣлалъ. Я желалъ бы, чтобъ этотъ мистеръ Гарристонъ навсегда остался съ своей женой на берегу; онъ, право, шутить службой. Но скажите, пожалуйста,

мистеръ Свинбурнъ, если мистеръ Симпль былъ такъ безпеченъ, то куда ваши-то глаза дѣлись? Какъ вы позволили этимъ матросамъ покинуть боть?

— Командиръ потребовалъ ихъ для переноски снастей, сэръ, и они улизнули отъ ключника. Мистеръ Симпль въ этомъ не виноватъ и я также. Мы отчалили къ верфи за два часа до отплытiя, иначе мы потеряли бы еще болѣе народа;—что можетъ сдѣлать бѣдный парень, когда ему поручили надзоръ за пьяными матросами, которые не слушаются приказанiй?

И кокетный командиръ поднялъ глаза къ верхушкамъ мачтъ, какъ бы желая сказать: «Ужели его туда засадили?»

— Я готовъ присягнуть, сэръ, продолжалъ Свинбурнъ, что мистеръ Симпль не оставлялъ бота съ той минуты, какъ вошелъ въ него и пока не воротился на корабль, ни одинъ молодой джентльменъ такъ строго не исполнилъ бы своей обязанности.

Мистеръ Фальконъ сердито взглянулъ на кокетнаго командира, дерзнувшаго говорить такъ смѣло, однако же не сказалъ ни одного слова. Прошедшись раза два по палубѣ, онъ окликнулъ меня и приказалъ сойти. Но я не могъ: члены мои окоченѣли отъ сильнаго вѣтра, продувшаго насквозь мое мокрое платье, и я не въ состоянiи былъ пошевеливаться. Онъ снова окликнулъ меня; я слышалъ, но не могъ отвѣчать. Тогда одинъ изъ марсовыхъ, взобравшись на мачту и увидѣвъ мое положенiе, окликнулъ палубу и объявилъ, что ему кажется, я умираю, потому что не могу пошевеливаться; такъ что онъ не можетъ оставить меня изъ опасенiя, чтобъ я не упалъ. О'Брiанъ, находившiйся во все это время на палубѣ, бросился къ снастямъ и въ минуту влѣзъ на переладины, гдѣ я сидѣлъ. Онъ отправилъ марсоваго въ марсовый коробъ, приказалъ ему принести блокъ со штертомъ и лиссельрей, свернулъ этотъ послѣднiй и спустилъ меня внизъ. Меня тотчасъ же уложили въ койку; хирургъ прописалъ мнѣ горячей воды съ водкой, закуталъ въ одѣяла, и чрезъ нѣсколько часовъ я почти выздоровѣлъ. Когда я проснулся, О'Брiанъ, сидѣвшiй у моей постели, сказалъ мнѣ:

— Не сердись, Питеръ, на мистера Фалькона: онъ очень сожалѣетъ о томъ, что случилось.

— Я не сержусь, О'Брианъ; мистеръ Фальконъ былъ такъ добръ ко мнѣ, что я охотно прощаю ему его горячность.

Хирургъ подошелъ къ моей койкѣ, далъ мнѣ горячаго питья и пожелалъ покойнаго сна. На слѣдующее утро я проснулся совершенно здоровымъ.

Когда я вошелъ въ мичманское отдѣленіе, моя товарищи освѣдомились о моемъ здоровьѣ, и многіе изъ нихъ начали порицать мистера Фалькона за его строгость. Я защищалъ его, говоря, что, можетъ быть, онъ и погорячился въ этомъ случаѣ, но что вообще онъ добрый и справедливый начальникъ. Нѣкоторые согласились со мной, другіе стояли на своемъ. Одинъ изъ нихъ, постоянно подвергавшійся штрафамъ, болѣе всѣхъ смѣялся надо мной.

— Питеръ все снесетъ, сказалъ онъ, и бьюсь объ закладъ, если я возьму его за правое ухо, онъ подставитъ лѣвое.

Говоря это, онъ дернулъ меня за ухо; въ вознагражденіе за этотъ трудъ я однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Отдѣленіе было тотчасъ же очищено для битвы, и черезъ четверть часа мой противникъ былъ побѣжденъ; но я также пострадалъ немного: глазъ мой посинѣлъ. Едва я успѣлъ умыться и смѣнить свою окровавленную рубашку, какъ меня позвали на квартиру-декъ. Я нашелъ тамъ мистера Фалькона, расхаживавшаго взадъ и впередъ. Онъ строго взглянулъ на меня, но не спросилъ о причинѣ моей не слишкомъ благовидной наружности.

— Мистеръ Симплъ, сказалъ онъ, я посылаю за вами, чтобы просить у васъ извиненія въ моемъ поступкѣ прошедшей ночи, который былъ не только слишкомъ горячъ, но даже несправедливъ. Я узналъ, что вы не виноваты въ потерѣ матросовъ.

Такая благородная рѣчь тронула меня, и мнѣ стало жаль его. Чтобы успокоить его, я отвѣчалъ, что хотя я дѣйствительно не виноватъ въ потерѣ этихъ двухъ матросовъ, но виноватъ въ томъ, что позволилъ Гикману выйти изъ бота, и еслибъ сержантъ не поймалъ его, то воротился бы безъ него, и такъ³ образомъ вполне заслужилъ наказаніе, которому подвергся.

— Мистеръ Симплъ, возразилъ мистеръ Фальконъ, я уважаю васъ и удивляюсь вашимъ чувствамъ; все-таки я поступилъ дурно, и долгъ мой извиниться. Ступайте. Я попросилъ бы васъ сдѣлать мнѣ удовольствіе отобѣдать со мной, но я замѣчаю, у васъ еще

кое-что случилось; при других обстоятельствах я разобрал бы это дѣло, но теперь не стану.

Я приложилъ палецъ къ шляпѣ, и отправился внизъ.

Между тѣмъ О'Бріэнъ, узнавъ причину нашей ссоры, рассказъ обо всемъ мистеру Фалькону, который, какъ говорилъ мнѣ О'Бріэнъ, очень сожалѣлъ о случившемся.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого случая, мистеръ Фальконъ всегда обходился со мной съ величайшей ласковостью и употреблялъ меня на всякое дѣло, которое казалось ему нѣкоторой важности. Онъ былъ чистосердечный другъ: не позволяя мнѣ пренебрегать службою, онъ, въ то же время, въ поступкахъ своихъ оказывалъ мнѣ уваженіе и довѣріе.

Начальникъ корабельнаго отряда воротился на бортъ разсерженный тѣмъ, что его оставили на берегу, и поговаривалъ о военномъ судѣ за неуваженіе къ его чину и за нерадѣніе о запасахъ, вѣреннаго моему надзору, но О'Бріэнъ совѣтовалъ мнѣ не обращать на это вниманія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Длинный разговоръ съ мистеромъ Чуксомъ. — Выгода имѣть молитвенникъ въ карманѣ. — Свинбургъ, квартирмейстеръ, и его розказни. — Капитанъ занемогаетъ.

На слѣдующій день, капитанъ прибылъ на бортъ съ запечатаннымъ ордеромъ, который ему предписано было не открывать до прибытія въ Умантъ. Въ полдень мы снялись съ якоря и отправились въ путь. Дулъ легкій сѣверный вѣтерокъ; воды Бискайскаго залива представляли гладкую поверхность. Такъ какъ я не могъ показываться на кварталъ-декѣ, то меня записали въ списокъ больныхъ. Капитанъ, принимавшій участіе во всемъ и во всѣхъ, спросилъ, что такое со мной случилось; хирургъ отвѣчалъ, что у меня воспалие глаза, и капитанъ удовлетворился этимъ отвѣтомъ; я же,

съ своей стороны, старался не попадаться ему на глаза. По вечерамъ я обыкновенно прогуливался на форкоштѣ, и здѣсь снова возобновилъ нашу прежнюю дружбу съ мистеромъ Чуксомъ, которому подробно разсказалъ всѣ свои приключенія во Франціи.

— Я все обдумывалъ, мистеръ Симпль, сказалъ онъ мнѣ однажды, какимъ образомъ такой молодой человѣкъ, какъ вы, могъ перенести столько трудностей, и теперь знаю почему это вамъ удалось. Это *кровь*, мистеръ Симпль,—все кровь,—въ васъ течетъ знатная кровь.

— Я не могу согласиться съ вами, мистеръ Чуксъ. Простолюдинъ бываетъ также храбръ, какъ и благородный. Вы не можете сказать, чтобъ вы не были храбры, или чтобъ не были храбры матросы нашего корабля: не такъ-ли?

— Что касается до матросовъ — сохрани меня Богъ отъ несправедливости не признавать за ними лвиной храбрости. Но храбрость бываетъ двоякаго рода, мистеръ Симпль: храбрость минутная, и мужество, не измѣняющее себя въ теченіе продолжительнаго времени. Понимаете вы меня?

— Мнѣ кажется, понимаю; но все-таки не соглашаюсь съ вами. Кто выноситъ трудностей болѣе нашихъ матросовъ?

— Такъ, такъ, мистеръ Симпль, но это потому, что суровая жизнь пріучила ихъ ко всему; если бы они были такими маленькими пресъ-папье, какъ вы, и воспитывались также нѣжно, то они не перенесли-бы того, что перенесли вы. Мое мнѣніе, мистеръ Симпль, — нѣтъ ничего, что могло бы сравниться съ *кровью*.

— Мнѣ кажется, мистеръ Чуксъ, ваши идеи объ этомъ предметѣ заходятъ слишкомъ далеко.

— Неправда, мистеръ Симпль. По моему, кто больше можетъ потерять, тотъ способенъ къ болѣшимъ усиліямъ. Простолюдинъ сражается только за собственную честь; человѣкъ же, происходящій отъ цѣлаго ряда лицъ, славныхъ въ исторіи, имѣющій щитъ, перекрещенный девизами и разрисованный съ верху до низу львами и единорогами, которымъ онъ обязанъ уподобляться доблестью — такой человѣкъ сражается не за свою только честь,

а за честь всѣхъ своихъ предковъ, имена которыхъ будутъ обезчещены, если онъ поведетъ себя дурно.

— Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я согласенъ съ вами въ нѣкоторой мѣрѣ, мистеръ Чуксъ.

— Ахъ, мистеръ Симпль! мы вѣчно ни во что не ставимъ то, чѣмъ обладаемъ, и цѣнимъ только то, чего не можемъ имѣть. Желалъ бы я родиться дворяниномъ — да я дворянинъ и безъ того, клянусь небомъ! вскричалъ мистеръ Чуксъ и ударилъ кулакомъ по воронкѣ, такъ что сплюснулъ ее. Вы не можете себѣ представить, мистеръ Симпль, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, какъ я радъ, что разстался съ этимъ сумасшедшимъ мистеромъ Мэдлемъ съ его 26000 и еще нѣсколькими годами, и съ этой старой бабой, пушкаремъ Диспартомъ. Вы не знаете, какъ они сердили меня; конечно, это было глупо съ моей стороны, но не сердиться на нихъ было выше моихъ силъ. Унтеръ-офицеры этого корабля, кажется, люди почтенные, смиренные и не позволяютъ себѣ фамильярности, которой я терпѣть не могу. По прибытіи въ Англию, вы ѣздили домой, конечно, къ вашимъ роднымъ?

— Да, мистеръ Чуксъ, и я проведъ нѣсколько дней съ моимъ дѣдушкой, лордомъ Привилэджеремъ, съ которымъ, какъ вы говорите, вы однажды обѣдали.

— А какъ поживаетъ старый джентльменъ? спросилъ боцманъ со вздохомъ.

— Очень хорошо, если принять въ соображеніе его лѣта.

— Сдѣлайте одолженіе, мистеръ Симпль, расскажите мнѣ это свиданіе все по порядку, отъ того времени, какъ васъ встрѣтили слуги у дверей и до самаго вашего отъѣзда. Опишите мнѣ домъ и всѣ комнаты; я люблю слышать объ этихъ вещахъ, потому что не надѣюсь больше ихъ видѣть.

Чтобъ сдѣлать удовольствіе мистеру Чуку, я принялся описывать ему мое свиданіе съ лордомъ съ мельчайшими подробностями; онъ слушалъ очень внимательно. Поздно, и то съ величайшимъ трудомъ, могъ я освободиться отъ него и отправиться въ свою койку.

★

На слѣдующій день я былъ свидѣтелемъ очень страннаго случая. Одинъ изъ мицмановъ былъ посланъ вторымъ лейтенантомъ на верхушку мачты за то, что будучи въ дежурствѣ на палубѣ, ушелъ, не дождавшись смѣны. Онъ находился внизу, когда его потребовали и, заключивъ изъ словъ квартермистра, что его хотятъ наказать, всунулъ въ карманъ своего кашзола первую попавшуюся книгу, чтобы заняться ею на мачтѣ, и потомъ отправился на палубу. Какъ онъ предполагалъ, такъ и случилось: едва онъ показался, какъ былъ посланъ на мачту. Не просидѣлъ онъ тамъ и пяти минутъ, какъ внезапный шквалъ сорвалъ марсовую мачту, и онъ стремглавъ полетѣлъ въ подвѣтренную сторону. (Вѣтеръ въ это время переимѣнился, и реи были собраны). Еслибъ онъ упалъ за бортъ, то утонулъ бы по всеѣмъ вѣроятностямъ, такъ-какъ не умѣлъ плавать; но книга, находившаяся въ его карманѣ, застряла въ промежуткѣ между фокмачтовыми блоками, и онъ повисъ на воздухѣ; его благополучно отцѣпили марсовыя. Случилось, что эта книга, которую онъ схватилъ второпяхъ и не разглядѣвъ, была молитвенникъ. Всѣ были увѣрены, что его спасло именно то обстоятельство, что книга была религіознаго содержания, и самъ мицманъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Это повело его къ добру, потому-что, бывъ до того времени страшнымъ повѣсой, онъ съ этихъ поръ исправился въ поведеніи.

Я чуть не забылъ рассказать приключеніе, случившееся въ день нашего отплытія и имѣвшее сильное вліяніе на мою слѣдующую жизнь.

Вотъ въ чемъ оно состояло:

Я получилъ письмо отъ батюшки, носившее на себѣ отпечатокъ гнѣва и досады и увѣдомлявшее меня, что мой дядя, жена котораго, какъ я уже говорилъ, имѣла двухъ дочерей и готовилась еще разъ разрѣшиться отъ бремени, вдругъ покинулъ свое жилище, распустилъ всеѣхъ слугъ и отправился въ Ирландію подъ чужимъ именемъ. Онъ не считалъ за нужное объяснить причины такого непонятнаго поступка и даже скрылъ свои намѣренія отъ дѣдушки и отъ всеѣхъ прочихъ членовъ семейства. Отсутствіе его открылось совершенно случайно и то недѣлю спустя Батюшка всеѣми силами старался узнать его мѣстопробываніе; за нимъ слѣдили до

самаго Корка, но въ этомъ городѣ слѣдъ потерянъ. Полагали однакожь, что онъ долженъ быть не далеко оттуда.

«Я не могу удержаться отъ подозрѣнія», писалъ батюшка въ своемъ письмѣ, «что братъ мой, желая удержать за своимъ семействомъ цѣрство, рѣшился выдать чужое дитя за свое собственное. Здоровье его жены очень плохо, и она нисколько не подаетъ надежды на многочисленное потомство. Если ожидаемый теперь ребенокъ будетъ дочь, то сына ужь врядь ли она произведетъ на свѣтъ; вотъ почему я, не колеблясь, объявляю свое убѣжденіе въ томъ, что мѣра эта принята съ цѣлю отнять у тебя возможность быть когда-либо призваннымъ къ засѣданію въ Верхнемъ Парламентѣ.»

Я показалъ это письмо О'Бріэну, который, прочитавъ его два или три раза, отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, мой отецъ правъ въ своихъ заключеніяхъ.

— Будь увѣренъ, Питеръ, тутъ замышляютъ что-то недоброе.

— Но я не могу понять, О'Бріэнь, для чего дядѣ моему предпочитать чужое дитя собственному племяннику?

— А я такъ понимаю, Питеръ, твой дядя, какъ ты знаешь, не можетъ разсчитывать на долгую жизнь. Доктора говорятъ, что, благодаря его короткой шеѣ, ему и на два года не стоятъ запастись провіантомъ. Теперь будь у него сынъ, дочерямъ его будетъ гораздо лучше: онѣ могутъ составить выгодную партію. Да тутъ есть еще и другія причины, о которыхъ я не хочу тебѣ говорить въ настоящее время, на томъ основаніи, что не въ обычаѣ намекать людямъ, что вашъ-могъ дядя мошенникъ. Вотъ, что я намѣренъ сдѣлать: я отправлюсь сейчасъ же въ мою каюту и напишу къ патеру М'Грату письмо, въ которомъ разскажу ему все дѣло и попрошу его отыскать твоего дядюшку и имѣть за нимъ строгій надзоръ; пари держу на дюжину кларета, что не болѣе какъ чрезъ недѣлю онъ отыщетъ его и разузнаетъ все. Онъ подчинитъ себѣ его слугъ—Ирландцевъ; ты не знаешь какимъ авторитетомъ пользуется въ моемъ отечествѣ духовенство. Опши, какъ можешь, примѣты твоего дяди и его жены, означь число членовъ его семейства и ихъ возрастъ. Патеру М'Грату должно знать всѣ подробности, и тогда-то уже, будь увѣренъ, онъ справитъ все, что нужно.

Я исполнилъ, какъ умѣлъ, желаніе О'Бріана; онъ написалъ предлинное письмо патеру МТрату и отослалъ его на берегъ съ вѣрнымъ человѣкомъ. Отвѣтивъ на письмо батюшки, я пересталъ думать объ этомъ предметѣ.

Нашъ запечатанный ордеръ былъ открытъ и оказалось, что мы дѣйствительно назначены въ Западную Индію. Мы пристали къ Мадерѣ, чтобъ запастись виномъ для корабельнаго экипажа, но такъ-какъ мы оставались тутъ не болѣе дня, то намъ не позволялось выходить на берегъ. Счастливы были бы мы, еслибъ вовсе не подходили къ этому острову, потому-что на другой день, капитанъ, возвратясь съ обѣда у консула, опасно заболѣлъ. Признаки болѣзни заставляли хирурга опасаться, что это отрава, происходившая по вѣсѣмъ вѣроятностямъ отъ кушанья, свареннаго въ худо-луженной мѣдной посудѣ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали выздоровленія капитана, но, напротивъ того, ему дѣлалось все хуже и хуже; онъ таялъ и умиралъ, какъ говорится, по часамъ. Наконецъ его положили въ койку, съ которой онъ уже не вставалъ. Это горестное событіе, въ соединеніи съ сознаніемъ того, что мы вступаемъ въ нездоровый климатъ, навѣзало грустное чувство на весь корабль, и хотя попутный вѣтръ несъ его быстро по широкому синему морю, хотя погода стояла теплая, солнце входило во всеѣ своемъ величіи, все носило на себѣ печать красоты и веселья, однакожъ состояніе капитана убивало всякое расположеніе веселиться. На палубѣ всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ, по утрамъ всякій съ трепещущимъ сердцемъ ожидалъ рапорта хирурга, разговоръ только и было, что о зловредности климата, о желтой горячкѣ, смерти и мѣстѣ, гдѣ придется быть похороненнымъ. Квартермистръ, Свинбурнъ, находился въ одной вахтѣ со мною, и такъ-какъ онъ долгое время провелъ въ Западной Индіи, то я обыкновенно освѣдомлялся у него обо всемъ, что хотѣлъ знать. Старикъ находилъ какое-то тайное удовольствіе страдать меня.

— Право, мистеръ Симплъ, вы ужъ много задаете мнѣ вопросовъ! говорививалъ онъ, когда я, бывало, подойду къ его посту. Желалъ бы я, чтобъ вы не спрашивали такъ много; это лишаетъ васъ спокойствія. А ужъ если вы хотите знать, такъ желтый Джакъ, какъ называемъ мы желтую горячку, воплощенный дьяволъ — право! Вы

здоровы и въ состояніи съѣсть свою порцію утромъ, а передъ ночью умираете, какъ сельдь. Сначала вы чувствуете маленькую головную боль, приходите къ доктору, онъ пускаетъ ванъ такое множество крови, какъ будто бы имѣетъ дѣло съ свиньей, потомъ наступаетъ рвота, и все пропало: вы отправляетесь къ морскимъ ракамъ, которые обглаживаютъ ваши кости такъ чисто и бѣло, какъ зубъ морскаго слона. Одно только можно сказать въ похвалу желтому Джаку: вы умираете въ прямомъ положеніи, какъ прилично джентльмену, а не скорчившись, какъ рыба, которую вытаскиваютъ изъ-подъ льда на рѣкѣ Св. Лаврентія, не съ задранными къ носу колѣнками, или съ пятками подъ мышкой, какъ бываетъ въ другихъ иностранныхъ болѣзняхъ; нѣтъ, вы лежите прямо, совершенно прямо и свободно, какъ джентльменъ. Все-таки Джакъ порядочный злодѣй, это несомнѣнно. На кораблѣ Эвредикъ у насъ былъ самый лучшій экипажъ, который когда-либо повиновался знаку свистка, — «гей тамъ! на штирбортѣ! ты уклонился на цѣлую плиту отъ своего пути, мой милый!» — мы бросили якорь въ Портъ-Рояль и тотчасъ же почувствовали, что вѣетъ несчастіемъ: тридцать восемь акулъ вошло велѣдъ за нами въ гавань; онѣ и день и ночь рѣзвились вокругъ нашего корабля. Ночью во время вахты, я обыкновенно наблюдалъ за ними и любовался, какъ онѣ скользили по волнамъ, выставивъ жабры надъ водою и оставляя за собой свѣтлыя полосы. На вторую ночь я курилъ на кормѣ и сказалъ стоявшему около меня солдату:

— Послушай, солдатъ, этимъ акуламъ дѣлаетъ смотръ, въ настоящую минуту, предводитель ихъ, Желтый Джакъ.

Едва я произнесъ имя Желтаго Джака, какъ акулы весело нырнули всѣ до одной, какъ бы желая этимъ сказать: «да, чортъ васъ возьми!» Солдатъ такъ испугался, что упалъ-бы черезъ бортъ, еслибъ я не схватилъ его за ногу; онъ стоялъ на самомъ верху гака-борта. Однакожъ мушкетъ его упалъ въ воду и акулы бросились на него со всѣхъ сторонъ, освѣтивъ море яркимъ огнемъ; у бѣдняка выкли изъ жалованья, что стояло ружье. Какъ бы то ни было, судьба его мушкета дала ему нѣкоторое понятіе о томъ, что случилось бы съ нимъ, еслибъ онъ упалъ; съ тѣхъ поръ онъ никогда не рѣшался взойти на гака-бортъ. — «Гей, бакбортъ!

смотри за своимъ рулемъ, Смитъ; это тебѣ не помѣшаетъ слушать меня.» — Ну, такъ, мистеръ Симпль, Желтый Джакъ и не замедлилъ явиться. Сначала казначей былъ призванъ отдать отчетъ во всѣхъ своихъ мошенничествахъ. Мы не очень-то безпокоились, когда морскіе раки поѣдали его; онъ заставилъ многихъ бѣдныхъ покойниковъ жевать табакъ, надувая ихъ женъ, родственниковъ, или гринвичскій госпиталь (*), какъ случалось. За нимъ послѣдовали двое мичмановъ, совершенно однихъ съ вами лѣтъ, мистеръ Симпль; эти бѣдняки отправились съ страшной поспѣшностію; потомъ шкиперъ, и такъ далѣе, пока осталось не болѣе шестидесяти человекъ на кораблѣ. Послѣдній умеръ капитанъ, и тутъ Желтый Джакъ почувствовалъ, что онъ достаточно наполнилъ свою пасть, и оставилъ въ покоѣ остальныхъ. Лишь только умеръ капитанъ, акулы оставили корабль, и мы ужъ больше ихъ не видали.

Таковы были рассказы, которыми угощали меня и прочихъ мичмановъ въ теченіе ночныхъ вахтъ, и смѣю увѣрить читателя, они порядочно пугали насъ. Съ каждымъ днемъ мы все болѣе и болѣе приближались къ индѣйскимъ островамъ, и намъ казалось, будто бы мы приближаемся къ нашимъ могиламъ. Однажды я разсказалъ свои опасенія О'Брізну; онъ захохоталъ.

— Питеръ, сказалъ онъ, страхъ убиваетъ больше народа, чѣмъ желтая горячка, или всякая другая болѣзнь Западной Индіи. Свинбурнъ старый плутъ, и только смѣется надъ вами. Дьяволъ вполонину не такъ черенъ, какъ его рисуютъ, и мнѣ кажется, что и желтая горячка вполонину не такъ желта.

Въ это время мы подходили къ Барбадскимъ островамъ. Погода была прекрасная, вѣтеръ тихій, летучія рыбы подымались стаями, испуганныя пѣнящимися волнами, которыя клубились и съ шумомъ отражались отъ боковъ быстрога фрегата, разсѣкавшаго воды; моржи тысячами рѣзались вокругъ насъ, дельфины, то преслѣдовали летучихъ рыбъ, то, казалось, находили удовольствіе соперничать съ нашимъ кораблемъ въ быстротѣ бѣга. Все было такъ

(*) Въ Англіи жалованье причитающееся умершему матросу, не оставившему послѣ себя наследника, поступаетъ въ пользу гринвичскаго госпиталя.

прекрасно, и мы были бы счастливы, еслибъ, во-первыхъ, не состояніе капитана Сэваджа, чувствовавшего себя съ каждымъ днемъ хуже, а во-вторыхъ, не страхъ ада, въ который мы готовились перейти путемъ этого водянаго рая. Мистеръ Фальконъ, командовавшій теперь кораблемъ, былъ серьезень и задумчивъ; событіе, представлявшее ему въ перспективѣ повышение, казалось, сдѣлаетъ его неминуемо несчастнымъ. Онъ былъ неутомимъ въ своей внимательности къ капитану, въ заботливости обо всемъ, что могло послужить къ его спокойствію, облегчить его страданія; малѣйшій шумъ считалъ онъ теперь тягчайшимъ преступленіемъ, чѣмъ пьянство или даже бунтъ.

За три дня до прибытія въ Барбадосъ, случилась тишь, и тутъ мы въ первый разъ увидѣли страшную бѣлую акулу Атлантическаго Океана. Акулы бываютъ различныхъ родовъ, но самыя опасныя изъ нихъ, большія бѣлыя акулы и зеленныя. Первая достигаетъ страшной величины, послѣдняя рѣдко бываетъ очень длинна, обыкновенно же имѣетъ не болѣе двѣнадцати футовъ; но за то она чрезмѣрно разрастается въ ширину. Мы не смѣли ловить акулъ, рѣзвившихся вокругъ насъ; мистеръ Фальконъ не позволялъ этого изъ опасенія, чтобы шумъ отъ втаскиванія ихъ на корабль не обезпокоилъ капитана. Вѣтеръ подулъ снова. Черезъ два дня мы стали приближаться къ острову, и матросы были посланы на мачты сторожить не покажется ли гдѣ-нибудь земля.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

СМЕРТЬ КАПИТАНА СЭВАДЖА. — ЕГО ПОХОРОНЫ. — ОБРАЗЕЦЪ КОРЕННОГО БАРБАДОСЦА. — ЧТО ТАКОЕ *сосать обезьяну*. — ПОСЛѢДСТВІЯ УРАГАНА.

Мы работали цѣлую ночь, и на слѣдующее утро показалась земля, о которой матросъ, наблюдавшій на мачтѣ, провозгласилъ въ ту самую минуту, когда вошедшій хирургъ объявлялъ намъ о смерти нашего благороднаго капитана. Хотя мы ежеминутно ожидали этого въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ дней; но тѣмъ не менше извѣстіе это тяжело подѣйствовало на весь экипажъ. Матросы рабо-

тали въ тишинѣ и разговаривали другъ съ другомъ шопотомъ. Мистеръ Фальконъ былъ глубоко тронутъ, а съ нимъ виѣстъ и все мы. Впродолженіе утра мы успѣли пристать къ острову и, не смотря на всю тогдашнюю мою грусть, я никогда не забуду чувства удивленія, овладѣвшаго мною, когда мы огибали мысъ Нигдамъ при входѣ въ Карлильскій заливъ. Берегъ ослѣпительной бѣлизны, окоймленный высокими, зелеными кокосовыми деревьями, густо разросшіяся вершины которыхъ склонялись подъ дуновеніемъ свѣжаго вѣтерка; темно-голубое небо и еще болѣе темная, но прозрачная синева моря, мѣстами переходившая въ зеленый цвѣтъ, въ особенности тамъ, гдѣ кораловыя скалы выставляли изъ-подъ воды свои зубчатыя макушки; городъ, мало по малу раскрывавшійся передъ нашими взорами, домъ за домомъ — и дома такіе чистенькіе, съ зелеными форточками, пестрившими ландшафтъ; крѣпость съ распущеннымъ флагомъ; развѣзжающіе верхомъ офицеры; занятое народонаселеніе всѣхъ цвѣтовъ, бросавшееся въ глаза бѣлизною одеждъ — эта сцена почти осуществляла мои понятія о сказачной странѣ фей: кажется, я ничего не видывалъ столь прекраснаго. «Можетъ ли быть эта земля такъ ужасна, какъ ее описываютъ?» думалъ я. Паруса были собраны, якорь брошенъ, и салютъ съ корабля, на который тѣмъ же отозвалась крѣпость, еще болѣе увеличилъ эффектъ сцены. Спустили боты; боцманъ очистилъ маленькую шлюпку отъ рей, и мистеръ Фальконъ, въ полной формѣ, отправился на берегъ съ дѣшемами. Лишь только кончилась работа на кораблѣ, новая пріятная сцена представилась глазамъ мичмановъ, такъ долго довольствовавшихся однимъ казеннымъ пайкомъ. Корабль окружили боты, нагруженные коробами банановъ, апельсеновъ, кокосовъ и прочихъ тропическихъ плодовъ; тутъ были также жаренныя летучія рыбы, яйца, всякаго рода домашняя птица, молоко и все, на что можетъ польститься бѣдный малый, выдержавшій долгое морское путешествіе. Карауль разставили, и мы тотчасъ же бросились къ ботамъ; оттуда воротились съ полнымъ грузомъ сокровищъ, которыя тотчасъ же постарались истребить. Упрятавъ такое количество плодовъ, какого въ Англіи хватило бы на десертъ для двадцати персонъ, я воротился на палубу.

Въ заливѣ, кромѣ нашего, не было ни одного военнаго корабля; вниманіе мое привлекъ красивый маленькій шуннеръ, кото-

раго прекрасная форма рѣзко отличалась отъ вестъ-индскаго купеческаго корабля, стоявшаго съ нимъ бокъ обь бокъ. Между тѣмъ какъ я любовался его изящнымъ контуромъ, вдругъ послышался крикъ, почти испугавшій меня, и въ ту же минуту его палубу покрыло около двухъ сотъ голыхъ фигуръ, съ мохнатыми головами; онѣ кричали и гримасничали другъ передъ другомъ. Это былъ испанскій невольничій корабль, взятый въ плѣнъ и приведенный сюда прошедшимъ вечеромъ; невольники, въ ожиданіи распоряженій губернатора, все еще оставались на борту. Не прошло и десяти минутъ со времени ихъ появленія на палубѣ, какъ вдругъ показались три или четыре человѣка въ широкихъ панамскихъ соломенныхъ шляпахъ съ длинными тростями въ рукахъ, и въ нѣсколько минутъ угнали ихъ внизъ. Я обернулся назадъ и замѣтилъ черную женщину, входившую на фрегатъ, О'Бріэнъ былъ на палубѣ; она жеманно подошла къ нему.

— Какъ онъ пошляфаетъ, сэръ? Очень радъ фасъ увидѣлъ, сказала она О'Бріэну.

— Слава Богу! благодарю васъ, м'амъ, отвѣчалъ О'Бріэнъ; надѣюсь и воротиться въ томъ же здоровьѣ. Но до сихъ поръ я еще не бывалъ здѣсь, и потому не знаю васъ.

— Никогда не быфалъ? помилуй Богъ! мнѣ кашется, я зналъ фасъ — мнѣ кашется, я вспоминай фашъ красивый фигуръ — я леди Родней, сэръ. А! молоденькій мальшикъ! какъ онъ поживаетъ? продолжала она, обращаясь ко мнѣ. Надѣюсь чести битъ фашъ прачка, сэръ — заключила она, присѣдая О'Бріэну.

— А что это будетъ стонть?

— Таше цѣна — немного за штукъ.

— Сколько это немного? спросилъ я.

— Немного, маленькій масса? что такой немного? по пиктаринъ (*) за четыре кольсонъ.

Въ это время палуба наша оживилась приходомъ нѣсколькихъ армейскихъ офицеровъ и здѣшнихъ джентльменовъ, пришедшихъ освѣдомиться о новостяхъ. Послѣдовали приглашенія со стороны

(*) Пиктаринъ — названіе монеты.

последнихъ къ обѣдамъ и въ дома, и лишь только они отправились, воротился мистеръ Фальконъ. Онъ сообщилъ О'Бриэну и прочимъ офицерамъ, что черезъ нѣсколько дней ожидаютъ прибытія адмирала съ эскадрою, а до тѣхъ поръ мы останемся въ Карлльскомъ заливѣ для починки снастей.

Хотя боязнь желтой горячки теперь значительно уменьшилась, но мысль о томъ, что въ каютѣ лежитъ мертвый нашъ капитанъ, постоянно омрачала насъ. Всю эту ночь плотники работали надъ его гробомъ, потому что завтра должно было совершиться погребеніе. Въ тропическихъ климатахъ, гдѣ гниеніе оказывается такъ скоро, не позволяютъ держать трупъ на борту корабля долѣе нѣсколькихъ часовъ. На разсвѣтѣ слѣдующаго утра, матросы принялись мыть палубы и убирать корабль; они работали охотно и съ какимъ-то молчаливымъ благочиніемъ, много говорившимъ въ пользу ихъ чувствъ. Никогда палубы не были лучше вычищены, каюты заботливѣе натянуты; койки были обтнаны бѣлыми наволоками, рей рачительно убраны. Въ восемь часовъ на половинной вышинѣ мачтъ привязаны были флаги. Матросамъ приказано идти позавтракать и умыться; офицеры между тѣмъ отправились въ каюту въ послѣдній разъ проститься съ нашимъ благороднымъ капитаномъ. Казалось, онъ умеръ безъ страданій: лицо его выражало спокойствіе и красоту; однакожь замѣтно было маленькое измѣненіе, убѣдившее насъ въ необходимости скорого погребенія. При насъ уложили его въ гробъ, и мы вышли изъ каюты, молча, безъ разговоровъ. Когда гробъ былъ заколоченъ, его вынесъ на квартердекъ экипажъ баргеса (*) и поставилъ посреди корабля на ростерахъ, прикрывъ знаменемъ Соединенной Британіи. Матросы вышли, не дожидаясь свистка; какая-то торжественность, казалось, преобладала въ нихъ надъ всеми другими чувствами. Всюду господствовали порядокъ и тишина, слѣдствія всеобщаго уваженія къ умершему. Когда отданъ былъ приказъ заннать боты, матросы исполнили это такъ тихо, какъ будто украдкою. Гробъ былъ принятъ на баргесъ и помѣщенъ на заднихъ шкотахъ. Прочіе боты были также спущены и наполнились офицерами, морскими солдатами и матросами, назначенными участвовать въ процессіи. Когда все

(*) Названіе главнаго бота.

было готово, баргесъ отчаялся; экипажъ старался опускать весла тихо, безъ плеска. Прочіе боты послѣдовали за баргесомъ и лишь только отплыли отъ корабля, съ противоположной стороны его раздался громъ пушекъ надъ гладкой поверхностью моря. Между тѣмъ по штирбортъ и бакбортъ въ безпорядкѣ разбросали реи и ослабили канаты въ знакъ отчаянія и нерадѣнія. Въ это время человекъ двѣнадцать, нарочно для того подготовленныхъ, бросились со всѣхъ сторонъ къ боку корабля и замарали красильными кистями и щетками широкую бѣлую ленту, опоясывавшую его изящную внѣшность, оставивъ его такимъ образомъ чернымъ и въ глубокомъ траурѣ. Теперь и крѣпость начала отвѣчать на нашу пальбу. Купеческіе корабли, встрѣчавшіеся на пути процессіи къ пристани, опускали свои флаги, а экипажъ ихъ почтительно обнажалъ головы. На кладбище гробъ несъ на плечахъ своихъ экипажъ баргеса; за нимъ слѣдовали въ траурѣ мистеръ Фальконъ, всѣ офицеры корабля, которыхъ можно было употребить на это, сотня матросовъ, шедшихъ попарно, и морскіе солдаты съ опущенными внизъ ружьями. Процессію встрѣтили армейскіе офицеры, по обѣимъ сторонамъ улицы разставленъ былъ полкъ, музыка играла погребальный маршъ. Отпѣваніе кончилось, надъ могилой пропалили изъ ружей и со стѣсненными сердцами воротились мы къ ботамъ и на корабль.

Мнѣ показалось, и отчасти я не ошибался, что лишь только мы заплатили послѣдній долгъ останкамъ капитана, тотчасъ же забыли свое горе. Реи снова были убраны, канаты натянуты, мы переодѣлись по будничному и снова воцарилась дѣятельность. Дѣло въ томъ, что морякамъ и солдатамъ некогда горевать: ведя бродяжническую жизнь, они безпрестанно встрѣчаютъ новыя сцены, столь же разнообразныя, какъ и неожиданныя. Черезъ два или три дня капитанъ казался забытымъ, хотя на самомъ дѣлѣ этого и не было. Первымъ нашимъ дѣломъ было запасться водою; мы схватили, какъ попало, бочки и спустили ихъ въ боть. Мнѣ поручено было надъ нимъ начальство, вмѣстѣ съ Суэнбёрномъ, кокетнымъ командиромъ. Приставая къ берегу, мы нашли на немъ толпу негровъ, купавшихся въ проливѣ; лишь только набѣгала волна на берегъ, они кидались въ нее своими мохнатыми головами.

— Посмотрите, мистеръ Симплъ, сказалъ мнѣ Суэнбёрнъ; я обращу сейчасъ въ бѣгство этихъ негровъ.

Сказавъ это, онъ сталъ на задній шкоть и, указывая пальцемъ на море, закричалъ: «акула! акула!» Купальщики опрометью и запыхавая бросились отъ берега, и не прежде остановились, какъ увидѣвъ себя въ безопасности на сушѣ. Видя, что мы смѣемся, они осыпали насъ ругательствами, называя мошенниками, стоящими висѣльцы, и другими позорными пменами, какія-только могли прибрать въ своемъ словарѣ. Меня очень позабавила эта сцена, а также негры, окружившіе насъ, лишь только мы пристали къ берегу. Это, казалось, были веселые малые; они помилутно хохотали, болтали, пѣли и оскаливали свои бѣлые зубы. Одинъ изъ нихъ пустился плясать вокругъ насъ, прицелкивая пальцами и горлана какую-то пѣсню безъ начала и конца.

— Что скажешь, масса? Я вѣдь не невольникъ — я коренной Барбадосецъ, сэръ. А?

Nebba see de day
Dat Rodney run away.

— Я свободный человекъ, масса. Надѣюсь вы дадите мнѣ пиктаринъ выпить за здоровье массы?

Nebba see de day, bay,
Pompey lickum de Cesar.

— Прочь съ дороги, негръ! закричалъ одинъ изъ матросовъ, катившій къ берегу бочку.

— Э! кого вы тамъ называете негромъ? Я вольный человекъ — коренной Барбадосецъ. Ступай своей дорогой, матросъ военнаго корабля.

Man-of-war, bucera,
Man-of-war, bucera,
He de bay far me;
Sodger bucera,
Sodger bucera....

— Масса, надѣюсь вы мнѣ дадите хоть одинъ пиктаринъ; вы такой хорошенькій молодой джентльменъ.

— Убирайся прочь! вскричалъ Суэнбёрнъ, подымая съ земли палку.

— Ха! убирайся прочь! Ступайте-ка, занимайтесь своимъ дѣломъ, сэръ. Какъ вы мнѣ смѣете такъ говорить? Занимайтесь своимъ дѣломъ, а я вольный человѣкъ — коренной Барбадосецъ.

Negro on de shore
See de ship come in.
De bucera come onohore
Wid de handup to de chin.
Mon-of-war, bucera
Mon-of-war, bucera....

Въ эту минуту вниманіе мое привлекъ другой негръ, который катался по песку, съ пѣной у рту, какъ бы въ судорогахъ.

— Что съ этимъ парнемъ? спросилъ я негра, который, не смотря на палку Суэнбёрна, все-таки продолжалъ вертѣться вокругъ меня.

— Э! закричите ему Самъ Слакъ, масса. Съ нимъ тиктическій (*) припадокъ. (Оно такъ казалось). Посмотрите, я его вылечу.

И сказавъ это, онъ вырвалъ у Суэнбёрна палку, и напавъ на человѣка, валявшагося на берегу, началъ безошадно колотить его.

— Эге! Самбо! закричалъ онъ наконецъ, утомленный; тебѣ отъ этого не лучше — я еще попробую.

И онъ началъ снова бить несчастнаго, пока онъ не вскочилъ наконецъ и не бросился со всѣхъ ногъ бѣжать. Не знаю, притворился ли этотъ человѣкъ, или дѣйствительно съ нимъ былъ тиктическій, то-есть, иначе эпилептическій припадокъ; только никогда я еще не слыхивалъ о подобномъ лекарствѣ.

Я бросилъ парню полуцигарникъ, столько же въ награду за доставленную мнѣ забаву, какъ и для того, чтобъ избавиться отъ него.

— Спасибо, масса! вотъ тебѣ, матросъ твоя палка; держи ею подальше отъ себя проклятыхъ негровъ.

Сказавъ это, онъ подалъ палку Суэнбёрну и, учтиво поклонившись, удалился. Однако мы тотчасъ же были окружены другими неграми, и въ особенности какими-то грязными женщинами, съ

(*) Въсто эпилептическій.

корзинами плодовъ, увѣрявшими, что у нихъ «все можно купить.» Я замѣтилъ, что морякамъ моимъ очень нравилось кокосовое молоко, и такъ какъ это невинный напитокъ, то я не мѣшалъ имъ покупать его у женщинъ, корзины которыхъ преимущественно были наполнены кокосовыми орѣхами. Никогда не пробовавъ ихъ, я захотѣлъ купить себѣ одинъ кокосъ и выбралъ самый большой.

— Нѣтъ, масса, этотъ не годится вамъ. Есть лучше для молодыхъ офицеровъ.

Я выбралъ другой, но мнѣ возразили тоже самое.

— Нѣтъ, масса, вотъ въ этомъ очень хорошее молоко, полезное для желудка.

Я высосалъ молоко сквозь дырочки, просверленные въ скорлупѣ кокоса, и нашелъ его очень освежительнымъ. Но вскорѣ я нашелъ, что хотя оно и полезно для желудка, за то вредно для головы; потому что люди мои, вмѣсто того, чтобъ катать бочки, сами покатались во все стороны, и когда наступило время отправляться обѣдать, я увидѣлъ многихъ изъ нихъ на днѣ бота мертвецки пьяными. Они увѣряли, что все это отъ солнца. Было точно очень жарко, и я сначала вѣрилъ имъ, пока замѣчалъ въ нихъ только еще одно головокруженіе; но принужденъ былъ убѣдиться въ противномъ, нашелъ ихъ безъ чувствъ. Что же касается до того, какимъ образомъ они достали себѣ водки — это оставалось для меня тайной.

Когда я воротился на бортъ, мистеръ Фальконъ, по прежнему ревностно исполнявшій обязанность старшаго лейтенанта, хотя въ настоящее время и былъ въ должности капитана, спросилъ меня для чего я позволилъ матросамъ напиться пьяными. Я отвѣчалъ, что не знаю, какимъ образомъ это случилось, потому—что не позволялъ имъ отлучаться и покупать водки; пили же они одно только кокосовое молоко, котораго я не запрещалъ имъ, такъ какъ было очень жарко. Мистеръ Фальконъ улыбнулся.

— Мистеръ Симплъ, сказалъ онъ, я коротко знакомъ съ Вестъ-Индіей и посвящу васъ въ одну изъ здѣшнихъ тайнъ. Знаете вы, что значить *сосать обезьяну*?

— Нѣтъ, сэръ.

— Такъ я вамъ скажу: это терминъ, подъ которымъ моряки разумѣютъ сосаніе рома изъ кокосоваго орѣха; молоко выливается изъ него, а вмѣсто него вливается ромъ. Теперь понимаете, какимъ образомъ ваши матросы напились пьяны?

Я выпучилъ глаза: этого никогда бы мнѣ и въ голову не пришло, и теперь я понялъ, почему негрятанка не хотѣла дать мнѣ перваго кокоса, который я выбралъ. Я сообщилъ это обстоятельство мистеру Фалькону.

— Хорошо, отвѣчалъ онъ; вы не виноваты, но не забывайте этого въ другой разъ.

Въ ту же ночь мнѣ приходилось быть въ первомъ караулѣ; Суэнбёрнъ находился на палубѣ въ качествѣ квартирмистра.

— Суэнбёрнъ, сказалъ я, вы не въ первый разъ въ Вестъ-Индіи; для чего вы не сказали мнѣ, что такое сосать обезьяну? Я думалъ они пьютъ кокосовое молоко.

Суэнбёрнъ расхохотался.

— Вы сами знаете, мистеръ Симпль, отвѣчалъ онъ, прилично ли доносить на товарищей. Бѣднякамъ рѣдко выпадаетъ случай «немножко осчастливить себя» — хорошо ли было бы отнять у нихъ этотъ случай? Полагаю, вы въ другой разъ не позволите имъ пить кокосовое молоко.

— Разумѣется. Не понимаю, чтѣ за удовольствіе они находятъ напиваться пьяными?

— Это отъ того, что имъ запрещаютъ пить — вотъ въ чемъ все дѣло.

— Если такъ, то, я думаю, я бы исправилъ ихъ, если бъ мнѣ позволили.

— Желательно знать, какъ-бы вы это сдѣлали, мистеръ Симпль?

— Я заставилъ бы пьяницу выпить полпинты водки, и потомъ заперъ бы его одного; а то компанія развеселила бы его и быть пьянымъ показалось бы ему пріятнымъ. Протрезвясь на слѣдующее утро, онъ помучился бы у меня до вечера головной болью, а потомъ я далъ бы ему еще порцію, и такимъ образомъ продолжалъ бы до тѣхъ поръ, пока онъ не возненавидѣлъ бы и запахъ водки.

— Можетъ быть, мистеръ Симпль, это подѣйствовало бы на нѣкоторыхъ, но ббльшей части пришлось бы много выдать этихъ порцій, прежде чѣмъ они вылечились бы. А что главное, они были бы очень добровольными пациентами и не стали бы гримасничать, принимая лекарство.

— Можетъ быть, но наконецъ я все-таки вылечилъ бы ихъ. Однакожь, скажите, Суэнбёрнъ, видѣли вы когда-либо ураганъ?

— Я, кажется, все видѣлъ, мистеръ Симпль, кромѣ, впрочемъ школы, въ которую мнѣ некогда было ходить. Видите вы эту батарею на Нидгамскомъ мысѣ? Ну, такъ во время урагана ...82 года вѣтеръ поднялъ эти самыя пушки и перенесъ ихъ на тотъ мысъ, что въ противоположной сторонѣ, а вслѣдъ за пушками и часовыхъ въ ихъ будкахъ. Нѣкоторымъ изъ солдатъ, стоявшимъ противъ вѣтра, вырвало зубы и вогнало въ горло; другимъ, ожидавшимъ команды налѣво кругомъ, перевернуло голову назадъ, какъ какой-нибудь флюгеръ; весь воздухъ былъ наполненъ молодыми неграми, носившимися въ видѣ шелухи чернильныхъ орѣховъ.

— Ужели вы думаете, я вамъ вѣрю, Суэнбёрнъ?

— Быть можетъ, это и неправда, мистеръ Симпль; но я такъ часто рассказывалъ эту исторію, что самъ вѣрю ей.

— На какомъ кораблѣ вы были въ то время?

— На кораблѣ Блэнчъ, капитанъ Фолькнеръ; это былъ такой же добрый малый, какъ бѣдный капитанъ Сэваджъ, котораго мы вчера схоронили, а ужъ лучше ихъ обоихъ и быть не можетъ. Я участвовалъ во взятіи Пика, и когда капитанъ мой былъ смертельно раненъ, я отнесъ его внизъ. Славный былъ также подвигъ, взятіе Форъ-Роая, посредствомъ *coup-de-main*, то-есть, это значитъ, что мы пристали къ нему со стороны главной реи (*) и оттуда бросились въ крѣпость. Но, что такое тамъ подъ мѣсяцемъ? — Парусъ въ открытомъ морѣ.

Суэнбёрнъ вытянулъ подозрную трубку и наставилъ ее на показавшуюся точку.

(*) Суэнбёрнъ переводитъ *coup-de-main* — главная рея, потому что это послѣднее названіе по-англійски *main-yard*.

— Одинъ, два, три, четыре! Это адмиралъ и эскадра; между ними одинъ линейный корабль — я готовъ присягнуть.

Я рассмотрѣлъ корабли и, согласясь съ мнѣніемъ Суэнбёрна, отправился донести объ этомъ мистеру Фалькону. Между тѣмъ мой караулъ кончился, и лишь только меня смѣнили, я отправился въ койку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Капитанъ Кирней. — Балъ знати.

На разсвѣтъ слѣдующаго утра, мы размѣнялись знаками съ адмиральскимъ кораблемъ, салютовали его флагъ, и къ осьми часамъ вся эскадра стояла уже на якорѣ. Мистеръ Фальконъ отправился къ адмиралу съ депешами и съ донесеніемъ о смерти капитана Сэваджа. Черезъ полчаса онъ возвратился, и мы съ удовольствіемъ замѣтили на лицѣ его улыбку, изъ которой заключили, что онъ, вѣроятно, получилъ дипломъ командира. До тѣхъ поръ это обстоятельство подлежало сомнѣнію, такъ какъ адмиралъ имѣлъ полное право отдать вакансію кому угодно, хотя это было бы и очень несправедливо относительно мистера Фалькона. Не то, чтобы онъ могъ не дать мистеру Фалькону капитанскаго диплома, потому что, такъ какъ капитанъ Сэваджъ умеръ въ то время, когда корабль нашъ находился подъ адмиральтейскимъ начальствомъ, то мистеръ Фальконъ сдѣлался капитаномъ самъ собою; но все-таки адмиралъ могъ не дать ему корабля и отослать домой ни съ чѣмъ. Но онъ распорядился вотъ какъ: капитанъ Минервы былъ переведенъ на Сангліе, капитанъ Опоссума на Минерву, а капитанъ Фальконъ получилъ команду надъ Опоссумомъ. Въ тотъ же вечеръ ему прислали дипломъ, а на слѣдующее утро перемѣщеніе это уже состоялось. Капитанъ Фальконъ хотѣлъ взять меня съ собой и предлагалъ мнѣ это; но я не рѣшился покинуть О'Брэйна и предпочелъ остаться на Сангліе.

Намъ очень хотѣлось знать, что за человѣкъ вашъ новый капитанъ, котораго звали Кирней; но мы не имѣли случая распрашивать о томъ мичмановъ, исключая, когда они прїѣзжали къ намъ съ ботами, нагруженными его имуществомъ. Мы получили отвѣтъ общій: что онъ очень добрый малый и никому не дѣлаетъ зла. Ночью я былъ на караулѣ съ Суэнбёрномъ; онъ подошелъ ко мнѣ.

— Ну, мистеръ Симпль, сказалъ онъ, у насъ теперь новый капитанъ. Я служилъ съ нимъ два года тому назадъ на одномъ бригѣ.

— Такъ скажите, пожалуйста, Суэнбёрнъ, что онъ за человѣкъ?

— Съ большимъ удовольствіемъ, мистеръ Симпль! Вотъ видите, у него прекрасный характеръ, онъ такой ласковый, но...

— Что же?

— Большой самохвалъ!

— Что это значитъ? Я полагаю, онъ не гордъ.

— Боже мой, мистеръ Симпль! какъ это вы не понимаете роднаго языка. Это значитъ, что онъ лжець, какого не видывала палуба. Вамъ извѣстно, мистеръ Симпль: я умѣю иногда сочинить сказку.

— Конечно, доказательствомъ можетъ служить ураганъ, о которомъ вы рассказывали въ прошедшую ночь.

— Ну такъ, мистеръ Симпль, я ему въ подметки не гожусь. Не то, чтобы съ нѣкоторымъ стараніемъ и я не могъ зайти въ шуткѣ такъ же далеко, какъ онъ, но — чортъ его возьми! — онъ вѣчно напрягаетъ все стараніе лгать. Ну, просто, мистеръ Симпль, онъ правду скажетъ развѣ по ошибкѣ только. Бѣденъ какъ крыса, ничего не имѣетъ, кромѣ жалованья, а послушать его, такъ онъ богаче гринвичскаго госпиталя. Но вы скоро узнаете его: онъ дастъ вамъ надъ чѣмъ посмѣяться, только помните, мистеръ Симпль, что въ такихъ случаяхъ не водится смѣяться въ лицо.

На слѣдующій день явился капитанъ Кирней. Матросы встрѣтили его во фрунтѣ; всѣ офицеры находились на квартирдекѣ.

— У васъ все прекрасные матросы, капитанъ Фальконъ, замѣтилъ онъ; тѣ, которыхъ я оставилъ на Минервѣ, годятся

только на висѣлицу; и мичманы здѣсь хороши, а тѣ, что остались у меня на Минервѣ, не стоятъ даже висѣлицы. Если вамъ угодно будетъ собрать экипажъ на корабль, я прочту ему приказъ.

Приказъ былъ прочтенъ въ присутствіи всего экипажа, слушавшаго, приложивъ руку къ шляпѣ, изъ уваженія къ власти, отъ которой онъ истекалъ.

— Теперь, ребята, сказалъ капитанъ Кирней, обращаясь къ матросамъ, мнѣ немножко остается прибавить. Я назначенъ командовать этимъ кораблемъ, и мнѣ кажется, вашъ бывший старшій лейтенантъ внушилъ вамъ очень хорошій духъ. Требую отъ васъ одного: будьте дѣятельны, трезвы и *никогда не лгите*. Довольно: скоман-дуйте разойтись. — Джентльмены, продолжалъ онъ, обращаясь къ офицерамъ, надѣюсь, мы будемъ друзьями, да иначе и быть не можетъ.

Сказавъ это, онъ поклонился намъ, отвернулся и позвалъ своего кокетнаго командира.

— Уилльямсъ, отправляйтесь на Минерву и скажите моему человѣку, что я званъ обѣдать къ губернатору, такъ чтобъ онъ пріѣхалъ одѣвать меня. Да не забудьте разослать на заднихъ ротерсахъ моего джига коверъ овечьяго мѣха — не тотъ, что былъ у меня на берегу *въ каретѣ*, а другой — синій, что употреблялся *въ коляскѣ* — вы знаете, про который я говорю.

Случайно я взглянулъ на Суэнбёрна; онъ мигнулъ мнѣ, какъ бы желая сказать: «вотъ онъ — пошелъ!»

Намъ опять пришлось сойтись съ офицерами Минервы, и на этотъ разъ они подтвердили все, что говорилъ мнѣ Суэнбёрнъ, хотя теперь этого и не нужно было: капитанъ лично, на каждомъ шагу, оказывалъ себя лжецомъ.

Приглашенія на обѣды полились потокомъ: гостепріимство этого острова извѣстно. Они простирались даже на мичмановъ, такъ что во время этой стоянки мнѣ очень часто случалось бывать на хорошихъ обѣдахъ и веселыхъ вечерахъ. Больше всего, однакожъ, я желалъ видѣть — такъ называемый *балъ знати*, о которомъ очень много слышался. Но въ этомъ кое-что надобно пояснить, а то читатели не поймутъ меня.

Черные жители Барбадоса, по причинамъ, известнымъ только имъ, чрезмерно горды и смотрятъ на негровъ прочихъ острововъ съ презрѣніемъ; такъ напримѣръ, они чрезвычайно высокаго мнѣнія о своей храбрости, хотя я и не слыхалъ, чтобъ оно чѣмъ-нибудь оправдывалось. Свободные Барбадосцы, по большой части, очень богаты и на походкѣ держатъ голову вверхъ чрезвычайно смѣшно. Они перенимаютъ манеры Европейцевъ, хотя въ то же время считаютъ ихъ, повидимому, ниже себя. Баломъ *знати* называется балъ, который даютъ самые знатные между этимъ чернымъ народомъ; для забавы, и по многимъ другимъ причинамъ, его очень охотно посѣщаютъ армейскіе и флотскіе офицеры. Цѣна за билетъ на входъ довольно высока — кажется по восьми долларамъ.

Губернаторъ разослалъ пригласительныя карты на балъ и ужинъ, имѣющіе быть на слѣдующей недѣлѣ; мулатка миссъ Бетси Остинъ, узнавъ объ этомъ, разослала приглашенія на тотъ же вечеръ. Это было сдѣлано не изъ соперничества, а потому что она знала, что большая часть флотскихъ офицеровъ и мичмановъ получаютъ позволеніе идти на губернаторскій балъ, а оттуда тайкомъ уйдутъ къ ней, и такимъ образомъ она будетъ имѣть полный домъ гостей.

Въ день праздника капитанъ пріѣхалъ на бортъ и сказалъ старшему лейтенанту (я поговорю объ немъ впоследствии подробнѣе), что губернаторъ убѣдительно проситъ всѣхъ его офицеровъ къ себѣ на балъ, отговорокъ никакихъ не принимаетъ и увѣренъ, что они будутъ. Дѣло въ томъ, что губернаторъ родня его женѣ и нѣкоторымъ образомъ обязанъ ему настоящимъ своимъ мѣстомъ. Онъ замолвилъ объ этомъ губернатору словечко первому министру и теперь тотъ считаетъ очень вѣроятнымъ, что ходатайство его имѣло свое дѣйствіе, такъ-какъ онъ съ дѣтства на короткой ногѣ съ министромъ: во всякомъ случаѣ странно, что есть еще благодарность въ свѣтѣ. Послѣ этого, разумѣется, всѣ офицеры собрались на губернаторскій балъ, исключая шкипера, который объявилъ, что ему пріятнѣе присмотрѣть за своими якорями и кораблемъ, чѣмъ идти глазѣть, какъ люди выводятъ веззеля ногами, словно сумасшедшіе

Балъ губернатора былъ очень роскошенъ, но женщины, показались намъ немного желтыми, что происходило, конечно, отъ

климата. Впрочемъ, были исключенія, и вообще мы очень весело провели время; однакожь, намъ хотѣлось посмотрѣть балъ *знати* у миссъ Бетси Остинъ. Я тайкомъ ушелъ съ тремя мичманами, и мы отправились къ ней. Толпа негровъ окружала домъ, но балъ еще не начинался, за недостаткомъ джентльменовъ, такъ какъ балъ былъ аристократическій и никто изъ стоящихъ по цвѣту кожи ниже мулатовъ не былъ приглашенъ.

Полагаю, нужно объяснить, что рожденіе отъ бѣлаго и негра даетъ титулъ мулата, что равняется половинѣ на половину бѣлаго съ чернымъ; отъ бѣлаго и мулата — титулъ *квадруна* = $\frac{1}{4}$ черного; изъ этихъ двухъ классовъ преимущественно состояло общество. Квадрунъ и бѣлый = *мусти* или $\frac{1}{8}$ черного, мусти и бѣлый = *мустафину* или $\frac{1}{16}$ черного. Дальнѣйшее смѣшеніе съ бѣлымъ называется *смытымъ* и причисляется къ Европейцамъ. Въ Вестъ-Индіи чрезвычайно гордятся цвѣтомъ кожи, и ему столько же подраздѣленій, сколько на гербовомъ щитѣ какого-нибудь германскаго принца. Квадрунъ съ презрѣніемъ смотритъ на мулата, мулатъ на самбо, то-есть, на происходящаго отъ мулата и негра; самбо на негра. Самая красивая порода между ними безспорно квадруны; нѣкоторыя женщины вполнѣ красавицы: волосы у нихъ длинны и совершенно гладки, глаза большіе и черные, лица—совершенство, и вы замѣтите столь же нѣжную игру румянца на ихъ щечкахъ, какъ и у Европейокъ. Мы нашли дверь миссъ Остинъ отпертою, и украшенною апельсинными вѣтвями; лишь только мы вошли, къ намъ подошелъ мулатскій джентльменъ, исправлявшій, кажется, должность швейцара. Голова его была тщательно напудрена, одѣтъ онъ былъ въ желтовато-бѣлыхъ брюкахъ, въ жилетѣ длиною въ шесть вершковъ не больше, и въ полуизношенномъ почталонскомъ сюртукѣ, вмѣсто ливрен. Съ низкимъ поклономъ онъ «осмѣлился обезпокоить джентльменовъ относительно билета для входа на балъ»; мы показали ихъ, и онъ ввелъ насъ въ большую залу, въ дверяхъ которой стояла миссъ Остинъ въ ожиданіи гостей. Она приняла насъ съ низкимъ книксеномъ и замѣтила, что «очень рада видѣть у себя флотскихъ джентльменовъ; надѣется, однакожь, что и офицеры будутъ на ея *аристократическомъ балу*.»

Это замѣчаніе затронуло нашу честь, и одинъ изъ товарищей моихъ отвѣчалъ, что «мы, мичманы, считаемъ себя офицерами и

не изъ *последнихъ*, а если она ждетъ лейтенантовъ, то ей придется ждать, пока имъ не надобѣтъ балъ губернатора; мы же предпочли ей балъ.»

Этимъ все дѣло уладилось: намъ подали стулья, и я принялся разсматривать общество. Я долженъ признаться, хотя этимъ рискую подвергнуться дурному мнѣнію со стороны моихъ соотечественницъ, что никогда я не видывалъ прежде столько хорошенькихъ личинокъ. Такъ какъ офицеры еще не приходили, то предметомъ главнаго вниманія хозяйки сдѣлались мы, и я поочередно былъ представителемъ миссъ Эвридикіи, миссъ Минервѣ, миссъ Сильвіи, миссъ Аспазіи, миссъ Эвертѣ и многимъ другимъ, очевидно заимствовавшимъ имена свои у разныхъ военныхъ кораблей, которымъ приходилось стоять тутъ. Не могу описать ихъ туалета — въ драгоценныхъ камняхъ недостатка не было, но драпировка была на нихъ легкая; онѣ, казалось, не носили корсетовъ и не чувствовали въ нихъ даже никакой надобности; но вообще ихъ личики представляли такое совершенство, что слишкомъ изысканный нарядъ только повредилъ бы имъ. Появилось еще нѣсколько мичмановъ и лейтенантовъ (въ числѣ ихъ О'Бріэнъ), и миссъ Остинъ приказала начать балъ. И пригласилъ миссъ Эвридикію на котильонъ, которымъ балъ долженъ былъ открыться. Въ эту минуту выступилъ впередъ церемоніймейстеръ и балетмейстеръ масса Джопсонъ, чрезвычайно живой человекъ, дававшій уроки танцевъ всѣмъ «барбадосскимъ ледя.» Это былъ смуглый квадратъ, съ волосами, слегка напудренными, въ свѣтло-голубомъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ, въ которомъ одна только пуговица была застегнута, какъ будто для того, чтобъ больше дать простору его сердечной гордости. Воротнички его рубашки, которыя по справедливости можно было назвать *un jabot superbe*, были въ четыре вершка шириною и простирались отъ воротника до нанковыхъ брюкъ, оканчивавшихся у колѣнъ огромнымъ бантомъ изъ лентъ; ноги пощипались въ шелковыхъ чулкахъ, что, впрочемъ, доказывало съ его стороны дурной вкусъ, потому что онъ выказывалъ такимъ образомъ преимущество Европейцевъ предъ черными въ устройствѣ ноги. Колѣни у него были согнуты наподобіе складнаго ножа — и въ довершеніе всего, нога была воткнута въ ступню, какъ рукоятка щетки — въ равномъ разстояніи между пяткой и носкомъ. Такова была наружность мистера Апол-

лона Джонсона, слышавшаго въ глазахъ дамъ за пес plus ultra фе-шенебельности. Смычекъ служилъ ему волшебнымъ жезломъ, магическое прикосновеніе котораго къ скрипкѣ, заставляло тотчасъ же исполнять всё его приказанія.

— Леди и джентльмены, становитесь въ позицію! (Всѣ тотчасъ же вскочили съ своихъ мѣстъ). Миссъ Эвридикія, вы откроете балъ.

У миссъ Эвридикіи былъ плохой партнеръ, по она вызвалась учить меня. О'Бріэнъ былъ нашимъ vis-à-vis вмѣстѣ съ миссъ Эвтерпіей. Прочіе джентльмены были всѣ флотскіе офицеры; насъ было человекъ двѣнадцать; мы составили такимъ образомъ перемежающуюся линію бѣлыхъ и черныхъ на подобіе шахматной доски. Всѣ глаза были обращены на мистера Аполлона Джонсона, который, взглянувъ сначала на пары, потомъ на скрипку, наконецъ на прочихъ музыкантовъ, чтобъ видѣть готовы ли они, подалъ знакъ смычкомъ, и музыка началась.

— Масса лейтенантъ, закричалъ мистеръ Аполлонъ О'Бріэну, идите къ противоположной дамѣ — правую руку — лѣвую — дѣлайте фигуру къ миссъ Эвридикіи — такъ! ну, теперь всѣ четверо составьте кругъ. Вы, маленькій мячманъ, посадите вашу даму, сэръ; обойдите вокругъ нея — такъ! теперь стойте: первая фигура кончена.

Теперь, подумалъ я, можно поговорить съ дамой, и осмѣлился сдѣлать ей какое-то замѣчаніе; къ удивленію моему она отвѣчала довольно рѣзко:

— Я здѣсь для того, чтобъ танцовать, сэръ, а не болтать; смотрите, масса Джонсонъ беретса за смычекъ.

Началась вторая фигура, и я сдѣлалъ страшную ошибку, а потомъ такую же въ третьей, въ четвертой, въ пятой: я никогда не танцевалъ котильоновъ. Когда я отвелъ на мѣсто мою даму, бывшую безспорно лучше всѣхъ въ этомъ обществѣ, она взглянула на меня презрительно.

— Какъ мнѣ жаль, замѣтила она сосѣдкѣ, этихъ джентльменовъ, пріѣзжающихъ изъ Англии; они вовсе не умѣютъ танцовать, пока не научатся здѣсь въ Барбадосѣ.

Теперь назначил кадрили, что было гораздо лучше для объёма партій, потому-что ни одна изъ ученицъ мистера Аполлона Джонсона не знала твердо котильона, а изъ офицеровъ, исключая О'Бріана, никто не умѣлъ ногой ступить. Высшее въ этомъ отношеніи образованіе О'Бріана, въ соединеніи съ его лейтенантскими эполетами и красивой наружностью, обратили на него всеобщее вниманіе; но онъ выбралъ себѣ миссъ Эвридикію, когда я ее оставилъ, и не отставалъ отъ нея цѣлый вечеръ, возбуждая этимъ ревность мистера Аполлона Джонсона, который, казалось, былъ въ нее влюбленъ. Наше общество увеличивалось съ каждой минутой: всѣ гарнизонные офицеры, наконецъ даже губернаторскіе адъютанты, при первой возможности, поспѣшили сюда, и явились одѣтые въ *муфти* (т.-е. широкія одежды). Танцы продолжались до трехъ часовъ утра; къ этому времени, благодаря новымъ пришельцамъ, безпрестанно стекавшимся со всего Барбадоса, давка сдѣлалась нестерпимою. Думаю, нѣсколько бутылокъ о-де-колона, разлитыя по комнатѣ, очистили бы нѣсколько атмосферу. Прибавьте къ этому необыкновенный жаръ и неприятную сонливость на лицахъ дамъ. Гордымъ джентльменамъ, любящимъ неподвижную окаменѣлость членовъ, я рекомендовалъ бы *аристократическій* балъ. Въ это время доложили, что готовъ ужинъ, и такъ-какъ я только что протанцовалъ кадрили съ миссъ Минервой, то имѣлъ удовольствіе вести ее подъ руку въ столовую. Возлѣ меня стояла прекрасная индѣйка, и я спросилъ свою даму не угодно ли ей кусочекъ грудинки. Она взглянула на меня съ негодованіемъ.

— Что за безстыдство, сэръ! сказала она — гдѣ вы выучились этимъ манерамъ? Я хочу кусочекъ индѣйки, сэръ. Говорить дамамъ о грудяхъ — это ужасно!

Мнѣ еще пришлось сдѣлать два или три такихъ же варварскихъ промаха до окончанія ужина. Наконецъ онъ кончился, и признаюсь, я еще не видывалъ такого славнаго ужина.

— Тише, джентльмены и леди! вскричалъ мистеръ Аполлонъ Джонсонъ. Съ дозволенія милой хозяйки я предложу тостъ. Джентльмены и леди! вамъ всѣмъ извѣстно, а если нѣтъ, такъ я скажу вамъ, что въ цѣломъ мірѣ нѣтъ ничего, подобнаго Барбадосу. Весь свѣтъ ополчается на Англію, но Англія нѣчего

бояться, королю Георгу нечего бояться, пока стоитъ за нихъ Барбадосъ. Барбадосъ сражается за короля Георга до послѣдней капли—крови. Никому не видать дня, въ который побѣжитъ Барбадосецъ; вамъ веѣмъ извѣстно, какъ Французы при Сень-Люисъ покинули Марка-Фортюне, лишь только услышали о приближеніи барбадосскихъ волонтеровъ. Я не намѣренъ оскорблять присутствующихъ здѣсь, но съ сожалѣніемъ долженъ сказать, Англія въ этомъ отношеніи завидуетъ Барбадосу. Джентльмены и леди! природныя Барбадосцы имѣютъ одинъ только недостатокъ: они слишкомъ храбры. Предлагаю здоровье острова Барбадоса!

Вопли одобренія раздались со всѣхъ сторонъ въ отвѣтъ на эту скромную рѣчь, и тостъ былъ выпитъ съ восторгомъ; дамамъ понравилось краснорѣчіе мистера Аполлона, и то, что онъ былъ, такъ сказать, душою всего общества.

О'Бріэнъ всталъ, и обратился къ обществу съ слѣдующими словами: «Леди и джентльмены, мистеръ Поль выказалъ краснорѣчіе, какого я еще не встрѣчалъ ни въ одномъ попугаѣ; но такъ-какъ онъ заблагоразсудилъ предложить тостъ за здравіе острова Барбадоса, то я буду нѣсколько обстоятельнѣе. Подобно ему, я желаю всякаго благополучія острову, но въ немъ есть нѣчто, безъ чего онъ былъ бы пустынею — это общество милыхъ дѣвушекъ, которыя насъ окружаютъ и берутъ приступомъ наши сердца (здѣсь О'Бріэнъ нѣжно обхватилъ талію Эвредикіи, при чемъ мистеръ Аполлонъ заскрежеталъ зубами такъ, что слышно было въ отдаленнѣйшемъ концѣ комнаты); а потому, съ вашего позволенія, джентльмены, я предлагаю здоровье барбадосскихъ дамъ.» Рѣчь эта была признана, по крайней мѣрѣ дамами, несравненно превосходнѣе рѣчи мистера Аполлона Джонсона. Миссъ Эвредикія сдѣлалась еще милѣе, а прочія дамы еще завистливѣе.

Много другихъ тостовъ было предложено, такъ что мужская часть общества сдѣлалась немножко шумна. Мистеру Аполлону нужно было, однакожь, снова стать на первый планъ, и, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ гамъ и гамъ, онъ попросилъ позволенія предложить загадку.

— Джентльмены и леди, произнесъ онъ, предлагаю тостъ:

«..... to de cock, whomake lub to de hen,
Crow till he hoarbes andmake lib again.» (*)

Загадка эта была принята съ восторгомъ, и когда возстано-
вилась тишина, миссъ Остинъ вышла и объявила, что «хотя она
и не привыкла говорить въ публикѣ, но не можетъ не поблаго-
дарить джентльмена за его учтивый тостъ, и отъ имени дамъ
просить позволенія предложить также загадку:

«Here to de hen what nebler refuses,
Ze tcock pay sompliment whenebber he chooses.» (**)

Если первый тостъ былъ встрѣченъ съ аплодисментами, то
второй — съ восторгомъ; но лишь только онъ немного умѣрился,
хозяйка окончательно охладила его.

— Ну, джентльмены и леди, сказала она; мнѣ кажется, пора
домой: я не позволяю напиваться и шумѣть въ моемъ домѣ, а по-
тому выпьемъ по стакану вина на прощанье и — благодарю васъ
за посѣщеніе.

О'Бріэнъ замѣтилъ, что это былъ довольно откровенный на-
мекъ, а потому, выпивъ по прощальному стакану вина, согласно
съ приглашеніемъ хозяйки и нашимъ собственнымъ желаніемъ, мы
приготовились провожать нашихъ дамъ домой. Между тѣмъ, какъ
я укутывалъ красной креповой шалью миссъ Минерву, въ другомъ
углу разражалась буря между мистеромъ Аполлономъ Джонсомъ и
О'Бріэномъ. О'Бріэнъ заботливо прислуживалъ миссъ Эвридикіи,
нашептывая ей разныя любезности, какъ вдругъ къ нимъ подошелъ
мистеръ Аполлонъ, въ груди котораго кипѣла ревность, и сказалъ
миссъ Эвридикіи, что онъ будетъ имѣть честь проводить ее домой.

— Можешь избавить себя отъ этого труда, возразилъ О'Брі-
энъ: эта дама подъ моимъ покровительствомъ, такъ убирайся съ
своей противной черной рожей, не то я покажу тебѣ, какъ
поступлю съ Барбадосцемъ *слишкомъ храбримъ*.

(*) Пѣтуху, который ухаживаетъ за курицей, пость ей хвалу, пока не охрип-
нетъ, да и тогда не перестанетъ ухаживать.

(**) Вотъ тостъ курицы, которая никогда не запрещаетъ пѣтуху говорить ком-
плименты, какой ему вздумается.

— Троньте только пальцемъ, масса лейтенантъ, и — клянусь Богомъ! — я покажу вамъ что такое Барбадосецъ.

Сказавъ это, мистеръ Аполлонъ попытался протѣсниться между О'Бріаномъ и его дамой, но О'Бріанъ оттолкнулъ его и продолжалъ идти къ дверямъ. Они были уже въ корридорѣ, когда я услышалъ сердитый голосъ О'Бріана. Оставивъ миссъ Минерву я отправился къ нему.

По просьбѣ О'Бріана, миссъ Эвридикія оставила его руку и оба противника стояли уже въ позиціи: О'Бріанъ, прислонясь къ запертой двери, а мистеръ Аполлонъ противъ него въ позѣ нападающаго. О'Бріанъ, зная чувствительное мѣсто негровъ, встрѣтилъ мистера Аполлона такимъ ударомъ въ колѣно, который мнѣ переломилъ бы, кажется, ногу. Масса Джонсонъ завопилъ отъ боли и отступилъ шага на три, раздвигая за собою толпу. Негры никогда не дерутся кулаками, а головами, подобно козламъ и съ такою же силою. Отступивъ, мистеръ Аполлонъ еще разъ потеръ колѣно, громко вскрикнулъ и бросился на О'Бріана, направляя голову ему въ животъ. О'Бріанъ, замѣтивъ его намѣреніе, ловко уклонился, въ сторону: мистеръ Аполлонъ прескочилъ мимо и съ такой силой ударился въ стеклянную дверь, что застрялъ въ ней и, кипя яростью, завизжалъ о помощи. Его высвободили, не безъ нѣкотораго труда, впрочемъ; но видъ его въ это время былъ жалокъ; лицо изрѣзано, пыльное жабо въ клочьяхъ. Повидимому, однакожъ, онъ рассудилъ, что съ него довольно этого и воротился въ столовую въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ поклонниковъ, не обращая вниманія на О'Бріана.

Но если съ мистера Аполлона и было довольно этого, за то друзья его были такъ раздасадованы, что не хотѣли отпустить насъ безнаказанно. Огромная толпа собралась на улицѣ, пылая мщеніемъ за такой поступокъ съ ихъ блестящимъ соотечественникомъ, и должно было ожидать стычки. Миссъ Эвридикія ускользнула отъ О'Бріана, и руки его остались, слѣдовательно, свободны.

— Выходите, висѣльники, выходите! жаль, что нѣтъ тутъ камней, чтобъ разможжить вамъ головы, кричала толпа негровъ.

Офицеры вышли всѣ вдругъ и были встрѣчены апельсинными корками, кочерыжками, грязью, кокосовой скорлупой. Мы пробивались цѣлой толпой, но по мѣрѣ приближенія къ берегу толпа

негровъ увеличивалась, такъ что наконецъ совѣтъ стѣснила насъ, и мы не могли ступить шагу впередъ; тѣмъ болѣе, что головы негровъ были также нечувствительны, какъ осколки мрамора.

— Приходится обнажить шпаги, замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Не годится это, возразилъ О'Бріанъ. Если мы прольемъ кровь, то не уйдемъ отъ нихъ живыми. Экипажъ нашихъ ботовъ вѣроятно скоро замѣтитъ, что тутъ стычка.

О'Бріанъ былъ правъ. Не успѣлъ онъ проговорить этихъ словъ, какъ мы замѣтили что въ нѣкоторомъ разстояніи негры начали раздаваться. Появился Суэнбѣрнъ въ сопровожденіи остальнаго экипажа, вооруженнаго веслами, которыми они дѣйствовали не по головамъ, а по ногамъ негровъ. Въ продолженіе всего шестива нашего къ ботамъ, они не переставали отмахиваться направо и налево въ нашемъ аррьергардѣ, надѣлая ударами черныхъ, которые подходили слишкомъ близко къ намъ. Въ это время почти уже совѣтъ разсвѣло и черезъ нѣсколько минутъ мы въ безопасности прибыли на бортъ нашего фрегата. Такъ кончился первый и послѣдній аристократическій балъ, на которомъ я присутствовалъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА НОВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
АЛЕКСАНДРА СЕРГЬЕВИЧА

ПУШКИНА,

въ конторъ Москвитянина. — Новое собраніе сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина будетъ вмѣщать всѣ стихотворныя произведенія поэта и всѣ статьи его въ прозѣ, заключающіяся въ последнемъ посмертномъ изданіи его 'твореній, которое появилось въ 1838 и кончилось въ 1841 году (11 томовъ). Сверхъ того въ новое изданіе войдутъ стихотворенія, помѣщенныя въ старыхъ журналахъ и не попавшія въ предшествующее изданіе, и значительное количество произведеній его въ стихахъ и прозѣ, никогда еще не бывшихъ въ печати. Они найдены въ бумагахъ поэта, и о важности ихъ можно судить по бѣглому перечету однихъ цѣльныхъ, довольно большихъ произведеній, которыя украшаютъ настоящее изданіе. Въ немъ будутъ помѣщены неизданныя строфы Евгенія Онегина, дополнительныя строфы Домика въ Коломнѣ, переводъ въ стихахъ 25-й пѣсни Неистоваго Орландо, критическій разборъ первой пѣсни Слова о Полку Игоревѣ, продолженіе повѣсти Рославлевъ и проч. Первый томъ настоящаго изданія будетъ состоять изъ біографіи поэта, составленной преимущественно по бумагамъ его и дополненной записками, нарочно приготовленными для этого изданія покойнымъ Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, П. А. Катенинымъ, Н. И. Павлицевымъ и соучениками поэта, изложившими свои воспоминанія въ одной общей запискѣ. Портретъ Пушкина, работы Уткина, три снимка съ рисунковъ перомъ, какіе по своей привычкѣ дѣлалъ поэтъ на рукописяхъ въ самую минуту созданія, и

нѣскольکو снимковъ съ отроческаго, юношескаго и установившагося его почерка будутъ приложены то же къ первому тому. Въ отношеніи внѣшней красоты, нынѣшній издатель сочиненій Пушкина, П. В. Анненковъ, смѣетъ думать, что онъ сдѣлалъ всевозможное для соединенія въ новомъ изданіи изящества съ дешевизной. Какъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ другихъ, онъ имѣлъ преимущественно въ виду дать публикѣ собраніе сочиненій Пушкина, хотя отчасти достойное его, и хотя нѣсколько соответствующее ожиданіямъ читателей народнаго поэта нашего.

Условія подписки слѣдующія: за всѣ шесть или, можетъ быть, семь томовъ новаго полнаго собранія сочиненій Пушкина, цѣна назначается 12 р., а съ пересылкою 15 р. сер. Первые три тома выдаются подписчикамъ непременно въ концѣ марта 1855 г., если не ранѣе, о чемъ будетъ объявлено въ свое время; остальные непременно въ теченіе лѣта.

Что касается до Гг. иногородныхъ и вообще жителей не столицъ, то да благоволятъ они обращаться съ своими требованіями прямо къ издателю Павлу Васильевичу Анненкову, по адресу «въ С. Петербургъ, въ Главномъ Штабѣ, въ квартиру № 4-й, входъ съ Большой Морской.» Благвременная подписка избавитъ ихъ отъ промедленія въ доставкѣ изданія, что неминуемо послѣдуетъ, если ждуть появленія первыхъ трехъ томовъ въ продажѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ Гг. иногородные и вообще жители не столицъ благоволятъ, при высылкѣ 15-ти р. сер., четко выставлять въ своихъ требованіяхъ адреса, а также имена, отчества и фамиліи, для отстраненія всякаго повода къ недоразумѣнію, могущему затруднить безостановочное исполненіе ихъ требованій.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1854.

№ 22.

Ноябрь.

Кн. 2.

СТАРЫЙ ДРУГЪ

ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе.)

ГЛАВА XIV.

Мудрено послѣ Гоголя рѣшиться описывать какую-нибудь мѣстность, особливо же въ любимой его Малороссіи, и потому скажу просто, что мой старикъ Напольный, съ своею драгоценною Софьею, уже третій годъ, какъ переселились изъ Петербурга въ одинъ изъ уездныхъ, бѣлыхъ городковъ счастливой Украйны, гдѣ почтенный Иванъ Николаевичъ получилъ мѣсто городничаго, и гдѣ еще всѣхъ счастливѣе былъ онъ самъ. Занимаемая имъ должность была совершенно по немъ: строгій блюститель порядка и справедливости, но обходительный со всеми, и гостепріимный безъ лицепріятія, онъ очень скоро сдѣлался любимцемъ горожанъ и всѣхъ околныхъ помѣщиковъ, и эта, вполне заслуженная, любовь и

уваженіе отражались и на его милую Софью; безъ нея бесѣда не въ бесѣду, и пирь не въ пирь, и это приводило въ восторгъ ея неизмѣннаго обожателя.

Х — Наконецъ-то, разсуждалъ онъ надосугъ самъ съ собою, наконецъ попала таки на видъ добрымъ людямъ моя неоцѣненная Соничка; не скажутъ теперь, что зарыль въ землю свой талантъ старикъ Напольный. Вотъ вамъ она! любуйтесь ею, преклоняйте предъ ней колѣна, несите ей сердца свои, знайте цѣну этому сокровищу, — и когда придетъ карачунъ Ивану Николаичу, онъ можетъ теперь спокойно проститься съ бѣлымъ свѣтомъ, онъ знаетъ, что каждый, кто узналъ ее, за великое счастье почтетъ послужить ей по мѣрѣ силъ своихъ. Да и меня, стараго дурака, всѣ здѣсь, слава Богу, любятъ, и почтутъ въ ней мою память. А полюбили все по ней же: ну, гдѣ бѣ моему глупому уму съумѣть безъ нея такъ принять да угостить всякаго, какъ она уловчилась, моя бѣлая голубушка. Нѣтъ у нея различія: богатый ли, бѣдный ли гость пожалуетъ, всѣмъ рада, всѣмъ привѣтъ, съ каждымъ норовитъ поговорить, какъ ему по сердцу! И откуда она всему этому научилась, моя красота неописанная? кажется, всю молодость свою провела въ четырехъ стѣнахъ, да въ горячихъ слезахъ! Знать ужъ ей такой талантъ Богомъ данъ, — поди-тка, поравняйся кто съ ней, всякаго за поясъ заткнегъ. Въ компанію ли войдетъ, что твоя пава; заговоритъ — словно горлица заворкуетъ. А ужъ коли запоетъ когда, — и соловья курскаго не надо, такъ бы въкъ и слушалъ все ее одну. За то ужъ и выются-жь вокругъ нея и молодые и старые, словно въ зимнюю пору около камелька отогрѣваются; а ужъ всего-то дороже да радостнѣе мнѣ-то, что весела-то она стала опять. Глазки такъ и мечугъ огнемъ, да и въ добрый часъ молвить, въ худой промолчатъ, и тѣломъ-то понабралась опять, и румянецъ заиграетъ, — совсѣмъ красавица. То-то, подумаешь, великое дѣло молодость-то! вовсе было извелась, высохла какъ былинѣчка, такъ и обмиралъ, что въ землю пойдетъ, не поживши. А теперь посмотри-ка, что за чудесная красота! Тьфу! тьфу! не сглазить бы мнѣ ее, окаянному! Вижу теперь,

его и называть-то не хочу, прости Господи! еще чего добраго, бѣды съ нимъ накличешь. Чуръ насъ! пусть себѣ отдохнетъ да поживетъ припѣваючи, моя безподобная Соничка; довольно показилась ея ангельская душка, пора жъ и ей спознаться съ покоемъ да весельемъ, — и, кажется, теперъ она вѣсѣмъ счастлива по великой милости Божіей.

И добрый старикъ набожно крестился.

Не ошибался онъ: Софья дѣйствительно чувствовала себя счастливою на столько, какъ возможно тому, кто любилъ и пересталъ любить. Незамѣнимую пустоту своего сердца она старалась восполнять высокою мыслію: посвятить всю жизнь свою на благо своего благодѣтеля, не прислушиваясь къ жалобамъ этого неугомоннаго сердца, которое просило чувства болѣе живительнаго, болѣе мечтательнаго, если хотите; — но что дѣлать? таково ужъ видно свойство женщины, — и едва ли, если только не переходитъ она за рубежъ разсудка, едва ли *мечтательность* не есть, можетъ быть, лучшій цвѣтокъ, лучшее наслажденіе въ жизни женщины. Пусть далеко отъ нея любимецъ ея души, — но она мало по малу впала въ сладкую думу о немъ, — и воображеніе представило ей его недалеко: она ждетъ, она ужъ видитъ его, она бесѣдуетъ съ нимъ всею своею мыслію. — и они не разлучались.

Отнимите у женщины цѣль для мечты, — и какъ безцвѣтенъ покажется ей прекрасный міръ Божій!

Софья энергически противилась голосу своего сердца; она старалась заглушить его, дѣятельнымъ участіемъ въ добрыхъ дѣлахъ своего почтеннаго покровителя, — и много, много, вдвоемъ, пристроили они сиротъ, защитили обиженныхъ, отерли слезъ незаслуженныхъ. Умная дѣвушка, знала, что Иванъ Николаевичъ не въ состояніи былъ отказать ей въ чемъ-нибудь, и понимая вполне святую обязанность неуклонной справедливости для чловѣка, поставленнаго блюсти спокойствіе гражданъ, никогда не рѣшалась обращаться съ просьбами къ своему снисходительному другу до тѣхъ поръ, покуда не убѣждалась достоверно, что совершенно справедлива ея просьба къ нему; и потому многіе мнимо-обиженные,

послѣ нѣсколькихъ примѣровъ такой разборчивости, не рѣшались обращаться къ ней; а напротивъ истинно несчастные, тѣмъ смѣлѣе просили ея ходатайства. — и такимъ образомъ мало по малу водворялись въ томъ небольшомъ уголкѣ миръ и дружелюбіе, и каждый день походилъ у нихъ на семейный праздникъ.

По окончаніи служебныхъ и домашнихъ занятій, жители бѣленькаго городка рѣдкій вечеръ не собирались всѣ поочередно, то въ томъ, то въ другомъ домѣ, а воскресные дни и всѣ большіе праздники, ужь непременно у Напольнаго, какъ хозяина города и какъ бы главы семейства.

Квартира его какъ бы нарочно была для этого устроена. Это былъ лучший домъ въ городѣ: просторный, и такъ удобно расположенный, что Софья имѣла совершенно отдѣльную половину, куда не доходили ни звуки голосовъ, ни постукиваніе иногда лишнимъ стаканчикомъ пунша какого-нибудь гостя, ни немилосердный дымъ сигаръ. Впрочемъ, принявъ на себя всѣ заботы по домашнему хозяйству, она не много и думала о своемъ спокойствіи, и стараясь поддержать гостепрѣимство своего уважаемаго друга, не щадила хлопотъ. Она знала, что ничѣмъ не бывалъ онъ столько утѣшенъ, какъ хорошимъ угощеніемъ, поданнымъ въ его домѣ, — и по чувству благодарности сдѣлалась самою запасливою домоводкою во всемъ городѣ. Съ удовольствіемъ толковала она съ опытными хозяйками объ искусствѣ готовить и сберегать въ зиму разныя разности, которыми обыкновенно такъ щеголяютъ другъ передъ другомъ всѣ провинціальныя жители. Сверхъ этого постояннаго занятія, кругъ дѣйствій молодой дѣвушки распространялся и внѣ дома, и все-таки съ одной и той-же цѣлью — угодить Ивану Николаевичу. Онъ былъ счастливъ, когда всѣ были веселы; она безпрестанно изобрѣтала средства разнообразить удовольствія общества, и все это дѣлалось у нее такъ ловко, удачно, дружно, что можно бѣ подумать, что она весь свой вѣкъ только этимъ и занималась. Иногда, по праздникамъ, устраивалось у нихъ нѣчто въ родѣ музыкальнаго вечера. Всѣ молодыя дѣвушки и муж-

чины, собравшись въ кружокъ, пѣли русскія пѣсни, которыя страстно любилъ Напольный, и почти всегда кончалось тѣмъ, что онъ, не доигравъ своей партіи въ карты, присоединялся къ молодежи и дѣлался ихъ запѣвалою. Въ другое время составлялись кой-какіе танцы, подъ звуки очень незавиднаго фортепьяно, на которомъ во всемъ городѣ только и играла что одна Софья, да и то нельзя сказать, чтобы мастерски, — но это нисколько не мѣшало общему одушевленію, и о такихъ вечерахъ говорилось нѣсколько дней сряду.

Приближались Святки, во время которыхъ приходились и именины Ивана Николаевича, — и началась у Софьи страшная забота о приготовленіи ему праздника — сторпризомъ. Весь городъ принялъ участіе въ ей загвяхъ; — придумывали и то, и другое, но за неимѣніемъ средствъ, рѣшено быть маскераду, то-есть, всѣмъ переодѣться въ сарафаны и кафтаны и составить хороводы да русскія пляски. Всѣ съ радостью принялись готовить костюмы.

Насталъ и желанный день. Всѣ перебывали у добраго старика на именинномъ пирогѣ, и всѣ были приглашены имъ и на обѣдъ, и на ужинъ, какъ обыкновенно водилось въ томъ краѣ, чтобы въ такой день не разставаться съ друзьями.

Послѣ сытнаго и продолжительнаго обѣда насилу удалось уговорить Ивана Николаевича всхрапнуть часочекъ до чаю, какъ обыкновенно онъ это дѣлалъ. Этимъ временемъ воспользовались для переодѣванья и прочихъ приготовленій. Довольно просторная зала Напольнаго, освѣщенная разноцвѣтными фонарями домашняго издѣлія, превратилась мгновенно въ нѣчто похожее на сельскую ярмарку; тутъ явились прилавки съ самоварами, другіе съ булками, кренделями, калачами, то-есть, всѣми принадлежностями для чаю; — далѣе, съ разными лакомствами, напитками, прохладительными, закусками, — словомъ, чего хочешь того просишь. Наконецъ не забыта была и лавка съ краснымъ товаромъ, какъ говорится; она составила изъ трудовыхъ подарковъ имениннику всѣхъ дамъ и дѣвицъ ихъ общества, и подарковъ достойныхъ его, потому что это было общими силами составленное полное приданое для одной бѣдной сироты, которой Напольный на-

шелъ жениха, и которал въ этотъ вечеръ отъ имени его получила этотъ значительный для нея подарокъ, и одѣтая, какъ и всѣ по-русски, представляла хозяйку этой лавки.

Прочія лавочки имѣли также своихъ торгашей и торговокъ, смотря по товару.

Всреди ихъ стоялъ хороводъ молодыхъ людей обоего пола. Старшіе окружали ихъ группами или прохаживались по залѣ.

Все это устроилось удивительно скоро и въ чрезвычайной тишинѣ.

Къ дверямъ кабинета, гдѣ отдыхалъ виновникъ этого торжества, приставленъ былъ караульный, чтобы подать сигналъ, какъ скоро проснется именинникъ.

Все было въ точности исполнено, и когда Иванъ Николаевичъ, не подозрѣвая ничего подобнаго, отворилъ дверь въ залу, это неожиданное зрѣлище такъ поразило его физически и морально, что онъ поблѣднѣлъ, затрясся какъ въ лихорадкѣ, и прислонившись къ притолкѣ, закрылъ глаза рукою.

Хоръ крестьянскихъ дѣвушекъ и парней стройно запѣлъ ему слѣдующія строфы, сочиненныя однимъ изъ провинціальныхъ поэтовъ:

Мы собрались сюда, чтобъ вмѣстѣ
 Душевный праздникъ проводить,
 Чтобъ безъ притворства и безъ лести
 Что есть на сердцѣ—говорить.
 Хотѣ, къ сожалѣнью, мы и знаемъ,
 Что намъ хозяинъ не родня,
 Но всѣ однакожь уважаемъ,
 И любимъ какъ одна семья.

Старикъ замахалъ руками, потомъ прижималъ ихъ къ сердцу, плакалъ, смѣялся, притопывалъ ногами, однимъ словомъ, былъ внѣ себя. Но вдругъ онъ остолбенѣлъ, превратился весь въ зрѣніе и слухъ, казалось самое дыханіе его пріостановилось.

Красавица въ голубомъ сарафанѣ, въ алой лентѣ, съ черною косою до самыхъ пятъ, отдѣляясь отъ подругъ своихъ, остановилась передъ нимъ и зашла соловушкой:

Когда сегодня и чужіе
 Любовью къ вамъ оживлены,
 Такъ что же, добрый другъ, родные,
 Теперь почувствовать должны?
 Все то, что я скажу словами,
 Все будетъ мало для меня:
 Дай Богъ, чтобъ долго, долго вами
 Здѣсь ваша красилась семья!
 Дай Богъ, чтобы благотвореньемъ
 Вы всѣхъ сердца къ себѣ влекли,
 И пламеннымъ сиротъ моленьямъ....
 Дни... ваши

Тутъ голосъ красавицы прервался, и она бросилась на шею полуживому отъ избытка чувствъ и восторга своему благодѣтелю.

Но Софья, стыдясь, что расплакалась при всѣхъ, и вообще не любившая патетическихъ сценъ, успѣшила подать сигналъ къ веселымъ пѣснямъ, хороводамъ и пляскамъ,—и пошелъ у нихъ пиръ горой. Не забыли, по старинному русскому обычаю, справить Святки и подблюдными пѣснями. Кольцо Софьи вынулось подъ пѣсню:

Что катился жемчугъ по бархату,
 Прикатился жемчугъ ко яхонту.

И подруги заключили, что скоро ей надобно ждать жениха забѣгаго и богатаго.

Дѣло подходило уже къ полуночи, и всѣ готовились перейти въ другія комнаты, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ, какъ пришли доложить Ивану Николаевичу, что станціонный смотритель прислалъ просить его, приказать отвезти квартиру проѣзжему съ Кавказа полковнику, раненому и сильно захворавшему дорогою.

Передъ долгомъ службы и долгомъ челолюбія, все забывалось добрымъ Наполеонимъ, и онъ, сказавъ Софьѣ о

необходимости своей отлучиться изъ дому, просилъ не ждать его къ ужину; велѣлъ заложить санки и отправился къ больному.

Никого не удивило отсутствіе именинника въ такую позднюю пору, потому что всѣ знали его свойства и обычай. — Отъужинали сытно, весело, и разбрелись себѣ по домамъ съ самыми пріятными впечатлѣніями отъ проведеннаго ими вечера.

ГЛАВА XV.

Съ какимъ-то безотчетнымъ весельемъ на душѣ проснулась на слѣдующее утро Соня. Живо рисовался въ ея воображеніи вчерашній радушный праздникъ. Теплое участіе столькихъ добрыхъ людей, какъ бы вновь украсило для нея міръ Божій.

— Мнѣ ли смѣть жаловаться на безцвѣтность моей жизни, говорила она себѣ, — когда мнѣ дано пользоваться такимъ счастьемъ, какое, можетъ-быть, немногіе испытываютъ въ одинаковомъ со мною положеніи. Я всегда слыхала, что у богачей только водятся друзья сотнями, а убѣдныхъ или ихъ во все нѣтъ или только одинъ другъ!.. Конечно, этотъ одинъ предпочтительнѣе сотни друзей богатаго, — это я вполне испытала!... а мнѣ еще сверхъ этого блага Богъ послалъ на долю искреннюю пріязнь столькихъ добрыхъ, простыхъ душъ. Чѣмъ же заслужила я такое счастье?... И чѣмъ воздать мнѣ имъ, какъ не такимъ-же искреннимъ сочувствіемъ, которое должно исполнить, должно украсить мое существованіе. Неужели-жь я до такой степени бессмысленна, что привязанность моя къ столькимъ добрымъ людямъ не можетъ замѣнить мнѣ того отдельнаго чувства къ одному, которое уже разъ такъ горько отозвалось мнѣ, и о которомъ до сихъ поръ я не переставала мечтать, вопреки разсудку, вопреки самой благодарности, а ужъ по одному долгу этой благодарности давнобы слѣдовало мнѣ признать себя вполне счастливою. Нѣтъ! я буду сама себя презирать, если съ этого дня когда-нибудь даже вздохну о прошедшемъ!... Но вѣдь съ этимъ прошедшимъ неразлучно также воспоминаніе и о моей добрейшей теткѣ.

И дѣвушка тяжело вздохнула.

— Нѣтъ, не лукавь, упрямое сердце, продолжала она свою думу: — ты не объ ней такъ тосковало: тебя томил одиночество твое; ты не хотѣла понять, что не одиноко то сердце, которое должно любить многихъ!... Да, мнѣ желать больше нечего.... Я счастлива. Очень, очень счастлива — и никогда больше грустить не буду.

Она позвонила.

Вошла ея горничная Катя, съ которой мы познакомились еще въ Пегербургъ.

— Умываться, одѣваться давай, Катя; я сегодня заспалясь, разнѣжилась.... Пора давно хозяйничать.

— А вы не изволите знать, барышня, сказала горничная, приготовляя все требуемое, что у насъ ночеваль гость?

— Какъ это?... Кто жь такой? довольно разсвѣнно спросила барышня.

— Сказывали, какой-то полковникъ, сударыня, полковой. — Вчерась, какъ вы ужь изволили раздѣться и лечь почивать, баринъ присылали за крытой повозкой и перевезли сюда какого-то провѣжаго; захворалъ больно, говорятъ. Иванъ Николаевичъ, всю ночь съ нимъ сами провозились. И лекарь былъ, и за лекарствами посылали, и все то и дѣло наказывали, чтобъ васъ не разбудили.... а сами легли ужь вовсе разсвѣло, — и теперь еще, никакъ, не вставали. Сенька ужь въ другой разъ самоваръ наставляеть; первый такъ и заглохъ ждавши.

— Пусть его уснетъ подольше; онъ, вѣрно, бѣдный, страшно измучился. А больной что? Не слыхала ты? спросила съ участіемъ Соня.

— Ничего-съ теперь не слышно; — видно уснулъ. Баринъ изволили приказать Потапычу быть при немъ, а Потапычъ самъ насилу ноги тоскаеть, животъ вдругъ схватило; знать вечеръ переѣлъ чего, дѣло его ужь не молодое. Говорить: барышня доложи, не дастъ-ли чего отъ живота.... вовсе мочи нѣтъ.

— Скорѣй, Катя, напой его теплымъ.... иди; я одѣнусь одна; да узнай кстати не проснулся ли Иванъ Николаичъ; если всталъ, попроси его ко мнѣ... да постой: Потапычу вели лечь на печь и укутаться, а сама побудь у больного; какъ одѣнись, смѣню тебя, — иди скорѣй, Катюша.

Горничная ушла. Софья принялась одѣваться, но только что успѣла она накинуть на себя свое утреннее платье, какъ у двери ея прихожей комнаты послышался тихій голосъ Ивана Николаевича; онъ спрашивалъ Катю, проснулась ли ея барышня.

— Катя нѣтъ, а я встала. Войдите, душенька Иванъ Николаичъ, закричала ему изъ своей спальни Соня; я совсѣмъ одѣта, и сама хотѣла просить васъ къ себѣ... да войдите-же!

Напольный почти робко вошелъ въ комнату дѣвушки, куда безъ ея приглашенія никогда не осмѣливался входить, и полный вчерашнихъ впечатлѣній, бросился цѣловать у ней руки.

— До послѣдней минуты моей жизни не забуду я вчерашняго вечера, говорилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ: — вѣдь я чуть съ ума не спятилъ съ такой радости, моя безподобная крестьяночка; — ужь сотворите-жъ вы мнѣ милость великую — пожертвуйте мнѣ свой сарафанчикъ. Я его подвѣшу на парадное мѣсто, рядомъ съ моею формою, и буду всякій день смотрѣть на нихъ, вспоминая свое счастье.

Старикъ едва удерживался отъ слезъ.

— Извольте, мой другъ, сегодня же принесу вамъ свой вчерашній нарядъ, отвѣчала дѣвушка, крѣпко сжимая его руку. А что жъ это вы мнѣ не скажете нашей новости, моя добрая душа, — я слышала у насъ ночевалъ какой-то провзжій, и вы съ нимъ всю ночь прохлопотали; бѣдный, больнѣ, говорятъ?

— Увидѣлъ васъ, моя драгоценная, и все перезабылъ, окаянный, а вѣдь съ тѣмъ и шелъ, чтобъ сказать вамъ. Да, перевезъ больного, моя сударыня, нечего было больше дѣлать! жалость! Какой тамъ покой на станціи, и кому походить за нимъ?... время же было ночное, да на бѣду онъ безъ своего челоуѣка; впередъ, говорить, отправить съ вещами! Какъ было покинуть одного? жалость!

— Разумьется, жалко!... да что съ нимъ? спросила съ участіемъ Софья.

— Простуда, должно быть; раны вдругъ закрылись, такъ страждетъ, что сердце коробить....

И добрый старикъ пожался всѣмъ тѣломъ.

— И въ знобъ и въ жаръ бросаетъ сердечнаго. Лекаръ нашъ сказалъ: дай Богъ въ недѣлю ему справиться съ нимъ, да какъ бы еще нервная горячка не приключилась? тогда, и вовсе долго пролежитъ. Ужь вы, моя золотая барышня, не поскучайте имъ длѣ Бога.

— Развѣ я не ваша воспитанница, Иванъ Николаичъ? отвѣчала Соня, — или не испытала надъ собою вашего состраданія, чтобы могла когда-нибудь подумать тяготиться добрыми дѣлами вашими?... вы пріучили меня понимать это счастье, и я сама буду ухаживать за больнымъ. Да кто жь онъ такой?

— Признаться, фамилію-то его, даже и не спросилъ, моя сударыня, да и не у кого было; смотритель засуетился, почта пришла, у него самого неловко будто, да и говорить-то ему трудно, бѣдному; сказали полковникъ, только это и знаю. — А изъ себя молодець такой,—такъ, мужчина лѣтъ въ тридцать пять. Лицо такое бравое. Пошли ему Господь облегченіе; вѣдь кровь свою проливалъ за отечество, моя милая барышня. Въ правую руку и ногу раненъ, не дармождъ какой-нибудь. Такого-бъ женишка, я пожелалъ бы и вамъ, моя писанная красота.

И глубокій вздохъ вырвался изъ груди старика.

Оставайтесь при своемъ желаніи, мой другъ, улыбнувшись отвѣчала Софья:—я ужъ вамъ сказала, что не пойду ни за кого на свѣтъ.

— И нѣтъ, моя сударыня барышня, повеселѣвъ сказалъ Напольный: зачѣмъ зарекаться? Будетъ грѣхъ на душѣ Напольнаго, коли онъ, видя ваше счастье, да не порадуетъ около хорошаго человѣка. Ну да что впередъ загадывать! Придетъ часъ воли Божіей, такъ и безъ насъ все уладится; будь Его воля святая надъ нами!

И другой вздохъ, еще глубже перваго, свидѣтельство-
валъ сколько задушевна была ему эта мысль.

— И толковать объ этомъ нечего, душа моя Иванъ Ни-
колаичъ, сказала ему Софья;—а не то я подумаю, прибавила
она съ лукавою улыбкою, что я надѣла вамъ, и вамъ хочется
скорѣй меня избавиться! Да, да, продолжала она, едва сдер-
живая смѣхъ, при видѣ патетической гримасы Наполь-
наго:—непрѣменно такъ подумаю, если вы когда-нибудь воз-
обновите этотъ разговоръ. — Но мы разговариваемъ тутъ о
пустомъ, а нашъ больной, можетъ быть, проснулся, и скучаетъ
одинъ. Вотъ я только распоряжусь хозяйствомъ; вы меня по-
знакомьте съ нимъ, и мы поочередно будемъ при немъ.

— Я сейчасъ заходилъ къ нему, отвѣчалъ Иванъ Ни-
колаевичъ. Онъ не спитъ, а какъ бы въ забытѣи, вовсе глазъ
не открываетъ, только то и дѣло пить просить. Старикъ мой
Потапычъ слегъ. Сеньку посадилъ, покаместъ ворочусь,—да
боюсь бѣдъ натворить: совсѣмъ увалень, за все цѣпляется,
того гляди напумить, нагремить, а чего добраго, въ жару
человѣка и смѣшать не долго. А мнѣ нельзя проминовать, чтобъ
на часокъ не отлучиться по должности.

— Вы теперь войдите къ нему на минуту и вышлите
мнѣ оттуда Катю. Я мигомъ буду совсѣмъ готова и явлюсь
вамъ на смѣну. До свиданья; я не замѣшкаюсь.

Отдѣлавшись очень скоро отъ своихъ хозяйственныхъ хло-
потъ, Соня тихонько отворила дверь въ кабинетъ Ивана
Николаевича, гдѣ находился больной гость ихъ.

Ставни были затворены, и она вдругъ ничего не могла
различить.

— Пожалуйте сюда,—сказалъ ей шопотомъ Напольный,
подкравшись къ ней на цыпочкахъ, и ведя ее за руку къ
креслу у письменнаго стола, въ сторонѣ отъ дивана, на кото-
ромъ лежалъ больной. Отсюда ни онъ васъ, ни вы его не
увидите,—а то не больно покоенъ сталъ, все мечется, и бре-
дить началъ. Вы не пугайтесь, моя барышня, это ничего:
горячка безъ того не бываетъ. Вотъ лекарство, вотъ питье,
вотъ и часы, да я къ тому времени еще ворочусь, какъ ле-

карство давать; а чтобъ вамъ не было жутко одной съ нимъ, я пришла пока къ вамъ Катюшу.

— Э! начто это? вы забыли, что я привыкла ухаживать за больными, — отвечала также шопотомъ Соня; вѣдь я все была одна при покойной тетенькѣ.

— Да, помаялись вы съ ней, моя сердечная! Дай ей Богъ царство небесное за ея любовь ко мнѣ, и за то сокровище, которое она мнѣ оставила.

Софья черезъ столъ хотѣла протянуть ему руку, и прежде неловкаго Сеньки задѣла широкимъ рукавомъ своимъ стаканъ съ водою, который стукнулъ о подносъ, и больной перевернулся.

— Ахъ! я испугала его, сказала нѣсколько погромче встревоженная дѣвушка.

— Чей голосъ? спросилъ довольно внятно больной.

— Не беспокойтесь, полковникъ, это я маленько стукнулъ, спѣшилъ сказать Иванъ Николаевичъ, подождь къ нему.

Но ответа не было, онъ, казалось, уснулъ. Напольный, постоявъ подлѣ него нѣсколько минутъ, вышелъ, и отправился къ своей должности.

Когда Софья осталась одна въ этомъ мракѣ, въ этой мертвой тишинѣ, которая нарушалась только неровнымъ дыханіемъ и стономъ страдальца, воображеніе начало живо представлять ей послѣднюю ночь, проведенную ею съ умирающею теткою.

— Добрая, добрая душа! говорила себѣ Соня: — сколько разъ въ эту предсмертную ночь твою, ты звала меня къ себѣ, какъ бы желая приготовить меня къ вѣчной разлукѣ съ тобою! но не рѣшилась ты сказать мнѣ горькой истины, и безмолвно отошла къ Богу, съ сердцемъ полнымъ любви и заботы о сиротѣ твоей!

И Соня дала волю воображенію и слезамъ своимъ.

Вдругъ показалось ей, что кто-то тихонько назвалъ ее по имени. Дѣвушка вздрогнула, вскочила съ мѣста и притаила дыханіе.

— Софья! послышалось ей опять, бѣдная Соня!

— Это больной, онъ въ бреду, сказала себѣ дѣвушка. Но какая странная случайность: видно у него есть своя бѣдная Софья? но надо жь, чтобъ въ ту самую минуту...

— Питы! сказалъ едва внятно больной, и Софья поднесла ему стаканъ воды.

Но она едва удержалась отъ восклицанія. Передъ ней лежалъ Алексѣй Петровичъ Раздуминъ.

Не открывая глазъ, принялъ онъ питье изъ рукъ ея, и рада тому была взволнованная дѣвушка, опасаясь, чтобы нечаянность такой встрѣчи не растревожила больного.

Чуть касаясь пола, дошла она до своего кресла, нетерпеливо ожидая возвращенія Ивана Николаевича.

— О! теперь понятно мнѣ, почему пришло ему на память мое имя, — разсуждала она; — онъ, вѣрно, вслушался въ мой голосъ, когда я давеча говорила съ Иваномъ Николаичемъ. Да! это могло многое ему напомнить. — Чѣмъ-то у нихъ кончилось съ Вѣрой Егоровной? мнѣ что-то сдается, что они разстроились между собою! — Это появленіе въ ея домъ Леонидова было такъ что-то странно, такъ неумѣстно. Слава Богу, я теперь вспоминаю объ немъ безъ замиранія сердца, а долго, долго не могла, и потому никогда не останавливала своихъ мыслей на прошедшемъ. А въ этомъ прошедшемъ довольно поучительнаго для моей неопытности, на примѣръ характеръ Вѣры Егоровны. Нельзя не подивиться такому разнообразію мыслей, словъ, дѣйствій; нельзя было узнать въ гостиниой средѣ общества, что это та самая женщина, когорую видѣла, бываю, поугру: угрюмую, сердигую, всегда не въ духъ, и если вѣрить словамъ ея Аѳисы... но зачѣмъ вспоминать дурное? я хочу помнить только то, что я была безъ пристанища, одна въ мірѣ, больная, и она приняла меня къ себѣ. Да пошлетъ ей за то Богъ всякое счастье! Конечно, все это сдѣлалось по просьбѣ Раздумина, но развѣ это освобождаетъ меня отъ благодарности и къ ней, — и очень бы мнѣ хотѣлось узнать гдѣ она? и что съ нею? Чего не бываетъ съ человекомъ? вотъ и мнѣ привелъ Богъ похлопотать о томъ, который некогда такъ заботился обо мнѣ. Какъ же я не счастливая?... Да что это не возвращается Иванъ Никола-

ичь? Боюсь, Алексѣй Петровичъ проснется и узнаетъ меня... лучше мнѣ уйти и послать сюда Катю. — И прокравшись на цыпочкахъ мимо больного, она прислала къ нему свою горничную, а сама съѣла въ залѣ дожидаться Наполеона.

Онъ не замедлилъ возвратиться; Соня выбѣжала къ нему въ лакейскую.

— Добрый мой, милый мой Иванъ Николаевичъ, говорила она, помогая ему раскутать шею, обвязанную краснымъ шерстянымъ шарфомъ: — вы не знаете какое еще новое благодѣяніе вы мнѣ сдѣлали? вы знаете ли кого вы пригостили у себя?

Наполеонъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и молча взглянулъ на нее вопросительно.

— Ну, попробуйте, отгадайте, кто нашъ больной? спросила его весело Софья, входя съ нимъ подъ руку въ залу.

— Неужто онъ могъ такъ измѣниться? сказалъ Иванъ Николаевичъ, присаживаясь на первый попавшійся ему стулъ; да нѣтъ, нѣтъ, вы потѣшаетесь надо мной, Софья Алексѣевна, это не онъ, какъ хотите, не онъ, не онъ.

И онъ смотрѣлъ со страхомъ въ глаза Софьи.

Дѣвушка стало смѣшно.

— Успокойтесь, сказала она, — вы не видали бы меня такой веселой, если бъ это былъ Леонидовъ. Хотя бъ и почла я также за счастье заплатить ему добромъ за прошедшее свое горе, но еще лучше, если онъ никогда не будетъ имѣть нужды въ моемъ участіи.

— Такъ кто жъ это-то? спѣшилъ спросить успокоенный старикъ.

— Это Раздуминъ, тотъ самый, который призрѣлъ меня послѣ смерти моей тетеньки, и съ которымъ я разсталась, не сказавъ ему даже *спасибо* за все его участіе ко мнѣ.

— О! все, что я имѣю, къ его услугамъ, — вскричала Наполеонъ, вскочивъ съ мѣста: — я вѣчный его слуга. Не даромъ сердце мое лежало къ этому человеку. Ужъ какъ же я буду его бласти: всѣ ночи радъ надъ нимъ просиживать, глазъ не смыкаючи, только бъ полегчело ему, моему благодѣтелю. Вотъ какого дорогаго гостя мнѣ послалъ Господь, да чѣмъ же я заслужилъ такія милости Творца моего!

И старикъ по обыкновению своему началъ смѣяться, отирая рукавомъ слезы.

Хоть и привыкла Софья къ великодушнымъ порывамъ своего стараго друга, но все не могла безъ глубокаго чувства видѣть это новое доказательство его безпредѣльной къ себѣ привязанности, и поневолю опять составила у нихъ трогательная сцена.

Съ этого дня Иванъ Николаевичъ рѣшительно всѣ свободные часы отъ службы проводилъ въ комнатѣ Раздумина, не исключая и ночи; и съ трудомъ могла уговорить его Софья отдыхать сколько-нибудь послѣ обѣда; а отъ всякаго общества онъ совершенно отказался.

— Друзья мои сердечные и закадычные, — говорилъ онъ своимъ добрымъ знакомымъ, которые начинали унывать отъ его отсутствія въ ихъ бесѣдахъ: — не гнѣвайтесь, и не огорчайтесь на вашего старика, потерпите; Богъ дастъ, опять запируемъ вмѣстѣ; сами знаете, что нельзя жь не исполнить великаго долга благодарности, вѣдь благодѣтеля Богъ послалъ на мои руки. Сами разсудите, вѣдь сами то жь сдѣлали бы, друзья мои.

Всѣ соглашались съ нимъ, и молили скорого облегченія тому, къмъ столько дорожилъ общій любимецъ ихъ. Но ко всеобщему сожалѣнію болѣзнь Раздумина приняла самый дурной оборотъ: открылась рѣшительно нервическая горячка, и городской лекарь объявилъ, что онъ опасается даже за жизнь его.

Софья, до души разстроенная такимъ приговоромъ, также почти безвыходно находилась при немъ. Теперь она, къ прискорбію своему, не могла опасаться, чтобы онъ узналъ ее: онъ не выходилъ изъ безпамятства уже нѣсколько дней сряду.

Много разъ въ бреду горячки онъ смѣшивалъ ея имя съ другими безсвязными словами и именами, ей вовсе незнакомыми, но чаще всего звалъ, или какъ бы отыскивалъ Софью. И Софью довольно удивляло, почему онъ болѣе помнитъ о ней, чѣмъ о Вѣрѣ Егоровнѣ, къ которой она нѣкогда видѣла его особенно расположеннымъ, и которую теперь не назвалъ онъ и разу. Но переходя отъ одного воспоминанія къ другому,

она добралась и до времени первоначальнаго знакомства своего съ Раздуминымъ, — и припомнились ей его приветливья рѣчи, еще болѣе приветливыя взгляды, которыхъ она тогда, убитая тоскою, почти не замѣчала, — и вотъ что-то похожее на сожалѣнiе о такомъ невниманiи къ нему — запало въ душу дѣвушки.

— *Онъ тогда любилъ меня*, сказала она про себя, — и ускоренно билось ея сердце, когда больной въ безпамятствѣ называлъ ее по имени.

ГЛАВА XVI.

Наконецъ послѣ безчисленныхъ заботъ, опасенiй и ухаживанiй за больнымъ Раздуминымъ, Напольный и Софья были обрадованы надеждою на его выздоровленiе.

Наступилъ кризисъ горячки, и по ходу болѣзни, докторъ ожидалъ, что къ утру онъ опомнится, и просилъ, чтобы самая ненарушимая тишина была вокругъ его, особливо, чтобы ничто не могло произвестъ въ немъ душевнаго волненiя.

— Онъ теперь такой жалка креатуръ, мой батюшка, — говорилъ лекаръ Нѣмецъ Напольному, — что каждая ударъ на мораль, опять можна звать горячка, — и тогда, только тамъ — онъ указалъ вверхъ — можна знать результатъ эта врагъ людска жизнь.... Наблюдать такжа, мой батюшка, чтобы сперва апетитъ, давалъ ему сама фругальна пища ... одна ложка бульонъ.... больше не надо.

По этому приговору почтеннаго доктора рѣшено было, чтобы Софья не показывалась больному до совершеннаго его выздоровленiя; и хотя съ большимъ сожалѣнiемъ, но признавая справедливость такого требованiя, она покорилаь ему; просила только , позволить ей оставаться при немъ, покуда онъ не узнаетъ еще никого, и настоятельно требовала, чтобы въ эту ночь всѣ въ домъ успокоились, ссылаясь на то, что потомъ одной ей придется отдохнуть сколько душъ угодно.

Всѣкое желанiе Софьи всегда было закономъ для Ивана Николаевича, и на этотъ разъ — закономъ самымъ удобоисполнимымъ, потому что онъ едва уже передвигалъ ноги отъ

множества бессонныхъ ночей, проведенныхъ имъ около больного. — Не менѣе довольна тѣмъ была и домашняя прислуга ихъ, которая также все это время мало покоилась. И такъ Софья, отпустивъ всѣхъ, осталась одна при больномъ.

Она съѣла подлѣ него, прислонившись къ спинкѣ своего кресла, и поддерживая рукою свою голову; долго, долго смотрѣла на блѣдное и почти безжизненное лицо Раздумина, лежавшаго навзничъ безъ всякаго движенія и съ закрытыми глазами. Только довѣріе къ опытному доктору могло заставить ее не думать, что онъ при последнемъ издыханіи.

Блѣный огонекъ ночника разливалъ какой-то утѣшительный свѣтъ на все предметы и расположилъ ее къ самымъ задушевнымъ думамъ. Въ этой тиши, въ присутствіи единого Бога, она не думала уже набрасывать покрывала на свои чувства... И въ этомъ самобесѣдованіи, незамѣтно для нея пронеслась январская ночь.

— Ужь скоро начнетъ свѣтать, сказала себѣ Софья, взглянувъ на часы... скоро мнѣ надо уйдти отсюда!

И глаза ея, казалось, хотѣли проникнуть въ глубь души безчувственно-лежащаго передъ ней Раздумина.

— Какъ онъ худъ, какъ страшно блѣденъ! говорила она, тихонько касаясь рукою влажной головы его; — но дыханье стало свободнѣе... Онъ будетъ живъ!.. О благодарю Тебя, Боже мой!.. пусть не для меня живетъ онъ... пусть другая будетъ съ нимъ счастлива.. но только бы всѣ дни его были полны такой-же отрады, какая наполняетъ мою душу, при мысли, что онъ возвратится къ жизни!.. Какъ хороши, благородны черты лица его, даже въ этомъ изнеможеніи... А сколько еще прекраснѣе душа?... И я, безумная, видя его некогда всякій день, могла думать о другомъ?... могла любить другаго?

Софья готова была заплакать отъ досады на самое себя.

— Да, продолжала она, вздыхая тяжело:— да, я знаю, что теперь я стала совсѣмъ чужда его сердцу; мое невниманіе, моя холодность, оттолкнули его — и онъ полюбилъ другую. Мое имя только случайно было на устахъ его... а какъ выздороветь, онъ, можетъ быть, никогда и не вспомнить обо

мнѣ?... Но что нужды?... Я была нѣсколько дней счастлива его грезами!... и ничто не изгладить того чувства, которое заронили они въ мою душу. — Завтра все будетъ для меня кончено!... и я увижусь съ нимъ только затѣмъ, чтобъ проститься навсегда... равнодушно, спокойно,—и никогда не узнаетъ онъ какимъ воспоминаніемъ будетъ жить теперь бѣдная Софья.... Боже мой!... ужь свѣтъ!... можетъ быть онъ скоро придетъ въ себя, откроетъ глаза — мнѣ надо уйдти...

И посмотрѣвъ на него еще нѣсколько минутъ, она пошла, чтобъ велѣть разбудить Ивана Николаевича.

Съ этого утра здоровье Раздумина очевидно начало поправляться; спустя еще недѣлю, онъ могъ уже, сидя въ подушкахъ, бесѣдовать съ своимъ добрымъ хозяиномъ, которому онъ жаждалъ высказать свою безпредѣльную благодарность; но при каждомъ покушеніи на то, Иванъ Николаевичъ, налагалъ на него молчаніе, ссылаясь на строгое приказаніе лекаря: *не говорить много*, и притомъ грозился оставить его на цѣлый день,—и Алексѣй Петровичъ повиновался ему, дорожа присутствіемъ этого добрейшаго старика, къ которому онъ чувствовалъ особенное влеченіе.

Разумѣется, Напольный почти безвыходно былъ съ нимъ, выбѣгая только по нѣскольку разъ въ день, чтобъ посмотреть на свою ненаглядную Соничку, которая скучала страшно, ничѣмъ не могла заняться, кромѣ заботы о всемъ нужномъ для выздоравливающаго, и нетерпѣливо выжидала появленія къ себѣ Ивана Николаевича, который, съ каждымъ днемъ все больше и больше привязываясь къ своему гостю, говорилъ о немъ съ увлеченіемъ и передавалъ ей каждое его слово.

— Ужь скажу, что не человѣкъ, а рѣдкость, антикъ, моя сударыня, вашъ Алексѣй Петровичъ, говорилъ добрый старикъ. Этакой умъ, этакая внимательность къ жизни. Наслушаться его не могу, ну такъ бы и не разстался съ нимъ. И то-то подумаешь: ученье-то свѣтъ, а неученье тьма. Видаль въдь и я кой-что на свой вѣкъ, можетъ и побольше его... Въдь ужь какова была кампанія 42 года, такой не было другой, да и не будетъ; лично имѣлъ счастье принимать приказанія отъ великихъ вождей, а рассказать про все то не умю,

моя сударыня. Заколышетъ тебѣ сердце, подступягъ слезы... и дуракъ дуракомъ, прильнетъ языкъ къ гортани. А онъ, мой голубчикъ, только изъ книгъ все это знаетъ, а какъ начнетъ говорить о той уважительной эпохѣ — словно опять все передъ тобой явилось, — ну такъ и бросился бы ему на шею, кабы не боялся помѣшать его рѣчамъ. Только и не достаешь къ моему блаженству, что васъ-то моя барышня, нѣтъ съ нами. Вѣдь вы жалуете и мои неладные рассказы о тѣхъ славныхъ походахъ, а его ужъ заслушались бы... Но Богъ дастъ теперь скоро начнутся у насъ райскія бѣсты съ вами... Онъ теперь, слава Богу, что день-то бодрѣе; еще деньковъ пять-шесть, и одѣться ему будетъ можно; тогда, вѣрно, докторъ разрѣшитъ объявить ему радость, что выздѣсь, моя безподобная барышня.

— Вы слишкомъ много даете цѣны этой радости, мой добрый другъ, отвѣчала Софья съ грустною улыбною; — да и во всякомъ случаѣ, эга радость не долго продлится, потому что какъ скоро онъ будетъ въ состояніи выйти изъ своей комнаты, то, вѣрно, тотчасъ и оставитъ насъ.

И дѣвушка не совладѣла съ глубокимъ вздохомъ.

— И! какъ это возможно, — моя сударыня: куда еще ему, въ зимнюю пору, да послѣ такой отягочительной болѣзни. — Пржеде мѣсяца и думать нечего, и не пушу, воля его, какъ тамъ себѣ хочетъ. Да онъ же самъ мнѣ проговорился, что нечего ему много торопиться, и не ждетъ его нигдѣ никто, ждетъ получить наследство послѣ дяди, такъ оно не уйдетъ отъ него.

— А! такъ онъ не женатъ?... сорвалось съ языка обрадованной и зарумянившейся дѣвушки.

Напольный пристально посмотрѣлъ на нее.

— Безъ сомнѣнія нѣтъ, отвѣчалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, — а то какъ бы ему не вспомнить о семействѣ: не такой человекъ! — Охъ, не смѣю я, моя командирша, преступить вашего заказа строгаго, продолжалъ онъ, все посматривая ей въ глаза: — а то сказалъ бы я вамъ, какая думушка запахла мнѣ въ ретивое.

— Чтожь, скажите, если вамъ этого хочется, мой другъ, —

отвѣчала какъ бы небрежно Софья, взявъ въ руки свое шитье, на которое обратила все свое вниманіе.

— А какъ вы опять разцвѣщаетесь, да скажете, что я сбываю васъ?... вѣдь такія слова мнѣ что ножъ вострый, моя неподобная... Полно, ужь говорить-ли?

Софья смолчала, продолжая свою работу.

Напольный вздохнулъ тихонько и откашлянулся.

— Такъ вотъ что я вамъ скажу, Софья Алексѣвна, продолжалъ онъ, — чѣмъ больше я смотрю на Алексѣя Петровича Раздумина, тѣмъ чаще вертится у меня на умѣ: что онъ настоящая вамъ пара!..

Онъ замолчалъ, выжидая ея отвѣта.

Софья молчала, не поднимая головы.

— Такъ чтожь вы мнѣ на это изволите сказать? спросилъ онъ наконецъ, стараясь заглянуть ей въ лицо.

— Ничего, отвѣчала дѣвушка, не мѣняя своего положенія.

— Что вы, моя сударыня, эго женихъ уважительный, какъ это ничего?

— Или, если хотите, сказала она, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ, то я могу увѣрить васъ, что всѣ ваши предположенія напрасны: Алексѣй Петровичъ никогда и не подумаетъ обо мнѣ; мы знакомы съ нимъ давно, и кромѣ состраданія, я не внушила ему никакого другаго чувства.

Софья лгала сама себѣ, и вся вспынула.

— Впрочемъ, продолжала она, это для меня все равно, потому что я не пойду за-мужъ ни за кого на свѣтѣ.—и вы знаете, мой другъ, что такого рода разговоръ мнѣ не нравится.

Однакожь подобныя разговоры, вопреки намѣренія Ивана Николаевича, повторялись у нихъ довольно часто.

Софья, какъ каждая женщина, не лишена была способности окольными дорожками доходить до предмета, ее интересующаго, и очень ловко умѣла заставить бѣднаго старика попасть въ назначенную ею колею; хотя заключеніе и оставалось всегда одно и то же, то-есть, *рѣшительное ея отреченіе отъ замужства*, а не рѣдко и *упрекъ за нарушеніе даннаго обещанія*—не возвращаться къ такому разговору.

— Виновать, моя сударыня, говаривалъ въ такихъ случаяхъ, оторопѣвъ, Напольный,—кругомъ виновать, и самъ не знаю, какъ это мой проклятый языкъ мелетъ вамъ во гнѣвъ; я вѣдь о томъ и думать было забылъ; зачѣмъ же и докучать вамъ такими рѣчами, когда они вамъ не по нраву. Простите меня, старого дурака, плюньте на меня, и все тутъ, больше не стою, моя хорошая барышня.

И старикъ не успокоивался до тѣхъ поръ, покуда разными фарсами да прибаутками не заставитъ свою хитрую Соничку расхохотаться какъ ребенка.

Наконецъ Раздуминъ совершенно оправился, и докторъ, навѣщавшій его всякій день, объявилъ его внѣ своей власти. Иванъ Николаевичъ, давно сгарая нетерпѣннѣе обрадовать своего гостя пріятной нечаянностью, поспѣшилъ сказать ему, что у него въ домѣ находится молодая дѣвица, ему родственница, которая также принимала большое участіе въ болѣзни Алексѣя Петровича, и много бессонныхъ ночей провела у его изголовья.

— И вы до сихъ поръ лишали меня счастья поблагодарить ее,—не грѣхъ ли это вамъ, сказалъ Раздуминъ, обвиняя крѣпко Ивана Николаевича. Но не смотря на вашу скрытность, продолжалъ онъ,—я не переставалъ думать, что въ домѣ нашемъ есть невидимая благодѣтельная рука, которая навѣваетъ на насъ это спокойствіе, это довольство, этотъ порядокъ, которымъ я не могу довольно удивиться. Вы, конечно, согласитесь со мною, добрыйшій Иванъ Николаичъ, что домашніе добродѣтели не пали на долю намъ мужчинамъ, и гдѣ нужна нѣжная забота, неутомимое терпѣннѣе, тамъ самая холодная женщина превращается въ ангела-хранителя нашего покоя, и утѣшителя въ нашихъ скорбяхъ.—Ради Бога, ведите меня скорѣй къ нашему доброму генію.

— Пойдемте, полковникъ, отвѣчалъ почти съ гордостью Напольный:—вы увидите кака я драгоценность моя Софья Алексѣвна.

— Софья Алексѣвна, повторилъ Раздуминъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Такъ-съ точно, отвѣчалъ Напольный, смотря нерышительно ему въ глаза; — ну, да вѣдь надо-жь, когда-нибудь сказать ... пойдите къ ней, Алексѣй Петровичъ, вѣдь она вамъ старая знакомая.

— Неужели! Боже мой! вскричалъ Раздуминъ, покраснѣвъ отъ душевнаго волненія. Такъ это было не видѣніе, не грезы моего больнаго воображенія! я видѣлъ подлѣ себя ее, милую, добрую Софью.... о пойдите, пойдите къ ней!

Софья ужъ нѣсколько дней все ожидала свиданія съ Раздуминымъ, и внутренно досадовала на стараго своего друга, зачѣмъ онъ откладываетъ это свиданіе, которое, по ея мнѣнію, не могло имѣть никакого вліянія на Алексѣя Петровича, совершенно къ ней равнодушнаго и притомъ уже почти совсѣмъ здороваго; а между тѣмъ, можетъ бытъ, и сама того не замѣчал, она начала гораздо внимательнѣе заниматься своимъ туалетомъ, и въ это утро была особенно мила, въ простомъ сѣромъ шерстяномъ платьѣ и съ розовою лентою около античной своей шеи. Черные какъ вороново крыло ея волосы, были, какъ всегда, гладко подобраны надъ гребенку и спускались густою коосою около затылка, обвивая кругомъ мраморное чело ея. Все на ней, кажется, то же, что и всякій день, — отъ чего-жъ все это сегодня особенно граціозно? — Не отъ того-ли можетъ быть, что женщины имѣютъ даръ и самыя лоскутья свои приноравливать къ своему внутреннему чувству. А какую же женщину не украситъ желаніе нравиться, особливо нравиться по влеченію сердца, а не изъ пустаго тщеславія, называемаго кокетствомъ? Къ сожалѣнію, мужчины никакъ не могутъ различить въ женщинѣ: истиннаго отъ ложнаго, начиная отъ цвѣта лица, до чувствительности, и поддаваясь такъ часто кокеткамъ, не вѣрятъ потомъ всѣмъ женщинамъ вообще, — а безъ вѣры — нѣтъ и счастья.

Когда Иванъ Николаевичъ пришелъ за Софьей, она стояла задумчиво передъ окномъ въ своей спальнѣ, и когда услышала, что Раздуминъ ожидаетъ ее, побѣлѣла какъ снѣгъ, на который въ эту минуту смотрѣла.

— Никакъ я испугалъ васъ? спросить ее заботливо На-

польный: — у васъ губки вдругъ побѣлѣли... да ужь здоровы-ли вы, моя милая барышня?

— Вамъ такъ показалось; — я совершенно здорова, — отвѣчала она, и взявъ его подъ руку, пошла къ Раздумину, который въ нетерпѣніи расказывалъ вздѣ и впередъ по комнатѣ.

И онъ поблѣднѣлъ при появленіи Софьи, и схвативъ ея руки, безмолвно смотрѣлъ на нее, до тѣхъ поръ пока на-вернувшіяся слезы, помѣшали ему ее видѣть.

Напольный чувствовалъ, какъ рука Софьи дрожить, опираясь на его руку.

— Вотъ вы оба и обомлѣли.—сказалъ онъ какимъ-то неестественнымъ ему голосомъ;—милости-ка просимъ съѣсть рядкомъ, да поговорить ладкомъ... а мнѣ пора къ должности.

И Иванъ Николаевичъ, дѣйствительно ушелъ со двора.

Обращеніе Раздумина съ Софьей, всегда было такъ просто-дружественно, что ей было бы не трудно тотчасъ упасть на прежній иль тонъ. — но Алексѣй Петровичъ, впечатлительный по природѣ, а въ настоящее время еще съ раздраженными нервами и подѣ влияніемъ пламенной своей благодарности къ ней, словно переродился вдругъ въ восторженнаго юношу, и языкъ его не успѣвалъ высказывать избытка чувствъ,—онъ смотрѣлъ на нее, какъ на существо неземное.... Это уже не та бѣдная дѣвочка, изъ милости живущая въ домѣ роскошной барыни, послѣ которой она казалась не болѣе какъ любимую горничною. Раздуминъ видѣлъ теперь передъ собою женщину, знающую себя цѣну, и скромную по врожденному чувству, а не по расчетамъ приличія. Она показала ему неотразимо прекрасна.

Не понимая самъ, что съ нимъ дѣлается, и откуда что берется, онъ выражался какъ поэтъ передъ своей возлюбленной, которой не смѣетъ сказать прямо слова: люблю!

— Перестаньте, Алексѣй Петровичъ, сказала наконецъ Соня, къ чему такъ поэтизировать и меня, и то очень обыкновенное участіе, которое я принимала въ вашей болѣзни. Вы забываете, что я у васъ въ неоплатномъ долгу. Если здѣсь кто-нибудь заслуживаетъ удивленіе и благодарность вашу,

такъ это одинъ добрый мой Иванъ Николаевичъ: вотъ истинно золотое сердце и воплощенное великодушіе.

И Софья съ любовью разсказала ему, все то, что сдѣлала и дѣлаетъ для нея неизмѣнный ея другъ.

Раздуминъ слушалъ ее съ глубокимъ участіемъ и пленился описаніемъ мирной ихъ жизни въ этомъ скромномъ, незамѣтномъ уголкѣ.

— Признаюсь вамъ, мнѣ очень не хочется уѣзжать отъ васъ, сказалъ онъ очень наивно, — и я почти жалую, что совсѣмъ здоровъ, и не имѣю никакого предлога откладывать моего отъѣзда.

— Но развѣ васъ гонить кто-нибудь?— смѣясь возразила Софья. И если у васъ нѣтъ особенныхъ причинъ торопиться въ Петербургъ, то почемужъ вамъ не погостить у насъ? Повѣрьте, что Иванъ Николаичъ былъ бы въ восторгъ отъ этого; онъ васъ такъ полюбилъ, что хотѣлъ бы вѣкъ не разставаться съ вами.

— А поручигесь ли вы за то, что я не наскучу собою собственно вамъ? спросилъ Раздуминъ, взглянувъ ей пристально въ глаза.

— Я думала, отвѣчала она, покраснѣвъ слегка, что въ моемъ удовольствіи васъ видѣть, вамъ сомнѣваться нельзя, и потому не говорила о себѣ.

— Такъ вы не выгоните вашего скучнаго гостя, моя добрая, прекрасная Софья?

— Отчего же скучнаго? возразила дѣвушка. Я не думаю, чтобъ когда-нибудь подала вамъ причину такъ думать.

— Да, вы добры со всеми, но не знаю почему меня вѣчно тяготила мысль, что вамъ со мною скучно.— отвѣчала со вздохомъ Раздуминъ. Вы какъ-то всегда были такъ серьезны, такъ спокойно холодны въ отвѣтахъ вашихъ, что, признаюсь вамъ, я считалъ себя существомъ вамъ антипатичнымъ, и наложилъ печать на свои чувства.

— Ахъ, я тогда еще думала, что люблю другаго, — сорвалось съ языка дѣвушки. И почувствовавъ неумѣстность этого отвѣта, она снова вспыхнула и готова была уѣзжать со стыда.

— А теперь? вполголоса и робко спросилъ ее Раздуминъ.

— Теперь... я счастлива, мнѣ весело, я не думаю ни о чемъ, отвѣчала Софья, почти не понимая что говорить.

— Позволите ли вы мнѣ сдѣлать вамъ еще одинъ вопросъ, Софья Алексѣевна, на который я желалъ бы, чтобъ вы отвѣчали мнѣ совершенно откровенно?

— Я готова отвѣчать откровенно на всѣ ваши вопросы, сказала простодушно Соня.

— Скажите жъ, продолжалъ Раздуминъ, почему вы не приняли предложеніе Леонидова, сдѣланное съ согласія его матери? Она сама писала къ вамъ, я это знаю.

— Это правда. Но уже было поздно—я перестала любить ея сына

— Но вы еще любили его, когда оставили домъ Кривской... Сознайтесь: вы тогда еще любили Владиміра?

— Да, отвѣчала тихонько дѣвушка.

— Отчегожъ вдругъ такая переменна, и именно въ то время, когда онъ опять обратился къ вамъ, и все устроивалось къ вашему счастью?

— Я слишкомъ увѣрилась въ ничтожности его характера, отвѣчала твердымъ голосомъ Софья,—и не смотря на мою бѣдность, я не могла рѣшиться быть женою того, кого перестала уважать. Еслибъ онъ, по крайней мѣрѣ, остался вѣрнымъ той, которую предпочелъ мнѣ, можетъ быть, я бы еще и теперь его любила.

Раздуминъ потупилъ глаза и сильно задумался.

— А теперь, продолжала дѣвушка, я даже и не жалю о немъ; мнѣ жаль только слезъ своихъ,—впрочемъ, бывши ребенкомъ я плакала же о потерянной куклѣ. И мнѣ почти стыдно вамъ признаться, что воспоминаніе о моей любви равняется воспоминаніямъ ребяческимъ— не болѣе, но совсѣмъ тѣмъ меня интересуеетъ участь Владиміра. Мнѣ хотѣлось бы знать гдѣ онъ? и счастливъ ли?

— Теперь я уже не боюсь сказать вамъ, что онъ женатъ, отвѣчалъ Раздуминъ, остановивъ однакожъ на лицѣ ея свои черные, пронизательные глаза.

— Неужели? давно ли? — спросила совершенно спокойно Софья.

— Ужь болѣе года.

— Не долго же онъ тосковалъ по мнѣ? смѣясь замѣтила дѣвушка.

— А отгадаете ли на комъ онъ женился?

— Не на Вѣрѣ ли Егоровнѣ? робко сказала Софья.

— Да, къ сожалѣнію на ней.

— Развѣ онъ несчастливъ? спросила съ участіемъ Соня.

— А развѣ возможно счастье съ такою женщиною?

Софья взглянула на него и улыбулась. Раздуминъ покраснѣлъ.

— Скажите, Софья Алексѣвна, вы и меня считаете за пустаго чловѣка? спросилъ онъ ее съ мрачнымъ видомъ.

— Съ какого жь прava, и изъ чего жь вы это заключаете? нѣсколько лукаво отвѣчала она.

— Изъ того, что вы видѣли и меня также влюбленнымъ въ Вѣру Егоровну.

— И не удивлялась, — потому что она хороша, умна, любезна какъ немногія.

— Но вы потеряли уваженіе къ характеру Леонидова за то же самое.

— Нѣтъ; но за то, что онъ пришелъ послѣ того увѣрять меня въ своей любви.

— А если и я готовъ то же сдѣлать? сказалъ Раздуминъ, взявъ ее руку.

Дѣвушка вздрогнула, опустила голову, замолчала, но не отняла руки.

— Да, милая Софья, продолжалъ онъ, одушевляясь все больше и больше, я люблю васъ съ тѣхъ поръ, какъ знаю; скажу больше, я никогда, никого не любилъ кромѣ васъ. Это увлеченіе, въ которомъ вы меня видѣли, было не что иное, какъ оптическій обманъ: эта женщина представилась мнѣ угнетенною добродѣтелью. Она заинтересовала меня своимъ

участіемъ къ вамъ, она овладѣла только моимъ воображеніемъ, но сердце мое оставалось холодно къ ней, или, лучше сказать, оно оставалось занятымъ одними вами. Хоть и твердилъ я себѣ, что это напрасно, что вы любите другаго, что смѣшна, безсмысленна моя привязанность къ вамъ, но ничто не побуждало тоски моей, и я обрадовался мысли—*полюбить дру-зю*.... Но еще больше обрадовался, когда рушилась эта мнимая любовь, и возвратилась мнѣ свобода думать объ однихъ васъ. Вы повѣрили бы, если бѣ видѣли съ какимъ растерзаннымъ сердцемъ я оставлялъ Петербургъ послѣ всѣхъ безчисленныхъ и напрасныхъ моихъ усилій отыскать васъ. Почти два года, проведенные мною въ боевой жизни, не измѣнили моихъ чувствъ. Вашъ милый образъ безпрестанно носился передо мной, и всякій день, готовясь къ смерти, я прощался съ нимъ, какъ съ единственною моею связью съ землею. Теперь я ѣхалъ въ Петербургъ только за тѣмъ, чтобы снова отыски-вать слѣды ваши. Наслѣдство послѣ дяди послужило мнѣ предлогомъ, потому что мнѣ стыдно самому себѣ сознаться въ этой любви безъ всякой надежды на взаимность. Неправа-ди, я жалокъ, и смѣшенъ вамъ, Софья? сказалъ онъ, замѣгивъ грустную улыбку и полные слезъ глаза дѣвушки. Вы сочув-ствуете моему несчастью, я это вижу,—продолжалъ онъ, по-жавъ крѣпко ея руку, но знаю, что полюбить меня вы не можете, и потому мы скоро простимся навсегда.

— О! не говорите этого, сказала Софья, закрывая обѣими руками лицо, по которому бѣжали слезы.

— Но какъ же мнѣ иначе понимать васъ, Софья? еслибъ я предложилъ вамъ руку, вы бы отказали,—не такъ ли?

— Да, отвѣчала Софья, блѣднѣя и задыхаясь, но не потому, чтобы не цѣнила счастья быть вашею подругой.

— Такъ почему жъ, милая Софья? скажите мнѣ почему жъ это?

— Я общала не выходить за-мужъ.

— Кому? со страхомъ спросилъ Раздуминъ, кому общали? Не мучьте меня.

— Себѣ.... Богу.... отвѣчала едва внятно дѣвушка.

— Итъ неправда, одному мнѣ, сказалъ Напольный, которыи уже нѣсколько минутъ незамѣченный ими, стоялъ прижавшись въ уголокъ позади ихъ. Мнѣ, Алексѣй Петровичъ, эготъ ангель добровольно далъ обещаніе навсегда остаться со мною, потому что она боится, что старикъ ея не вынесетъ разлуки съ нею. — Но Напольный не баба, моя добрая Софья Алексѣвна, и не приметъ такой жертвы; да его слѣдуетъ по-вѣсить какъ собаку, если онъ будетъ причиною отъказа вашего тѣлому уважительному жениху, какъ Алексѣй Петровичъ. Неужели жь вы думаете, моя безцѣнная перла, что ваше благополучіе не есть единая цѣль жизни вашего стараго друга? . да чего жь ему еще желать? Богъ посылаетъ намъ въ Алексѣй Петровичъ все, чего молила для васъ грѣшная душа моя; и чинъ уважительный, и достагокъ, и добродѣтель, да еще и на службѣ военной состоитъ; генеральшею будете, моя неподобная. Да мнѣ теперь только радоваться на васъ, да Господа Бога благодарить остается

И онъ, обнявъ вмѣстѣ Раздминистра и Софью, заставилъ ихъ поцѣловаться прежде, чѣмъ они успѣли опомниться отъ этой неожиданности.

— Шампанскаго! закричалъ Напольный, выбѣжавъ въ переднюю. Живо, Катя, Сенька, бѣгите за шампанскимъ, да кто-нибудь добѣги къ судѣ, къ почтмейстеру, къ засѣдателямъ, къ стряпчему, ко всемъ нашимъ, всѣхъ просите къ намъ на радость: наша красавица барышня, Софья Алексѣвна, помолвлена, молъ, за его высокоблагородіе полковника Раздминистра.

Женихъ съ невѣстой не успѣли еще увѣриться въ своемъ счастьѣ, какъ со всѣхъ сторонъ налетѣли къ нимъ съ поздравленіями. — и скоро гостинная Напольнаго вмѣстила все городское общество, обрадованное, какъ радостнымъ событіемъ, такъ и давно небывалымъ приглашеніемъ.

Совершили обрядъ обрученія — и пошла круговая. Печего грѣха тать, Иванъ Николаевичъ пить эготъ разъ довольно; онъ казался веселымъ но не эго веселье какъ то было грустно смотреть.

ГЛАВА XVII.

Никогда еще не видывали Напольнаго въ такомъ постоянно-веселомъ духѣ, въ какомъ былъ онъ со дня помолвки его милой Софьи; это счастливое событіе, казалось, превратило его въ другаго человека. Обыкновенно умеренный до крайности въ употребленіи такъ называемыхъ горячихъ напитковъ, онъ теперь, то и дѣло, зазывалъ товарищей и хотѣлъ, чтобъ выпили за здоровье его обрученныхъ. До педантизма исполнительный по службѣ, онъ теперь поручалъ многое своимъ подчиненнымъ, тогда какъ до этого времени онъ и ихъ-то прямыя обязанности почти всегда исполнялъ самъ.

— Не посягайте на меня старика, любезные товарищи, говорилъ онъ, поручая имъ то или другое; еще не могу опомниться съ радости.... Совсѣмъ умъ заволокло, боюсь болтуновъ надѣлаю; ужъ дѣлать нечего, потрудитесь; замѣните меня на время, — дайте очнуться маленько.

— И съ утра до ночи все на ногахъ, онъ торопился приготовлениями къ свадьбѣ, которую хотѣлось имъ справить этимъ мясодомъ, чтобы успѣть молодымъ съѣздить постомъ въ Петербургъ, и возвратясь оттуда тѣмъ-же путемъ, встрѣтить Пасху съ Иваномъ Николаевичемъ; а по просухъ ужъ и въ Тифлисъ, гдѣ имѣлъ Раздуминъ постоянную свою квартиру.

Всѣ жители небольшого городка, принимая истинно-дружеское участіе въ радости своего почтеннаго городничаго, не переставали вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣть, что лишаются въ Софьѣ лучшаго украшенія ихъ общества, и не рѣдко своими жалобами, доводили до слезъ добраго старика; наконецъ онъ просилъ всѣхъ не говорить и не думать о грустномъ, покуда еще съ ними ихъ радость.

— Будетъ еще время поскучать намъ объ ней, говорилъ онъ, глотая слезы, — а теперь надо веселиться, да величать жениха съ невѣстою.

И случилось, что онъ разъ затянулъ было свадебную пѣсню, — но вдругъ зарыдалъ, и насилу отпоили бѣднаго водою; и потомъ онъ самъ осмѣялъ свою неумѣстную чувствительность.

— Зависть, знать, разобрала меня, мои родные, говорилъ онъ свидѣтелямъ этой сцены. — Сами подумайте, каково мнѣ: вѣдь тринадцать разъ сватался, и все носъ наклеивали... по неволѣ расплачешься. Я радъ, что невеста наша не видала, какъ я осрамился при всѣхъ... Ужь вы, пожалуйста, ей не рассказывайте... Ну гдѣ жъ мы завтра сберемся?... не къ намъ-ли опять?

Но всѣ, желая воспользоваться непогими днями присутствія любимой ими дѣвушки, наперерывъ дѣлали обѣды и вечеринки. Обрученные несомнѣнно предпочли-бы этимъ всѣдневнымъ пирушкамъ бесѣду вдвоемъ. Но Софья чувствовала себя столько обязанною ласкою этихъ добрыхъ людей, что охотно принесла-бы имъ жертву и познательнѣе этой. Женихъ ея, соглашаясь съ нею въ невозможности отказаться отъ приглашеній, утѣшалъ себя тѣмъ, что этому скоро конецъ... скоро прекрасная его Софья будетъ неотъемлемою его собственностію, — и уже составленъ у нихъ планъ жизни тихой, уединенной, но полной занятій, которыя не помѣшаютъ имъ быть всегда вмѣстѣ. Достало имъ время и на то, чтобы по нѣскольку разъ рассказать другъ другу исторію взаимной любви своей; и удивляясь сходству мыслей, сходству вкусовъ и желаній своихъ, они все больше и больше увѣрялись, что ихъ ожидаетъ счастье невозмутимое.

Иногда, однакожъ Аксксый Петровичъ замѣчалъ, что какъ бы облачко грусти затуманиваетъ вдругъ прекрасные глаза его невесты.

— О чемъ, милая, взгрустнулось тебѣ? спросилъ онъ ее однажды въ подобную минуту. — Вѣрно вспомнилось что-нибудь прошедшее?... Гони прочь эти тяжелыя поспоминанія — прошедшее наше ужъ кануло въ вѣчность; за чѣмъ-же и огорчать себя имъ? А за будущее ручается тебѣ любовь

моя. Покуда живъ, не допущу до тебя ни горя, ни заботы, кромѣ той, какую сама захочешь.

— О! мое счастье несомнѣнно, отвѣчала Софья, — и не о прошедшемъ задумалась я... но мнѣ жаль моего добраго Ивана Николаича.... онъ привыкъ ко мнѣ, будетъ скучать, — я боюсь за него; онъ можно сказать: жилъ только для меня.

— И достигъ своей цѣли, отдавая тебя человѣку, который истинно тебя любить... и стало-быть будетъ и заботиться о тебѣ такъ же неусыпно, какъ заботился онъ самъ. Посмотри какъ онъ веселъ.

И сквозь отворенную дверь въ залу, онъ указалъ ей на него.

Софья взглянула, и грустно покачавъ головою, отвернулась отъ жениха своего и тихонько отерла слезу.

Иванъ Николаевичъ съ бутылкою въ рукѣ и бокаломъ въ другой, обносилъ, поочередно, человѣкъ пять, или шесть гостей, собравшихся въ кружокъ, и припѣвалъ вполголоса:

Чарочка моя, серебряная,
На золотомъ блюдѣ поставленная,
Кому чару пить—
Тому здраву быть.

И обойдя каждаго гостя, вновь наполненная чарочка опустошалась самимъ хозяиномъ.

— Но вся эта поддѣльная веселость, вдругъ оставляла его, какъ только онъ оставался одинъ.... Тогда, какъ отверженецъ, скитался онъ изъ угла въ уголъ, нигдѣ не находя мѣста, и такъ всѣ ночи проводилъ безъ сна, въ безвыходной тоскѣ.

— Образумься, грѣшникъ, говорилъ онъ себѣ: тебѣ ль не радоваться!... Та, которая дороже тебѣ души твоей, теперь счастлива!...

Но развѣ сердце когда-нибудь слушалось разсудка?

Насталъ наконецъ и день свадьбы Софьи.

Вывчанье назначено было вечеромъ; но ужь съ утра весь городъ засуетился и собрался въ домъ Напольнаго.

Софья только что успѣла кончить утренній туалетъ, какъ Иванъ Николаевичъ постучался въ дверь съ уборной, и спрашивалъ позволенія войти для какого-то вопроса, по случаю предстоящаго торжества.

Софья сама отворила ему дверь — и испугалась страшной перемены его лица.

— Что вы, мой другъ?... Что съ вами?... спросила она, съ глубокимъ участіемъ взявъ его за обѣ руки и смотря ему въ глаза.

— Да вотъ, отвѣчалъ онъ, увертывался отъ нея и мигая чтобы скрыть навернувшіяся слезы: — вотъ я пришелъ, моя сударыня, будущая полковница, за приказомъ вашимъ, чтобы распорядиться намъ какъ-бы половчѣе.

— Не въ томъ дѣло Иванъ Николаичъ, — вы скажите мнѣ, что съ вами дѣлается?... Вы вѣрно больны? Вы страшно блѣдны.

— И, моя безподобная, вовсе не боленъ, отвѣчалъ онъ утвердительно, — а закутился старый дуракъ, вотъ и все тутъ. Шутка ли, другая недѣля, какъ все пируемъ каждый день. Ужъ и безъ того-то былъ некрасивъ Иванъ Напольный, продолжалъ онъ, подойдя къ зеркалу, — а теперь фу, какая скверность!

И онъ закрылъ лицо обѣими руками.

— И не смотрите вы на меня, моя безподобная, только зажмурьте глазки и пожалуйте мнѣ вашу ручку, и я убѣгу, убѣгу отсюда.

Софья хотѣла обнять его, но онъ, поцѣловавъ ея руку, ускользнулъ отъ нея, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Софья думала, что хотя этотъ день, послѣдній день въ домъ ея благодѣтеля, она отобѣдаетъ съ нимъ глазъ на глазъ, — и это было бы ей очень по душѣ. Ей давно хотѣлось хоть разъ въ жизни высказать ему, что ни одна его жертва, ни одна забота, ни одна ласка, не остались ею незамѣченными;

и что ея привязанность къ нему сохранится неизгладимо на всю жизнь.

Но Иванъ Николаевичъ всегда отстранялъ такого рода объясненія... и на этотъ разъ случилось то же.

Онъ назвалъ къ обѣду множество гостей, и казался такъ веселъ, что Софья по крайней мѣрѣ совершенно успокоилась насчетъ его здоровья.

По окончаніи стола, гости разошлись по домамъ въ ожиданіи брачнаго пира, который долженъ былъ опять соединить всѣхъ вмѣстѣ въ квартирѣ молодыхъ, отдѣланной на скорую руку, но очень мило и прилично.

Женихъ прекрасной Софьи радъ бы былъ окружить ее всевозможною роскошью, но она настоятельно не хотѣла ничего прихотливаго; да и негдѣ было бы взять его въ этомъ маленькомъ городкѣ, а выписывать издалека не доставало времени, и слишкомъ для того была благоразумна невеста: она говорила, что испытавъ бѣдность, она стыдится роскоши.

Настала торжественная часть.

Въ гостиной Ивана Николаевича, передъ большимъ диваномъ, накрытъ круглый столъ бѣлоснѣжною скатертью, на немъ положена икона въ позолоченной ризѣ и поставлены хлѣбъ и соль.

Около стѣнъ сидятъ безмолвно нѣсколько дамъ, казисто нарядныхъ, и мужчинъ въ различныхъ мундирахъ.

Въ уборной Софьи собрались всѣ городскія барышни; всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, не смотря на зимнюю пору, и съ разноцвѣтными лентами въ волосахъ, которыми, за неимѣніемъ живыхъ цвѣтовъ, подарила ихъ невеста. Онѣ, какъ пчелки, жужжать около стола, нагруженнаго всякими лакомствами, и все посматриваютъ на затворенную дверь въ спальню Софьи.

Вотъ она распахнулась, и вышла къ нимъ невеста въ бѣлой широкой блузѣ.

Всѣ окружили ее, ведутъ подъ руки и сажаютъ противъ зеркала.

Одна изъ подругъ, перекрестившись, начинаетъ расплетать ея густую черную косу.

Вся прочія дѣвицы, собравшись въ кружокъ, дружно, звонко запѣли:

На морѣ утушка полоскалася,
Въ теремѣ дѣвушка плакалася:
Вы постоитъе, подружки, погодите,
Мою косыньку на двѣ не плетите.

Эти очень нетрогательныя слова вызвали однакожь на слезы не одну невѣсту, и можетъ быть, это обратилось бы въ общій плачь, еслибъ за дверью не послышался чей-то слабый, но веселый напѣвъ:

О пустомъ тужить не стану,
Скоро плакать перестану....
Попляшемъ подружки.

Дѣвушки со смѣхомъ бросились за дверь и вывели оттуда Напольнаго въ парадной формѣ и съ бѣлымъ шелковымъ чулкомъ въ рукѣ. Онъ, по древнему обычаю, пришелъ обувать невѣсту, — что обыкновенно исполняется ближайшимъ родственникомъ и непременно неженатымъ.

— Не больно-то красивъ вашъ шаферъ, красавица невѣста, сказалъ онъ, становясь на колено, чтобъ надѣть чулокъ на заранѣе разутую ея ногу, — да ужъ не погнивайтесь, никому не уступилъ такой должности. А насилу отстоялъ, чуть и съ рукой не вырвали у меня вашего чулочка всѣ эти *la petite fous*.

Софья молча пожала ему руку. Многое напомнило ей это выраженіе, — но не улыбку какъ прежде, а грусть вызвало оно на ея лицо.

Развеселившіяся дѣвушки хотѣли удержать Ивана Николаевича, но онъ увернулся отъ нихъ, прибѣжалъ въ свой кабинетъ, упалъ на диванъ и рыдалъ безутѣшно.

Старикъ, сослуживецъ его Потапычъ, насилу отпихнулъ его водою.

— Что это вы такъ убиваетесь, ваше благородіе, сказалъ онъ ему... вѣдь не на смерть отпускаете барышню.

— Эхъ, братецъ, отвѣчалъ, всхлипывая, Напольный: — жизнь-то мнѣ безъ нея не въ жизнь.

— Да какъ же быть, батюшка: дѣло дѣвичье, вѣкъ не продержишь и дочь родную, возразилъ Потапычъ.

— Знаю это, знаю, старикъ, да чтожь мнѣ дѣлать-то, коли тоска задавила совсѣмъ?

— Не подать ли водочки для куражу, ваше благородіе?

— Нѣтъ, Потапычъ, не буду; принеси лучше водицы — хлебну еще.

И оправившись, онъ вышелъ въ гостиную.

Но вотъ совсѣмъ убрана невеста, и накинута уже бѣлое покрывало на скромное чело ея; осталось только надѣть сережки, и одна изъ подругъ спѣшитъ въ гостиную, чтобъ вызвать одну изъ дамъ, которая въ общемъ мнѣніи была счастливѣйшею супругою, — а только такимъ поручается эта обязанность, — но къ удивленію всѣхъ, она отказалась сдѣлать эту услугу невестѣ, а вызвалась другая, счастье которой не было никому замѣтно.

Теперь совсѣмъ готова подъ вѣнецъ Софья; сопровождаемая толпою дѣвушекъ, она вышла въ ярко освѣщенную гостиную и сѣла за накрытый столъ между Напольнымъ и дамой, избранной въ посаженныя матери.

Всѣ сѣли, всѣ притихли. Можно бы прислушаться какъ бьется сердце невесты.

Напольный очень блѣденъ, серъезенъ, но кажется спокойнымъ.

Посаженная мать встала съ мѣста, взяла за руку обрученную и поставила ее на посланный небольшой коверъ.

Иванъ Николаевичъ взялъ со стола икону. Софья упала къ нему въ ноги, какъ дочь передъ своимъ отцемъ; и получивъ благословеніе, бросилась ему на шею, дѣлая и обливая слезами лицо и руки своего благодѣтеля.

Какой-то отчаянный вопль вырвался было — но тотчасъ же замеръ въ груди Напольнаго; онъ мужественно овладѣлъ собою, и взявъ подъ руку невесту, повелъ ее къ экипажу, — и потянулся свадебный поѣздъ къ приходской ихъ церкви, ярко освѣщенной и давно полной народа.

Три дня только послѣ свадьбы, молодые Раздумины провели въ кругу друзей—пріятелей, и отправились въ Петербургъ. Всѣ ихъ добрые знакомые выѣхали проводить ихъ за нѣсколько верстъ, и какъ водится на всѣхъ проводахъ въ свѣтъ: *пошла круговая*. Но все это, противъ обыкновенія, обошлось безъ слезъ и вздоховъ, этихъ вѣчныхъ спутниковъ отъѣзжающихъ: всѣ были увѣрены, что очень скоро опять съ ними увидятся. Они уѣзжали на какой-нибудь мѣсяцъ, не больше.

Только Софья, посаженная уже мужемъ своимъ въ дорожную повозку, покуда онъ обходилъ, чтобы съѣсть съ другой стороны, выскочила опять на снѣгъ, подбѣжала къ Напольному, стоявшему въ какомъ-то онѣмѣнш, и съ плачемъ повисла у него на шеѣ.

— О чемъ? о чемъ это вы? сказалъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ Напольный, цѣлуя ея руки:—никакого резону нѣтъ плакать, скоро опять всѣ будемъ вмѣстѣ... дай вамъ только Богъ путь да дорожку.... садитесь себѣ. Съ Богомъ моя неподобная, моя ненаглядная, да наградитъ васъ Господь за то счастье....

Голосъ старика совсѣмъ задрожалъ, слезы покатались ручьемъ, и онъ поспѣшилъ посадить ее въ экипажъ, сбѣнявъ его крестнымъ знаменіемъ въ ту минуту, какъ лошади тронулись съ мѣста.

Иванъ Николаевичъ не захотѣлъ, чтобы, кто-нибудь изъ знакомыхъ проводилъ его до дому.

— Усталъ, говорилъ онъ, теперь залягу спать до вечера.

Онъ прошелъ прямо въ опустѣлыя комнаты Софьи, и когда заботливый старикъ Цотапычъ, приготова все къ обѣду, пришелъ звать его, онъ нашель своего командира лежащаго безъ чувствъ на томъ мѣстѣ, гдѣ недавно еще стояла кровать Сони.

Впрочемъ, ввечеру того же дня, Напольный, скучая странно дома, навѣстиль своихъ знакомыхъ.

Въ Петербургъ Раздуминъ нашель болѣе хлопотъ, чѣмъ

ожидалъ, а Софья безпрестанно торопила его отъездомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дорога начинаетъ портиться.

Но Алексѣй Петровичъ отгадывалъ ея желаніе скорѣе возвратиться къ старому своему другу и подшучивалъ надъ такимъ нетерпѣніемъ.

— На что это похоже, мой другъ Соня, говорилъ онъ: — не успѣли мы осмотрѣться въ Петербургъ, а ты ужь такъ и глядишь вонъ, въ свой дрянной городишко. Не хочешь нигдѣ быть, ничего видѣть; воля твоя—это становится мнѣ подозрительно, ты просто влюблена въ своего Ивана Николаича.

— Знаешь ли, мой другъ, что я не буду съ тобой спорить объ этомъ, — отвѣчала полущутя, полусерьезно молодая женщина:—я именно тоскую по немъ! Я сама не воображала, что мнѣ, даже и съ тобою, будетъ такъ грустно безъ него, и я хочу просить тебя, душенька, уговорить его оставить службу и жить всегда съ нами; я почти увѣрена, что онъ обрадуется такому предложенію ... А ты вѣдь также любишь его?

— Славная мысль, мой другъ, отвѣчалъ Раздуминъ, и мы, надѣюсь, приведемъ ее въ исполненіе.

Софья зацѣловала своего мужа.

По связи родства съ Леонидовымъ, Алексѣй Петровичъ привезъ къ женѣ его молодую свою жену. Софья дружески и безъ всякаго смущенія обошлась съ Владиміромъ, на лицѣ котораго и она не прочла ничего, кромѣ какой-то холодной скуки. Съ Вѣрой Егоровной супруга Раздумина старалась быть также почтительно ласкова, какъ и прежде, и не боялась, говоря о своей благодарности къ ней, напомнить то бѣдственное положеніе, изъ котораго она нѣкогда извлекла ее.

Но г-жа Леонидова обошлась болѣе чѣмъ равнодушно съ молодыми супругами, и они вообще вынесли изъ этого посѣщенія довольно непріятное впечатлѣніе.

Кромѣ того, что въ эти два года Владиміръ исхудалъ и постарѣлъ страшно, а жена его подурнѣла до невѣроятія, ихъ обращеніе между собою было такого рода, что такъ и прочитывалось въ глазахъ каждаго изъ нихъ: *мы давно не любимъ и не уважаемъ другъ друга.*

— Бѣдный Владиміръ! говорила Софья своему мужу, возвращаясь отъ нихъ:—такъ молодъ еще, а жизнь его ужъ навсегда отравлена.

— Какъ дурна, стара, приторна показалаась мнѣ въ сравненіи съ тобой, моя Соня, его Вѣра Егоровна,—сказала въ отвѣтъ Раздуминъ. Право, душа моя, я боюсь, что ты будешь считать меня за дурака, вспоминая, что она нѣкогда и мнѣ вскружила голову.

— И! пѣтъ, отвѣчала Софья, я теперь ужъ поняла, что мужчины одарены способностью въ одно и тоже время быть влюблены въ одну, а любить другую.... Я такъ довольна своею долею, что не подумаю никогда упрекать тебя такимъ.... извини меня, жалкимъ ребячествомъ.

— Котораго я, кажется, вѣчно не перестану стыдиться, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ — и потомъ великодушно принялся жалеть о бѣдномъ Леонидовѣ, что онъ отъ себя потерялъ счастье, доставшееся теперь ему, Раздумину, на долю.

Наковецъ молодые супруги оставили Петербургъ.

Вотъ по большой столбовой дорогѣ мчится, крытая повозка тройкою, по гладкому какъ скатерть мартовскому снѣгу; — колокольчикъ заливается подъ росписною дугою, бѣлокурый ямщикъ, то и дѣло помахивая кнутомъ, покрикиваетъ на своихъ лошадокъ:

— Эй вы, огурчики, голубчики, поваливай!...

Молодая женская головка, окутанная въ бархатную пунцовую шапочку съ собольей опушкой, то и дѣло что выглядываетъ изъ повозки и немилосердно торопитъ ямщика.

— И такъ, матушка, гоню во всю ивановскую, что птица лстимъ,—отвѣчаетъ ямщикъ, приподнявшись на козлахъ и поднявъ кнутъ надъ своей головой.

— Ну, рѣшительно, ты приводишь меня въ отчаянье, Софья, своею страстью къ Ивану Николаевичу, смѣясь, говорить ей мужъ.... мы поломаемъ шеи: смотри, насъ такъ и мечетъ изъ стороны въ сторону.

— Вижу, вижу соборъ.... вотъ и городъ нашъ вижу!

вскричала Софья, обнявъ своего мужа... Черезъ полчаса мы будемъ съ нимъ.

Раздумишь вынуть часы изъ кармана.

— Едва ли онъ теперь еще дома, сказалъ онъ — безъ пяти минутъ одиннадцать, онъ въ это время всегда у должности.

— Мы тотчасъ пошлемъ за нимъ, отвѣчала Софья, чуть не прыгая въ повозкъ.

Вотъ примчались къ знакомому крыльцу. Безъ всякой помощи выпрыгнула молодая женщина, изъ едва остановившагося экипажа и вбѣжала прямо въ залу.

Длинный столъ, накрытый на множество приборовъ, стоялъ посреди комнаты.

— Такъ вотъ какъ?... онъ здѣсь пируетъ безъ насъ, сказала весело Софья, обращаясь къ своему мужу, показавшемуся въ дверяхъ. Поди сюда, душа моя, посмотри, у него будутъ гости сегодня... да гдѣ жь люди всѣ?

Въ эту минуту изъ корридора выглянула голова Сеньки.

— Гдѣ Иванъ Николаичъ? спросила его Софья, начиная раскутываться.

— Въ церкви, отвѣчалъ Сенька, подходя къ ней, къ ручкѣ.

— Въ которой? не въ соборѣ-ли? Нынче никакъ праздникъ. Мы поѣдемъ туда, не вели отклячивать повозки, Семень, и скажи ямщику какъ пробхать въ соборъ.

— Да ихъ отпѣвають въ мужскомъ монастырѣ, отвѣчалъ на ходу Семень.

— Боже мой! вскричала Софья, всплеснувъ руками, и Алексѣй Петровичъ едва успѣлъ поддержать ее.

— Скорѣй!... скорѣй туда... къ нему проститься, твердила Софья, вырываясь изъ рукъ мужа, и таща его за собою. Я хочу проститься съ моимъ другомъ, съ моимъ отцемъ.

Алексѣй Петровичъ почти донесъ ее до повозки, и насилу могъ пробиться съ своею ношею, сквозь густыя толпы народа, окружавшія монастырскую церковь.

Въ эту минуту выносили изъ церкви земныя останки добраго Напольнаго.

Молодая женщина вскрикнула отчаянно. — Вся оглянулись, узнали ее и разступились передъ ними. Она простилась съ своимъ неизмѣннымъ другомъ.

— Предчувствіе не обмануло меня, сказала она мужу, возвратясь въ опустѣлый домъ Наполеяго: — онъ не вынести разлуки со мной.

— Что съ нимъ это вдругъ сдѣлалось, спрашивалъ Раздуминъ друзей покойнаго, собравшихся уныло на последнее угощеніе ихъ незабвеннаго, — и ему рассказали, что Иванъ Пиколаевичъ, не былъ замѣтно боленъ, и во все время показывался въ ихъ бесѣдахъ, — только всегда не надолго и былъ очень унылъ. Однакожь на всѣ вопросы о здоровьѣ его, отвѣчалъ, что чувствуетъ себя здоровымъ только какъ будто не отдохнулъ еще отъ пирушекъ. Старъ становлюсь, говаривалъ онъ, надо больше дома сидѣть.... Только за день до кончины онъ слегъ, и велѣлъ перевести себя въ бывшую комнату Софьи Алексѣвны, и цѣлый день не принималъ къ себѣ никого.

На другое-жь утро онъ послалъ просить всѣхъ своихъ знакомыхъ навѣстить его немедленно. Всѣ собрались почти въ одинъ часъ и нашли его сидящаго въ подушкахъ, въ страшномъ изнеможеніи, но съ необыкновенно радостнымъ лицомъ.

— Поздравьте меня, и проститесь со мною, друзья мои, сказалъ онъ весело и довольно твердо. Я совсѣмъ приготовился въ дальній, но счастливый путь.... Что вы такъ смотрите на меня.... Ну да, друзья мои, умираетъ Наполеяный; спасибо вамъ всѣмъ за любовь вашу, и будь надъ всѣми вами благодать Божія!

— Да чтожь это ты такъ радуешься, отецъ нашъ, что покидаешь то насъ, сказала ему со слезами одна почтенная старушка: — словно на пиръ собрался, батюшка ты мой.

— А какъ же не на пиръ, моя почтенная, — отвѣчалъ онъ: — къ Отцу Небесному иду. Много грѣшенъ былъ Наполеяный, любилъ не въ мѣру.... умираетъ съ тоски.... но у Бога милости много: невольное Онъ проститъ мнѣ, и я съ великою

радостью отхожу къ Нему.... А вы всѣ, друзья мои сердечные, въ память мою молитесь о счастья моей доброй Софьи, и скажите ей, что Напольный благодарить ее за радостные дни свои, и что онъ спокойно оставляетъ землю.

— После этого онъ не говорилъ больше ничего—и черезъ нѣсколько часовъ не стало добраго человека.

Миръ Божій какъ бы опустѣлъ вдругъ для жителей бѣднаго городка.

По прошествіи нѣсколькихъ дней, Софья, обливаясь слезами, просталась съ могилою незабвеннаго своего благодѣтеля.

Всѣ бывшіе друзья почтеннаго Напольнаго стояли грустно около дорожной четверо-мѣстной коляски, дожидавшейся ея у ограды монастырской. Она съѣла въ нее ридомъ съ Алексѣемъ Петровичемъ, а напротивъ помѣстились горничная Катя съ старымъ Попапычемъ, сослуживцемъ Ивана Николаевича....

М. В—д.

ИЗВРОЛОГІЯ

СЛАВНАГО РОССІЙСКАГО МЕХАНИКА

КУЛИБИНА.

Изобрѣтенія его и нѣкоторые анекдоты, собранныя статскимъ советникомъ Кулибинымъ, 1831 года (*).

1735, апрѣля 10. День рожденія его, въ Нижнемъ Новгородѣ.

1768. Въ лѣто сего года, во время бытности въ Нижнемъ Новгородѣ Государыни Императрицы Екатерины II, былъ неоднократно представленъ онъ Ея Величеству съ изобрѣтенными имъ, но не оконченными еще часами, имѣвшими фигуру лица, и съ сдѣланными имъ григоріанскимъ телескопомъ, микроскопомъ и электрическою машиною. Директоръ академіи наукъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, находившійся при Императрицѣ, объявилъ ему свое покровительство и приглашалъ прѣхать въ Петербургъ.

1768, августа 11. Графъ Владиміръ Григорьевичъ, по прѣздѣ въ Петербургъ, писалъ къ нижегородскому губернатору Якову Степановичу Аршеневскому, чтобы спросилъ механическаго художника Кулибина: желаетъ ли онъ опредѣлиться въ академію, для усовершенствованія въ семъ художе-

(*) Съ собственноручнаго подлинника автора.

ствъ? — На что Кулибинъ отвѣчалъ письменно, что онъ желаетъ бытъ при академіи и насмотрѣться тамошнихъ произведеній. Изъ сего твердаго отвѣта видна была уже самонадѣянность его, что въ послѣдствіи и оправдалъ онъ на самомъ дѣлѣ.

1769, февраля 27. Пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Нижняго Новгорода, съ тамошнимъ купцомъ Костроминымъ, и привезъ съ собою изобрѣтенные и оконченные имъ работою, механическіе часы, помѣщенные въ флагаграмовомъ мѣдномъ вызолоченномъ яичкѣ. Сіи удивительные часы, въ воспоминаніе славнаго Воскресенія Христова, представляютъ слѣдующее дѣйствіе: въ срединѣ яичка видишь за стекломъ маленькія царскія двери; двери растворяются; вдали гробъ Господень, по сторонамъ стоятъ вооруженные стражи. Приходитъ ангель. отваливаетъ камень отъ гроба, стражи упадаютъ ницъ отъ страха; тутъ, съ другой стороны, являются двѣ жены Мвроносицы; куранты играютъ три раза: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!» и двери затворяются. Всѣ эти маленькія фигурки сдѣланы изъ серебра. Такое дѣйствіе повторяется каждый часъ. На другой сторонѣ яичка маленькій циферблатъ показываетъ часы и минуты. Сверхъ того, они играютъ маршъ и кантату, имъ же, Кулибинымъ, въ стихахъ сочиненную и на голосъ положенную. Машина эта заключаетъ въ себѣ болѣе 1000 малѣйшихъ колесъ и прочихъ механическихъ частицъ! Нужно сказать здѣсь и то, что почти всѣ инструменты для сихъ часовъ онъ изобрѣталъ и дѣлалъ самъ же.

Тогда же привезъ онъ, имъ же сдѣланный, особаго устройства григоріанскій телескопъ, микроскопъ и электрическую машину. Всѣ сіи вещи вторично представлены были Государыней Императрицѣ, и нынѣ хранятся въ кунсткамерѣ академіи наукъ (*).

Изобрѣтатель получилъ въ награжденіе 1000 рублей, а Ко-

(*) О семъ было опубликовано въ академическихъ ведомостяхъ особымъ прибавленіемъ 1769 года, въ N 34.

стромину всемиловивѣйше пожалована богатая серебряная большая кружка съ золотымъ на ней портретомъ Императрицы и слѣдующею вокругъ нее надписью: «Екатерина II, Императрица и Самодержица Всероссійская, жалуеъ сію кружку Михаилу Андрееву, сыну Костромину, за добродѣтель его, оказанную надъ механикомъ Иваномъ, Петровымъ сыномъ, Кулибинымъ, 1769 года, апрѣля 1 дня». Ибо г. Костроминъ содержалъ у себя изобрѣтателя со всѣмъ его семействомъ, на своемъ иждивеніи, въ теченіе двухъ лѣтъ, въ которыя занимался онъ дѣланіемъ помянутыхъ часовъ, снабжалъ его деньгами на покупку нужныхъ матеріаловъ и дѣлалъ ему всякія пособія.

Кружка сія, сохраняемая до нынѣ въ семействѣ почтеннаго Костромина, какъ извѣстно, при жизни его, въ торжественные дни и праздники, когда бывали у него обѣды, всегда ставилась посрединѣ стола на возвышенномъ мѣстѣ, наполненная лучшимъ винограднымъ виномъ. Предъ окончаніемъ обѣда за десертомъ, хозяинъ ставилъ кружку на серебряный подносъ, всѣ гости вставали, а онъ, обнося ее вокругъ стола, потчивалъ дорогихъ гостей и повторялъ съ намернувшими на глазахъ отъ умиленія слезами: «прошу выкушать за здравіе матушки нашей Императрицы!» и всѣ съ радостными лицами пили изъ нея при громогласномъ восклицаніи: «да здравствуетъ мать отечества и весь Августѣйшій домъ ея!» — при чемъ многіе старцы, убѣленные съдинами и исполненные чувствъ сердечныхъ, проливали слезы радости и благодарности! — Но на такія сцены вѣрноподданческой преданности можно только смотрѣть съ умиленіемъ, а не описывать ихъ.

1770, генваря 1. Вступилъ въ службу при Императорской академіи наукъ механикомъ, по условію, съ жалованьемъ по 350 рублей въ годъ, при казенной квартирѣ. Онъ принялъ на себя обязанность: имѣть главное смотрѣніе надъ инструментальною, слѣсарною, токарною, столярною и надъ тою палатою, гдѣ дѣлаются оптическіе инструменты, термометры и барометры, чтобы всѣ работы съ успѣхомъ и порядочно производимы были, и дѣлать нескрывтое показаніе академическимъ художникамъ во всемъ томъ, въ чемъ онъ самъ

искусствъ. При чемъ общано было, что если онъ выучитъ изъ данныхъ ему учениковъ одного или несколькихъ, дѣлать телескопы или астрономическія трубы, то получить за каждаго въ награжденіе по 100 рублей и болѣе.

1774, января 15. Всемилостивѣйше пожаловано ему на машину къ дѣланію телескопа 1000 рублей.

1775, января 16. По Высочайшему указу, данному сего числа правительствующему сенату, исключень онъ съ дѣтьми его изъ подушнаго оклада и оставлень на службѣ при академіи.

Въ академическихъ вѣдомостяхъ 1772 года подъ № 36 было объявлено, что лондонская академія назначила дать значительное награжденіе тому, кто сдѣлаетъ лучшую модель такому мосту, который бы состоялъ изъ одной дуги или свода безъ свай, и утвержденъ бы былъ концами своими только на берегахъ рѣки. Это объявленіе возбудило ревность во многихъ механикахъ и ученыхъ. И г. Кулибинъ принялся изобрѣтать модель такого моста. «Смѣлыя и остроумныя идеи этого отличнаго художника, коего природа произвела съ сильнымъ воображеніемъ, соединеннымъ съ справедливостью ума и пылкимъ воображеніемъ (такъ пишетъ академія наукъ), довели его до желаемого успѣха, но будучи обремененъ семействомъ и не имѣя капитала къ произведенію того въ дѣйство, просилъ пособія.

1775, января 19. Всемилостивѣйше пожаловано ему на сдѣланіе модели такового моста 1000 рублей.

Получа это пособіе, расположилъ онъ и сдѣлалъ модель деревяннаго моста, на дворѣ академическомъ, длиною въ 14 сажень, т.-е. въ десятую долю настоящаго моста.

1776, декабря 27. Модель была свидѣтельствована по Высочайшему повелѣнію, и къ неожиданному удовольствію академіи, найдена совершенно и доказательно вѣрною для произведенія въ настоящемъ размѣрѣ. Сложеніе и крѣпость ея частей столь надежны, что мостъ, построенный по ней на 140 саженьяхъ, можетъ поднять, безъ малѣйшаго измѣненія, болѣе 50,000 пудъ, что далеко превосходитъ предпологаемую всякую тяжесть, какая можетъ на мосту случиться. Единогласное свидѣтельство и одобреніе модели подписали всѣ главные

академики, которые ее осматривали, а именно: Леонардъ Эйлеръ-отець, Іоганъ Албертъ Эйлеръ-сынъ, Семень Когельниковъ, Степанъ Румовскій, В. Л. Крафтъ, А. І. Лексель, и при нихъ адъюнкты: Петръ Иноходцевъ, Николай Фусъ и Михайла Головинъ.

Г. Кулибинъ въ 1773 году дошелъ самъ собою до тѣхъ правилъ изчисленія, чтобъ узнавать по модели, можетъ ли настоящій мостъ снести собственную свою тягость, и сколько можетъ понести посторонняго груза. Эти правила были совершенно сходны съ тѣми, которыя послѣ вывелъ изъ механическихъ основаній славный Эйлеръ, С. Петербургскій академикъ, и которыя напечатаны въ календарь съ наставленіями на 1776 годъ, и внесены въ академическіе комментаріи. Слѣдовательно г. Кулибинъ былъ и хорошій природный математикъ (*).

1777, мая 13. За изобрѣтеніе и сдѣланіе этой модели моста, Всемилостивѣйше пожаловано ему 2000 рублей.

1778, мая 5. Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, прислалъ ему Всемилостивѣйше пожалованную золотую, большой пропорціи медаль, сдѣланную на учрежденіе академіи художествъ, съ надписью: академіи наукъ механику Ивану Кулибину, при слѣдующемъ отношеніи: «Ея Императорское Величество, удостоивъ вниманіемъ оказаннымъ вами въ «механикъ успѣхи, въ награжденіе отличнаго искусства вашего «и трудовъ, Всемилостивѣйше пожаловать соизволила золотую «медаль, которую и носить на голубой лентѣ на шеѣ. Я, по «здравя васъ съ полученіемъ сего Высочайшаго Ея Величества «благоволенія, помннутую медаль при семъ препровождаю, пре- «бывая навсегда и проч.»

Надобно припомнить, что въ то время (въ 1778 году) таковой Монаршей милости удостоились въ Россіи только два человека: одинъ казацкій полковникъ, прѣѣзжавшій къ Государынѣ депутатомъ отъ своей Сѣчи, и второй Кулибинъ. Получивъ этотъ знакъ отличія, онъ имѣлъ уже безостановочный

(*) Какъ объ этомъ, такъ и о помннутой модели опубликовано было въ академическихъ ведомостяхъ въ 1777 г. подъ № 13.

входъ во всѣ благородныя собранія, и его перестали называть мужикомъ.

Въ июнь 1793 года, показанная модель моста, устроенная въ видѣ одной арки длиною въ 14 сажень, по Высочайшему повелѣнію, снята имъ же съ мѣста неразобранная и перевезена съ Васильевского острова въ садъ Таврическаго дворца, тамъ поставлена была чрезъ рѣчку и укрѣплена фундаментально. Многіе удивлялись смѣлой предприимчивости механика въ перевозкѣ такой огромной машины, не разбирая ее. Многіе любовались, осматривая ее, переселенную какъ бы волшебствомъ въ одну только ночь, въ Таврической садъ; но время изгладило и послѣдніе слѣды ея тамъ пребыванія. Въ воспоминаніе этого небывалаго моста, остались эстампы съ описаніемъ его. Изобрѣтатель, желая оставить потомству изображеніе такого любопытнаго строенія, обещанное академіею, приказалъ въ 1793 году выгравировать его на большой мѣдной доскѣ, и напечатать съ подробнымъ описаніемъ — пустилъ въ продажу; но не выручилъ и той суммы, какую употребилъ на это дѣло.

Здѣсь кстати сказать о сужденіяхъ, бывшихъ при опробованіи помянутой модели. (*)

1778. Во время бывшаго при академіи наукъ публичнаго собранія и 50-лѣтняго отъ заведенія ея юбилея, была великолѣпная картинная иллюминація. Надъ картиною въ воздухъ представлено было солнце (дѣйствіемъ огня чрезъ стекло), мимо котораго проходилъ Аполлонъ.

Солнце и движеніе фигуры Аполлоновой изобрѣтено и устроено имъ же, Кулибинымъ.

1779. Изобрѣтено и сдѣлано имъ вогнутое зеркало изъ маленькихъ трехъугольныхъ частицъ зеркальныхъ же стеколъ, употребляемое въ фонарь, съ которымъ и былъ представленъ Ея Императорскому Величеству въ Эрмитажъ (**).

За это изобрѣтеніе Всемилостивѣйше пожаловано ему 800 рублей.

(*) Здѣсь въ рукописи пробѣлъ. *Ред.*

(**) Объ этомъ публиковано въ академическихъ ведомостяхъ 1779 года подъ N 15.

Таковыя фонари были употреблены для освѣщенія улицъ, корридоровъ и для каретъ. Они дѣлались различной величины: отъ $\frac{1}{4}$ до $1 \frac{1}{2}$ аршина въ поперечникъ, круглые и овальные. Сначала выливалась изъ алебастра вогнутая чаша по линіи, известной только механику, и вытачивалась по той же линіи; потомъ внутри чаши наклеивались маленькія частицы зеркаль, которыхъ въ большомъ фонарѣ помѣщалось до нѣсколькихъ тысячъ; въ срединѣ фонаря утверждалась одна свѣча или лампа, огонь которой отражался постоянно въ каждой частицѣ зеркальной, сколько бы тысячъ ихъ ни было, и сливаясь вмѣстѣ, представлялъ одно большое солнце, на которое смотреть прямо было невозможно.

1782. Изобрѣтено и сдѣлано машинное судно, которое шло противу воды, помощью той же воды, безъ всякой посторонней силы.

Июля 8. Въ томъ же году этотъ первый опытъ, по Высочайшему повелѣнію, на Невѣ рѣкѣ, покойнымъ генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ и всею адмиралтейскою Коллегіею опробованъ и одобренъ; ибо небольшое судно, нагруженное до 4000 пудовъ баластомъ, на которомъ находились и всѣ помянутые гг. ревизоры, шло противъ воды такъ скоро, что порожній яликъ съ двумя гребцами едва успѣвалъ плыть съ нимъ рядомъ.

Ноября 10. За это полезное изобрѣтеніе Всемилостивѣйше пожаловано г. Кулибину 5000 рублей.

Съ 1782 по 1786 г. изобрѣтены и сдѣланы имъ слѣдующія машины: по Высочайшему повелѣнію, въ Царско-Сельскомъ Дворцѣ, устроены такіе механическіе на стѣнахъ приборы, помощью которыхъ, человекъ, стоя на полу, можетъ отпирать, отворять, опять затворять и запираютъ верхнія въ аванзалахъ окна, не употребляя къ тому большихъ лѣстницъ, какъ прежде бывало; ибо Государыня Императрица, проходя по аванзаламъ, нѣсколько разъ видѣла, какъ истопникъ, взобравшись по лѣстницѣ на верхнее окошко, стоя на немъ когѣнами, отпиралъ задвижки въ переплетахъ, всегда ужасалась, и соболѣзнула о человекѣ, приказывала еще двоимъ служителямъ под-

держивать лестницу, а истопнику говорила: «осторожься! не упади.» Въ это самое время увидѣла она проходящаго тутъ механика Кулибина и повелѣла ему придумать какое-нибудь средство, чтобы избѣгнуть опасности упасть съ такой вышины. Какое человѣколюбіе! какое состраданіе къ вѣрноподаннымъ и материнская заботливость! Послѣ того такіе же приборы сдѣланы имъ и въ аван-залахъ Зимняго дворца для отпирания форточекъ въ зимнихъ и лѣтнихъ переплетахъ.

1784. Сдѣлана механическая гора, по рисунку известнаго живописца Гавріила Григорьевича Козлова, вышиною въ полтора аршина; внутри ея играла музыка. На ней видны были мѣстами деревья, сельскіе домики, каскады изъ стекла въ движеніи, вѣтряныя мельницы, пруды съ натуральною водою, гдѣ устроены мельничныя колеса, приводимыя въ обращеніе тѣми же каскадами; въ прудахъ плавали стеклянные гуси и утки. Все это было такъ живо и прекрасно, что очаровывало зрѣніе каждаго. Гора эта ставилась на особо устроенномъ столѣ.

Вѣтряная мельница, вышиною въ $\frac{3}{4}$ аршина; вертящіяся крылья ея атласныя, мѣстами высеребренны. Съ одной стороны видны были толчеи въ движеніи, ступы и пестики изъ серебра; съ другой стороны можно было видѣть, какъ дѣйствуютъ жернова и проч.

Объ эти машины заводились подобно часамъ и представлены были Ея Императорскому Величеству для увеселенія ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей Великихъ Князей.

Въ исходнемъ корридорѣ Царско-Сельскаго дворца такъ было темно, что ходили ощупью; уступы же или ступени, въ которыхъ мѣстахъ бывшія, для пріѣзжихъ людей, незнакомыхъ съ ними, причиняли большія непріятности и ушибы, да и привыкшіе къ нимъ служители, носившіе столовые и чайныя приборы, забывшись иногда, падали и разбивали посуду. Хотя ступени и были сравнены, а корридоры и днемъ и ночью освѣщаемы многими лампами, но копоть, отъ нихъ происходящая, производила какую-то мглу еще хуже пустой темноты, а комнаты, усроенныя по сторонамъ этихъ проходовъ, наполнялись чадомъ, вреднымъ для здоровья. Чтобы очистить тамъ

воздухъ, господа архитекторы дѣлали отдушники, проводили жестианья трубы, но ничто не помогало.

Г. Кулибинъ, часто проходившій по этимъ мрачнымъ корридорамъ по дѣламъ службы, и слышавшій жалобы многихъ служителей, вызвался пособить горю. Тутъ превратился онъ изъ механика въ искуснаго оптика, нашедъ средство освѣтить днемъ эти проходы поставленными въ удобныхъ мѣстахъ обыкновенными зеркалами, которыя вышній свѣтъ передавали одно другому. Люди перестали ушибаться, посуда цѣла, расходы на масло сократились, а оптикъ имѣлъ удовольствіе слышать искреннюю благодарность отъ многихъ тамъ проходившихъ.

Сдѣланъ имъ отъменной величины электрофоръ особой и самой простой, малосложной конструкціи, изъ двухъ только частей. Онъ представленъ былъ Государынѣ Императрицѣ въ Царско-Сельскомъ дворцѣ, а нынѣ хранится въ Физическомъ кабинетѣ академіи наукъ.

Описание устройства и дѣйствія электрофора.

Представьте себѣ огромную овально-продолговатую сковороду длиною около четырехъ аршинъ, сдѣланную изъ бѣлаго желѣза, края которой завернуты кругомъ ея подобно трубкѣ; на двухъ противоположныхъ концахъ, по длинѣ ея, приделано по одному изъ того же металла шару. Сковорода эта наполнена гарпіусомъ, смѣшаннымъ съ краснымъ сургучемъ. Она лежитъ на столѣ, устроенномъ подобно кровати съ ножками и столбиками. На ней лежитъ другая точно такая же сковорода, съ двумя же по концамъ шарамъ, но меньше первой и пустая. Последняя на шелковыхъ шнуркахъ приподымается кверху, помощію блока, тамъ укрѣпленнаго. Когда она поднимается и держится въ некоторомъ разстояніи отъ первой, то налигый въ нее сургучъ натирается кошачьими шкурами, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ много электрическаго огня, а при треніи трещать и сылютъ искры. Чѣмъ болѣе натираешь ими сургучную массу, тѣмъ сильнѣе становится машина. Приготовя такимъ образомъ электрофоръ, опу-

скаютъ верхнюю часть на нижнюю, берутъ изогнутый мѣдный кондукторъ, на концахъ котораго сдѣлано по шарикъ; однимъ шарикомъ касаются шара исподней сковороды, а другимъ шара верхней, тогда электрическая сила переходитъ въ послѣднюю, она подымается опять на блокъ кверху и готова поразить каждаго, кто осмѣлится коснуться шара ея. Изъ опыта известно, что этотъ электрофоръ можетъ убить даже быка. Ужасная сила! А вотъ и великолѣпное, пріятное зрѣлище, имъ производимое.

Когда эта машина была еще въ квартирѣ механика, онъ хотѣлъ позабавить дѣтей своихъ, купилъ нѣсколько сотъ листовъ турецкой золоченой бумаги, съ изображеніемъ цвѣтовъ, звѣрей и другихъ фигуръ, обвѣшалъ ими всю верхнюю часть такъ названной кровати ея, въ видѣ занавѣсы; вынесли огонь изъ комнаты (это было вечеромъ), онъ коснулся кондукторомъ одного листа, и всѣ золоченыя фигурки мгновенно наполнились огнемъ по всему пространству бумажной занавѣсы и представили великолѣпное блистательное зрѣлище, что повторялъ онъ много разъ. Къ этой машинѣ такъ же можно приспособить фейерверкъ, играющіе колокольчики, словомъ всѣ тѣ дѣйствія и перемѣны, какія обыкновенныя электрическія машины производятъ.

Карманныя электрофоры.

Въ послѣдствіи времени дѣлалъ онъ карманныя электрофоры, со всѣми къ нимъ принадлежащими увеселительными приборами. Машинка эта состояла изъ стекляннаго маленькаго шарика, налитаго краснымъ смолянымъ веществомъ съ подушечкою амальгамы. Она дѣйствовала довольно сильно, имѣла красивый видъ и укладывалась въ сафьянную коробочку такой величины, что можно было носить ее въ карманъ непримѣтно.

Не говоря о многихъ машинахъ, объ ахроматическихъ телескопахъ, астрономическихъ часахъ, имъ исправленныхъ и которые прежде поступленія его не могли быть исправляемы при инструментальной палатѣ тамошними мастерами, нужнымъ на-

хожу упомянуть о слѣдующемъ: во время бывшаго въ кунсткамерѣ академіи наукъ пожара, такъ называемая славная машина планетаріумъ или система свѣта подѣ небеснымъ стекляннмъ глобусомъ, купленная Великимъ Императоромъ Петромъ I, при разборѣ и переноскѣ ея, претерпѣла большое поврежденіе. Академія предлагала многимъ художникамъ не малую сумму, кто бы могъ исправить ее; но никто приступить къ тому не осмѣлился. Наконецъ обратили вниманіе на г. Кулибина. Онъ взялся, починилъ, исправилъ, возобновилъ казенными мастерскими и пустилъ ее въ дѣйствіе безъ всякаго возмездія. Столь важныя труды его и отличныя способности къ механикѣ, можно также причислить къ числу знаменитыхъ его изобрѣтеній, ибо безъ его генія машина эта была бы потерянною для ученаго свѣта.

Какъ не примѣнить здѣсь стихъ славнаго Державина:

Пришелъ, взглянулъ—и все препятство побѣдилъ.

Сдѣлалъ телескопъ съ металлическимъ зеркаломъ сокращенной длины противу обыкновенныхъ сферическихъ телескоповъ, изобрѣлъ и самый составъ зеркала и машину точить и полировать его по параболической линіи, чѣмъ оказалъ большія свѣдѣнія въ химіи.

Изобрѣлъ зажигательное зеркало изъ частей, діаметромъ въ три сажени—даже болѣе. Такое зеркало, въ одинъ аршинъ въ поперечникѣ, зажигало лучину въ одно мгновеніе ока.

Подобныя зеркала могли бы быть весьма полезны при химическихъ процессахъ и металлургическихъ операціяхъ

Изобрѣлъ и сдѣлалъ механической термометръ безъ стекла, ртути и спиртовъ. Дощечка, собранная изъ стальныхъ и мѣдныхъ квадратныхъ прутиковъ, крѣпко между собою соединенныхъ, выставлялась за окошко, а приделанный къ ней циферблатъ, подобный часовому, оставался въ комнатѣ. На этомъ циферблатѣ начертаны градусы съ раздѣленіемъ каждаго на 60 частей; а надъ ними двѣ стрѣлки показывали степень стужи или тепла.

Изобрѣлъ и сдѣлалъ многіе опыты водяныхъ мельницъ,

дѣйствующихъ на большихъ, быстрыхъ, судоходныхъ рѣкахъ, какъ здѣсь на Невѣ и ей подобныхъ — на водѣ и подѣ водою. Мельницы такія, по простому механизму и безъ устройства плотины, могли бы приносить значительныя выгоды. Изъ этого и другихъ подобныхъ произведеній заключить можно, что г. Кулибинъ былъ и искусный природный гидравликъ.

Изобрѣлъ и сдѣлалъ одноколку для двухъ человекъ, самокатку на трехъ колесахъ: одно впереди, а два назадъ. Слуга становился на запятки въ придѣланныя туфли, подымалъ и опускалъ ноги попеременно, безъ всякаго почти усилія, и одноколка катилась впередъ довольно быстро; если надобно было поворотить ее направо или налево, то тотъ-же человекъ колесо, стоявшее передъ нимъ, оборачивалъ въ ту или другую сторону, и она катилась по желанію его. Оставалось только сдѣлать нѣкоторыя перемѣны для ея усовершенствованія. Въ это самое время прочелъ онъ въ газетахъ, что подобная самокатка сдѣлана и пробована въ Берлинѣ; а потому онъ уничтожилъ ее и не довелъ до свѣдѣнія публики объ этомъ новомъ своемъ изобрѣтеніи.

1786, іюня 3. Г. Кулибинъ получилъ изъ кабинета Ея Высочества, на заплату за сдѣланіе гидравлическихъ и другихъ машинъ его изобрѣтенія, 4000 рублей.

1790, іюля 23. Всемилоостивѣйше пожалованы, на заплату долговъ, 2000 рублей.

1791. Артиллеріи поручикъ Непейцынъ, сражаясь при штурмѣ Очакова въ 1788 году, имѣлъ счастье, какъ онъ объяснялся, потерять ногу за отечество; пушечное ядро оторвало ее выше колѣна. Князь Григорій Александровичъ Потемкинъ, будучи въ веселомъ расположеніи духа, просилъ г. Кулибина: «постарайся приставить сему молодому человеку ногу, да только живую, чтобы онъ могъ отмстить за потерю старой. Не худо подумать и о подобныхъ головахъ — вѣдь ты русскій механикъ.»

Г. Кулибинъ сдѣлалъ ногу изъ тонкаго металла, въ видѣ натуральной; обложилъ ее пробочною корою, обтянулъ

замшею, привинтилъ къ ней плоскій изъ крѣпкаго дерева костыль, достигающій до пазухи, на который бы можно было опираться; приставилъ ее вмѣсто безобразной деревяшки, а костыль пропустилъ подъ мундиръ, обвязалъ, гдѣ слѣдуетъ, широкими бинтами и утвердилъ такъ крѣпко, что г. Непейцынъ могъ ходить очень легко безъ палки, садиться и вставать, не касаясь до нея руками, ибо эта машинная нога сама собою въ плюскъ и колѣнъ (а костыль въ вертлугъ) сгибалась и разгибалась, согласно съ движеніемъ другой ноги его натуральной; онъ могъ надѣвать шелковые чулки, башмаки и даже танцовать польскій.

1807 года (*) г. тайный совѣтникъ Аршеневскій, ревнуя въ пользу храбрыхъ воиновъ, просилъ г. Кулибина, уволеннаго уже отъ службы и проживавшаго въ Нижнемъ Новгородѣ, сдѣлать 2 куклы съ механическими ногами и прислать къ нему. Кулибинъ, желая быть такъ же полезнымъ, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, сдѣлалъ таковыя. вышиною въ 9 $\frac{1}{2}$ вершковъ, изъ которыхъ у одной механическая нога была выше, а у другой ниже колѣна, и сверхъ того особую модель ноги съ показаніемъ полного усовершенствованнаго устройства ея; одѣвъ куклы въ мундиры, и составивъ подробное описаніе, прислалъ ихъ въ 1808 году, извиняясь, что онъ сдѣланы грубо и неискусно, погому что тамъ нѣтъ хорошихъ мастеровъ. Г. Аршеневскій, получивъ ихъ, хотя былъ личнымъ свидѣтелемъ опыта сего механизма ноги г. Непейцына, но желая болѣе увѣриться въ пользу и способности ихъ, приглашалъ многихъ гг. ученыхъ разсматривать ихъ. Утвердясь на мнѣніи многихъ, онъ препроводилъ къ его превосходительству г. В. (неизвѣстно почему) одну только модель ноги съ описаніемъ ея. Этотъ поручилъ разсмотреть ногу извѣстному ученостию и практическимъ искусствомъ г. профессору хирургіи В., который, вникая во всѣ подробности механизма ея, заключилъ слѣдующимъ мнѣніемъ: «Изъ сего видно, что художникъ, зная совершенно потребныя свойства искусственныхъ членовъ, соеди-

(*) Это нарушеніе хронологическаго порядка извѣстій находится въ подлинникѣ.

« ниль ихъ въ своей машинѣ довольно счастливо, т. е. лег-
 « кость, прочность и удобство въ употребленіи. Никто кромѣ
 « его столько не старался всю силу давленія тѣла, дѣйст-
 « вующую поверхностію или концемъ отсѣченного члена на
 « конецъ искусственной ноги, разтѣлить, и тѣмъ употребленіе
 « ея сдѣлать безвреднымъ. Ибо во всѣхъ, прочими изобрѣ-
 « тенныхъ, расположено укрѣпленіе единственно на ближнемъ
 « членѣ и отсѣченный конецъ поддерживаетъ тѣло, опираясь
 « на поддѣланную ногу, отъ чего столь часто, не говоря уже
 « о боли, раны снова раскрываются, раждаются свищи, и
 « порча костей! Впрочемъ, кажется, къ составу ноги выгодно
 « было бы присоединить третью, представляющую персты, пружинкою движимую часть, какъ Бриннингсаузенъ предлагаетъ,
 « а между концемъ искусственной ноги, долженствующимъ соединиться съ концемъ отсѣченного члена, помѣстить подушки,
 « или сдѣлать такое расположеніе, чтобы конецъ члена посредствомъ кожаного кошелька, прикрѣпленъ былъ къ верх-
 « нему краю искусственной ноги.»

« Вообще же необходимо вѣлеть изготовить такую машину и пробовать ее настоящимъ образомъ; ибо всѣ удобства и недостатки, какіе могутъ представиться при одномъ
 « разсмотрѣніи, иначе окажутся на самомъ дѣлѣ.» (*)

Модель возвращена была съ этимъ справедливымъ и выгоднымъ мнѣніемъ г. Аршеневскому въ 1809 году; онъ скончался — и тѣмъ дальнѣйшее производство столь полезнаго изобрѣтенія вовсе прекратилось! Вскорѣ послѣ того, какой-то механикъ представилъ подобную механическую ногу Наполеону и получилъ значительное награжденіе.

По приказанію свѣтлѣйшаго князя Потемкина изобрѣтены и сдѣланы двѣ машины для Императорскаго стеклянаго завода (что въ С.-Петербургѣ): одна желѣзная, въ видѣ коляски, а другая подобная вороту, устроенная глаголемъ, посредствомъ которыхъ вынимаютъ изъ горна огромные горшки съ

(*) Очень справедливо, ибо и первый опытъ ноги г. Нешейцина не обошелся безъ поправокъ.

растопленную стеклянную массую, подвозят ихъ къ вѣрсту, а этимъ поднимаютъ, подводятъ къ чугунной доскѣ и выливаютъ на нее массу для сдѣланія зеркальныхъ стеколъ длиною въ 6 $\frac{1}{2}$, а шириною въ 3 $\frac{1}{2}$ аршина, легчайшимъ способомъ.

Сдѣлать фонарь съ новоизобрѣтенными 4 подобными первымъ зеркаламъ, но вогнутыми совсѣмъ уже по другой линіи. Фонарь этотъ, поставленный на столбѣ, можетъ освѣтить вокругъ себя горизонтъ непрерывнымъ свѣтомъ, первые же освѣщали дорогу по прямой только линіи.

Такіе фонари способны для морскихъ маяковъ, а одинакія зеркала полезны для освѣщенія письменныхъ и художественныхъ столовъ, площадей, дворовъ, подъѣздовъ, и для каретъ.

Изобрѣлъ и сдѣлать въ комнатахъ безъ пороху и дыму несгораемый фейерверкъ съ подвижными разнообразными колесными и фонтанными машинами, которыя представляли зрѣнію свѣтящаяся въ безчисленномъ множествѣ искры и звѣзды, при чемъ слышенъ былъ трескъ многихъ тысячъ разрываемыхъ ракетъ, какъ бываетъ въ обыкновенныхъ фейерверкахъ. (Трескъ или громъ этотъ можно усилить до того, что въ комнатахъ произведетъ весьма чувствительное потрясеніе). Тутъ видны были храмы съ аллегорическими фигурами, пальмы, каскады, фонтаны разноцвѣтныхъ яркихъ огней, вензеля, окруженные лавровыми вѣнками, и проч. и проч...

Всѣ эти оптическія дѣйствія производились посредствомъ одного только вогнутаго зеркала, имъ прежде изобрѣтеннаго, слѣдовательно одною свѣчкою или маленькою лампою. Такой дешевый, но пріятный для зрѣнія, фейерверкъ отличенъ отъ прочихъ и тѣмъ, что каждую его перемену, напримѣръ бышіе фонтаны съ выкидываемыми звездочками, можно продолжать по желанію, хотя нѣсколько часовъ сряду, безъ малѣйшаго въ пылкости огней ущерба. Его можно повторять всякій вечеръ, сколько угодно разъ, почему и названъ онъ несгораемымъ.

Такой фейерверкъ можно сдѣлать по пространству

комнаты или галлерей, вышиною и шириною хотя на нѣсколькихъ саженьяхъ.

Первый опытъ подобнаго фейерверка, въ маломъ видѣ, былъ представленъ Ея Императорскому Величеству въ Китайскомъ залѣ Царско-Сельскаго дворца, въ присутствіи всего Двора и многихъ чужестранныхъ особъ.

Во второй разъ представленъ былъ королю Шведскому въ присутствіи Ея Величества въ Таврическомъ дворцѣ.

1791, іюля 22. За этотъ первый опытъ несгораемаго фейерверка Всемилостивѣйше пожаловано ему 2000 рублей.

Государыня Императрица, чувствуя слабость въ ногахъ, съ трудомъ могла входить по лѣстницамъ, наверхъ, въ комнаты Зимняго дворца. Г. архитекторъ Гваренги устроилъ для облегченія Ея Величества отлогій, длинный всходъ безъ ступеней, во Флигель, къ Эрмитажу принадлежащемъ, но какъ и это средство не приносило облегченія, а производило большую еще усталость въ ногахъ, то и начали выдумывать такія кресла, помощію которыхъ можно бы было опускаться въ низъ изъ комнаты и подыматься опять наверхъ. Г. Гваренги, какъ обыкновенно между иностранцами водится, поручилъ дѣлать эти кресла многимъ землякамъ своимъ и другимъ иностранцамъ. Въ теченіе шести мѣсяцевъ множество рисунковъ и даже моделей представлено было Ея Величеству, но какъ всѣ такія кресла, дѣйствовавшія помощію гирь, или другихъ тягостей, привѣшенныхъ на веревкахъ или струнахъ, были очень опасны, то и не опробованы Ея Величествомъ. Государыня, вспомнивъ о Кулибинѣ, Высочайше повелѣть соизволила заняться этимъ дѣломъ ему.

Русскій механикъ, зная важность такого порученія, чтобы устранить и наималѣйшія опасности при дѣйствіи машины, изобрѣлъ и сдѣлалъ модель подъемныхъ кресель совсѣмъ особеннымъ образомъ: онъ устроилъ машинныя кресла свои на двухъ твердыхъ столбахъ, сдѣланныхъ въ видѣ толстыхъ винтовъ; человекъ, становившійся позади кресель, посредствомъ нѣкотораго механизма, могъ опускать и подымать ихъ очень легко, а воображенію сидящей въ нихъ особы не представ-

лялось никакого опасенія. Государыня Императрица крайне довольна была этимъ изобрѣженіемъ, но почему оно не произведено было на практикѣ, неизвѣстно.

Г. механикъ увѣрялъ, что посредствомъ такихъ винтообразныхъ столбовъ не только одни кресла, но и цѣлую комнату съ мебелью и людьми, въ ней находящимися, можно опускать и подымать безъ малѣйшаго потрясенія такъ, что присутствующіе не замѣтили бы и дѣйствія машины.

Изобрѣлъ особаго устройства карманные часы большой пропорціи, съ неперемѣнлемою, въ теплоту и стужу, отъ расширенія и сжатія металловъ, вѣрностію; на циферблатъ этихъ часовъ 6 стрѣлокъ, которыя показывать должны: Зодіи, двѣнадцать знаковъ небесныхъ, мѣсяцы, градусы и повседневныя числа, изъ которыхъ въ 4 года (въ одинъ высокосный) одно только должно переставлять рукою, седмичные дни въ планетныхъ знакахъ, часы, минуты, и одноударныя, какъ въ астрономическихъ стѣнныхъ часахъ, секунды, теченіе луны въ шаровидной фигурѣ, теченіе солнца, котораго восхожденіе и захожденіе во всѣхъ дняхъ года по здѣшнему Санктъ-Петербуржскому и Московскому градусамъ съ календаремъ будетъ согласно.

Эгогъ удивительный механизмъ астрономическихъ часовъ и хронометра, помѣщенный въ такомъ маломъ пространствѣ, какъ карманъ, возбуждалъ многихъ особъ любопытство. а другіе просили сдѣлать имъ такія же. Механикъ, желая показать ихъ ученому свѣту, и имѣя уже слабое зрѣніе, наваялъ и содержалъ для дѣланія ихъ подъ его наблюденіемъ часового мастера; и уже многія части были готовы, но продолжительная болѣзнь, а болѣе недостатки, принудили его остановить работу и отпустить мастера.

Здѣсь кстати разсказать слѣдующій анекдотъ:

Извѣстный уже свѣту механикъ Собакинъ приходитъ къ Кулибину, проситъ разсмотрѣть чертежи, предполагаемые къ устройству большихъ стѣнныхъ астрономическихъ часовъ, и подать свое мнѣніе: могутъ ли они быть приведены въ исполненіе. Послѣдній, разсмотрѣвъ чертежи, сказалъ, что часы

расположены очень хорошо и могут действовать верно, ибо и онъ намъренъ сдѣлать такіе же, но какъ долъгъ платежей красенъ, то покажетъ ему и свои. Тогда выносить онъ корпусъ часовъ, нѣкоторыя колеса и чертежи. Г. Собакинъ, увидѣвъ ихъ, вскричалъ: «Какъ! и это все въ карманныхъ часахъ! После этого я пасъ!» обидѣвъ изобрѣтателя и ушелъ съ увѣренностію, что онъ можетъ устроить свой механизмъ удобно въ стѣнныхъ большихъ часахъ, которые, какъ известно, въ послѣдствіи времени и сдѣлалъ.

Въ Парижѣ былъ изобрѣтенъ телеграфъ, механизмъ котораго содержался въ тайнѣ. Г. Кулибинъ, узнавши изъ газетъ объ этомъ новомъ изобрѣтеніи, тотчасъ сыскалъ внутреннее расположеніе машины, сдѣлалъ модель ея и представилъ академіи. Модель эта хранится въ кунгскамерѣ.

Изобрѣлъ новый механизмъ стѣнныхъ часовъ, играющихъ на гусляхъ. Многія части были уже сдѣланы, но по занятію его важнѣйшими изобрѣтеніями, дѣлопроизводство ихъ оставлено.

Светлѣйшій князь Потемкинъ Таврической желалъ подарить Государынѣ Императрицѣ знаменитыя часы: одни съ павлиномъ, пѣтухомъ и совою, а другіе съ слономъ; но они были испорчены до того, что никто изъ известныхъ иностранныхъ механиковъ и часовыхъ мастеровъ не брался починить ихъ. Одинъ только Г. Г. вызвался починить ихъ, но требовалъ непомерной цѣны: 5000 червонныхъ, полагая, конечно, что на такую сумму не согласится. Князь призываетъ Кулибина и проситъ: «Пожалуйста, г. Кулибинъ, возьми моихъ бѣдныхъ птичекъ и слона, оживи и поставь ихъ на ноги, — тебѣ честь и слава!» Механикъ идетъ въ кладовую, находитъ большихъ десять ящиковъ, вполонину развалившихся, и двѣ корзины съ принадлежностями къ этимъ машинамъ; привозитъ ихъ домой, разбираетъ, и съ перваго взгляда видитъ, что еще не достаетъ къ механизму нѣкоторыхъ частей. Три недѣли смотритъ онъ только на павлина, не находя возможности разобрать его, наконецъ замѣтилъ на спинѣ одно перышко, которое нѣсколько отличалось отъ другихъ, — обратилъ на него свое вниманіе, и по счастью нашелъ, что точно оно было ключемъ къ разоб-

равнію всей птицы; отвинтилъ его и собралъ весь перья, раскрылъ внутренность и увидѣлъ всю связь удивительнаго механизма. Но, къ несчастію, нашелъ тутъ многія лопнувшія пружины, порванныя цѣпочки, изломанныя колеса; многія части вышли изъ своихъ мѣстъ, причинили поврежденіе внутреннему устройству машины, и даже нельзя было догадаться, куда онѣ принадлежали, а изъ наружныхъ частей многихъ не доставало. Должно было доходить до всего умомъ и опытностію. Наконецъ онѣ все превозмогъ, и намѣреваясь приступить къ дѣлу, разложилъ принадлежности каждой птицы на особыхъ столахъ; составилъ рисунки не достающимъ вещамъ. Въ то же время (19 августа 1791 года) получаетъ Высочайшее повелѣніе отправиться въ Яссы къ генераль-фельдмаршалу князю Потемкину Таврическому, который имѣетъ въ немъ надобность. Принимаетъ изъ кабинета прогоны на три лошади, и прощаясь съ своимъ семействомъ, приказываетъ старшему сыну беречь разложенныя вещи пуще глазъ своихъ, а въ случаѣ пожара, оставя все, сколько можно поскорѣе сложить въ корзины и вынести въ безопасное мѣсто, для чего и спать ему въ той же комнатѣ; сѣлъ въ кибитку и уѣхалъ. По прошествіи двухъ недѣль, въ самую полночь, сынъ его пробуждается отъ великаго крика, видитъ комнату свою ярко освѣщенную, а подъ окошкомъ у берега Певы горящія барки съ сномъ. Онѣ въ испугъ торопился складывать вещи въ корзины, безъ всякаго разбора, что къ чему принадлежало. Опасность миновалась, но вещи остались перемѣшаны и не малыя хлопоты надѣлали механику въ разобраніи ихъ. Кулибинъ, по кончинѣ князя, возвратился и спрашивалъ разрѣшенія, что дѣлать съ этими часами? Государыня Императрица Высочайше повелѣтъ ему сонзволила, починить ихъ на счетъ казны и поставить въ Таврическомъ дворцѣ. Онѣ въ 1792 году составилъ смѣту въ 1200 рублей; получивъ деньги изъ кабинета, починилъ обои часы, вызолотилъ всѣхъ птицъ, пень дуба съ вѣтвями, и слона, поставилъ ихъ въ Таврическомъ дворцѣ заново; а оставшіеся отъ смѣты 7 руб. 50 копѣекъ представилъ управлявшему тогда кабинетомъ В. С. П., который, сказавъ, что всѣ деньги, по сдѣланной смѣтѣ, принадле-

★

жать художнику, не принялъ. Кулибинъ отдалъ ихъ въ церковь. Если кто видѣлъ огромность часовъ съ птицами и дубомъ, тотъ долженъ удивляться генію и безкорыстію художника. Свѣтлѣйшій князь правду сказалъ: «Тебѣ честь и слава», ибо безъ него и эта великолѣпная машина осталась бы во мракѣ неизвѣстности.

Въ 1797 году, по Высочайшему повелѣнію, обои эти часы переставлены имъ же, Кулибинымъ, въ Зимній дворецъ. Изъ нихъ павлинь до нынѣ находится въ брилліантовой комнатѣ Эрмитажа, а слонъ отосланъ въ подарокъ Персидскому шаху.

ОПИСАНІЕ ДѢЙСТВІЯ ЧАСОВЪ.

Павлинь, пѣтухъ и сова.

(Въ подлинникѣ пропускъ.)

1792, марта 30. Высочайше повелѣно механику Кулибину, къ получаемымъ имъ отъ академіи наукъ тремъстамъ рублямъ и казенной квартирѣ, производить изъ кабинета по 900 рублей въ годъ жалованья.

И такъ, онъ служилъ на 300-рублевомъ жалованьи 22 года.

1792, ноября 22. По представленію графа Ангальта, господъ Нартова, Эйлера и Редингера, принять въ члены Императорскаго Вольно-экономическаго общества.

1796, ноября 15. По Высочайшему повелѣнію, поставлены имъ во фронтонѣ надъ Зимнимъ дворцемъ боевыя астрономическіе часы, которые и были въ его смотрѣніи. Онъ имѣлъ обязанность заводить и содержать ихъ въ исправности, за что получалъ жалованья по 1200 рублей въ годъ.

По примѣру укрѣпленій славнаго его изобрѣтенія модели моста, придумалъ онъ устроить такое каменное зданіе подъ желѣзною крышкою, котораго потолокъ внутри его, безъ столбовъ, имѣлъ бы шириною отъ шестидесяти сажень и болѣе,

а длиною по желанію, хотя на нѣсколько сотъ сажень. Подобнаго строенія нѣтъ еще въ цѣломъ свѣтѣ. Оно могло бы служить экзерцис-гаузомъ. Столь смѣлое предпріятіе оправдывается самою моделью его моста, которая была свидѣтельствомъ академіею наукъ.

Этому устройству есть печатные чертежи и описанія.

Г. Кулибинъ придумалъ сдѣлать подобное же укрѣпленіе для остановленія осенняго Ладожскаго льда (если бы это понадобилось) на большой Невѣ. Онъ предполагалъ устроить пловучую изогнутую перемышку пониже Смольнаго монастыря, гдѣ изгибается Нева, и тамъ не допустить осенній ледъ идти далѣе и сохранить всѣ мосты отъ развода для безостановочнаго на нихъ проѣзда. Въ возможности этого удостовѣрился онъ опытами.

Въ 1800 году, при спускѣ изъ главнаго адмиралтейства, 130-пушечный корабль *Благодать* остановился на стапелѣ. Когда всѣ усилія ученыхъ для снятія его были истощены, когда самые рѣшительные способы оставались безъ успѣха, ибо крѣпкіе большіе дубовые брусья ломались какъ тонкіе пружики, канаты рвались, какъ нитки, тогда графъ Кушелевъ, вспомнивъ о русскомъ механикѣ, приказалъ сыскать его непременно и привести къ себѣ. Вечеромъ легить двѣнадцативесельная шлюбка къ дому академіи; посланный спрашиваетъ, гдѣ живетъ механикъ Кулибинъ? Кулибинъ, бывшій тутъ же, ѣдетъ, является къ графу, который проситъ его помочь горю. Механикъ общается, но съ тѣмъ, чтобы никто не мѣшался въ его дѣло; возвращается домой, думаетъ, чертитъ, исчисляетъ силы, нужныя для снятія такой огромной машины со стапеля, трудится всюночь, и на другой день рано является на мѣсто своей славы. Онъ опуталъ корабль блоками, пустилъ канаты въ прогнвоположенія линій, приказалъ, чтобы поставленный на берегу Васильевскаго острова воротъ не дѣйствовалъ, ибо толстый и тяжелый канатъ, проведенный изъ корабельнаго трюма къ этому вороту, никакими силами не могъ бытъ нагнать, средина его огвѣсно погружалась въ Неву, и пригнетала корабль

болѣе и болѣе къ стапелю и землѣ; поставилъ нѣсколько воротовъ также въ противоположной сторонѣ, къ самому почти строенію Адмиралтейства, разставилъ матросовъ и охотниковъ, желавшихъ помогать имъ, по мѣстамъ, каждому показавъ свое дѣло, махнулъ бѣлымъ платкомъ (условный знакъ, чтобы дружные налегли на вѣрота и блоковые канаты). Ура! тысячи голосовъ наполнили воздухъ, и корабль въ одну минуту сошелъ на воду. Тѣмъ зрителей на обѣихъ набережныхъ въ восхищеніи повторяли ура! били въ ладоши, кидали вверхъ шляпы и удивлялись гению художника—Русскаго.

Народу, помогавшему матросамъ, объявлена Высочайшая благодарность, корабельный мастеръ получилъ богатый подарокъ. Матросамъ дано три дня на отдохновеніе. А Кулибинъ, возвратившись домой, призвалъ священника и возблагодарилъ Бога молебнымъ пѣніемъ за ниспосланную ему помощь въ совершеніи столь полезнаго для отечества дѣла. Такъ поступать онъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

На другой день Кулибинъ встрѣчается съ нѣсколькими матросами на Невскомъ Проспектѣ. Они узнають его, кидаются въ ноги, хватають цѣловать руки и благодарятъ за доставленный имъ праздникъ. Механикъ принужденъ былъ скрыться въ домъ графа Строганова отъ собиравшагося вокругъ нихъ народа.

Въ 1800 г., при окончаніи постройки Михайловскаго замка, Высочайше повелѣно было, хранившій въ Гофъ-интендантской кладовой, бронзовый монументъ Петра Великаго, поставить на приличномъ пьедесталѣ предъ самымъ замкомъ. Пьедесталъ былъ устроенъ, монументъ подвезенъ лицомъ къ замку; начали придумывать, какъ бы поднять его и оборотить навѣсу? Рышились, — приготовили все нужные къ тому способы; но главный строитель замѣтилъ, что очень опасно поднимать такую тяжесть, не посоветовавшись съ механикомъ. Тогда призванъ былъ г. Кулибинъ. Онъ нашелъ приготовленныя укрѣпленія къ перенесенію той тяжести недостаточными, и также въ оборотъ на вѣсу монумента неудоб-

ства, присовѣтывалъ прибавить еще множество укрѣпленій. и монументъ оборотить на земль, что и исполнено, и монументъ воднять легко и благополучно.

Въ томъ же году зимою былъ ужасный вѣтръ, сопровождаемый громopodobнымъ шумомъ. На другой день г. комендантъ Петропавловской крѣпости доноситъ Государю Императору, что отъ бури высокій шпиль на колокольнѣ покривился, и вѣроятно, что въ это время было землетрясеніе, ибо полъ, гдѣ стоялъ ботикъ Петра Великаго, обрушился. Государь призываетъ Кулибина, повелеваетъ осмотрѣть поврежденіе шпилья и поправить его, если можно. Кулибинъ отвѣтствуетъ, что онъ готовъ исполнить волю Его Величества, но какъ шпиль былъ строенъ не механикомъ, а архитекторомъ, то неудобно ли повелѣть быть при томъ и архитектору.

Тотчасъ призванъ архитекторъ Гваренги, но онъ смѣло отвѣчалъ, (боясь порученія), что механикъ знаетъ лучше, какъ укрѣпить шпиль. Тогда Государь повелѣть соизволилъ обонимъ вмѣстѣ заняться этимъ дѣломъ и довести о послѣдствіи.

Механикъ, условясь съ архитекторомъ, когда имъ войдти на башню и приняты за работу. возвращается домой, беретъ съ собою старшаго сына и египца съ ватерпасомъ, обходитъ кругомъ крѣпость, смотритъ на шпиль по отвѣсной гирькѣ и не находитъ ни малѣйшей въ немъ кривизны. Желая удостовѣриться, не ошибается ли онъ, является къ коменданту и проситъ показать ему, въ которую сторону шпиль покривился? Комендантъ выводитъ его въ сѣни, и указывая на отворенную въ половину дверь, говоритъ: видите ли, какъ приметно онъ покривился. Механикъ уверяетъ, что покривилась дверь его, а не шпиль, и доказываетъ истину отвѣсною гирькою. Встрѣченный комендантъ проситъ поправить неумышленную ошибку.

На другой день механикъ и архитекторъ входятъ на башню, и достигши на верхъ каменнаго строенія, останавливаются, ибо послѣдній, будучи довольно тучень, запыхался до того,

что насилу могъ переводить духъ, а взглянувши на верхъ, гдѣ курантовые колокола, и не вида твердыхъ лѣстницъ, ужаснулся; просить механика вознншатся далѣе какъ онъ знаетъ, и оставить его на томъ же мѣстѣ. Кулибинъ, ревнуя выполнить Высочайшую волю, не думалъ объ опасности, перекрестился, полъзъ по висячимъ лѣстницамъ, достигъ колоколовъ, но не найдя уже тутъ и слѣдовъ такихъ переходовъ, рѣшился, не опуская глазъ внизъ, взбираться выше. Архитекторъ считалъ его уже погибшимъ. Представьте себѣ старца 65 лѣтъ, карабкающагося между желѣзныхъ проволокъ по колоколамъ, хватавшагося руками то за проволоки, то за курантные молотки, и на такой высотѣ казавшагося ребенкомъ, гдѣ и въ тихую погоду сильный вѣтеръ. Представьте всю опасность оборваться или оступиться, летѣть на низъ и умереть еще на воздухъ, не достигши земли, не механикъ съ молитвою и твердымъ упованіемъ на Бога, вошелъ въ самый шниль; увидѣлъ, что крѣпи и перекрестные брусья отъ времени разохлись, нѣкоторые болты развинтились, а контрфорсы раздвинулись. Надобно было все это укрѣпить. Сходить благополучно внизъ, а архитекторъ предоставляет ему полную свободу трудиться какъ онъ хочетъ, лишь бы его избавить отъ вторичнаго путешествія на башню. Такимъ же точно образомъ входилъ онъ на шниль нѣсколько разъ, задѣлалъ разошшіяся мѣста клиньями, закрѣпилъ винты на стычныхъ брусьяхъ, привинтилъ вновь желѣзныя полосы, и привелъ все испорченное въ надлежащій порядокъ, донесъ Государю, что хотя онъ не примѣтилъ кривизны шниля, но найдя въ немъ поврежденія отъ времени, исправилъ и укрѣпилъ его по прежнему, и что опасности уже никакой нѣтъ, — чѣмъ дѣло и кончено.

1801, августа 24. По прошенію его, уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ съ пенсіономъ по 5000 рублей въ годъ. При чемъ Всемилостивѣйше пожаловано ему, на укладку долговъ, 6000 единовременно, и, сверхъ того, выдано ему на сдѣланіе пробнаго машиннаго на рѣкѣ Волгѣ судна, по его предположенію, заимообразно 6000 р., съ вычетомъ ихъ изъ пенсіона по 1000 руб. въ годъ.

Получивъ такія Монаршія милости, и горя нетерпѣніемъ оказать важныя пользы любезному отечеству, онъ немедленно отправился въ Нижній Новгородъ, занялся объездомъ рѣкъ Волги и Оки, для испытанія быстрыхъ и тихихъ водъ ихъ. Изчисливъ силу стремленія водъ, приступилъ къ устройству и самага машиннаго судна. Въ этомъ упражненіи провелъ онъ 1802, 1803 и 1804 годы, трудился не жалѣя ни силъ своихъ, ни здоровья, претерпѣвая жестокіе вѣтры, ненастье, сырость и морозы, усердствуя ускорити исполненіемъ Высочайше возложеннаго на него дѣла, словомъ, онъ жилъ все почти это время на водѣ. Но видя, что на окончаніе машины и на расплату за взятыя матеріалы, не достанетъ у него суммы, въ 1804 году испросилъ еще 3000 рублей, подъ вычетъ же пенсіона своего. Окончивъ совершенно свое изобрѣтеніе, представилъ Правительству и просилъ освидѣтельствовать его.

28 сентября, 1804 года, вошли на машинное судно гражданскій губернаторъ, многіе нижегородскіе чиновники, дворяне, купцы, и при стеченіи многочисленнаго народа, оно пущено въ надлежащій ходъ и оказало совершенныя успѣхи, ибо проходило съ грузомъ вверхъ противу теченія рѣки безъ лошадей и всякой посторонней силы, но только помощію той же воды, на которой оно плыло, въ одинъ часъ по 410-ти сажень, чѣмъ ясно доказало не малыя выгоды противу обыкновенныхъ судовъ.

Польза этихъ машинныхъ судовъ состояла въ томъ, что на нихъ употреблялось рабочихъ людей вполнину того количества, сколько употребляется на обыкновенныхъ судахъ. Дѣланъ былъ расчетъ еще въ 1807 году, что отъ однихъ казенныхъ грузовъ и на одной только Волгѣ привозимыхъ, казна могла бы получать прибыли до милліона рублей въ каждое лѣто, а въ 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ могутъ служить машинныя суда, отъ 9 до 10 милліоновъ рублей. Сверхъ того, оставшіеся за излишествомъ рабочіе люди, числомъ болѣе 30,000 человекъ, могли бытъ употреблены на хлѣбона-

шество и другія работы, равнымъ образомъ и купечество, соразмѣрно своимъ грузамъ, получило бы не малыя выгоды.

Это пробное машинное судно, по распоряженію Правительства, въ 1807 году механикомъ сдано въ смотрѣніе тамошней городской думы, къ чему присовокуплены были: чертежи и подробное описаніе, дабы купечество могло воспользоваться ими и строить такіа суда для своей доказанной выгоды; а съ изобрѣтателя Всемилостивѣйше сложены все суммы, употребленныя имъ на устройство механизма. Онъ радовался, что еще при жизни увидитъ исполненіе благонамѣренныхъ своихъ желаній. Надежда обманула его. Городовая Дума, видя, что никто не хочетъ заниматься этимъ машиннымъ судномъ, за которымъ она должна была присматривать, нанять особеннаго человека для отливки изъ него воды, и проч., представила о томъ своему начальству и получила рѣшеніе продать его съ аукціоннаго торга. Кто-то купилъ его, и весьма дешево, на дрова! Такимъ образомъ вознаграждены многолѣтніе труды, потеря здоровья изобрѣтателя и уничтожены милліоны предполагаемыхъ выгодъ. Каждый благомыслящій можетъ себя представить, что чувствовалъ тогда 75-лѣтній старецъ, видя такой печальный конецъ своего любимѣйшаго и полезнѣйшаго изобрѣтенія. Но тѣмъ еще не кончилось испытаніе его терпѣливости: въ 1814 году французскій механикъ Пуадебардъ ввелъ тамъ же на Волгѣ свои водоходныя машины, приводимыя въ движеніе лошадьми, а не водою, получить привилегію, и нижегородское купечество обогатило его. Кулибинъ видѣлъ это и молчалъ.

Послѣ уже смерти Кулибина, графа Шереметьева крестьянинъ Михайло Сутыринъ ввелъ также на Волгѣ подобныя машинныя суда, дѣйствующія лошадьми; но какъ они были малосложнѣе и выгоднѣе первыхъ, то и получилъ привилегію; ибо Пуадебардова машина стояла 5000, а Сутырина 500 рублей.

Кулибина машина, могущая служить 10 лѣтъ, стоила 2000 рублей, но не содержанія лошадей требовала она, а

уменьшенія рабочихъ людей, быстрой воды; — и для сдѣланія ея простаго плотника. Чертежи этихъ машинъ, съ описаніемъ, сохраняются въ Нижегородской городской Думѣ.

Такія неудачи не охладили изобрѣтательнаго духа его, не остановили ревности къ пользамъ и славъ любезнаго отечества. Въ 1814 году придумалъ онъ построить чрезъ Неву рѣку желѣзныи мостъ изъ трехъ аркъ, на двухъ гранитныхъ, такъ называемыхъ, быкахъ въ водѣ и двухъ фундаментахъ, въ берегахъ утвержденныхъ, а для пропуска кораблей сдѣлать на Васильевскомъ островѣ каналъ съ подъемными мостиками. Вдоль всего предполагаемаго моста, отъ берега до берега, провѣздъ назначался горизонтальный. Сдѣлавъ ему чертежи, описаніе и составилъ прошеніе на имя Государя Императора о бѣдственномъ своемъ состояніи (ибо въ 1813 году сгорѣли у него два деревянныя дома, составлявшіе все его имущество), искалъ случая представить ихъ Его Величеству, но въ теченіе четырехъ, бесполезно протекшихъ годовъ, не достигши такого счастья, скончался.

Чертежи этого великолѣпнаго моста, описаніе его и прошеніе механика сохранены до нынѣ.

Многіе гидравлики, даже и извѣстный ученостию инженеръ генераль-лейтенантъ г. Бетанкуръ затруднился въ томъ: какъ можно на такой быстрой и широкой рѣкѣ, какова большая Нева, устроить гранитныя, такъ называемыя, быки, для предполагаемаго Кулибинымъ желѣзнаго моста. По г. Кулибинъ предвидѣлъ такой вопросъ гидравликовъ и придумалъ простое и надежное средство бить въ Невѣ сваи и складывать гранитныя быки безъ всякихъ затрудненій, не запружая рѣки, не дѣлая никакихъ перемычекъ и не останавливая хода судовъ по ней.

Въ доказательство неутомимыхъ трудовъ его и неуспѣшной ревности принести пользу и славу отечеству, нельзя умолчать и о слѣдующемъ, хотя неоконченномъ изобрѣтеніи его, и которое едва ли какой смертный открыть можетъ.

Сначала привада его въ С.-Петербургъ (1769 г.) узналъ, что многіе механики занимаютъ изобрѣтеніемъ машины вѣчнаго движенія, и что этого Феникса скрывается уже многіе вѣки. Это самое воспламенило его желаніе достигъ всѣми силами недостигаемаго другими. Множество неудачныхъ опытовъ не остановили его. Наконецъ онъ рѣшился искать вѣчнаго движенія въ механизмѣ колесообразномъ. Сдѣлать колесо со многими вспомогательными колесцами, перемѣнными тягостями и прочими приборами, пробовать, перемѣнять устройство его; но содержалъ все это въ тайнѣ, ибо и самъ уже начиналъ сомнѣваться въ возможности столь важнаго изобрѣтенія. Въ то же время (въ 1774 г.) приходитъ къ нему г. директоръ академіи, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, вѣроятно узнавшій о трудахъ его, спрашиваетъ: нѣтъ ли чего новенькаго? Механикъ показываетъ нѣкоторые проекты, но умалчиваетъ о колесѣ. Графъ проситъ показать всѣ комнаты, удобно ли помѣщается онъ съ семействомъ? осматриваетъ столовую, мастерскую и даже кухню; — спрашиваетъ, гдѣ же спальня? Надо было вести его туда; — входитъ, огдергиваетъ занавѣсъ и видитъ машину; покачавши головою, говоритъ: «И ты скрывалъ отъ меня это? Ахъ, Иванъ Петровичъ! брось, не ломай головы. Скажу тебѣ откровенно, что и я нѣсколько лѣтъ занимался такимъ вздоромъ, но увидѣлъ, что я былъ глупъ. Не будь и ты дуракомъ! Сдѣлай тоже съ нею, что я съ своею — брось ее въ печь». Графъ, позабавившись нѣсколько насчетъ скрытности механика, уххалъ.

Послѣ того г. Кулибинъ пересталъ думать объ этомъ изобрѣтеніи и занялся другими; но вскорѣ увидѣлся онъ съ славнымъ профессоромъ математики Эйлеромъ, который утвердилъ его во мнѣніи, что этого изобрѣтенія отвергать нельзя, что можетъ быть оно какому-нибудь счастливцу и откроется. А какъ г. Эйлеръ былъ знаменитый математикъ, известный въ ученомъ свѣтѣ, то механикъ еще болѣе прильпился къ своему любимому занятію, и въ свободное отъ другихъ дѣлъ время, началъ опять дѣлать, передѣлывать свою машину, не щадя никакихъ издержекъ, поощряясь и тѣмъ, что многіе ученые въ Европѣ стараются объ этомъ изобрѣтеніи.

Въ 1794 году. германскій механикъ Иоганнъ Фридрихъ Гейнгле прислалъ къ Государынѣ Императрицѣ чертежъ и описаніе изобрѣтенной имъ самодвижущейся машины, съ увѣреніемъ, что машина его испытана, и что она замѣнять можетъ лошадей. быковъ. вѣтры, воду, словомъ принести торговлѣ въ Россіи, по хлѣбопашеству, мануфактурамъ и всѣмъ тѣмъ заведеніямъ, гдѣ погрѣбны большія силы, тысячи выгодъ. Механизмъ ея состоялъ въ 12-ти мѣхахъ, устроенныхъ въ колеса. Изъ этихъ мѣховъ 7 наполнялись водою или ртутью, а 5 пустыхъ которые въ свою очередь, при обращеніи колеса, принимали въ себя жидкость пзъ первыхъ мѣховъ и переливали въ другіе, что и заставляло колесо оборачиваться безпрерывно. Посвящая столь чрезвычайное свое изобрѣтеніе Великой Россійской Самодержицѣ, ожидалъ награжденія.

Государыня Императрица Высочайше повелѣть соизволила чертежъ и описаніе этой машины отдать на разсмотрѣніе механику Кулибину съ тѣмъ, чтобы онъ подаль свое мнѣніе. Кулибинъ, разсмотрѣвъ въ подробности силы механики и гидравлики ея, донесъ, что не находитъ ни малѣйшей возможности, чтобы машина эта могла дѣйствовать безпрерывно; но чтобы увѣриться въ томъ, испрашивалъ повелѣнія сдѣлать ей небольшую модель, на что и послѣдовала Высочайшая воля съ тѣмъ, чтобы модель, описаніе и мнѣніе его представлены были на обсужденіе академіи наукъ. Академія, получа все это, разсматривала въ общемъ собраніи всѣхъ профессоровъ, и утвердила мнѣніе Кулибина. донесла о томъ Ея Величеству. Изобрѣтатель Гейнгле получилъ богатый подарокъ за усердіе его.

Послѣ того г. Кулибинъ опять принялся за свою машину: дѣлалъ множество опытовъ и возобновлялъ ихъ. Можно представить себѣ, сколько эготъ дѣятельный и усердный человекъ, въ теченіе 50 лѣтъ, въ состояніи былъ переделывать такихъ опытовъ. Наконецъ, предъ самою уже кончиною своею, нашель (какъ онъ объяснялся) таинственный ключъ къ самодвиженію, и удивлялся, какъ въ теченіе столькихъ лѣтъ не входило это

въ его мысли. Но судьбамъ Всевышняго угодно было прекратить жизнь его.

Онъ скончался 30 июня 1818 года, на 84 году дѣлательной, славной своей жизни, оставя не мало осиротѣвшее семейство въ бедномъ состояніи и съ долгами до 5000 рублей, въ которые вошелъ онъ, изобрѣтая поминутую машину.

Небольшая модель сей машины и многіе рисунки прежнихъ таковыхъ же, съ записками его, находятся въ цѣлости.

Впродолженіе службы его, многіе случались съ нимъ анекдоты; изъ нихъ замѣчу здѣсь только нѣкоторые.

Г. Кулибинъ часто бывалъ у Свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, когда князь жилъ въ Шепелевскомъ домѣ. Въ одинъ праздникъ входитъ онъ въ залу собранія многочисленныхъ вельможъ, ожидающихъ выхода князя, и останавливается у самыхъ дверей. На другомъ концѣ залы стоялъ у окошка славный воинъ Суворовъ, (свѣтлѣйшій князь Рымникскій,) который, увидя механика, сказалъ: «А! г. Кулибинъ!» пошелъ къ нему чрезъ всю залу, толпа раздвинулась, — онъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ впередъ, остановился, и поклонясь, сказалъ:

(Пропускъ въ подлинникѣ).

Въ 1795 году Государыня Императрица, получивъ изъ Лондона въ Царское Село большой Гершелевъ телескопъ, и желая посмотреть на луну, повелѣла пригласить туда г. профессора Румовскаго и механика Кулибина. Кулибинъ поставилъ телескопъ, устроилъ возвышенное мѣсто, съ котораго удобно бы было смотреть въ него. Ея Величество изволила смотреть на луну шесть разъ, именно 27 и 29 июня, 2, 4, 5 и 7 іюля, при чемъ находились и помянутые господа. Она удостоила ихъ многими вопросами. Одинъ разъ спросила г. Румовскаго: «Правда ли, что въ лунѣ есть люди?» Онъ отвѣчалъ: «мы уже видимъ, что тамъ есть огнедышашія горы, подобіе морей и прорѣковъ въ лѣсахъ, а потому надобно полагать, что есть и люди.»

Императрица, обратясь къ Кулибину, спросила: «А вы какъ думаете?» Онъ отвѣчалъ: «Государыня, мои глаза неученье, а потому я ничего не могу сказать Вашему Величеству.» Императрица изволила разсмѣяться, и изъявивъ имъ свое благоволеніе, отпустила. Послѣ того приказала подать ящикъ съ вещами, выбрала подарки: брилліантовый перстень для г. Румовскаго и богатую табакерку для Кулибина. В. С. Поповъ докладываетъ, что Кулибинъ не нюхаетъ табаку, не лучше ли дать ему перстень; но Государыня, усмѣхнувшись, отвѣчала: «Если хотять, пускай сами помѣняются». Кулибинъ, дорожа монаршею милостію, не захотѣлъ помѣняться, и берегъ табакерку долгое время; но крайняя нужда заставила его разлучиться съ нею: продалъ въ кабинетъ за 600 рублей одно только золото, а миниатюрный эстампъ, представляющій историческое происшествіе изъ жизни Петра Великаго, вынулъ и оставилъ у себя для памяти.

Г. Кулибинъ, какъ русскій механикъ, ходилъ въ бородѣ, одѣвался въ русско славянское платье: полукафтанье шелковое, лиловое; сверхъ его суконной распашной кафтанъ коричневый, (любимые его цвѣта), опушенный соболями. Въ 1778 году, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ Таврическій предложилъ ему выбраться и ходить въ нѣмецкомъ платьѣ. Онъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы прежде узнать о томъ мысли Государыни Императрицы. Князь докладываетъ Государыню, но великая Царица повелѣла сказать Кулибину, что она еще болѣе его уважаетъ за его почтеніе къ обычаю предковъ, желаетъ, чтобы онъ остался въ бородѣ; и если чины нейдутъ къ его костюму, то знаетъ чѣмъ отличить его, и жаловала ему золотую большую медаль съ своимъ портретомъ, по случаю учрежденія академіи художествъ, и съ выбитымъ на ней его именемъ для ношенія на шеѣ на голубой Андреевской лентѣ.

Свѣтлѣйшій князь прислалъ медаль при слѣдующемъ отношеніи, отъ 5 мая 1778 года:

«Ея Императорское Величество, удостоивъ вниманіемъ
« оказаннымъ вами въ механикѣ, успѣхи, въ награжденіе отлич-

«наго искусства вашего и трудовъ, Всемиловитѣйше пожаловать соизволила золотую медаль, которую и носить на голубой лентѣ на шеѣ. Я, поздравя васъ съ полученіемъ сего Высочайшаго Ея Величества благоволенія, помянутую медаль при семъ препровождаю, пребывая навсегда, и проч.»

Надобно припомнить, что въ то время (въ 1778-мъ году) таковой монаршей милости удостоились въ Россіи только два человека: одинъ казачій полковникъ, пріѣзжавшій къ Императрицѣ денутагомъ отъ своей Съчи, и второй Кулибинъ. Получивъ этотъ знакъ отличія, онъ имѣлъ уже безостановочный входъ во всѣ благородныя собранія, и его перестали называть — мужикомъ.

Маскарадъ.

(На этомъ словѣ прервалась къ сожалѣнію біографія).

Я получилъ недавно цѣлый сундукъ собственныхъ бумагъ напего гениальнаго механика: множество чертежей, смѣтъ, объясненій, официальныхъ актовъ, замѣчаній, и готовъ вручить ихъ всякому, кто бы съ любовью и знаніемъ взялся обработать ихъ и составить подробную записку о Кулибинѣ, воздвигнуть прочной памятникъ почтенія и благодарности къ трудамъ славнаго соотечественника.

Точно также предлагаю я желающимъ бумаги Калайдовича, Муравьева, Штелина, Ходаковского. Желаю, чтобъ настоящее мое предложеніе имѣло болѣе успѣха. М. П.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**ПАМЯТНИКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ ДРЕВНЕЙ
РОССІИ СЪ ДЕРЖАВАМИ ИНОСТРАННЫМИ**, по Высочайшему повелѣнію изданные II отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи. — Сношенія съ Римскою Имперією. — Томъ III съ 1632 по 1660. — 1248 столбцевъ, изъ которыхъ 1120 содержатъ текстъ актовъ, а остальные — примѣчанія, указатель и оглавленіе.

Это — третій томъ актовъ, вызванныхъ сношеніями древней Россіи съ ея старѣйшей союзницей, Нѣмецкой имперіей. Первые два тома представили намъ сношенія Россіи съ имперіей за всѣ почти полтораста лѣтъ, предшествовавшія воцаренію въ Россіи дома Романовыхъ; третій не обнимаетъ собою и тѣхъ пяти, или шестидесяти лѣтъ, въ которыя домъ Романовыхъ довершалъ судьбы древней Руси, и заключаетъ въ себѣ промежутокъ времени съ 1632 по 1660, или, правильнѣе, неполныя шесть лѣтъ царствованія Алексея Михайловича, съ 1654—1660. Ибо имперское посольство 1632 года, составляющее начало этого тома, не было принято въ Россіи, такъ что въ нашемъ Архивѣ не сохранилось ни вѣрующей грамоты Императора Фердинанда II, ни извѣстія о цели и содержаніи этого посольства; а съ 1652 по 1654 годъ между имперіей и царствомъ не было ни какихъ сношеній.

Такимъ образомъ этотъ объемистый томъ документовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ нѣсколькимъ годамъ одного царствованія, заставляетъ ожидать еще такого же тома актовъ, для завершенія нашихъ древнихъ сношеній съ имперією, и наглядно доказываетъ возрастающую важность Россіи для Европы, и возрастающую потребность сношеній Россіи съ Европою, или вообще приближеніе того времени, когда Россія будетъ призвана дополнить своими вопросами, своими началами, своимъ вѣсомъ вопросы, начала и вѣсъ общеевропейской дипломатіи.

Было уже писано о коренныхъ, основныхъ вопросахъ и началахъ русской дипломатіи (1); было уже отмѣчено, въ Москвитянинѣ, по поводу выхода въ свѣтъ первыхъ двухъ томовъ дипломатическихъ актовъ, что эти вопросы и начала составляютъ исходную точку нашихъ древнихъ сношеній съ имперіей. Разсмотрѣніе содержанія этого III-го тома должно подтвердить ту же мысль. Мы начнемъ съ подробнаго изложенія содержанія тома, въ порядкѣ его тысячи слѣшкомъ столбцевъ убористой печати.

Томъ открывается (2) донесеніемъ въ Москву Вяземскихъ воеводъ, князя Романа Петровича Пожарскаго и Ивана Степановича Колтовскаго, да дьяка Петра Копнина отъ февраля 1632 г., о томъ, что изъ Дорогобужа, въ то время принадлежавшаго Польшѣ, пріѣхалъ къ нимъ гонецъ самъ-пять съ листомъ, — что они гонца не пропустили, а за листомъ на границу посылали своихъ людей, дворянина, да 20 дѣтей боярскихъ, — и что списокъ съ этого листа они отправляютъ при семь въ Москву. Этотъ листъ есть письмо Дорогобужскаго капитана, состоящаго въ службѣ Е. В. Короля польскаго, Юрья Лускины къ нашимъ воеводамъ съ извѣщеніемъ, что *Е. В. Нѣмецкаго Императора Сенаторъ Анатаксій Экръ-кшцеушъ* идетъ посломъ къ Москвѣ *до Государя теперѣшняго*. На это изъ Москвы отвѣчали, что въ томъ листѣ *наше государское именованье писано не пригожу*, и потому должно сдѣлать капитану слѣд. замѣчаніе: «а въ томъ твоёмъ листѣ написано не гораздо и невѣжливо В. Государя Царя и В. Кнзя Михаила Феодоровича всея Русіи Самодержца имл., — не по' его царскому достоинству, что Ему В. Государю отъ Всемогущаго Бога на вѣки дано; и для того мы тотъ листъ отослали къ тебѣ назадъ. — Если бы дѣйствительно присланъ былъ цесарскій посолъ; онъ извѣстилъ бы о томъ самъ, и писалъ бы къ Государю по Его Царскому достоинству, какъ пишутъ всѣ великіе Государя, съ полнымъ именованьемъ; а чаемъ того, что та хитрость чинится отъ Поляковъ. А то вы пишете, Бога не боясь, и противъ вѣры Божіей. И тебѣ, бы впредь не баламутить, и ссоры не чинить. А только впередъ учнешь такъ же писати Государя нашего, своимъ баламутствомъ и дуростью, и мы такихъ листовъ пріимати и дѣлати по нимъ не будемъ».

(1) Моя рѣчь о древней русской дипломатіи, 1847, Москва. Разсужденіе Капустина, Дипломат. сношенія Россіи во II половинѣ XVII вѣка. Разсужденіе Медовикова, Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича, Москва, 18 4.

(2) 1—84 столбца.

Случилось, что посланный въ Дорогобужь дворянинъ, возвратясь въ Вязьму, объявить воеводамъ, будто ему сказывалъ одинъ мужикъ Юрко, да Литовскій гончикъ, что цесарскаго посла ожидали въ Смоленскъ ко 2 дню февраля. Воеводы сочли своимъ долгомъ довести о томъ до свѣдѣнія думныхъ бояръ, которые свѣдали имъ за то слѣдующаго рода выговоръ: «почему они, не дождавси указа, спрашивали, какъ скоро посоль въ Смоленскъ прѣдетъ? И то учинили они не-гораздо, невѣдомо какими обычаями, простотою, какъ бы торопясь, — самою простотою».

Воеводы ссылались на *память*, данную ими дворянину, и не-содержавшую полномочія спрашивать о срокъ прѣзда; а дворянинъ, втроятно, отвѣчалъ, что онъ не распрашивалъ, и сообщилъ имъ о томъ, какъ о вѣсти, о слухъ.

Между тѣмъ капитанъ Лускина не могъ оставить безъ отвѣта выговора, ему сделаннаго, и отправилъ къ Вяземскимъ воеводамъ новое письмо, въ которомъ пеняетъ имъ «за многіе грубые и жоскіе слова», и заключаетъ такъ: «причитаете ко мнѣ нѣкакую баломутность и дурость, а сами на себѣ ничего не видите. Такіе дурные слова застаютъ при васъ самихъ».

Что касается до посла, его извѣстили, что, съ царской стороны, все готово къ его приему, и приставы, и подводы, и содержаніе, только бы съ нимъ не было людей польскихъ или литовскихъ потому, что какъ ему извѣстно, польскій король Его Царскому Величеству непріятель, и, будетъ съ нимъ объявятся такіе люди, *и имъ молчати не будутъ*. Наблюденіе за исполненіемъ этого условія предписано между прочимъ князю Никитѣ Никитичу Гагарину, да Григорію Ивановичу Горихвостову, которые повелѣніемъ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича и отца Его Святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, назначены приставами къ послу императора. «А будетъ посоль у себя такихъ людей не скажетъ, утайти захочетъ, и князю Микитѣ и Григорію провѣдывати про то тайно, всякими мѣрами, хотя отъ того и дати». Во всемъ остальномъ наказъ, данный этимъ приставамъ, сходенъ съ другими наказами приставамъ; и, какъ въ прежнихъ, такъ и въ этомъ наказѣ излагается наставленіе о томъ, какъ вѣдать съ посломъ и держать береженье къ нему, какъ охранять посла и препятствовать ему имѣть прямыя сношенія съ иноземцами и даже съ русскими людьми. Если чего спросить посоль, давать *по росписи*, чтобъ корму и питья, посланнаго изъ Москвы, стало ему на всю дорогу, а въ другомъ отговариваться тѣмъ, что Вязьма и Можайскъ были въ польскомъ раззореніи, и взять нѣгдѣ и пѣчего». Вотъ эта роспись:

«Послу на день по 2 калача двуденежныхъ, по гусю, по утяти, по тетереву, по зайцу, по четверо куровъ, по плечу баранины, по части говядины верченые, по части говядины шестные, по части баранины шестные, по части ветчины шестные, по 2 гривенки масла коровья, по 20 яицъ, по 2 кружки уксусу добраго, а въ ухи (sic) по полуведра уксусу. А въ рыбные дни давати послу на день, по блюду икры луконые осенние, по щукъ на парь. въ уху рыбы щучьи, въ уху рыбы окуней, по щукъ колодкъ, по звѣну осетрины просольные, добрые, по звѣну белужины, просольные жъ добрые, — по блюду шучины, или судочкины просольные; да послано двѣ лосося свѣжіе на тѣжъ на два дни, да поль-осетра свѣжего; да пряныхъ заделъ послано въ запасъ, будетъ посоль учтетъ просити, гривенка шафрану, фунтъ перцу, гривенка гвоздики, фунтъ корицы добрые, фунтъ иибирю, гривенка цвѣту мушкатнаго, десять фунтовъ сахару головнаго. Питья послу на день, по 6 чарокъ вина перепускнаго, по кружкѣ романей, по кружкѣ вина французскаго, по кружкѣ меду вишневаго, по кружкѣ меду оборнаго, по полуведра меду паточнаго; по ведру меду цѣженаго, по ведру пива добраго». Содержаніе остальныхъ членовъ посольства и его людей опредѣлялось, въ росписи, различно по различію лицъ, напримѣръ посольскихъ дворянъ, лучшихъ людей, среднихъ и простыхъ, и по различію дней постныхъ и скоромныхъ.

Не удалась однакожъ послу *Анатазіусу Жарзіусу*, какъ въ другомъ мѣстѣ называютъ его акты, воспользоваться такимъ щедрымъ царственнымъ содержаніемъ. Прежде чѣмъ вступилъ онъ въ русскіе предѣлы, онъ долженъ былъ очистить свою свиту отъ польскихъ и литовскихъ людей, изъ которыхъ она состояла. Не могъ, или не хотѣлъ онъ выполнить этого условія; только посольство его отъ того не состоялось, и кормы съ питьемъ обратно доставлены въ Москву. Разумѣется, посоль хлопоталъ о пропускѣ своей сборной свиты, пиша къ Его Царскому Величеству: «получивъ отъ Вяземскихъ воеводъ разныя статьи, обращаюсь къ Вашему Царскому Величеству, ибо лучше идти къ начальному роднику, какъ къ малымъ рѣчкамъ. 1, что до назначенія ему приставовъ, онъ за это благодаритъ; 2, что до именъ своихъ людей, извѣщаетъ, будто Австрійскіе люди холода не терпятъ, такъ что взятые имъ изъ Вѣны разнемоглись дорогою, и онъ принужденъ былъ замѣнить литовскими и польскими; и 3, чувствуетъ онъ грамоты воеводъ пишущихъ, что ему нельзя и опасно вѣхать въ Россію съ польскими людьми; но еще болѣе чувствуетъ посоль тысячи грамотъ царскихъ, общавшихъ и общающихъ безопасность посламъ въ Россію, и потому 4, покор-

нѣ выше просить выслать ему опасную грамоту, для провоза въ Россію». — Правительство русское отказало въ этой просьбѣ, и *Атаназій Еоргищевскій* долженъ былъ отправиться назадъ, не выдавъ Россію.

Вотъ содержаніе актовъ, оставшихся свидѣтелями посольства Фердинанда II къ Царю Михаилу Теодоровичу. — Послѣ этого двадцать слишкомъ лѣтъ протекло безъ всякой попытки возобновить сношенія между имперіей и царствомъ, пока наконецъ Царь Алексѣй Михайловичъ не послалъ 1684 къ Императору Фердинанду III дворянина своего Ивана Ивановича Баклановскаго, да дьяка Ивана Михайлова (*) съ извѣщеніемъ о кончинѣ Царя Михаила Теодоровича, о своемъ возшествіи на престолъ русской, и о тѣхъ неправдѣ, которыми и покойный Владиславъ и нынѣшней Янъ Казиміръ нарушаютъ вѣчное dokonчанье Россіи съ Польшей Эти неправды въ грамотѣ Царя вычислены слѣдующимъ образомъ: «Царскаго величества именованье въ грамотахъ королевскихъ писано не сполна; а въ листахъ польскихъ Сенаторовъ, воеводъ, каштеляновъ и проч. со многими безчестьемъ и съ укоризнами. И о томъ были переговоры и договоры, вслѣдствіе которыхъ въ сеймовую конституцію напечатано, чтобы людей, которые дерзали насъ безчестить, карати смертно; но этого не исполнялось. При теперешнемъ королѣ учало быть и пуце прежняго; напечатаны книги многія, а въ тѣхъ книгахъ про Государя блаженныя памяти Михаила Теодоровича, про святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича, и про насъ, Великаго государя, и про нашихъ бояръ, и про все Московское царство, забывая страхъ Божій, злые безчестья и укоризны и хулы, чего и простому человѣку слышати и терпѣти невозможно». И когда мы требовали всему тому дѣлу исправленья, «паны рады отказывали, смѣясь и называя то великое дѣло бреднями и малымъ дѣломъ». Наконецъ Янъ Казиміръ обсылался съ крымскимъ Ханомъ для того, чтобы съ обща наше государство воевать, а его порубежные подданные чинять нашимъ многіе безчинства. Для доказательства безчестныхъ отзывовъ Польши о Россіи, при семъ представляются *дѣтъ польскія книги, съ повелѣнія королевскаго напечатанныя*. «И посему мы, прося у Бога милости, хотимъ на него, Яна Казиміра, стояти, и неправды мстити, сколько милосердый Богъ помочи дастъ. Если Янъ Казиміръ станеть у Вашего Величества просить помощи и людей, ему ихъ не давать, да и курфюрстамъ писать, чтобы они ихъ Казиміру не давали». — Актъ состоялся 1684 мая 17; причѣмъ означено, что *«бѣлая грамота писана на*

(*) 85—248.

александрійскомъ листѣ; койма и фигуры и богословье и государское имя по *Московскаго*, а королевское именованье по *Римскаго* золотомъ, а дѣло чернилами писано».

За симъ слѣдуетъ наказъ, данный Баклановскому, съ подробнымъ изложеніемъ, какія бумаги даны посланнику, куда ѣхать ему, что дѣлать и говорить на случай необходимости представиться тому или другому изъ государей и властей, на пути находящихся; какъ рѣчи говорить Императору и какъ себя вести во все время посольства. Напримѣръ, если посланникъ будетъ приглашенъ къ цесарскому столу, онъ не долженъ брать съ собой *середнихъ и мелкихъ людей, чтобъ отъ нихъ пѣнства и безчиства не было*; при вопросѣ о Царѣ, отвѣчать, что онъ въ *совершенномъ возрастѣ, дородствомъ, разумомъ и красотою украшенъ, и наукамъ премудрымъ, философскимъ и ратному строю навиченъ*, — что онъ *бодроопаснаго разума и милосердаго нрава*, — т.-ш. Далѣе, на случай, если цесарскіе думные люди стануть требовать, чтобы посланникъ русскій, дворяне и люди его у нихъ поучились кланяться Цесарю, по примѣру тому, какъ *Бауръ три дня училъ кланяться прежде бывшаго русскаго посланника Ушакова, да Заборовскаго*, и посламъ отвѣчать, «что чинили то прежніе русскіе послы не дѣломъ, сплутали, и что учиться имъ посольскимъ обычаемъ не годится». Равномерно вѣлно помянуть Цесарю, что прежніе русскіе Цари всегда оказывали римскимъ цесарямъ братскую любовь и крѣпкую дружбу, помогая имъ многою казною противъ врага креста Господня и непріятеля христіанства — Турскаго. Наконецъ вообще предписывается говорить съ иноземцами *учтиво и остережательно, чтобъ просто-тою не оказаться; и не запироваться*».

Баклановскій ѣхалъ изъ Москвы въ Вѣну нѣсколько мѣсяцевъ, съ іюня до октября, какъ сказано въ его статейскомъ спискѣ. Ибо 4-го іюля онъ былъ еще во Псковѣ, 20 въ Вольмарѣ, 25 въ Ригѣ, откуда моремъ отправился въ Любекъ, и прибылъ въ него только 22 августа; а къ Вѣнѣ подъѣхалъ въ концѣ сентября, 27 дня. — И все это время, почти во всѣхъ отношеніяхъ, русское посольство довольствовалось собственными средствами. Сверхъ того, посольству дано въ запасъ, на разные непредвидѣнные случаи, соболей на 600 руб., напримѣръ, для провѣдыванія вѣстей.

1 октября являлся къ русскому посланнику Цесарскій думный, комнатный секретарь, *Зредаръ*, прося объявить ему цель и содержаніе посольства. Баклановскій отвѣчалъ, что онъ присланъ къ Цесарю, и только послѣ аудіенціи можетъ сообщить о дѣлахъ думнымъ людямъ Цесаря. 2-го октября повторились требованія со сто-

роны министровъ имперіи, и вторичный отказъ посланника, который говоритъ, что онъ этимъ исполняетъ повелѣніе своего Государя, — что думнымъ людямъ должно все дѣлать къ миру, — и что всѣ примѣры подтверждаютъ принятое имъ правило. Октября 3-го думные цесарскіе люди спрашивали, какую честь окажутъ посланники русскіе Цесарю, — какіе поминки привезли съ собою, какъ ему будутъ кланяться, и *имъ бы поучиться кланяться, какъ то дѣлаютъ послы другихъ Государей*, да и дать бы имъ роспись поминковъ. — Ответъ Баклановскаго состоялъ въ томъ, что честь Цесарю окажутъ они по достоинству, кланяться будутъ по посольскимъ обычаямъ, которымъ не учиться стать, а поминковъ не можетъ быть, пока не скрѣпится прежняя дружба и любовь между государями.

Октября 5 извѣстили пословъ, что Его Цесарское Величество приметъ ихъ въ Эберсдорфъ, *камчужныя своей бользни ради*. — Ко дню аудіенціи за послами пріѣхали кареты, въ которыхъ они отправились въ Эберсдорфъ. Здѣсь правили они посольство, по наказу, при чемъ отмѣчено, что на Цесаря было *платье нѣмецкое долгое сукно черное*; что все было обшито чернымъ сукномъ; что Цесарь сидѣлъ въ креслахъ, и, когда спрашивалъ о здоровьѣ Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, то снималъ шапку и привставалъ, опершись на кресло, и т.-д.

Октября 9 послы приглашены въ Вѣну, къ ответу, или въ конференцію для переговоровъ съ министрами. Началось дѣло о *неправдахъ польскаго королевства*.

«Иные злодѣи писали съ большимъ безчестьемъ и укоризною, называя Царя Михаила Ѳеодоровича *Михайломъ Филаретовичемъ*, иногда *Ѳеодоромъ Михайловичемъ*, а, вмѣсто *самодержца*, писали *державцемъ*; Царя Алексѣя Михайловича именовали *Александромъ Михайловичемъ*, а про польскаго короля писали высокіе и богогрубые слова, чего тлѣнному и смертному челоуку и помыслити страшно, будто *Его Королевское Величество былъ великое, всего христіанства свѣтило, и просвѣтивши весь свѣтъ, пресеился въ небесныя обители въ вѣчную хвалу*. На такихъ злодѣевъ, *въ самой конституціи 1637 года положено, латынскимъ языкомъ, пенамъ пердуделліонисъ, т.-е. смертная казнь*, и отлученіе имѣнія; и русское правительство требовало выполненія этой статьи. Обвиненіе касалось 400 челоукъ, изъ которыхъ судьи обвинили только 12, да и про тѣхъ въ декретѣ сказали: «гдѣ они, и живы ли, или померли, про то имъ самимъ невѣдомо». — Цесарскіе думные люди вполнѣ согласились въ правотѣ требованій Россіи, но прибавили, что императоръ

желаетъ, «чтобъ христіанскую кровь успокоить, и чтобъ межъ Царскаго Величества и Короля Польскаго быть ему въ третьихъ, и третействомъ своимъ мирное поставленіе учинить, чтобъ та христіанская кровь лучше лилась противъ бусурманъ». — Предложеніе было принято русскими посланниками, и вскорѣ начали говорить объ отпускѣ. Случилось, что Фердинандъ III не могъ, по причинѣ болѣзни, лично дать отпускнуой аудіенціи, и думные цесарскіе люди предлагали русскому посольству быть у нихъ, думныхъ людей, на отпуску. Послы отвѣчали: «того мы отнюдь не учинимъ, что намъ къ Цесарскому Величеству не быть, и грамоты взять не у Цесаря». Такимъ образомъ отпускъ былъ 10 ноября, и притомъ «въ комнату, потому что Цесарское Величество скорбѣлъ, и на вѣтръ ему быти нельзя». 30 Марта послы наши опять въ Любекъ, для переезда въ Россію моремъ, потому что, по военнымъ обстоятельствамъ, *черезъ гору* нельзя вѣхать; а въ 20-й день іюня пришли въ Новгородъ, ровно черезъ годъ. Кромѣ того, что Баклановскій съ товарищемъ привезъ въ Москву Цесарскую грамоту, въ которой признаютъ жалобы Московскаго двора на короля, и дѣлается предложеніе о замиреніи судомъ третейскимъ; наши посланники успѣли уговорить, въ Любекѣ, Доктора Ягана Бьлова, предложивъ ему солобей на 200 руб., вѣхать въ Москву — Царю послужить и на себѣ его царсков жалованье видѣть.

Вслѣдъ за нашимъ посольствомъ, изъ Вѣны отправлено было въ Москву особое посольство, (*) о прибытіи котораго въ Колывань 8 августа 1655 извѣстили Царя Новгородскіе воеводы Князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ, да Василій Шпикинъ, съ прошеніемъ наказа, отпустить ли пословъ, къ Царю въ станъ, или къ Царевичу Алексію Алексѣевичу въ Москву, или принять въ Новгородѣ, примѣрясь къ прежнимъ посольскимъ *приниманьямъ*. Царь повелѣлъ назначить къ посольству пристава и принять въ Новгородѣ, буде оно состоитъ изъ пословъ, по посольскимъ обычаямъ, буде они посланники, по обычаямъ посланниковъ, и потомъ отправить ихъ въ Москву, къ Царевичу Алексію Алексѣевичу. Такъ какъ одно извѣщеніе Новгородскихъ воеводъ шло къ Царю, а другое къ Царевичу, который повелѣлъ дожидаться своихъ распоряженій; то послы соскучились на рубежѣ, и торопили своего пристава Ододурова, грозя возвратиться назадъ. Новгородскіе воеводы должны были сами собою пропустить пословъ въ Новгородъ, примѣняясь къ посольскимъ обычаямъ, относительно встрѣчи, содержанія и подводи. и о томъ извѣщаютъ Ца-

(*) 349 — 528.

ревича. Въ то же время воеводы извѣщаютъ Царя, что «Великій Государь, Святѣйшій Никонъ Патріархъ Московскій и всея Великіи и Малыя Россіи, указалъ изъ Великаго Новагорода отпустить пословъ къ Москвѣ».

Изъ Москвы полученъ наконецъ наказъ, по которому следовало привезти пословъ къ Москвѣ 5 октября, а въ Москву ввести въ 6 часу дня, перхами на лошадахъ изъ царской конюшни, подъ условіемъ, чтобы, при встрѣчѣ, они первые слезли съ лошадей и т. д. Если бы послы потребовали каретъ, ссылаясь на посольскіе обычаи, или на нездоровье, повелѣно отвѣчать, что *того не повелось въ обычаяхъ московскаго государства*, чтобы по пословъ каретъ посылать и въ каретахъ ѣздить. «Между тѣмъ велѣно, въ Москвѣ, отъ Ильинскаго крестца въ переулкѣ, до князя Львова двора Александровича Шлякова намостить мостъ тотчасъ». Далѣе, въ наказѣ, говорится, какъ отвѣчать, на случай разспросовъ со стороны пословъ объ отношеніяхъ Россіи къ сосѣдямъ, а именно: «что Царь со всеми окрестными государями, Аглицкимъ, Французскимъ и Датскимъ, въ мирѣ, и *Аглинской владѣтель и Голландскіе статьи въ ссылкѣ и въ любви съ московскимъ Царемъ*. Только съ Польскимъ Москва воюетъ, и у него добыли Дорогобужъ, Мстиславль, Могилевъ, Рославль, Полоцкъ, Витебскъ, Рогачевъ, Чичерскъ, да и нынѣ съ Гетманомъ Хмвльницкимъ воюють противъ Польши. *Самихъ же про всякія тамошнія мѣры пороспросити отъ себя, тайнымъ обычаемъ, чтобы посламъ было незнатно*. Въ заключеніе слагають распоряженія о содержаніи пословъ. Первому послу Дону Аллегрету де-Аллегрети, въ день, по калачу крупичатому, въ двѣ лопатки колачь; по 6 чарокъ вина двойнаго, и т. д., товарищамъ его двумъ человѣкамъ, по калачу крупичатому, въ полъ-двѣ лопатки колачь, да по 4 чарки вина двойнаго, и т. д. — Что поговорять послы и люди ихъ съ приставомъ, обо всемъ сказать Думному Дьяку Алмазу Ивановичу; чѣмъ подарить, взять, *а самому собою отнюдь не просити ничего*.

Послы шли слишкомъ скоро, для двойныхъ сношеній воеводъ съ Царемъ и Царевичемъ, и потому случилось, что они были уже въ Твери, а тамъ еще не было извѣстно, откуда брать деньги на закупку различныхъ припасовъ для посольскаго содержанія, — прибыли въ Торжекъ, а въ немъ не отыскалось никакихъ доходовъ, которые можно было бы употребить на посольство, — въ иныхъ мѣстахъ не находили ни столько, ни такого вина, какъ предписывалось наказомъ, а иногда и недостаточнаго количества лошадей ямскихъ для подводъ. — Пришли, по распоряженію наказъ въ подходій

стань, въ село князя Якова Куденетовича Черкаскаго, Никольское, недалеко отъ Москвы, и должны были остановиться въ домъ, который не было дозволено отапливать, потому что печи испорчены, и послы, естественно, спросили, долго ли имъ тутъ стоять? И между тѣмъ правительство винило пристава Ододурова, за поспѣшность, говоря: «тебѣ вѣрно придти въ Никольское 5 октября, а ты пришла 3-го, не дождавсь двухъ дней, и то ты учинилъ дуростию своею». Въ Никольскомъ должно было оставаться до 7-го октября, и на возможные жалобы послать, что имъ тамъ стоять долго и скучно, отвѣчать: *нынѣ застали дѣла государственныхъ и ратные большіе*, и т. д.

Послѣ этого помышено донесеніе пристава Ододурова объ его разговорахъ съ посломъ Аллегретомъ. Однажды посолье спросилъ меня, говорить Ододуровъ, какъ далеко Астрахань? Я отвѣчалъ: далеко. И онъ спросилъ, какая рѣка подъ Астраханью, и я отвѣчалъ: Волга. И спросилъ посолье, гдѣ соболи рождаются, и я сказалъ: въ Сибири. И онъ спросилъ: долго ль ѣхать до Сибири? Я сказалъ, что до перваго большаго города Тобольска отъ Москвы ѣхать три года, а вдалѣ туда за Тобольскъ и ѣхать про то не можно.

Извѣстна торжественность, съ которою въ тѣ времена принимали посольства въ Москвѣ. На этотъ разъ оказалось только, что домъ, назначенный для посольства, не совсѣмъ удобенъ и не всѣмъ нужнымъ снабженъ. «Въ двухъ избахъ, столовъ нѣтъ; дворецкому надобенъ столъ большой да скамья; да въ три избы по малому столу; да у дворецкаго горница каплетъ; и тую горницу велѣть перекрывать послы. Они же потребовали: 4 скатерти, 4 утиральника, 2 дюжины платковъ (салфетокъ), 30 блюдовъ большихъ и малыхъ; да будетъ людямъ постелей нѣтъ, тобъ возъ соломы, да всякому чловѣку по одѣялу. Сверхъ того вѣрно послать 10 тарелокъ оловянныхъ, да 36 деревянныхъ», и т. д.

За симъ слѣдуетъ чинъ пріемной аудіенціи послать Фердинанда Императора, Дона Аллегрета де-Аллегретиса, Ягана Дитриха Лорбаха, и Дона Франциска Холдара кавалера. Ѣхать посламъ, верхами, имѣя по правую сторону Василя Волинскаго, а по лѣвую дѣяка Василя Михайлова. «Посламъ слѣзть съ лошадей, проѣхавъ уголь Архангельской паперти, и тутъ же шпаги снѣять. На крыльцѣ стоять дѣтямъ боярскимъ, дворовымъ людямъ и подъячимъ въ чистомъ платьѣ, — въ сѣняхъ Грановитой палаты сидѣть дворянамъ и приказнымъ людямъ, дѣякамъ и гостямъ, торговымъ людямъ гостинный и суконный сотни, въ золотномъ платьѣ и въ черныхъ шапкахъ. Встрѣчу посламъ сдѣлать двойную; въ сѣняхъ палаты, послать

встрѣчать дворянину Артемію Степановичу Волинскому, да дяку Василью Ушакову, рѣчью, — потомъ сдѣлать имъ другую встрѣчу, при входѣ въ палату. При Государь стоять рындамъ въ бѣломъ платьѣ, и въ золотыхъ цѣпяхъ. Явить пословъ Государю, то-есть представить окольничій Данило Степановичъ Великаго — Гагина. Послѣ чего слѣдуетъ поклонъ пословъ, вопросъ Царя о здоровьи императора, потомъ чрезъ думнаго дяка Алмаза Ивановича о здоровьи пословъ. За симъ послы подали Царю дары, даде грамоту, на которую Царь отвѣчалъ, что онъ повелитъ боярамъ поговорить съ послами, и пригласилъ ихъ принять жалованье — *съ его стола, явству и питье*.

Чинъ потчиванія состоялъ въ томъ, что стольникъ начинаетъ пить *чашу* Великаго Государя Царя Алексѣя Михайловича о здоровьи Государя Цесаря и за дружбу государей, — потомъ *чашу Фердинандуса цесаря*, — даде *чашу Царевича*, — а наконецъ *обоихъ государей*.

И только 17 декабря приступлено къ переговорамъ, или *отвѣтамъ*. Въ этотъ день, сошлись въ отвѣтной комнатѣ, и подавши взаимно другъ другу руки, послы и бояре вступили въ переговоры. Послы начали такъ: «всякой войнѣ бываетъ миръ, или по древнему нашему изреченію, *война стоитъ до мира*, а сводятъ, т.-е. совершаютъ миръ посредники. И, будетъ у Царскаго Величества съ польскимъ королемъ учинится миръ посредствомъ инога государя, и Цесарскому Величеству то будетъ за безчестье». — Чтобы доказать любовь цесаря къ Русскому Царю, послы говорятъ, что хотя прежніе цесари не токмо полныхъ титуловъ царскихъ не писывали, да и царемъ Московскаго Государя не именовали, а полныхъ титуловъ не пишетъ Императоръ ни къ шпанскому, ни къ французскому королямъ: но ради любви своей къ Царю Алексѣю Михайловичу, Цесарь Фердинандъ и царемъ его именуетъ, и титулы полные пишетъ. — Другими словами, послы хотятъ доказать, что Русское правительство, вручая Императору свое дѣло съ Польшею, можетъ надѣяться на рѣшеніе для себя самое благопріятное, тѣмъ болѣе, что императоръ только изъ любви къ Царю, да изъ своей чести, принимаетъ посредство въ дѣль, — посредство, безъ котораго дѣло рѣшено быть не можетъ.

Бояре отвѣчали: «Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, то не новина; и прародители его писались царскимъ именемъ, и предки Цесарскаго Величества къ Московскимъ Царямъ писали Царское именованье; а что до полныхъ титуловъ, въ которыхъ необходимо помѣщаются какъ владѣнія, доставшіяся по на-

слѣдованію, такъ и тѣ, которыя добыты войною, такъ бояре увѣрены въ истинѣ положенія: *что ему Великому Государю Богъ далъ, того никто отнять не можетъ*, и долженъ признать въ титуль. Отъ посредничества Императора не отказывается русское правительство, но жадеетъ знать, почему Цесарское Величество хочетъ принять на себя это дѣло, собою ли, или по прошенію Польши. — Слѣдовательно бояре не хотятъ допустить, что Имперія доводится одною честію быть примирительницею между Россіею и Польшею. Они знали, что Императоръ въ свойствѣ съ королемъ Польскимъ, и что Янъ Казиміръ въ опасности и отъ русскаго оружія и отъ шведскаго нашествія. Далѣе бояре спрашиваютъ, гдѣ Императоръ хочетъ устроить посольскій съездъ, для рѣшенія дѣла; кого думаетъ назначить послами, съ своей стороны; и на какихъ условіяхъ намѣренъ мирить Россію съ Польшею?

Послы отвѣчали, естественно, что одно чистое желаніе мира въ христіанствѣ внушило Императору желаніе посредства, — что не было къ тому ничьихъ настояній, ибо правительство Императора не сдѣлало ни какихъ приготовленій, и на этотъ разъ, Императоръ хотѣлъ только узнать расположеніе Московскаго двора относительно предложенія о посредничествѣ; остальные же вопросы о мѣствѣ, лицахъ уполномоченныхъ, условіяхъ замиренія могутъ быть рѣшены только по особому распоряженію Императора, для чего послы думаютъ отправить въ Вѣну гонца.

Бояре еще разъ уступаютъ настояніямъ пословъ, соглашаясь на отправленіе гонца въ Вѣну, только съ тѣмъ, чтобы съездъ былъ необходимо въ Москвѣ, и что бы все это рѣшилось скорѣе, ибо *ратное дѣло не терпитъ отлагательства, и одна Россія потерпѣтъ отъ замедленія и отъ бездѣйствія рати.*

Потомъ слѣдуютъ разсужденія о гонцѣ къ Цесарю, который долженъ ѣхать *въ дву челоуькахъ*, говорятъ послы, *а только кто поидетъ въ десяти конехъ, и то сталъ посолъ, и та пѣда не спышна.* Сверхъ того послы просятъ, «чтобы Цесарское Величество одинъ былъ посредникомъ, а только въ томъ посредничествѣ будетъ кто другой, и то Цесарскому Величеству будетъ не добръ любо и честно». — Послы спрашивали: «Хмельницкій Царскому Величеству вѣренъ ли, и впередъ отъ него шатости не чаютъ ли? — Не можетъ быть, отвѣчали наши бояре, потому что онъ семь лѣтъ самъ искалъ помощи царской, и семь лѣтъ былъ челомъ Царю со всемъ запорожскимъ войскомъ, пока Царь не убѣдился въ обидахъ, дѣлаемыхъ Польшею козакамъ, и въ опасности, что они передадутся Туркамъ. При этомъ бояре спросили, съ своей стороны, *для какой мѣры*

они послы говорятъ, что Гетманъ Хмельницкій въренъ ли? Послы отвѣчали, что у Свѣйскихъ людей идетъ рѣчь, будто Хмельницкій хочетъ передаться подь Шведскую корону.

Такимъ образомъ Императорскіе послы стараются, то возбуждал опасенія на счетъ вѣрности Хмельницкаго, то посылая недоувѣріе къ Швеціи, принудить Россію къ умѣренности относительно Польши. Кажется, что бояре вполне понимали эту систему дѣйствій, не слишкомъ пугались ложныхъ опасностей, и настойчиво вели свое дѣло съ Польшею. — Апрѣля 27 велѣно посламъ прибыть на *отпускъ* потому, что отправленіе въ Вѣну сдѣлано было подь тѣмъ условіемъ, что отвѣтъ получится къ 1 мая, — день, который былъ уже близокъ, а объ гонцѣ ни какихъ слуховъ, Царь же опять собирается въ походъ. Послы сначала говорили, что они не могутъ принять отпуска до возвращенія гонца и новыхъ инструкцій своего Государя; но думный Дьякъ Алмазь Ивановичъ убѣдилъ ихъ послушаться распоряженій Царскихъ, ссылаясь на военные обстоятельства. Вѣроятно, посламъ хотѣлось слѣдовать за Царемъ въ походъ, и послы спросили у дьяка Алмаза Ивановича: «куда Царское Величество изъ своихъ Литовскихъ нововзятыхъ городовъ походомъ пойдетъ?» — И думный дьякъ отвѣчалъ: «намъ Царскаго Величества мысль вѣдать не мочно, да и спрашивать о томъ страшно.» Послы вполне признались въ справедливости этого положенія, и подкрѣпили его извѣстнымъ историческимъ примѣромъ, нѣсколько измѣненнымъ, въ памяти ли Алмаза Ивановича, или самыхъ пословъ. «Да, сказали они: у одного Шпанскаго короля были войска многіе изготовлены и корабли воинскіе, а куда ему ратныхъ людей посылать, никто вѣдати не могъ, и на вопросъ о томъ думныхъ своихъ людей, король отвѣчалъ, что колибъ онъ вѣдалъ, чтобъ рубашка его думу знала, и онъ бы ее въ огонь бросилъ».

И такъ послы согласились принять отпускъ, при чемъ были приглашены къ Царскому столу, мая 4 дня. Самое замѣчательное событіе этого дня состояло въ томъ, что, когда послѣ чаши, питьей Царемъ за здоровье Императора, и послами за здоровье Царя, послы должны были пить чашу за здоровье бояръ, а бояре за здоровье пословъ; то послы уже были не въ состояніи выполнить обычай вѣжливости. «И послы про бояръ и бояре про пословъ не пили, потому что послы, обрадовавъ Государевы милости, упились пьяни, и пошли изъ палаты безпамятны». Послѣ стола, имъ слѣдовало получить подарки, говорить и слушать рѣчи, но посламъ Государева жалованья не явлено, и рѣчи не говорено, и грамоты не дано, для того, что послы упились гораздо; похваля послы въ

каретахъ, а не верхами. какъ того требовалъ обычай, потому что *они были пьяны*; посланные вслѣдъ за послами, для потчиванья ихъ на-дому, воротились обратно съ винами и съ закусками, не потчивали пословъ такъ же противъ обычая. *для того, что послы были пьяны.*

Отмѣтимъ еще одинъ актъ посольства, жалобу къ Царю товарища посольскаго Фонъ-Лорха на посла Дона Аллегрета въ томъ, *что онъ данныхъ имъ Царскихъ даровъ дѣлать не хочетъ.* «Изволь тую мнѣ милость сотворити, говорить челобитчикъ, обращающаяся къ Царю Алексѣю Михайловичу, и кого изъ своихъ назначить, который бы намъ тѣ дары ровно раздѣлилъ».

Послѣ того Царь отправился въ Полотскъ, а послы чрезъ Новгородъ въ свое отечество. Но когда Царь стоялъ станомъ у Полотска, туда прибылъ гонецъ, привезшій изъ Ввны грамоты къ отпущеннымъ посламъ. Царь повелѣлъ гонцу отправиться съ особымъ приставомъ вслѣдъ за послами, и пригласить ихъ обратно къ Царю въ его станъ. При этомъ приставу Василию Лихачеву дано 500 р., для содержанія пословъ въ дорогѣ пищею, и сверхъ того право, *брать для пословъ вездѣ питье безденежно.* Пословъ нагнали въ Псковъ и извѣстили о томъ Государя, который повелѣлъ проводить пословъ въ Полотскъ, и потребовалъ къ себѣ изъ Москвы всѣ бумаги, касающіяся переговоровъ, веденныхъ въ Москвѣ съ Аллегретомъ. Между тѣмъ приставъ Василій Лихачевъ прибылъ съ послами къ Полотску, остановился за 15 верстъ отъ Царскаго стана, и донесъ о томъ Царю, въ то же время извѣщая, что послы «Твоего, Государя, жалованья, по-деннаго корму не емлютъ, а просятъ за кормъ деньгами, по 5 руб. на день».

Наконецъ 7 июля начались переговоры между уполномоченными русскими и комиссарами польскими, при посредствѣ пословъ имперскихъ; но скоро прервались почти на первомъ вопросѣ о титулѣ русскаго Царя. Имперскіе послы говорили, въ объясненіе, что «Государевы великіе послы польскимъ комиссарамъ ни въ чемъ не поддають, т.-е. не дѣлають уступокъ, ихъ же городовъ имъ не поступаютъ; велятъ своего Государя писать обраннымъ Государемъ коруны Польской; а оди де Цесарскіе послы такого договору и слышати не хотять, потому что въ корунѣ Польской, и Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, и во всѣхъ ихъ нѣмецкихъ Государствахъ, по ихъ правамъ, уложено, что обирать Короля, сослався послами съ иными Государствами. А нынѣ де хотя Поляки такое дѣло и учинять, что оберуть на коруну польскую и на Великое Княжество Литовское Его Царское Величество, не обослався съ иными Государствами, и тѣмъ де они обезчестятъ многіе ихъ Государства, и того де будутъ отыскивать всеми Государствами, межъ которыми такое право утверждено».

ИСТОРИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА СЪ 1829 ПО 1853 ГОДЪ, составленное по порученію попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, тайнаго совѣтника *М. Н. Мусина-Пушкина*, *А. Вороновымъ*, директоромъ училищъ С.-Петербургской губерніи. С.-Петербургъ. Въ типографіи Трса. 1854 года. 558 стр. въ 8 долю листа.

Книга эта служить продолженіемъ историко-статистическаго обзорнія учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго округа съ 1715 по 1828 годъ, составленнаго тѣмъ же авторомъ и изданнаго въ 1849 году. Новое обзорніе — огромный, прекрасно исполненный трудъ, представляетъ намъ ходъ образованія въ періодъ отъ 1829 до 1853 года въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ. Авторъ исполнилъ свою задачу двумя путями: во-первыхъ, онъ изложилъ заботы и дѣйствія правительства, направленные къ улучшенію средствъ къ образованію и выраженныхъ въ постановленія, бывшихъ, между прочимъ, плодомъ Комитета устройства учебныхъ заведеній; во-вторыхъ приводитъ результаты, которыхъ достигли заботы правительства. Обзорніе раздѣляется на три части: правительственную, учебную и хозяйственную. Постараемся, по возможности, познакомить читателей съ этимъ превосходнымъ изданіемъ, заслуживающимъ вниманіе всякаго, принимающаго участіе въ развитіи отечественнаго просвѣщенія.

«Въ трудъ, изданномъ въ 1849 году, разсматривались первоначальныя мѣры къ народному образованію до Императрицы Екатерины II, первый періодъ жизни нашихъ учебныхъ заведеній — съ изданія устава 1786 года, до появленія устава 1804 года, и второй періодъ съ устава 1804 года до изданія устава 1828 года. «Въ настоящемъ трудѣ заключается обзорніе третьяго періода жизни нашихъ учебныхъ заведеній съ изданія устава 1828 года и «для университета съ Устава 1835 года. И такъ, третій періодъ начинается приведеніемъ въ дѣйствіе устава 8 декабря 1828 года.

«По прежнему уставу, приходскія училища были исключительно «приготовительными заведеніями для уездныхъ, уездныя — для гимназій «и гимназій для университетовъ. По новому уставу, приходскія и «уездныя училища и гимназій, оставаясь отчасти подготовительными «заведеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ устроены были такъ, что каждое изъ «нихъ заключало въ себѣ полный курсъ свѣдѣній, нужныхъ для

«окончательнаго образованія людямъ разныхъ званій; такимъ образомъ ученіе было теперь приваровлено къ состояніямъ людей и следовательно къ ихъ потребностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, сказано въ «предложеніи министра народнаго просвѣщенія, адмирала А. С. Шишкова, 2 іюня 1826 года, членамъ комитета устройства учебныхъ заведеній, что изъ уѣзднаго училища развѣ сотый человекъ поступитъ въ университетъ, между тѣмъ какъ девяносто девять окончатъ ученіе свое въ семь училищъ и частію въ гимназіи. Следовательно при назначеніи постепенности учебныхъ заведеній, отнюдь не должно исключительно имѣть въ виду приготовленіе учениковъ къ переходу изъ одного заведенія въ другое высшее, но потребности людей тѣхъ состояній, которые должны получить въ нихъ окончательное образованіе. Иначе нельзя достигнуть цели народнаго просвѣщенія, неоспоримо состоящей въ томъ, чтобы снабдить всѣ классы народа приличнымъ образованіемъ безъ исключенія. На этомъ основаніи, по мнѣнію адмирала Шишкова, приходскія училища должны у насъ существовать преимущественно для крестьянъ, мѣщанъ и промышленниковъ низшаго класса, уѣздныя — для купечества, оберъ-офицерскихъ дѣтей и дворянъ, не лишая, впрочемъ, права учиться въ нихъ и людей низшаго званія, особенно приготовляющихся въ университетъ, или въ ученое званіе.

«Сообразно съ такою идеею объ образованіи составленъ былъ и курсъ учебныхъ предметовъ въ уставѣ 1828 года, который, признанъ такимъ образомъ, по возможности, ученіе къ потребностямъ кучащихся, происходящихъ изъ разныхъ сословій, и сообщивъ ему направленіе основательное, много способствовалъ также возбужденію къ обществу нашемъ дѣятельнаго участія къ гимназіямъ, до этого времени мало пользовавшимся общественнымъ довѣріемъ. Средствами для этой цели служили, между прочимъ: учрежденіе званія почетныхъ попечителей гимназій и устройство благородныхъ при нихъ пансіоновъ, которые имѣютъ цѣлю доставить дворянамъ и чиновникамъ, живущимъ въ губерніяхъ, приличныя средства воспитывать дѣтей за плату весьма умѣренную.

«Наконецъ важнымъ благодѣяніемъ устава 1828 года были: умноженіе преимуществъ училищныхъ чиновниковъ, увеличеніе вкладовъ содержанія, улучшеніе положенія о пенсіяхъ и преимуществъ, дарованныя собственно воспитанникамъ. Въ *части правительственной* разсматриваются положеніе объ учебныхъ округахъ, Высочайше утвержденное 25 іюня 1835 года, которымъ введена новая система управленія учебнымъ округомъ. До 1835 года управленіе это находилось въ вѣдѣніи училищнаго комитета, состо-

«вавшего при С.-Петербургскомъ университетѣ. Такой порядокъ «управленія, при нѣкоторыхъ выгодахъ, заключалъ весьма много «неудобствъ. Профессоры, бывшіе членами училищнаго комитета, «слишкомъ отвлекались административными дѣлами отъ учебныхъ «занятій ко вреду университета. Попечители же въ отношеніи управ- «ленія округомъ пользовались правами весьма ограниченными: они «не имѣли никакой распорядительной власти и, наблюдая за испол- «неніемъ законовъ и предписаній министра, довольствовались только «передачею ему представленій университета, къ которымъ не столько «ва основаніи постановленія, сколько по заведенному обычаю, при- «лагали свои мнѣнія. По положенію же 1835 года, попечитель сдѣ- «кался полнымъ и единственнымъ начальникомъ всѣхъ учебныхъ «заведеній округа.» Далѣе говорится о преобразованіяхъ, сдѣланныхъ по тому же положенію и положенію 1849 г. относительно ректоровъ, декановъ, инспекторовъ, студентовъ и ихъ помощниковъ.

Часть учебная. Здѣсь авторъ излагаетъ измѣненія въ учебной части, начиная съ 1828 года, въ той послѣдовательности, въ какой онѣ происходили въ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго округа, среднихъ и низшихъ. Преобразование же университета послѣдовало по Уставу 1835 года.

«Неполнота въ составѣ профессоровъ и, вслѣдствіе того, препо- «даваніе нѣсколькихъ предметовъ, однимъ и тѣмъ же лицомъ, чтеніе «лекцій нѣкоторыми профессорами на иностранныхъ языкахъ, по «незнанію русскаго, обремененіе членовъ университета административными дѣлами, недостатокъ единства и послѣдовательности въ «преподаваніи — всё это значительно вредило надлежащему развитію «университета въ первый періодъ его дѣятельности, продолжавшійся «до 1835 года. Стройность и полнота во всѣхъ частяхъ учебной и «административной дѣятельности, правильное распревленіе занятій «и, вслѣдствіе того, возбужденіе живаго сочувствія въ обществѣ, зна- «менуютъ второй періодъ жизни С.-Петербургскаго университета, «начавшійся съ введенія новаго общаго Устава для университетовъ «26 іюля 1835 года. Вмѣсто прежнихъ трехъ факультетовъ наукъ: «1) философскихъ и юридическихъ 2) физическихъ и математиче- «скихъ, 3) историческихъ и словесныхъ, при С.-Петербургскомъ «университетѣ образовались два факультета: философскій и юриди- «ческій. Если при меньшемъ числѣ предметовъ прежняго универ- «ситетскаго курса чувствовался недостатокъ въ способныхъ и дос- «тойныхъ профессорахъ, то еще труднѣе было замѣщеніе большаго «числа кафедръ, образовавшихся съ уставомъ 1835 года, особенно «по юридическому факультету, организованному теперь въ такомъ

«объемъ, въ какомъ онъ до того времени не существовалъ. Правительство предвидѣло это затрудненіе, и потому еще съ 1828 года, приступлено было къ приготовленію профессоровъ для русскихъ университетовъ. Молодые люди, избранные изъ отличныхъ студентовъ русскихъ университетовъ, въ числѣ 20, отправлены были въ 1828 году для дальнѣйшаго усовершенствованія, сперва въ Дерптъ, гдѣ для нихъ при университетѣ учреждено было особое отдѣленіе «подъ названіемъ Профессорскаго Института, а потомъ за границу. Сюда же должно присоединить пять кандидатовъ на профессорскія кафедры по юридическимъ наукамъ, избранныхъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи изъ студентовъ духовныхъ академій.

«Вошедши въ полный почти составъ, назначенный Уставомъ 1835 года, и слѣдовательно получивши существенныя условія, необходимыя для усовершенствованія, С.-Петербургскій университетъ, «подъ просвѣщеннымъ руководствомъ бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Уварова, продолжалъ дальнѣйшее свое развитіе.

«Въ іюль 1836 года для большаго успѣха въ занятіяхъ произошло подраздѣленіе обонхъ отдѣленій философскаго факультета на «разряды, которыхъ полагалось въ I-мъ отдѣленіи три: 1) Историко-политическихъ наукъ, 2) Древней Филологіи и 3) Восточной Филологіи, и во II Отдѣленіи — два: 1) Математическихъ наукъ и 2) «Естественныхъ наукъ. При этомъ предметы каждаго разряда раздѣлены на *факультетскіе* или *главные*, служащіе основаніемъ при «опредѣленіи достоинствъ студента на *общіе*, составляющіе необходимое условіе каждаго образованнаго человѣка, и на *дополнительныя*, какъ вспомогательныя при изученіи главныхъ предметовъ. «Въ началѣ 1845/46 академическаго года образованъ былъ особый «разрядъ юридическаго факультета — камеральный.»

Въ этомъ отдѣленіи авторъ подробно излагаетъ, какіе именно предметы отнесены къ тому или другому разряду факультетовъ и какіе профессоры занимали какія кафедры.

Далѣе авторъ перечисляетъ важнѣйшіе ученые и литературные труды профессоровъ С.-Петербургскаго университета. ихъ ученія, путешествія и публичныя лекціи. Имена Плетнева, Никитенко, Семеновскаго, Фишера, Устрялова, Стасюлевича, Срезневскаго, Благовѣщенскаго, Каземъ-Бека, Ленца, Соколова, Куторги, Шиховскаго, Савича, Неволіна, Михайлова, Горлова, Усова — уже достаточно говорятъ о томъ, что сдѣлано для науки ученымъ сословіемъ университета. Г. Вороновъ не только перечисляетъ названія сочиненій профессо-

ровъ, но бѣльшую частію указываетъ время изданія ихъ и журналъ, въ которомъ онѣ помѣщены, если только были помѣщены въ журналѣ, такъ что эта статья можетъ служить вѣрнымъ указателемъ при ученыхъ занятіяхъ.

Въ слѣдующей статьѣ разсматриваются учебныя пособія С.-Петербургскаго университета: Библіотека, Физическій, Минералогическій, Ботаническій и Зоологическій кабинеты, Химическая Лабораторія, Музей изящныхъ искусствъ и древностей и Собраніе рисовальной школы, съ обозначеніемъ числа предметовъ во всякомъ кабинетѣ и числа книгъ въ библіотекѣ. Въ библіотекѣ къ 1 января 1852 года было 25,011 названій и 44,158 томовъ.

Университетъ съ 1819 года, то-есть со времени своего основанія, по 1853 годъ приготовилъ для службы 1675 человекъ, окончившихъ полный курсъ наукъ; изъ числа ихъ 59 человекъ занимали и занимаютъ профессорскія кафедры въ разныхъ университетахъ, лицеяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ; всего же по учебной части 316 человекъ.

Такія же полныя свѣдѣнія находятся въ обзорѣ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Отдѣленіе, подъ заглавіемъ Хозяйственная Часть, заключаетъ штаты содержанія учебныхъ заведеній округа, каждаго въ отдѣльности, съ обозначеніемъ источниковъ, изъ которыхъ получаютъ штатныя суммы.

Кромѣ текста, въ концѣ Обзорнія, помѣщено 20 приложений, въ числѣ которыхъ находятся: именной списокъ докторовъ и магистровъ С.-Петербургскаго университета съ 1835 по 1851 годъ, съ названіемъ диссертаций, написанныхъ ими для пріобрѣтенія этихъ ученыхъ степеней. Именной списокъ студентовъ, удостоенныхъ награжденія медалями за рѣшеніе задачъ, которыя предлагались отъ разныхъ факультетовъ съ 1837 по 1851 годъ, и именной списокъ студентовъ и частныхъ слушателей съ 1829 по 1851 годъ, окончившихъ полный университетскій курсъ, съ означеніемъ, по возможности, мѣствъ ихъ настоящей службы.

Изъ этого краткаго обзора, сдѣланнаго нами, читатели могутъ уже видѣть, какой важный матеріалъ для будущаго историка нашего народнаго образованія заключаетъ въ себѣ книга г. Воронова. Если бы каждый округъ составилъ подобное обзорніе своихъ учебныхъ заведеній, то мы имѣли бы полныя и вѣрныя, какъ основанныя на официальныхъ документахъ, свѣдѣнія о ходѣ общественнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ выко-

вой исторіи нашего Московскаго университета, приготовляющагося торжественно праздновать свою сотую годовщину. Есть что поразсказать ему, маститому старцу, и всякій Русскій человекъ съ чувствомъ благоговѣнія прослушаетъ его сказанія, и удивится тому, какими исполнскими шагами идетъ Россія впередъ по пути просвѣщенія!

—

**Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки
за 1853 годъ. С.-Петербургъ. 1854 года.**

Въ апрѣль нынѣшняго года получили мы отчетъ Императорской Публичной Библиотеки, изложенный съ тою же обстоятельностью и написанный съ тою же изащностью, какъ всѣ отчеты нынѣшняго начальства Библиотеки. Онъ познакомилъ насъ со всѣми важнѣйшими перемѣнами и улучшеніями, въ ней сдѣланными. — Главнѣйшую и любопытнѣйшую для насъ часть отчета составляютъ свѣдѣнія о пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ Библиотекою въ теченіе 1853 года. Перечень этихъ пріобрѣтеній раскрываетъ намъ многостороннюю дѣятельность начальства и цѣлеобразность этихъ дѣйствій съ потребностями нуждающихся въ ученыхъ пособіяхъ Библиотеки. Вмѣствъ съ тѣмъ показываетъ намъ, что сочувствіе общества и щедрость жертвователей и дарителей не ослабѣваютъ. Покупки и приношенія 1853 года многочисленны и значительны, хотя прошлый годъ для Библиотеки и не былъ такъ плодосенъ какъ 1852-й, который, какъ сказано въ отчетѣ, «по числу и важности пріобрѣтеній былъ безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ Библиотеки». Напомнимъ, что въ 1852-мъ году поступили въ нее книги и рукописи изъ значительныхъ древлехранилищъ М. П. Погодина и Карбанова, богатая медицинская библиотека доктора Ру, и множество книгъ изъ Эрмитажной Библиотеки.

Пріобрѣтенія Библиотеки состояли, кромѣ увеличенія денежныхъ средствъ, въ книгахъ, рукописяхъ, эстампахъ и картахъ, поступившихъ въ нее по Высочайшимъ повелѣніямъ и по закону, чрезъ приношенія частныхъ лицъ и покупкою, или мѣною.

Теперь, съ помощію отчета, прослѣдимъ годовое приращеніе сокровищъ перваго нашего отечественнаго книгохранилища. Надѣмся, что для многихъ наше извлеченіе будетъ любопытно уже потому, что мы говоримъ о Публичной Библиотекѣ, а для нѣкоторыхъ оно можетъ послужить указаніемъ на новые источники, которые открыты для любознательности каждаго.

Въ отчетѣ прежде всего говорится о печатныхъ книгахъ. — По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства

доставлено въ Библіотеку 125 томовъ, купленныхъ, по повелѣнію Государя Императора у книгопродавца Брифаза 500 руб. Это болѣею частію дорогія и рѣдкія сочиненія о Россіи, обогатившія вновь образованный отдѣлъ иностранныхъ сочиненій о Россіи. «Прислано также нѣсколько роскошныхъ и другихъ изданій, частію поднесенныхъ Его Величеству отъ разныхъ лицъ изъ-за границы, частію же печатаемыхъ на Высочайшемъ издѣніи». Это болѣею частію важныя цѣнныя изданія, которыхъ пріобрѣтеніе значительно облегчаетъ издержки Библіотеки. Изъ нихъ посвятители Библіотеки, во время обзора ея по вторникамъ, могли любоваться превосходными видами Константинопольской Софійской мечети, изданными архитекторомъ Фоссати. Состоялось также Высочайшее повелѣніе, въ свѣдѣствіе котораго поступить въ Библіотеку все, что будетъ издаваться въ мѣстахъ расположенія нашихъ войскъ за границую въ нынѣшнюю многознаменательную войну, какъ-то: манифесты, деклараціи, прокламаціи, плакаты, реляціи, мелкія брошюры и т. п.

По закону получены всѣ произведенія отечественнаго книгопечатанія, поступившіе черезъ Цензурные Комитеты и отъ разныхъ управленій и вѣдомствъ. Новый источникъ открытъ распоряженіемъ, которое благоволилъ сдѣлать Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Константинъ Николаевичъ, «чтобы изъ вѣдомствъ обоихъ нашихъ флотовъ, Балтійскаго и Черноморскаго, препровождено было въ Библіотеку, за настоящее и прошедшее время, по экземпляру всѣхъ напечатанныхъ книгъ, картъ, брошюръ, докладовъ, отчетовъ и пр», что и впредь приказано исполнять.

За этимъ показаны приношенія, сдѣланныя Библіотекъ.

«Изъ числа приношеній, сказано въ отчетѣ, между книгами *русскими*, драгоценнѣйшимъ должно почестъ милостивый даръ Государя Великаго Князя Константина Николаевича, которому благоугодно было пожаловать Библіотекъ, между прочимъ, экземпляръ всѣхъ предварительныхъ работъ по Высочайше утвержденному въ прошломъ году Морскому Уставу, въ томъ числѣ и записки по сей части, литографированныя въ Венеціи, въ 1852 году, во время пребыванія тамъ Его Высочества. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ примѣчательныхъ законодательныхъ памятниковъ нынѣшняго Царствованія, мы хранимъ и всѣ къ нему матеріалы, часть которыхъ, особенно *литографированныя въ Венеціи на русскомъ языкѣ* записки — составляютъ уже и теперь библіографическую рѣдкость».

«Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княгиня Елена Павловна благоволила пожаловать Библіотекъ экземпляръ на

«бристольской бумаге весьма изящного, появившагося въ Филадельфій изданіи: *Lays of Westernworld, print in colours by Sinclair*».

Теперь перечислимъ по отчету важнѣйшія приношенія частныхъ лицъ и во-первыхъ укажемъ книги русскія, замѣчательныя по рѣдкости, или въ другихъ отношеніяхъ.

1) Отъ почетнаго члена князя М. А. Оболенскаго получены V томъ Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ (Сиб., 188 стр.) томъ неоконченный, не поступавшій въ продажу и неизвѣстный многимъ, даже ознакомившимся съ печатными источниками Русской Исторіи.

2) Отъ генераль-маіора А. В. Висковатова — никогда также не поступавшій въ продажу и нынѣ весьма рѣдкій атласъ строеній въ полковомъ штабѣ и въ поселенныхъ ротахъ гренадерскаго Его Величества Короля Прусскаго полка, съ картою всего округа и проч. (Сиб. 1829, 71 листъ чертежей).

3) Отъ капитана 1-го ранга Тебенкова — атласъ сѣверо-западныхъ береговъ Америки и острововъ Алеутскихъ, *гравированный на островѣ Ситхъ, въ Новоархангельскѣ*, и изданный въ 1852 году.

4) Отъ надворнаго советника Тихонравова — Юридическій Словарь Лангана *съ прибавленіемъ Высочайшихъ узаконеній на Бѣлоруссію и на всю Великороссію по 1791 годъ, изданныхъ въ Полоцкой іезуитской Коллегіи, дополненный и съ позволеніемъ Начальства напечатанъ. Полоцкъ. Въ Ея Императорскаго Величества привилегированной іезуитской типографіи. 1791.* (Въ четвертку, 23 и 5 непомѣченныхъ страницъ).

5) Отъ почетнаго члена Библіотеки С. Д. Полторацкаго — первый русскій адресъ-календарь, 1765 года и *полныя* экземпляры первыхъ Московскихъ Ведомостей 1703 и 1704 годовъ, теперь чрезвычайно рѣдкіе.

6) Отъ С. Е. Лычина — 145 номеровъ тѣхъ же Ведомостей за 1703—1712 годы. — Объ этихъ первопечатныхъ Ведомостяхъ были напечатаны извѣстія отъ Публичной Библіотеки въ газетахъ. Пополненіе экземпляра Библіотеки подало поводъ къ отчетливому библиографическому описанію первыхъ четырехъ годовъ Ведомостей, помѣщенному однимъ библиофиломъ на столбцахъ тѣхъ же Московскихъ Ведомостей 1853 года.

7) Отъ В. М. Ундольскаго, отпечатанный особымъ оттискомъ, въ маломъ числѣ экземпляровъ, *Каталогъ славяно-русскихъ книгъ, церковной печати, библіотеки Кастерина*; онъ былъ помѣщенъ въ чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, но особый оттискъ въ меньшемъ форматѣ.

8) Отъ почетнаго корреспондента Библиотеки Ксендза Малышевича — «*Краткое сословіе науки христіанскія*» напечатанное въ Супрасль, въ 1759 году, и неозначенное у Сопикова.

9) Отъ почетнаго корреспондента Г. Θ. Большакова — два изданія *Псалтыря*, одно 1848, въ четвертку, другое 1849, въ 6. л. вышедшіе оба въ Москвѣ, при типографіи единовѣрческой церкви. Они особенно замѣчательны по роскошной печати.

10) Отъ статскаго совѣтника Соколова, *Оды на взятіе Очакова*, напечатанныя въ С.-Петербургѣ, въ 1789 году, въ четвертку, одна «сочиненная г. Т. . . мѣ въ Царствѣ Мертвыхъ», а другая «сочиненная отставнымъ солдатомъ Монсеемъ Сльпцовымъ». Вторая, любопытная теперь по случаю войны, была помещена въ 23 N Москвитянина 1853 года изъ *Ежемесячныхъ сочиненій* 1789 года; но изданіе, поступившее въ Библиотеку, представляетъ разницу въ стихахъ,

11) Отъ художника Горностаева — журналъ *Геній времени* 1807—1809, изданный Н. Гречемъ и Шредеромъ, который теперь трудно достать.

Изъ числа иностранныхъ книгъ отчетъ указываетъ на подарки лейпцигскаго книгопродавца Вейгеля и библиографа Петцольда и на первое латинское изданіе Путешествія Герберштейна (Вьна, 1549), приношеніе Г. Н. Геннади, доставившаго также португальскій переводъ Вольтеровой Исторіи Петра Великаго, печатанный въ Лиссабонѣ, въ 1781-мъ году.

Вообще число дарителей въ 1853 году, какъ видно изъ приложенной къ отчету ведомости, было 115 (въ 1852 ихъ было 86), а число принесенныхъ въ даръ томовъ — 2230 (въ 1852—1403). Теперь, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, о приношеніяхъ въ Библиотеку объявляется въ газетахъ и заведена особая книга для вписыванія именъ приносителей.

Библиотека, какъ и прежде пріобрѣтала книги покупкою, и такимъ образомъ пріобрѣла въ прошломъ году 7,279 томовъ сочиненій, полезныхъ и нужныхъ, избранныхъ на основаніи правилъ, постановленныхъ на этотъ предметъ. Исчисленіе главнѣйшихъ покупокъ показываетъ, что Библиотека обогатилась чрезвычайно важными изданіями. Между русскими книгами замѣтимъ театральныя пьесы изъ библиотеки Эттингера, числомъ 256, пополнившія собраніе Публичной Библиотеки, въ которой теперь 1,980 отдѣльныхъ драматическихкихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Желаемъ отъ души скорыхъ и счастливыхъ приращеній отдѣленію русскихъ книгъ Библиотеки.

Важное отдѣленіе книгъ о Россіи на иностранныхъ языкахъ, недавно образовавшееся, теперь возрасло до огромной цифры

10,333 сочиненій въ 13,392 томахъ; къ этому надо еще присоединить не входящія въ этотъ расчетъ мелкія произведенія, летучіе листки, стихи и т. п.; числомъ до 2000. Утѣшительное послѣдствіе прекраснаго начинанія! Не забудемъ также сколько было отдѣлено и обращено въ продажу двойныхъ и лишнихъ экземпляровъ изъ этого собранія, единственнаго въ своемъ родѣ. — Въ прошломъ году Библиотека, черезъ франкфуртскаго книгопродавца Бера, приобрѣла рѣдкость чрезвычайную: это *первое изданіе* сочиненія Флетчера о Россіи, напечатанное въ Лондонѣ въ 1591 году (*Of the Russian common Wealth*). Во всей Англии, которую можно назвать музеемъ книжныхъ рѣдкостей, извѣстно только три экземпляра.

Изъ *рукописей*, приобретенныхъ Библиотекою въ 1853 году, особенно замѣчательенъ списокъ записокъ о Россіи временъ Петра Великаго и Екатерины II, приписываемыхъ Французу Вильбуа, находившемуся въ морской службѣ при Петрѣ I. Они разнятся отъ списка, напечатаннаго Теофиломъ Галле (Halles) въ 1852 году, въ Парижѣ. Записки эти были уже прежде напечатаны въ первомъ году періодическаго изданія *Revue Retrospective*; не знаемъ въ какой степени это изданіе соответствуетъ рукописи Библиотеки, но знаемъ, что оно развито съ изданіемъ Галле.

Между рукописями и автографами, принесенными въ даръ Библиотекъ частными лицами, есть чрезвычайно замѣчательные во многихъ отношеніяхъ изъ собственныхъ приобретений Библиотеки; замѣтимъ покупку собранія писанныхъ и никогда не появлявшихся въ печати русскихъ драматическихъ произведеній, числомъ 58. Къ отчету приложена особая опись этихъ пьесъ. Это любопытный матеріалъ для исторіи нашего театра.

Куплены также весьма важныя рукописи, принадлежавшія графу Андрею Артамоновичу Матвѣву.

«Первая изъ этихъ рукописей заключаетъ въ себѣ копии съ «дипломатическихъ депешей, которыя еженедѣльно посылалъ Матвѣвъ изъ Гаги къ Петру Великому, въ Москву. — Всѣхъ депешей, съ 31 января 1700 года до 23 октября 1702 — 143. — Въ этихъ «донесеніяхъ Матвѣва раскрываются передъ читателями дипломатическія хитрости европейскіхъ державъ, по запутанному вопросу «объ испанскомъ наслѣдствѣ, волновавшему тогда западную Европу, «и по некоторымъ другимъ вопросамъ второстепенной важности; съ «другой стороны, въ нихъ заключаются многія свѣдѣнія какъ о дѣйствіяхъ нашего посланника Возницына въ Константинополь къ «заключенію міра съ Оттоманскою Портою, такъ и о великой свершенной войнѣ, положившей прочное основаніе могуществу и значенію

«Россія». Вторая рукопись заключаетъ въ себѣ дневникъ Матвѣева, веденный имъ на пути изъ Гаги въ Парижъ и описаніе французскаго двора. Указаніе на значеніе этихъ рукописей, заставляетъ насъ желать изданія этихъ любопытныхъ историческихъ источниковъ.

Въ отчетъ представленъ слѣдующій выводъ изъ отчета, относительно числа приобрѣтеній въ 1853 году:

Печатныя книги.

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства поступило	173	томовъ.
По закону	} Книгъ, брошюръ и выпусковъ 3179 Листковъ 418	
Отъ частныхъ привошеній		} Книгъ и брошюръ 2230 Отдѣльныхъ листковъ 44
Куплено самою Библиотекою	7279	
		<hr/> Всего. 13328.

Карты, эстампы, музыкальныя произведенія и проч.

Всего изъ всѣхъ источниковъ:

Географическихъ картъ и плановъ	41
Гравюръ и литографій	324
Музыкальныхъ пьесъ	306
Каллиграфическихъ руководствъ	6

Рукописи и автографы.

По Высочайшимъ повелѣніямъ	2
Отъ частныхъ приношеній	35
Купленные Библиотекою	60
<hr/> 97.	

Важный предметъ и расходъ въ такой обширной Библиотекѣ, какова Публичная, составляетъ переплетъ книгъ. По настоящему, книга, которая не переплетена и не достаточно защищена отъ изъѣяна, производимаго временемъ и употребленіемъ, не можетъ почесться существенною составною частью Библиотеки. Книга въ Библиотекѣ, особенно въ Публичной, въ *книгохранилищѣ* по преимуществу, должна быть *сохранена* и существованіе ея обезпечено.

Переплетъ по этому здѣсь получаетъ особое значеніе и дѣлается необходимымъ. Библиотека въ прошломъ году заказала часть нужныхъ переплетовъ за границею. «Сравнительная цѣнность ихъ, «не смотря на возвышеніе чрезъ то платы за перевозъ, оказалась «довольно выгодною». Къ роскошнымъ переплетамъ, представляющимъ образцы искусства у насъ, должно отнести переплеты, зака-

занные, на конкурсъ, лучшимъ петербургскимъ мастерамъ переплетнаго дѣла. Переплеты эти, вмѣстѣ съ другими образчиками искусствъ разныхъ странъ и временъ, выставлены въ одной изъ залъ Библиотеки и образовали собою небольшой, любопытный въ своемъ родѣ музей.

Къ пріобрѣтеніямъ Библиотеки, кромѣ библіографическихъ работъ, каталоговъ и изданій, мы относимъ тѣ нравственные результаты ея дѣятельности, которые выражаются въ цифрахъ, показывающихъ число читателей и посѣтителей Библиотеки. Благодаря многостороннимъ распоряженіямъ начальства Библиотеки, обнародованіе отчетовъ, всевозможныя облегченія въ пользованіи ею, число читателей въ послѣдніе годы быстро увеличивалось. Въ 1849 году годовыхъ билетовъ для чтенія выдано было 896, а въ 1853 году — 2064. Читателей въ общей залѣ въ прошломъ году было 17897, и это въ теченіе собственно 10 съ половиною мѣсяцевъ, потому что надо исключить вакансіонные и другіе дни. Больше всего, разумется, требовали русскихъ книгъ (23,062 тома). Въ отчетѣ сообщенъ любопытный выводъ о числѣ лицъ, пользовавшихся пособиями Библиотеки, *по сословіямъ и чинамъ ихъ*.

Мы указали только, слѣдуя отчету, важнѣйшія пріобрѣтенія Библиотеки. Мы надѣемся скоро возвратиться къ этому и къ прежнимъ отчетамъ, по которымъ намѣреваемся прослѣдить дѣятельность нынѣшняго начальства Библиотеки и благотворныя перемѣны и улучшенія, въ ней происшедшія. **Г. Г.**

Игорь, князь Сѣверскій. Поэма. Переводъ *Николая Гербеля*. С.-Петербургъ. 1854 года.

Въ настоящее время, когда турецкая орда, прикочевавшая въ Европу, воздвигла брань на Россію, переводъ пѣсни о Полку Игоревѣ является очень кстати: онъ напоминаетъ намъ о тѣхъ кровопролитныхъ и продолжительныхъ войнахъ, которыя были вѣдены нашими предками съ степными соплеменниками нынѣшнихъ Османлу и которыя окончились торжествомъ Россіи надъ дикими ордами. Можетъ быть, внимательный историкъ найдетъ здѣсь поводъ не къ одному вѣрному сравненію, и если съ одной стороны мы ушли далеко отъ своихъ предковъ въ образованіи и въ ратномъ дѣлѣ, то съ другой стороны османскіе баши-бузукъ ничѣмъ не разнятся отъ половецкихъ полчищъ.

Долгое время слово о Полку Игоревѣ подвергалось незаслуженному подозрѣнію и со стороны подлинности и со стороны древности, и только послѣдніе труды славянскихъ филологовъ заставили

умолкнуть скептицизмъ. Но, вопреки общему признанію, одинъ изъ лучшихъ нашихъ ориенталистовъ, разбирая переводъ г на Гербеля, бросилъ, въ нынѣшнемъ году, защитникамъ Слова перчатку, вооруженную, къ удивленію, не доказательствами изъ восточныхъ языковъ, а польской эрудиціей. Постараемся пополнить оставленный пробѣлъ и скажемъ нѣсколько словъ о турчизмахъ Слова, неоспоримо доказывающихъ и съ этой стороны древность пѣсни.

Важѣйшимъ свидѣтельствомъ подлинности и древности пѣсни о Полку Игоревѣ служатъ многія восточныя слова, преимущественно печорскія, встрѣчающіяся въ немъ именно подъ тою формою, какая господствовала въ XII столѣтіи, а также слова, которыхъ не только никакъ не могла придумать ограниченная мудрость позднѣйшихъ ученыхъ, но даже не въ состояніи были объяснить и новѣйшіе ориенталисты. Точно такъ же, какъ ханскіе ярлыки долгое время считались подложными, точно такъ же, какъ современные русскіе переводы ярлыковъ оказались, при тщательномъ разборѣ, вѣрными, точно также и турчизмы слова о Полку Игоревѣ и современныхъ XII вѣку и въ настоящее время даже для весьма немногихъ понятны. Такъ въ Словѣ встрѣчается нѣсколько разъ, подъ разными формами, названіе стали и стального «харалузь, харолузный»: значеніе слова очень ясно, но производство его до сихъ поръ не опредѣлено и не утверждено. Гг. Френъ и Ярцовъ производятъ его гадательно отъ арабскаго «Харазь» двигалъ; Бутковъ — турецко-татарскаго «Харалугъ» булатъ; почтенный мой наставникъ Эрманъ, отрицая существованіе подобнаго слова въ турецкомъ языкѣ, единственное соответствующее видитъ въ турецкомъ словѣ «Кара» черный. Всѣ эти предположенія невѣрны. Только Бутковъ близокъ къ истинѣ: дѣйствительно въ татарскомъ языкѣ существуетъ слово «Куруджъ или Харуджъ», означающее сталь, укладъ (въ Чувашскомъ «Хорзь»). Это слово послужило корнемъ для Харалуга или Харалуза: не имѣя подъ рукою рѣдкаго Команскаго словаря г. Клапрота, я не могу сказать, является ли это слово и у Комановъ (Половцевъ), а если является, то подъ какою формою: можетъ быть, Половцы и употребляли «Харалугъ» вмѣсто «Хоруджъ», хотя въ этомъ большой важности уже нѣтъ; довольно, что корень слова найденъ (*).

Въ примѣчаніяхъ къ первому тому моей Библиотеки восточныхъ историковъ, я представилъ объясненіе нѣкоторыхъ восточныхъ словъ, употребленныхъ пѣвцомъ Игоревымъ: здѣсь я намеренъ прослѣдить ихъ въ алфавитномъ порядкѣ.

(*) Г-нъ Гербель придерживается этого же значенія, но не всегда приводитъ Харалужный одинаково.

Гза или *Гзакъ*, имя половецкаго хана, являющагося въ летописяхъ подъ другими формами: Кчій и Кочинъ; первая форма соответствуетъ тюркскому «Казъ» гусь, а послѣдняя — «Кичи» коза. Названія животныхъ болѣе употребительны у тюркскихъ ордъ для собственныхъ именъ.

Дивъ принадлежитъ иранской миеологiи: объ этомъ словѣ было уже много говорено въ Москвитянинѣ.

Женюгъ. Какъ самый предметъ, такъ и названіе его зашли къ намъ съ Востока: въ тюркскомъ «инчу, инджу», которое въ некоторыхъ нарвчiяхъ, особенно сверныхъ, произносится «джинчу».

Жля, имя половецкаго хана, отъ торскаго слова «чалъ» свдой: какъ измѣнилось, Казъ въ Гзу, такъ и Чалъ перешло въ Жлю.

Карна, имя половецкаго хана, имѣетъ въ татарскомъ соответственное «Курна» тазъ.

Касожскій произошло отъ названія Казакъ.

Кисанъ по-татарски называется Хорекъ.

Кобякъ, половецкiй ханъ, по-тюркски «Копекъ» собака. Что бы ни говорили, но вся наша денежная система вышла съ Востока, и русскiя копейки происходятъ первоначально отъ азиатскихъ «Копеки», а не отъ русскаго копья, хотя впоследствии и дана этому слову русская форма.

Коганъ, древнѣйшая монголо-тюркская форма «Кагамъ», являющаяся потомъ подъ титуломъ «Каанъ» великiй ханъ, и «Ханъ» ханъ.

Кончакъ, половецкiй ханъ, названъ отъ татарскаго слова «Кунчакъ» сука.

Салтанъ отъ арабскаго слова «Султанъ» государь, вошедшаго у Тюрковъ съ ранней поры въ употребленіе и нарочно уступленнаго Арабами тюркскимъ династіямъ, какъ похитителямъ власти, а не законнымъ повелителямъ.

Топчакъ, имя народа, по-тюркски означаетъ хитрую и легкую лошадь.

Туръ объяснено въ примѣчаніи 12 къ 1 тому Библиотеки Восточныхъ Историковъ.

Куръ Тмutorаканъ означаетъ курень тмutorаканскiй: объясненія представлены мною въ примѣчаніяхъ 35 и 63 къ той же книгѣ. Монголо-тюркское слово «куръ» или «курень» явилось и въ арабскомъ, и въ персидскомъ и даже въ греческомъ (*Χώρα*, страна), а также и въ нашемъ языкѣ съ давнихъ поръ. Некоторые полагаютъ, что здѣсь Куръ, есть тоже что и Киръ, господинъ (Киръ Новгородъ,) но Тмutorакани не могъ приличествовать такой титулъ. Такъ-какъ Югъ Россiи въ эти времена занятъ былъ тюркскими кочевниками,

то здесь и самыя названія частныхъ звучали тюркскимъ произноше-
нiемъ: такимъ образомъ греческая Таматарха преобразилась у кочевни-
ковъ, вѣроятно, въ Тюметиргенъ или Тюментарханъ, изъ чего Русскiе
уже сдѣлали свою Тмутораханъ; Херсонъ превратился въ Корсунъ.

Хинъ обыкновенно считается испорченнымъ словомъ ханъ: если
принимать рѣку Хингилъ за испорченное монгольское слово «Ханъ-
Гуль» Ханская рѣка (по-татарски «Ханъ-куль» Ханское озеро,) то
придется въ хинъ допустить хана, только этому противорѣчатъ ти-
туль Каганъ, встрѣчающійся въ пѣсни.

Хорсъ было уже объяснено мною въ Москвитянинъ.

Чага по-тюркски значить: дикое дитя. Можетъ быть и лучше
объяснять такимъ образомъ, потому что чагъ противопоставляются
въ пѣснѣ кашей. Въ татарскомъ чага употребляется какъ неизвѣст-
наго значенiя прибавка при словъ «бала» дитя. (*)

Шароканъ въ видъ собственного имени встрѣчается у Тюр-
ковъ подъ формою Джаруканъ.

Японщца происходитъ отъ турецкаго «Япунча,» которое имѣетъ
корень и производство въ туразскомъ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ восточный обликъ и даже могутъ
быть произведены изъ тюркскаго языка, только употребленiе ихъ
въ тюркскомъ мнѣ неизвѣстно. Къ числу такихъ словъ первѣ всего
принадлежитъ «орытма,» которое по-тюркски можетъ значить пок-
рывало, накидка. Наконецъ, есть слова, звучащiя по восточному, но
не представляющiя удовлетворительнаго производства.

Относительно упоминаемыхъ въ пѣснѣ пардусовъ, можно замѣ-
тить, что этотъ звѣрь въ тѣ времена, вѣроятно, забвгалъ въ степи
Южной Россii, гдѣ кочевали Половцы, занимающiе важное мѣсто
въ Сечавѣ и изслѣдованные мною въ статьѣ: Первое нашествiе Мон-
головъ на Россiю.

Поэтическiя формы перевода нѣсколько стѣсняли г-на Гербеля
и по этому отъ его переложенiя нельзя и требовать буквальной
близости къ подлиннику; въ примѣчанiяхъ, вообще весьма неудач-
ныхъ, г-нъ Гербель не воспользовался даже объясненiями профессора
Буслаева. **Ж. ВЕРЗИНЪ.**

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНIЕ. Соч. А. Гаряiнова С.
Петербургъ. 1854. Въ тип. Королева и К°. Въ 8 д. л. Стр. 57.

Сочиненiе г. А. Гаряiнова, напечатанное первоначально въ
одномъ изъ русскихъ периодическихъ изданiй, появляется теперь
отдельною книжкою. Мысли и духъ сочиненiй г. Гаряiнова уже
извѣстны нашимъ читателямъ по разбору другаго его сочиненiя,

(*) Г-нъ Гербель переводитъ слово чага дьвой.

разсмотрѣннаго въ 20 N нашего журнала. Порожденныя неподдѣльной любовью къ родинѣ, искреннимъ сочувствіемъ къ ея благу и къ славѣ ея доблестныхъ защитниковъ, сочиненія его вовсе чужды полемическаго характера, хотя и облечены мѣстами въ полемическую форму. Поблагодаривъ автора за сохраненіе прѣлага и флагороднаго тона въ дѣлѣ, гдѣ такъ легко оступиться и перейти въ раздражительность — чему доказательствомъ служатъ хвастливыя статейки иностранныхъ журналовъ — мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ брошюры г. Гарийнова. Современное Представленіе открывается *Прологомъ*, гдѣ проводится параллель между 1812 и 1854 годами и высказывается различіе начала событій, средствъ, двигателей и характера вражды Европы къ Россіи въ обѣ эпохи. Герой 12-го года, единственный тогда двигатель Франціи и всей Европы, палъ отъ ударовъ Россіи, и Россія явилась миротворицей Европы. Въ 1854 году Англичане затронули насъ за живое, а Русскіе не прощаютъ національнаго оскорбленія, какъ бы не простилъ частный человекъ кровной обиды. Только у частныхъ людей распря кончается поединкомъ, а между народами поединокъ дится въка и вражда не слабеетъ, а напротивъ дѣлается живѣе.» (стр. 12.) Затѣмъ авторъ рассказываетъ объ открытіи 14 марта дворянскихъ выборовъ въ Петербургъ, и по всей справедливости не знаетъ, чему болѣе дивиться — огромности ли пожертвованія или простотѣ и скромности, съ которыми оно было едѣлаю. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не подивиться тому и другому, когда вспомнишь, что во Франціи считаютъ чудомъ патриотизма состоявшійся заемъ правительства въ 50 мил. руб., за который, замѣтьте, вкладчики получаютъ проценты. (стр. 17.) За *Прологомъ* слѣдуетъ *увертюра: Русскій прапорицкъ и соединенные флоты Англіи и Франціи*. Заглавіе не требуетъ поясненія, ни подробнаго разсказа о постыдномъ дѣлѣ западныхъ державъ. Замѣтимъ только, что авторъ весьма удачно называетъ бомбардированіе Одессы — введеніемъ къ тѣмъ ужасамъ, которые союзники готовятъ Греціи въ защиту ислама. *Первое дѣйствіе* «Современнаго Представленія» состоитъ изъ пяти явленій.

Явленіе первое. Англійскій фрегатъ Тигръ. Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выписать нѣсколько строкъ изъ этого поистинѣ остроумнаго и благороднаго сказанія:

«Англичане и Французы разыгрываютъ теперь драматическое представленіе; зрители — вся вселенная. Въ Балтикѣ непріатели только еще фиглярятъ флагами и поступаютъ съ купеческими судами какъ ночные промышленники въ лесу или на большой дорогѣ.

Но въ Черномъ морѣ пьеса въ полномъ ходу; увертюра съиграна передъ Одессой, гдѣ весь оркестръ соединенной армады долженъ былъ смолкнуть передъ однимъ соло русскаго прапорщика. Одесская увертюра, какъ всегда водится въ представленіяхъ, только вступленіе; теперь занавѣсъ поднять и настоящая драма началась. Дѣйствіе первое. Театръ представляетъ туманное утро на Черномъ морѣ, вблизи русскаго берега. Явленіе Первое. Англійскій паровой фрегатъ Тигръ, уврѣнный въ подвластной ему стихіи, безопасно несется по волнамъ и, не спросившись броду, садится на мель; надежда спастись еще не потеряна: вблизи два другіе англійскіе парохода; Русскіе не вдругъ соберутся съ силами, и въ ожиданіи помощи, можно отстрѣливаться. Но для Русскихъ непріятель только магнитъ: ихъ такъ и тянетъ къ нему; лишь только сталь въ тупикъ англійскій Тигръ, какъ полетѣли орлы; правда, ихъ было немного: только поручикъ Абакумовъ съ двумя орудіями и съ небольшимъ прикрытіемъ. Загорѣлся бой; онъ продолжался недолго: нѣсколько мѣткихъ выстрѣловъ, въ родѣ щеголевскихъ, непріятельскій фрегатъ пробить, у капитана оторвана нога, и Тигръ вынужденъ сдаться; весь экипажъ его, капитанъ, 24 офицера и 201 нижнихъ чиновъ кладутъ оружіе. Между тѣмъ на сцену являютъ еще два англійскіе парохода, а къ Русскимъ подходятъ изъ Одессы артиллерія и войска. Непріятель открываетъ огонь по нашимъ батареямъ, и черезъ два часа, поврежденный, долженъ отступить; Тигръ, по невозможности снять его съ мели, взорванъ на воздухъ, и — первому явленію драмы конецъ. Пускай теперь на Западъ аплодируютъ увертюру, и этому первому явленію: фора не закричать: не приведи Богъ такихъ повтореній!» (стр. 29, 30.) Явленіе второе— Экнесъ, изображаетъ подвигъ подпоручика Гюллинга, который съ полуводомъ въ 60 или 70 человекъ долженъ былъ тягаться съ двумя фрегатами, гдѣ, кромѣ офицеровъ, было отъ 400 до 500 однихъ нижнихъ чиновъ. Дѣло это стоило намъ убитыми, ранеными и контужеными — девяти человекъ, между тѣмъ какъ непріятель лишился 20 человекъ на пароходахъ и четырнадцати гребцовъ на баркасъ, который убрался во-своихъ не на шестнадцать веслахъ, какъ пріѣхаль, а всего только на двухъ.

Явленіе третье— Атака на Гангеудъ, небольшую крѣпость въ Финляндіи. 10 мая, 26 англійскихъ и французскихъ кораблей громятъ Гангеудъ 68-ю и 96-ю фунтовыми ядрами и 3-хъ пудовыми бомбами. Русскія ядра не такъ крупны, за то бьютъ вѣрнее непріятельскихъ. Канонада длится пять часовъ, а Гангеудъ какъ ни въ чемъ не бывалъ: убитыхъ нѣтъ, только восемь нижнихъ чиновъ

легко ранено. Непріятельскіе фрегаты напротивъ сильно пострадали— имъ веліно отступить и бой прекращень. Комендантъ крѣпостцы, Моллеръ, произведенъ изъ подполковниковъ прямо въ генералы.

Явленіе четвертое — десять минутъ сроку. Два англо-французскіе винтовые корабли, три парохода-фрегата и 30 баркасовъ — въ полной надеждѣ на десантъ — являюся передъ Редуть-Кале, открытой, нисколько неукрѣпленной пристанью, съ самыми ничтожными кой-гдѣ строеніями, которыя положено сжечь, и гдѣ находились тогда два батальйона пѣхоты для окончательной перевозки провіанта, подъ распоряженіемъ князя Андроникова. Непріятель отправляетъ парламентера съ французскимъ письмомъ отъ начальниковъ Лайонса и Шабана: они приказываютъ, черезъ десять минутъ: всѣмъ, и крѣпости и войску, сдаться военно-плыннымъ! Дерзкое требованіе это, разумется, презрѣно и осталось безъ отвѣта. Тогда началось бомбардированіе бѣдныхъ хижинъ и лачужекъ Редуть-Кале, потому готовился десантъ и штурмъ. Между тѣмъ Андрониковъ окончилъ распоряженіе, зажегъ хижины и спокойно отправился въ дорогу. Но къ чему же, спрашиваетъ авторъ, къ чему же послужилъ грозный десяти-минутный срокъ, зачѣмъ было приводить баркасы, почему не было десанта и штурма? — «Мы до одного человека перебили всѣхъ Русскихъ», скажутъ хвастуны-Гасконцы: «некого было забирать въ полонъ!» А князь Андрониковъ и два русскіе батальйона? Они идутъ преспокойно къ мѣсту своего назначенія.

Явленіе пятое — Гамле-Карлеблю содержитъ въ себѣ подробный разсказъ о томъ, какъ въ Ботническомъ заливѣ взяты съ бою англійскій баркасъ. Всѣмъ извѣстное дѣло это подъ Гамле-Карлеблю само по себѣ не имѣетъ большой важности, но въ военномъ и нравственномъ отношеніи оно такъ же многозначаще, какъ дѣла подъ Одессою, Экнесомъ и Гангеудомъ. Вездѣ Русскіе были слабѣе и вездѣ остались побѣдителями.

Мы пересказали почти словами автора все содержаніе книги г. Гаряйнова. Поставленные въ концѣ ея два слова: *продолженіе впрѣдъ* подають намъ надежду, что мы, можетъ быть, скоро опять будемъ имѣть удовольствіе читать простой и краснорѣчивый разсказъ г. Гаряйнова, ибо много еще доблестныхъ подвиговъ предстоитъ совершить нашему славному воинству, — и вражду Англичанъ, по словамъ автора, каждый изъ насъ тогда только забудеть, когда они перестанутъ вредить Россіи и тяготѣть надъ остальнымъ міромъ. Вотъ задуманный ультиматумъ Русскихъ!»

ЖУРНАЛИСТИКА.

Отечественныя Записки, 1854 года, NN^о 9 и 10, сентябрь и октябрь.

Романъ г. Михайлова — «Перелетныя птицы» еще не конченъ, напечатано пока лишь двѣ части. Въ этихъ двухъ частяхъ изображена довольно вѣрно и бойко жизнь провинціальной, странствующей труппы актеровъ, — предметъ мало еще тронутый въ нашей литературѣ и представляющій много любопытныхъ сторонъ. Интрига, въ собственномъ смыслѣ, завязывается лишь въ концѣ второй части, а потому, въ ожиданіи ея развитія, мы не станемъ распространяться пока о новомъ романѣ г. Михайлова, владѣющаго несомнѣннымъ, хотя и нѣсколько одностороннимъ дарованіемъ.

Ветеранъ и Новобранецъ, — драматическій случай изъ 1854 года, — *А. Ф. Писемскаго*, не удовлетворилъ насъ въ отношеніи художественнаго замысла и отдѣлки, хотя патріотическая мысль, лежащая въ его основѣ, достойна всякаго уваженія и сочувствія. Слѣдя съ истиннымъ интересомъ за литературною дѣятельностію г. Писемскаго и многого ожидая отъ него въ будущемъ, мы по неволѣ становимся слишкомъ къ нему взыскательными, а потому, можетъ быть, даже и съ нѣкоторою придиричивостію укажемъ ему недостатки его новаго произведенія. — Высокое одушевленіе, господствующее въ настоящее время во всѣхъ слояхъ общества, вызвало уже не одно литературное произведеніе, болѣе или менѣе отвѣчающее общему настроенію духа. Критика не можетъ и не должна быть слишкомъ строгою ко всѣмъ этимъ проявленіямъ патріотизма, облакающагося часто лишь для большей популярности въ художественную форму. Многіе, можетъ быть, никогда ничего не печатавшіе прежде, подали въ первый разъ голоса свои въ литературу, цѣлыя сотни стихотвореній, подписанныхъ именами, дотолѣ неизвѣстными, появились въ различныхъ журналахъ и газетахъ — и здравая критика умѣетъ отличить эти невольно-вырывающіеся изъ души звуки отъ претензій на литературство. Но когда на томъ же поприщѣ выступаетъ писатель, уже

составившій себѣ имя въ литературѣ, критика имѣетъ полное право требовать отъ его произведенія, кромѣ общаго со всеми патриотическаго чувства, той оригинальности, оконченности и отдѣлки, какія привыкла встрѣчать въ его другихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Первое, что отличаетъ всегда истинный талантъ отъ писателей дюжинныхъ, — это оригинальность приѣма, открывающаго во всякомъ предметъ новыя, еще не тронутыя другими, стороны и придающая всякому произведенію, кромѣ временнаго, еще другое, всегдашнее значеніе. Всмотриваясь пристально въ «драматическій случай» г-на *Писемскаго*, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторой рутинности приѣмовъ, хотя, конечно, сглаженной яркимъ талантомъ автора. Дряхлые ветераны, оживающіе при воспоминаніяхъ о своихъ прежнихъ побѣдахъ, отставные унтеръ-офицеры, вновь готовые по первому призыву на подвиги бранные, и другія подобныя лица неизбежно и всегда будутъ возбуждать наше сочувствіе, особенно въ эпоху всеобщаго одушевленія; но все это уже не разъ и съ успѣхомъ было выводимо литераторами, далеко не первостепенными, и дѣло такого писателя, какъ г. Писемскій, состояло, по нашему мнѣнію, не въ томъ, чтобы повторять уже извѣстные приѣмы, но создать нѣчто такое, что могло бы служить образцомъ для другихъ писателей, при предстоящей имъ художественной обработкѣ подобныхъ сюжетовъ.

Не смотря на нашъ строгій отзывъ, читатель ошибется однако, если подумаетъ, что новая пьеса г. Писемскаго не имѣетъ достоинствъ. Прекрасный и живой языкъ почти каждого изъ дѣйствующихъ лицъ, искусный драматическій эффектъ въ концѣ пьесы, когда старые ветераны, разогрѣвшись воспоминаніями молодости и одушевленные патриотизмомъ, расходились до того, что поютъ и пляшутъ, между тѣмъ какъ одному изъ нихъ уже готова вѣсть о смерти двухъ сыновей — вотъ главныя литературныя достоинства новой пьесы г. Писемскаго, которыя однако не сообщаютъ ей большаго сценическаго достоинства.

«Леночка» — повѣсть г. *Тулубѣва*, очень слаба, и говорить о ней много нечего, равно какъ не за что и глумиться надъ ней такъ, какъ это дѣлаетъ Современникъ, враждуя противъ Отеч. Зап.

Покончивъ съ отдѣломъ Русской Словесности, перейдемъ теперь къ литературной критикѣ От. Зап., о которой мы давно уже собирались поговорить обстоятельно. Читатели От. Зап., конечно, помнятъ, что издавна главнымъ правиломъ этого журнала въ критикѣ, было упорство въ разъ высказанныхъ убѣжденіяхъ, упорство, которому, подъ именемъ послѣдовательности, жертвовалось весьма многимъ.

Неизбывнымъ результатомъ такого рода поведенія критики сдѣлалась скука ея, такъ какъ читатель навѣрное могъ знать впередъ сужденіе От. Зап. о каждомъ вновь-вышедшемъ произведеніи известнаго писателя, или о какомъ-либо литературномъ вопросѣ. Поняла ли наконецъ редакція От. Зап. неудобство такого состоянія критики, или имѣла другія побудительныя причины, только съ нѣкоторыхъ поръ въ тонѣ журналистики и литературныхъ рецензій этого журнала произошла значительная перемѣна. Критика От. Зап. будто вдругъ помолодела и начала обнаруживать всѣ свойства юности: горячность въ сужденіяхъ, наклонность къ новизнѣ, не пренебрегающая даже парадоксомъ, измѣнчивость въ неустоявшихся еще убѣжденіяхъ. Въ свое время мы указывали, по временамъ, на недостатки прежней критической методы От. Зап., которая вела часто къ неискренности приговоровъ и какому-то застою мысли; точно такъ же не можемъ мы умолчать и теперь о невыгодахъ критики легкомысленной, ищущей только шегольской новизною обнаружить сколько-нибудь новое направленіе и тѣмъ заинтересовать публику. Не будемъ распространяться о личныхъ и случайныхъ капризахъ рецензентовъ От. Зап., которымъ, наприм., вдругъ вздумается ограничить вдохновеніе поэта только тремя временами года, какъ это было сдѣлано недавно въ От. Зап., по поводу стихотвореній одного известнаго поэта, и сдѣлано только потому, что риторическая форма, задуманная авторомъ критической статьи, того потребовала: «и весна, и лѣто, и осень вызываютъ сочувствіе нашего поэта.... только холодная, мертвящая зима и т. д.» Въ этомъ случайномъ софисмѣ бѣды большой еще нѣтъ, никто не повѣритъ ему. Но не хорошо то, что о довольно важныхъ и общеизвестныхъ эстетическихъ вопросахъ От. Зап. стали выражаться какъ-то смутно и неопредѣленно, изъ желанія блеснуть совершенною особенностью противъ мнѣній всѣхъ другихъ критиковъ. «Обыкновенно говорятъ, обыкновенно думаютъ, но мы полагаемъ на-противъ»—вотъ фразы, которыя стали особенно часто попадаться на стран. От. Зап. Въ последнее время подобное направленіе уже замѣтили мы однажды въ нынѣшнемъ году, въ отдѣлѣ журналистики, кажется, въ майской книжкѣ, гдѣ такъ много и не совсѣмъ ясно толковалось объ идеализаціи въ искусствѣ, и тогда же протестовали противъ его односторонности; въ сентябрьской книжкѣ От. Зап. встрѣчаемъ еще статью, которая пошла еще дальше въ своемъ стремленіи къ оригинальности и парадоксальности. Это критическая статья по поводу изданной г. *Ордынскимъ* книжки — «О поэзіи. Сочиненіе Аристотеля», статья, написанная съ чрезвычайными претензіями. Остановимся на ней со вниманіемъ и постараемся возстановить нѣкоторыя истины, которыя критику

вздумалось поколебать ради игривости и новизны мыслей.—Въ началѣ статьи защищается важность и необходимость эстетики противъ какихъ то враговъ ея, которые, впрочемъ, созданы авторомъ, кажется, только для того, чтобы имѣть случай поразить ихъ. Отстоявъ эстетику, критикъ весьма рѣшительно объявляетъ о томъ, какъ думаютъ «всѣ истинно современные мыслители», и даетъ почувствовать, что разсужденія его основаны на новыхъ понятіяхъ, по которымъ только «не написано еще формальнаго курса эстетики, но которыя уже достаточно обозначились и развились въ отдѣльныхъ маленькихъ статьяхъ и эпизодахъ большихъ сочиненій». Не дурно для начала журнальной статейки! что-то будетъ далье? думаетъ читатель, и продолжаетъ читать съ интересомъ. «И такъ въ чемъ состоитъ сущность искусства?» спрашиваетъ вдругъ критикъ, поговоривъ нѣсколько времени о Мишелѣ Шевалье, Лессингѣ, Гёте, Теккереѣ, и проч., и читатель съ напряженнымъ вниманіемъ готовится выслушать рѣшеніе этого важнаго и любопытнаго вопроса. Нельзя и не слушать — отвѣчать будутъ, по волю критика, два великіе мужа древности — Платонъ и Аристотель. Послушаемъ и мы. Но... но весьма скоро оказывается, что слушать рѣшительно нечего. Кто же не знаетъ о существованіи двухъ эстетическихъ мнѣній, изъ которыхъ одно полагаетъ сущность искусства въ «созданіи идеаловъ» а другое въ подражаніи природѣ. Вы, можетъ быть, думаете, что критикъ по крайней мѣрѣ старается какъ-нибудь примирить эти два ученія, — ни чуть не бывало, онъ только пользуется случаемъ поговорить нѣсколько о Платонѣ, какъ человѣкѣ, привести нѣсколько выдержекъ изъ его сочиненій и за тѣмъ начинаетъ отъ себя рядъ парадоксовъ. Но приведемъ сначала въ подлинникъ наилубопытѣйшія изъ его разсужденій.

«Платонъ возстаетъ противъ искусства за то, что оно бесполезно для человѣка. Не будемъ опровергать этого страшнаго упрека устарѣлою (?) мыслию, что «искусство должно существовать для искусства», что «дѣлать искусство служителемъ человѣческихъ нуждъ, значить унижать его», и т. п. Мысль эта имѣла смыслъ тогда, когда надобно было доказывать, что поэтъ не долженъ писать великолѣпныхъ одъ, не долженъ искажать дѣйствительности въ угоду различнымъ произвольнымъ и приторнымъ сентенціямъ. Къ сожалѣнію, для этого она появилась ужъ слишкомъ-поздно, когда борьба была кончена; а теперь и подавно она ни къ чему не нужна: искусство успѣло ужъ отстоять свою самостоятельность и должно думать о томъ, какъ ею пользоваться. «Искусство для искусства» — мысль такая же странная въ наше время, какъ «богатство для богатства», «наука для науки», и т. д. Всѣ человѣческія дѣла должны служить на пользу человѣка,

если хотятъ быть не пустымъ и празднымъ занятіемъ: богатство существуетъ для того, чтобъ имъ пользовался человекъ, наука для того, чтобъ быть руководительницею человека, искусство также должно служить на какую-нибудь существенную пользу, а не на бесплодное удовольствіе. «Но именно эстетическое наслажденіе само-по-себѣ приноситъ существенное благо человеку, смягчая его сердце, возвышая его душу».... Мы не хотимъ выводить серьезное значеніе искусства и изъ этой мысли—справедливой, но еще *мало* говорящей въ пользу искусства. Конечно, наслажденіе произведеніями искусства, какъ и всякое (не преступное) удовольствіе производить въ человекъ свѣтлое, радостное расположеніе духа, а радостный и довольный человекъ, конечно, лучше и лучше, нежели недовольный и мрачный, и мы согласны, что, выходя изъ картинной галереи или изъ театра, человекъ чувствуетъ себя и лучше и лучше (по-крайней мѣрѣ на полчаса, пока не разлетѣлось эстетическое довольство); но точно также и изъ-за сытнаго обѣда человекъ встаетъ снисходительнѣе, лучше того, каковъ былъ съ отошавшимъ желудкомъ. Благодѣтельное вліяніе искусства, какъ искусства (независимо отъ такого или иного содержанія его произведеній), состоитъ почти исключительно въ томъ, что искусство—вещь пріятная; подобное же благодѣтельное качество принадлежитъ всемъ другимъ пріятнымъ занятіямъ, отношеніямъ, предметамъ, отъ которыхъ зависитъ «хорошее расположеніе духа». Здоровый человекъ гораздо меньше эгоистъ, гораздо лучше, нежели больной, всегда болѣе-или-менѣе раздражительный и недовольный; хорошая квартира также болѣе располагаетъ человека къ добротѣ, нежели сырая, мрачная, холодная; спокойный человекъ (то-есть находящійся не въ непріятномъ положеніи) лучше, нежели раздосадованный, и т. д. И надобно сказать, что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на человека сильнѣе и постояннѣе, нежели пріятныя впечатлѣнія, доставляемыя искусствомъ. Для большинства людей, оно—только развлеченіе, то-есть довольно-ничтожная вещь, немогущая принести серьезнаго довольства. И, взвѣсив хорошенько факты, мы убѣдимся, что многія самыя неблестящія, обыденныя развлеченія болѣе вносятъ довольства и благорасположенія въ человеческое сердце, нежели искусство: еслибъ явился между нами Платонъ, вѣроятно, сказалъ бы онъ, что, напримѣръ, сидѣнье на заливѣ (у поселянъ), или вокругъ самовара (у горожанъ) болѣе развило въ нашемъ народѣ хорошаго расположенія духа и добраго расположенія къ людямъ, нежели всѣ произведенія живописи, начиная съ лубочныхъ картинъ до «Последняго дня Помпей». Польза при-

носимая искусствомъ, какъ однимъ источникомъ довольства, развитію всего хорошаго въ чловѣкѣ, несомнѣнна, но ничтожна въ сравненіи съ пользою, приносимую другими благоприятными отношеніями и условіями жизни, потому и не хотимъ мы указывать на нее для того, чтобъ показать высокое значеніе искусства въ жизни. Правда, обыкновенно вліаніе искусства на нравственное развитіе понимаютъ не такъ, какъ мы его представили, и говорятъ, будто-бы эстетическое наслажденіе не просто, какъ источникъ хорошаго расположенія духа, смягчаетъ сердце, а непосредственно возвышаетъ и облагораживаетъ душу, по возвышенности и благородству предметовъ и чувствъ, которыми прельщаемся мы въ произведеніяхъ искусства; обыкновенно говорятъ, что представляющееся намъ «прекраснымъ» въ искусствѣ есть ужъ по этому самому благородное и возвышенное. Но мы, рѣшительно не желая касаться этого щекотливаго вопроса о серьезномъ значеніи существеннаго содержанія въ бѣльшей части произведеній искусства, не хотѣли даже выписывать грозныхъ нападеній Платона на искусство за его содержаніе; тѣмъ менѣе сами будемъ вдаваться въ эти нападенія. Напомнимъ только, что искусство должно угождать требованіямъ публики, а большинство, смотрящее на него, какъ на развлеченіе, конечно, требуетъ отъ развлеченія не возвышенности, или благородства содержанія, а граціозности, интересности, забавности, даже легкости. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ и благороднѣйшихъ поэтовъ нашего времени говорить въ предисловіи къ своимъ пѣснямъ: «Я хотѣлъ бы воспѣвать вовсе не любовь; но кто сталъ бы читать мои пѣсни, еслибъ ихъ содержаніе было серьезно? По этому, написавъ нѣсколько серьезныхъ пѣсень, которыя одинъ хотѣлъ бы я писать, я долженъ былъ потопить ихъ во множествѣ любовныхъ пѣсенокъ для того, чтобъ, вмѣстѣ съ этими приманками, публика поглотила и здоровую пищу». Таково почти всегда положеніе художника, имѣющаго серьезное и благородное направленіе (не хотимъ прибавлять, что не всѣ изъ художниковъ имѣютъ его). Кому эти краткіе намеки покажутся недостаточными, тотъ пусть потрудится припомнить, что главнѣйшее содержаніе поэзіи (самаго серьезнаго изъ искусствъ) — «любовь», то-есть влюбленность, очень-далекая отъ истинной любви и очень-мало имѣющая серьезнаго значенія. Обыкновенная забота искусства—заинтересовать, завлечь, чѣмъ и какъ — все-равно.

Довольно! Рѣшительно не знаешь, на что указать особенно изъ этой массы странныхъ парадоксовъ. Что это такое? лишь спрашиваешь невольно самъ себя: куда привело критика желаніе блеснуть оригинальностью взгляда? зачѣмъ попали въ паралель съ наслажденіями искусствомъ

сидящие на завалинѣ и вокруг самовара, и есть ли что нибудь общаго между этими вѣщами? Но оставимъ всѣ эти вопросы, представляющіеся намъ въ значительномъ количествѣ и попробуемъ разъяснить нѣсколько туманъ, напушенный критикомъ. Станемъ даже для этой цѣли на исключительную точку зрѣнія критика и будемъ требовать отъ искусства одной пользы. Но прежде всего замѣтимъ, что рассуждая объ искусствѣ, необходимо разумѣть безукоризненные образцы его во всѣхъ родахъ, или по крайней мѣрѣ произведенія, по достоинствамъ своимъ, далеко выступающія изъ ряда дюжинныхъ, иначе съ самаго уже начала мы впадемъ въ странную ошибку—рассуждать не о томъ предметѣ, который разумѣли сначала. И такъ, есть ли какая польза отъ высокихъ созданий искусствъ?—Трагедія, по словамъ Аристотеля, ужасомъ и жалостью *очищаетъ* душу. Польза это или нѣтъ? Лирическая поэзія, въ высшемъ своемъ развитіи, напр. въ Пушкинѣ, возстановляя и укрѣпляя въ душѣ каждаго норму чувствованій, и отодвигая, хоть временно, въ глубь души все безобразное, грубое и угловатое, приноситъ пользу или нѣтъ? Музыка, воспитывая въ насъ чувство гармоніи и дѣлая насъ чувствительными къ другимъ вещамъ, кромѣ желудка и комфорта, полезна или нѣтъ? Народная пѣснь, по преимуществу наша русская, облекая въ поэтическія и слѣдовательно типическія формы, извѣстныя положенія, и тѣмъ самымъ уже принося облегченіе челоуку въ подобномъ положеніи давая, такъ сказать, правильный исходъ его горю — полезна или нѣтъ? Художество изображающее, заставляя насъ переселяться всѣмъ сердцемъ въ судьбы чуждыхъ намъ совершенно лицъ, плакать ихъ слезами, страдать ихъ горемъ, тѣмъ самымъ не очищаетъ ли насъ отъ грубаго эгоизма, ввѣчно стремящагося обратиться исключительно на свои мелкія нужды. Неужели это не польза? Высокое наслажденіе изящною формою словесныхъ произведеній, приучая ухо наше къ благозвучію, а мысль къ ясности и опредѣленности, приноситъ пользу или нѣтъ? Но стоитъ ли говорить о всѣхъ этихъ вещахъ, давно извѣстныхъ каждому.... Критикъ, вѣроятно, и самъ очень хорошо знаетъ все нами сказанное, но его рѣшительно сбило, повидимому, новое знакомство его съ мнѣніями Платона. Этому серьезному и строгому философу, мечтавшему о какомъ то идеальномъ государствѣ, притомъ съ его исключительной точки зрѣнія, можно было нападать на искусство въ Греціи, гдѣ оно стояло на первомъ планѣ и гдѣ изящная форма составляла все, но въ нашъ матеріальный вѣкъ повторять то же самое болѣе чѣмъ странно. Другое, что помѣшало критику взглянуть ясно на предметъ — это странное и весьма неудовлетворительное его понятіе о пользѣ. Разумѣется, поэзія или другое изящное искусство не могутъ быть полезны такимъ же образомъ, какъ напр. естественныя науки, порождающія пароходы, желѣзныя дороги, телеграфы и т. д., или напр. политическая экономія, стремящаяся открыть истинные пути къ устройству матеріальнаго благосостоянія народовъ; но вѣдь всевозможныя улучшенія въ средствахъ сообщенія, всѣ, наконецъ, виды матеріальнаго благосостоянія

и комфорта не составляютъ еще для чловѣка всего въ жизни и вънцомъ его земнаго благополучія все таки останутся наслажденія нравственныхъ, умственныхъ и эстетическихъ, потребность которыхъ тотчасъ же развивается въ его, высшей отъ другихъ животныхъ, природѣ, какъ только устраняется отъ него гнетъ физической нужды.

Послѣдуемъ далѣе за критикомъ. Продолжая развивать свою ложную мысль, онъ ставитъ какъ будто въ упрекъ искусству, или по крайней мѣрѣ въ доказательство его ничтожной пользы, то обстоятельство, «что практическія, житейскія, серьезныя условія довольства своимъ положеніемъ дѣйствуютъ на чловѣка *сильнѣе и постояннѣе*, нежели пріятное впечатлѣніе, доставляемое искусствомъ». Нельзя не согласиться съ критикомъ, что голодъ, напр., дѣйствительно даетъ себя чувствовать сильнѣе и рѣшительнѣе, нежели потребность въ изящныхъ наслажденіяхъ, и съ другой стороны, удовлетвореніе его вноситъ въ организмъ болѣе определенное довольство, нежели какой-либо видъ эстетическаго наслажденія, предложеннаго въ это время. При сильномъ разстройствѣ организма, кровопусканіе дѣйствуетъ также быстрѣе и вѣрнѣе на успокоеніе нервовъ, нежели самая лучшая музыка или поэзія. Но неужели нужно еще доказывать всю странность вывода изъ этого обстоятельства, дѣлаемаго критикомъ? Не о большей или меньшей силѣ художественныхъ наслажденій, по сравненію ихъ съ удовлетвореніемъ голода и др. матеріальныхъ нуждъ чловѣка, нужно бы разсуждать критику, а объ особомъ родѣ вліянія, оказываемаго ими на чловѣка и незамѣнимаго рѣшительно ничѣмъ. То, къ сожалѣнію, отчасти справедливое обстоятельство, что «для большинства людей искусство только развлеченіе, т.-е. довольно ничтожная вещь, не могущая принести серьезнаго довольства» — также не доказываетъ малой пользы и значенія его, точно также какъ мало говорить не въ пользу медицины то обстоятельство, что многіе рѣшаются скорѣе прибѣгать къ заговорамъ и нашептываньямъ, нежели отнестись къ ней за помощью. Притомъ критикъ не статистикъ, обязанный лишь заявлять факты во всей ихъ полнотѣ; будучи, или по крайней мѣрѣ долженствуя быть, представителемъ высшихъ интересовъ чловѣческихъ, онъ скорѣе обязывается сожалѣть о маломъ числѣ избранныхъ, нежели употреблять это обстоятельство какъ доводъ въ пользу своей причудливой мысли.

Мы сдѣлали главные возраженія. Упомянемъ теперь вкратцѣ о мелкихъ парадоксахъ критика. Не правда, говоримъ мы рѣшительно, будто «искусство *должно* угождать требованіямъ публики,» по крайней мѣрѣ фраза эта должна быть значительно пояснена, чтобы приблизиться къ истинѣ. Несправедливо, будто «любовь,» изображаемая въ истинной поэзіи, «очень далека отъ истинной любви и очень мало имѣетъ серьезнаго значенія.» Еще менѣе справедливо, будто «забота искусства заинтересовать, завлечь, *чѣмъ и какъ — все равно.*» — Вѣрно критикъ говорить о чемъ-нибудь иномъ, а не настоящемъ искусствѣ.

Но мы заговорились и забыли, что все разсужденія свои рецензентъ велъ къ той цѣли, чтобы доказать пользу искусства. До сихъ поръ мы не видали еще у него никакихъ удовлетворительныхъ доказательствъ этого положенія. Напротивъ, польза искусства оказалась пока и ниже «сидѣнья на завалинѣ» и не такъ сильною, какъ комфортъ. Но у него есть еще впереди одинъ аргументъ въ пользу искусства и вотъ онъ:

«Но если, продолжаетъ критикъ, стремясь исключительно къ цѣли заинтересовать и завлечь, искусство почти всегда позабываетъ о другихъ, важнѣйшихъ цѣляхъ, то надобно признаться, что увлекаетъ огромную массу оно очень удачно, и этимъ самымъ, вовсе о томъ не думая, содѣйствуетъ распространенію образованности, ясныхъ понятій о вещахъ—всего, что приносить умственную, а потомъ принесетъ и матеріальную пользу людямъ. Искусство или, лучше сказать, поэзія (одна только поэзія, потому что другія искусства очень мало дѣлаютъ въ этомъ отношеніи) распространяетъ въ массѣ читателей огромное количество свѣдѣній и, что еще важнѣе, знакомство съ понятіями, выработываемыми наукою;—вотъ въ чемъ заключается великое значеніе поэзіи для жизни».

Нужно ли говорить, что критикъ смѣшиваетъ здѣсь литературу въ общемъ смыслѣ съ поэзіею, какъ словеснымъ искусствомъ. Нужно ли доказывать также, къ какому странному парадоксу пришелъ онъ, исключивъ все искусства и самую даже поэзію, по скольку она есть поэзія чистая, изъ сферы предметовъ, дѣйствующихъ на образованіе и развитіе человечества. Но мы уже не разъ, впрочемъ, встрѣчались съ ученіемъ, высказаннымъ сейчасъ критикомъ, и очень хорошо знаемъ, чего оно добивается. Знаемъ мы также очень хорошо, что разумеетъ оно подъ художниками, имѣющими «серьезное и благородное направленіе,» какъ будто есть настоящіе художники не серьезные и не благородные. Мы только спросимъ его откровенно, имѣли ли это серьезное и благородное направленіе: Гомеръ, Шекспиръ, Пушкинъ, Гёте, лучшіе Греческіе трагики, и т. д.? Раздраженіе мысли современными вопросами—вотъ чего хотѣло бы это направленіе отъ всякаго писателя, а не того спокойнаго и глубокаго міросозерцанія, которое составляетъ всю силу и величіе гениальныхъ художниковъ и дѣлаетъ поэзію оригинальнымъ и самостоятельнымъ источникомъ особаго рода даровъ человечеству...

Этимъ мы оканчиваемъ нашу полемику съ неизвѣстнымъ рецензентомъ, ибо не имѣли въ виду разбирать всю его статью, а хотѣли только указать на исходную точку всѣхъ ошибокъ, въ ней встрѣчающихся. Замѣтимъ только, въ предостереженіе легковѣрнымъ читателямъ, способнымъ увлечься громкими цитатами и рѣшительнымъ тономъ критика, что вся статья, не смотря на свои претензии, не содержитъ въ себѣ никакихъ прочныхъ эстетическихъ началъ, и тѣмъ менѣе новыхъ, о которыхъ глубокомысленно намекаетъ рецензентъ. Вся эта смѣлость сужденій и приговоровъ о такихъ поэтахъ, какъ Шекспиръ и Пушкинъ, свидѣтельствуетъ скорѣе о какомъ-то скудномъ скептицизмѣ, или, скорѣе, равнодушій къ дѣлу, нежели о

дѣйствительно новыхъ началахъ искусства. И намъ остается искренно пожалеть, если всѣ «истинно современные мыслители», которыхъ рецензентъ являетъ себя какъ бы представителемъ, раздвѣляютъ его образъ мыслей и воззрѣній на искусство.

По другимъ отдѣламъ въ разбираемыхъ нами двухъ книжкахъ От. Зап. укажемъ на *пятую главу* г. Соловьева, — «Географическія извѣстія о древней Россіи», и на прекрасную статью А. В. Дружинина — «Вальтеръ Скоттъ и его современники», оконченную въ X-й книжкѣ.

Въ октябрьской книжкѣ От. Зап. мы должны съ удовольствіемъ указать на статью *С. П. Ж-ва* — «Воспоминанія стараго театрала», къ сожалѣнію, нѣсколько испорченную бесполезными полемическими выходками. Статья эта, вмѣстѣ съ другой — *С. Т. А-ва*, помѣщенной въ нынѣшнемъ же году въ нашѣмъ журналѣ, представляетъ живую и довольно полную картину одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ нашего театра. Въ *Библиографическихъ отрывкахъ*, новомъ отдѣлѣ, введенномъ недавно въ От. Зап., помѣщенъ любопытный обзоръ — «Изданій на иностранныхъ языкахъ «Наказа» императрицы Екатерины II-й».

Въ «Иностранной словесности» той же книжки продолжается статья П. Н. Кудрявцева о двухъ нѣмецкихъ сочиненіяхъ: «Римская исторія, соч. Швеглера» и «Эпоха Римскихъ царей, — историческое изслѣдованіе Герлаха.» Статья эта сдѣлала бы, по нашему мнѣнію, честь любому нѣмецкому специально-историческому изданію, и если длинное разсужденіе о предметѣ весьма специальномъ кажется нѣсколько неумѣстнымъ въ литературномъ журналѣ, назначаемомъ для читателей очень различнаго образованія, то вина, конечно, не г. Кудрявцева.

Наконецъ, въ «Петербургскихъ замѣткахъ» помѣщено довольно неудачное *оправданіе* От. Зап. въ успѣхъ на Петербургской сценѣ комедіи *А. Н. Островскаго* — «Бѣдность не порокъ.» Извѣстно, что комедія эта раскритикована была въ пухъ этимъ журналомъ. Для большей силы осужденія, предсказано было даже напередъ, что «вѣроятно, комедія эта не будетъ пользоваться большимъ успѣхомъ на Петербургской сценѣ.» И вдругъ, о горькій сюрпризъ! комедія идетъ прекрасно, успѣхъ рѣшительный. Вы полагаете, что От. Записки уступятъ наконецъ силѣ событія, или факта, какъ онъ бы выразились, и, хоть нѣсколько поздно, отдаютъ должную дань справедливости комедіи? Ничуть не бывало. Вся вина ошибочнаго предсказанія свалена на нашихъ актеровъ, которые — чуть не съ сожалѣніемъ говорятъ фельетонистъ — «съ такою простотою, естественностью и истиной исполняютъ пьесы изъ Русскаго быта *средняго и низшаго классовъ.*» Ну, а въ самой то пьесѣ, спросимъ мы, были ли хоть эта простота, естественность и истина Русскаго быта? Отвѣта, впрочемъ, не нужно.

«Я знаю вашъ отвѣтъ —....»

Е. Э — нѣ.

С И Ъ С Ъ.

УРАЛЬСКАЯ СТАРИНА.

Василій Струняшевъ.

(Продолженіе)

VI.

Въ одинъ изъ пасмурныхъ декабрьскихъ дней, которыми такъ богатъ Гурьевъ-городокъ, около двухъ часовъ по-полудни, растворились Спасскія ворота (*), и изъ нихъ потянулся длинной вереницей, возъ за возомъ, большой обозъ, нагруженный тюками и мѣшками съ дорогимъ хивинскимъ товаромъ.—Впереди всѣхъ, ведя за уздцы любимаго своего саврасаго коня, шелъ Василій Струняшевъ. Рядомъ съ нимъ шли, по одну сторону, тетка, по другую, Даша. Всѣ трое молчали. Старуха охала и про себя шептала молитвы, — дѣвушка, держась за руку Васи, плакала и часто взглядывала на него.—Вася посматривалъ то на тетку, то на невесту, но больше на послѣднюю. Какъ ни старался Струняшевъ казаться спокойнымъ, но слезы такъ вотъ, кажись, и готовы были брызнуть изъ глазъ, что называется, въ три ручья. Не въ первый разъ доводилось Васѣ покидать домъ и разставаться съ близкими его сердцу, но никогда онъ не чувствовалъ такой смертельной тоски, такого тяжелаго горя, какъ въ эту минуту. — Бывало, сѣвши на коня, онъ перекрестится, возьметъ пику на перевѣсъ, и съ радост-

(*) Теперь Гурьевъ-городокъ безъ всякихъ укрѣпленій, но въ старину онъ былъ окруженъ сперва каменною съ башнями стѣною, а потомъ, когда стѣна пришла въ разрушеніе, высокимъ и частымъ палисадомъ. По четыремъ угламъ этого палисада, (обломки котораго и я помню), возвышались каменные бѣреты, или *фланги* (по крайней мѣрѣ, казаки ихъ такъ называли), вооруженные чугунными пушками и мортирами. Въ стѣнѣ, а потомъ въ палисадѣ было четверо воротъ; изъ нихъ одинъ, обращенный къ берегу Урала

нымъ бисніемъ сердца полетить, да еще куда? туда, гдѣ на каждомъ шагу можно было наткнуться на киргизское копьѣ. А теперь, отправляясь, съ толпой товарищей, въ обыкновенный путь, гдѣ не предстояло никакой особой опасности, онъ, такъ сказать, былъ подавленъ какимъ-то безотчетнымъ горемъ, — сердце его сжималось отъ тоски, какъ будто предчувствуя великую невзгоду.

Самая погода въ то время располагала къ унынію и наводила тоску на душу. Густой туманъ, поднимаясь съ моря, застигалъ Гурьевъ и его окрестности, а огромныя стаи воронъ и галокъ съ визгомъ и крикомъ вились и кружились въ воздухѣ.

За послѣдними санями, принадлежащими Струняшеву, поджавъ хвостъ и опустивъ морду, шелъ, лѣнливо передвигая ноги, старинный и любимый слуга Васи, Буянка — большой желтый кобель. Съ виду собака, какъ и хозяинъ, казалась печальной и унылой,

назывались Спасскими. Теперь отъ всего этого почти и признаковъ не осталось, исключая небольшой валообразной возвышенности, оглябающей квадратомъ одинъ кварталъ города съ площадью — гдѣ былъ старый городокъ, — да десятка полтора ржавѣющихъ чугуныхъ пушекъ. — По преданіямъ, переданнымъ намъ академикомъ Рычковымъ, а имъ собраннымъ, слишкомъ за сто лѣтъ предъ симъ, отъ гурьевскихъ старожилковъ, — Гурьевъ-городокъ получилъ это названіе отъ основателя своего, рыбопромышленника, русскаго купца Михаила Гурьева. Построеніе этого городка относится ко второй половинѣ XVI вѣка, т. е., къ тому времени, когда, по покореніи Астрахани, начала въ томъ краѣ развиваться промышленность Русскихъ. — До 1753 года Гурьевъ-городокъ состоялъ въ вѣдѣніи Астраханской губерніи, а въ этомъ году онъ перешелъ въ составъ Оренбургской, именно, — въ вѣдомство Уральскихъ казаковъ. Съ этого уже времени и стали въ немъ селиться Уральцы; а до того они имѣли тутъ временное пребываніе, посылаясь по наряду отъ войска въ помощь тамошнему гарнизону, состоявшему изъ регулярныхъ солдатъ. — Гурьевъ-городокъ имѣетъ важное значеніе въ быту Уральцевъ. Вотъ именно почему. До поступленія его въ вѣдомство Оренбургской губерніи, при немъ, въ самыхъ устьяхъ Урала, были казенныя рыбныя промыслы, содержавшіяся на откупъ у частныхъ астраханскихъ промышленниковъ. Промышленники дѣлали поперекъ всей рѣки изъ бревенъ переборъ, или такъ называемые *учуги*, и тѣмъ заграждали входъ рыбы изъ моря въ Ураль. Изъ-за этого у казаковъ съ Астраханцами возникли частыя и великія споры, весьма затруднявшія начальство въ разбирательствѣ. Наконецъ, по просьбѣ казаковъ и по ходатайству оренбургскаго губернатора, Неплюева, право содержанія учуговъ было передано отъ Правительствующаго Сената, на вѣчныя времена, Уральцамъ, со взмсканіемъ съ нихъ, ежегодно, въ пользу казны, той суммы, какую платили Астраханцы (4692 р. 69 к. ас.). Это было въ 1742 году (Ист. Оренб. Края. Рычк. § 139). Впослѣдствіи времени казаки перенесли учугъ къ г. Уральску. Но память о гурьевскихъ учугахъ доселѣ сохранилась въ названіи Гурьева-городка: «*Учукъ-кала*», въ названіи, которымъ величаютъ его Киргизы. *Учукъ-кала* значитъ буквально *Городъ Учуговъ*.

Прежде, бывало, куда бы Вася ни выгъзжалъ изъ дома, верхомъ-ли, въ саняхъ-ли, Буянка не давалъ переду хозяину: лая и прыгая отъ радости, онъ, бывало, носился впереди хозяина, а теперь казался совсѣмъ другимъ, печальнымъ, угрюмымъ, какъ-будто въ воду опущеннымъ.

Передовая лошадь Васи, сильная и крѣпкая, два раза спотыкалась и падала на колѣни, чего никогда за ней не водилось.

Но Вася ни на что не обращалъ вниманія. Онъ не замѣчалъ ни унынія собаки, ни споткливости лошади, не замѣчалъ даже и того, что извѣстный читателямъ старикъ — Киргизъ, Кара-Кузька, идя около саней и перекладывая съ мѣста на мѣсто нѣкоторыя вещи, которыя лежали на возу, между прочимъ, не рѣдко прикасался къ заветному ружью, до котораго, какъ до драгоценности, Вася никому, даже родному брату, не позволялъ дотрогиваться.

Между тѣмъ весь обозъ опустился съ берега на ледъ Урала и остановился. Спутники Струняшева, прощаясь съ домашними, собрались въ кружокъ около порядочной величины боченка съ чихиремъ. Каждый изъ нихъ хотѣлъ заглушить виномъ горечь разлуки съ родными, хотя непродолжительной, но все-таки разлуки. Нѣсколько разъ товарищи приглашали Васю выпить съ ними стаканъ-другой вина на прощанье, но Вася каждый разъ отказывался: ему было вовсе не до питья.

— Хоть для компаніи выпей стаканчикъ, Василій Ивановичъ, сказалъ наконецъ одинъ изъ казаковъ, подходя къ нему съ стаканомъ чихиря; вѣдь, изъ-за компаніи, говорятъ, жидъ удавился.

— Туда ему и дорога, отвѣчалъ Вася, — а ужъ меня, братцы, увольте, сдѣлайте милость увольте: не хочется мнѣ пить, да и только.

Больше товарищи не настаивали, и одни принялись доканчивать боченокъ. Вскорѣ боченокъ опростался, и на его мѣстѣ явился другой, но и тотъ имѣлъ одинаковую съ первымъ участь. Казаки повеселѣли и по обыкновенію, или, какъ говорятъ казаки, по обычаю предковъ, запѣли пѣсню, свою родную, такъ сказать, домощеную пѣсню:

Не ясные соколики слетались,
 Не хивинскіе визирюшки съвзжались:
 Соходились, съвзжались добры молодцы,
 Добры молодцы, уральскіе казаченьки.
 Они думу крѣпку думали:
 — Да кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
 Атаманомъ быть, ребята, эсауломъ слѣть?

— Ужь мы выберемъ, ребята, атаманушку,
 Атаманушку мы выберемъ «походнаго»,
 Эсаулушку мы выберемъ «залетнаго».
 Атаманъ-то говоритъ, братцы, какъ въ трубу трубить,
 Эсаулъ-то говоритъ, братцы, какъ въ свирель свистить.
 — Еще долго ль намъ, ребята, на Дарьѣ стоять?
 На Дарьѣ стоять, ребята, караулъ держать?
 Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
 А Кумань-рѣку пройдемъ во глуху полночь,
 А въ Хиву придемъ вкругъ бѣлой зари.
 Мы хивинскому султану не покоримся,
 Съ его младими жеванами познакоимся:
 А поклонимся, покоримся Царю-Бѣлому,
 Царю-Бѣлому, ребята, Петру Первому!

Пѣсня эта, въ числѣ другихъ, была напечатана съ нѣкоторыми измѣненіями въ 8 N От. Зап. 1848 г. У собирателя уральскихъ пѣсенъ, г. Иваннина, между прочимъ, есть въ этой пѣснѣ вотъ какіе стихи:

— Налѣта мы возьмемъ *походнаго*,
 — *Нечая-казака* возьмемъ бывалаго.

Слово «налѣтъ» мы должны принимать за имя нарицательное, приданное здѣсь въ эпитеты къ слову «Нечай»; къ нему же должно отнести и слово «походный». Во всякомъ случаѣ, эти два стиха относятся къ личности одного Нечая. Но Уральцы, извѣстно миѣ, имени Нечая въ этой пѣснѣ не упоминаютъ, да и не къ чему, какъ увидимъ ниже. Я спрашивалъ объ этомъ многихъ казаковъ-пѣсенниковъ, — но отъ всѣхъ и cadaго получалъ въ отвѣтъ: «не знаемъ, не слыхали.» Я догадываюсь, что г. Иваннинъ, припомнивъ преданіе казаковъ, переданное намъ незабвеннымъ Рычковымъ, о походѣ казачьяго атамана Нечая въ Хиву, гдѣ этотъ удалецъ погибъ съ своимъ отрядомъ, вставилъ имя его въ пѣсню, желая, вѣроятно, опредѣлить тѣмъ время и событіе, съ которыхъ взялась пѣсня. Или, быть можетъ, кто-нибудь изъ Уральцевъ, передавая г. Иваннину содержаніе пѣсни, ввернулъ въ нее, для пущей важности, имя Нечая. Но какъ бы то ни было, я думаю совсѣмъ противное, т.-е. содержаніе пѣсни отношу къ событію не этого похода, а другаго — къ событію похода Шамаева.

Можно безошибочно сказать, что Нечай былъ не походный, какъ обрисовывается онъ въ пѣснѣ г. Иваннина, а настоящій, т.-е. войсковою, атаманъ, управлявшій казаками самовластно. Это доказывается уже тѣмъ, что онъ, вблизи города, въ казачьихъ земляхъ, повѣсилъ дьяка (секретаря), осмѣлившагося сдѣлать ему замѣчаніе

о трудности и неудобьисполнимости задуманнаго въ Хиву похода.— Предположеніе о самовластіи Нечая я дѣлаю изъ слѣдующаго вывода: если Нечай былъ походный атаманъ, то онъ не смѣлъ идти въ Хиву безъ согласія войсковаго атамана и безъ согласія всего войска, т.-е. всего казачьяго народа.— Если предположить, что онъ пустился въ походы самовольно съ шайкой рыцарей-охотниковъ, то дѣяку, предвидѣвшему неудобность и трудность похода, рѣшительно не было причины слѣдовать за искателемъ приключеній и рисковать своею жизнію.— Если допустить, что Нечай былъ посланъ въ этотъ походъ войсковымъ атаманомъ съ согласія войска, — то несчастному дѣяку тѣмъ больше не было причинъ дѣлать возраженія Нечаю насчетъ похода, когда Нечай былъ слѣпымъ исполнителемъ воли другаго, старшаго.— Но если предположить даже, что выборъ Нечая въ атаманы, по содержанію пѣсни, происходилъ на Яикѣ, до похода казаковъ въ Хиву, то казаки не могли въ выраженіяхъ своихъ опредѣлять начало похода переходомъ чрезъ Сыръ-Дарью, т.-е. не естественно бы говорить имъ прямо:

Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,

потому что отъ Яика до Сыръ-Дарьи больше чѣмъ тысяча верстъ, потому что прежде, чѣмъ можно добраться до Сыръ-Дарьи, нужно было переходить чрезъ Сагизы, Эмбы, Темиры и множество другихъ, въ то время болѣе или менѣе значительныхъ, степныхъ рѣчекъ.

И такъ, по мнѣнію моему, удалый Нечай вовсе не нуждался въ выборѣ себя въ атаманы, если скажу при томъ, что событіе, пѣсней выражаемое, происходитъ не на Яикѣ и не на *моряхъ*, какъ выражается г. Ивановъ, а въ киргизской степи.— Извѣстно, что Нечай умеръ атаманомъ, и умеръ въ степи, т.-е. онъ былъ убитъ въ сраженіи съ Хивинцами. Только послѣ него могли казаки «думать крѣпкую думу о томъ, кому у нихъ атаманомъ быть». Но въ томъ-то и бѣда, что думать-то некому было, потому что отъ отряда Нечаева осталось только два-три казака, какъ говоритъ Рычковъ, писавшій о томъ слишкомъ за сто лѣтъ назадъ.

Вышеприведенная пѣсня, съ достовѣрностію можно сказать, написана мною такъ, какъ она поется у насъ, на Уралѣ, теперь, и какъ, по отзыву старожиловъ, пѣвалась въ старину. Между-тѣмъ содержаніе ея ясно показываетъ, что совѣщаніе у казаковъ происходитъ, какъ выше замѣчено, въ киргизской степи, именно на берегахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ казакамъ-соколикамъ крѣпко наступило

«караулъ держать». Слѣдовательно, все-таки повторю, о Нечаѣ не-могло быть тутъ и помину.

Но долженъ же быть какой-нибудь смыслъ пѣсни? Должна же она, наконецъ, выражать какое-нибудь важное въ исторіи казаковъ событіе? Непремѣнно такъ. Дѣлая на эту пѣсню замѣчанія, я имѣю въ виду — пояснить ея значеніе, на сколько достанетъ моего соображенія, предоставляя, впрочемъ, другимъ право дѣлать, по этому случаю, свои выводы и заключенія.

Извѣстно намъ, по преданію же, что другой казачій атаманъ, Шамай, ходилъ, по слѣдамъ Нечая, въ Хиву, — но походъ его, какъ и походъ Нечая, имѣлъ неудачный и печальный конецъ: Шамай попался дорогою въ плѣнъ къ Калмыкамъ (откуда онъ вышелъ на Яикъ, спустя уже нѣсколько лѣтъ), а отрядъ его, оставшись безъ предводителя, и не имѣя вожаконъ, заблудился въ степи, и, претерпѣвая ужасный голодъ, принужденъ былъ въ послѣдствіи отдаться въ плѣнъ Хивинцамъ. — Вотъ въ то-то тяжкое время, когда у казаковъ не стало атамана, Шамае, когда они, скитаясь около Сыръ-Дарьи, принуждены были на каждомъ шагу беречься, или окарауливаться отъ враговъ, когда, не упадая духомъ, надѣялись еще на удачу, — вотъ въ то-то время «казаченьки», можно предположить, и думали «крѣпкую думу» о выборѣ другаго атамана — походнаго т.-е., временнаго, который бы довелъ ихъ до Хивы.

Но, быть можетъ, спросятъ меня: какими, дескать, судьбами эта пѣсня дошла до Яика, когда отрядъ Шамаевъ, до единаго казака, оставшагося въ живыхъ, отдался въ плѣнъ Хивинцамъ? На это я отвѣчу двояко: во-первыхъ, кто-нибудь изъ казаковъ могъ, въ послѣдствіи, выйдти изъ Хивы на Яикъ; во-вторыхъ, казаки, остававшіеся на Яикѣ, узнавъ о несчастной судьбѣ своихъ товарищей, очень легко могли сочинить насчетъ ихъ пѣсню. И то, и другое правдоподобно.

Что же касается до двухъ послѣднихъ стиховъ:

- А покоримся, поклонимся Царю-Бѣлому,
- Царю-Бѣлому, ребята, Петру Первому,

это, конечно, анахронизмъ, но я вставилъ эти стихи на томъ основаніи, что казаки всегда, произвольно, какъ имъ вздумается, заключаютъ эту пѣсню стихами, выражающими покорность и преданность ихъ кому-нибудь одному изъ нашихъ Милостивыхъ и Мудрыхъ Государей.

Послѣ этого отступленія обращаемся къ разсказу.

— Довольно, братцы! сказалъ Василій Струняшевъ своимъ спутникамъ, когда тѣ, кончивъ пѣсню, о которой только-что сей-

часть было говорено, хотѣли было приниматься за другую.— Пора, товарищи, ѣхать; день ужь на исходѣ, а намъ еще нужно засвѣтло добраться до моря. — Ну, атамань-молодцы, прощайтесь съ родными, да въ путь-дорожку, только на этотъ разъ не въ Хиву, какъ вы сейчасъ пѣли, прибавилъ съ принужденной улыбкой Вася, а въ Астрахань: въ Хиву далеко, а въ Астрахань близко.

Послѣ этого всѣ спѣшили проститься съ родными и усаживались на воза, чтобы по первому знаку пуститься въ путь.

Выбранный казаками въ жоаки, и имѣя ужь тѣмъ нѣкоторую надъ ними власть — Вася хотя и понуждалъ ихъ къ скорому отѣзду,—но, можно сказать, дѣлалъ это вопреки собственному своему желанію, потому что ему больше, чѣмъ кому другому, не хотѣлось покидать домъ,—ему больно было оторваться отъ милой и ненаглядной Даши. Онъ неохотно согласился на предложеніе Хивинцевъ, и въ этомъ обвинялъ Кара-Кузьку, который, какъ съ ножемъ къ горлу, приставалъ къ нему съ словами: «поѣзжай, да поѣзжай», и, будто какой колдунъ, обвелъ его кореньями. Вслѣдствіе этого, онъ неохотно и ѣхалъ въ Астрахань, — но дѣло ужь сдѣлано — не воротись: Вася далъ слово, а слову своему онъ никогда не измѣнялъ, хотя бы для того нужно было идти въ огонь и въ воду.

Скинувъ шапку и взглянувъ на церковный крестъ, едва видѣвшійся въ туманѣ, Вася нѣсколько разъ перекрестился, и потомъ, обратясь къ теткѣ, поклонился ей въ ноги и сказалъ: «прости и благослови, мамушка». — «Съ Богомъ, мой дорогой кормилецъ», проговорила сквозь слезы старуха и обняла племянника. Послѣ того Вася принялъ въ свои объятія Дашу. При этомъ случаѣ ни онъ, ни она, не промолвили отъ горести ни одного словечка. Дѣвушка рыдала, не вытерпѣвъ и Вася: заплакалъ и онъ. Наконецъ вырвавшись изъ объятій невѣсты, Вася вскочилъ на возъ, тронулъ возжами и безоглядки помчался внизъ по Уралу. Спутники его послѣдовали за нимъ.

Черезъ минуту поѣздъ скрылся въ туманѣ. Вскорѣ затихъ и звукъ, который слышался отъ конскихъ копытъ и отъ саней, катившихся по скользкому, безснѣжному льду. Тогда провожавшіе разошлись по домамъ. Остался на мѣстѣ только одинъ Киргизъ Кара-Кузька. Онъ нѣкоторое время стоялъ неподвижно, и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ той сторонѣ, куда уѣхали казаки. По видимому, убѣдась, что никто изъ нихъ не возвращается, онъ побѣжалъ, на сколько позволяла ему хромяя нога, въ свою кибитку, которая была отъ того мѣста не далеко, и дорогою вороталъ что-то про себя. Замѣтно было, что Киргизъ занятъ чѣмъ-то

необыкновеннымъ. Близъ кибитки, въ камышѣ, дожидался его неизвѣстный Киргизъ. Кара-Кузька шепнулъ ему что-то на ухо, и Киргизъ тотчасъ скрылся въ густоту камыша, сѣлъ на лошадь и быстро поскакалъ по направленію къ морю.

По отъѣздѣ Киргиза, Кара-Кузька призадумался, но потомъ, спустя нѣкоторое время, самъ про себя сказалъ:

— Ага, пріятель! Попадешься, знать, въ наши руки! а ужъ какъ попадешься, такъ не скоро вырвешься: вдоволь натерпишься муки, да и есть за что.... Ты, проклятый Васька, много мнѣ насолилъ, такъ много, что и до сихъ поръ у меня во рту горько! Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ! не жди отъ меня пощады, продолжалъ Киргизъ, приходя болѣе и болѣе въ яростное состояніе. Стыдно будетъ мнѣ отъ людей и грѣхъ отъ Бога, ежели я оставлю тебя и родъ твой безъ отмщенья за кровь дѣтей моихъ!...

При послѣднихъ словахъ лицо Киргизца подернулось смертной блѣдностью и исказилось судорогами.

— «Смерть, смерть тебѣ, Русскій! смерть всему твоему роду и племени! сказалъ наконецъ онъ въ бѣшенствѣ, и, скрежеща зубами, скрылся въ кибитку.

Здѣсь на первый разъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Кара-Кузькѣ.

Почти въ одно время съ переселеніемъ въ Гурьевъ братьевъ Струняшевыхъ, явился въ этомъ городкѣ хромой, худой, покрытый рубищемъ и еле-дышащій, пожилыхъ лѣтъ, Киргизъ. Онъ объявилъ о себѣ, что онъ байгушъ, больной и безпріютный старикъ, не имѣющій ни роду, ни племени,—что, не находя пристанища въ ордѣ, онъ пришелъ къ Русскимъ, чтобы служить имъ по своей силѣ-мочи. Въ то время Гурьевцы нуждались въ пастухъ. Они приняли Киргиза, напоили и накормили, обули и одѣли его, и общими силами построили ему кое-какую кибитченку, или правильнѣе, шалашекъ. За то и Киргизъ не оставался въ долгу. Онъ рачительно смотрѣлъ за обывательскимъ скотомъ; больше всего заботился угодить братьямъ Струняшевымъ и вкратчѣ въ ихъ довѣріе, въ чемъ и успѣлъ какъ не надо лучше. Каждое, бывало, утро онъ самъ являлся къ нимъ въ домъ и выгонялъ въ поле коровъ, а вечеромъ, когда стадо возвращалось съ паствы, самъ же пригонялъ ихъ на дворъ Струняшевыхъ. Охотно, бывало, помогалъ старухѣ, ихъ теткѣ, ухаживать за скотомъ и за дворовой птицей. Самимъ казакамъ служилъ факторомъ при мѣновыхъ и торговыхъ сдѣлкахъ съ Киргизами, и всегда, при такихъ случаяхъ, старался доставить Струняшевымъ

больше выгоды и барышей. Такое усердіе со стороны услужливаго Киргизца не осталось безъ вниманія. Вася помогаль ему чѣмъ могъ, больше всѣхъ даваль ему хлѣба, надѣляль его деньгами, дарилъ съ плечъ своихъ поношеной одеждой, словомъ, ласкаль Киргизца, какъ не надо больше. Вскорѣ Киргизъ свыкъся съ домоу Струняшевыхъ, и сдѣлался постояннымъ и повидимому усерднымъ и безъ границъ преданнымъ нхъ слугой. Это былъ Кара-Кузька. Казалось, онъ совершенно отдался Васѣ и полюбилъ его всей душой за его благодѣянія и милости,—казалось, онъ всю жизнь свою посвятиль Васѣ и его семейству,—но какъ волка ни корми, онъ все смотритъ въ лѣсъ; такъ было и съ Кара-Кузькой. Послѣднія слова, только-что предъ этимъ произнесенныя имъ, ясно показываютъ, какія чувства питаль онъ къ своему благодѣтелю, готовя ему какую-то напасть, а изъ-за чего? увидимъ ниже. Теперь же обратимся къ Василью Струняшеву и его спутникамъ.

VII.

Версть пять казаки ѣхали Ураломъ, а потомъ свернули вправо въ рукавъ Подстѣпку, изъ Подстѣпки выѣхали въ другой рукавъ Плотовой, а изъ него въ Ракушечій ильмень, или заливъ морской, въ то время широкой и глубокой, а теперь ссузившійся и почти въ болото превратившійся. — Зимніе дни, извѣстно, коротки, казаки выѣхали изъ Гурьева довольно поздно, во время пути они безпрестанно дѣлали привалы и часто прикладывались къ фляжкамъ и боченкамъ съ чихиремъ, котораго взяли съ собою довольный—таки запасъ, да и ѣхали—то, по тяжести груза въ возахъ, болшею частію тихо, шажкомъ, — по этому достигли моря уже въ темныя сумерки.

Сначала, когда казаки были только-что навеселъ, они распѣвали пѣсни, переговаривались, и, какъ водится, шутили межъ собой, но подъ конецъ, опьянѣвъ отъ неумѣренно выпитаго вина, они замолкли, пріутихли, завернулись шубами, накрылись кто войлокомъ, кто цыновкой, и, лежа на возахъ, заснули богатырскимъ сномъ, предоставивъ заботу Василью Струняшеву одному за всѣхъ бодрствовать и отыскивать дорогу.

Василій Струняшевъ ѣхаль впереди, и во всю дорогу мечталь о Дашѣ. Онъ представляль себѣ минуту возвращенія въ домоу, минуту радостнаго свиданія съ невѣстой, наконецъ минуту блаженства, когда Даша сдѣлается его женой. Воображеніе его часть-отъ часу разыгрывалось болше и болше, сердце его билось сильнѣе и сильнѣе. Онъ не замѣчалъ, что вокругъ его дѣлалось, не замѣчалъ,

что спутники его, часто хлеба чихирь, наклебались наконецъ до того, что въ лыко не вязались.

Выѣхавъ въ Ракушечій ильмень, Струняшевъ остановилъ обозъ, чтобы нарубить на дорогу немного камыша для дровъ. Онъ было толкнулся къ одному-другому изъ товарищей, но никого не добудился: всѣ спали сномъ непробуднымъ. — «Нализались, какъ стельки!» сказалъ Струняшевъ съ негодованіемъ. — Немного погода, онъ вскрикнулъ: «Эй! есть ли между вами хоть одна живая душа?»

Съ послѣдняго воза откликнулся ему молодой парень, который, подобно Струняшеву, былъ трезвый, и потому не спалъ. Съ помощью этого казака, Струняшевъ набралъ нѣсколько пучковъ камыша и разложилъ его на незанятые сѣдоками воза.

Между тѣмъ наступила темная ночь. Собираясь снова ѣхать, Василій сказалъ парню:

— Смотри, Гриша, не спи, не зѣвай, — чаще посматривай и на обозъ, и на стороны; видишь, всѣ лежатъ вповалку, словно убитые, Богъ съ ними, — словно не до нихъ дѣло. Осторожность не мѣшаетъ: береженаго и Богъ бережетъ. — Всяко можетъ случиться: неровно лошадь которая-нибудь свернетъ въ сторону, неровно волки накачутъ.... Да, кстати, заряжено ли у тебя ружье? спросилъ Струняшевъ.

— Заряжено-то заряжено, да только дробью, отвѣчалъ парень.

— Ну, все равно, сказалъ Струняшевъ, садясь на свои сани: бить дробью въ ночное время еще ловчѣе, чѣмъ пулей. Только смотри, дружище, не зѣвай, какъ я сказалъ. Поближе, про всякій случай, имѣй ружье-то: можетъ пригодиться.

Съ послѣднимъ словомъ Струняшевъ тронулся съ мѣста и направилъ путь дальше въ море. — «Дай-ка Богъ, по добру, по здорову, выѣхать въ открытое море, подальше отъ черней, думалъ онъ, проѣзжая, въ близкомъ разстояніи, мимо одного острова, замыкавшаго Ракушечій ильмень со стороны моря. — Авось ретивое-то тамъ поуспокоится, поуймется, а теперь оно такъ вотъ и ноетъ, словно чувствуетъ какую невзгоду, словно змѣя подколотая сосетъ его».

Въ это самое время захрустѣлъ на островѣ камышь. Буянка, бѣжавшій рядомъ съ возомъ, остановился, устремилъ глаза къ острову, потомъ оцетинился и заворчалъ. — «Не волкъ ли крадется, или не кабанъ ли ломится?» подумалъ Струняшевъ и поспѣшилъ достать изъ чухла винтовку. — Но въ эту самую минуту, шумъ въ камышѣ усилился, и что-то черное, въ разныхъ мѣстахъ, показалось изъ него. Струняшевъ поспѣшно взвелъ курокъ и обезумѣлъ отъ удивленія и страха: кремня въ куркѣ какъ не бывало!

Этотъ непріятный случай тѣмъ больше озадачилъ Струняшева, что утромъ того дня, собираясь въ дорогу, онъ перемѣнилъ, по воегдашнему своему обыкновенію, старый кремень на новый, и ввернулъ послѣдній такъ крѣпко и ловко, что онъ самъ собой никакимъ образомъ не могъ бы выпасть. Ясно, что это было дѣломъ рукъ человѣческихъ. Но Васѣ некогда было разсуждать объ этомъ, потому что въ это самое мгновеніе, какъ страшная туча, съ пронзительнымъ крикомъ и гикомъ, нахлынула на казачій обозъ шайка вооруженныхъ Киргизовъ.

— Пропали наши головушки! возопилъ что было силы-мочи Струняшевъ и схватился было за кинжалъ, висѣвшій у него на поясъ, — но не успѣлъ и руками развести, какъ сильный и мѣткій ударъ чаканомъ по головѣ срѣзалъ его съ ногъ. — Вѣрный песь, Буянка, бросился было отстаивать своего хозяина и вдѣпился за шею одного разбойника, но проколотый насквозь пикою и израненный чаканами, упалъ около безчувственного казака.

Немногіе изъ казаковъ, пробужденные нападеніемъ Киргизовъ, но не совсѣмъ еще отрезвившіеся, какъ одурѣлые, вскочили съ возовъ и второпяхъ не находили своихъ ружей. Большая же часть изъ нихъ вовсе не пробуждалась, но слыша сквозь сонъ тревогу, и не понимая въ чемъ дѣло, бессознательно кричала: «бей! жарь! катая на пропалюю!»

Дѣйствительно, говоря словами казаковъ, били, жарили, катали, только не казаки Киргизовъ, какъ нужно было ожидать, а Киргизы казаковъ, что случалось дотолъ очень рѣдко, или почти никогда не случалось. — Киргизовъ было человѣкъ до восьмидесяти, а казаковъ, считая Струняшева, всего на-все человѣкъ двѣнадцать. Но это бы ничего, казаки отстояли бы себя отъ басурмановъ, еслибъ были въ хорошемъ, т.-е. въ трезвомъ состояніи.

Тѣхъ изъ казаковъ, которые были на ногахъ, Киргизы скоро пошибали на полъ обухами чакановъ и перевязали арканами, а о тѣхъ, которые спали на возахъ, и говорить нечего: какъ сѣткой накрываютъ тетеревей, такъ накрыли и нахлобучили разбойники удалыхъ и безпечныхъ казаковъ собственной же ихъ одеждой, и перевязали всѣхъ до единого.

При нападеніи Киргизовъ, только одинъ со стороны казаковъ раздался ружейный выстрѣлъ: то былъ выстрѣлъ Гриши, того самаго молодого казака, которому, за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, Струняшевъ давалъ совѣтъ — быть осторожнымъ. Зарядъ дроби, почти въ упоръ, ловко пришелся въ лицо одному изъ басурмановъ, который, повалился съ лошади, больше ужъ не вставалъ. Но за то

и смѣлый казаченокъ дорого заплатился за отвагу; озлобленные Киргизы искололи его пиками и изрубили чаканами.

Въ пять минутъ Киргизы обработали дѣло, овладѣли обозомъ, заполонили Русскихъ. Подвигъ со стороны Киргизовъ неслыханный. Дотолъ двое-трое казаковъ, съ винтовками въ рукахъ, всегда съ честью отбивались отъ многочисленныхъ разбойническихъ шаекъ, потому что Киргизы въ высшей степени животолюбивы и трусливы, всегда нападаютъ на противника врасплохъ, но никогда никто изъ нихъ, исключая самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не отваживался нападать открыто и подставлять лобъ подъ ружейное дуло, зная по опыту, что пуля Яикскаго казака не пролетитъ мимо. На этотъ разъ помогъ имъ сонъ пьяныхъ казаковъ. Но какъ бы то ни было, казаки и весь грузъ хивинскаго каравана были въ рукахъ разбойниковъ.

Кромѣ Русскихъ, въ караванѣ находилось нѣсколько человекъ Хивинцевъ. Отъ нихъ Киргизы узнали, что въ Гурьевѣ осталась часть каравана, которая не замедлитъ выѣхать въ Астрахань по слѣдамъ ихъ. Разлакомясь первой добычей, такъ легко доставшейся, Киргизцы захотѣли воспользоваться и другой. Раздѣлясь на двѣ партіи, разбойники расположили дѣйствія свои такимъ образомъ: одна партія, человекъ изъ шестидесяти, осталась по прежнему въ засадѣ на островѣ, чтобы подкараулить и захватить остальную часть каравана, а другая пошла взморьемъ, мимо устьевъ Урала, въ киргизскія степи, влача за собой плѣнниковъ и весь отбитый караванъ. Минувъ единственный въ то время казачій пикетъ на Гогольской косѣ, что будетъ верстахъ въ двадцати пяти влѣво отъ главнаго устья, эта партія вошла въ прораны и, слѣдуя ими, достигла рѣки Соколка и переправилась на лѣвый берегъ ея, гдѣ былъ главный лагерь разбойниковъ.

При этомъ случаѣ должно объяснить — какимъ образомъ Киргизцы очутились въ засадѣ на островѣ, въ дачахъ Уральскихъ казаковъ, и какъ они узнали, что тѣми мѣстами будетъ слѣдовать караванъ съ товарами.

Еще въ киргизской степи, когда хивинскій караванъ шелъ къ Уралу, выше упомянутая шайка разбойниковъ слѣдила его и кружилась около него, изыскивая случай, какъ бы поживиться добычей, — но напасть на караванъ открытой силой не осмѣливалась, боясь отпора со стороны Хивинцевъ и сопровождавшихъ ихъ Кара-Калпаковъ, довольно хорошо вооруженныхъ. — Когда караванъ пришелъ на линію, Киргизы остановились на берегу рѣки Соколка, и оттуда

наблюдали за дальнѣйшимъ ходомъ его. Одинъ изъ разбойнической шайки Киргизъ, личный притомъ врагъ Струняшева, прокрался въ окрестности Гурьева-городка, и скоро сошелся тамъ съ извѣстнымъ читателю старикомъ Кара-Кузькой, который также, въ свою очередь, пыталъ непримиримую вражду и ненависть къ этому казаку.

Кара-Кузька, такъ неотвязчиво хлопотавшій, чтобы Струняшевъ взялся ѣхать съ караваномъ въ Астрахань, и успѣвшій въ этомъ намѣреніи, извѣстилъ о томъ разбойника, а тотъ свою шайку. Вскорѣ, по льду взморьемъ, гдѣ не было ни пикетовъ и ни разѣздовъ казачьихъ, разбойничья шайка забралась въ глухіе камыши, къ самымъ устьямъ Урала, гдѣ никто не могъ ихъ замѣтить. — Узнавъ отъ Струняшева въ день выѣзда казаковъ, что обозъ пойдетъ прямымъ и ближайшимъ путемъ, черезъ Ракушечій ильмень, Кара-Кузька далъ знать о томъ, какъ мы ужъ видѣли, черезъ лазутчика, разбойникамъ. Причемъ, зная привычку беззаботныхъ рыцарей-казачьихъ дѣлать въ дорогѣ частые привалы, когда у нихъ есть въ запасѣ вино, онъ вѣрно разсчиталъ, что прежде, чѣмъ удалые добры-молодцы доберутся до моря, они не будутъ годны ни на какое дѣло. Это, какъ извѣстно намъ, оправдалось на самомъ дѣлѣ. Передавъ это замѣчаніе разбойникамъ, съ цѣлью — поддержать въ нихъ духъ бодрости, хитрый и мстительный старикъ, между прочимъ, позаботился обезоружить главнаго предводителя казаковъ — Струняшева, вывернувъ, во время проводовъ, незамѣтнымъ образомъ, кремень изъ курка его винтовки.

Оставивъ Русскихъ въ плѣну у Киргизовъ, обратимся въ Гурьевъ-городокъ и посмотримъ, что случилось тамъ.

VIII.

Былъ часъ девятый вечера. Тетка Струняшева и невѣста его, Даша, убравшись вокругъ дома, засвѣтили лампадки и свѣчки предъ кивотомъ, украшавшимъ главный, или такъ называемый передній уголь избы, наполненный образами въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ, и стали молиться Богу. Молились онѣ долго и усердно, молились, разумѣется, о благополучномъ пути милаго имъ Васи и о скоромъ возвращеніи его въ домъ. Не забыли, конечно, и Ивана, возвращеніе котораго въ домъ было для нихъ въ то время также очень дорого.

Тѣмъ временемъ, какъ онѣ молились, нѣсколько разъ тихо входилъ со двора въ сѣни старикъ Кара-Кузька, во весь день, съ тѣхъ поръ, какъ уѣхалъ Вася, въ домъ его не показывавшійся, и каждый разъ, отворивъ немного избяную дверь и посмотрѣвъ на

женщинъ, въ нерѣшительности возвращался назадъ. Что было на умъ мстительнаго Киргиза — положительно опредѣлить нельзя; но во всякомъ случаѣ онъ думалъ недоброе: въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на казачекъ, его трясло, какъ въ лихорадкѣ. Приходъ Киргиза, пожалуй, могъ бы кончиться не совсѣмъ хорошо для семейныхъ Струняшева, еслибъ въ это время не пришла къ нимъ сосѣдка ихъ, дѣвушка Маша, подруга Даши.

Я говорю это на томъ основаніи, что мнѣ, да и каждому прилинейному жителю, хорошо извѣстна мстительность Киргизовъ: для Кара-Кузьки ничего не стоило войти въ избу и хватить ножемъ старуху и дѣвушку. Если онъ этого не сдѣлалъ, то потому только, что, во-первыхъ, не зналъ еще чѣмъ кончилось нападеніе киргизской шайки на Струняшева, и во-вторыхъ, онъ имѣлъ въ виду, какъ послѣ объяснится, утомонить сначала Василья, потомъ брата его Ивана, а наконецъ уже приняться за ихъ семейныхъ, если представится къ тому случай.

Съ приходомъ Маши, хозяйки перестали молиться. Послѣ первыхъ словъ привѣтствія, Маша сообщила имъ радостную вѣсть, слышанную ею, за нѣсколько предъ тѣмъ минутъ, отъ своихъ домашнихъ, что сарайчиковскіе казаки, ѣздившіе въ Саратовъ въ одно время съ братомъ Василья, Иваномъ, возвратились домой, — слѣдовательно должно съ часу-на-часъ ожидать возвращенія и Ивана.

— Ахъ, ты, бѣлая-лебедушка, милая моя Машенька! чѣмъ мнѣ тебя дарить-жаловать? сказала обрадовавшись старуха. — Кабы твоими-та устами да медъ пить, моя дорогая. Спасибо, спасибо, тебѣ, мое сердченько, утѣшила ты меня, на старости лѣтъ, своими добрыми словами; такъ утѣшила, что инда сказать не могу. А ужъ какъ бы хорошо было, еслибъ Иванушка скорѣе пріѣхалъ, присовокупила старуха. — Ты знаешь, Машенька, что нынче мы проводили Васиньку въ Астрахань. Безъ него, нашего яснаго сокола, домъ нашъ, какъ видишь, сдѣлался пустыня-пустыней, — да и на сердцѣ-то словно кошки скребуть, такая тоска-тоская, что и Господи упаси! — Спасибо, спасибо, тебѣ, Машенька, что ты пришла къ намъ въ такую пору, — ты ужъ, касатушка, ночуй у насъ; съ тобой и Дашенька не будетъ скучать, заключила старуха.

— Я для этого и пришла, отвѣчала дѣвушка.

Въ это время вошелъ въ избу Кара-Кузька, и скинувъ треухъ, помѣстился, по обыкновенію, у порога, проговоривъ обычное свое привѣтствіе: «здорово, матышка! здорово, Дашынка!»

— А!! это ты, Кара-Кузька, оказала старуха. — Что тебя, песь блудящій, нынче во весь день не видать было съ тѣхъ поръ,

какъ уѣхалъ Васинька? Бывало, тебя палкой отъ дома нашего не отгонишь, а теперь и калачемъ не заманишь. Что это съ тобой случилось? спросила она Киргиза.

— Такъ, матышка, отвѣчалъ Киргизъ, все сидѣлъ въ своей кибиткѣ, чинилъ старья твои черивики, да думалъ о Васѣ-батырѣ, далеко ли онъ ѣдетъ, молодчикъ, — думаю, здоровъ ли онъ, мой кормилецъ!

— Спасибо тебѣ, Кара-Кузька, что не забываешь Васиньку, сказала старуха.

— Ай, матышка! какъ можно забыть мнѣ Васю-батыря, онъ и день и ночь не выходитъ у меня вотъ отсюда.

Киргизъ показалъ пальцемъ себѣ на лобъ и на грудь.

— Не хочешь ли ты, горемычный, поѣсть? спросила старуха Киргиза.

— Нѣтъ, матышка, не хочу, отвѣчалъ Киргизъ. Съ тѣхъ поръ, какъ проводилъ своего благодѣтеля, Васю-батыря, мнѣ и ѣда на умъ нейдетъ.

Киргизъ говорилъ правду. Ему дѣйствительно не могла идти на умъ ѣда: онъ сильно былъ занятъ мыслію о западнѣ, поставленной для Василя Струняшева и его спутниковъ. Зная трусость и нерѣшительность сообщниковъ своихъ, Киргизовъ, онъ не вполне надѣялся на успѣхъ нападенія ихъ на казачій обозъ, а потому крѣпко боялся неблагоприятныхъ послѣдствій задуманнаго имъ плана. — Мы видѣли, что, уговаривая Струняшева ѣхать въ Астрахань, Кара-Кузька, между прочимъ, высказывалъ ему свои замѣчанія и опасенія насчетъ воровъ-Киргизовъ. Кажется, вовсе бы не слѣдовало ему этого говорить, когда онъ старался заманить Васю въ сѣти, но хитрый Киргизъ имѣлъ въ этомъ свой расчетъ: въ случаѣ неудачнаго нападенія Киргизовъ на казаковъ, онъ оставался внѣ всякаго подозрѣнія въ зломъ умыслѣ.

Болѣе часа Кара-Кузька пробылъ въ домѣ Струняшевыхъ. Во все это время его мучило безпокойство, и не давало ему посидѣть на одномъ мѣстѣ. На лицѣ его было ясно отпечатано чувство тревоги и сомнѣнія, — съ замираніемъ сердца онъ прислушивался къ каждому шороху, по временамъ на дворѣ и на улицѣ слышавшемуся, — со страхомъ и ужасомъ онъ ждалъ той минуты, какъ прискачетъ отъ устья Урала казакъ съ вѣстію о нападеніи Киргизовъ, той роковой минуты, какъ Гурьевцы полетятъ на выручку къ своимъ товарищамъ, — какъ, наконецъ, они разгромятъ его сообщниковъ и тѣмъ совсѣмъ уничтожатъ планъ его предательства. Наконецъ, будучи не въ силахъ долѣе скрывать свое безпокойство, онъ

ушелъ въ кибитку, не принявъ даже, сверхъ обыкновенія, кусокъ хлѣба, которымъ его всегда надѣляли Струняшевы, когда онъ уходилъ отъ нихъ къ себѣ.

Послѣ ухода Киргиза, старуха и дѣвушки принялись за обычные свои занятія: старуха сѣла за прялку, подруга Даши за шитье, а сама Даша стала низать изъ жемчуга роскошную поднизь, которую она готовила для себя къ дѣвичнику, но въ которой не суждено ей было красоваться, — по крайней мѣрѣ для Васи. Прежде рѣзвая и веселая, Даша въ этотъ вечеръ была задумчива и неговорлива. Подруга, зная причину грусти Даши, старалась развеселить ее, рассказывая ей разные забавныя происшествія, которыя, до переѣзда Даши изъ Сарайчика, случались у нихъ въ Гурьевѣ на вечеринкахъ и посидѣлкахъ. Въ разказахъ Маши, веденныхъ большею частію тихонько отъ старухи, заключалось много смѣшнаго и забавнаго для дѣвушекъ, но не занимательнаго для читателей, а потому я объ этомъ умалчиваю. Вскорѣ дѣвушки развеселились, разсмѣялись, и наконецъ расхохотались до такой степени, что обратили на себя вниманіе старухи, сидѣвшей въ другой комнатѣ, за перегородкой.

— Полноте, дѣвки, смѣяться! сказала она имъ; будетъ вамъ, — чему вы ради, что расхохотались, словно мартышки-хохотуши, (*) — полноте потѣшать лукаваго!

— Да что же, тетушка, дѣлать намъ, сказала Маша: плакать что-ли? Дашенька и такъ нынче день-денской плакала: пора и посмѣяться.

— Посмѣяться-то можно, отчего и не посмѣяться, — но хохотать-то не прилично, возразила старуха. — Ваше дѣло дѣвичье, вамъ слѣдуетъ держать себя поскромнѣе, тише воды, ниже травы; а вы, вишь, какъ расхохотались, индо стѣны трясутся. Ну, неровно кто пойдетъ мимо оконъ, да и услышитъ, такъ не очень-то хорошо объ васъ подумаютъ, особенно про тебя, Маша, — вѣдь тебя жениха еще надо, — воздержись, голубушка: долго-ли до грѣха, какъ разъ сочтутъ тебя за какую-нибудь, прости Господи, охальницу, да и станутъ обгѣать, женишки-то. Любя тебя, Машенька, я все это говорю. Перестаньте, мои касатухи.

Дѣвушки замолкли, но чрезъ минуту снова разразились смѣхомъ громче прежняго.

— Ахъ, вы грѣховодницы! не слушаютъ меня, да и на поди, сказала старуха, сплеснувъ руками. — Какъ будто я не дѣло го-

(*) Большая порода морскихъ часкъ, крикъ которыхъ весьма похожъ на хохотъ человека. Часкъ же казаки называютъ вообще мартышками.

ворю. Охъ, молодость, молодость! ничто тебѣ нейдетъ, все бы ты прыгала, да смѣялась, проговорила старуха сама про себя. Потомъ обратясь къ Дашѣ, сказала:

— А ты, Дашура, видно не знаешь пословицу, что соловья баснями не кормятъ. Вмѣсто того, чтобы «сказиньками» заниматься да зубы скалить, вмѣсто всего бы этого ты лучше сходила въ погребъ (въ подполье), достала бы оттуда солененькихъ яблочковъ да виноградцу, да и попотчивала бы гостью-то.

— Сейчасъ, сію минуту, мамушка, проговорила Даша: вотъ только донижу послѣднюю ниточку.

Вскорѣ послѣ этого собесѣдницы сѣли за лакомства, а потомъ снова принялись за свои занятія. Между тѣмъ время ушло ужъ за полночь. Старуха и дѣвушки собирались ложиться спать, какъ вдругъ раздался стукъ въ ворота, а потомъ стонъ, похожій на визгъ собаки.

— Чтобы это значило? сказала старуха. Дашенька, прислушайся-ко ты, у тебя ушки-то молоденькія, свѣженькія. Мнѣ сдается, какъ будто собака скребетъ въ ворота и визжитъ.

Дѣвушка приложилась ухомъ къ надворному окну, ближе другихъ выходившему къ воротамъ, и стала прислушиваться. Черезъ минуту Даша сказала:

— Такъ и есть, мамушка, правда твоя, визжитъ собака, да словно Буйка нашъ.

— Бу-ян-ка! проговорила оторопѣвъ старуха. — Какими же судьбами онъ очутился здѣсь? вѣдь его, знаю, ножомъ не отрѣжешь, дубиной не отобьешь отъ Васишки. Скорѣй, Дашенька, давай фонарь, засвѣти свѣчку, выйдемъ къ воротамъ, посмотримъ, что за притча такая. Охъ, мать Пресвятая Богородица! сердце такъ и ёкнуло, будто несчастіе какое чуетъ, говорила старуха, охая и вздыхая, тѣмъ временемъ, пока дѣвушка приготавливала фонарь.

Черезъ минуту отворивъ ворота, женщины были поражены ужасомъ: предъ ними явился полуживой, облитый кровью, Буйка. Валяясь по землѣ и ползая у ногъ женщинъ, собака визжала и стонала, наконецъ жалобно завывла. Увидѣвъ раны и кровь на Буйкѣ, старуха и дѣвушки ахнули и остолбенѣли отъ ужаса. При этомъ случаѣ, Даша просто обезумѣла и выронила изъ рукъ фонарь. Прежде всѣхъ пришла въ себя Маша, какъ лице постороннее, и тотчасъ побѣжала домой, разбудивъ тамъ отца и всѣхъ домашнихъ. Вскорѣ, потомъ, вѣсть объ этомъ разнеслась по всему Гурьеву и всполошила обывателей. Домъ Струняшевыхъ наполнился казаками, встревоженными такимъ страннымъ явленіемъ, которое, впрочемъ,

ясно говорило, что съ казаками, уѣхавшими въ Астрахань, случилось какое-то несчастье, но какое именно — того никто положительно опредѣлить не могъ. Догадывались только, что, можетъ статься, на обозъ казачій напали гдѣ-либо Киргизы, что у казаковъ съ Киргизами была драка, что въ общей свалкѣ изранили собаку, но чтобы Киргизы одержали верхъ надъ казаками — тому никто почти не хотѣлъ вѣрять! такъ сильно у казаковъ сознание своего превосходства предъ ордынцами. Нѣкоторые изъ казаковъ даже предполагали, что собака могла отстать отъ хозяина спроста, сама собой, но, возвращаясь домой, напала гдѣ-либо въ камышахъ на кабана: и тотъ ее изранилъ.

Въ такихъ толкахъ и пересудахъ прошло немало времени. Наконецъ въ толпу казаковъ пришелъ изъ слободки старый казакъ М. Калмыковъ, испытавшій на своемъ вѣку много разныхъ приключеній. Осмотрѣвъ израненую собаку, онъ обратился къ окружавшимъ его казакамъ и сказалъ:

— Плохое дѣло, атаманы-молодцы! больно плохое! По ранамъ на собакѣ видно, что ее скололи копьемъ и измясничали топоромъ, а всего вѣрнѣе чаканомъ. Не давай Царь пайку, ежели это не правда. Что ни толкуй, а это дѣло рукъ поганныхъ басурмановъ. Объ одномъ только я думаю, думаю и не вѣрю — какъ наши добры-молодцы дали одолѣть себя нехристямъ, а это ужъ вѣрно, вѣрнѣе смерти: собака, знаю, ни за какія блага не отстанетъ отъ хозяина, безъ важной причины. Навѣрно Василій Ивановичъ или въ полонъ взятъ Киргизами или убитъ, а съ нимъ, разумѣется, и всѣ товарищи его. — Впрочемъ, трудно бы, кажись, Киргизамъ одолѣть нашихъ, вѣдь ихъ, извѣстно, болѣе десяти человекъ, но на грѣхъ, говорится, мастера нѣтъ. Могло статься, что Киргизы, пронюхавъ про хивинскій караванъ, собрались огромной партіей, зашли гдѣ нибудь въ камышахъ, да и нагрянули на нашихъ врасплохъ. Или всего вѣрнѣе, какъ я своимъ умомъ-разумомъ мекаю, сгубила нашихъ добрыхъ молодцевъ злодѣйка чарочка. Да, да, попуталъ ихъ лукавыи! Знать на каждомъ шагу, грѣховодники, дѣлали привалы, да цѣловались съ боченками, а въ этомъ, вѣдь, добра немного. Такъ, такъ! вѣрно ужъ такъ случилось, хоть къ бабушкѣ не ходи! заключилъ Калмыковъ. — Много толковать нечего тутъ, прибавилъ онъ наконецъ; а надо «гнать», сейчасъ, сію минуту гнать!

Подъ словомъ «гнать» разумѣлось — собрать команду казаковъ и пуститься въ погоню за Киргизами.

— Гнать, такъ гнать! сказали въ одинъ голосъ казаки.

Послѣ того всѣ бросились по домамъ и стали готовиться къ походу; а старикъ Калмыковъ пошелъ къ атаману, объявить ему о случившемся и просить его распоряженія о командированіи казачей партіи для поисковъ за Киргизами. Атаманъ тотчасъ на это согласился, но онъ былъ боленъ, не могъ самъ предводить казаками, а помощникъ его, эсауль, или такъ называемый *походный* атаманъ, находился въ то время въ отлучкѣ, гдѣ-то на линіи, — а потому начальство надъ командой было поручено старику Калмыкову, который самъ на это вызвался.

Вскорѣ запылали на городской площади костры камыша и освѣтили суровыя и грозныя лица казаковъ. Не дожидаясь обыкновеннаго, условнаго сигнала, по однимъ ужъ только словамъ Калмыкова, казаки немедленно собрались въ походъ, полные отваги и чувства справедливой мести. Каждый изъ казаковъ принималъ живое участіе въ судьбѣ Струняшева и его спутниковъ, — да иначе и не могло быть: потому-что въ числѣ ихъ были — у кого сынъ, у кого братъ, у кого свать. Оттого каждый казакъ и горѣлъ нетерпѣніемъ — какъ можно скорѣе встрѣтиться съ Киргизами, чтобы отплатить имъ сторицею за ихъ хищничество.

— «Скорѣй веди насъ, Михайло Ивановичъ!»

— «Мочи нѣтъ, товарищъ, такъ долго ждать!»

— «Всѣ руки мы обчесали отъ нетерпѣнія!»

Вотъ такими-то, и подобными имъ, словами, встрѣтили нетерпѣливые казаки Калмыкова, когда явился онъ къ нимъ отъ атамана, къ которому ходилъ онъ въ другой разъ для полученія окончательнаго наставленія, какъ дѣйствовать противъ воровъ-Киргизовъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, атаманы молодцы! сказалъ Калмыковъ, садясь на лошадь; потомъ, прекрестясь, онъ скомандовалъ: «впередъ, друзья!»

Отрядъ тронулся и тихо сталъ выходить изъ города, напутствуемый благословеніями народа, который въ то время весь былъ на площади. Спустившись на ледъ, отрядъ пошелъ на рысяхъ по слѣду, проложенному обозомъ.

Быть можетъ, кому-нибудь изъ читателей, при чтеніи этихъ строкъ, угодно будетъ задать вопросъ: какимъ-де образомъ явилась въ Гурьевѣ собака Струняшева, когда мы видѣли еѣ павшею подъ ударами Киргизовъ? — Очень простимъ, естественнымъ, отвѣчаю я. — Исколотая, израненая, но не до смерти добытая — на что, ко-

нечно, никто изъ Киргизовъ не обратилъ вниманія — собака нѣкоторое время лежала на льду, гдѣ было побоище, а потомъ, благодаря живучести своей породы, отдохнула, встала, и, не видя тутъ хозяина, прибѣжала домой. Вотъ въ этомъ и исторія вся.

Густой туманъ, застилая слѣды обоза, и безъ того довольно неясные, по причинѣ гладкости льда, замедлялъ ходъ отряда. Только наразсвѣтъ отрядъ достигнулъ Ракушечьяго ильмена. Доѣхавъ до того мѣста, гдѣ была драка у казаковъ съ Киргизами, Гурьевцы увидѣли трупъ убитаго своего земляка и слѣды крови, а съ острова, гдѣ располагались разбойники, нанесло на нихъ запахъ дыма. Этого было довольно казакамъ, чтобы понять сущность дѣла. Благословясь и перекрестясь, они подобрали поводья, взяли пикн на перевѣсъ, молча, но быстро, подступили къ самому острову и — съ крикомъ «ура!» бросились на станъ Киргизовъ.

Нѣкоторые изъ разбойниковъ только что въ это время просыпались, и разводили огни, а большая часть ихъ преспокойно спала, не чуя грозы, такъ неожиданно надъ ними разразившейся.

И безъ того трусливые и живото-любивые, какъ выше замѣчено, Киргизы, застигнутые нечаяннымъ и быстрымъ нападеніемъ Гурьевцевъ, не то чтобы оробѣли, а просто-на-просто обезумѣли. Никто изъ нихъ не думалъ о сопротивленіи, а каждый искалъ спасенія — и нигдѣ не находилъ его. — Казаки, озлобленные поступкомъ Киргизовъ, дрались отчаянно, не давали пощады ни одному разбойнику, и почти всѣхъ ихъ положили на мѣстѣ. — Не многіе изъ воровъ успѣли было запрятаться въ трущобы камышей, но казаки и тамъ ихъ находили и — кололи. — Другіе, вскочивъ на лошадей, искали спасенія въ бѣгствѣ, но казаки нагоняли ихъ и — побивали. Этому много способствовало еще то, что лошади у Киргизъ были не подготованы, а потому, скользя по льду, не могли скакать быстро. Только какихъ-нибудь два-три Киргиза успѣли пѣшкомъ перебѣжать съ острова на твердую землю и тамъ скрыться въ камышахъ.

При этомъ случаѣ, полагаю, излишнимъ будетъ рассказать одинъ случай, показывающій крѣпость желѣзнаго тѣлосложенія Киргизовъ и неимовѣрную живучесть ихъ дикой природы. Во время преслѣдованія Киргизовъ, подъ однимъ изъ казаковъ захромала лошадь. Щада своего коня, казакъ вздумалъ воспользоваться на это время, киргизскимъ. Не подалеку отъ себя онъ увидѣлъ оседланную

лошадь, а у ногъ ея лежащаго Киргиза, неподвижнаго и по видимому убитаго. Казакъ, подѣхавъ къ Киргизу, захотѣлъ однакожь удостовѣриться — убитъ-ли онъ или только, раненый, притворился убитымъ. Въ подобныхъ хитрыхъ продѣлкахъ казаки не разъ замѣчали Киргизовъ. — Не слѣзая съ лошади, казакъ кольнулъ пикой Киргиза въ бокъ — Киргизъ не пошевелился, — казакъ ткнулъ Киргиза въ другой бокъ — Киргизъ опять не пошевелился, — наконецъ казакъ ударилъ Киргиза въ спину, противу груди, и ударилъ такъ сильно, что пика, пройдя сквозь Киргиза, уперлась въ ледъ — но Киргизъ все-таки не тронулся. Тогда казакъ съелъ его убитымъ, сошелъ съ лошади, привязалъ ее за ременный кушакъ Киргиза, сѣлъ на его лошадь, и потѣхалъ ратовать противъ разбойниковъ. Черезъ полчаса, когда казаки покончили съ Киргизами дѣло, казакъ этотъ возвратился къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свою лошадь, но ни ее, ни вора-Киргиза тамъ не было. Только кровавый слѣдъ отъ того мѣста къ берегу означалъ, что Киргизъ ушелъ, привязанную за его кушакъ казачью лошадь увелъ и вмѣстѣ съ ней скрылся въ камышахъ. Казаки бросились было искать этого Киргиза, но скорѣ оставили поиски, въ томъ убѣжденіи, что воръ ускакалъ далеко. — Между тѣмъ черезъ полгода, во время сѣнокоса, нашли Гурьевцы въ камышахъ остовъ человѣка и остовъ лошади съ сѣдломъ. По сѣдлу, разумѣется, узнали, что человѣкъ этотъ былъ не кто другой, какъ самый воръ-Киргизъ, уведшій казачью лошадь. Хотя Киргизъ, скрывшись съ мѣста сраженія, и умеръ въ камышахъ, но за всѣмъ тѣмъ нельзя не подивиться — откуда взялось у него столько силы, чтобы послѣ такихъ ранъ, изъ которыхъ послѣдняя, нанесенная казакомъ, была смертельна, уйдти на значительное разстояніе, а главное — откуда имѣть ему столько крѣпости и терпѣнія, чтобы не пошевелиться и не тронуться въ то время, какъ казакъ кололъ его пикой? Да, такое терпѣніе, такую крѣпость можно только встрѣтить въ натурѣ Киргизовъ.

IX.

Разбивъ и разгромивъ Киргизовъ, казаки вспомнили о Струняшевѣ и о его товарищахъ. Немедленно собрали пожитки и всѣхъ лошадей Киргизовъ, и все это подъ прикрытіемъ десяти человѣкъ отправили въ Гурьевъ. Съ остальными казаками приказный Камыковъ поскакалъ по слѣдамъ каравана, увлеченнаго въ плѣнъ разбойниками, въ надеждѣ догнать Киргизовъ и выручить своихъ. Но было уже поздно. Около полудня, отрядъ прискакалъ къ рѣкѣ Со-

колку, но Киргизы давно уж находились за Соколомъ, въ своей степи, куда казаки не смѣли сдѣлать шагу. Не смѣли казаки ѣхать за Соколомъ не потому, чтобы боялись Киргизовъ, а потому, что въ описываемое мною время существовало на Уралѣ постановленіе, воспрещавшее казакамъ преслѣдовать Киргизовъ за Ураломъ.

Когда и къмъ сдѣлано такое для казаковъ постановленіе — намъ положительно неизвѣстно. Но что оно дѣйствительно было и существовало съ давнихъ временъ вплоть до 1823 года — намъ говорить объ этомъ, кромѣ изустныхъ преданій современниковъ, письменные акты, сохранившіеся въ войсковомъ архивѣ. Вслѣдствіе какихъ причинъ состоялось такое постановленіе, намъ также положительно неизвѣстно. Но, во всякомъ случаѣ, должно безошибочно предположить, что мѣстное (Оренбургское) начальство, дѣлая такое постановленіе, имѣло въ виду, или отнять у казаковъ поводъ и всякую возможность къ ссорамъ и дракамъ съ Киргизами и съ прочими народами, обитающими за Ураломъ, или, наконецъ, охранить и самихъ казаковъ отъ потерь и поражений, которымъ они легко могли подвергаться, увлекаясь малочисленными партіями въ погоню за Киргизами, и попадая на засаду огромныхъ воровскихъ партій, — чему много было примѣровъ и въ позднѣйшее время. И то, и другое предположеніе правдоподобно; и то, и другое порознь, и оба, наконецъ, вмѣстѣ могли служить достаточной причиной, вслѣдствіе которой воспрещено было казакамъ пускаться за Уралъ вооруженными партіями.

Впрочемъ, я даю больше вѣры первому предположенію, чѣмъ послѣднему, и не безъ основанія. Не вдаваясь въ длинныя по этому случаю разсужденія, я выскажу мнѣніе мое въ короткихъ словахъ.

Предки наши — нечего грѣха таить — хотя и предались въ подданство Царя Михаила Феодоровича, но долго послѣ того жили безтолково, беспорядочно. Они какъ хотѣли, какъ знали, такъ и поступали съ окружавшими ихъ дикими народами. Не разъ летучіе отряды ихъ появлялись за Ураломъ между ордынцами, — не разъ громили они Киргизовъ и Хивинцевъ — первыхъ за то, что они ловили Русскихъ и продавали въ Хиву, а послѣднихъ за то, что, покупая отъ Киргизовъ плѣнниковъ, обращались съ ними варварски.

Изъ разсказовъ Рычкова, помѣщенныхъ имъ въ «Истор. Оренб. Краю», мы видимъ, что между 1730 и 1734 г. Яицкіе (Уральскіе)

казаки, напавъ на Каракалпаковъ, кочевавшихъ около Аральскаго моря, нѣкоторыхъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ. Императрица Анна, въ грамотѣ къ Каракалпакамъ, отъ 10 июня 1734 года, подтверждая согласіе свое на принятіе этого народа въ подданство Россіи, принесенное имъ еще въ 1731 году, между прочимъ, говоритъ: «И что отъ нашихъ подданныхъ Яицкихъ казаковъ, за невѣдніемъ «вашего вступленія въ наше подданство, взяты въ плѣнъ нѣкоторые Каракалпаки — тѣхъ (повелѣли) отыскавъ вамъ возвратить, «и впредь имъ, Яицкимъ казакамъ, то чинить запретить.» Этихъ немногихъ словъ, кажется, достаточно для того, чтобы понять причину, на основаніи которой запретили казакамъ погоню за Киргизами.

Далѣе мы видимъ дѣла и распоряженія Неплюева, основателя Оренбурга. Неплюевъ (1742—1748 г.), устроивая линію по Уралу, обратилъ вниманіе и на Яицкихъ казаковъ, какъ на корень Русскаго народонаселенія въ томъ краѣ. Согласуясь съ видами правительства и руководствуясь указами изъ военной коллегіи, которой, со временъ Петра Великаго, были подчинены Яицкіе казаки, Неплюевъ, между разными измѣненіями и постановленіями, какъ извѣстно намъ, указалъ казакамъ гдѣ строить крѣпости и форпосты, и какъ оберегать линію отъ киргизскихъ набѣговъ.

Вотъ въ это-то время, должно полагать, и послѣдовало воспрещеніе казакамъ пускаться за Уралъ въ погоню за Киргизами. Но послѣдовало это воспрещеніе — не мѣшаетъ, послѣ всего выше сказаннаго, повторить — не изъ другихъ какихъ видовъ, какъ только изъ тѣхъ, чтобы отнять у казаковъ поводъ къ набѣдамъ на киргизскіе улусы. Мѣра эта, во многомъ стѣснительная для казаковъ, о чемъ будетъ объяснено ниже — имѣла, однакожь, своего рода пользу. Казаки, безпрестанно тревожимые набѣгами Киргизовъ естественно, питали къ нимъ большую ненависть, а потому, преслѣдуя за Ураломъ воровъ, казаки могли бить-колотить всякаго встрѣчнаго-поперечнаго ордынца, не разбирая виноватъ ли, правъ ли онъ, и тѣмъ раздражать мирныхъ Киргизовъ, которыхъ между тѣмъ правительство наше старалось обласкивать, привлекать къ совершенной покорности.

При такихъ отношеніяхъ казаковъ къ Киргизцамъ, нужно же было, наконецъ, принять какія-нибудь мѣры, чтобы обезопасить казаковъ отъ киргизскихъ набѣговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ охранить отъ обидъ и мирныхъ Киргизовъ. Такъ и было сдѣлано, т.-е., воспретили казакамъ преслѣдовать воровъ въ киргизской степи,

предоставивъ, между тѣмъ, имъ право бить воровъ-Киргизовъ, которые стануть показываться на правомъ берегу Урала.

Что постановленіе это существовало на Уралѣ съ давнихъ временъ — и именно со временъ губернатора Неплюева, это также не подлежитъ сомнѣнію. Въ подтвержденіе этого, я приведу одинъ случай, рассказанный Рычковымъ, въ прибавленіяхъ его къ «Ист. Ор. Края.»

Въ концѣ января 1747 г., одна киргизская воровская партія прокралась изъ-за Урала ниже Гурьева-городка льдомъ по взморью, и пошла къ берегамъ Волги, съ цѣлью ограбить калмыцкіе улусы. Но Калмыки, извѣщенные о томъ казаками, перешли съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ надѣялись встрѣтить ихъ Киргизы, на другія, и тѣмъ спаслись отъ раззоренія. Безъ всякой добычи Киргизы возвращались назадъ, и въ половинѣ февраля, при урочищѣ «Зеленой Колокѣ», гдѣ нынѣ Зеленовскій форпостъ, стали переходить чрезъ Уралъ. Но тутъ встрѣтили ихъ казаки, и — завязалась драка. Съ вечера до полуночи сражались казаки съ Киргизцами, побили изъ нихъ человекъ до пятидесяти, отбили болѣе ста лошадей, и взяли въ плѣнъ одного старшину. Достальные Киргизы успѣли перебраться за Уралъ и уйти въ свои улусы. Казаки, говоритъ Рычковъ, не преслѣдовали ихъ.

Казаки, замѣчаю я, оставшись побѣдителями, не преслѣдовали кровныхъ враговъ своихъ, которые не давали имъ, ни днемъ, ни ночью, покоя! Да это дѣло неслыханное, дѣло невѣроятное! да это такое обстоятельство, надъ которымъ поневолю призадумаешься. Я бы не повѣрилъ и Рычкову, если бъ не былъ убѣжденъ, что въ то время существовало такъ часто упоминаемое постановленіе, которое воспрещало казакамъ погоню за Киргизами въ ихъ степи, и о которомъ я много разъ слыхалъ отъ стариковъ. Не будь этого постановленія — казаки ни за какія блага не оставили бы Киргизовъ въ покоѣ, — они преслѣдовали бы ихъ и за Ураломъ.

Выше замѣчено, что такое постановленіе было невыгодно и стѣснительно для казаковъ. Это правда. Пользуясь этимъ постановленіемъ, Киргизы вольничали и разбойничали безнаказанно. — Зная, что казаки не смѣютъ переходить чрезъ Уралъ, въ ихъ степи, они преспокойно собирались тамъ, вблизи казачьихъ станицъ, большими партіями, и, выбравъ удобное время и мѣсто, переплывали Уралъ, нападали невзначай на малыя и безоружныя толпы проезжихъ или прохожихъ, полонили ихъ, уводили въ степь, и потомъ продавали въ Хиву, гдѣ Русскіе терпѣли всякаго рода тиранства и мученія.

Бывало не пройти ни одно лѣто на линіи благополучно. Только и слышно, бывало, рассказываютъ старожилы, что тамъ-то и тамъ-то напали Киргизы или на проѣзжихъ, или на бахчи и огороды, и увели въ поляхъ того-то и того-то. О набѣгахъ на конскіе табуны и говорить нечего: не проходило ночи, чтобы гдѣ-нибудь Киргизы не отбили и не угнали за Уралъ казачьихъ лошадей.

Больше всего терпѣли отъ Киргизовъ женщины и дѣти. Эти несчастныя, бывало, лучше и не показывайся за форпостной или крѣпостной оградой: тамъ за каждымъ кустомъ, въ каждомъ оврагѣ, подстерегалъ ихъ хищный Киргизъ съ арканомъ, и полонилъ. Казакъ съ винтовкой и пикой, разумѣется, былъ страшенъ для Киргиза. Но за всѣмъ тѣмъ казакамъ не весьма-то легко было жить на Уралѣ и управляться съ Киргизами. Выѣзжая на покосы или на рыбную ловлю, казаки, даже въ виду своихъ жилищъ, должны были имѣть такую же точно предосторожность, какая обыкновенно соблюдается во время войны на передовой цѣпи арміи, стоящей въ виду непріятеля. Такъ, напримѣръ, кося сѣно, казакъ имѣлъ на себѣ, черезъ плечо, заряженную винтовку, а на лѣвой рукѣ, на погонѣ, влчилъ за собой пикю. Или, двое казаковъ войдутъ, бывало, съ сѣтью или съ бреднемъ въ воду, а другіе двое должны, въ это время, стоять на берегу и держать на готовѣ ружья. Или, женщины и дѣти пойдутъ, бывало, въ огороды или на бахчи, а за ними, смотришь, слѣдуютъ вооруженные мужья и братья. Словомъ, и день и ночь казаки были на стражѣ.

Но вся невыгода, все несчастіе для казаковъ заключалось не въ набѣгахъ киргизскихъ, а въ томъ, что казакамъ не дозволялось переходить чрезъ Уралъ, чтобы бить тамъ разбойническія партіи. Хорошо, если удавалось казакамъ подстеречь Киргизовъ на правой, т.-е. на внутренней сторонѣ Урала: тутъ казаки душили ихъ какъ мухъ. Но чаще всего случалось, что Киргизы, зоркіе какъ хищныя птицы и чуткіе какъ тюлени, узнавъ за собой погоню или только тревогу на форпостахъ, тотчасъ перебирались впасть, гдѣ ни попало, за Уралъ, и выйдя на лѣвый берегъ его, оставались внѣ всякой опасности. Тогда и люди и скоть, захваченные ими на линіи, оставались въ ихъ рукахъ.

Не рѣдко Киргизы пускались на хитрости, и лживыми маневрами обманывали бдительность казаковъ. Такъ, напримѣръ, одна партія Киргизовъ приблизится къ Уралу, нарочно остановится на какой-нибудь возвышенности, и дастъ замѣтить себя казакамъ. Казаки, увидѣвъ Киргизовъ, сосредоточиваютъ все свое вниманіе и въ своемъ

силы противъ того пункта, гдѣ ожидаютъ перелеза чрезъ Уралъ разбойниковъ. Между тѣмъ другая воровская партія, выше или ниже этого мѣста въ нѣсколькихъ верстахъ, безпрепятственно перейдетъ Уралъ, захватитъ скотъ, заполонитъ людей и уйдетъ въ степь. Поднимется, бывало, тревога; послышатся со всѣхъ сторонъ восклицанія: «держи, лови! ахъ! охъ! что такое?» но уже поздно, ничего не сдѣлаешь: Киргизы убрались во свояси.

Сколько разъ случалось, что дерзкіе наѣзники изъ Киргизовъ подъѣдутъ бывало къ Уралу, и, ставъ внѣ ружейнаго выстрѣла, переговариваются съ казаками и насмѣхаются надъ ихъ стѣсненнымъ положеніемъ. Кусають, бывало, казаки съ досады губы, да и только.

Такой образъ военныхъ дѣйствій противъ Киргизовъ продолжался у казаковъ до 1823 года. Въ этомъ году, или годомъ-двумя раньше, линейные красноярскіе казаки, подъ командой приказнаго Козьмы Ефремова, увлеклись однажды въ погоню за Киргизами въ ихъ степи. Поступокъ со стороны казаковъ — самовольный. Но причины, къ нему побудившія, превзошли всякое терпѣніе казаковъ. Это случилось вотъ какъ. — Въ темную и бурную ночь воровская киргизская партія, въ окрестностяхъ Котельновскаго форпоста верстахъ въ тридцати выше Красноярскаго, перебравшись незамѣтнымъ образомъ чрезъ Уралъ на внутреннюю сторону. Отъ Котельновскаго форпоста она пошла внизъ, и на разсвѣтъ дошла до Красноярскаго. Въ это время весь конскій табунъ красноярскихъ жителей пасся верстахъ въ восьми отъ форпоста на рѣкѣ Багырдаѣ, подъ присмотромъ двоихъ или троихъ казаковъ. Киргизы, разумѣется, не преминули воспользоваться этимъ случаемъ: они захватили табунъ. Трое косяшниковъ не могли и думать о сопротивленіи Киргизамъ, которыхъ было человекъ до шестидесяти. Они тотчасъ поскакали на форпостъ извѣстить команду. За небытностію офицера, командой и всѣмъ форпостомъ завѣдывалъ вышеупомянутый приказный Ефремовъ. Онъ немедленно собралъ команду и пустился съ ней за ворами, но и воры не дремали. Тѣмъ временемъ, пока косяшники скакали на форпостъ, Киргизы успѣли подогнать казачьихъ лошадей къ Уралу, и стали плавить ихъ на ту сторону. Въ то время, какъ казачья команда явилась на мѣсто переправы, Киргизы были ужъ за Ураломъ, со всѣми казачьими лошадьми. Въ отчаяніе пришли казаки отъ такого событія, да и нельзя было не придти въ отчаяніе: все состояніе ихъ, т.-е. весь ихъ конскій табунъ, лошадей болѣе трехъ-сотъ, былъ въ рукахъ разбойниковъ.

Такая страшная потеря была слишком чувствительна для казаковъ. Они не могли перенести ее равнодушно. Подъ вліяніемъ чувства ненависти и мести къ Киргизамъ, казаки забыли постановленіе, воспрецавшее преслѣдованіе Киргизовъ за Ураломъ, — забыли страхъ наказанія, которому подвергались за ослушаніе, — забыли все, кромя мести, и пустились за Уралъ. Рѣшимость казаковъ увѣчалась полнымъ успѣхомъ. Киргизы, вовсе не предполагая за собой погони, не спѣшили уходомъ. Казаки скоро ихъ нагнали и ударили въ пики; болѣе половины разбойниковъ легло на мѣстѣ, другіе обратились въ бѣгство. Казаки гнали ихъ до урочища Каракуля, что будетъ отъ Урала верстахъ въ шестидесяти. Тамъ воры разбѣжались по камышамъ и скрылись. Отбивъ своихъ лошадей и захвативъ часть киргизскихъ, казаки возвратились на Уралъ.

Но происшествіе это не осталось втунѣ, оно возродило судъ и дѣло. Приказный Козьма Ефремовъ, на вопросъ дистанчнаго атамана, какъ онъ смѣлъ рѣшиться на такой поступокъ? отвѣчалъ въ простотѣ сердечной: «виноватъ, отецъ командиръ, вѣдь они, мошенники, (Киргизы) въ раззоръ насъ разоряютъ! Пиши отецъ командиръ, «липортъ» объ этомъ войсковой канцеляріи, да обо мнѣ одномъ пиши, а о командѣ не пиши: она не виновата, виноватъ я одинъ. Пусть меня одного судить Богъ и военная коллегія! заключилъ Ефремовъ, а команда не виновата».

Наконецъ вся эта исторія кончилась въ пользу Ефремова и всѣхъ казаковъ. Войсковое начальство, вникнувъ въ положеніе народа, и долговременнымъ опытомъ убѣдясь, что къ пресѣченію дерзости Киргизовъ нѣтъ другихъ средствъ, какъ только дозволить казакамъ преслѣдовать воровъ—Киргизовъ и за Ураломъ—вошло объ этомъ съ представленіемъ къ оренбургскому губернатору, Эссену. Признавъ представленіе войсковой канцеляріи справедливымъ, Эссенъ далъ на то свое разрѣшеніе. Это послѣдовало въ октябрь 1823 г. При этомъ случаѣ постановлено, однакожь, правиломъ, что казачья команда, въ какомъ бы она составѣ ни была, если только начальникомъ ея будетъ не офицеръ, а урядникъ или приказный (т.-е. нижній чинъ), не смѣетъ преслѣдовать Киргизовъ въ степи на разстояніи дальше десяти верстъ отъ Урала. Офицеру же съ командой дозволяется пускаться въ погоню за ворами на цѣлые сутки ѣзды. Правило это до сихъ поръ служитъ руководствомъ на линіи, между линейной командой, — хотя, въ самомъ дѣлѣ, въ немъ нѣтъ уже надобности, потому что съ тѣхъ поръ, какъ дозволили казакамъ преслѣдовать Киргизовъ за Ураломъ, Киргизы годъ отъ году стали тише и тише, набѣги ихъ рѣже и рѣже, наконецъ чрезъ де-

сятъ лѣтъ совсѣмъ прекратились. Теперь на линіи, какъ Уральской, такъ и Оренбургской, благодаря благоразумнымъ мѣрамъ мѣстнаго высшаго начальства, царствуетъ совершенная тишина, исключая, разумѣется, частныхъ случаевъ воровства и конокрадства.

Хотя на Каспійскомъ морѣ Туркменцы и Киргизы, Адайскаго рода, продолжали разбойничать до 1836 года, но въ этомъ году, полковникъ Мансуровъ, съ отрядомъ Уральцевъ, ходилъ, по-льду черезъ море, на полуостровъ Мангишлакъ, и, наказавъ тамъ дерзкихъ ордынцевъ, отбилъ у нихъ охоту къ грабежамъ.

Вотъ такое-то постановленіе существовало на Уралѣ въ старину, т.-е. въ то время, когда Василій Струняшевъ попался съ товарищами въ плѣнъ къ Киргизамъ. Вотъ вслѣдствіе этого-то постановленія приказный гурьевской команды, Михайло Калмыковъ и долженъ былъ остановиться у рѣчки Соколка и возвратиться въ Гурьевъ-городокъ, оставя на произволь судьбы Струняшева и его товарищей въ рукахъ воровъ-Киргизовъ.

(Будетъ продолженіе).

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ АВТОРА «УРАЛЬСКОЙ СТАРИНЫ» РЕЦЕНЗЕНТУ «БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ».

Въ ноябрьской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», въ отдѣлѣ Журналистики, помѣщена рецензія, сама по себѣ небольшая, но съ большими укорицами противъ моей статьи: «Уральская старина», напечатанной въ 18 № «Москвитянина». — Если бы дѣло шло собственно о литературныхъ недостаткахъ моей статьи, я ужь, конечно, не сказалъ бы противъ этого ни слова. Но такъ какъ рецензентъ находитъ рассказъ мой, содержаніе котораго взято съ истиннаго происшествія, не правдоподобнымъ, то я и рѣшаюсь отвѣчать на его замѣчанія для того только, чтобы вывести изъ недоумѣнія тѣхъ читателей, которые незнакомы съ бытомъ уральскихъ казаковъ и самыхъ близкихъ сосѣдей ихъ — Киргизовъ.

«Уральская старина — (говорить рецензентъ) — чрезвычайно интересна по заглавію, но въ сущности весьма неправдоподобна».

Приговоръ, изволите видѣть, рѣшительный, который хоть кого можетъ сбить съ толку.

«Начать съ того — (продолжаетъ рецензентъ) — что на такъ называемой гонкѣ двѣушекъ у Киргизовъ, Русскіе (разумѣть надо

казаковъ) не бывали (какъ ошибается рецензентъ!), а если и бывали (немного поправляется), то ужъ никакъ не принимали въ ней участія (опять ошибается, крѣпко ошибается!) по слѣдующей простой причинѣ: *гонка дѣвушекъ* есть выборъ жениховъ и невѣстъ (не всегда такъ), а русскіе какъ христіане не считались имѣющими право выбирать себѣ невѣсту—Киргизку (не совсѣмъ правда, какъ увидимъ ниже). Слѣдовательно: Струняшевъ, герой разсказа (замѣтьте, казакъ) не могъ скакать (а онъ дѣйствительно скакалъ) за Алтыной (киргизская дѣвушка), и т. д.»

Буду отвѣчать на всѣ эти замѣчанія попорядку. Сказавъ, что «Русскіе если и бывають на такъ называемой *гонкѣ дѣвушекъ*, то ужъ никакъ не принимаютъ въ ней участія», рецензентъ жестоко ошибся, а ошибся отъ того, что все это онъ сказалъ понаслышкѣ. Киргизы (я говорю о Киргизахъ сосѣдяхъ уральскихъ казаковъ, а не о всѣхъ вообще Киргизахъ, кочующихъ на необъятномъ пространствѣ за-уральскихъ степей, около границъ Сибири, Китая, Кокана, Хивы и Бухары; тамъ, быть можетъ, Киргизы имѣютъ совсѣмъ другіе нравы и обычаи, чѣмъ при-уральскіе линейные, — я этого не знаю, да и гдѣ жъ мнѣ знать? я не ориенталистъ)... Киргизы — сосѣди Уральцевъ очень охотно допускають Русскихъ въ свои игры и увеселенія; даже за особое удовольствіе считаютъ видѣть казака въ кругу своемъ, на всѣхъ пирахъ и увеселеніяхъ, на всѣхъ забавахъ и играхъ, въ томъ числѣ и на «гонкѣ дѣвушекъ». Все это я знаю не понаслышкѣ, какъ и каждый, кто родился и взросъ на Уралѣ, и мнѣ очень легко было бы придумать сцену, для знакомства Струняшева съ Алтыной, въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ, а не на «гонкѣ дѣвушекъ», еслибъ дѣйствительно въ эту игру не допускались казаки, и еслибъ дѣйствительно Струняшевъ не принималъ въ ней участія.

Далѣе рецензентъ говоритъ, что Русскіе не могли участвовать въ этой игрѣ по той причинѣ, что игра эта есть выборъ жениховъ и невѣстъ, а Русскіе, какъ христіане, не имѣли права выбирать себѣ невѣсту — Киргизку. Противъ послѣдняго я не стану спорить, но если о «гонкѣ дѣвушекъ» говорить, какъ о выборѣ жениховъ и невѣстъ, — то какое же значеніе должны имѣть и другія игры и забавы Киргизовъ, какъ напримѣръ: скачка, борьба, бѣганье въ запуски, и т. подобное, гдѣ такъ-же, какъ и на «гонкѣ дѣвушекъ», присутствуютъ женщины и дѣвушки, гдѣ такъ же оба пола сближаются между собой и гдѣ также участвуютъ и Русскіе?

Положимъ, что на «гонкѣ дѣвушекъ» и на другихъ собраніяхъ, киргизская молодежь, между прочимъ, имѣетъ цѣлью — высматри-

вать невѣсть. Положимъ, что Русскіе, какъ христіане, не считались, по понятіямъ Киргизовъ — магометанъ, имѣющими право выбирать невѣсть—Киргизокъ: — это естественно; но кто же могъ воспретить молодому казаку, отъ нечего-дѣлать, пощеголять и погарцовать на удаломъ конѣ между сосѣдами своими, мирнымъ Киргизами, которые не гнушались присутствіемъ его въ своемъ кружкѣ. Прибавлю еще, если казаки нарочно не выбираютъ себя невѣсть—Киргизокъ, то *при случаѣ*, когда выходитъ партія, не отказываются доднесь отъ женитьбы на нихъ. Такъ было и съ Струняшевымъ. Онъ случайно попалъ на киргизскій праздникъ, случайно поскакалъ за Алтыной, случайно узналъ о склонности ея къ себѣ; объяснился съ ней и рѣшился увезти ее, окрестить и сдѣлать своей женой. Не только неправдоподобнаго, но даже и сомнительнаго тутъ ничего нѣтъ. До Струняшева, во времена Струняшева, послѣ Струняшева, даже въ теперешнее время, казаки на Уралѣ охотно женятся на Киргизкахъ, разумѣется, на перешедшихъ въ христіанство. Не угодно ли г-ну рецензенту прокатиться въ землю Уральскихъ казаковъ, чтобы убѣдиться въ несправедливости сдѣланнаго имъ моей статьѣ приговора. — Тамъ онъ навѣрное встрѣтитъ не одну окрестившуюся Киргизку, живущую, въ безмятежномъ счастіи, за-мужемъ за казакомъ, тамъ онъ, кстати, посмотритъ на такъ называемую «гонку дѣвушекъ», и даже можетъ, изъ любопытства, самъ принять въ ней участіе, — безъ всякаго препятствія со стороны Киргизовъ и безъ всякихъ надеждъ на горячія ласки степной красавицы, — а такъ просто, какъ гость и человекъ посторонній.

Г. рецензентъ дѣлаетъ и еще нѣсколько замѣчаній насчетъ неправдоподобія моей статьи; но вмѣсто всякаго отвѣта на эти замѣчанія, я напомию ему только слова, поставленныя нѣкогда въ рубрикѣ одной повѣсти самимъ редакторомъ «Библиотеки для Чтенія»: *Происшествіе неправдоподобное, потому что истинное.* Странно, что это мудрое изрѣченіе редактора «Библиотеки» забыто ея рецензентомъ.

І. ЖИЛЪЗНОВЪ.

Ноябрь. 1854 г.

Москва.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Лоншанскія скачки. — Мысли и вопросы по поводу всемірной выставки. — Знаніе выставки. — Новый снарядъ для отвращенія несчастій на желѣзныхъ дорогахъ. — Каучуковый мостъ. — Теорія грома и громоотводовъ Араго. — Послѣднія свѣдѣнія о гибели сера Джона Франклина. — Самородный городъ. — Вольтеръ и Лессингъ. — Воспоминанія о г-жѣ Котень и ея романахъ.

Не смотря на то, что англійскія скачки съ препятствіями, со времени союза Французовъ и Англичанъ, начали входить въ моду во Франціи, замѣтно, что эта головоломная забава не совсѣмъ нравится Французамъ и вводится у нихъ только *par complaisance* къ ихъ милымъ союзникамъ. Вотъ что говоритъ одинъ французскій фельетонистъ о послѣднихъ Лоншанскихъ скачкахъ:

«Ясная погода нынѣшней продолжительной осени даетъ полную возможность всѣмъ и каждому насладиться зрѣлищемъ скачущихъ лошадей и *летающихъ* грумовъ. Правда, что въ послѣдній день этого увлекательнаго зрѣлища, половина зрителей — и притомъ половина самая прекрасная — должна была дрогнуть отъ стужи на ристалищѣ. Но у кого на сердцѣ весна, тому тепло и зимой. Недале какъ вчера всѣ эти дамы, жертвы своей слишкомъ легкой одежды, говорили: «Холодъ нисколько не вреденъ; напротивъ онъ очень здоровъ». Что прекрасныя Парижанки принимаютъ самое живое участіе въ улучшеніи лошадей, это доказывается постояннымъ ихъ присутствіемъ при этихъ головоломныхъ забавахъ, совершившихся со славою. На одной изъ послѣднихъ скачекъ побѣдитель десяти соперниковъ поспѣлъ къ призу послѣ двухкратнаго паденія. Вообще лошадей, пускаемыхъ на скачки съ препятствіями, можно назвать жертвами коннозаводства. Ихъ слава — ихъ смерть. — И вся цѣль этой славы — выиграть своему хозяину нѣсколько лудировъ. Какъ дешево цѣнять наездники ноги своихъ лошадей и свои собственныя головы!»

«Замѣчательна очень при этихъ сѣздахъ одна черта: это страшное множество княжескихъ ливрей и экипажей съ гербами. Какое стеченіе кокардъ зеленыхъ, черныхъ, оранжевыхъ! Подумаешь, что аристократія обихъ частей свѣта переселилась въ Парижъ, или что въ него съѣхались всѣ владѣтельныя особы Европы на какой-то

педьдомый конгрессъ. Неужели нація хочетъ облагородить себя всеми этими галунами?... Въ простотѣ души моей, я дивился, вмѣствъ съ толпой, такому огромному сборищу вельможъ, нахлынувшихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ государствъ, какъ улыбка одного изъ сосѣдей, стоящихъ подлѣ меня — должно быть человѣтка немножко завистливаго — вывела меня изъ моего сладкаго заблужденія. Завистливый господинъ объяснилъ мнѣ, что почтеніе, отдаваемое пѣшей толпой этимъ знатымъ господамъ и госпожамъ, сидящимъ въ экипажахъ, — не всегда почтеніе достоодложное, потому что въ экипажахъ, по большой части, разъезжаетъ мѣщанская гордость, прикрытая чужестранной лавреей и фантастическими гербами».

Здѣсь Французы видятъ только компечскую сторону вещи, но по поводу приготовленій къ всемірной парижской выставкѣ, они приходятъ къ вопросамъ болѣе важнымъ.

«Страшное стеченіе народовъ нахлынетъ къ намъ со всѣхъ сторонъ, — пишутъ они; — не знаемъ, что предложимъ мы имъ образцоваго по части нашихъ промышленныхъ издѣлій, но навѣрное можемъ сказать, что не предложимъ образцовыхъ произведеній нашего воображенія, которое начинаетъ угасать, нашей поэзіи, которая умираетъ, и нашей литературы, которая, вмѣствъ съ поэзіей, тоже отживаетъ свой вѣкъ. Быть можетъ свидѣнія, которыя пріобрѣтемъ мы на этой выставкѣ отъ Китайцевъ, Патагоновъ и дикарей, вдохновятъ нашу литературу какой-нибудь новой мыслью, давно ужъ не имѣющеюся у нея. Исторія доказываетъ намъ, что цивилизація, достигнувшая крайнихъ своихъ предѣловъ, снова начинаетъ переходить къ варварству. И при томъ посреди этой туземной роскоши, когорой мы такъ гордимся, мы начинаемъ уже терпѣть недостатокъ во многихъ предметахъ первой потребности, и можетъ быть въ этомъ случаѣ дикари-то и помогутъ намъ. Не было примѣровъ, чтобы дикій человѣкъ умеръ съ голоду, и эта истина чрезвычайно поучительна для народовъ образованныхъ, которымъ часто грозитъ такое бѣдствіе. Каково же должно быть удивленіе этихъ первобытныхъ людей, когда на другой день по пріѣздѣ въ Парижъ, они узнаютъ, что главнѣйшій вопросъ этого всемірнаго города состоитъ теперь въ томъ: чѣмъ можно замѣнить въ случаѣ угрожающаго ему несчастія, хлѣбъ, говядину и вино! Дѣло это принимаетъ серьезный видъ, и въ доказательство мы сослаемся на наши журналы. Загляните въ любой изъ нихъ, и вы увидите, что наука постоянно изыскиваетъ средства, уменьшить своими новыми изобрѣтеніями дефицитъ и дороговизну привозныхъ съестныхъ

припасовъ. Одинъ предлагаетъ замѣнить муку древесными опилками, другой увѣряетъ, что изъ пѣкоторыхъ листьевъ можно извлекать сокъ, который будетъ лучше всякаго вина, — и наконецъ цѣлыя сотни прожектеровъ, предвидящихъ недостатокъ въ говядинѣ, простирають свои замыслы на оклиматированіе кангора, бомбиксовъ и тапировъ. Животныя этой послѣдней породы въ самомъ дѣлѣ могутъ принести огромную пользу въ такое время, когда дойдетъ до того, что на бойняхъ за каждую кость будутъ грызться цѣлыя стаи собакъ. Тапиръ такъ же мало требуетъ корму, какъ и верблюды, гораздо послушнѣе лошади, и смиреннѣе ягненка — какъ не осудить на съѣденіе животное съ такими прекрасными качествами!

— Взглянемъ на самое зданіе, выстроенное на Елисейскихъ поляхъ для этой всемірной выставки, по поводу которой Французы готовятся поподчивать многочисленныхъ гостей своихъ хлѣбомъ изъ опилокъ и виномъ изъ соку травъ.

Лондонскій Хрустальный Дворецъ, построенный изъ стекла и железа, представилъ собою совсѣмъ особенный типъ, совершенно новую систему архитектуры, приспособленную къ постройкѣ громаднѣхъ зданій.

Въ Парижскомъ Дворцѣ видно желаніе соединить всѣ выгоды Пакстоновой системы, и въ тоже время проглядываетъ желаніе поумничать, усовершенствовать систему англійскаго архитектора. Англичане — народъ практическій — удовольствовались тѣмъ, что для временной цѣли воздвигли стеклянную палатку, которая, по окончаніи выставки въ Гайдъ-Паркъ, благополучно перенесена была на новое мѣсто въ Сиденгамъ. Парижане вздумали построить прочное, постоянное зданіе, выдвинули огромный каменный корпусъ, какъ бы съ претензіей сдѣлать изъ него великолѣпный памятникъ на удивленіе потомству.

Но этотъ великолѣпный памятникъ, завѣщаемый Французами грядущимъ поколѣніямъ, еще не приведенъ къ окончанію, а между тѣмъ уже подвергся общему осужденію. Это постоянное зданіе выставки, состоящее изъ огромнаго четырехугольника, «гдѣ 20,000 человекъ должны сходиться, не стѣсня другъ друга,» въ которомъ, по примѣру лондонскаго дворца, должно было соединить всѣ выгоды двойной системы постройки изъ камня и изъ стекла — это зданіе публично признано недостаточнымъ по самому размѣру, и потребовало пристройки. Пристройка же эта, загораживающая одну изъ красивѣйшихъ и широкихъ парижскихъ набережныхъ, тянется отъ площади Согласія до насоса Шальо и занимаетъ про-

странства до 30,000 квадратных метровъ. Здѣсь будетъ временное отдѣленіе выставки (*l'édifice provisoire*); все это каменное строеніе, надъ которымъ уже во многихъ мѣстахъ возвышается желѣзный куполь, будетъ сломано въ теченіи десяти мѣсяцевъ. Вслѣдствіе этого страннаго желанія улучшить систему Пакстона, Французы утратили всѣ выгоды временной системы, и не приобрѣли ни одной выгоды системы постройки прочной.

Трудно рѣшить, съ какой цѣлью употреблена въ дѣло эта двойная система. По видимому, тутъ не могло бы вкратцѣ ни одной ошибки. Вместимость Лондонскаго стекляннаго дворца была приведена въ извѣстность. Вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы опредѣлить, нужно ли Французамъ именно такое же пространство или еще болѣе обширное. Если ограничить выставку одними дѣйствительно замѣчательными предметами — обширность новаго дворца могла легко удовлетворить этой цѣли. Если же, на оборотъ, Парижане желали ввести сюда всѣ возможные произведенія — тогда нужно было вычислить пространство необходимой для того площади, и если для этой цѣли не хотѣли они отрѣзать ни одного лишняго вершка земли отъ священныхъ для нихъ Полей Елисейскихъ, то можно было увеличить число площадей, числомъ этажей, вмѣсто того, чтобы ограничиться только двумя, и впасть еще въ ту ошибку, что отъ этого средина галлерей нижняго этажа очень затемнена обширностью потолковъ. Тогда устранился бы еще и тотъ важный недостатокъ новаго зданія, что оно теперь, не смотря на всю свою громадность, распадается на двѣ совершенно чуждыя другъ другу части. Во всякомъ случаѣ, тѣ или другія соображенія были приняты въ основаніе, зданіе должно было представить нѣчто цѣльное, стройное, оконченное, а не шаткій проектъ, исполненный погрѣшностей и требующій поправокъ и дополненій.

Это отсутствіе ясной цѣли, замѣтное въ общемъ составѣ, еще рѣзче выдается въ матеріальномъ выполненіи. Постройка не была еще приведена къ окончанію, какъ уже нѣкоторыя части оказались ненадежными. Пришлось подпирать стѣны; большой сводъ тоже потребовалъ укрѣпленія. Изъ этого, пожалуй, можно бы вывести заключеніе, что желѣзная постройка въ зданіи новой выставки легче чѣмъ въ Сиденгамскомъ Дворцѣ. Но на дѣлѣ выходитъ наоборотъ. Въ Сиденгамскомъ Дворцѣ, для поверхности въ 78,459 метровъ употреблено 9,641 тонна желѣза. Во дворцѣ Елисейскихъ полей приходилось 8,100 тоннъ (4,500 тоннъ чугуна и 3,600 желѣза) на поверхность только 45,140 метровъ. Жаль, что при этомъ увеличеніи издержекъ, нисколько не послужившемъ къ болѣе твер-

дости зданія, не сдѣлали по крайній мѣрѣ двойной стеклянной крыши, которая бы придала больше тепла и уменьшила бы топку во время зимы.

Въ наше время гигантскихъ предпріятій въ области промышленности, парижане, воздвигающіе послѣ Англичанъ каравансарай для вмѣщенія въ немъ замѣчательнѣйшихъ произведеній міровой торговли, и желающіе соорудить его разъ навсегда, хотѣли, кажется, для такого торжественнаго обстоятельства, воздвигнуть, на удивленіе иностранцамъ, вполне монументальное зданіе, поражающее величіемъ мысли или новизною исполненія. Новый дворецъ выставки не оправдываетъ этихъ гордыхъ надеждъ. Какъ ни громадна средняя зала, но она не можетъ назваться чудомъ въ наше время. Волшебная постройка изъ желѣза могла бы породить что-нибудь болѣе грандіозное.

Если отъ внутренности зданія, гдѣ господствуетъ исключительно желѣзо, перейти къ его внѣшности и взглянуть на каменные фасады — они не поразятъ васъ ни чистотою стила, ни строгимъ изяществомъ частей, ни остроумнымъ расположеніемъ цѣлаго. Не говоря уже о прочихъ подробностяхъ, укажемъ только на узкія, вытянутыя колоны, вышиною въ цѣлый этажъ, которыми справа и слева поддерживается средній входъ, и которыя далеко не отличаются пропорціональною и счастливымъ эффектомъ. Эти громадныя триумфальныя ворота и прилегающій къ нимъ павильонъ одни только и видны сквозь узкую аллею прорубленныхъ деревь. Этотъ монументальный входъ, который могъ бы имѣть болѣшую гармонию съ цѣлымъ, еслибъ вся общность фасада была доступна взору, теряетъ при настоящемъ положеніи всякую цѣлу. Въ этомъ виноватъ уже не архитекторъ: густыя деревья, съ четырехъ сторонъ тѣсно примыкающія къ дворцу, полагали непреоборимую преграду всякому широкому и свободному стремленію архитектора. Это обстоятельство невольно приводитъ къ заключенію, что не на Елисейскихъ поляхъ, и не въ тѣни деревь следовало бы воздвигать зданіе, претендующее на славу и удивленіе потомства. Следовало бы выстроить здѣсь только временное зданіе, въ которомъ почти исключительное употребленіе желѣза давало возможность превзойти фантастически-чудесныя произведенія стрѣльчатой архитектуры среднихъ вѣковъ. На основаніи этой программы, гений художника, вполне свободный отъ школьныхъ преданій, соединилъ бы величіе и смѣлость этой новой архитектуры съ возможнымъ сбереженіемъ матеріальныхъ средствъ. Система смѣшенія обоихъ родовъ постройки, принятая для зданія Парижской выставки, не могла доставить художнику случая отличиться един-

ством и смѣлостью мысли, была гораздо убыточнѣе, и несколько не послужила ручательствомъ за прочность строенія.

— Между тѣмъ какъ французскіе химики и натуралисты придумываютъ, тѣмъ замѣнить муку, вино и говядину, механика, совершившая ужестолько исполинскихъ подвиговъ въ настоящемъ столѣтіи, постоянно идетъ впередъ. Французскій инженеръ, Кардо, изобрѣлъ очень простой снарядъ, предохраняющій поѣзды желѣзныхъ дорогъ отъ всякихъ несчастій. Подробнаго устройства этого снаряда невозможно объяснить безъ рисунка. Мы скажемъ только въ нѣсколькихъ словахъ, изъ чего состоитъ онъ и къ чему служитъ. Состоитъ онъ изъ деревянной подвижной оси, подъ каждымъ вагономъ, и изъ деревянныхъ же рычаговъ, которые надѣваются на ось съ обоихъ концовъ, и лежатъ въ горизонтальномъ положеніи съ наружныхъ сторонъ колесъ. Служитъ онъ къ тому, что оставаясь въ этомъ положеніи, рычаги сдерживаютъ весь поѣздъ въ направленіи параллельномъ и не допускаютъ вагоны, при самомъ сильномъ сострясеніи, соскочить съ рельсовъ; а посредствомъ придѣланнаго къ рычагамъ механизма, который приводитъ ихъ въ движеніе, они, обращаются какъ бы въ тормазы, которыми въ одно мгновеніе можно остановить поѣздъ. Следовательно этотъ снарядъ предохраняетъ именно отъ тѣхъ двухъ случаевъ, отъ которыхъ происходятъ все несчастія на желѣзныхъ дорогахъ: т.-е. отъ столкновенія поѣзда съ другимъ поѣздомъ, и отъ срыва съ рельсовъ.

— Другой французскій инженеръ, или архитекторъ, Жанвье, придумалъ замѣнить обыкновенные понтонные мосты совершенно новыми и несравненно болѣе удобными для перевозки. Въ замѣнъ прежней тяжелой настилки, онъ употребилъ холстинну, пропитанную каучукомъ, которую можно складывать и свертывать какъ угодно, и для поддержанія которой на водѣ нужны уже не суда, слишкомъ громоздкіе и тяжелыя, а только самые маленькіе и легонькіе деревянные плоты. Опытъ такого моста былъ сдѣланъ на Сенѣ, и оказался совершенно удовлетворительнымъ.

— Въ настоящее время, едва ли кто изъ числа людей хотя сколько-нибудь образованныхъ, не знаетъ хотя поверхностно теорію грома, а между тѣмъ многіе изъ этихъ людей боятся грома почти безъотчетно. Всѣмъ, которые одержимы такимъ страхомъ, мы совѣтовали бы прочесть второй томъ «Полныхъ Сочиненій Франсуа Араго», выпедшій нынѣшнимъ лѣтомъ въ Парижъ. Разумется, Араго никакъ не утверждаетъ, что громъ безопасенъ, но онъ излагаетъ теорію его такъ просто, ясно и отчетливо, что ее такъ же

легко пойметъ человекъ съ самымъ ограниченнымъ образованіемъ, какъ и ученый академикъ. Здѣсь все подтверждено фактами и наблюденіями, практическими опытами и наукой. Теперь тайны электричества почти совершенно разоблачены; страшное уже укрошено, остается только подчинить его вполнѣ волѣ человека.

Сдѣлавъ подробное описаніе всѣхъ фактовъ, производящихъ и сопровождающихъ громъ, замечитый ученый переходитъ къ изобрѣтенію громоотводовъ, и при этомъ вдается въ чрезвычайно любопытныя анекдотическія подробности о способахъ, которыми люди древнихъ временъ старались защищать себя отъ грозы и бури. Императоръ Августъ, напримѣръ, какъ говоритъ Светоній, прятался во время грозы въ погребъ и накрывался тюленьей шкурой. Тиверій надѣвалъ на себя лавровый вѣнокъ, въ томъ убѣжденіи, что громъ никогда не бьетъ въ лавровое дерево. Какой-то маркизъ де-Шеври, житель Массонскаго округа, умершій въ началѣ первой французской революціи, думалъ, что пушечные выстрѣлы могутъ разгонять грозныя тучи, и на этомъ основаніи ежегодно истрачивалъ до полутораста килограммовъ пороху. Въ старину вѣрили также, что шумомъ можно отвратить бурю, грозу, потопъ — и всякое тому подобное бѣдствіе, и по этому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, было обыкновеніе при приближеніи тучъ звонить въ колокола. Послѣ исчисленія всѣхъ этихъ первобытныхъ средствъ, Араго переходитъ къ Франклиновымъ громоотводамъ, и въ доказательство того, что шлифованный желѣзный шпиль служить для зданія самымъ вѣрнымъ предохранителемъ отъ громоваго удара, приводитъ множество убѣдительныхъ примѣровъ. Изъ числа ихъ чрезвычайно любопытно указаніе на Соломоновъ храмъ, который въ продолженіе своего слишкомъ тысячелѣтняго существованія ни разу не подвергался громовымъ ударамъ, не смотря на то, что въ Палестинѣ грозы и бури бываютъ чаще и свирѣпѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Ориенталистъ Михаэли замѣчаетъ, что зданіе это, отдѣланное внутри и снаружи деревомъ, непременно должно было бы загорѣться, если бы громъ ударилъ въ него; а между тѣмъ о подобномъ происшествіи, о которомъ древніе историки, при тогдашнихъ религіозныхъ понятіяхъ о громѣ, никакъ бы не умолчали, не говорится нигдѣ. Основываясь на этихъ фактахъ, доказывающихъ, что такого случая дѣйствительно не было, Араго объясняетъ такое явленіе слѣдующими обстоятельствами.

Крыша храма была плоская, по манеру итальянскихъ; отдѣлана ореховымъ деревомъ, густо вызолоченнымъ, и услана острыми желѣзными, шлифованными и золочеными-же шпильми. Шпили эти

были поставлены для того, чтобы птицы не могли на нее садиться и марать позолоты. Фасадъ зданія весь былъ также отдманъ ореховымъ деревомъ съ густой позолотой. Наконецъ подъ преддверіями храма были устроены водохранилища, къ которымъ спускались съ кровли металлическія водосточныя трубы. Однимъ словомъ, этотъ храмъ, считавшійся чудомъ древняго искусства, былъ снабженъ въ одно и то же время множествомъ громоотводовъ и проводниковъ, что все вмѣстѣ составляло такой громоотводный аппаратъ, какого не имѣеть теперь ни одно новѣйшее зданіе.

— Весь образованный міръ слѣдилъ съ самымъ живымъ участіемъ за экспедиціями, посылаемыми для отысканія сера Джона Франклина. Теперь погибель его оказалась несомнѣнною. Вотъ что пишетъ по этому случаю въ англійское адмиралтейство Джонъ Рей, начальникъ экспедиціи въ Гудзоновомъ заливѣ.

«Обозрѣвая, для дополнительныхъ изслѣдованій, западный берегъ земли Бохтіа, я встрѣтилъ въ Пеллибесъ Эскимосовъ, и узналъ отъ одного изъ нихъ, что отрядъ бѣлыхъ людей (кабоопанс) умеръ съ голоду, въ некоторомъ разстояніи отъ этого мѣста къ западу, и не вдалекѣ отъ большой рѣки, изобилующей порогами. Впослѣдствіи я собралъ еще много свѣдѣній и прибрѣлъ нѣсколько вещей, которыя совершенно подтверждаютъ, что часть экипажа, а можетъ быть и весь экипажъ сера Джона Франклина, погибъ самой ужасной смертью. Вотъ сущность всѣхъ собранныхъ мною свѣдѣній, изъ разныхъ источниковъ.

«Весной за четыре года назадъ (1850), видѣли отрядъ бѣлыхъ людей, состоявшій человекъ изъ сорока, пробиравшійся по льду, близъ рѣки Кингъ-Вильямсъ-Лавдъ. Они, какъ видно, отыскивали тюленей, и нѣсколько Эскимосовъ волокли за ними лодки. Никто изъ бѣлыхъ людей не говорилъ по-эскимосски, но они дали имъ понять знаками, что ихъ корабль, или корабли, были затерты льдами и что они отыскиваютъ оленей и дичи. Всѣ бѣлые люди, кромѣ одного офицера, были до того худы и изнурены, что повидимому, имъ не долго оставалось жить. Они купили у туземцевъ тюленя. Въ послѣдствіи, но еще до роспуска льдовъ, тридцать мертвыхъ тѣлъ были найдены на материкѣ, и пять тѣлъ на соседнемъ островѣ, находящемся на день ѣзды къ сѣверо-западу и образуемомъ рукавами широкой рѣки, которая есть не что иное какъ Бакстгрейтъ Фицриверъ (называемая Эскимосами Оотъ-ко-бин-ка-ликъ). Описание ея и описаніе низовья ея береговъ, находящихся по близости Орлианаго Пика и Острова Монреала, совершенно сходно съ описаніемъ

сэра Георга Бакка. Нѣкоторыя изъ найденныхъ тѣлъ были погребены, вѣроятно тѣхъ, которые сдѣлались первыми жертвами голода. Иныя изъ нихъ были найдены въ палаткѣ, или въ палаткахъ; другіе подъ прикрытіемъ опрокинутой лодки, изъ которой несчастные хотѣли сдѣлать себѣ защиту; наконецъ многіе валялись тамъ и сямъ, въ разныхъ направленіяхъ.

«Въ числѣ погибшихъ, найденныхъ на островѣ, одинъ, какъ предполагаютъ, былъ офицеръ; черезъ плечо его была перевѣшана зрительная труба, и подлѣ него лежало двухствольное ружье. Судя по положеніямъ, въ какихъ были найдены трупы, можно заключить, что несчастные, прежде своей смерти, томились самой медленной и страшной пыткой.

«Надобно полагать, что при нихъ былъ большой запасъ боевыхъ снарядовъ. Во многихъ мѣстахъ на землѣ видѣли порохъ, разсыпанный туземцами, и въ послѣдствіи тѣ же туземцы доставали изъ воды множество пуль, и свинцу, вѣроятно оставшихся на льду. Были также двухствольныя ружья, телескопы, компасы. Все это, какъ кажется, переломано: по крайней мѣрѣ я видѣлъ отломки этихъ вещей въ рукахъ Эскимосовъ, вмѣстѣ съ серебряными вилами и ложками. Я купилъ все, что могъ, и прилагаю реэстръ главнѣйшихъ вещей. На серебрѣ есть вензеля и начальныя буквы именъ ихъ владѣтелей. Ни одинъ изъ Эскимосовъ, съ которыми мнѣ удалось говорить, не видалъ самъ бѣлыхъ людей и даже не былъ на мѣстѣ ихъ гибели, но сами они все это слышали отъ очевидцевъ».

Изъ приложеннаго къ рапорту реэстра вещей видно, что вещи эти носятъ на себѣ вензеля многихъ товарищей сэра Джона Франклина.

— Г. Овенъ въ рапортѣ своемъ о *Геологическомъ путешествіи по Висконсину и Явъ* описываетъ одну чрезвычайно любопытную мѣстность, составляющую продолженіе такъ называемыхъ Скалистыхъ горъ.

«Взору путешественника представляется обширная долина, которую можно назвать цѣлымъ отдѣльнымъ міромъ. Ширина ея простирается на 30, а длина на 90 англійскихъ миль. Она представляетъ углубленіе, окруженное со всѣхъ сторонъ рядами утесистыхъ скалъ, похожихъ своею формою на неправильныя колонны, довольно высокія. Этими натуральными башнями усяяна вся окрестность долины, такъ что путешественникъ можетъ заблудиться въ лабиринтѣ ихъ рядовъ, составляющихъ какъ бы кривыя и непра-

вильныя улицы древняго города, Издали этѣ каменныя массы кажутся грандіозными зданіями, остатками города, нѣкогда обитаемаго; но когда въѣжаешь въ этотъ городъ, обманъ исчезаетъ, и кругомъ видишь только пустыню и степь. Жаръ не выносимъ въ этихъ тѣсныхъ галлерейхъ, гдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго и куда и самый воздухъ не можетъ проникать. Но геологи преодолеваютъ всякій трудъ и усталость для того, чтобъ достигнуть туда, потому что тамъ находятся богатая добыча царства ископаемаго и остовы животныхъ, исчезнувшихъ вмѣстѣ съ мамонтомъ и мастодономъ. Наконецъ остовы такихъ животныхъ, которыя не только отличаются отъ всѣхъ доселѣ существующихъ, но даже и отъ тѣхъ, кости которыхъ находили въ формаціяхъ той же эпохи. Такъ напримѣръ животное, описанное г-мъ Лейди, подъ именемъ *архистеріума*, не имѣетъ никакого сходства ни съ какой другой породой. По кореннымъ зубамъ, оно приближается къ кабану; по клыкамъ къ медвѣдю, а по верхней части черепа, головной кости и челюсти относится къ животнымъ кошачьей породы».

— Имена Рише, Вольтерова секретаря, и Лессинга, знаменитаго нѣмецкаго писателя, не упоминаются ни въ одномъ изданіи Вольтеровыхъ твореній. Вотъ нѣкоторыя подробности объ этихъ людяхъ, и неизвѣстныя до сихъ поръ два письма, напечатанныя въ одной нѣмецкой книгѣ, изданной еще въ 1793-мъ году и содержащей жизнеописаніе Лессинга.

По прибытіи въ Берлинъ въ 1750-мъ году, Вольтеръ принялъ къ себѣ въ секретари молодаго человека, по имени Рише, лувенскаго уроженца, который давалъ уроки французскаго языка.

Вольтеръ имѣлъ тогда тяжбу съ Евреемъ Абраамомъ Гиршемъ, и составивъ записку противъ своего противника, поручилъ своему секретарю отыскать ему переводчика. Рише представилъ Лессинга, который былъ охотно принятъ и нѣсколько разъ обѣдалъ у Вольтера. Но перевелъ ли Лессингъ что-нибудь для Вольтера, это неизвѣстно.

Выигравъ свой процессъ, Вольтеръ отправился вмѣстѣ съ секретаремъ своимъ въ Потсдамъ, гдѣ оканчивалъ известное сочиненіе свое: *Вѣкъ Лудовика XIV*. По возвращеніи ихъ въ Берлинъ, въ декабрь 1751 года, Лессингъ пришелъ навѣстить Рише. Онъ увидѣлъ у него двадцать четыре экземпляра *Вѣка Лудовика XIV*, которые слѣдовало отправить ко двору, прежде чѣмъ хотя одинъ экземпляръ поступитъ въ продажу. Лессингъ пробѣжалъ съ жадностью многія страницы новаго творенія и наконецъ выпросилъ у Рише

позволеніе взять съ собою домой одинъ экземпляръ, обѣщаясь возвратить его черезъ три дня и никому не показывать. На слѣдующій день, когда Лессингъ дочитывалъ книгу, къ нему пришелъ одинъ изъ его знакомыхъ, Дрешель, гувернеръ дѣтей какого-то господина Шуленбурга. Дрешель не отсталъ безъ того, чтобы не выпросить у Лессинга книгу, обѣщаясь возвратить ее въ тотъ же день. Въ этотъ день, по несчастію, у г-жи Шуленбургъ была въ гостяхъ графиня Бентинкъ, очень дружная съ Вольтеромъ. Дрешель, или забылъ свое обѣщаніе, или желая угодить этимъ дамѣмъ, показалъ имъ книгу, которая не была еще получена при дворѣ. Графиня Бентинкъ уже нѣсколько разъ тщетно просила у Вольтера этой книги: онъ каждый разъ отказывалъ ей, говоря, что не можетъ дать, прежде чѣмъ представить ко двору. Графиня, увидѣвъ книгу у г-жи Шуленбургъ, тотчасъ сообщила объ этомъ Вольтеру. Онъ разсердился до чрезвычайности и велѣлъ позвать къ себѣ своего секретаря. Рише сознался во всемъ, извиняясь своею дружбою съ Лессингомъ. Вольтеръ приказалъ секретарю немедленно взять обратно книгу, которую Дрешель, между тѣмъ, уже возвратилъ къ Лессингу; но, къ несчастію, Лессингъ въ это время отлучился куда-то за городъ. Бѣдный секретарь съ отчаяніемъ донесъ объ этомъ Вольтеру. Тогда Вольтеръ вышелъ изъ себя, обвинилъ во всемъ Рише, сказавъ ему, что вѣроятно онъ хочетъ безъ его вѣдома составить переводъ вмѣстѣ съ Лессингомъ, продиктовалъ къ Лессингу письмо и заставилъ Рише подписать его. Лессингъ поспѣшилъ возвратить книгу, и желая, чтобы отвѣтъ его могъ быть прочтенъ Вольтеромъ, написалъ свое письмо къ Рише по-французски. Представляемъ читателямъ это письмо, не помѣщенное въ *Твореніяхъ Лессинга*, изданныхъ Лахманомъ, въ 1838—40 годахъ.

«Вы считаете меня способнымъ къ предательскому поступку, обращаетесь со мною какъ съ бѣжавшимъ воромъ, котораго стараются вразумить по тому, что не могутъ употребить съ нимъ силу».

«Препровождаю экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь. Я ни мало не хотѣлъ удержать его у себя. Я возвратилъ бы его и безъ вашего письма, исполненнаго странностей. Вы приписываете мнѣ такія намѣренія, которыхъ я вовсе не имѣлъ. Вы думаете, что я принялся переводить книгу, тогда какъ о переводѣ ея уже давно объявилъ г. Геннингъ. Знайте же, что въ дѣлахъ литературныхъ я не люблю встрѣчаться ни съ кѣмъ. Впрочемъ, я имѣю безразсудную страсть хорошо переводить, а чтобы хорошо перевести г-на Вольтера, нужно очень много труда».

«Наконецъ, вы ожидаете извиненій: вотъ онъ. Я взялъ съ собою безъ вашего позволенія книгу, которую вы дали мнѣ украдкой. Соглашаюсь, что я употребилъ во зло вашу довѣренность. Но моя-ли вина, что добросовѣстность моя не устояла противъ любопытства? Уѣзжая изъ Берлина, я еще не успѣлъ прочесть всей книги. Поставьте себя на мое мѣсто, прежде чѣмъ обвините меня. Почему г. Вольтеръ не пишетъ также какъ Ламье, или другіе компиляторы, которыхъ сочиненія можно дочесть во всякое время, потому что они всегда скучны?»

«Вы говорите, что г. Вольтеръ будетъ мнѣ благодаренъ за услугу, которой онъ ожидаетъ отъ моей честности. Воля ваша, эта услуга такъ не велика, что г. Вольтеръ будетъ достаточно признателенъ, если забудетъ объ ней. Онъ осыпалъ васъ упреками, которыхъ вы не заслужили. Крайне сожалю объ этомъ. Скажите ему, что мы съ вами друзья, и что вы по дружбѣ сдѣлали это преступленіе, если только поступокъ вашъ можетъ быть названъ преступленіемъ. Думаю, что философъ могъ бы быть милостивѣе.

Честь имѣю быть и проч.»

Письмо это попало прямо въ руки къ Вольтеру, который, не сказавъ объ этомъ секретарю своему и не смотря на то, что книга была уже возвращена, написалъ къ Лессингу слѣдующее письмо, котораго нѣтъ въ Бешотовомъ изданіи его сочиненій.

«Господину Лессингу, кандидату медицины въ Виттембергъ».

(А если его нѣтъ въ Виттембергъ, то переслать въ Лейпцигъ, къ его родителю, которому, конечно, известно мѣстопребываніе его сына).

Берлинъ 1-го января.

«Васъ уже просили М. Г. возвратитъ экземпляръ, похищенный у меня и переданный вамъ. Знаю, что вы не способны употребить этого во зло, хотя лучше всякаго другаго способны хорошо перевести мою книгу. Но я исправилъ въ ней многія мѣста, и мнѣ было бы неприятно, если бы вы перевели ее въ томъ видѣ, въ какомъ она попала къ вамъ. Еще досаднѣе будетъ мнѣ, если ее перепечатаютъ на французскомъ языкѣ. Это разоритъ г-на Франшвиля, издателя книги, очень честнаго человѣка. Разумвется, онъ будетъ вынужденъ жаловаться въ саксонскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а это, безъ сомнѣнія, повредитъ вамъ и можетъ испортить всю вашу будущность. Мнѣ будетъ очень грустно, если по вашей неосторожности, г. Франшвиль будетъ доведенъ до жестокой необходимости жаловаться. И такъ прошу васъ возвратитъ мнѣ книгу. Она украдена у меня. Я былъ бы очень радъ, если бы вы перевели мою

книгу не только на нѣмецкій, но даже на италіанскій языкъ, какъ вы уже говорили гувернеру дѣтей г-на Шуленбурга. Я пришло вамъ всю книгу со всеми примѣчаніями и нужными свѣдѣніями. Въ Берлинѣ, по несчастію, знаютъ, что книгу укралъ у меня мой секретарь Ришье. Я постараюсь вслѣдствіи оправдать его и даже прошу ему, если только книга будетъ мнѣ возвращена. Прошу васъ быть увѣреннымъ въ моей признательности....

ВОЛЬТЕРЪ, КАМЕРГЕРЪ КОРОЛЯ».

Послѣ этого несчастнаго дѣла, Ришье отошелъ отъ Вольтера; впоследствии онъ поступилъ библіотекаремъ къ принцу Гейнриху Прусскому и занималъ эту должность до самой смерти своей.

— Если вы, моя прекрасная читательница, сами не читали «Матильду или Крестовые походы», то, вѣроятно, много слышали объ этомъ романѣ отъ вашей маменьки, тетеньки или бабушки. Потрудитесь же имъ передать о сочинительницѣ *Матильды*, *Амалии Мансфильдъ*, *Мальвины* и еще нѣкоторыхъ другихъ романовъ, исторгавшихъ у нихъ слезы и приводившихъ ихъ въ восторгъ, слѣдующія подробности, которыя будутъ для нихъ интересны ужъ тѣмъ, что напоминаютъ имъ прошедшія слезы, прошедшія чувства, прошедшую молодость....

Въ веселой долинь, не вдалекѣ отъ Тоннейна стоитъ сельскій домикъ, грустный и одинокій какъ та, которая нѣкогда жила въ немъ. Обширный садъ передъ фасадомъ дома, да небольшой лѣсокъ, примыкающій къ нему съ стороны (отъ котораго, вѣроятно, произошло и названіе самой усадьбы: Боскетъ), были единственными мѣстами разалеченія для обитательницы этого уединеннаго жилища.

Здѣсь то г-жа Котень, овдовѣвъ и утомясь суетою свѣта, котораго никогда не любила она, искала отрады послѣ потери страстно любимаго ею мужа, въ уединеніи и въ изліяніи чувствъ своихъ въ созданіяхъ литературныхъ. Сколько почитательницъ *Клары д' Альба* и *Елизаветы*, проѣхало, можетъ быть, очень равнодушно мимо этого жилища, вовсе и не подозрѣвая того, что тутъ созданы эти романы. Сколько молоденькихъ дѣвушекъ мечтало въ этомъ лѣсточкѣ, никакъ не воображая, что подъ тѣнью того же лѣска задуманы, можетъ быть, первыя страницы *Матильды*.

Г-жа Котень (Марія-Софія Ристо), родилась въ Тоннейнѣ 23-го марта 1773 г. Даже самыя ея критики признавали ее ученѣйшей женщиной своего времени. Отецъ ея имѣлъ богатый торговый домъ въ Бордо, и въ этомъ городѣ получила она свое воспитаніе, подъ надзоромъ матери, женщины то же очень образованной, и столько

же заботившейся о нравственномъ воспитаніи своей дочери, сколько и объ умственномъ. Серьезная и задумчивая съ самаго дѣтства, г-жа Котень во всю свою жизнь сохранила склонность къ уединенію и той грусти, которой проникнуты всѣ ея сочиненія. Семнадцати лѣтъ она вышла замужъ за богатаго парижскаго банкира Котень, и изъ тихой, семейной жизни, которую вели ея отецъ и мать, вдругъ перенеслась въ шумный вихрь свѣта, гдѣ приличія ввели ея въ самый высшій кругъ парижскаго общества. Но страсть къ свѣтскимъ удовольствіямъ не привилась къ ней; черезъ три года мужъ ея умеръ, и она тотчасъ послѣ его смерти посвѣшила удалиться отъ нихъ, и скрыться въ уединеніи.

Дѣтей у нея не было, и огромное состояніе ея мужа не перешло къ ней. Но она сожалѣла о немъ не за себя, а за бѣдныхъ, любя дѣлать добро. Выбравъ мѣстомъ своего жительства родную провинцію, она поселилась въ Боскетъ, и тамъ въ первый разъ рѣшилась обнаружить свой литературный талантъ, который до тѣхъ поръ тщательно скрывала отъ всѣхъ, кромѣ кухни своей, г-жи V., съ которой постоянно вела дружескую переписку. Долго отказываясь издавать свои сочиненія, она наконецъ рѣшилась напечатать въ 1798 году свой первый романъ *Клару д' Альба* въ пользу одной своей пріятельницы, дѣла которой разстроились отъ несчастнаго случая. Два года спустя, съ такой же благотворительной цѣлью издала она *Мальвину*, употребивъ вырученную за нее сумму въ пользу одного семейства, подвергшагося революціонной проскрипціи. Оба эти сочиненія были изданы безъ ея имени, оглашеніемъ котораго она какъ будто боялась уменьшить цѣну сдѣланнаго ею добра, и только въ 1802 году *Амелія Мансфильдъ*, имѣвшая такой блестящій успѣхъ, сдѣлала извѣстнымъ имя своего автора; а въ 1803 году *Матильда* окончательно утвердила литературную славу г-жи Котень.

Она начала писать книгу о воспитаніи, но преждевременная смерть не дала ей окончить этого труда. Она умерла въ 1807 году, тридцати четырехъ лѣтъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ИЗВѢСТІЙ ЗА ПОСЛѢДНІЕ ДВѢ НЕДѢЛИ.

Нѣсколько замѣчаній о сраженіи при Альмѣ, Ветерана 1812 года. — Уходъ за больными и ранеными въ русской и союзныхъ арміяхъ. — Община Сестеръ Попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ. — Пожертвованіе Харьковскаго дворянства. — Благотворительный спектакль въ Або. — Проектъ желѣзныхъ дорогъ; отъ Харькова до Θεодосіи, и отъ С.-Петербургско-Варшавской до прусской границы. — Новый заводъ для разработки свѣрныхъ колчедановъ. — Новая заведенія для улучшенной обработки льна и льняныхъ произведеній. — Занятія и ученныя работы Русскаго Географическаго Общества.

Въ Journal de St. Petersb. напечатано письмо съ подписью: «Ветеранъ 1812 года». Вотъ что, между прочимъ, говоритъ почтенный ветеранъ о сраженіи при Альмѣ, подавшемъ поводъ нашимъ врагамъ къ столькимъ хвастливымъ возгласамъ:

«Маршалъ Сентъ-Арно, да упокоитъ Богъ его душу, не побоялся написать къ своему государю: «Когда это было уже не отступление, а бѣгство: Русскіе бросали свои ранцы (?) и ружья, *чтобы легче было бѣжать*. Если бъ у меня, Ваше Величество, была кавалерія, я пріобрѣлъ бы огромные успѣхи, и у Меншикова не было бы больше арміи». Французы въ арміи Сентъ-Арно справедливые его. Я разговаривалъ съ пѣвными у насъ Французами, которыхъ могъ бы, въ случаѣ нужды, назвать по имени: они съ удивленіемъ отзывались о стойкости и храбрости Русскихъ солдатъ въ этомъ дѣлѣ, гдѣ, между прочимъ, одинъ баталіонъ легъ весь на мѣствъ до послѣдняго челоуька, не отступивъ ни на шагъ. Они говорятъ, что отступление исполнено было въ величайшемъ порядкѣ, и если это отступление сдѣлалось необходимымъ, то большая часть хвалы принадлежитъ за то морской артиллеріи, и мы желали бы посмотреть, какъ солдаты Ваграма и Іены выпутались бы изъ дѣла противъ пушекъ цѣлаго флота.

«Мы заметили, изъ разсказа о сраженіи при Альмѣ, что Французская пѣхота не приняла боя холоднымъ ружьемъ, который наши баталіоны неоднократно ей предлагали. Она рѣшилась развернуть свой фронтъ, чтобъ поражать ихъ своими коническими пулями. Безспорно, что на войнѣ принято правиломъ наносить другъ другу величайшій вредъ, и на это сказать нечего. Но для націи, которая имѣетъ требованіе на все рыцарское, не благороднѣе ли было бы поднять перчатку и принять единоборство холоднымъ ружьемъ, гдѣ сражаются грудь съ грудью, нежели ввѣрить свою защиту истребительнымъ средствамъ новаго изобрѣтенія, при которыхъ мужество отдается на жертву механикѣ. Маршалъ Сентъ-Арно жаловался на недостатокъ кавалеріи въ дѣлѣ при Альмѣ. Но куда дѣвались тысяча восемьсотъ Англійскихъ конниковъ на превосходныхъ лошадяхъ, которые были высажены съ экспедиціоннымъ корпусомъ? Маршалъ объ этомъ не говоритъ. Пополню то, о чемъ онъ умалчалъ. Эта Англійская кавалерія увязла въ болотахъ при Альмѣ, и простояла тамъ все время сраженія. Но положимъ, что онъ могъ бы употребить ее въ дѣло для преслѣдованія. Развѣ у насъ не было конницы? Маршалъ Сентъ-Арно считаетъ ее въ шесть тысячъ человекъ, но на самомъ дѣлѣ она состояла только изъ двухъ гусарскихъ полковъ, въ тысячу человекъ каждый, ожидавшихъ только минуты, чтобъ помѣяться силами съ кавалеріею заморскою. Явствуетъ, что въ этой статьѣ донесенія нѣтъ смысла. У Русскихъ было при Альмѣ сорокъ два баталіона, и въ нихъ на лицо менѣе тридцати тысячъ человекъ, двѣ тысячи конницы и восемьдесятъ четыре пушки. У союзниковъ, по собственному ихъ сознанію, было пятьдесятъ шесть тысячъ человекъ, столько же кавалеріи, какъ у насъ, и, по словамъ упомянутыхъ нами пѣвцовъ, полтораста орудій. Превосходство значительное! Чтоже касается до стратегическаго результата сраженія, онъ былъ для союзниковъ ничтоженъ, потому что они не сдѣлали ни шагу впередъ, а остались три дня на мѣстѣ, занимаясь погребеніемъ своихъ убитыхъ, и размышленіемъ о томъ, что предпринять дальше, а князь Меншиковъ употребилъ эти три дня на приготовленіе къ сильному отпору, какой только можно было противопоставить многочисленнымъ нашимъ непріятелямъ. Слѣдственно единственный результатъ битвы при Альмѣ состоялъ съ обѣихъ сторонъ въ значительной потерѣ людьми, и тотъ выигралъ сраженіе, кто больше положилъ солдатъ у своего противника. Потеря Русскихъ убитыми и ранеными, отъ солдата до генерала, состояла почти изъ четырехъ тысячъ пяти сотъ человекъ. Этого много, очень много, но мы изъ достовѣрнаго источника знаемъ, что потеря союз-

никовъ была больше, и этому нечего удивляться при атакъ сильной позиціи, стойко защищаемой».

«P. S. Въ послѣднихъ известіяхъ, полученныхъ мною изъ Севастополя, гдѣ у меня сынъ участвуетъ въ бою, сообщаютъ, что между Англичанами и Французами большая вражда, и что къ намъ перебѣгаютъ многіе дезертиры».

— Къ числу хвастливыхъ возгласовъ Французовъ и Англичанъ принадлежить и возгласъ о необыкновенномъ ихъ вниманіи къ Русскимъ раненымъ при Альмѣ; а между тѣмъ, раненыхъ нашихъ, доставленныхъ въ Одессу, перевязали сѣномъ и соломою, отъ чего у большей части изъ нихъ сдѣлался антоновъ огонь. Тѣ же, которые остались на мѣстѣ сраженія, восемь дней лежали подъ открытымъ небомъ, и потомъ нашими же войсками были перевезены въ Симферополь. По этому случаю, полковникъ Лебедевъ написалъ прекрасную статью подъ заглавіемъ: «Уходъ за больными и ранеными въ Русской и союзныхъ арміяхъ». Приводимъ изъ этой статьи нѣсколько чрезвычайно любопытныхъ историческихъ фактовъ:

«Начало 30-го бюллетеня (великой арміи изъ Аустерлица, 2-го декабря 1805 г.) — говоритъ авторъ — имѣетъ большое сходство съ повѣствованіемъ Сентъ-Арно о сраженіи при Альмѣ; тотъ же слогъ, тѣже приемы; но въ 30-мъ бюллетенѣ видимъ великаго мастера сражаться и писать для Французовъ, тогда какъ въ послѣдней реляціи замѣтенъ отставной фельетонистъ. Разсказавъ по своему о поездкѣ Савари къ Императору Александру, своемъ свиданіи съ Княземъ Долгоруковымъ, своихъ распоряженій къ бою противу превосходившей его числомъ непріятельской арміи (90 тысячъ Французовъ противу 67 тысячъ Русскихъ и 15 тысячъ Австрійцевъ), ошибкахъ союзниковъ, Императоръ Французовъ говоритъ о самомъ сраженіи лишь нѣсколько словъ и посвящаетъ цѣлую страницу описаніямъ въ родѣ слѣдующихъ: «Наконецъ настало утро 11-го фримера. Радостно взошло солнце, и этотъ день — годовщина коронаванія Императора, въ который должно было произойти одно изъ блистательнѣйшихъ военныхъ событій этого вѣка — день этотъ былъ лучшимъ днемъ изъ всей осени.

«Выигранное сраженіе, которое солдаты упорствуютъ называть *днемъ трехъ Императоровъ*, который другіе называютъ *днемъ годовщины*, назовъ Императоромъ *днемъ Аустерлица* и будетъ навсегда замѣчательнѣйшимъ событіемъ въ летописяхъ великой націи.

«Императоръ, окруженный всѣми маршалами, медлять дать послѣднія приказанія до тѣхъ поръ, пока не разсвѣло совершенно.... При первыхъ лучахъ солнца, приказанія были отданы и каждый маршалъ большимъ галопомъ поскакалъ къ своему корпусу.

«Но обратимся къ раненымъ, которые были найдены Наполеономъ на полѣ сраженія — здѣсь мы приведемъ слова 31-го бюллетеня.

«Вечеромъ въ день боя и ночью въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ Императоръ объѣзжалъ поле сраженія и приказывалъ подбирать раненыхъ.... Это было истинно страшное зрѣлище.... Императоръ на быстромъ скакунѣ мчался съ быстротою молніи, и нельзя представить до какой степени было трогательно видѣть, какъ храбрые страдалцы узнавали его въ минуту появленія; одни забывая свои страданія говорили: «по крайней мѣрѣ одержана-ли побѣда?»... Другіе — «я страдаю восемь часовъ, меня оставили здѣсь съ самаго начала сраженія, но я исполнилъ мой долгъ,» наконецъ нѣкоторые: «сегодня вы вѣрно довольны своими солдатами?».. Императоръ оставлялъ у каждаго раненаго по одному изъ своей свиты, и тотъ отправлялъ страдалца на перевязочный пунктъ.... Здѣсь.... *Страшно выговорить: спустя сорокъ восемь часовъ послѣ боя еще множество Русскихъ не было перевязано.*»

Очень любопытно сравнить эти слова съ слѣдующимъ приказомъ:

Приказъ Наполеона предъ выступленіемъ изъ Москвы.

«Каждый начальникъ долженъ представить въдомость о числѣ раненыхъ, обозначивъ въ графахъ оной:

1. Раненыхъ, которые могутъ поправиться въ восемь дней.
2. Раненыхъ, которые поправятся въ теченіе пятнадцати дней.
3. Въ теченіе мѣсяца.
4. *Число людей, которые должны умереть въ теченіе пятнадцати дней.*
5. *Число раненыхъ и больныхъ, которые должны умереть въ теченіи восьми дней.*

Наконецъ всѣхъ способныхъ носить оружіе и сражаться.

«Приказано: оказывать попеченія и заботиться о перевозкѣ только тѣхъ, которые находятся въ двухъ первыхъ разрядахъ; *остальные должны быть оставлены.*»

А вотъ и другой, современный приказъ:

Приказъ. Лагерь передъ Севастополемъ, 11-го Октября 1854.

«Главномандующій, къ прискорбію своему, вынужденъ выразить сильное негодованіе на поведеніе чиновъ медицинскаго вѣдомства, при обстоятельствахъ, которыхъ онъ вчера самъ былъ свидѣтелемъ. Больные, посланные въ Балаклаву, подъ надзоромъ своего дивизионнаго медика, по прибытіи на мѣсто, не нашли ничего готоваго для ихъ пріема».

«Главномандующему известно, что помощникъ инспектора госпиталей, докторъ Думбрекъ далъ словесное приказаніе одному изъ медиковъ, въ Балаклавѣ; но этотъ офицеръ не взялъ труда передать приказаніе своему начальнику, и отъ того произошло, что больные (изъ числа которыхъ были многіе, страдавшіе весьма сильно) оставались, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, на улицахъ во время дурной погоды. Имя офицера, сдѣлавшаго подобную небрежность, известно главномукомандующему; онъ не назоветъ его на этотъ разъ; но на будущее время проситъ всѣхъ быть болѣе старательными и отнынѣ не заслуживать подобныхъ упрековъ. Докторъ Думбрекъ будетъ впредь сноситься письменно съ тѣмъ, на ответственность котораго возложится порученіе. Если транспортъ съ больными будетъ отправленъ въ лагерь, госпиталь или на корабль: его сопровождаетъ, кромѣ медика, помощникъ дивизионнаго квартирмейстера, — послѣдній, предупредивъ транспортъ, приметъ мѣры, дабы ввѣренные ему больные были приняты, какъ должно».

Подписалъ: Рагланъ.

«И такъ, послѣ всего этого дѣйствительно въ словахъ Сентъ-Арно не было, быть можетъ, преувеличенія, ибо на нашихъ раненыхъ обращено было точно такое же вниманіе, какъ и на союзныхъ солдатъ, гдѣ сильно страдающіе больные, въ тылу своей арміи и внѣ опасности отъ непріятеля, остаются подъ дождемъ на улицахъ, единственно потому, что старшій медикъ даетъ приказаніе на словахъ, а подчиненный пренебрегъ передать его приказанія».

«Отвернемся отъ этихъ ужасающихъ картинъ и посмотримъ, какъ понимали и понимаютъ этотъ предметъ Русскія Арміи. — Нашъ народъ, не провозглашая себя первою націею въ мірѣ, всегда понималъ свои обязанности къ побѣжденному непріятелю; «лежакаго не бьютъ», говоритъ наша народная пословица, и обхожденіе Русскихъ съ пленными служить лучшимъ тому доказательствомъ; одер-

жавъ побѣду, армія наша заботится о раненыхъ, не различая, свои ли они или непріятельскіе, — въ послѣднихъ видятъ только страждущее человечество, и въ сраженіяхъ настоящей войны были случаи, что даже поздною ночью посылались команды при медикахъ, для отысканія тѣхъ изъ непріятелей, которые, во время боя, могли остаться незамѣченными въ лѣсахъ, кустахъ или оврагахъ (*).»

— Теперь, кромѣ знаменитаго хирурга нашего г. Пирогова, отправившагося, какъ извѣстно, въ Севастополь, кромѣ многихъ молодыхъ хирурговъ и медиковъ, назначенныхъ ему въ помощники, отправлены еще изъ С.-Петербурга въ Крымъ Сестры Попеченія о раненыхъ и больныхъ въ военныхъ госпиталяхъ, принадлежащія къ *Общинѣ Воздвиженія Животворщаго Креста*, учрежденной, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны. Это первое отдѣленіе состоитъ изъ тридцати одной сестры; онѣ ввѣрены непосредственному надзору особой начальницы и, на иждивеніи Ея Высочества, обезпечены всѣмъ нужнымъ для ихъ содержанія, какъ во время пути, такъ и во время пребыванія ихъ въ Крыму и другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій. Цель Крестовоздвиженской Общины Сестеръ Попеченія о раненыхъ и больныхъ опредѣляется самимъ ея названіемъ. Сестры Попеченія избираются изъ челоуѣколюбивыхъ, извѣстныхъ своимъ поведеніемъ и добросовѣстностью женщинъ, Русскихъ подданныхъ всѣхъ свободныхъ состояній и преимущественно имѣвшихъ уже случай ходить за больными. Изъявившія желаніе поступить въ Сестры Попеченія отправляются, на первый разъ, въ Крымъ и распределяются въ тамошніе госпитали. За тѣмъ, по усмотрѣнію начальства, онѣ могутъ быть назначаемы и въ другія мѣста, согласно военнымъ потребностямъ.

— Къ числу значительныхъ патріотическихъ пожертвованій послѣдняго времени, принадлежитъ пожертвованіе Харьковскимъ дворянствомъ сорока тысячъ рублей серебромъ на военныя издержки.

Въ Або былъ данъ благородный спектакль въ пользу семействъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, взятыхъ въ плѣнъ на Бомарзундѣ.

(*) Такъ, послѣ сраженія при Галь-Кадыкъ-Ларѣ, посланъ былъ, по приказанію Командовавшаго войсками Князя Бебутова и распоряженію бывшаго Штабъ-Доктора Кавказскаго Корпуса, Д. С. С. Попова, баталіонный лекаръ Топорковъ, для отысканія валявшихся въ кустахъ непріятельскихъ раненыхъ, которыхъ успѣли перенести на перевязочный пунктъ около 30-ти челоуѣкъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ семействъ, обобранныхъ Французами до чиста, отправлены въ Петербургъ, гдѣ имъ подана была щедрая помощь; другіе же пока только могли добраться до Або. Тамошній комендантъ, генераль лейтенантъ Дершау, употребилъ къ ихъ пособию всѣ средства, какія только были у него подъ руками, а тамошнія дамы придумали въ пользу ихъ спектакль, въ которомъ приняло участіе лучшее общество города. Исполненіе, какъ пишутъ оттуда, было прекрасно, театръ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, биткомъ набитъ, и сами зрители щедро возвышали плату за мѣста, по своему произволу.

— Въ дополненіе къ проекту сооруженія желѣзной дороги отъ Москвы къ Черному морю, предписано еще произвести изысканія къ сооруженію желѣзной дороги отъ Харькова до Феодосіи, черезъ городъ Александровъ и мѣстечки Геничи и Арабать. Для соединенія же С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги съ Кенигсбергскою, въ Эйдкунденъ, предположено провести желѣзную дорогу черезъ Ковно и Вильно.

— Въ Новгородской Губерніи, съ разрѣшенія Департамента Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, въ слѣдствіе просьбы статскаго совѣтника Фрицше, отставнаго гвардіи полковника Аничкова, коллежскаго ассессора Илимова и Боровичскаго 3-й гильдіи купца Воронкова, устраивается, близъ города Боровичъ, заводъ для обработки свръныхъ колчедановъ съ главною цѣлю добычи изъ нихъ свры.

— Въ Юрьевецкомъ уездѣ открыты въ настоящемъ году два очень замѣчательныя и до сихъ поръ небывалыя въ томъ краю заведенія: 1) Купца Зварыкина, для мочки льна по бельгійскому способу, и 2) Льно-прядильной фабрики Брюханова. Оба эти заведенія пущены въ ходъ въ довольно большихъ размѣрахъ. Готовится къ открытію еще и третье заведеніе, въ городѣ Нерехтѣ, одного иностранца, такъ же для мочки льна, но только холодною водою, а не горячею, какъ это принято у купца Зварыкина. Всѣ эти заведенія подають надежду къ большому развитію въ томъ краю торговли льномъ и льняными произведеніями.

— Изъ отчета г. Вице-президента Русскаго Географическаго Общества, читаннаго имъ въ засѣданіи, бывшемъ 30-го октября, видно, что занятія Общества въ теченіи нынѣшняго лѣта, и ученныя работы его въ настоящее время состояли и состоятъ въ слѣдующемъ:

Кромѣ снаряженія ученой экспедиціи въ Восточную Сибирь, о которой мы уже говорили въ нашихъ известіяхъ, нынѣшнимъ лѣ-

томъ еще три экспедиціи дѣйствовали на разныхъ мѣстахъ и съ разною цѣлью изысканій.

Двѣ изъ нихъ, а именно: одна — для изслѣдованія *Каспійскаго рыболовства*, и другая — для собранія подробныхъ свѣдѣній о *движеніи торговли на важнѣйшихъ Украинскихъ ярмаркахъ*, продолжали свои дѣйствія, начатыя еще въ прошломъ году. Изслѣдователь движенія торговли на Украинскихъ ярмаркахъ заключилъ, нынѣшнею осенью, рядъ своихъ занятій по собиранію данныхъ о торговлѣ, на Покровской ярмаркѣ, въ Харьковской губерніи. Наконецъ, третья экспедиція, снаряженная для изслѣдованія замѣчательнаго въ геогностическомъ отношеніи пространства Черноярскаго уѣзда, занимаемаго горами Богдо, Чепчачи и другими, отправилась на мѣсто изслѣдованія въ іюль нынѣшняго года, и къ концу этого мѣсяца окончить свои занятія, возвратясь съ полнымъ и разнообразнымъ запасомъ свѣдѣній объ этой малозслѣдованной мѣстности.

Предпріятыя Обществомъ изданія печатались безостановочно въ теченіе лѣта. Въ это время вышли въ свѣтъ двѣ книжки Вѣстника, 3-я и 4-я, и опубликована вновь этнографическая задача, съ измѣненіемъ срока доставленія отвѣтовъ и увеличеніемъ преміи за удовлетворительное разрѣшеніе вопросовъ.

Другія изданія, еще не совершенно оконченныя въ настоящую минуту, значительно подвинулись стараніями Гг. членовъ, принявшихъ на себя наблюденіе за ихъ печатаніемъ.

10-я книжка Записокъ, печатаемая подъ редакцію дѣйствительнаго члена И. П. Арапетова, приготовлена уже почти окончательно: болѣе двадцати листовъ текста статьи, о торговлѣ Россіи съ Среднею Азіею, П. И. Небольсина, отпечатаны; приготовлена слѣдующая къ этой книжкѣ карта пунктовъ Сѣверо-Западной части Средней Азіи, опредѣленныхъ астрономически, и отлитографирована, въ теченіе лѣта, карта озера Иссыкъ-Куль, Я. В. Ханькова, которую, вмѣстѣ съ ожидаемымъ къ ней пояснительнымъ текстомъ, предполагено напечатать въ этой же книжкѣ Записокъ.

Второй томъ Трудовъ Уральской Экспедиціи, пріостановившійся на время печатаніемъ, по случаю отсутствія изъ Петербурга Полковника Гофмана, въ настоящее время быстро подвигается впередъ и, по всей вѣроятности, выйдеть въ свѣтъ въ нынѣшнемъ же году на Русскомъ и на Нѣмецкомъ языкахъ.

Изданіе атласа тверской губерніи продолжается съ успѣхомъ. Въ теченіе лѣта изготовлены печатаніемъ еще два выпуска (Зуб-

цовскій и Старичкѣй уезды), которые на дняхъ должны поступить въ продажу. Рядомъ съ продолженіемъ хромофотографирования листовъ атласа приступлено къ печатанію: *Экономическаго примѣчанія, межевой вѣдомости и алфавитовъ къ атласу тверской губерніи*. Это новое изданіе будетъ выходить, подобно атласу, выпусками и въ томъ же порядкѣ, какъ отпечатывались карты. Первый выпускъ межеваго описанія калезинскаго уезда уже начать печатаніемъ, и въ слѣдующемъ году выйдетъ въ свѣтъ.

Сводъ климатическихъ свѣдѣній, составленный г. Поропинымъ и печатаемый подъ названіемъ *Сельской Лѣтописи*, изготовленъ уже болѣе, чѣмъ на половину.

Всѣ исчисленныя изданія принадлежать къ числу работъ, которыя должны быть окончены въ непродолжительномъ времени; но сверхъ того предположены Обществомъ и дѣятельно готовятся слѣдующія изданія:

1) *Памятники русскаго народнаго языка* обрабатываются постоянно помощникомъ предсѣдательствующаго въ отдѣленіи этнографіи, И. И. Срезневскимъ.

2) *Третій и слѣдующіе выпуски Этнографическаго сборника* будутъ выходить на прежнемъ основаніи.

3) *Переводъ Риттерова Землеводія*. Дѣйствительный членъ П. П. Семеновъ, принявшій на себя редакцію изданія, неутомимо занимается этимъ трудомъ, пользуясь въ Берлинѣ совѣтами самого Риттера.

Кромѣ этихъ готовящихся трудовъ и работъ, окончательно утвержденныхъ для напечатанія, въ распоряженіи Общества находятся еще многія замѣчательныя статьи, которыя могутъ войти въ составъ новыхъ изданій. Къ этому числу принадлежать: 1) полученный въ теченіе лѣта отчетъ Г. Пахта объ изслѣдованіи Девопской почвы, съ рисунками окаменѣлостей и геогностическою картою обзорной имъ мѣстности средней Россіи; 2) изготовленный членомъ Совѣта, Г. П. Гельмерсеномъ, подробный отчетъ объ его изслѣдованіяхъ той же почвы, составляющей начало разысканій объ этомъ предметѣ, 3) и наконецъ, рассмотрѣнные въ отдѣленіяхъ и одобренные къ напечатанію труды: 1) Г. Эйхвальда — о Чудскихъ кояхъ въ Восточной Сибири; 2) Г. Траутфеттера — древнія сказанія о мѣстѣ жительства Славянъ; 3) Г. Германова — о постепенномъ распространеніи однодворческаго поселенія въ Воронежской Губерніи, и другія.

Изъ этихъ матеріаловъ предполагается: частию составить, смотря по денежнымъ средствамъ Общества, одну и даже двѣ слѣдующія книжки Записокъ, частию помѣстить ихъ въ журналы Общества.

Значительное число статей, доставленныхъ Сибирскимъ Отдѣломъ, преимущественно о мало извѣстныхъ и отдаленныхъ краяхъ Восточной Сибири, побудило Секретаря Общества, В. А. Милютина, предложить Сибирскому Отдѣлу проектъ объ изданіи особыхъ Записокъ, подобно Кавказскому Отдѣлу, съ тѣмъ, чтобы печатаніе этого изданія, за неимвнѣемъ въ Иркутскѣ типографскихъ средствъ, производилось въ С. Петербургѣ.

Къ этимъ свѣдѣніямъ прибавимъ, что «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» будетъ издаваться въ 1855 году по тому же плану, какъ издавался и въ нынѣшнемъ 1854 году.

Вѣстникъ выходитъ черезъ каждыя два мѣсяца, начиная съ 15 марта, книжками въ 15—18 листовъ каждая. Двѣ такія книжки составляютъ часть, а три части или шесть книжекъ— годовое изданіе.

Цѣна за годовое изданіе «Вѣстника», съ картами, планами и пояснительными чертежами, — пять рублей серебромъ, какъ съ пересылкою, такъ и безъ пересылки.

ПИТЕРЪ СИМЦЛЬ.

РОМАНЪ

Капитана Мариэтта.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КАПИТАНЪ КИРНЕЙ ВТИРАЕТСЯ КО МНѢ ВЪ РОДСТВО. — СОСТЯЗАНІЕ ВЪ СТРЕЛЬБѢ МЕЖДУ КАПИТАНОМЪ И СТАРШИМЪ ЛЕЙТЕНАНТОМЪ. — АКУЛА, ОБЕЗЪЯНА И ЗАВѢЩАНІЕ. — СЦЕНА НА КВАРТЕРЬ-ДЕКЪ.

Адмиралъ, человекъ дѣятельный, не долго позволилъ кораблямъ, находившимся подъ его начальствомъ, оставаться праздными въ гавани, и чрезъ нѣсколько дней послѣ аристократическаго бала, мною описаннаго, вся эскадра разошлась по своему назначенію. Я съ удовольствіемъ оставилъ заливъ, потому-что изобиліе скоро надѣдаетъ и тогда смотрѣть не захочешу на всѣ эти апельсины, бананы, кокосы, обѣды и кларетъ армейскихъ офицеровъ и джентльменовъ острова. Морской вѣтеръ сдѣлался теперь для насъ драгоцѣннѣе всего на свѣтѣ и, еслибъ не акулы, мы охотно покупались бы въ морѣ, что составляетъ первое наслажденіе въ тропическихъ странахъ. Мы, слѣдовательно, съ радостью приняли извѣстіе о назначеніи нашемъ въ крейсеровку близъ французскаго острова Мартиники. Капитанъ большую часть времени проводилъ на берегу, такъ что мы очень мало видѣли его, и корабль находился

въ совершенномъ распоряженіи старшаго лейтенанта, о которомъ я до сихъ поръ не успѣлъ еще поговорить. Это былъ человѣкъ, не большаго роста, рябой, съ рыжими волосами, хорошій морякъ и недурной офицеръ; то-есть онъ былъ практической морякъ и могъ указывать любому матросу передовой мачты въ его обязанности; это качество очень рѣдкое, и потому внушало матросамъ большое уваженіе. Впрочемъ, я никогда не видалъ офицера, который бы такъ гордился своими практическими свѣдѣніями, былъ въ тоже время хорошимъ мореплавателемъ и такъ много вредилъ своему авторитету, разыгрывая роль дегтарника (*) и унижаясь до грубости въ обращеніи. Таковъ былъ мистеръ Филлотъ: онъ гордился своимъ офицерскимъ шарфомъ и въ тоже время за панібрата обращался съ матросами; то бесѣдовалъ съ ними какъ съ равными, то ихъ же въ сердцахъ колотилъ. Характеромъ онъ былъ добръ, но очень вспыльчивъ; въ разговорахъ съ офицерами иногда грубъ, съ мичманами всегда невѣжливъ. Но вообще онъ былъ любимъ, хотя и не такъ уважаемъ, какъ бы слѣдовало старшему лейтенанту. Должно, впрочемъ, отдать ему справедливость: онъ былъ одинаковъ съ высшими и съ подчиненными; рѣзкость, съ какою онъ противорѣчилъ и высказывалъ свое невѣріе къ рассказамъ капитана Кирней, часто провозводила между ними на нѣкоторое время холодность.

День спустя послѣ того, какъ мы выѣхали изъ Карнильскаго залива, я былъ приглашенъ обѣдать въ каюту. Кушанья подавались на блюдахъ накладнаго серебра, имѣвшихъ очень пышный видъ, но въ сущности стоившихъ немного.

— Это блюдо, замѣтилъ капитанъ, подарили мнѣ одни купцы за то, что я спасъ ихъ имущество отъ Датчанъ во время крейсировки близъ Геліголанда.

— Какъ же этотъ лжець — слуга вашъ — сказалъ мнѣ, что вы купили ихъ въ Портсмутѣ? возразилъ старшій лейтенантъ. Я спрашивалъ его сегодня на кухнѣ.

— Какъ ты смѣлъ позволить себѣ такую ложь? сказалъ капитанъ, обращаясь къ своему слугѣ, стоявшему у него за стуломъ.

(*) Прозвище матросовъ въ Англіи.

— Я сказалъ, только не навѣрное, отвѣчалъ слуга.

— А не ты ли мнѣ говорилъ, что за деньгами присылали семь или восемь разъ, и что капитанъ расплатился шкотомъ (*).

— Ты осмѣлился сказать это? спросилъ разсерженный капитанъ.

— Мистеръ Филлотъ не понялъ меня, сэръ. Онъ въ это время бранилъ матросовъ, ловившихъ устрицъ, и не разслыхалъ меня. Я сказалъ, что мячманы заплатили за свою посуду фокмачтовымъ канатомъ.

— Ну, да! возразилъ капитанъ: это легко можетъ быть.

— Bravo, мистеръ камердинеръ! вскричалъ мистеръ Филлотъ. Ты — чортъ возьми! — такой же лжецъ какъ и твой... (господишь, готовъ онъ былъ брякнуть, но къ счастью остановился и прибавилъ:) какъ и твой отецъ.

Капитанъ перемѣнилъ разговоръ, спросивъ меня не хочу ли я ветчины.

— Это настоящій вестфальскій окорокъ, мистеръ Симпль. Мнѣ прислалъ его графъ Тронингсконъ, мой искренній другъ; онъ самъ бьетъ кабановъ въ Гарезкихъ горахъ.

— Какимъ же образомъ вы его получили, капитанъ Кирней?

— Есть средство на все, мистеръ Филлотъ, и первый консулъ (Наполеонъ) не такъ золъ какъ объ немъ рассказываютъ. Въ первый разъ окорокъ былъ присланъ мнѣ при очень милomъ письмѣ, писанномъ имъ собственноручно; я вамъ покажу его на дняхъ. Я написалъ отвѣтъ и переслалъ ему черезъ контрабандистовъ два четверскихъ сыра; съ тѣхъ поръ я получаю окорока регулярно. Бдали вы когда-нибудь вестфальскую ветчину, мистеръ Симпль?

— Да, сэръ, отвѣчалъ я; ѣлъ однажды у лорда Привилэджа.

— Лордъ Привилэджъ! э! да онъ мнѣ дальній родственникъ, — нѣчто въ родѣ cousin въ пятомъ колѣнѣ, возразилъ капитанъ Кирней.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? спросилъ я.

(*) Скотомъ канатъ.

— Так позвольте вамъ рекомендовать родственника, капитанъ Кирней, сказалъ старшій лейтенантъ: мистеръ Симплъ, внукъ лорда Привилэджа.

— Неужели! Скажу вамъ, мистеръ Симплъ, что за счастье почту служить вамъ во всемя, чѣмъ могу, и очень радъ имѣть васъ въ числѣ моихъ офицеровъ.

Въ этомъ не было ни на волосъ правды: капитанъ Кирней никакимъ образомъ не былъ мнѣ родня, — но сказавъ это однажды, онъ уже не могъ отпереться, а послѣдствія его лжи были для меня очень выгодны, потому что съ этихъ поръ онъ всегда обходился со мной очень ласково и называлъ меня *cousin*

Старшій лейтенантъ улыбнулся, и, когда капитанъ кончилъ свою рѣчь, подмигнувъ мнѣ глазомъ, какъ бы желая сказать: «вамъ счастье привалило.» Разговоръ перемѣнился. Капитанъ Кирней рассказывалъ чудеса, превосходившія всякое вѣроятіе, и всегда съ такимъ серьезнымъ видомъ, что я и теперь думаю, онъ вѣрилъ тому, что говорилъ. Тутъ я впервые увидѣлъ что такое привычка. Рассказывая исторію о взятіи какого-то корабля, онъ сказалъ:

— Французскій капитанъ палъ бы отъ моей руки, но въ ту минуту, какъ я поднялъ мушкетъ, пуля отбила курокъ моего ружья, такъ гладко, какъ будто бы его отрѣзали ножомъ:— замѣчательный случай! прибавилъ онъ.

— Далеко не то, что случилось на одномъ кораблѣ, на которомъ я находился, возразилъ старшій лейтенантъ. У втораго лейтенанта оторвало картечью клокъ волосъ на вискѣ, онъ только-что повернулся посмотреть что такое — пухъ! — и на другомъ срѣзало картечью же. Вотъ что я называю обрить, такъ обрить.

— Да, конечно, отвѣчалъ капитанъ Кирней; очень замѣчательное бритье, если только это правда; но извините меня, мистеръ Филлотъ, вы иногда рассказываете странныя исторіи. Для меня оно все равно, но вы подаете дурной примѣръ моему молодому родственнику, мистеру Симплъ.

— Капитанъ Кирней, отвѣчалъ старшій лейтенантъ, хохоча во все горло, извѣстно вамъ, чѣмъ назваъ горшокъ котла?

— Нѣтъ, сэръ, не знаю! отвѣчалъ капитанъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства. Мистеръ Симплъ, угодно вамъ стакаъ вина?

Я думалъ, эта маленькая ссора приостановитъ капитана; оно такъ и случилось, но только на нѣсколько минутъ, а тамъ онъ опять началъ. Старшій лейтенантъ замѣтилъ, что нужно бы каждое утро впускать воду въ корабль и потомъ выкачивать ее посредствомъ насосовъ, чтобъ уничтожить дурной запахъ отъ застоявшейся въ трюмѣ воды.

— Бываетъ и хуже запахъ, чѣмъ отъ застоявшейся воды, возразилъ капитанъ. Какъ бы вы думали? у меня весь корабельный экипажъ чуть не отравился однажды запахомъ розъ. Это случилось со мной въ Средиземномъ морѣ. Я былъ у Смирны, крейсировавъ для поиски французскаго корабля, отправившагося во Францію съ пашею въ качествѣ посланника. Я зналъ, что это хорошій призъ, и зорко высматривалъ море, какъ вдругъ однажды замѣтилъ его со стороны подвѣтреннаго каттета. Мы погнались за нимъ на всѣхъ парусахъ, но онъ все уходилъ отъ насъ, пока оба мы не очутились противъ вѣтра, и къ ночи потеряли его изъ виду. Зная, что онъ отправляется въ Марсель, я постарался ветрѣтиться съ нимъ опять. Вѣтеръ дулъ легкій и переменный; но пять дней спустя, лежа передъ разсвѣтомъ въ своей каютѣ, я почувствовалъ сильный запахъ, выходявшій изъ подвѣтренныхъ портовъ; втянувъ въ себя два или три раза воздухъ, я расчухалъ, что то былъ запахъ розъ. Позвавъ къ себѣ дежурнаго офицера, я освѣдомился, не видать ли чего въ морѣ. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ; я приказалъ осмотрѣть хорошенько горизонтъ въ подзорную трубу и въ особенности по направлению къ вѣтру. Запахъ сдѣлался еще ощутительнѣе, когда въ воздухѣ посвѣжѣло. Я велѣлъ окрестить рею и распустить всѣ паруса, потому что чуялъ, что Турокъ недалеко. Нарасвѣтѣ я дѣйствительно увидѣлъ его, въ трехъ миляхъ впереди насъ. И хотя при попутномъ вѣтрѣ бѣгъ его превышалъ нашъ, однакожь противъ вѣтра онъ не могъ уйти отъ насъ: къ полудню, Турокъ и его гаремъ были въ нашей власти. Въ другое время я вамъ расскажу прекрасную исторію объ этихъ леях. Корабль составлялъ богатый призъ; между прочимъ въ немъ была цѣлая бочка духовъ.

— Ой! вскричалъ старшій лейтенантъ. Цѣлая бочка?

— Ну, да! возразилъ капитанъ. Турецкая бочка—она не такъ

велика какъ наша; у нихъ мѣры совсѣмъ другія. Я взялъ въ свой бригъ все, что было самаго драгоцѣннаго — около двадцати тысячъ цехиновъ, ковры, и между прочимъ эту бочку розовыхъ духовъ, запахъ которыхъ мы слышали за три мили. Мы перенесли ее благополучно на бортъ, но трюмовой юнга вздумалъ бросить ее съ размаху въ водочное отдѣленіе и она разлетѣлась въ дребезги. Никогда не видалъ я подобной сцены: мой старшій лейтенантъ и многіе матросы попадали въ обморокъ, а тѣхъ, кто находился въ трюмѣ, вынесли безжизненными и не скоро-то они очнулись. Мы напустили воды въ бригъ и выкачали ее, но ни что не могло уничтожить запаха, который былъ такъ силенъ, что когда я прибылъ въ Мальту, сорокъ матросовъ было у меня въ спискѣ больныхъ. Въ Мальтѣ я тотчасъ же вычналъ изъ службы юнгу за его неосторожность. Я вздумалъ окуривать бригъ: не помогло; и только, погрузивъ его въ воду на три недѣли, я добился, что запахъ сдѣлался нѣсколько сносенъ; но совсѣмъ уничтожить его никакъ нельзя было, такъ что адмиралъ отослалъ бригъ домой и исключилъ его изъ употребленія. На верфи съ нимъ ничего не могли сдѣлать. Его назначили въ сломку и продали брейтонскимъ и тенбриджскимъ купцамъ, которые изъ его матеріала дѣлали ящики для укладки гагантерейныхъ товаровъ; выдумка эта принесла имъ большую пользу, благодаря сильному запаху розъ. Были вы въ Брейтонѣ, мистеръ Симплъ?

— Нѣтъ, сэръ.

Въ это время вошелъ дежурный офицеръ и объявилъ, что подъ кормовымъ надзоромъ находится огромная акула: не позволить ли капитанъ поохотиться за ней офицерамъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ капитанъ Кирней; я ненавижу акулъ, какъ чорта. Будучи въ Средиземномъ морѣ, я чуть не лишился, благодаря одной изъ нихъ, около 14,000 фунтовъ стерлиговъ.

— Могу ли освѣдомиться, какимъ образомъ? серьезно спросилъ старшій лейтенантъ. Мнѣ очень любопытно было бы узнать это.

— Исторія очень простая, отвѣчалъ капитанъ. У меня была старая родственница въ Мальтѣ, которую я отрымъ совершенно

случайно, — дѣвица лѣтъ шестидесяти, всю жизнь проведшая на этомъ островѣ. Я гулялъ по Страда-Реале, какъ вдругъ увидѣлъ огромнаго павьяна, содержавшагося по близости въ звѣринцѣ, который, схвативъ за хвостъ маленькую жирную обезьянку, тащилъ ее къ себѣ. Какая-то старуха визжала изо всей мочи, призывая на помощь. потому-что всякій разъ, какъ она старалась вырвать у павьяна свою обезьянку, онъ нападалъ на нее, показывая видъ будто хочетъ ее прибить, и одной рукой хватался за ея платье, а въ другой крѣпко сжималъ обезьяну. Я былъ сердитъ на этого звѣря, потому-что однажды ночью, когда я проходилъ мимо него, онъ вздумалъ сдѣлать на меня нападеніе; а потому, замѣтивъ въ чемъ дѣло, обнажилъ шпагу и такъ ударилъ мистера Джако, что онъ заревѣлъ и отскочилъ назадъ, истекая кровью, какъ свинья. Маленькая обезьянка осталась въ моей власти; я поднялъ ее и подарилъ ея госпожѣ. Испуганная старуха просила меня проводить ее домой. У ней былъ прекрасный домъ. Усѣвшись на софу, она разсыпалась въ изъявленіяхъ благодарности за мою благородную помощь, какъ она выражалась, и между прочимъ сказала, что зовутъ ее Кирней. Узнавъ это, я тотчасъ же доказалъ ей наше родство, чему она очень была рада и просила меня распоряжаться въ ея домѣ, какъ въ своемъ. Черезъ два года мнѣ опять пришлось стоять въ Мальтѣ, и я какъ нельзя лучше устроилъ свои дѣла съ родственницей: старуха намекнула мнѣ, что сдѣлаетъ меня своимъ наследникомъ, такъ-какъ не знаетъ другихъ родственниковъ. Когда наконецъ мнѣ приказано было отправляться назадъ, я, не желая разстаться съ нею, упросилъ ее ѣхать вмѣстѣ и предложилъ свою собственную каюту. За недѣлю передъ тѣмъ она была очень нездорова и написала завѣщаніе, въ которомъ назначила мнѣ все свое имущество; однакожь послѣ она выздоровѣла и потолстѣла больше прежняго. — Мистеръ Симплъ, вино ждетъ васъ. Врядъ ли вы пивали у лорда Привилѣджа такой прекрасный кларетъ; я самъ вывезъ его десять лѣтъ тому назадъ, когда командовалъ Кокеткой.

— Странно! замѣтилъ старшій лейтенантъ. Мы въ Барбадосѣ купили вино совершенно съ тѣмъ же значкомъ на бутылкахъ и пробкахъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ капитанъ: у всѣхъ старинныхъ

заведеній одинъ значекъ; но сомнѣваюсь, чтобъ ваше вино могло сравниться съ этимъ.

Желая дослушать конецъ исторіи, мистеръ Филлотъ на этотъ разъ не сталъ противорѣчить и доказывать, что онъ видѣлъ какъ капитанъ прислалъ это вино на корабль въ Барбадосъ. Капитанъ Кирней продолжалъ:

— Ну, такъ я отдалъ каюту старухѣ и повѣсилъ свою койку въ пороховой камерѣ на все время возвратнаго плаванія. Около Цевты случилась тишь, продолжавшаяся два дня. Старуха очень была занята своей обезьяной, и я два раза въ недѣлю распорядился мытьемъ ея; наконецъ, однажъ, она мнѣ надоѣла и я поручилъ купать ее кокетному командиру. Кокетный командиръ мой былъ шутникъ: онъ тайкомъ отъ меня привязывалъ обезьяну къ веревкѣ и такимъ образомъ окуналъ ее въ море. Во время этой-то тиши онъ и вздумалъ куцать обезьяну на этотъ манеръ, какъ вдругъ, откуда ни возмись, проклятая акула и однимъ глоткомъ упрятала обезьяну. Кокетный командиръ донесъ мнѣ объ ея гибели, какъ о вещи нестоящей разговора; но я лучше его понималъ важность случая и велѣлъ заковать малаго въ желѣза. Потомъ я сошелъ внизъ и увѣдомилъ миссъ Кирней о несчастномъ приключеніи, прибавивъ, что виновнаго жестоко накажу. Старуха страхъ разгнѣвалась и объявила, что во всемъ виноватъ я, что я, завидуя обезьянѣ, сдѣлалъ это нарочно. Чѣмъ больше я оправдывался, тѣмъ больше она сердилась; наконецъ, чтобъ укрыться отъ ея гнѣва и сохранить свое хладнокровіе, я принужденъ былъ удалиться на палубу. Не прошло и пяти минутъ, какъ и она явилась туда же. Она вошла съ завѣщаніемъ въ рукахъ, и, гордо взглянувъ на меня, сказала: «Такъ какъ акула съѣла мою обезьяну, то пусть съѣстъ и завѣщаніе.» Сказавъ это, она бросила его за бортъ и всею тяжестью своей шлепнулась на каронаду. «Очень хорошо, мадамъ, сказалъ я; но я надѣюсь вы мало по малу охладитесь и напишете новое.» — «Клянусь моимъ спасеніемъ, что не сдѣлаю этого!» возразила она. «А вотъ-таки сдѣлаете,» отвѣчалъ я. «Никогда, Богъ мнѣ свидѣтель! Деньги мои, капитанъ Кирней, достанутся теперь ближайшимъ наследникамъ, а вы не принадлежите къ ихъ числу.» — Зная ее за особу положительную и твердую въ словѣ, я рѣшился тайкомъ отъ нея поймать завѣщаніе, плававшее позади

насъ въ какихъ—нибудь пятидесяти шагахъ. Подумавъ съ минуту, я позвалъ боцманскаго помощника и велѣлъ ему подать знакъ къ купанью. «Извините, миссъ Кирней, сказалъ я, люди станутъ сейчасъ купаться, и я думаю, вы не захотите видѣть ихъ голыми. А если хотите, впрочемъ, то можете остаться на палубѣ.» Она злобно взглянула на меня и, вставъ съ каронады, заковыляла къ лѣстницѣ, приговаривая, что «это оскорбленіе — новое доказательство того, какъ я мало заслуживаю ея благорасположенія.» Лишь только она ушла внизъ, боты были спущены, я сѣлъ въ одинъ изъ нихъ и досталъ завѣщаніе, все еще плававшее. Такъ-какъ въ бригахъ нѣтъ назади оконъ, то она, конечно, не могла замѣтить моего маневра и воображала, что завѣщаніе погибло. Погода стояла дурная, и благодаря этому, я равно потерѣ ея любимой обезьяны и безпрестаннымъ ссорамъ со мной, такъ-какъ послѣ этого я всячески старался сердить ее — она сдѣлалась больна и я похоронилъ ее черезъ недѣлю по прибытіи въ Портсмуть. Старуха сдержала свое слово и не написала новаго завѣщанія. Я представилъ то, которое имѣлъ, въ судъ и получилъ всѣ ея деньги.

Такъ-какъ ни старшій лейтенантъ, ни я не могъ знать правдива ли эта исторія, то мы поздравили его съ счастьемъ и вскорѣ потомъ ушли изъ каюты подѣлиться съ товарищами этими чудными рассказами. Мы нашли, что акулу уже убили и въ это время втаскивали на палубу. Мистеръ Филлотъ также вышелъ на палубу. Офицеры были заняты акулой, и перегнувшись черезъ бортъ, кричали и распоряжались дѣйствіями матросовъ. Хотя въ это время дѣйствительно кварталъ-декъ не представлялъ порядка, но такъ-какъ капитанъ самъ позволилъ ловить акулу, то это было очень извинительно. Не такъ, однакожъ, рассудилъ мистеръ Филлотъ: онъ заговорилъ своимъ обыкновеннымъ слогомъ и началъ съ офицеровъ, командовавшихъ морскими солдатами.

— Мистеръ Вестлей, прошу васъ не стоять на койкахъ. Слѣзайте тотчасъ же, сэръ. Еслибъ кто изъ вашихъ солдатъ сдѣлалъ это, я лишилъ бы его на цѣлый мѣсяць грогу, и не понимаю, какъ вы позволяете себѣ подавать такой дурной примѣръ: отъ васъ такъ и пахнетъ казармами, сэръ. Это кто? мистеры Уильямсъ и Муръ — оба на койкахъ тоже: ступайте на вердушку

фокмачты, сейчас! Мистеръ Томасъ, на гротъ-мачту! А это кто тамъ крадется? Полѣзайте-ка на гикъ посмотрѣть не увидите ли Лондона. Служба ни къ чорту не годится. Не понимаю, что это нынче за офицеры! Я вотъ скоро женю этихъ молодыхъ джентльменовъ на дочеряхъ пушкарей. Квартерь-декъ они обращаютъ въ звѣринецъ. Да и не удивительно, когда сами лейтенанты подаютъ примѣръ.

Это послѣднее замѣчаніе могло относиться только къ О'Бріэну, суетившемуся въ ботѣ, пока выходка мистера Филлотъ не прекратила забавы. Онъ тотчасъ же вышелъ изъ бота, подошелъ къ мистеру Филлотъ и, приложивъ палецъ къ шляпѣ, сказалъ:

— Мистеръ Филлотъ, мы получили отъ капитана позволеніе поймать акулу, а ее нельзя поймать, чинно расхаживая взадъ и впередъ по палубѣ. Что касается до меня, пока капитанъ на бортѣ, я отвѣчаю только ему въ моемъ поведеніи; и если вы находите, что я дурно поступаю, жалуйтесь ему, но я не позволю вамъ говорить мнѣ такіа дерзости, какія вы говорите другимъ. Я здѣсь въ качествѣ офицера и джентльмена, и хочу, чтобъ со мной поступали сообразно моему достоинству. При томъ, позвольте вамъ замѣтить, по моему мнѣнію, кварталеръ-декъ гораздо болѣе оскверняется неприличными и грубыми словами, чѣмъ-когда офицеръ станетъ на койку. Впрочемъ, такъ-какъ вы заблагоразсудили вмѣшаться въ это дѣло, то извольте теперь сами, втаскивать акулу.

Мистеръ Филлотъ вспыхнулъ: ему никогда еще не случалось приходиться въ столкновеніе съ О'Бріэномъ; всѣ прочіе офицеры терпѣливо сносили его грубое обращеніе.

— Очень хорошо, мистеръ О'Бріэнтъ; вы будете отвѣчать за эту рѣчь, сказалъ онъ: я донесу объ васъ капитану.

— Я васъ избавлю отъ труда; вотъ идетъ капитанъ Кирней, и я самъ донесу ему обо всемъ.

Онъ и привелъ это въ исполненіе, лишь только капитанъ вошелъ на кварталеръ-декъ.

— Ну такъ, отвѣчалъ капитанъ, обращаясь къ мистеру Филлотъ; въ чемъ вы обвиняете мистера О'Бріэна?

— Я обвиняю его, сэръ, въ дерзости. Можно ли со мной такъ говорить на кварталеръ-декѣ?

— Право, мистеръ Филлотъ, возразилъ капитанъ Кирней, а ничего не вижу неприличнаго въ томъ, что сказалъ мистеръ О'Бриэнъ. Здѣсь командую я, и если провинился офицеръ, почти равный вамъ по чину, то не ваше дѣло осуждать его. Дѣло въ томъ, мистеръ Филлотъ, что вы сами въ вашихъ рѣчахъ не такъ деликатны, какъ бы я желалъ. Я все слышалъ, и нахожу, что вы неуважительно поступили съ *вашимъ начальникомъ*, то-есть со мной. Я далъ позволеніе поймать акулу, а вмѣстѣ съ тѣмъ допустилъ маленькое уклоненіе отъ порядка, неизбежное въ такихъ случаяхъ. Вы заблагоразсудили отгнѣнить мое позволеніе, равняющееся приказанію, позволили себѣ грубую рѣчь и наказали молодыхъ джентльменовъ за исполненіе моего приказа. Много меня обяжете, если позовете ихъ внизъ и умѣрите вашу вспыльчивость на будущее время. Я всегда готовъ поддерживать вашъ авторитетъ, когда вы правы, и сожалею, что въ этомъ случаѣ принужденъ дѣйствовать противъ него.

Это былъ строгій нагоняй для мистера Филлота, который, окликнувъ верхушки мачтъ и созвавъ оттуда мичмановъ, тотчасъ же удалился внизъ. Лишь только онъ ушелъ, мы опять вскочили на койки, акулу втащили на бортъ, и всѣ сковороды, сколько ихъ ни было на кораблѣ, пошли въ дѣло. Намъ всѣмъ очень понравился поступокъ капитана Кирней при этомъ случаѣ.

— Онъ добрый малый и умный офицеръ, замѣтилъ О'Бриэнъ. Какая жалость, что онъ такой враль!

Должно отдать справедливость мистеру Филлоту, этотъ случай нисколько не внушилъ ему злобы противъ насъ, и онъ обходился съ нами по прежнему; а это много говоритъ въ его пользу, если принять въ соображеніе, сколько поводовъ имѣетъ старшій лейтенантъ досаждать своимъ подчиненнымъ и какую власть называть ихъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Еще стычка между капитаномъ и старшимъ лейтенантомъ. — Военная экспедиция. — Ошибка мистера Чукса. — Онъ умираетъ джентльменомъ. — Стэнбёрнъ начинаетъ рассказъ сраженія при Свѣт-Винсентъ.

Спустя недѣлю по прибытіи къ датскому острову св. Томи, мы замѣтили у самаго берега бригъ. Мы погнались за нимъ на всѣхъ парусахъ, и были уже въ полторѣ мили отъ берега; но онъ успѣлъ удалиться подъ защиту батареи, открывшей по насъ огонь. Къ счастью, батарея находилась на слишкомъ большомъ возвышеніи, такъ что ядра просвистѣли надъ нашими головами и между мачтъ.

— Мнѣ привелось видѣть однажды замѣчательный случай, замѣтилъ капитанъ Кирней. Батарея выстрѣлила по нашему фрегату разомъ изъ трехъ пушекъ, и всѣ три ядра срезали по канату на фокмачтѣ, такъ что всѣ наши фокмачтовые реи полетѣли на зельгоотъ. Чтобы Французы не подумали, что они слишкомъ итѣки, мы всѣ принялись возобновлять фокмачтовые паруса, и покада матросы сходили съ реи, мы уже сплели канаты и снова распустили фокмачтовые паруса.

Мистеръ Филлотъ не могъ выдержать такой необыкновенной лжи и возразилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ, странный случай, капитанъ Кирней; но я былъ свидѣтелемъ еще болѣе страннаго обстоятельства. Въ одной стычкѣ съ датскими канонирными ботами мы засыпали пороху въ четыре пушки на главной палубѣ, и лишь только пушкарѣ вынули свои банники, какъ въ каждое жерло влетѣло по неприятельскому ядру, и такимъ образомъ довершенъ былъ зарядъ. Мы выстрѣлили въ неприятеля собственными его ядрами и — представьте! — это повторилось три раза сряду.

— Клянусь всѣмъ на свѣтѣ, вскричалъ капитанъ Кирней, наводившій въ это время зрительную трубку на батарею: кажется, вамъ это обстоятельство приснилось, мистеръ Филлотъ.

— Столько же, какъ и вашъ случай съ фокмачтовыми канатами, капитанъ Кирней.

Въ эту минуту капитанъ Кирней поднялъ надъ плечемъ своимъ зрительную трубку. Ядро засвистало и вырвало у него изъ рукъ трубку, разбивъ ее въ дребезги.

— Вотъ вамъ разъ, сказалъ хладнокровно капитанъ Кирней; неужели вы думаете, что это же самое можетъ случиться три раза сряду? Въ другой разъ они оторвутъ у меня голову, руку, но ужъ не зрительную трубку; а фокмачтовые паруса легко могли быть срѣзаны за разъ тремя отдѣльными ядрами. Подайте-ка мнѣ другую трубку, мистеръ Симпль; я увѣренъ, что это корсаръ. Какого мнѣнія вы, мистеръ О'Бріанъ?

— Я одного мнѣнія съ вами, капитанъ Кирней, отвѣчалъ О'Бріанъ, и думаю, что было бы очень полезнымъ упражненіемъ для корабельнаго экипажа взять этотъ бригъ подъ самыми выстрѣлами батарей.

— Руль въ штирбортъ, мистеръ Филлотъ! Отойдите сначала на четыре компасныхъ линіи отъ берега, а объ этомъ подумаемъ ночью.

Фрегатъ поворотилъ назадъ и отошелъ отъ батарей. Это было почти за часъ до захожденія солнца; а въ Вестъ-Индіи солнце заходитъ совершенно иначе, чѣмъ въ сѣверныхъ широтахъ. Сумерковъ нѣтъ: оно садится во всей своей славі, окруженное золотыми и изумрудными облаками восхитительныхъ оттѣнковъ; но лишь только зашло за горизонтъ, тѣмнота всюду воцаряется.

Лишь только потемнѣло, мы поплыли къ берегу. Послѣ краткаго совѣщанія между капитаномъ, мистеромъ Филлотомъ и О'Бріаномъ, Филлотъ рѣшался на попытку взять бригъ абордажемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя предпріятіе этого рода крайне опасно, такъ-какъ всѣ невыгоды на сторонѣ нападающаго, но ущербъ, причиняемый нашей торговлѣ корсарами, былъ такъ великъ въ Вестъ-Индіи, что позволительно было рѣшиться на всякое пожертвованіе для пользы отечества. Тѣмъ не менѣе капитанъ Кирней — храбрый и благоразумный офицеръ, разсчитывавшій всѣ вѣроятности и не любившій рисковать жизнію людей безъ крайней необходимости — не одобрилъ этой атаки, очень хорошо зная заливъ, въ которомъ бригъ стоялъ на якорѣ. И хотя мистеръ Филлотъ и О'Бріанъ совѣтовали произвести атаку ночью, но капитанъ рѣшилъ напасть днемъ. Онъ разсчитывалъ, что хотя опасность отъ этого увеличится, но за то

силы наши сдѣлаютъ надежнѣе, потому—что тотъ, кто бы обратился въ бѣгство ночью, не осмѣлится сдѣлать этого днемъ. При томъ же очень вѣроятно, что какъ батарея такъ и корсаръ будутъ всю ночь на сторожѣ, тогда какъ днемъ, не ожидая нападенія, они могутъ быть захвачены врасплохъ. Положено было вслѣдствіе этого, что ночь посвящена будетъ приготовленіямъ: боты будутъ спущены и отправлены къ берегу, гдѣ они укроются за скалами, образующими мысъ съ одной стороны гавани; если ихъ не замѣтятъ, они должны будутъ оставаться тамъ до полудня, въ которое время, по всѣмъ вѣроятностямъ, бѣольшая часть непріятельскаго экипажа, будетъ на берегу, и корабль можно будетъ взять безъ большихъ затрудненій.

Приготовляясь къ экспедиціи подобнаго рода, военный корабль представляетъ крайне интересное зрѣлище, и такъ—какъ читатель, вѣроятно, никогда не видалъ ничего подобнаго, то, я думаю не излишне будетъ описать его. Боты военного корабля всегда имѣютъ два экипажа: обыкновенный, набранный такъ, чтобъ не лишить корабль лучшихъ его матросовъ, и служебный или военный, составленный изъ лучшихъ матросовъ корабля. Командиры ботовъ — самые надежные люди изъ всего экипажа и имѣютъ надзоръ за тѣмъ, чтобъ боты были, какъ слѣдуетъ, оснащены.

Къ экспедиціи этой назначены были лаунчъ (*), яликъ, первый и второй кутеры. Они обыкновенно бываютъ вооружены пушками на лафетахъ, поставленными на носу и кормѣ. Спустивъ боты, спустили также пушки и помѣстили ихъ на носу ботовъ. Потомъ уложили ящики съ патронами и прочей амуницией; ядра помѣстили на днѣ, и все было готово. Весла прикрѣпили на винтахъ, чтобъ можно было дѣйствовать ими безъ шума и размахивать назадъ и впередъ, не роняя за бортъ. Каждый боть запасся двумя или тремя бочками воды (заключавшими въ себѣ по семи галлоновъ) и водкой по порціи на матроса, на случай задержки по какому—нибудь непредвидѣнному обстоятельству. Матросы этихъ ботовъ занялись своимъ оружіемъ: кто прилаживалъ кремень къ пистолету, кто точилъ кинжалъ на брускѣ, или съ помощію пилки, заимствованной у оружейника, — всѣ весело работали. Мысль уча-

(*) Роль бота.

ствовать въ сраженіи служить всегда источникомъ радости для англійскаго матроса, и никогда не бываетъ онъ такъ веселъ, никогда не сыплетъ такимъ градомъ шутокъ, какъ въ это время. Такъ-какъ въ подобныхъ случаяхъ не рѣдко бываетъ, что двое или трое изъ экипажа ботовъ находятся въ спискѣ больныхъ, то надо видѣть съ какими мольбами пристають другіе, чтобъ быть принятыми въ замѣнъ отсутствующихъ. Сохраняли, вообще, серьезный видъ только тѣ, кому приходилось оставаться на фрегатѣ и не участвовать въ экспедиціи. Тутъ ужъ нѣчего отдавать приказъ объ экипировкѣ ботовъ: матросы обыкновенно занимаютъ ихъ задолго до свистка. Въ самомъ дѣлѣ, можно было бы подумать, что дѣло идетъ о какой-нибудь *partie de plaisir*, а не объ опасности и смерти.

Капитанъ Кирней самъ назначилъ офицеровъ, которые должны были командовать ботами. Такой опасной обязанности онъ не хотѣлъ ввѣрить ни одному мичману. Онъ говорилъ, что видалъ много случаевъ, въ которыхъ опрометчивость мичмановъ и безразсудная смѣлость вредили успѣху предпріятія. По этому онъ назначилъ мистера Филлота командовать лаунчемъ, О'Бріэна яликомъ, шкипера первымъ, мистера Чукса, боцмана, вторымъ кутеромъ. Мистеру Чуку очень нравилась мысль командовать ботомъ. Онъ пригласилъ меня съ собою, и я согласился на это предложеніе, хотя и намѣревался, по обыкновенію, отправиться съ О'Бріэномъ.

Почти за часъ до разсвѣта, фрегатъ подступилъ къ берегу на полторы мили и боты отчалили. Потомъ онъ поворотилъ назадъ и поплылъ обратно, въ надеждѣ къ разсвѣту быть на такомъ разстояніи, чтобъ и не подозрѣвали о томъ, что онъ выслалъ свои боты; а между тѣмъ мы спокойно приближались къ берегу. Черезъ четверть часа мы достигли мыса, составляющаго одну изъ сторонъ залива, и какъ нельзя лучше укрылись между скаль, выходящихъ изъ-подъ воды. Мы положили весла, привязали стоперсы и отдавъ былъ приказъ наблюдать строжайшую тишину. Скалы были высоки, и ботовъ нельзя было замѣтить иначе, какъ подошедши къ самому краю пропасти, да и тогда, по всѣмъ вѣроятностямъ, насъ приняли бы за подводные камни. Вода представляла поверхность гладкую, какъ стекло: матросы беззаботно перевѣшивались черезъ боты, любясь подводными кораллами и слѣдя за рыбой, скользящей между нихъ.

— Не могу сказать, мистеръ Слипль, сказалъ мнѣ въ полголоса мистеръ Чуксъ, чтобъ я многого ожидалъ отъ этой экспедиціи; думаю, число наше порядочно поуменьшится. За тишью слыдается буря, а какъ тихо все здѣсь! Однакожь надо снять мундиръ: солнце ужъ порядочно печетъ. Кокетный командиръ, подайте мнѣ мою куртку.

Мистеръ Чуксъ былъ въ одномъ только мундирѣ; куртку же положилъ на пушку, въ намѣреніи переодѣться лишь только сойдетъ тяжелая роса. Кокетный командиръ подалъ ему куртку и онъ сбросилъ съ себя мундиръ; но развернувъ ее, нашелъ, что захватилъ вмѣсто своей, куртку капитана Кирнея съ эполетами, которую капитанскій слуга, бравшій ее чистить, положилъ на ту же самую пушку.

— Клянусь дворянствомъ Англіи! вскричалъ мистеръ Чуксъ, я захватилъ нечаянно капитанскую куртку. Прекрасное дѣло! если надѣну теперь снова мундиръ, захлебнусь въ поту; если не надѣну куртки, изжарюсь; а если надѣну, такъ это сочтется неуваженіемъ.

Послышался съ трудомъ сдерживаемый смѣхъ матросовъ, и старшій лейтенантъ, находившійся въ лаунчѣ недалеко отъ насъ, обернулся спросить что такое. Вмѣстѣ со старшимъ лейтенантомъ сидѣлъ на заднемъ шкотѣ О'Бриэнъ; я нагнулся и рассказалъ имъ въ чемъ дѣло.

— Я, право, не знаю чѣмъ мистеръ Чуксъ можетъ повредить капитанской курткѣ, надѣвъ ее, сказалъ О'Бриэнъ; развѣ если ядро прошибетъ ее, но это будетъ вина не мистера Чукса.

— Разумѣется, возразилъ старшій лейтенантъ. При томъ же, если это случится, капитанъ возьметъ ее и будетъ клясться, что ядро пробило ему грудь на пролетъ, не причинивъ никакого вреда. Это послужитъ ему матеріаломъ для славной сказки. Надѣньте ее, мистеръ Чуксъ; вы будете цѣлью непріятеля.

— Этими я съ удовольствіемъ порисую, замѣтилъ боцманъ, обращаясь ко мнѣ, изъ-за одного удовольствія быть принятымъ за джентльмена, такъ-какъ въ сущности я дѣйствительно джентльменъ.

Улыбка показалась на всѣхъ устахъ, когда мистеръ Чуксъ надѣлъ капитанскую куртку и съ видимымъ удовольствіемъ опустился на задній шкотъ кутера. Одинъ изъ матросовъ вздумалъ улыбаться немного долѣе, чѣмъ сколько допускалъ мистеръ Чуксъ.

— Позвольте, мистеръ Веберъ, произнесъ мистеръ Чуксъ, наклоняясь къ нему — позвольте зашѣтить вамъ самымъ деликатнымъ образомъ въ свѣтѣ — такъ только намекнуть — что не въ обычаѣ смѣяться надъ начальникомъ. Хочу вамъ внушить, что вы проклятый, безстыдный сынъ морскаго повара. И если мы оба будемъ живы и здоровы, надѣюсь доказать вамъ, что хотя я и смѣшонъ въ ботѣ въ капитанской курткѣ, за то нисколько не смѣшонъ на борту фрегата съ тростью въ кулакѣ. Такъ ожидайте шквала къ тому времени, какъ прибудете на форкастель: вы у меня запрыгаете, какъ не прыгалъ еще ни одинъ французскій танцмейстеръ. Припомни мое слово, ты — подлипала, лизунъ, собачій сынъ!

Мистеръ Чуксъ, возвысивъ къ концу этой рѣчи голосъ больше, чѣмъ сколько слѣдовало при тогдашнихъ обстоятельствахъ, былъ остановленъ старшимъ лейтенантомъ, и снова опустился на задній шкотъ съ тою важностью и тѣмъ почтеннымъ видомъ, которые приличны парѣ энолетъ.

Мы до полудня оставались за скалами, не бывъ ни кѣмъ замѣчены: такъ хорошо мы спрятались. Посланный нами офицеръ, тщательно укрывавсь за скалами, нѣсколько разъ рекогносцировалъ непріятеля. Боты безпрестанно переѣзжали, то отъ корсара къ берегу, то съ берега къ корсару; но только къ берегу они отправлялись полные народу, а возвращались съ двумя или тремя человѣками. Мы могли, слѣдовательно, надѣяться, что застанемъ на кораблѣ очень мало защитниковъ. Мистеръ Филлотъ взглянулъ на часы, показалъ О'Бріэну въ доказательство, что онъ съ точностію исполнилъ приказанія капитана, и подалъ знакъ къ отправленію. Стоперы были отвязаны, пушки заряжены, матросы схватились за весла: черезъ двѣ минуты мы вышли изъ-за скалъ и вытанулись въ линію въ четверти мили отъ устья гавани, и мѣлѣ, чѣмъ въ полумили отъ корсарскаго брига. Мы гребли изо всей мочи, но безъ всякаго шума, пока непріятель первый не выстрѣлилъ по насъ изъ пушки. Онъ выстрѣлилъ совершенно неожиданно съ палубы, въ то время, какъ мы входили въ гавань, съ флагомъ' соединенной Великобританіи, плескавшимъ по водѣ, потому что была страшная тишь. Оказалось, что на низменностяхъ подъ скалами,

по объѣмъ сторонамъ залива, они соорудили батареи, изъ двухъ пушекъ каждую. Одна изъ этихъ пушекъ выстрѣлила по ботамъ картечью; но она находилась слишкомъ низко, и хотя вода всплеснулась не болѣе, какъ въ пяти шагахъ отъ лаунча, но мы не получили никакого вреда. Съ тѣмъ же счастьемъ избѣгли мы зарядовъ трехъ другихъ пушекъ; мы такъ скоро промелькнули мимо двухъ изъ нихъ, что они не успѣли прицѣлиться, и ядра перелетѣли черезъ боты. Третья же, хотя и ударила въ самую середину между нами, но не причинила другаго вреда кромѣ того, что разщепила два весла у перваго кутера.

Между тѣмъ мы замѣтили, что корсарь, увидѣвъ насъ, тотчасъ же отправилъ на берегъ боты, воротившіеся оттуда съ людьми; вслѣдъ за тѣмъ онъ вторично отправилъ ихъ, но они не успѣли еще воротиться. Теперь же они были почти въ такомъ же разстояніи отъ корсара, какъ и мы, и трудно было рѣшить, кто изъ насъ подѣдетъ къ нему первый. О'Бріэнъ замѣтилъ мистеру Филлоту, что лучше было бы сначала напасть на боты, а потомъ уже на корабль; такъ какъ, въ такомъ случаѣ, мы вѣроятно найдемъ отверстіе въ абордажныхъ сѣтяхъ, привязанныхъ къ реямъ и представляющихъ страшное препятствіе нашимъ усиліямъ. Мистеръ Филлотъ согласился съ О'Бріэномъ: онъ приказалъ носовымъ матросамъ оставить весла и навести пушки съ тѣмъ, чтобъ выстрѣлить по первому знаку; прочіе должны были грести изо всей мочи. Каждую жилку, каждый мускулъ напрягли наши нетерпѣливые и храбрые моряки. Въ двѣнадцать шагахъ отъ корабля и ботовъ скомандовали стрѣлять: каронада лаунча разразилась картечью, такъ хорошо нацѣленною, что одинъ изъ французскихъ ботовъ тутъ же погрузился въ воду. Другія меньшія пушки, заряженныя мушкетными пулями, произвели страшное истребленіе въ ихъ рядахъ. Еще черезъ минуту раздался страшный гикъ нашихъ матросовъ, и мы столкнулись бортъ объ бортъ съ непріателемъ: Англичане и Французы перемѣшались, завязался жестокій рукопашный бой. Французы бились отчаянно. Увидѣвъ, что они ослабѣваютъ, люди, оставшіеся въ бригѣ, подоспѣли къ нимъ въ подкрѣпленіе: они не могли видѣть ихъ и слышать ихъ отчаянные вопли безъ того, чтобъ не летѣть къ нимъ на помощь. Иные прямо съ корабля прыгали въ середину между нами; другіе въ упоръ стрѣляли въ насъ и въ

боты, съ цѣлю потопить ихъ: борьба, однимъ словомъ, была одна изъ самыхъ отчаянныхъ.

Но она тотчасъ же рѣшилась въ нашу пользу, такъ какъ мы были сильнѣе и лучше вооружены. Уничтоживъ всякое сопротивление, мы взошли на бригъ; въ немъ не было ни души, кромѣ огромной собаки, бросившейся на О'Бріэна при самомъ его входѣ и схватившей его за горло.

— Не убивайте ее! закричалъ О'Бріэнь матросамъ, поспѣшившимъ къ нему на помощь, только оторвите ее.

Матросы оторвали собаку.

— Клянусь Янусомъ! сказалъ О'Бріэнь, приманивая ее къ пушкѣ, ты моя плѣнница.

Но хотя мы и овладѣли корсаромъ, трудности, однакожь, не совсѣмъ еще кончились: теперь мы подвергались не только огню двухъ батарей у устья залива, мимо которыхъ намъ нужно было проходить, но и огню батарей, находившейся въ углубленіи залива и стрѣлявшей вчера по фрегату. Мы занялись отрѣзываніемъ каната, сборкою фокмачтовыхъ парусовъ и переноскою раненыхъ изъ ботовъ въ бригъ. Это было, впрочемъ, дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Большая часть Французовъ была убита; нашихъ было ранено девять человѣкъ, да кромѣ того, мистеръ Чуксъ, прострѣленный пулей напролетъ, подававшій очень мало надежды на выздоровленіе. Какъ замѣтилъ мистеръ Филлотъ, капитанскіе эполеты сдѣлали его цѣлью непріятеля, и онъ палъ въ чужихъ перьяхъ.

Перенесли раненыхъ, и уложивъ ихъ на палубѣ — ихъ было около сорока человѣкъ однихъ Французовъ, не считая нашихъ. — мы привязали къ бригу причалы, сѣли въ боты и начали тащить его изъ гавани. Была страшная тишь: мы подвигались очень медленно, но наши матросы, восторженные побѣдой, кричали, смѣялись и тащили изо всей мочи. Непріятель, замѣтивъ, что корсаръ взятъ и французскіе боты носятся по заливу пустыне, открылъ по насъ огонь, и теперь съ большимъ успѣхомъ. Прежде чѣмъ мы успѣли дотянуть бригъ до того мѣста, гдѣ мы очутились напротивъ двухъ водяныхъ батарей, мы уже получили три заряда въ подводную часть корабля; вода брызнула на самую палубу. Я ухватывалъ за мистеромъ Чуксомъ, лежавшимъ на штирбортѣ около бухты; кровь его струилась по полу палубы, уходя на далекое

★

разстояніе отъ мѣста, гдѣ онъ лежалъ. Онъ, казалось, лишился чувствъ; я обязалъ его своимъ платкомъ, чтобъ остановить кровотеченіе, принесъ воды омыть ему лицо — и влилъ нѣсколько капель ему въ ротъ. Онъ открылъ глаза и взглянулъ на меня.

— А! мистеръ Симпль, сказалъ онъ слабымъ голосомъ — это вы? Со мной все кончено; но лучше и быть не могло, не правда ли?

— Какъ это такъ? спросилъ я.

— Какъ же! развѣ я не палъ въ офицерской одеждѣ, какъ джентльменъ? сказалъ онъ, намекая на капитанскую куртку и эполеты. Я предпочитаю умереть теперь въ этой курткѣ, чѣмъ выздороветь, чтобъ снова надѣтъ боцманскій мундиръ. Я счастливъ теперь.

Онъ пожалъ мнѣ руку и глаза его снова закрылись отъ слабости. Мы были теперь прямо противъ двухъ батарей на оконечностяхъ залива; онѣ навели пушки на боты, тащившіе бригъ. Первый выстрѣлъ пробилъ дно лаунча и потопилъ его; къ счастью, весь экипажъ его спасся. Но какъ онъ находился ближе всѣхъ къ бригу, то это заставило насъ потерять много времени въ освобожденіи отъ него прочихъ ботовъ и въ привязываніи брига снова къ причалу. Ядра попадали теперь въ густую толпу, а картечь сдѣлалась нестерпимою. Тѣмъ не менѣе наши матросы не переставали работать, подымая крикъ при всякомъ новомъ выстрѣлѣ; мы почти миновали батареи, потерпѣвъ очень незначительную потерю, какъ вдругъ замѣтили, что бригъ полонъ воды, такъ что не въ состояніи держаться на поверхности болѣе нѣсколькихъ минутъ, и слѣдовательно невозможно притащить его къ фрегату. Мистеръ Филлотъ рѣшилъ, что бесполезно долѣе рисковать жизнью людей: онъ приказалъ снова перенести плѣнныхъ въ боты и плыть къ кораблю. Эта обязанность была поручена мнѣ, вслѣдствіе чего я и былъ оставленъ съ моимъ кутеромъ при бригѣ. Не желая остаться назади, я со всевозможною поспѣшностію перенесъ раненыхъ и подошелъ къ мистеру Чуксу, чтобъ взять и его. Онъ, казалось, нѣсколько ожилъ, но не позволилъ переносить себя.

— Не къ чему, мой милый мистеръ Симпль, сказалъ онъ: я не могу выздороветь, и хочу лучше умереть здѣсь. Прошу васъ, не трогайте меня. Если непріятель завладѣетъ бригомъ, прежде чѣмъ онъ потонетъ, меня похоронятъ съ военными почестями; а

если нѣтъ, такъ я умру, по крайней мѣрѣ, въ одеждѣ джентльмена. Ступайте скорѣе, пока у васъ не убили больше народу. Я остаюсь здѣсь — это рѣшено.

Я началъ было спорить, но въ это время показались два бота, плывшіе изъ гавани къ бригу. Непріятель замѣтилъ, что наши боты покинули его, и шелъ овладѣть имъ. Мнѣ, слѣдовательно, было не до того, чтобъ уговаривать мистера Чукса, и, не желая насиловать умирающаго, я пожалъ ему руку и оставилъ его. Я съ трудомъ спасся, потому что боты были въ это время у самаго брига; нѣкоторое время они даже гнались за мной, но такъ какъ яликъ и кутерь поворотили назадъ, чтобъ помочь мнѣ, то они оставили преслѣдованіе. Вообще, эта экспедиція была очень хорошо предначертана и выполнена. Мы потеряли одного только мистера Чукса; раны прочихъ не были смертельны. Капитанъ Кирней былъ совершенно доволенъ нашимъ поведеніемъ, а также и адмиралъ, когда ему донесли о томъ. Правда, капитанъ Кирней немного сердился за свою куртку и посылалъ ко мнѣ спросить, почему я не снялъ ее съ мистера Чукса и не привезъ на корабль. Не желая сказать всей истины, я отвѣчалъ, «что не хотѣлъ безпокоить умирающаго, при томъ же куртка была такъ замарана кровью, что онъ не сталъ бы носить ее;» это, впрочемъ, было правда.

— По крайней мѣрѣ, вы должны были бы принести мои эпюлеты, возразилъ онъ; но вы, мичманы, ни о чемъ не думаете, какъ только о лакомствахъ.

Въ эту ночь я участвовалъ въ первомъ караулѣ; ко мнѣ подошелъ квартирмейстеръ Суэнбёрнъ и просилъ рассказать ему нашу стычку такъ какъ онъ не былъ въ ботахъ.

— Хорошо! сказалъ онъ. Этотъ мистеръ Чуксъ, кажется, былъ въ своемъ родѣ славный боцманъ: жаль только, что онъ слишкомъ много давалъ воли своей трости. Онъ былъ дѣятельный малый и зналъ свою обязанность. У насъ на кораблѣ былъ совершенно такой же боцманъ; его убили въ сраженіи при мысѣ Сень-Венсентъ.

— Какъ! развѣ вы участвовали въ этомъ сраженіи? спросилъ я.

— Да, я былъ тогда на Капитанѣ, кораблѣ лорда Нельсона.

— А! такъ я надѣюсь, вы мнѣ расскажете объ этомъ сраженіи.

— Я не прочь, мистеръ Симплъ, рассказывать вамъ время отъ времени сказки. Но, какъ говаривалъ мистеръ Чуксъ, позвольте вамъ замѣтить самымъ деликатнымъ образомъ въ свѣтъ, я видалъ не рѣдко, что человѣкъ, который ходитъ за вашей койкой и рассказываетъ вамъ время отъ времени побасенки, получаетъ за это часто па доброму стакану грогу, и я не вижу почему бы мои не стояли того же.

— Ваши, Суенбёрнъ, стоятъ еще больше, и я обещаю вамъ завтра вечеромъ стаканъ самаго крѣпкаго грогу.

— Это другое дѣло, сэръ. Теперь я вамъ расскажу все, и лучше меня никто не въ состояніи этого рассказать, потому что мнѣ извѣстно, какъ произошло все дѣло.

Я вынулъ лубку, замѣтилъ въ немъ скорость корабельнаго хода и сѣлъ на сигнальный ящикъ вмѣстѣ съ Суенбёрномъ, который началъ свой рассказъ слѣдующимъ образомъ:

— Должно вамъ знать, мистеръ Симплъ, что когда англійскій флотъ, послѣ очищенія Корсики, отправился внизъ по Средиземному морю, онъ состоялъ не болѣе какъ изъ семнадцати линейныхъ кораблей, тогда какъ испанскіе ферральскій и кароагенскій флоты въ Кадиксѣ простирались до тридцати. Въ то время нашимъ флотомъ командовалъ сэръ Джонъ Джервисъ и такъ какъ Испанцы, по видимому, не имѣли никакого желанія выйти изъ гавани и завязать съ нами перепалку, не смотря на то, что были почти двое противъ одного, то онъ оставилъ сэра Гида Паркера съ шестью линейными кораблями присматривать за Испанцами, а самъ между тѣмъ отправился съ остальнымъ флотомъ въ Лиссабонъ, запастись водой и исправить поврежденія. Португалія, мистеръ Симплъ, видите ли, была въ то время, что называется, нейтральною, то-есть, она вовсе не вмѣшивалась въ дѣло, будучи пріятельницей той и другой партіи и готовая надѣлать свѣжей говядиной и водой, какъ Испанцевъ, такъ и Англичанъ, только бы Испанцы пришли попросить ее о томъ, чего они, впрочемъ, сдѣлать не осмѣливались. Португальцы и Англичане были всегда хорошими

друзьями, потому что намъ не откуда болѣе получать портвейнъ, а имъ некому болѣе его продавать. Ну такъ, Португаллы отдали Англичанамъ свой лиссабонскій арсеналь и тутъ хранились всѣ наши припасы подъ надзоромъ стараго смѣльчака, сэра Исаака Коффина. Случилось такъ, что въ конторѣ стараго сэра Исаака, въ числѣ приказныхъ, находился одинъ Португаллецъ, служившій прежде при конторѣ испанскаго посланника; онъ былъ дѣятельный малый, исправлялъ должность толмача и былъ въ большой довѣренности у стараго комиссіонера.

— Но какъ же вы узнали все это, Суэнбёрнъ?

— Пожалуй я вамъ скажу это, мистеръ Симплъ. Я управлялъ тогда яликомъ, въ качествѣ кокетнаго командира, а когда адмиралы и капитаны разговариваютъ на заднихъ шкотахъ, они очень часто забываютъ, что сзади ихъ стоитъ близехонько кокетный командиръ. Я этимъ способомъ узналъ только половину, остальное составилъ, сравнивъ свой лагбукъ съ лагбукомъ адмиральскаго слуги, который, время отъ времени, конечно, также долженъ былъ что-нибудь слышать. Въ первый разъ я услышалъ объ этомъ, когда старый сэръ Джонъ, послѣ второй бутылки, закричалъ сэру Исааку: «А ну-ка, сэръ Исаакъ, кто убилъ испанскаго гонца?» — «Не я, ей Богу, возразилъ сэръ Исаакъ; я только оставилъ его за-мертво.» И оба они засмѣялись, а также и Нельсонъ, сидѣвшій между ними. Вотъ въ чемъ дѣло, мистеръ Симплъ: донесли сэру Исааку, что его, приказнаго, часто замѣчали, какъ онъ снималъ копии съ различныхъ ордеровъ, выходящихъ по флоту, и преимущественно съ тѣхъ, въ которыхъ рѣчь шла о неслишкомъ-то большомъ изобиліи припасовъ во флотѣ его королевскаго величества. Узнавъ это, сэръ Исаакъ идетъ къ адмиралу и требуетъ, чтобъ этого человека отставили отъ службы. Старый сэръ Джонъ былъ хитрая лисица. «Нѣтъ, комиссіонеръ, отвѣчалъ онъ; оставимъ: можетъ быть, они попадутся въ собственную западню. Онъ садится, требуетъ пера и чернилъ и сочиняетъ длинное письмо къ комиссіонеру о томъ, что всѣ флотскіе запасы вышли, что безъ новаго подвоза невозможно будетъ выступить въ море и что желаетъ знать отъ комиссіонера, къ которому времени онъ ожидаетъ транспорта изъ Англій. Между прочимъ онъ пишетъ также, что если теперь испанскій флотъ вздумаетъ выйдти изъ Кадикса, то

ему невозможно будетъ поддержать сэра Паркера и его шесть линейныхъ кораблей, такъ-какъ въ теперешнемъ своемъ положеніи онъ не можетъ выйти изъ гавани. На это комиссіонеръ отвѣчалъ, что по послѣднимъ извѣстіямъ онъ думаетъ въ теченіе шести недѣль или двухъ мѣсяцевъ получить подвозы изъ Англій, но раньше никакимъ образомъ. Распорядились такъ, чтобъ оба эти письма попались на глаза проклятому приказному шпиону; онъ списалъ ихъ, и въ тотъ же вечеръ замѣтили, какъ онъ входилъ въ домъ испанскаго посланника. Послѣ того сэръ Джонъ отправилъ въ Ферро — маленькій городишка на югѣ Португальскаго берега — депешу къ сэру Гиду Паркеру, въ которой предписывалъ ему плыть къ мысу Сень-Винсенту и заманить туда же испанскій флотъ, если онъ выйдетъ. Главнымъ дѣломъ теперь было стеречь у дома испанскаго посланника, чтобъ видѣть, не отправитъ-ли онъ какихъ депешъ. Два дня спустя послѣ передачи ему писемъ этимъ подлымъ приказнымъ, онъ отправилъ двухъ гонцевъ, одного въ Кадиксъ, а другаго въ Мадридъ — это городъ, въ которомъ живетъ испанскій король. Тому, который отправленъ былъ въ Кадиксъ, позволили идти, а другой, что ѣхалъ въ Мадридъ, былъ по приказанію адмирала остановленъ. Дѣло это было поручено комиссіонеру, сэру Исааку; онъ привелъ его въ исполненіе такъ или иначе, и вотъ причина, почему адмиралъ закричалъ ему: «а ну-ка, сэръ Исаакъ, кто убилъ гонца?» Депешу эту доставили къ намъ и оказалось, что въ ней извѣщали испанскаго адмирала — забылъ его имя, кажется — что-то въ родѣ *Магазина* — о мнимомъ критическомъ состояніи нашей эскадры. Сэръ Джонъ, увѣренный, что Испанцы не упустятъ случая овладѣть шестью линейными кораблями — такого числа авглійскихъ кораблей они въ жизнь свою не брали — подождалъ нѣсколько дней, чтобъ дать имъ время рѣшиться на это и потомъ отправиться отъ Лиссабона къ мысу Сень-Винсенту, для соединенія съ сэромъ Гидомъ Паркеромъ. Мы застали тутъ Испанцевъ и задали имъ славную потасовку. — Ну, такъ вотъ, мистеръ Симплъ, кто же вамъ въ состояніи рассказать все это?

— Прекрасно! ну, а сраженіе-то, Суэбѣрнъ?

— Сохрани васъ Богъ, мистеръ Симплъ! Вотъ уже семь часовъ — какъ можно разыграть Сень-Винсентскую битву въ полчаса! Да кромѣ того, это стоитъ другаго стакана грогу.

— За этотъ дѣло не станетъ, Суэнбёрнъ; не забудьте только разсказать мнѣ битву.

Мы разошлись съ Суэнбёрномъ, и чрезъ часъ мнѣ уже снились депеши, сэръ Джонъ Джервисъ, сэръ Исаакъ Коффинъ и испанскіе гонцы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Добрый совѣтъ, О'Бріана. — Капитанъ Кирней снова вдается въ чудесное.

Въ жизнь мою не помню ни одного случая, который бы въ свое время такъ тяжело запалъ мнѣ на душу, какъ смерть бѣднаго мистера Чукса, котораго я считалъ навсегда погибшимъ. Думаю, главной причиной тому было то, что когда я вступилъ въ службу, всѣ считали меня дуракомъ моего семейства и только мистеръ Чуксъ и О'Бріанъ думали обо мнѣ и поступали со мной иначе. Благодаря ихъ хорошему обхожденію, я задумалъ исправиться и отважился стремиться къ этой цѣли. Я полагаю, что не одинъ ребенокъ вышелъ бы точно также дѣльнымъ человѣкомъ, еслибъ въ окружающихъ находилъ къ себѣ участіе, тогда какъ при несправедливой системѣ презрѣнія и посмѣянія, онъ противъ воли попадаетъ на дурную дорогу и, съ отчаянія потерявъ всякую довѣренность къ самому себѣ, предается потоку, ведущему его къ гибели. О'Бріанъ не очень-то любилъ чтеніе, но за то замѣчательно игралъ на флейтѣ и имѣлъ прекрасный голосъ. Главнымъ занятіемъ его было упражненіе или игра на флейтѣ, что совѣтъ другое. Но хотя онъ самъ и не учился, однакожъ меня каждый день заставлялъ приходиться въ свою каюту на часъ или два, гдѣ, прочитавъ что-нибудь, я разсказывалъ ему содержаніе книги. Этой методой онъ не только училъ меня, но и самъ приобрѣталъ много свѣдѣній; замѣчанія, которыя онъ часто дѣлалъ на-счетъ прочитаннаго, навсегда оставались въ моей и его памяти.

— Ну, Питеръ, сказалъ онъ, входя въ каюту, что ты мнѣ скажешь сегодня? Ты мой учитель — я каждый день поучаюсь отъ тебя.

— Сегодня я немного прочелъ, О'Бриэнъ, потому что все думалъ о несчастномъ мистерѣ Чуксѣ.

— Это очень хорошо съ твоей стороны, Питеръ; никогда не забывай друзей въ несчастіи: ты немного встрѣтишь ихъ въ жизни.

— Желалъ бы я знать умеръ ли онъ?

— На это я не въ состояніи отвѣчать; впрочемъ, прошибеть ядро, такъ это не продлить жизни. Онъ бы не умеръ, однакожь, еслибъ могъ не умереть, — теперь, какъ на немъ капитанская куртка.

— Да, онъ всегда желалъ быть джентльменомъ, что довольно глупо со стороны боцмана.

— Не совсѣмъ-то глупо, Питеръ; а вотъ глупо съ твоей стороны говорить, не думая. Кто изъ товарищей мистера Чукса можетъ укорить его въ какомъ-нибудь низкомъ или дурномъ поступкѣ? Никто — а почему? потому что онъ всегда старался быть джентльменомъ, и это стремленіе возвышало его. Тщеславіе глупая обезьяна, которая въ состояніи засунуть голову между ногъ и перекувырнуть насъ; но гордость — статный конь, который невредимо переноситъ насъ черезъ грязь и даетъ возможность опередить товарищей путешествія. Мистеръ Чуксъ былъ гордъ, а это похвально даже въ боцманѣ. Какъ часто тебѣ приходилось читать, что лица, вышедшія изъ ничтожества, дѣлались великими людьми? Это, разумѣется, благодаря талантамъ, но талантамъ соединеннымъ съ гордостью, которая подстрекала ихъ, а не съ тщеславіемъ, которое заградило бы имъ путь

— Ты правъ, О'Бриэнъ; я сказалъ глупость.

— Не бойся, Питеръ; это ничего: насъ никто не слышалъ. Ты объѣдаешь сегодня въ каютѣ?

— Да.

— И я также. Капитанъ сегодня въ странномъ расположеніи духа: онъ мнѣ рассказалъ двѣ или три исторія, чуть-чуть не пошатнувшія учтивости и уваженія, которыя я обязанъ оказывать ему на кварталъ-декъ. Какъ жалко, что у него такая дурная привычка!

— Я боюсь, онъ несправимъ, возразилъ я; но сказки его никому не вредятъ: это, что называется, безвредная ложь. Не думаю, чтобъ онъ позволилъ себѣ ложь, марашую джентльмена.

— Всякая ложь, Питеръ, мараеть джентльмена — безвредная, какъ и вредная; хотя, конечно, тутъ есть разница. Однакожь, позволять себѣ первую—опасная привычка, потому—что безвредная ложь ведетъ къ вредной. Въ одномъ только случаѣ она извинительна — это, когда ты хочешь обмануть непріятеля. Здѣсь любовь къ отечеству допускаетъ ложь, и потому самому, что ты пускаешься на нее противъ воли, она становится даже нѣкоторымъ образомъ добродѣтелью.

— Что тамъ за неудовольствіе произошло между начальникомъ морскаго отряда и мистеромъ Филлотъ?

— Ничего въ сущности. Начальникъ отряда немного щекотливъ и видитъ обиду тамъ, гдѣ ея нѣтъ. У мистера Филлотъ дурной языкъ, но доброе сердце.

— Да, это жалко!

— Очень жалко: онъ хорошій офицеръ. Дѣло въ томъ, Питеръ, что молодые офицеры очень склонны подражать своимъ начальникамъ, а потому молодыхъ джентльменовъ нужно бы всегда помѣщать къ капитанамъ джентльменамъ. Филлотъ въ лучшее свое время служилъ подъ начальствомъ капитана Балловера, который извѣстенъ въ службѣ за челоуѣка, привыкшаго выражаться очень дурно и неприлично. Что вышло? Филлотъ и многіе другіе, служившіе съ Балловеромъ, приняли его дурную привычку.

— А я такъ думаю, О'Бріэнъ, что чувство, оскорбляемое въ тебѣ неприличными словами, будетъ предостерегать тебя отъ подобныхъ, когда ты возвысишься въ службѣ.

— Питеръ, это чувство преобладаетъ въ насъ только съ самаго начала, потомъ негодование притупляется, и сдѣлавшись самъ къ этому равнодушенъ, ты забываешь, что оскорбляешь другихъ; такимъ образомъ привычка эта укореняется къ величайшему стыду и униженію службы. — Но пора одѣваться къ обѣду; советую тебѣ оставаться натоцахъ, а я—то ужъ нагрузился.

Мы сошлись за столомъ капитана, отличившимся, по обыкновенію, внѣшнюю пышностью блюдъ, хотя кушанья были почти не лучше обыкновеннаго корабельнаго пайка. Конечно, мы были уже нѣкоторое время на крейсировкѣ и это оправдывало отчасти капи-

тана, однакожь, все-таки мало можно было найти таких незапасливыхъ капитановъ.

— Я боюсь, джентльмены, вамъ не очень понравится мой обѣдъ, замѣтилъ капитанъ, когда слуга снялъ съ блюда накладнаго серебра крышки; но на службѣ надобно довольствоваться тѣмъ, что есть. Мистеръ О'Бріанъ, неудобно ли вамъ сорочьяго супу? Я помню, что и хуже еще ѣлъ во время одной крейсировки. Мы тринадцать недѣль были въ водѣ по-колѣна и во все это время пробавлялись одной сырой свиной, такъ-какъ невозможно было зажечь огня.

— Позвольте спросить, гдѣ это случилось, капитанъ Кирней?

— Около Бермудскихъ острововъ. Мы семь недѣль крейсировали, не находя ихъ, и начинали думать, что они тоже на крейсировкѣ.

— Я полагаю, сэръ, бросивъ якорь, вы рады были видѣть огонь и опять приняться за вареную пищу? замѣтилъ О'Бріанъ.

— Извините, возразилъ капитанъ Кирней; мы такъ привыкли къ сырой пищѣ и мокрымъ ногамъ, что долго послѣ того не могли ѣсть ничего варенаго и постоянно старались мочить ноги, опустивъ ихъ черезъ бортъ. Я самъ видѣлъ, какъ одинъ матросъ поймалъ рыбу и тутъ же съѣлъ ее живую; — вообще еслибъ я не отдалъ насчетъ этого строжайшихъ приказаній и не перепоролъ подюжины матросовъ, они до сихъ поръ ѣли бы сырое. Сила привычки удивительна.

— Это правда! сухо замѣтилъ мистеръ Филлотъ, подмигивая намъ; онъ намекалъ на невѣроятныя исторіи капитана.

— Это правда! повторилъ О'Бріанъ. Мы замѣчаемъ соломенку въ глазахъ ближняго и не видимъ дерева въ собственныхъ.

И О'Бріанъ подмигнулъ мнѣ, намекая на склонность мистера Филлота къ сквернословію.

— Я нѣкогда зналъ, продолжалъ капитанъ Кирней, женатаго человека, который всегда спалъ, положивъ руку на голову своей жены и для этого отнюдь не позволялъ ей надѣвать ночнаго чепца. Она умерла и съ тѣхъ поръ онъ никогда не ложился въ постель безъ чучелы, сдѣланной изъ платья, на которую клалъ руку, — вотъ какова сила привычки!

— Я видѣлъ однажды гальванизированный трупъ, замѣтилъ мистеръ Филлотъ; онъ принадлежалъ человѣку, который въ жизнь свою очень много нюхалъ табаку. Что же? какъ только приложить къ тѣлу гальваническую машину, оно тотчасъ же граціозно подноситъ пальцы къ носу, какъ будто нюхаетъ.

— Вы сами это видѣли, мистеръ Филлотъ? замѣтилъ капитанъ, серьезно смотря въ лицо старшему лейтенанту.

— Да, сэръ! хладнокровно отвѣчалъ мистеръ Филлотъ.

— Часто вы рассказывали эту исторію?

— Очень часто, сэръ.

— Я спрашиваю это, потому что знаю много людей, которые, повторяя часто какую-нибудь сказку, начинаютъ наконецъ сами вѣрить ей. Я не объ васъ говорю, мистеръ Филлотъ; но все-таки совѣтую вамъ не рассказывать этой исторіи въ присутствіи людей, не знающихъ васъ коротко, а не то они усомнятся въ вашей правдивости.

— Я принялъ за правило, отвѣчалъ мистеръ Филлотъ, самъ вѣрить всему — изъ учтивости; и ожидаю такой же учтивости отъ другихъ.

— Такъ, клянусь моею душой! рассказывая такія исторіи, вы очень искушаете нашу учтивость. Относительно этого предмета, впрочемъ, я желалъ бы, чтобъ вы встрѣтились съ однимъ моимъ пріятелемъ, который былъ пропитанъ придворнымъ Англійскимъ дендизмомъ: онъ не можетъ удержаться отъ поклона. Слѣзая съ лошади, онъ кланяется ей и благодаритъ; проситъ извиненія у собаченки, наступивъ ей на хвостъ; разъ, упавъ на скребницу, онъ снялъ шляпу и рассыпался передъ ней въ извиненіяхъ за свою неосторожность.

— Тоже сила привычки, замѣтилъ О'Бріэнъ.

— Совершенно такъ. Мистеръ Сямплъ, неуждно ли вамъ кусочка свинины, или, можетъ быть, не хотите ли вы вина? Лорду Привилрэдъ не понравился бы нашъ сегодняшній обѣдъ, — не правда ли?

— По рѣдкости своей, можетъ-быть, онъ ему понравился бы, сэръ; но не на долго.

— Справедливо сказано. Новость очаровательна. Неграмъ такъ надоедаетъ соленая рыба и хлѣбъ изъ икры, что они ѣдятъ грязь

вмѣсто десерта. Мистеръ О'Брэнъ, вы прекрасно играли сегодня утромъ сонату Плейделя.

— Во всякомъ случаѣ, я очень радъ, что не надоѣлъ вамъ, капитанъ Кирней, отвѣчалъ О'Брэнъ.

— О! я очень люблю хорошую музыку. Матушка моя была артистка. Помню, она играла разъ на фортепьяно пьесу, въ которой представлялась буря. Такъ хорошо она это выполнила, что когда мы сѣли за чай, то нашли, что сливки совсѣмъ свернулись; да кромѣ того въ погребѣ прокисли три бочки пива.

Слыша такое чудо, мистеръ Филлотъ не вытерпѣлъ: онъ лопнулъ со смѣху, и такъ-какъ въ это время только-что поднесъ къ губамъ стаканъ вина, то залилъ имъ столъ и меня, сидѣвшаго противъ него.

— Прошу извинить, капитанъ Кирней, но мысль о такомъ чрезвычайномъ талантѣ слишкомъ забавна. Позвольте предложить вамъ вопросъ: такъ-какъ буря не бываетъ безъ грома и молніи, то не былъ ли кто убитъ электрическимъ токомъ, выходявшимъ изъ фортепьяно?

— Нѣтъ, сэръ, сердито отвѣчалъ капитанъ Кирней; но ея игра *электризировала* насъ, что все равно. Такъ-какъ вы, мистеръ Филлотъ, лишились вашего стакана вина, то не угодно ли вамъ выпить со мной по-другому?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ старшій лейтенантъ, замѣтившій, что зашелъ слишкомъ далеко.

— Ну, джентльмены, продолжалъ капитанъ, мы скоро опять будемъ въ странѣ изобилія. Покрепсирuemъ еще съ недѣлку и потомъ соединимся съ адмираломъ въ Ямайкѣ. Намъ пужно рапортовать о взятіи Сильвіи (такъ назывался бригъ корсара) и съ удовольствіемъ скажу, что считаю обязанностью съ похвалою отнестись обо всѣхъ, тутъ находящихся. Человѣкъ, кофе!

Старшій лейтенантъ, О'Брэнъ и я поклонились капитану за это лестное признаніе; что касается до меня, я былъ восхищенъ. Мысль, что имя мое упомянуто будетъ въ газетахъ и что этимъ я доставляю невыразимое удовольствіе отцу и матери, взволновали кровь на моихъ щекахъ, и я покраснѣлъ, какъ индійскій пѣтухъ.

— Вамъ пѣчего краснѣть, cousin Симплъ, добродушно ска-

жалъ капитанъ; вы заслужили это своимъ поведеніемъ и благодарите мистера Филлотъ, что онъ увѣдомилъ меня о вашей заслугѣ.

Кофе былъ скоро выпить, и я радъ былъ выйти изъ каюты, чтобъ остаться наединѣ и оправиться отъ смущенія. Я былъ слиш-комъ счастливъ. Однакожь, я ничего не сказалъ объ этомъ своимъ товарищамъ, чтобъ не возбудить въ нихъ чувства зависти и нерасположенія. О'Бріанъ обѣщалъ мнѣ также хранить это въ тайнѣ, когда мы сошлись съ нимъ послѣ того, и я очень радъ былъ, что принялъ эту предосторожность.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Суэнбёрнъ продолжаетъ разсказъ о битвѣ при мысѣ Сень-Винсентъ.

На вторую ночь послѣ этого мнѣ пришлось быть въ караулѣ съ Суэнбёрномъ, и я напомнилъ ему его обѣщаніе сплести мнѣ сказку относительно битвы при Сень-Винсентѣ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, мистеръ Симплъ; но надобно сначала маленькаго подкрѣпленница, а иначе дѣло не пойдетъ на ладъ.

— Когда же вы хотите стаканъ грогу?—прежде разсказа или послѣ?

— Прежде, если вы будете такъ добры, сэръ. Ступайте принесите, а я между тѣмъ натяну лагъ за васъ: вѣтеръ удержится, парусовъ у насъ достаточно и намъ долго не придется беспокоиться.

Я принесъ стаканъ крѣпкаго грогу; Суэнбёрнъ проглотилъ его и глубоко вздохнулъ, какъ бы сожалѣя, что въ немъ ничего больше не осталось. Всунувъ покуда стаканъ въ отверстіе кабе-стана, мы сѣли на клубокъ каната, и Суэнбёрнъ, заложивъ за щеку свертокъ табаку, началъ:

— Ну такъ, мистеръ Симплъ, какъ уже сказалъ вамъ, старикъ Джервисъ направился со всѣмъ своимъ флотомъ къ мысу Сень-Винсенту. Мы лишились одного корабля, да еще трехпалубнаго въ добавокъ — Сень Джорджа: онъ сѣлъ на мель и принужденъ былъ воротиться въ Лиссабонъ; но вскорѣ послѣ того къ намъ

присоединились другіе пять кораблей, присланные изъ Англій, такъ что всего на все у насъ было пятнадцать. Чуть было мы не лишились и другаго нашего товарища, потому что видите-ли, старый Кюллоденъ схватился съ Колосомъ и былъ поврежденъ; но Трубриджъ, командиръ его, былъ не такой человѣкъ, чтобъ отказываться отъ своей обязанности и проситься въ поправку, когда есть надежда на стычку съ непріателемъ. Онъ кое-какъ заштопалъ свой корабль и донесъ, что готовъ въ дѣло хоть сейчасъ-же. Онъ-то былъ готовъ, что говорить, но готовъ ли былъ корабль его въ тогдашнемъ своемъ положеніи, это другое дѣло. Но какъ въ шутку говаривали объ немъ моряки, онъ былъ *надежной палубой* и можно было положиться на него; то есть, это значить, что онъ умѣлъ втереться съ своимъ кораблемъ въ битву и отстоять его, въ случаѣ, если съ горяча онъ слишкомъ уже втягивался въ это препровожденіе времени. Кажется, это было на слѣдующій день послѣ того, какъ Кукбёрнъ и его Минерва соединились съ нами и привезли Нельсона съ извѣстіемъ, что Испанцы гнались за ними и что весь испанскій флотъ вышелъ изъ гавани, чтобъ преслѣдовать ихъ. Вы можете себѣ представить, мистеръ Симпль, какая была радость на нашемъ Капитанѣ, когда къ намъ пріѣхалъ Нельсонъ, потому что мы знали, что если столкнемся съ Испанцами, то нашъ корабль сыграетъ не послѣднюю роль, да такъ и случилось. Утромъ тринадцатаго числа старикъ Джервисъ подалъ сигналъ приготовиться къ битвѣ и сблизиться другъ съ другомъ такъ, чтобы носъ каждаго корабля примыкалъ вплотъ къ заднимъ окнамъ корабля, находящагося впереди его; мы и сблизились: можно было обойти съ одного корабля на другой весь флотъ, съ какой угодно стороны. Я въ жизнь не забуду этой ночи, мистеръ Симпль. Время отъ времени мы слышали сигнальныя пушки Испанскаго флота, раздававшіяся съ подвѣтренной стороны, и вы можете представить себѣ, какъ ёкали наши сердца при этомъ громѣ; мы составили маленькіе кружки на гикахъ и подвѣтренномъ шкафутѣ и съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ прислушивались къ ихъ гулу, чтобъ по немъ заключать о дѣйствіяхъ и разстояніи испанскаго флота. Мнѣ пришлось быть въ среднемъ караулѣ и въ то же время исправлять должность сигнальнаго, такъ мнѣ было не до ночнаго колпака, есlibъ я даже и могъ тогда думать объ немъ. Когда караулъ мой

кончился, я не могъ отправиться въ койку и простоялъ еще въ утреннемъ караулѣ, точно также, какъ почти бѣлая часть экипажа. Что касается до Нельсона, онъ цѣлую ночь проходилъ взадъ и впередъ по палубѣ, какъ въ лихорадкѣ. На развѣтѣ погода сдѣлалась пасмурною и туманною, и мы не могли разглядѣть Испанцевъ; но около пяти часовъ старый Кюллодень, который хоть и расквасилъ себѣ носъ, но еще не лишился отъ этого употребленія глазъ, подавъ сигналъ, что въ виду оказалась часть испанскаго флота. Старикъ Джервисъ повторилъ сигналъ готовиться къ битвѣ, но онъ могъ-бы избавить себя отъ труда вынимать и втаскивать сигнальные нумера, потому что мы были готовы и безъ того: рѣшетки опущены, пушки заряжены, реи собраны, патроны заготовлены, ядра на палубѣ, фитили зажжены, а что главное, мистеръ Симпль, — накажи меня Богъ, если всѣ мы не горѣли желаніемъ вступить въ битву. Около шести часовъ утра туманъ исчезъ наконецъ, и передъ нами открылся весь испанскій флотъ. Я счелъ его. — «Сколько, Суэибёрнъ?» закричалъ Нельсонъ. — «Двадцать шесть, сэръ,» отвѣчалъ я. — Нельсонъ принялся ходить взадъ и впередъ по кварталъ-деку, потирая руки и улыбаясь; потомъ взявъ зрительную трубку и отошелъ съ капитаномъ Миллеромъ къ шкафуту.

— Суэибёрнъ, смотри хорошенько на адмирала.

— «Слушаю, сэръ», отвѣчалъ я. Теперь, видите-ли, мистеръ Симпль, двадцать шесть кораблей противъ пятнадцати, на бумагѣ составили-бы большое неравенство; но мы разсуждали иначе, потому что знали разницу, существующую между обоими флотами. Наши пятнадцать линейныхъ кораблей были всѣ въ добромъ порядкѣ, примыкали другъ къ другу, какъ кости домино, и каждый матросъ на нихъ горѣлъ желаніемъ битвы; тогда какъ ихъ двадцать шесть кораблей стояли какъ попало, гдѣ въ два ряда, гдѣ въ рядовъ, съ большими промежутками другъ между другомъ. Къ этимъ промежуткамъ мы бросились на всѣхъ парусахъ, потому что, видите ли, мистеръ Симпль, понавъ въ середину между ними, мы имѣли преимущество палить обоими лагачи, что все равно, что однимъ, только дѣло отъ этого гораздо короче. Ровно въ семь часовъ Тротбриджъ открылъ балъ, напавъ на полярную Испанцевъ и поколебавъ ихъ.

Пуфъ-пуфъ-пуфъ-пуфъ. Ахъ! мистеръ Симплъ, посмотрѣли-бы вы, что это за славный видъ, когда прогремитъ первая пушка, за которой слѣдуетъ генеральное сраженіе! — «Что за счастливецъ, этотъ Тротбриджъ!» вскричалъ Нельсонъ, топая ногами отъ нетерпѣнія. Наши корабли въ минуту очутились около испанскихъ; ключья и зацѣпы — Богъ мой! какъ мы славно ихъ всадили! — Старикъ сэръ Джонъ адскимъ лагомъ (*) своей Викторіи раздробилъ окна каюты испанскаго адмирала, такъ что тотъ вспрыгнулъ, какъ будто бы самъ дьяволъ наградилъ его подзатыльникомъ. Помилуй Богъ! можно было бы втащить портемутскій вагонъ въ заднюю часть испанскаго корабля — такую просторную дорогу проложила въ немъ Викторія. Скоро они совсѣмъ скрылись въ дыму, и мы ничего не могли видѣть, но за то воображеніе наше разыгрывалось въ догадкахъ. Это, впрочемъ, мистеръ Симплъ, было, какъ говорить въ комедіяхъ, актъ первый, сцена первая, и теперь подошло наше явленіе: вы сами разсудите, какъ я кончу разсказъ, — не главную ли роль выполнялъ старикъ Капитанъ и не былъ ли онъ для испанскихъ кораблей *главнымъ пильщикомъ марсъ-стенъ*. — Но подождите минутку, мистеръ Симплъ, надо взглянуть на ноктаухъ и понавѣдаться что дѣлаетъ тамъ у бухты этотъ молокососъ марсовый.

— Послушайте, мистеръ Смптъ: что вы закрываете глаза? чтобъ не простудить ихъ что ли? вы дали кораблю уклониться отъ своего хода на полъ-линіи. Смотрите, чтобъ я не послалъ за другимъ рулевымъ и не объяснилъ завтра причины этого — вотъ что! Вамъ придется корчить въ семь часовъ утра пренедовольныя рожи. Чортъ васъ возьми! развѣ вы не можете держать глаза открытыми?

Послѣ такого деликатнаго увѣщанія, сдѣланнаго матросу, стоявшему у бухты, Суэнбёрнъ усѣлся снова и продолжалъ:

— Во всё это время, мистеръ Симплъ, мы не разрядили на Капитанъ ни одной пушки, а изо всей мочи бросились къ тому мѣсту, гдѣ непріятель тѣнился толпой. Тутъ было изъ чего выбирать, и Нельсонъ выглядывалъ себѣ самый большой корабль, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, когда имъ даютъ выбирать яблоко. Тотъ, на который онъ скомандовалъ шкиперу направиться, былъ больше

(*) Залпъ цѣлой стороны корабля

всѣхъ. Это былъ четырехъ-палубный фрегатъ, по имени Санта-Тринидадъ. Мы миновали уже много такихъ, которые удовлетворили бы собой всякаго благоразумнаго человѣка: тутъ были Санъ-Хозе, Сальвадоръ-дель-Мондо и Санъ-Никола. Но ни одинъ не понравился Нельсону, кромѣ этого четырехъ-палубнаго; мы проплыли мимо шести изъ нихъ, и лишь только поравнялись съ Санта-Тринидадъ, по слову «пли!» всѣ пушки разомъ разразились, такъ что старикъ Капитанъ зашатался отъ этого залпа, какъ пьяный. Посмотрѣли бы вы, какъ мы хватили этотъ четырехъ-палубный фрегатъ, мы пробуравили его насквозь, какъ рѣшето. Впрочемъ, онъ стоялъ за себя храбро и упорно, отвѣчая выстрѣломъ на каждый нашъ выстрѣлъ и причиняя страшное опустошеніе въ нашемъ экипажѣ. Много старыхъ капитановъ отправились тогда на тотъ свѣтъ, и еще больше поплыло въ Гринвичскій госпиталь.

— Хорошенько дѣлается, ребята: пли! вскричалъ Нельсонъ. Сбѣгите внизъ, мистеръ Томасъ; прикажите принести картечи: ядра пролетаютъ насквозь, ничего не задѣвая. Двойной зарядъ въ эти пушки на носу и на кормѣ!

Свалка наша съ непріятельскимъ фрегатомъ продолжалась около получаса; по прошествіи этого времени пушки наши такъ разгорячились отъ безпрестанной пальбы, что отскакивали и падали низомъ вверхъ на кнесь, выдергивая рымъ-балты и разрывая зады, какъ канатныя кобылки. Мы были такъ разснащены, какъ послѣ двухдневной стоянки въ Портсмутской гавани. Санта-Тринидадъ отплылъ нѣсколько впередъ, и Тротбриджъ въ своемъ Кюллоденѣ втерся между нами и двумя испанскими фрегатами, забавлявшимися пальбою въ насъ. Кюллоденъ былъ свѣжъ, какъ цвѣтокъ, и награждалъ ихъ каждымъ залпамъ, которые смутили ихъ нѣсколько. Они отскочили назадъ; но въ ту же минуту съ ними схватился Бленгеймъ и поколотилъ ихъ такъ, что заставилъ отступить. Но они изъ огня попали въ полымя, потому что Оріонъ, Принцъ Джоржъ и еще одинъ или двое бросились на нихъ и выжали изъ нихъ весь сокъ. Пусть я буду проклятъ, если они когда-нибудь забудутъ четырнадцатое апрѣля. Развѣ не довольно было четырехъ-палубнаго корабля противъ двухпалубнаго? Для чего было другимъ-то нападать

на насъ? Не могли эти нищѣ вести себя, какъ джентльмены! — Это, впрочемъ, мистеръ Симплъ, дало намъ возможность вздохнуть минуту, прохладить наши пушки, поправить поврежденія и стереть кровь съ палубъ; но мы потеряли изъ виду четырехпалубный корабль и ужъ болѣе не могли подойти къ нему близко. Я былъ назначенъ сигнальнымъ, а потому сидѣлъ на рангоутѣ и не имѣлъ никакого дѣла съ пушками. Я долженъ былъ доносить обо всемъ, что увижу, но видѣлъ очень немного, благодаря густому дыму; время отъ времени, однакожь, мнѣ было кое-что видно, какъ сквозъ дырѣя простыни. Конечно, я преимущественно долженъ былъ наблюдать за адмиральскимъ кораблемъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобъ не открывать его знаковъ, иначе меня бы не поблагодарилъ командиръ Нельсонъ: онъ не любилъ сигналовъ во время сраженія. Такъ я и не обращалъ на нихъ вниманія, а смотрѣлъ только, что дѣлаетъ адмиралъ. Пока мы поправляли поврежденія, я вотъ что увидѣлъ относительно дѣйствій остальнаго флота. Старикъ Джервисъ, отдѣлавъ испанскаго адмирала, повернулъ бакбортомъ къ вѣтру, обогнулъ въ сопровожденіи другихъ четырехъ или пяти кораблей испанскую линію и соединился съ Коллингвудомъ, командовавшимъ Экселлентомъ. Они прорвались чрезъ испанскую линію — Экселлентъ въ главѣ прочихъ. Этотъ послѣдній выжалъ мозгъ изъ Сальвадоръ-дель-Мондо и потомъ предоставилъ взять его другимъ кораблямъ, а самъ напалъ на одинъ двухъ-палубный, тотчасъ же опустившій свой флагъ — забылъ я какъ его звали. Викторія бросилась къ Сальвадоръ-дель-Мондо, который также опустилъ флагъ, имѣя, впрочемъ, на то самыя законныя причины. Въ эту минуту, мистеръ Симплъ, старый Капитанъ снова вмѣшался въ дѣло. Разставшись съ четырехпалубнымъ Санта-Тринидадомъ, мы завязали борьбу съ Санъ-Никола, испанскимъ восьмидесяти-пушечнымъ кораблемъ, а между тѣмъ какъ мы сжимали его въ тискахъ — откуда ни возьмись старикъ Коллингвудъ съ своимъ Экселлентомъ. Санъ-Никола взялся за руль въ избѣжаніе разгроменья; а потому Экселлентъ схватился съ Санъ-Хозе, испанскимъ трехпалубнымъ кораблемъ. Мы въ это время были расщеплены въ куски и совершенно неспособны къ маневрамъ, даже экипажъ весь шатался, какъ пьяный. Нельсонъ скомандовалъ руль въ штир-бортъ, и въ одну минуту мы всѣ трое составили одну массу, столк-

нувшись пушками, переломавъ корабельныя связи и продыравивъ другъ у друга паруса перекладными рей.

— Все на бордажъ! закричалъ Нельсонъ, вскочивъ на койку и размахивая саблей.

— Ура! ура! раздалось на палубахъ, и матросы бросились, какъ разсерженные пчелы изъ своихъ ульевъ. Въ одну минуту мы схватили пики, топоры, ножи, пистолеты и бросились на восьмидесяти-пушечный корабль: въ двѣ минуты очистили его палубы и прогнали Испанцевъ внизъ. Я присоединился къ бордажнымъ матросамъ и находился на большой палубѣ, когда вышелъ капитанъ Миллеръ и командовалъ: «Назадъ на палубу.» Въ одну секунду мы перебрались—и какъ вы думаете, мистеръ Симплъ, для чего это? Чтобы снова идти на бордажъ, потому что Нельсонъ, взявъ двухпалубный корабль, поклялся, что онъ точно также возьметъ и трехпалубный. Мы бросились, взглязли какъ могли на высокій бокъ неприятельскаго корабля и пали на палубу, какъ снѣгъ на голову. Кинувшись прямо на кватеръ-декъ, мы приколотили всѣхъ испанскихъ нищихъ, осмѣлившихся показывать видъ, что хотятъ сражаться. Не прошло пяти минутъ, какъ мы сорвали флаги съ двухъ лучшихъ кораблей испанскаго флота. Если ужъ это не значить выжать весь сокъ изъ доновъ—такъ я ужъ и не знаю, что такое. Съ какою радостью старые капитаны пожимали другъ другу руки, между тѣмъ, какъ командиръ Нельсонъ, стоя на палубѣ Сантъ-Хозе, отбиралъ шаги у испанскихъ офицеровъ! Ихъ было столько, что ими можно было уставить кругомъ весь кабанъ, да и осталось бы еще. Ну, мистеръ Симплъ, что вы скажете о такой битвѣ?

— Скажу, Суэнбёрнъ, что желалъ бы участвовать въ ней.

— Этого желалъ весь флотъ, мистеръ Симплъ; могу васъ увѣрить.

— А что случилось съ Санта-Тринидадомъ?

— Клянусь моимъ словомъ, онъ съ одной палубой велъ себя лучше, чѣмъ когда былъ со всѣми. Онъ нѣкоторое время стоялъ противъ четырехъ нашихъ кораблей и наконецъ опустилъ флагъ; но въ этомъ его нельзя винить, если принять въ соображеніе какой онъ выдержалъ огонь еще прежде отъ насъ. Часть испанскаго флота, состоявшая изъ одиннадцати кораблей, подоспѣла къ нему на помощь

и, окруживъ его, отбила у насъ. Наши корабли были въ такомъ плохомъ состояніи, что не могли начать снова битву, а потому адмиралъ подалъ сигналъ привести въ безопасность призы. Испанскій флотъ въ это время сдѣлалъ то, что слѣдовало бы сдѣлать прежде, то-есть, устроился въ линію; мы успѣшили сдѣлать тоже. Но оба флота уже утомились битвой.

— А что, Суэнбёрнъ, Испанцы хорошо сражались?

— Они бы лучше сражались, еслибъ умѣли. Въ нихъ нѣтъ недостатка мужества, мистеръ Симплъ; дѣло въ томъ, что они не поддерживали другъ друга, какъ бы слѣдовало. То ли дѣло, какъ Тротбриджъ поддержалъ насъ. Онъ, мистеръ Симплъ, былъ надежный парень, право — Нельсонъ зналъ это самъ. Онъ былъ правой рукой Нельсона — ну, однакожъ, все-таки двухъ Нельсоновъ быть не могло. Корабли ихъ, вступивъ въ битву, выдерживали огонь хорошо — надобно отдать имъ справедливость — ну, да вѣдь они были у себя. Еслибъ они соблюдали болѣе тѣсную дистанцію и всѣ бы сражались такъ же хорошо, какъ тѣ, которые были взяты въ плѣнъ, то не легко было бы пятнадцати кораблямъ одержать побѣду надъ двадцатью шестью. Это составляетъ большое неравенство, даже если рѣчь идетъ о британскихъ морякахъ.

— Ну, а какъ же вы разошлись?

— На слѣдующее утро Испанцамъ предоставлялся выборъ сражаться или нѣтъ. Сначала они какъ будто бы рѣшились, потому что поплыли къ намъ. Въ отвѣтъ на это мы повертели къ вѣтру, показывая, что готовы драться съ ними; тогда они раздумали и повертели назадъ. Ну, и такъ какъ они не хотѣли битвы, да и мы не желали ея, то къ ночи разстались, и чрезъ два дня мы, вмѣстѣ съ своими четырьмя призами, бросили якорь въ заливѣ Лагосъ. Вотъ и весь рассказъ, мистеръ Симплъ. Я заговорился до того, что охрипъ: не осталось ли у васъ еще капельки этой эссенціи, чтобъ промочить мнѣ горло? Съ вашей стороны это будетъ милостиво.

— Благодарю васъ, Суэнбёрнъ, и сейчасъ принесу вамъ грогу, вы его заслужили.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПИСЬМО ПАТЕРА МТРАТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Мы продолжали крейсировать около недѣли, и потомъ отправились въ Ямайку, гдѣ нашли адмирала на якорѣ въ Портъ-Рояль. Намъ подали сигналъ стать на якорѣ, и капитанъ Кирней, засвидѣтельствовавъ свое почтеніе адмиралу, воротился съ порученіемъ отвезти депеши въ Галифаксъ. Вода и провизія были доставлены намъ ботами адмиральскаго корабля, и къ величайшему нашему неудовольствію, вечеромъ мы снова вышли въ море, тогда какъ надѣялись повеселиться на берегу. Дѣло въ томъ, что изъ Англіи присланъ былъ приказъ: отправить немедленно фрегатъ къ адмиралу, стоявшему въ Галифаксѣ, въ полное его распоряженіе.

Я, однакожъ, имѣлъ удовольствіе увѣриться, что капитанъ исполнилъ свое слово, упомянувъ обо мнѣ въ депешѣ: писецъ показывалъ мнѣ копію. Ничего замѣчательнаго не произошло во время переѣзда: только что во все это время капитанъ Кирней былъ очень боленъ и почти не выходилъ изъ своей каюты. Былъ октябрь мѣсяцъ, когда мы бросили якорь въ Галифаксъ; адмиралтейство, ожидавшее нашего прибытія въ это мѣсто, препроводило сюда наши письма. Для меня тутъ не было ничего, но за то было письмо на имя О'Бріэна отъ патера МТратъ слѣдующаго содержанія:

«Милый сынъ мой!

«Вы добрый сынъ — это сущая правда, иначе я не захотѣлъ бы васъ называть своимъ сыномъ. Вы утѣшили и успокоили ваше семейство; теперь оно не бѣется изъ-за средствъ пропитанія и имѣетъ на то основательныя причины, такъ-какъ всего у него доволья и въ добавокъ даже свинья есть. Вашъ батюшка и ваша матушка, и братья и три сестры свидѣлствуютъ вамъ свою любовь и шлютъ благословеніе, къ которому можете присоединить и мое также. Ваше письмо изъ Плимута дошло благополучно: почтальионъ Барней уронилъ его у самыхъ нашихъ дверей; наша боль-

«шая свинья стватила его и побѣжала. Увидѣвъ это, я вышелъ къ ней, усовѣтилъ ее, и она оставила письмо, зная (доброе животное!), что я лучше ея съумѣю прочесть его. Разобравъ его содержание — счастье что предупредилъ въ этомъ свинью — я тотчасъ же пообедалъ, взялъ свою толстую палку и отправился въ Балликлейчъ.

«Вамъ извѣстно, Теренцій — а если вы это забыли, такъ я напомню — что тамъ есть вертлявая молодая женщина, содержащая «портерную лавку и называющаяся мистрисъ О'Руркъ; она вдова «капрала О'Руркъ, убитаго на войнѣ, или просто умершаго — не знаю «навѣрное, но это для насъ не важно. Эта мистрисъ О'Руркъ знаетъ «всѣхъ и каждого, и все, что дѣлается въ цѣлой провинціи; языкъ у «нея неутомимый.

— «Добраго утра, мистрисъ О'Руркъ, сказалъ я.

— «И вамъ также, патеръ М'Гратъ, отвѣчала она съ улыбкою. Что привело васъ сюда? Путешествіе ли какое далекое «приняли, или пришли сюда по дѣлу, или такъ только ко мнѣ «внѣзъ стаканъ портеру, да поболтать немножко съ мистрисъ «О'Руркъ?

— «Единственно къ вамъ поболтать, моя милая, и отвѣдать «вашего портера, не болѣе, впрочемъ, сколько нужно, чтобъ вы «полоскать ротъ.

«Мистрисъ О'Руркъ налила мнѣ самого настоящаго; я выпилъ «за ея здоровье и, ставя стаканъ, сказалъ: — Я слышалъ, у васъ по- «селлся иностранецъ, мистрисъ О'Руркъ?

— «Я слышала тоже самое, отвѣчала она.

«И такъ видите, Теренцій, благодаря своей смѣтливости, я «сразу провѣдалъ все дѣло.

— «Я слышалъ, продолжалъ я, онъ Шотландецъ и говоритъ «такъ, что никто не понимаетъ.

— «Какъ бы не такъ, онъ Англичанинъ и говоритъ очень «чисто.

— «Но что за мысль можетъ придти человѣку пріѣхать сюда «и сидѣть тутъ совершенно одному?

— «Одному, патеръ М'Гратъ! возразила она. Развѣ онъ одинъ, «когда съ нимъ жена и дѣти, да дастъ Богъ и еще.

— «Но эти мальчики не его дѣти, мнѣ кажется, сказалъ я.

— «Вы опять-таки ошибаетесь, патеръ М'Гратъ — дѣти его, «я все дѣвочки въ добавокъ. Кажется, вы для того только и приходите время отъ времени въ Балликлейчъ, чтобъ разузнавать «вѣсти.

— «Именно такъ, мистрисъ О'Руркъ: но кто же знаетъ ихъ «лучше васъ? — Вы замѣчаете, Теренцій, что я все говорилъ на- «оборотъ и, какъ говорится, *argse versa* тому, что вы писали мнѣ «въ вашемъ письмѣ; потому-что — помните это, сынъ мой — если «хотите узнать какую-нибудь тайну отъ женщины, то скорѣй до- «стигнете цѣли противорѣчіемъ, чѣмъ согласіемъ. Я продолжалъ «между тѣмъ: во всякомъ случаѣ, мистрисъ О'Руркъ, я считаю сты- «домъ для джентльмена привозить изъ Англіи своихъ лѣнивыхъ слугъ, «тогда какъ тутъ столько ловкихъ парней и дѣвушекъ, готовыхъ «къ его услугамъ.

— «Все-таки вы не правы, патеръ М'Гратъ: чорта съ два «привезъ онъ слугъ изъ Англіи; онъ нанялъ ихъ здѣсь. Элла «Флананганъ у него служанкой, а Теренцій Дрисколь слугою; онъ «очень хорошъ въ своей новой ливреѣ: я видѣла его, какъ онъ «приходилъ сюда за газетами. Могги Кала стряпааетъ ему кушанья, «а хорошенькая Мэри Сюзливанъ будетъ кормилицей младенца; лишь «только онъ выйдетъ на свѣтъ.

— «Вы думаете, кормилицей будетъ Мэри Сюзливанъ?

— «Истинно такъ, отвѣчала мистрисъ О'Руркъ; и знаете ли «причину?

— «Какъ мнѣ знать?

— «Для того, чтобъ услатъ подалше своего ребенка и кор- «мить ребенка Англичанина: леди слишкомъ леди, чтобъ позволить «висѣть на своей груди младенцу.

— «Но положимъ, что Мэри Сюзливанъ не родитъ къ тому «времени — чтѣ тогда? Говорите, мистеръ О'Руркъ; вы умная «женщина.

— «Что тогда? отвѣчала она. О! это ужъ все улажено; «Мэри говоритъ, что она сляжетъ въ постель недѣлю прежде «леди — такъ видите, патеръ М'Гратъ, все будетъ въ порядкѣ.

— «Но развѣ вы, такая умная женщина, не видите, что эта «молодица, которая такъ плохо знаетъ счетъ, что думаетъ родить «черезъ три мѣсяца по замужствѣ, можетъ также ошибиться въ «ариеметикѣ и касательно времени, когда ей лечь въ постель?»

— «Не бойтесь, патеръ М'Гратъ, Мэри Сьюлливанъ сдержитъ «свое обѣщаніе: прежде чѣмъ обмануть ожиданія леди и тѣмъ ли- «шиться своего мѣста, она слетитъ съ лѣстницы, а это развѣ не «уложить ее въ постель тотчасъ же?»

— «Хорошо! вотъ что называется вѣрный слуга, добросо- «вѣстно стяжающій свое жалованье! Ну, теперь прощайте! поз- «вольте только выпить еще стаканчикъ и поблагодарить васъ. Вы «женщина всевѣдущая и, въ добавокъ, очень хорошенькая. Такъ «вы видите, сынъ мой, я разузналъ кое-что, но не столько одна- «кожь, сколько ожидалъ. Но чтѣ я разузналъ, то долженъ отло- «жить до будущаго письма, такъ какъ всего нельзя рассказать въ «этомъ. Поля наши глядятъ хорошо, но платье не растетъ на де- «ревьяхъ въ нашей старой Ирландіи, и еслибъ ваше трехмѣсячное «жалованье или какія-нибудь призовыя деньги нашли себѣ дорогу «сюда—это много бы прибавило уважительности вашему семейству. «Вотъ хоть моя ряса ужъ слишкомъ дырява — не то чтобъ я объ «этомъ слишкомъ заботился, но все-таки новая лучше старой. Но «довольно покуда.

«Многолюбящій васъ другъ»

«Уртагъ М'Гратъ.»

— Ты видишь, Питеръ, сказалъ О'Бріанъ, когда я прочелъ письмо — я правду говорилъ, что твой дядя замышляетъ недоброе, уѣзжая въ Ирландію. Или даже оба будутъ мальчиками, или ре- бенокъ твоего дяди мальчикомъ, а другой дѣвочкой — покуда не- извѣстно. Если потребуется нужда въ обмѣнѣ, то за этимъ дѣло не станетъ — нѣчего и говорить. Но я опять найшу патеру М'Гратъ и буду просить, чтобъ онъ разузналъ истину, если можно. Получилъ ты письмо отъ отца?

— Нѣтъ, къ несчастію. А онъ бы непременно написалъ что- нибудь объ этомъ предметѣ.

— Ну, не стоитъ размышлять объ этой матеріи; мы сами по- хлопочемъ, когда будемъ въ Англіи, а до тѣхъ поръ положимся

на патера МГратъ. Я по скорѣе напишу ему письмо, пока еще мысль моя занята этимъ.

О'Бріанъ написалъ, и больше мы уже не заводили разговоръ объ этомъ предметѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Болезнь капитана Кирней. — Онъ дѣлаетъ завѣщаніе и раздаетъ воздушные замки, кому слѣдуетъ. — Такса съ завѣщанія въ этомъ случаѣ не разорительна. — Онъ подписываетъ, запечатываетъ и умираетъ.

Капитанъ, по обыкновенію, отправился на берегъ и поселился въ домъ пріятеля. Это значитъ — въ домъ знакомаго или какого-нибудь учтиваго джентльмена, предложившаго ему у себя обѣдъ и постель. Этого было достаточно для капитана Кирней; въ такихъ случаяхъ онъ обыкновенно бралъ свой чемоданъ и располагался на квартирѣ, не думая покидать ее до отплытія корабля или до другаго болѣе выгоднаго приглашенія. Такое поведеніе въ Англіи превзошло бы всѣ понятія о гостепріимствѣ; но въ нашихъ чужестранныхъ поселеніяхъ и колоніяхъ, гдѣ общество очень малочисленно и падко къ новостямъ, такой занимательный человекъ какъ капитанъ Кирней, находка, и никто не запретитъ ему оставаться, сколько угодно. Всѣ моряки единодушно утверждаютъ, что Галифаскъ самый восхитительный портъ. Жители его гостепріимны, веселы, любятъ сами удовольствія и другимъ доставляютъ ихъ. По этому не годится посылать туда корабль, который хотите поспѣшно оснастить и отправить въ дальнѣйшее путешествіе, развѣ есть тамъ адмиралъ, чтобы надзирать за его ежедневными успѣхами, и хорошій комиссіонеръ для выполненія въ верфи всѣхъ его требованій. Тутъ былъ на этотъ разъ адмиралъ, и мы не долго бы пробыли здѣсь, еслибъ капитанъ Кирней не заболѣлъ къ тому самому времени, какъ мы уже готовились къ отплытію, такъ серьезно, что докторъ счелъ его не въ состояніи пуститься въ пла-

ваніе. Другой фрегатъ былъ отпращенъ на крейсеровку вмѣсто насъ, а мы остались празднествовать въ портѣ. Но мы въ этомъ легко утѣшились: если мы лишились надежды на добычу — за то были очень веселы и большая часть офицеровъ даже влюблена.

Черезъ три недѣли по прибытіи нашемъ въ гавань Галифакса, въ нездоровьи капитана Кирней произошла огромная перемена къ худшему, такъ что теперь едва ли можно было называть это однимъ нездоровьемъ. Онъ давно страдалъ отъ вреднаго вліянія на него морскаго климата, и хотя ему часто совѣтовали записаться въ больницы, но онъ не соглашался. Комплекція его теперь, казалось, совершенно ослабла. Въ нѣсколько дней онъ сдѣлался такъ боленъ, что, по совѣту хирурга, позволилъ перенести себя въ госпиталь, гдѣ могъ требовать себѣ болѣе удобствъ, чѣмъ въ какомъ бы то ни было частномъ домѣ. Не пробывъ и двухъ дней въ госпиталѣ, онъ послалъ за мной и изъявилъ желаніе, чтобъ я остался при немъ.

— Вы мнѣ двоюродный братъ, Питеръ, а вы сами знаете, что въ болѣзни всякому пріятно имѣть около себя родственника; такъ перенесите на берегъ ваши пожитки. Докторъ обѣщалъ мнѣ дать вамъ хорошенькую маленькую комнатку, и вы будете сидѣть со мной каждый день.

Я, конечно, ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ оставаться съ нимъ, потому что считалъ это своей обязанностью; притомъ же, правду сказать — мнѣ не нужно было никакихъ усилій занимать его — онъ самъ всегда занималъ меня. Но я не могъ защититься отъ непріятнаго чувства при мысли, что человѣкъ въ такомъ опасномъ положеніи — докторъ рѣшилъ, что выздоровленіе его невозможно — могъ все еще лгать непрерывно въ теченіе цѣлаго дня. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ недостатокъ былъ, казалось, врожденъ ему, и, какъ выразился Суэнбёрнъ, «онъ только по ошибкѣ могъ сказать истину.»

— Питеръ, сказалъ онъ мнѣ однажды, тутъ что-то дуетъ. Затворите дверь, пожалуйста, и прибавьте угольевъ въ печку.

— Труба не будетъ втягивать дыму, сэръ, если затворить дверь, отвѣчалъ я.

— Удивительно, какъ люди мало понимаютъ эти вещи. Когда я строилъ себѣ домъ, прозванный Улькотъ-Аббей, въ немъ не

было ни одной трубы, которая бы втягивала дымъ; я послалъ за архитекторомъ и разругалъ его, но онъ не могъ исправить дѣла: я принужденъ былъ сдѣлать это самъ.

— И вы исправили, сэръ?

— Исправилъ ли? я думаю. Въ первый разъ, какъ я затопилъ печь и отперъ дверь, труба такъ сильно потянула, что мой маленькій сыпишка Уйльямъ, находившійся на пути вѣтра, такъ бы и въѣхалъ въ трубу, еслибъ я не схватилъ его за рубашенку, которая, впрочемъ, успѣла загорѣться.

— Такъ этотъ вѣтеръ, сэръ, былъ не хуже любого урагана.

— Ну, не совсѣмъ-то; однако это показываетъ, что можно сдѣлать съ помощью маленькаго умѣнья устроить вещи ученымъ образомъ. У насъ въ Англіи не бываетъ урагановъ, Питеръ; однакожъ, мнѣ привелось видѣть порядочный вихрь въ Улькотъ-Аббей.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ?

— Да. Онъ унесъ у меня четыре копны сѣна, скрутилъ желѣзный фонарный столбъ, стоявшій у подъѣзда, поднялъ свинью съ поросятами, находившимися въ ста шагахъ позади дома, и опустил ихъ на землю передъ фасадомъ невредимо, кромѣ свиньи, которая переломила ногу.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ?

— Да. Но страннѣ всего то, что въ одной копнѣ было много крысъ и онѣ поднялись вмѣстѣ съ сѣномъ. По закону тяготѣнія, онѣ, естественно, попадали, прежде сѣна, и какъ въ это время я гулялъ съ своей борзой собакой, или скорѣе барсучьей, то — смѣшно было видѣть, какъ она, растерзавъ одну, поднимала морду кверху, ожидая, чтобъ упала другая.

— Какъ вы сказали, сэръ, борзая собака или барсучья?

— И то, и другое, Питеръ. Дѣло вотъ въ чемъ: она была борзая, но разъ какъ-то на бѣгу переломила себѣ объ пень переднюю ногу — я и подрѣзалъ ей остальные три въ уровень съ переломленной, и такимъ образомъ она сдѣлалась барсучьей. Это была моя любимца.

— А! замѣтилъ я, я читалъ что-то подобное въ баронѣ Мюнхгаузенѣ.

— Мистеръ Симпль, сказалъ капитанъ, поворачиваясь на локтѣ и строго смотря мнѣ въ лицо — что вы хотите этимъ сказать?

— Ничего, сэръ; я говорю только, что читалъ подобную исторію.

— Легко можетъ быть: искусство выдумки состоитъ въ согласіи съ дѣйствительностью. Есть много людей, которые изъ кротовой норы готовы сдѣлать гору, и въ наше время дѣйствительность и выдумка такъ перемѣшаны, что даже истина подвергается сомнѣнію.

— Правда ваша, сэръ, отвѣчалъ я.

И такъ какъ онъ замолчалъ на минуту, я взялъ библію, сѣлъ около его постели и принялъ видъ, будто читаю про себя.

— Что вы читаете, Питеръ? спросилъ онъ.

— Главу изъ библіи, сэръ, отвѣчалъ я. Хотите я стану читать вамъ вслухъ?

— Конечно, я очень люблю читать библію: это книга истины. Прочтите мнѣ, Питеръ, объ Іаковѣ — о томъ, какъ онъ за хлебку купилъ у Исава благословеніе отца.

Мнѣ показалось страннымъ, что онъ выбралъ это мѣсто. Когда я кончилъ, онъ попросилъ прочесть еще что-нибудь; я открылъ книгу и началъ читать главу, въ которой описывается внезапная смерть Ананіи.

— Это добрый урокъ молодымъ людямъ, Питеръ, серьезно замѣтилъ онъ по окончаніи чтенія; изъ него вы можете видѣть, что никогда не должно уклоняться отъ истины. Примите себѣ въ девизъ, Питеръ, говорить всегда правду и неосрамлять тѣмъ дьявола.

Эти слова заставили меня положить книгу: я видѣлъ ясно, что онъ не замѣчаетъ своего порока, а какъ можно ожидать раскаянія тамъ, гдѣ нѣтъ сознанія вины? Силы его истощались съ каждымъ днемъ и наконецъ онъ такъ ослабѣлъ, что едва могъ приподняться съ постели. Однажды послѣ обѣда онъ сказалъ мнѣ:

— Питеръ, я хочу написать завѣщаніе, не потому, чтобы я умираю, но обязанность каждаго человѣка требуетъ того, чтобы

домъ былъ приведенъ въ порядокъ; притомъ же это займетъ меня. Достаньте перо и бумаги и сядьте около меня. Я исполнилъ его желаніе.

— Пишите, Питеръ: Я, Антоній Джоржъ Уйльямъ Чарльсъ, Гусклесонъ Кирней, (Антоній — это мое имя по отцу, милый Питеръ; Джоржемъ меня окрестили въ честь настоящаго регента, а Уйльямомъ и Чарльзомъ въ честь мистеровъ Пигга и Фокса, моихъ крестныхъ отцовъ; Гусклесонъ имя моего дяди, котораго я наслѣдникъ: ему теперь восемьдесятъ три года, такъ мнѣ недолго дожидаться наслѣдства): — написали вы?

— Написалъ, сэръ.

— Будучи въ здоровомъ разсудкѣ, изъявляю свою волю и завѣщаніе, уничтожая тѣмъ самымъ всѣ прежніе подобные акты.

— Написалъ, сэръ.

— Завѣщаю нѣжно любимой моей супругѣ, Августѣ Шарлотѣ Кирней (она названа въ честь королевы и принцессы Августы, воспріемницы ея при крещеніи) всю мою хозяйственную утварь, книги, картины, серебро и дома, въ полное ея пользованіе, съ правомъ — по смерти распорядиться ими по желанію. Написано?

— Да, сэръ.

— Также завѣщаю ей пользоваться пожизненно тремя процентами съ капитала, ввѣреннаго храненію моего агента; по смерти же раздѣлить поровну между моими дѣтьми, Уйльямомъ Кирней и Каролиной Анастасіей Кирней. Написали вы?

— Да, сэръ.

— Хорошо. Теперь мое недвижимое имущество Помѣстье въ Кентѣ (какъ бишь оно называется? — дайте припомнить) Улькотъ-Аббей, три фермы въ Валь-офъ-Эльсъ-бѣри и земли въ графствѣ Норфолькскомъ завѣщаю вышеупомянутымъ обонмъ дѣтямъ моимъ; доходы же съ этихъ земель, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ на ихъ воспитаніе, откладывать и хранить для ихъ личнаго пользованія. Написано?

— Нѣтъ еще, сэръ — для ихъ личнаго пользованія — написано теперь.

— Во владѣніе же ввести ихъ по достиженіи совершеннолѣтія т-е. когда сыну минетъ двадцать первый годъ, или — относительно

дочерп—когда она выйдет за-мужъ съ согласія исполнителей моей воли; въ такомъ случаѣ имѣніе, по предварительной оцѣнкѣ, раздѣлать между ними по-равну. — Вы видите, Питеръ, я не дѣлаю никакого различія между дѣвочками и мальчиками, — добрый отецъ любить равно своихъ дѣтей. Дайте мнѣ теперь немножко отдохнуть.

Я удивился: всеѣмъ извѣстно было, что капитанъ Кирней, кромѣ жалованья, не имѣлъ ничего и оставался такъ долго въ Вестъ-Индіи изъ одной надежды на призы для прокормленія своего семейства. Это было смѣшно; но я не могъ смѣяться: было что-то печальное въ этой своего рода болѣзни.

— Будемте продолжать, Питеръ, сказалъ капитанъ Кирней, спустя нѣсколько минутъ. Мнѣ надо еще сдѣлать нѣсколько распоряженій. Во-первыхъ, слугамъ моимъ по пятидесяти ливровъ каждому и по два траурныхъ платья; моему племяннику Томасу Кирней-офъ-Кирней-Голльвъ въ Йоркширѣ я завѣщаю саблю, подаренную мнѣ султаномъ. Я ему обѣщала ее, и хотя потомъ мы поссорились и не говорили другъ съ другомъ нѣсколько лѣтъ, но я все-таки хочу исполнить свое обѣщаніе. Блюдо, подаренное мнѣ купцами и подписчиками Л. Лойда, оставляю моему достойному другу, герцогу Ньюкэстль. Написали?

— Написалъ, сэръ,

— Хорошо. Табакерку подаренную мнѣ княземъ Потемкинымъ, адмиралу сэру Исааку Коффинъ; освобождаю то же его имѣніе на Магдаленскихъ островахъ въ Сѣверной Америкѣ, находившееся у меня въ залогѣ. Далѣе завѣщаю ему нѣшокъ нюхательнаго табаку, подаренный мнѣ алжирскимъ деемъ; такъ какъ табакерка достается ему, то, кстати, пусть ужъ достанется ему и табакъ. Написано?

— Да, сэръ.

— Теперь, Питеръ, нужно вамъ что-нибудь оставить.

— О, не беспокойтесь обо мнѣ, сэръ.

— Какъ же мнѣ забыть моего двоюроднаго брата! Позвольте — вамъ я оставляю свою бевую шпагу. Очень хорошая шпага, могу васъ увѣрить. Я разъ дрался ею на дуэли въ Палермо и прокололъ одного сицилійскаго князя насквозь: она такъ крѣпко застряда въ его тѣлѣ, что мы принуждены были послать за двумя

почтовыми лошадьми, чтобъ вытащить ее. Запишите это завѣщаніе моему двоюродному брату, Питеру Смиль. Теперь, кажется, всё: осталось назначить только исполнителей завѣщанія. Такъ я прошу быть моими исполнителями моихъ особенныхъ друзей—графа Лондондерри, маркиза Чандосъ и мистера Джона Люббока, бапкира, и оставляю каждому изъ нихъ, въ вознагражденіе за этотъ трудъ, и въ знакъ уваженія, по тысячѣ фунтовъ стерлинговъ. Хорошо. Теперь, такъ-какъ я оставляю столько недвижимаго имущества, то необходимы три свидѣтеля; позовите еще двухъ, и, я подпишу въ вашемъ присутствіи.

Это приказаніе было исполнено и странное завѣщаніе законнымъ образомъ засвидѣтельствовано. Едва ли нужно говорить, что всѣ вещи, которыя онъ будто бы получилъ въ подарокъ, были имъ въ разное время куплены; но такова была сила господствующей его страсти, что онъ не могъ отказаться отъ лжи даже въ послѣднія его минуты жизни. Мистеръ Филлотъ и О'Бріэнъ очень часто навѣщали его, а иногда и прочіе офицеры; онъ былъ всегда веселъ и шутливъ, казалось, даже совершенно равнодушенъ къ своему положенію, хотя вполнѣ сознавалъ его. Исторіи его сдѣлались еще чудеснѣе, тѣмъ болѣе, что никто не подвергалъ сомнѣнію ихъ правдоподобность.

Спустя недѣлю послѣ того, какъ я поселился въ госпиталѣ, капитанъ Кирней сталъ видимо приближаться къ смерти; докторъ, пощупавъ однажды его пульсъ, выразилъ мнѣніе, что онъ не проживетъ и дня. Это было въ пятницу; капитанъ дѣйствительно представлялъ всѣ признаки разложенія. Онъ такъ разслабъ, что едва могъ выговаривать слова; ноги его охолодѣли, глаза помутнились и закатились. Докторъ просидѣлъ тутъ съ часъ, еще разъ пощупалъ ему пульсъ, покачалъ головой и шепнулъ мнѣ на ухо: «Онъ уже умеръ.» Но лишь только докторъ вышелъ изъ комнаты, капитанъ Кирней открылъ глаза и подозвалъ меня къ себѣ.

— Докторъ страшный дуракъ, Питеръ; онъ воображаетъ, что я уже испускаю духъ, но я свое дѣло знаю лучше его: что умираю я — это правда; но проживу еще до будущаго четверга.

Странно — съ этой минуты онъ ожилъ и хотя уже донесено было, что онъ умеръ и адмиралъ уже изготавлялъ патентъ его преемнику, но на слѣдующее утро, къ общему удивленію,

капитанъ Кирней все еще былъ живъ. Онъ оставался между жизнью и смертью до слѣдующаго четверга, именно до того дня, въ который самъ назначилъ себѣ умереть — и дѣйствительно къ утру этого дня замѣтно опалъ. Къ полудню дыханіе его сдѣлалось тяжелымъ и прерывистымъ — ясно было, что онъ умираетъ. Въ горлѣ у него началось предсмертное хрипѣніе, и я, стоя у его постели, ежеминутно ожидалъ, что онъ испуститъ послѣднее дыханіе, но вдругъ онъ открылъ снова глаза, и съ усиленіемъ сдѣлавъ мнѣ знакъ наклониться, удивленнымъ голосомъ и съ величайшимъ трудомъ произнесъ:

— Питеръ, я умираю — не то, чтобы доказательствомъ приближающейся моей смерти было это хрипѣніе, я зналъ одного человека, который съ хрипѣніемъ въ горлѣ прожилъ шесть недѣль.

Произнесъ это, онъ опрокинулся на спинну и умеръ, сказавъ при послѣднемъ издыханіи, можетъ быть, величайшую ложь въ своей жизни.

Такъ умеръ этотъ странный человекъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ внушавшій уваженіе: онъ былъ добрый человекъ и хорошій офицеръ, но вслѣдствіе ли своего темперамента, по-привычкѣ ли, или по-природѣ, не могъ говорить правды. Я говорю по-природѣ, потому что видалъ въ иныхъ привычку красть, столь же сильную и нескоренимую. Именно, такая странность водилась за однимъ молодымъ мичманомъ хорошей фамиліи: денегъ у него всегда было довольно на удовлетвореніе всѣхъ его потребностей; человекъ онъ былъ щедрый и самый чистосердечный какого я еще и не видывалъ; кошелекъ свой и все что имѣлъ онъ, готовъ предложить каждому изъ своихъ товарищей, но въ тоже время кралъ все, что только попадалось ему подъ руку. Я замѣчалъ, какъ онъ иногда дождался по цѣлымъ часамъ удобной минуты, чтобы украсть что-нибудь, вовсе ненужное и бесполезное, напримѣръ башмакъ, и то слишкомъ малый для его ноги. Покраденное онъ возвращалъ на другой день, но удержаться отъ кражи ему было невозможно. И это было всѣмъ извѣстно, такъ что если что пропадало, мы прежде всего шли обыскивать его сундукъ и обыкновенно находили тамъ некую вещь. Казалось, онъ даже вовсе не стыдился этого, тогда какъ въ другихъ отношеніяхъ, онъ не былъ

лишенъ чувства чести; странно даже то, что онъ, никогда не стараясь прикрывать своихъ предѣлокъ ложью. После многихъ тщательныхъ усилій исправить его отъ этого порока, его отставили отъ службы, какъ неисправимаго.

Капитана Кирней похоронили на кладбищѣ съ обыкновенными военными почестями. Въ его конторкѣ мы нашли собственноручное его распоряженіе, относительно погребенія и надгробной надписи. Въ этой послѣдней онъ показалъ, будто бы ему тридцать одинъ годъ. Еслибъ это было справедливо, то, судя по времени его службы, капитанъ Кирней вступилъ во флотъ за четыре мѣсяца до рожденія. Несчастливъ онъ былъ и въ томъ, что началъ свою надгробную надпись словами: «Здѣсь лежитъ капитанъ Кирней, и т. д.», потому что не прошло двадцати четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ поставленъ былъ памятникъ, а ужъ кто-то, знакомый съ его характеромъ, въ словѣ *лежитъ* стеръ букву *e* и переимѣнилъ букву *и* на *e*, такъ что вышло: «Здѣсь *лжетъ* капитанъ Кирней» — что было совершенно справедливо, по отношенію къ живому капитану Кирней.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Капитанъ Гортонъ. — Печальныя вѣсти изъ дому. — Я попадаю съ головою въ воду и потомъ нахожу, что самъ выросъ въ одну сторону, а мок платъ въ другую. — Не будучи богатъ, какъ жидъ, и толстъ какъ вереводъ, я прохожу сквозь экзаменъ, что кажется странно моимъ товарищамъ.

На слѣдующій день по смерти капитана Кирней, преемникъ его уже явился на бортъ. Намъ очень хорошо извѣстенъ былъ характеръ капитана Гортонъ, вслѣдствіе жалобъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ его кораблю, на его апатію и лѣность; въ самомъ дѣлѣ, его прозвали даже «медленнымъ.» Его офицерамъ, конечно, было очень непріятно терять, вслѣдствіе его лѣности, столько случаевъ добыть себѣ призовыхъ денегъ и отличиться. Капитанъ Гортонъ былъ молодой человекъ знатной фамиліи, быстро возвысив-

шійся въ службѣ, благодаря покровительству и тому обстоятельству, что нѣсколько разъ ему удавалось случайно отличиться. Во многихъ экспедиціяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ не охотою, а по приказанію, онъ оказалъ не только храбрость, но даже замѣчательную степень хладнокровія въ опасностяхъ и затруднительныхъ обстоятельствахъ; но это хладнокровіе источникомъ своимъ имѣло самый его недостатокъ — необыкновенную лѣность. Напримѣръ, онъ бы шагомъ пошелъ отъ огня непріятеля, тогда какъ другіе побѣжали бы, а именно потому, что былъ слишкомъ апатиченъ, чтобъ принять на себя трудъ бѣгства. Въ одной экспедиціи, въ которой онъ отличился, ему нужно было, подъ градомъ картечи и мушкетныхъ пуль, идти на abordажъ очень высокаго корабля. Когда боты приблизились къ кораблю и матросы вскочили, чтобъ лѣзть на него, онъ окинулъ взглядомъ высоту и вскричалъ съ видомъ отчаянія: «Боже мой! ужели это намъ лѣзть на палубу?» И потомъ влѣзши на палубу и разгорячася битвой, онъ показалъ, какъ мало это восклицаніе имѣло общаго со страхомъ: сражаясь впереди своихъ матросовъ, онъ собственной рукой убилъ непріятельскаго капитана. Но эта особенность, ничего незначащая въ молодомъ офицерѣ и послужившая бы только предметомъ шутокъ для товарищей, въ капитанѣ была очень важна. Адмиралъ самъ замѣтилъ, какъ часто онъ упускалъ случай вредить непріятелю или брать въ плѣнъ его корабль; а такую небрежностью капитанъ Гортонъ нарушалъ одинъ изъ англійскихъ военныхъ уставовъ, за нарушение котораго наказаніемъ опредѣляется *Смерть*. Назначеніе его на нашъ корабль было по этому стольже непріятно намъ, какъ пріятно офицерамъ его прежняго корабля.

Но, къ счастью, это оказалось не очень важнымъ: адмиралъ получалъ изъ Англіи приказъ помѣстить капитана Гортонна на первую вакансію, что онъ, конечно, и долженъ былъ исполнить, но, не желая имѣть въ дѣлѣ офицера, не пользующагося своей командою, онъ рѣшился послать его въ Англію съ депешами и удержать другой фрегатъ, которому было приказано плыть домой, но котораго мы замѣнили. Вѣсть, что мы тотчасъ же отправляемся въ Англію, была принята съ чувствомъ радости, смѣшаннымъ съ сожалѣніемъ. Что до меня, я былъ радъ безусловно. Я теперь уже прослужилъ срокъ мичмана, оставалось только какихъ-нибудь

пять мѣсяцевъ, и я надѣялся, что скорѣе получу патентъ лейтенанта въ Англіи, чѣмъ на борту корабля. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось скорѣе быть дома, по причинамъ, уже объясненнымъ. Черезъ недѣлю мы отправились съ нѣсколькими другими кораблями, получивъ приказаніе конвоировать купеческую партію кораблей, шедшую изъ Квебека и ожидавшую насъ у острова Сень-Джона.

Спустя нѣсколько дней, мы соединились съ ней и отправились въ Англію при попутномъ вѣтрѣ. Однакожь, погода скоро сдѣлалась очень дурна. Нашъ капитанъ рѣдко выходилъ изъ каюты; онъ постоянно лежалъ на койкѣ, растянувшись и читая какую-нибудь повѣсть, или дремля, смотря по расположенію.

Помню одинъ случай, доказывающій апатичность его характера и то, какъ неспособенъ онъ былъ командовать хорошимъ фрегатомъ. Мы плыли уже три дня, когда погода сдѣлалась еще хуже. О'Бріанъ, находившійся въ среднемъ караулѣ, сошелъ въ каюту рапортовать, что «вѣтеръ сильно дуетъ.»

— Очень хорошо, отвѣчалъ капитанъ, скажите мнѣ, когда онъ будетъ дуть сильнѣе.

Черезъ часъ шквалъ усилился и О'Бріанъ снова сошелъ внизъ.

— Дуетъ еще сильнѣе, капитанъ Гортонъ.

— Очень хорошо, отвѣчалъ капитанъ Гортонъ, поворачиваясь въ койкѣ; позовите меня, когда онъ будетъ дуть еще сильнѣе.

Около шести часовъ вѣтеръ достигъ крайней степени силы и яростно завывалъ. Снова явился О'Бріанъ.

— Вѣтеръ дуетъ страшно, капитанъ Гортонъ.

— Хорошо, хорошо! если погода сдѣлается хуже....

— Она не можетъ быть хуже, прервалъ О'Бріанъ; буря реветъ страшно.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну такъ, возразилъ капитанъ Гортонъ, дайте мнѣ знать, когда она начнетъ утихать,

Въ утренній караулъ случилось подобное же обстоятельство. Мистеръ Филлотъ сошелъ въ каюту и донесъ капитану, что нѣкоторые конвойные корабли потерялись изъ виду позади насъ.

— Не плыть ли назадъ, капитанъ Гортонъ?

— О нѣтъ! отвѣчалъ онъ, это не такъ-то легко. Скажите мнѣ, когда потеряется изъ виду еще одинъ.

Черезъ часъ старшій лейтенантъ донесъ, что теперь ужъ очень немногіе изъ нихъ остались въ виду.

— Очень хорошо, мистеръ Филлотъ, возразилъ капитанъ, поворачиваясь на другой бокъ, чтобъ заснуть; дайте знать, если еще одинъ потеряется.

Прошло еще нѣсколько времени и старшій лейтенантъ донесъ, что ужъ больше ни одного не видно.

— Очень хорошо! такъ позовите меня, когда они снова покажутся.

На это нельзя было надѣяться, такъ какъ мы дѣлали по двѣнадцати узловъ въ часъ и уносились отъ нихъ съ необыкновенной скоростью; такимъ образомъ капитана уже больше не пришлось беспокоить и онъ оставался въ каютѣ, пока самъ не заблаго-разсудилъ выйти позавтракать. Дѣйствительно, мы уже болѣе не видали ни одного изъ нашихъ кошовыхъ кораблей, и, съ помощію шквала, черезъ пятнадцать дней бросили якорь въ Плимутъ. Вышелъ приказъ, чтобъ тотчасъ же выдать жалованье экипажу и снова отправиться по назначенію. Я получилъ письма отъ отца, въ которыхъ онъ поздравлялъ меня съ тѣмъ, что имя мое упомянуто въ донесеніяхъ капитана Кирней, и звалъ домой, какъ можно скорѣй. Адмиралъ позволялъ записать мое имя въ книгу сторожеваго корабля (*), чтобъ не было потеряно мое время службы, и далъ мнѣ отпускъ на два мѣсяца. Я простился съ товарищами, пожалъ руку О'Брізну, который намѣревался съѣздить въ Ирландію, до приска-нія себѣ другаго корабля, въ Плимутъ сѣлъ въ diligencъ, съ жалованьемъ въ карманѣ, и черезъ три дня еще разъ очутился въ объятіяхъ любимой матушки и горячо поздоровался съ отцемъ и съ прочими членами семейства.

Поговорю немножко о моемъ семействѣ: нужно познакомить читателя съ тѣмъ, что случилось въ немъ со времени моего отъѣзда. Старшая сестра моя Люси вышла замужъ за армейскаго офицера, капитана Фильдинга, и такъ какъ полкъ его былъ отправленъ въ Индію, то она послѣдовала за нимъ; не задолго до моего возвращенія было получено письмо, извѣщавшее о ея благополучномъ прибытіи въ Цейлонъ. Вторая сестра моя, Марі, съ

(*) Сторожевые корабли назначаются для охраненія береговъ Англіи.

дѣтства бывшая очень слабаго здоровья, также получила предложение. Она была очень хороша, такъ что красота ея всё удивлялась. Женихомъ ея былъ баронетъ знатной фамилии; но, къ несчастію, она простудилась на балу, и съ тѣхъ поръ замѣтно чахла. За два мѣсяца до моего пріѣзда она умерла и все семейство было въ глубокомъ траурѣ. Третья моя сестра, Елена, была еще не замужемъ; она была тоже хорошенькая дѣвушка и теперь достигла уже семнадцати лѣтъ. Смерть сестры Мари и отъѣздъ Люси поколебали здоровье моей матушки. Что касается до отца, онъ забывалъ даже утрату дочери, получивъ неприятное извѣстіе, что жена моего дяди благополучно разрѣшилась сыномъ, обстоятельство, лишившее его титуловъ и помѣстьевъ моего дѣдушки, на которые онъ такъ надѣялся. Домъ нашъ былъ постояннымъ домомъ скорби. Печаль матушки я уважалъ и старался утѣшить; но печаль отца была такая мірская и такъ неприлична его духовному сану, что, признаюсь, она возбуждала во мнѣ болѣе досады, чѣмъ участія. Онъ сдѣлался пасмурнымъ, грустнымъ, крутымъ въ обращеніи съ окружающими и не оказывалъ матушкѣ всего вниманія, котораго требовало состояніе ея души и здоровья, если бъ даже онъ и не чувствовалъ къ ней никакого расположенія. Онъ рѣдко проводилъ съ ней время днемъ, а вечеромъ она рано ложилась спать, и такимъ образомъ они очень мало видались другъ съ другомъ. Сестра моя служила ей большимъ утѣшеніемъ, и, надѣюсь, я тоже; она часто говаривала это, цѣлуя меня и орошая лице мое слезами, въ какихъ случаяхъ я не могъ удержаться отъ мысли, что слезы эти удвоивала холодность и равнодушіе отца, чтобъ не сказать нелюбезность, съ какою онъ обходился съ ней. Что касается до сестры, она была вполне достойна любви. Видя ея вниманіе къ матушкѣ и полное самозабвеніе въ ея пользу, я часто думалъ какое сокровище составитъ она для человѣка, который будетъ такъ счастливъ, что пріобрѣтетъ ея любовь. Таково было положеніе моего семейства, когда я воротился.

Однажды вечеромъ, спустя недѣлю почти по моемъ пріѣздѣ домой, я объявилъ отцу, что имѣю теперь право на повышеніе.

— Я не могу ничего сдѣлать для тебя, Питеръ; у меня нѣтъ покровителей, сказалъ онъ сухо.

— Тутъ многого не нужно, сэръ, отвѣчалъ я; я отслужу

срокъ къ двадцатому числу слѣдующаго мѣсяца и если выдержу экзаменъ, къ чему чувствую себя способнымъ, то такъ какъ имя мое было упомянуто въ депешахъ, мнѣ нетрудно будетъ получить должность лейтенанта, по просьбѣ дѣдушки.

— Конечно, дѣдушка твой можетъ успѣть въ этомъ, я не сомнѣваюсь; но только, думаю, съ этой стороны тебѣ плохая надежда. У брата моего есть сынъ, и теперь мы отвергнуты. Ты не знаешь, Питеръ, какъ себялюбивы люди и какъ мало они расположены беспокоиться для своихъ родственниковъ. Твой дѣдушка ни разу не приглашалъ меня къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ получилъ извѣстіе о приращеніи братнииа семейства. Правда, я и самъ къ нему не прѣзжалъ, зная, что это ни къ чему не поведетъ.

— Я долженъ иначе думать о лордѣ Привилэджъ, батюшка, пока онъ не подтвердитъ поведеніемъ своимъ вашего мнѣнія. Что я не могу быть для него предметомъ слишкомъ большаго участія, съ этимъ я согласенъ; но все таки онъ былъ со мной всегда очень ласковъ, и, кажется, любилъ меня.

— Хорошо, ласкайся надеждою, но самъ увидишь скоро, что такое свѣтъ. Я увѣренъ, что не ошибаюсь, и не знаю, что будетъ съ вами, дѣти, когда я умру: послѣ меня останется вамъ мало, или почти ничего. Всѣ мои виды разрушены, благодаря этому....

И отецъ ударилъ кулакомъ по столу съ видомъ, вовсе недостойнымъ его сана.

Я съ прискорбіемъ принужденъ говорить это объ моемъ отцѣ, потому что не могу скрывать истины. Однакожъ, слѣдуетъ замѣтить, что его поведеніе въ нѣкоторомъ отношеніи было извинительно. Онъ не чувствовалъ никакой склонности къ духовному званію: въ молодыхъ лѣтахъ онъ желалъ вступить въ военную службу, приходящуюся ему болѣе по нраву; но такъ какъ уже въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій у аристократіи существовалъ обычай оставлять мнѣніе однимъ старшимъ сыновьямъ, предоставляя младшимъ жить на счетъ государства, то отцу моему не позволили осуществить своей склонности. Старшій братъ его уже избралъ себѣ военное поприще, а потому рѣшили, что мой отецъ вступить въ духовен-

ство, и отсюда происходит, что мы имѣемъ въ этомъ сословіи столько людей неспособныхъ исполнять обязанности своего званія. Законъ маіоратства заключаетъ въ себѣ много дурныхъ послѣдствій и несправедливости, но безъ него пала бы аристократія.

Я оставался дома до срока отпуска, и потомъ отправился въ Плимутъ выдерживать экзаменъ. Днемъ экзамена адмиралъ назначилъ пятницу, и такъ какъ я прибылъ въ среду, то покуда проводилъ время, гуляя по верфи и стараясь распространить свои свѣдѣнія относительно своего ремесла. Въ четвергъ, въ пристани я встрѣтилъ отрядъ солдатъ, который усаживался въ боты военного корабля; я узналъ, что они отправляются въ Индію. Я поглазѣлъ на эту сцену, и когда они отчалили, подошелъ къ верфи, съ цѣлью узнать относительную тяжесть якорей различнаго рода кораблей.

Едва я прибылъ тутъ нѣсколько минутъ, какъ вниманіе мое было привлечено споромъ, возникшимъ между солдатомъ, который, по-видимому, отсталъ отъ своего отряда съ тѣмъ, чтобъ бѣжать въ верфь за виномъ, — и его женой. Онъ былъ очень пьянъ; жена его, молодая женщина, съ ребенкомъ въ рукахъ, слѣдовала за нимъ, стараясь всячески его успокоить.

— Полно, Патрикъ, душенька, говорила она, цѣпляясь за него; довольно и того, что ты вышелъ изъ рядовъ и навлекъ на себя наказаніе, воротаясь на корабль. Успокойся, пожалуйста; спросимъ—ка лучше ботъ: офицеръ подумаетъ, авось, что ты отсталъ нечаянно и не тронетъ тебя, а я между тѣмъ попрошу мистера О'Руркь, — онъ добрый человекъ.

— Убирайся ты, тварь; тебѣ хочется говорить съ мистеромъ О'Руркь, чтобъ онъ тебя — этакъ — за подбородокъ потрепалъ. Убирайся, Мэри, я самъ найду дорогу къ кораблю. Пущусь вплавь, и даже съ ранцемъ и мушкетомъ доплыву.

Молодая женщина вскрикнула и ухватилась за него, но онъ вырвался, побѣжалъ къ верфи и бросился въ воду. Жена бросилась къ краю верфи и, увидѣвъ, что онъ погрузился въ воду, взвизгнула и съ отчаяніемъ подняла руки къверху. Ребенокъ упалъ, ударился о край помостокъ, перевернулся и, прежде чѣмъ я успѣлъ схватить его, упалъ въ море.

— Ребенок! ребенок! снова дико взвизгнула несчастная и повалилась къ ногамъ моимъ, въ жестокихъ судорогахъ.

Я взглянулъ на воду — ребенокъ исчезъ, но солдатъ все еще боролся съ волнами. Онъ — то погружался, то снова выныривалъ; на помощь къ нему плылъ ботъ, но онъ ужъ совершенно выбился изъ силъ, закинулъ руки назадъ, какъ бы въ отчаяннн и уже готовъ былъ исчезнуть въ волнахъ. Не будучи въ состояннн удерживаться долге, я кинулся съ верфи въ море, поплылъ къ нему на помощь и схватилъ его въ ту минуту, какъ онъ погружался въ послѣдннй разъ. Я не пробылъ въ водѣ и четверти минуты, какъ ужъ подоспѣлъ ботъ и вытащилъ насъ. Солдатъ лишился силъ и языка; я, разумеется, былъ только мокръ. Ботъ, по моей просьбѣ, отправился къ пристани, и насъ обоихъ высадили на берегъ. Ладунка и мундиръ солдата показывали, что онъ принадлежалъ полку только-что посаженному на корабль и я посоветовалъ перевезти его туда же, лишь только онъ немного оправится. Такъ какъ вытащившнй насъ ботъ принадлежалъ къ военному кораблю и посланъ былъ нарочно для того, чтобы посмотреть не остался ли кто на берегу, то офицеръ, командовавшнй имъ, согласился послѣдовать моему совету. Черезъ нѣсколько минутъ солдатъ оправился и могъ уже сидѣть и говорить; мнѣ хотѣлось теперь только видѣть, что сдѣлалось съ женщиной, которую я оставилъ на верфи. Ее привелъ къ намъ часовой, и вы можете представить, какъ трогательна была сцена между ней и ея мужемъ. Успокоившись немного, она обернулась въ ту сторону, гдѣ стоялъ я, въ платѣ, съ котораго ручьемъ лилась вода, и посыпала на мою голову градомъ патетическихъ благословеннй, перемежаемыхъ воплями по утонувшемъ ребенкѣ; наконецъ она спросила мое имя.

— Скажите мнѣ ваше имя: кричала она. Дайте мнѣ его на бумагѣ, на письмѣ: я буду носить его у сердца, читать и цѣловать ежедневно въ продолженнн всей моей жизни, и никогда не перестану молиться за васъ, и благословлять ваше имя.

— Я вамъ скажу мое имя...

— Нѣтъ, напишите, напишите! Вы не можете мнѣ отказать въ этомъ. Пусть всѣ святые благословятъ васъ, милый молодой человекъ, за то, что вы спасли бѣдную женщину отъ отчаяннн.

Офицеръ, командовавшій ботомъ, подалъ мнѣ карандашъ и бумагу; я написалъ свое имя и отдалъ его бѣдной женщинѣ. Она схватила мою руку, когда я подавалъ ей бумагу, поцѣловала имя, написанное на бумагѣ, и положила ее за пазуху. Офицеръ, нетерпѣливо желавшій поскорѣй отправиться, приказалъ посадить ее мужа въ боть; она послѣдовала за нимъ, прижимаясь къ нему, не смотря на мокроту его одежды, а я вошелъ въ трактиръ высушить свой мундиръ. Я былъ занятъ мыслию о томъ, какъ страхъ большого зла поглощаетъ собой всякое воспоминаніе о меньшемъ. Довольная тѣмъ, что не погибъ ее мужъ, бѣдная женщина, казалось, совсѣмъ забыла о гибели ребенка.

Я привезъ съ собой только одну пару платья: оно было очень въ хорошеи состояніи, когда я пріѣхалъ, но соленая вода въ состояніи сдѣлать ужасъ—что съ мундиромъ. Я легъ въ постель въ ожиданіи, чтобъ оно высохло; но когда надѣлъ его снова, то нашелъ, что оно съдулось и поднялось вверхъ, такъ, что никуда не годилось, тѣмъ болѣе, что и прежде оно ни сколько не было широко, потому-что я росъ съ необыкновенной скоростью. Руки мои далеко высунулись изъ подъ рукавовъ мундира, панталоны поднялись вверхъ почти по колѣна, пуговицы потускнѣли, — однимъ словомъ, я совершенно лишился образа джентльмена и порядочнаго мичмана. Я заказалъ бы другое, но экзаменъ былъ назначенъ къ десяти часамъ слѣдующаго дня, и слѣдовательно, оно ни какъ не могло успѣть къ тому времени. Такимъ образомъ я принужденъ былъ явиться на квартердекъ линейнаго корабля, гдѣ долженъ былъ проходить экзаменъ, въ томъ видѣ, какъ былъ. Тутъ было много другихъ, пришедшихъ выдерживать тоже испытаніе; всѣ съ удивленіемъ взглянули на меня, и гуляя назадъ и впередъ по палубѣ въ своихъ новыхъ платьяхъ, подмигивали на меня другъ другу съ такимъ видомъ, изъ котораго я заключилъ, что они вовсе не расположены знакомиться со мной.

Въ списокѣ нашихъ именъ, передъ моимъ, было много другихъ, и сердца наши бились каждый разъ, какъ вызывали какое-нибудь имя и владѣтель его входилъ въ каюту. Иные возвращались оттуда съ веселыми лицами и сердца наши осынала надежда на подобное же счастье; другіе выходили грустными и унылыми, и выраженіе ихъ фигуръ сообщалось нашимъ: мы мучились страхомъ и опасеніемъ.

Я, не колеблясь скажу, что хотя выдержать экзамень и доказываетъ знаніе, но не выдержать его вовсе не доказываетъ противнаго. Я зналъ много очень умныхъ молодыхъ людей, которые были отвергаемы по экзамену (между-тѣмъ какъ другіе съ гораздо низшими способностями вполне успѣвали), потому только, что не могли удержаться отъ страха, внушеннаго особенностію этого положенія — страха, вовсе не удивительнаго, если принять въ соображеніе, что въ эту ужасную минуту ставятся на карту шесть лѣтъ стараній и трудовъ. Наконецъ, вызвали меня, и, задыхаясь отъ страха, я вошелъ въ каюту, гдѣ очутился въ присутствіи трехъ капитановъ, долженствовавшихъ рѣшить — способенъ ли я занимать должность въ службѣ Его Королевскаго Величества. Мой лагбукъ и документы были разсмотрѣны и утверждены; время службы свѣрено и все найдено въ порядкѣ. Мнѣ было предложено очень немногихъ вопросовъ изъ навигаціи, и по самымъ основательнымъ причинамъ — большая часть капитановъ знаетъ въ навигаціи очень мало, или почти ничего.

Въ теченіи службы мичманами, они изучаютъ эту науку на практикѣ, не отдавая себѣ отчета въ правилахъ, на которыхъ основаны вычисленія, прилагаемыя ими къ дѣлу. Лейтенантами они этимъ не занимаются и скоро все забываютъ. Капитанами — всѣхъ математическія свѣдѣнія ограничиваются тѣмъ, что они въ состояніи опредѣлить на картѣ положеніе корабля.

Относительно управленія кораблемъ, во всемъ отвѣчаетъ шкиперъ; капитаны же, не отвѣчая ни за что, полагаются на его расчеты. Конечно, бываютъ исключенія, но то, что я говорю, чистая правда, и еслибъ изъ адмиралтейства вышелъ приказъ переэкзаменовать всѣхъ капитановъ, то хотя въ маневрировкѣ кораблемъ они и очень хорошо отвѣтили бы, но въ навигаціи не выдержали бы экзамена девятнадцать человекъ изъ двадцати. Изъ этого я заключаю, что теперешняя система вредна для службы, и что на капитанѣ должна бы лежать вполне отвѣтственность за управленіе ходомъ корабля. Давно уже извѣстно, что офицеры всѣхъ прочихъ морскихъ державъ гораздо ученѣе нашихъ, и это объясняется безответственностію нашихъ капитановъ. Оригинально въ нашей службѣ происхожденіе шкиперовъ. Когда Англія только-что выступила на степень морской державы, корабли для королевской службы брались

изъ опредѣленныхъ на это пяти портовъ, а военная часть экипажа составлялась изъ солдатъ, нарочно для того посылаемыхъ на корабли. Всѣ корабли того времени имѣли экипажъ, составленный изъ моряковъ, съ шкиперомъ для управленія кораблемъ. Въ эпоху нашихъ кровопролитныхъ битвъ съ Датчанами, преобладала все та же система. Кажется, о графѣ Сандвичѣ говорится въ лѣтописи, что когда его корабль утопалъ, онъ сѣлъ въ боть, чтобъ водрузить свой флагъ на другомъ кораблѣ, но боть его былъ расщепленъ ядрами, и графъ Сандвичъ утонулъ *отъ тяжести своего вооруженія*.

Когда я отвѣтилъ удовлетворительно на нѣсколько вопросовъ, меня попросили встать. Капитанъ, экзаменовавшій меня въ навигаціи, былъ очень серьезенъ въ обращеніи со мной, но не грубъ, однакожъ. Въ этотъ экзаменъ не вмѣшивались другіе двое, экзаменовавшіе только въ «маневрировкѣ кораблемъ». Капитанъ, попросившій меня встать, сдѣлалъ это такимъ грубымъ тономъ, что совершенно запугалъ меня. Я всталъ блѣдный и трепещущій, такъ какъ не ожидалъ ничего добраго отъ такого начала. Мнѣ было предложено нѣсколько вопросовъ изъ маневрировки, на которые я, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ очень слабо, потому что и до сихъ поръ не могу вспомнить, что я говорилъ.

— Я такъ и думалъ, замѣтилъ капитанъ; это видно было по наружности. Офицеръ, такъ мало заботящійся о своемъ платьѣ, что не можетъ даже одѣться прилично для экзамена, всегда называется пустымъ малымъ, а не морякомъ. Можно подумать, что вы все время прослужили на кутерѣ или на десяти-пушечномъ бригѣ, а не на первостатейномъ фрегатѣ. Подойдите, сэръ, я ужъ такъ и быть еще задамъ вамъ вопросъ.

Меня такъ поразили слова капитана, что я не могъ собраться съ духомъ. Я началъ—было дрожащимъ голосомъ, «что не имѣлъ времени заказать другаго мундира» — и залился слезами.

— Право, Бурроусъ, вы слишкомъ круто обходитесь съ нимъ, замѣтилъ третій капитанъ; парень запуганъ. Дайте ему сѣсть на минуту и собраться съ духомъ. Сядьте, мистеръ Сямпль, мы васъ еще переэкзаменуемъ.

Я сѣлъ, стараясь сдерживать горе и успокоить взволнованныя чувства. Капитаны, между тѣмъ, для препровожденія времени, пере-

листывали лагбуки. Тотъ, который экзаменовалъ меня въ навигаціи, читая Плимутскую газету, только-что присланную на бортъ и за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ внесенную въ каму, вдругъ вскричалъ:

— Э! это что такое? Бурроусъ, Китсъ, взгляните! — и онъ указалъ мнѣ на одинъ параграфъ. Позвольте спросить, мистеръ Симпль, это вы спасли вчера солдата, бросившагося съ верхи въ море?

— Да, сэръ, отвѣчалъ я, и это причина, почему мой мундиръ такъ грязенъ. Я замаралъ его при этомъ случаѣ и не имѣлъ времени заказать новаго; мнѣ не хотѣлось прежде объяснить, какъ я замаралъ его.

Я замѣтилъ перемену въ нихъ во всѣхъ трехъ—и это ободрило меня. Въ самомъ дѣлѣ, теперь, какъ чувство мое высказалось, я ужъ больше ничего не опасался.

— Хорошо, мистеръ Симпль, встаньте опять, ласково сказалъ капитанъ, то-есть, если вы совсѣмъ оправились; если же нѣтъ, мы еще подождемъ. Не бойтесь, намъ желательно, чтобы вы выдержали экзаменъ.

Я ужъ больше ничего не боялся и тотчасъ же всталъ. На всѣ предлагаемые вопросы я отвѣчалъ удовлетворительно, и, чувствуя это, они стали экзаменовать меня строже.

— Прекрасно! прекрасно, мистеръ Симпль! Позвольте вамъ теперь предложить еще вопросъ—это рѣдко случается въ службѣ и, можетъ быть, вы не съумѣете отвѣтить. Знаете вы, какъ поворотить корабль на якорь?

— Знаю сэръ, отвѣчалъ я, такъ какъ, если припомнить читатель, я видѣлъ этотъ маневръ, служа еще подъ начальствомъ капитана Сэваджа, — и тотчасъ же разсказалъ, какъ это дѣлается.

— Довольно, мистеръ Симпль. Я не стану болѣе предлагать вамъ вопросовъ. Сначала я счелъ васъ за нерадиваго офицера и моряка, а теперь нахожу, что вы хорошій морякъ и благородный молодой человекъ. Желаете вы предложить ему еще какіе-нибудь вопросы? продолжалъ онъ, обращаясь къ другимъ капитанамъ.

Они отвѣчали отрицательно; мой атестатъ былъ подписанъ; капитаны пожали мнѣ руку и пожелали скорого повышенія въ

службѣ. Такимъ образомъ кончилось счастливо это строгое испытаніе моихъ нервъ, и когда я вышелъ изъ каюты, никто бы не подумалъ, видя радость, просіявшую на моемъ лицѣ, въ какомъ отчаянномъ положеніи я находился за минуту передъ тѣмъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Глава интригъ. — Католическая казуистика въ новыхъ перьяхъ. — Интригой достигается повышение. — Любовь крестьянки и нерасположеніе пэра. — Веселая перспектива.

Воротаясь въ гостиницу, я велѣлъ подать себѣ Плимутскую газету и вырѣзалъ параграфъ, оказавшій мнѣ такую важную услугу въ этомъ случаѣ, а на слѣдующее утро я уже отправился домой, принимать поздравленіе отъ своихъ. Я нашелъ письмо отъ О'Бриэна, пришедшее за день предъ тѣмъ. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Милый Питеръ!

«Говорятъ, иные счастливы тѣмъ, что прежде ихъ родятся «нижъ отцы, которые поддерживаютъ ихъ въ свѣтѣ; на основаніи «этого правила, должно полагать, мой отецъ родился послѣ «меня; но какъ бы то ни было, этому не можешь. Я нашелъ «все свое семейство въ благонадежномъ здравіи и веселіи; но, за- «видя меня, они начали потрясать своими одеждами. Что ка- «сается до рясы патера М'Гратъ, то онъ не даромъ на нее жало- «вался: это одна только тѣнь платья. Впрочемъ, благодаря Богу, «моему трех-мѣсячному жалованью и помощи портнаго, древняя «фамилія О'Бриэнь-офъ-Валлигинчъ обновилась съ ногъ до головы. «Обѣ сестры мои готовы обратиться въ молодыхъ сквэршъ: ка- «жется, онѣ ждутъ только приличныхъ городскихъ платьевъ, чтобъ «идти въ церковь. Въ слѣдующую пятницу ихъ свадьба совершится, «и я только желаю, Питеръ, чтобъ ты потанцевалъ у насъ на «свадьбѣ. Но, впрочемъ, не безпокойся: я потанцую за насъ обо- «ихъ. А покуда расскажу тебѣ, что мы успѣли сдѣлать съ пате- «ромъ М'Гратъ относительно плута, твоего дяди.

«До моего прїѣзда патеръ МГратъ сдѣлалъ мало или почти «ничего, только тамъ я сямъ онъ успѣлъ собрать кой-какіе при- «знаки, которые, сложивъ, я нашелъ равняющимися нулю.

«Но, воротясь домой, я самъ приложилъ къ этому дѣлу всю «свою дѣятельность. Я отправился въ Балликлейчъ и, бродя вокругъ «старого дома, въ которомъ твой дядя расположился на квартирѣ, «наткнулся — какъ ты думаешь, на кого? — на молоденькую дѣвушку «Эллу Фланганъ, живущую у него въ услуженіи. Я сказалъ самъ «въ себѣ: «есть два способа достигать своихъ цѣлей въ этомъ «мірѣ: любовь и деньги.» О'Бріанамъ, какъ и всѣмъ его соотече- «ственникамъ, всегда больше везло въ первой, нежели въ послед- «нихъ, и я началъ расточать любовь въ твою пользу, Питеръ.

— «Вы именно та молодая дѣвушка, сказалъ я, отъ кото- «рой не могли оторваться мои глаза еще въ прошедшій разъ, какъ «я васъ видѣлъ.

— «А кто вы такой? спросила она.

— «Службы Его Королевскаго Величества лейтенантъ О'Брі- «анъ, прїѣхавшій на минуту домой, чтобъ взглянуть себѣ жену, «отвѣчалъ я, — и ужъ если кто понравится мнѣ, такъ ужъ именно «дѣвушка съ вашими манерами, личикомъ и скромностью.

«И я началъ расхваливать ея глаза, носъ, лице, и такъ далѣе. «Потомъ я попросилъ позволенія видѣть ее еще разъ и спросилъ, «когда она согласна повидаться со мною въ роцѣ и открыть мнѣ «свои чувства. Сначала она подумала, что я шучу, но я клялся «всеми святыми, что она прекраснѣйшая дѣвушка изъ всей провин- «ціи — что и дѣйствительно суцая правда — и тогда она склонила «ухо къ моей болтовнѣ. Я не говорилъ ни слова ни о твоємъ дядѣ, «ни о теткѣ, ни о патерѣ МГратъ, чтобъ не навести ее на подо- «зрѣніе, потому что я такого мнѣнія, что они всѣ замѣшаны въ «эту исторію. Я говорилъ ей только о любви моей къ ея особѣ, «и это ослѣпило ее, какъ ослѣпило бы всякую женщину, какого бъ «она ни была покроя.

«Теперь, Питеръ, въ прошедшее воскресенье минуло три не- «дѣли съ тѣхъ поръ, какъ я, ради тебя, заговорилъ съ бѣдной дѣ- «вушкой такимъ образомъ. Совѣсть говорить мнѣ, что дѣло «неправое съ моей стороны обольщать несчастную, потому

«что я и не думаю жениться на ней; а сдѣлать изъ нея что-нибудь другое—значило бы погубить ее. Несчастная влюблена теперь въ меня; поговариваетъ о свадьбѣ, рассказываетъ длинныя исторіи о родственныхъ связяхъ, существовавшихъ между О'Фланаганами и О'Бриэнами во времена давно-прошедшія, когда и тѣ и другіе были еще въ славу. Вчера, сидя, обнявшись, въ рощѣ, я сказалъ ей: «Милая Элла, что это за люди, съ которыми вы живете?» И въ отвѣтъ на это, она рассказала мнѣ все, что знаетъ объ этой исторіи; между прочимъ, что кормилицей младенца Мэри Сюзливанъ.

— «А какого пола младенецъ? спросилъ я.

— «Мальчикъ, отвѣчала она.

— «А младенецъ Сюзливана?

— «Дѣвочка.

— «А здѣсь еще мэри Сюзливанъ?

— «Нѣтъ; она отправилась вчера съ мужемъ и младенцемъ въ полкъ, который отсылается въ Индію.

— «Вчера отправилась? вскричалъ я, вскакивая.

— «Да, отвѣчала она; но что вамъ до этого?

— «Очень много, возразилъ я; кое-кто шепнулъ мнѣ секретъ на счетъ этого.

— «А что такое? спросила она.

— «Не болѣе, какъ только, что дѣти обмѣнены, и это вамъ точно также извѣстно, какъ и мнѣ.

«Но она клялась, что ничего не знаетъ и что ея не было при рожденіи ни того, ни другаго дитяти; я вѣрю ей — она говоритъ правду.

— «Хорошо! сказалъ я. Кто же прислуживалъ лэди?

— «Моя матушка, отвѣчала Элла, и по этому она должна знать это лучше всѣхъ.

— «Ну такъ, возразилъ я, Элла, душенька, я далъ обѣтъ не жениться, пока не разузнаю истины.

«Слезы потекли изъ глазъ ея и я готовъ былъ самъ заплакать, видя, какъ мучить ее мысль не выйти за меня за мужъ.

«Черезъ нѣсколько времени, она отерла слезы, поцѣловала меня, «пожелала счастливо оставаться и поклонилась всѣмъ святыми, что такъ или иначе, а разузнаетъ истину.

«Сегодня утромъ, по вчерашнему условію, мы опять съ ней «увидѣлись: глаза несчастной покраснѣли отъ слезъ. Она прижа- «лась ко мнѣ, просила прощенья, умоляла не покидать ея, и потомъ «разказала, какъ векочила ея мать, когда она предложила ей «свой вопросъ, какъ не понравился онъ ей, какъ бранила она ее, «когда она стала настаивать на своей просьбѣ. Наконецъ, упавъ «на колѣни передъ матерью, она просила ее не мѣшать ея благо- «получію, потому что она умретъ въ противномъ случаѣ (можешь «себѣ представить, Питеръ, каково было мнѣ слышать это — но «какъ быть? дѣла не воротить!); мать заговорила что-то о клятвѣ, «патеръ О'Туль и о томъ, что поговорить съ нимъ.

«Теперь, Питеръ, я увѣренъ, что тутъ былъ обмѣнъ дѣтьми «и что кормилицу сослали въ Индію, чтобъ избавиться отъ нея. «Говорятъ, они отправились въ Плимуть. Имя мужа, разумеется, «О'Сюлливанъ. Такъ я совѣтую тебѣ нанять карету и попытаться, «нельзяли тутъ чего сдѣлать. Я, между тѣмъ, буду всячески ста- «раться раскрыть истину, и напишу тебѣ снова, лишь только что- «нибудь узнаю. Теперь главное, что мнѣ нужно сдѣлать — это «послать патера М'Гратъ къ старухѣ, матери Эллы: ручаюсь, что «онъ заставитъ ее открыть истину. Богъ съ тобой, Питеръ, за- «свидѣтельствуй мою любовь всѣмъ твоимъ

«Твой на всегда

«Теренцій О'Бріэнъ.»

Это письмо О'Бріэна послужило мнѣ поводомъ ко многимъ размышленіямъ. Совѣтъ отправляться въ Плимуть опоздалъ и я не сомнѣвался, что мѣри Сюлливанъ съ мужемъ находилась въ числѣ переѣзжавшихъ на корабль въ то время, какъ я готовился въ портъ къ экзамену. Показать письма отцу я не хотѣлъ: онъ впагъ бы отъ этого въ лихорадку, и вмѣшательство его, по всѣмъ вѣроятности, принесло бы больше вреда, чѣмъ пользы. По этому я рѣшился подождать до будущихъ открытій и попросить покуда дѣ-душку похлопотать о повышеніи меня въ чинѣ.

Нѣсколько дней спустя послѣ этого, я отправился въ Игль-Паркъ и прибылъ туда около 8 часовъ утра. Я велѣлъ доложить о себѣ и былъ допущенъ въ библіотеку, гдѣ, по обыкновенію, находилъ лорда Привиледжъ, сидящаго въ мягкихъ креслахъ.

— Ну, дитя, сказалъ онъ, оставаясь въ креслахъ и не подавая даже ни одного пальца — что вамъ нужно, что вы являетесь ко мнѣ безъ приглашенія?

— Я пріѣхалъ, милордъ, освѣдомиться о вашемъ здоровьи и поблагодарить за то, что вы были такъ добры — доставили мнѣ и О'Брізну мѣсто на фрегатѣ.

— Да, возразилъ его сіятельство, помнится — кажется, я это сдѣлалъ, и кто-то говорилъ мнѣ, что вы хорошо вели себя и были упомянуты въ депешахъ.

— Точно такъ, милордъ, отвѣчалъ я; съ тѣхъ поръ я еще выдержалъ экзамень на лейтенанта.

— Очень хорошо, дитя; я радъ этому. Напомните обо мнѣ отцу и прочимъ вашимъ.

И милордъ опустилъ глаза на книгу, которую читалъ.

Замѣчанія моего отца, казалось, были основательны, но я не хотѣлъ ухватъ не сдѣлавъ еще одной попытки.

— Слышали вы, милордъ, что-нибудь о моемъ дядѣ?

— Да, отвѣчалъ онъ; я получилъ отъ него письмо вчера. Ребенокъ ѣго здоровъ. Я ожидаю его сюда черезъ недѣлю, или три: мы будемъ жить вмѣстѣ. Я становлюсь старъ, очень старъ; мнѣ нужно многое устроить вмѣстѣ съ вашимъ дядей, прежде чѣмъ умру.

— Смѣю ли я просить васъ объ одной милости, милордъ — именно похлопотать о моемъ повышеніи? Письмо отъ васъ къ его сіятельству старшему лорду.... нѣсколько строкъ....

— Хорошо, дитя, почему же нѣтъ.... только.... я старъ, очень старъ.... не могу писать теперь.

И милордъ снова принялся читать.

Нужно отдать справедливость лорду Привиледжъ: онъ видимо обратился въ состояніе втораго дѣтства. Съ тѣхъ поръ, какъ я

не выдалъ его, онъ очень сторбился и, казалось, былъ боленъ и физически и умственно.

Я ждалъ по-крайней-мѣрѣ четверть часа прежде, чѣмъ милордъ снова поднятъ глаза.

— Вы еще здѣсь, дитя? А я думалъ, вы ужь отправились домой.

— Вы были такъ добры, милордъ, обѣщались написать старшему лорду адмиралтейства нѣсколько строчекъ въ мою пользу. Надѣюсь, вы мнѣ не откажете въ этомъ, милордъ?

— Хорошо, отвѣчалъ онъ, нехотя; но я старъ, очень старъ, чтобы писать — я ничего не вижу — едва могу перо держать.

— Позвольте мнѣ, милордъ, написать письмо, а вы подпишите его.

— Хорошо, дитя, почему же нѣтъ! Напишите вотъ что... или нѣтъ: пишите, что хотите, а я подпишу. Желалъ бы я, чтобы прѣхалъ вашъ дядя Уильямъ.

Я съ своей стороны не имѣлъ этого желанія. Мнѣ сильно хотѣлось показать ему письмо О'Бріэна, но я подумалъ, что жестоко возбуждать въ немъ сомнѣнія и беспокоить человека, столь близкаго къ могилѣ. Истину не удастся доказать при его жизни, и потому для чего напрасно мучить его. Во всякомъ случаѣ, хотя письмо было въ моемъ карманѣ, но я рѣшился не иначе употребить его въ дѣло, какъ только въ крайнемъ случаѣ. Я подошелъ къ другому столу и сѣлъ писать письмо. Такъ какъ милордъ позволилъ мнѣ писать что угодно, то я могъ услужить О'Бріэну; притомъ я былъ увѣренъ, что милордъ не потрудится прочесть написаннаго. И такъ, между тѣмъ, какъ лордъ Привиледжъ продолжалъ читать, я написалъ слѣдующее:

«Милордъ — вы мнѣ окажете большую услугу, если пошлите выдать патентъ лейтенанта, который, я увѣренъ въ томъ, уже готовится моему внуку, мистеру Симплъ, выдержавшему экзаменъ и удостоившемуся упоминанія въ публичныхъ депешахъ. Надѣюсь, вы не упустите также изъ виду лейтенанта О'Бріэна, который столько разъ отличался въ различныхъ экспедиціяхъ въ Вестъ-Индіи. Съ увѣренностію, что ваше сіятельство не оставитъ

«безъ выполненія моей серьёзной просьбы, имѣю честь прабыть, «Вашего сіятельства покорный слуга.»

Я поднесъ милорду это письмо, вмѣстѣ съ обмакнутымъ въ чернила перомъ, и шумъ моего приближенія заставилъ его поднять глаза. Онъ вздрогнулъ сначала, какъ будто бы забывъ о моемъ присутствіи, и потомъ произнесъ:

— А, да! помню... точно... подайте перо.

Дрожащею рукою онъ подписалъ свое имя и отдалъ мнѣ назадъ письмо, какъ я и ожидалъ, не прочитавъ его.

— Вотъ, дитя; не беспокойте меня болѣе. Прощайте — помните обо мнѣ вашему отцу.

Я пожелалъ милорду добраго утра и вышелъ очень довольный успѣхомъ своего предпріятія. По возвращеніи, я показалъ письмо отцу, который очень удивился моей удачѣ и увѣрялъ, что авторитетъ дѣдушки такъ великъ, что я могу быть увѣренъ въ своемъ повышеніи. Чтобъ не случилось чего, я тотчасъ же отправился въ Лондонъ и собственноручно подалъ письмо у дверей дома старшаго лорда адмиралтейства, оставивъ дворнику свой адресъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О'Бріэнъ и я получаемъ желаемое — Семейная сходка и результатъ ея — раздоръ. — Мой дядя далеко не лучший другъ мой.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ я оставилъ свой адресъ у старшаго лорда адмиралтейства, я получилъ письмо отъ его секретаря, въ которомъ меня извѣщали, что патентъ мой готовъ. Нѣчего и говорить, что я поспѣшилъ получить его и, вручая благодарность писцу, рѣшился на всякій случай спросить его, не знаетъ ли онъ адреса лейтенанта О'Бріэна.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но я желалъ бы знать; онъ на дняхъ произведенъ въ капитаны.

Я едва не запрыгалъ отъ радости, услышавъ такую добрую вѣсть. — Давъ писцу адресъ О'Бріэна, я вышелъ, съ драгоценнымъ клочкомъ пергамента въ рукѣ, и тотчасъ же отправился домой.

Но меня встрѣтило горе на порогѣ. Матушка сильно заболѣла и я нашелъ весь домъ въ волненіи: доктора, аптекари, сидѣлки бѣгали взадъ и впередъ; отецъ былъ въ безпокойствѣ, сестра въ слезахъ. Спазмы смѣнялись спазмами и хотя не жалѣли никакихъ лекарствъ, но вечеромъ слѣдующаго дня матушка испустила послѣднее дыханіе. Не стану описывать горести отца, который, казалось, раскаявался въ своемъ неласковомъ обхожденіи съ нею, сестрой и мною. Пусть представляютъ себѣ эти сцены, тѣ, которые сами испытали подобныя несчастія. Я старался утѣшить бѣдную сестру, которая, по-видимому, теперь еще болѣе жалась ко мнѣ, какъ къ своей единственной опорѣ; по окончаніи похоронъ, мы успокоились, хотя въ сердцахъ нашихъ горе кипѣло, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше успокоивалась наружность. Я сообщилъ письменно О'Бріэну эту печальную вѣсть и, какъ вѣрный другъ, онъ тотчасъ же явился утѣшить меня.

О'Бріэнь получилъ изъ адмиралтейства извѣщеніе о своемъ повышеніи, и за два дня до пріѣзда къ намъ, получилъ патентъ. Я откровенно признался, какимъ образомъ доставилъ ему это, и въ благодарность онъ опять напомянулъ прежнее заблужденіе моего семейства на счетъ моего ума.

— Клянусь Богомъ! недурно бы каждому имѣть такихъ глухихъ друзей, продолжалъ онъ; но это не насмѣшка, Питеръ; ты знаешь, какого мнѣнія я всегда былъ о тебѣ.

Какъ только онъ пріѣхалъ, мы принялись совѣщаться, какъ бы достать себѣ должность, потому что О'Бріэну хотѣлось скорѣй въ море и мнѣ также. Мнѣ жаль было разстаться съ сестрой, но мой отецъ сдѣлался такъ пасмуренъ и скученъ, что я не чувствовалъ никакого удовольствія оставаться дома, исключая въ ея обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, даже сама сестра была того мнѣнія, что мнѣ лучше ѣхать, потому что мизантропія отца, не сдерживаемая теперь матушкой, казалось, усиливалась, и онъ смотрѣлъ на мое пребываніе въ домѣ съ положительнымъ неудовольствіемъ. Рѣшено было единогласно между сестрой, мной и О'Бріэномъ, который всегда участвовалъ въ нашихъ совѣщаніяхъ, что я долженъ опять отправиться въ море.

— Мнѣ легче будетъ присматривать за нимъ, Питеръ, когда я останусь одна: мнѣ нѣчемъ будетъ заниматься, нѣчемъ развлѣ-

наться, когда тебя не будетъ, и какъ ни грустно разставаться съ тобой, но обязанность въ отношеніи къ батюшкѣ и желаніе тебѣ повышеній, заставляютъ меня просить, чтобъ ты прискалъ себѣ поскорѣе должность.

— Вы героиня, миссъ Елена, не смотря на ваше хорошенькое личико и кроткіе глазки, сказала О'Бріанъ. Подумаемъ теперь, Питеръ, какъ добиться этого. Если я добуду себѣ корабль, то о тебѣ нечего беспокоиться: я возьму тебя въ свои лейтенанты. Но какъ успѣть въ этомъ? Надѣешься ли ты склонить дохлопотать объ насъ стараго игль-паркскаго джентльмена?

— Во всякомъ случаѣ попытаюсь, отвѣчалъ я; если не удастся, то я только даромъ потрачу въ передней — это еще не бѣда.

На слѣдующій день я отправился къ дѣдушкѣ и пріѣхалъ къ нему, по обыкновенію, около восьми часовъ. Я пошелъ чрезъ проспектъ и постучался въ дверь. Она отворилась и я замѣтилъ между слугами какую-то нерѣшительность и принужденность, которая мнѣ не понравилась. Я спросилъ лорда Привилѣджа — отвѣтъ былъ, что онъ слава Богу здоровъ, но никого не принимаетъ.

— А дядя мой тутъ? спросилъ я.

— Да, сэръ, отвѣчалъ слуга съ выразительнымъ взглядомъ, — и все его семейство также тутъ.

— Увѣренъ ли ты, что я не могу видѣть моего дѣдушку? спросилъ я, дѣлая особенное удареніе на послѣднемъ словѣ.

— Я доложу ему объ васъ, отвѣчалъ слуга; но это будетъ противъ его приказаній.

Я не видалъ моего дяди съ самаго дѣтства и теперь не могъ припомнить его; съ кузинами же и теткой я никогда не встрѣчался. Чрезъ минуту слуга воротился съ отвѣтомъ, что меня просятъ войти въ бібліотеку. Вошедъ туда, я увидѣлъ себя въ присутствіи лорда Привилѣджа, сидѣвшаго на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, и какого-то высокаго джентльмена, въ которомъ я тотчасъ узналъ своего дядю, по сходству его съ моимъ отцомъ.

— Вотъ онъ — этотъ молодой джентльменъ, милордъ, сказала мой дядя; строго смотря на меня.

— Что? гдѣ? — о! да, помню! Такъ вы, дитя, дурно ведете себя — очень жаль. Прощайте.

— Дурно веду себя, милорды! возразилъ я. Я этого не зналъ за собой.

— Правда, племянникъ, слухи объ васъ очень неблагопріятны вамъ, сухо замѣтилъ дядя. Кто-то наговорилъ на васъ вашему дѣдушкѣ, такъ что онъ очень недоволенъ вами. Я объ этомъ самъ ничего не знаю.

— Значитъ, какой-нибудь негодяй оклеветалъ меня, сэръ? сказалъ я.

При словѣ негодяй, дядя мой вздрогнулъ, потомъ, оправившись, произнесъ:

— Чего же вамъ нужно отъ лорда Привиледжа, племянникъ? я полагаю, это посѣщеніе не безъ причины?

— Сэръ, отвѣчалъ я, вопервыхъ, я посѣтилъ лорда Привиледжа съ тѣмъ, чтобы поблагодарить его за доставленіе мнѣ патента лейтенанта, а вовторыхъ, чтобы попросить его похлопотать о мѣстѣ для меня: онъ можетъ это сдѣлать одной строкою.

— Я не зналъ, племянникъ, что вы сдѣланы лейтенантомъ; но я согласенъ съ вами, что чѣмъ скорѣе вы будете въ морѣ, тѣмъ лучше. Милордъ подпишетъ письмо: садъте.

— Вы позволите мнѣ самому написать, сэръ? я знаю о чемъ просить.

— Хорошо, и подайте мнѣ его, когда напишете.

Я былъ убѣжденъ, что единственная причина, заставлявшая моего дядю способствовать мнѣ въ присканіи мѣста — было желаніе избавиться отъ меня и мысль, что на морѣ я подвергнусь бѣльшимъ опасностямъ, чѣмъ на сушѣ. Я взялъ листъ бумаги и написалъ:

«Милордъ — осмѣливаюсь просить Ваше Сіятельство быть «столь добрымъ — опредѣлять при первой возможности подателя «этого письма на какой-нибудь корабль; мнѣ хочется видѣть его «при мѣстѣ.

«Остаюсь Вашего Сіятельства и т. д.

— Какъ! вы даже имени своего не упоминали?

— Этого не нужно, отвѣчалъ я; я отдамъ его лично и надѣюсь такимъ образомъ скорѣе получить мѣсто.

Письмо положили предъ милордомъ для подписки. Съ трудомъ могли растолковать ему, что нужно было дѣлать: старый джентльменъ, казалось, еще болѣе обезумѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ. Я поблагодарилъ его, сложилъ письмо и положилъ въ карманъ. Онъ случайно поднялъ на меня глаза и внезапный лучъ воспоминанія блеснулъ въ его умъ.

— А! дитя — такъ вы бѣжали изъ французскаго плѣна — гмъ! а какъ поживаетъ вашъ другъ? — какъ его зовутъ-то? — а?

— О'Бріэнъ, милордъ.

— О'Бріэнъ! вскричалъ мой дядя. Такъ онъ вамъ другъ? Стало-быть, это вамъ я обязанъ шпионствомъ за мной и сплетнями, тщательно распространяемыми обо мнѣ по Ирландіи, стачками съ моими слугами и прочими дерзостями?

Я не рѣшился совершенно опровергать истины, — внезапность открытія нашихъ интригъ смутила меня.

— Я никогда не связываюсь съ слугами, сэръ, отвѣчалъ я.

— Можетъ быть, возразилъ онъ, но вы поручаете это другимъ. Я открылъ всѣ ваши интриги, послѣ того, какъ этотъ мерзавецъ уѣхалъ въ Англію.

— Если вы слово мерзавецъ примѣняете къ капитану О'Бріэну, сэръ, то я, отъ имени его, осмѣлюсь въ этомъ противорѣчить вамъ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ, отвѣчалъ мой дядя; но вы очень обяжете меня, оставивъ немедленно этотъ домъ и отказавшись отъ всякихъ ожиданій, какъ отъ настоящаго лорда Привилѣджа, такъ и отъ будущаго, исключая вознагражденій, которыя вы заслуживаете своимъ поведеніемъ.

Я почувствовалъ сильное негодованіе и очень рѣзко отвѣчалъ:

— Отъ настоящаго лорда Привилѣджа я, разумѣется, ничего не ожидаю, отъ будущаго тоже; но когда вы умрете, дядюшка, надѣюсь, особа, которая наследуетъ титулу, сдѣлаетъ все, что можетъ для вашего покорнаго слуги. Добраго утра, дядюшка!

Глаза дяди сверкнули огнемъ, когда я кончилъ эту рѣчь, дѣйствительно черезъ чуръ дерзкую: впоследствии оказалось, какъ это было глупо съ моей стороны. Я поспѣшилъ выйти изъ комнаты не столько по боязни, чтобъ меня не вытолкали изъ дому слуги, какъ изъ опасенія, чтобъ не отняли у меня письма къ старшему

лорду адмиралтейства; но я никогда не забуду злобной морщины, пересѣкшей лобъ моего дяди, когда я, затворяя дверь, обернулся и взглянулъ на него. Я вышелъ безъ помощи слугъ и поспѣшно отправился домой.

— О'Бріанъ, сказалъ я, воротясь — нѣчего терять времени: чѣмъ скорѣе ты поѣдешь въ городъ съ этимъ рекомендательнымъ письмомъ, тѣмъ лучше, потому-что дядюшка мой станетъ вредить намъ, сколько можетъ.

И я рассказалъ ему все происшедшее. Мы рѣшили, что письмо понесетъ О'Бріанъ, которое, относясь къ подателю, сдѣлаетъ для него тоже, что сдѣлало бы для меня; а если онъ получитъ мѣсто, то я не только займу при немъ должность лейтенанта, но еще буду имѣть удовольствіе плавать съ другомъ. На слѣдующее утро О'Бріанъ отправился въ Лондонъ и, къ счастью, на другой день по пріѣздѣ увидѣлся съ лордомъ Адмиралтейства; день этотъ былъ пріемный. Лордъ принялъ письмо изъ рукъ О'Бріана и пригласилъ его сѣсть. Прочитавъ его, онъ сталъ спрашивать о лордѣ Привилѣджѣ, объ его здоровьѣ и проч.

О'Бріанъ отвѣчалъ, «что, благодаря Бога, его сіятельство можетъ прожить еще много лѣтъ, потому-что никогда не жалуется на болѣзнь». Если въ этомъ не было правды, то за-то не было и положительной лжи. Я, впрочемъ, не могъ не замѣтить ему, когда, по возвращеніи, онъ сталъ мнѣ это рассказывать, «что, кажется, онъ не успѣлъ еще пріучить себя слѣдовать правилу, которое самъ проповѣдывалъ относительно безвредной и вредной лжи.»

— Правда, Питеръ; я самъ объ этомъ думалъ; но тѣмъ не менѣе это все-таки мое правило. Мы, впрочемъ, всегда хорошо мыслимъ, да только поступаемъ дурно. Дѣло въ томъ, что я начинаю считать положительно необходимымъ употреблять противъ свѣта его собственное оружіе.

Однакожь, порицая О'Бріана, я въ тоже время самъ былъ виноватъ въ обманѣ, по случаю двухъ писемъ, полученныхъ отъ лорда Привилѣджа. Я, слѣдовательно, бранилъ въ немъ недостатокъ, отъ котораго не былъ свободенъ самъ; кажется, я въ этомъ случаѣ слишкомъ поспѣшно утѣшился правиломъ патера МГрата, «что можно позволить себѣ маленькое зло съ доброй цѣлью.» Однако

воротимся къ свиданію О'Бріэна съ старшимъ лордомъ Адмиралтейства.

Поговоривъ еще немного, лордъ сказалъ:

— Капитанъ О'Бріэнь, я всегда готовъ служить лорду Привилѣджу, и тѣмъ болѣе, что его рекомендація обращена на такого достойнаго офицера, какъ вы. Дня черезъ два, если вы понавѣдаетесь въ адмиралтейство, вы узнаете наше распоряженіе.

О'Бріэнь тотчасъ же извѣстилъ насъ объ этомъ письменно и мы съ нетерпѣніемъ ожидали втораго письма. Но, вмѣсто письма, онъ явился на третій день самъ, схватилъ меня въ объятія, потомъ подошелъ къ моей сестрѣ, поцѣловалъ ее и началъ прыгать и плясать по комнатѣ.

— Что такое, О'Бріэнь? спросилъ я, между тѣмъ какъ Елена отступила въ смущеніи.

О'Бріэнь вынулъ изъ кармана пергаментъ.

— Вотъ, Питеръ, милый мой Питеръ — честь и слава тебѣ! Восемьдесятъ-пущечный корабль, Раттльснэкъ — капитанъ О'Бріэнь, стоянка въ Вестъ-Индіи. Боже мой! мое сердце разрывается отъ радости! (И онъ повалился въ кресла). Въ своемъ ли я умѣ? продолжалъ онъ, спустя минуту.

— Елена, я увѣренъ, думаетъ, что ты съ ума сошелъ, сказалъ я, смотря на сестру, которая стояла въ углу комнаты, краснѣя отъ смущенія.

Тутъ О'Бріэнь, вспомнивъ, что нѣсколько переступилъ за предѣлы приличія, тотчасъ же всталъ и, принявъ свойственный ему, истинно учтивый видъ, подошелъ къ сестрѣ и взялъ ее за руку.

— Извините меня, милая миссъ Елена, сказалъ онъ; я долженъ просить у васъ прощенья за мою грубость; но мое восхищеніе было такъ велико, благодарность къ вашему брату такъ пламенна, что, огорчая, я позволилъ себѣ распространить выраженіе моихъ чувствъ на особу, столь милую ему и столь похожую на него наружностью и характеромъ. Подумайте только, что на васъ палъ излишекъ благодарности къ вашему брату, которымъ переполнено мое сердце, и ради его простите моей нескромности.

Елена улыбнулась и подала руку О'Бріэну, который подвелъ ее къ софѣ, гдѣ мы и усѣлись всѣ трое. Тутъ О'Бріэнь принялся рассказывать случившееся. Онъ понавѣдался въ назначенный день

въ адмиралтействѣ. Лордъ не могъ принять его и отослалъ его къ своему секретарю, который вручилъ ему приказъ о назначеніи его командиромъ Раттльсэна, восьмидесяти-пушечнаго корабля. Секретарь, разговаривая съ нимъ, очень много улыбался и повѣрилъ ему за тайну, что онъ будетъ отправленъ въ Вестъ-Индію, лишь только кончится оснастка корабля. Онъ спросилъ О'Бріэна, кого желаетъ онъ имѣть старшимъ лейтенантомъ. О'Бріэнь отвѣчалъ, что онъ желалъ бы меня, но такъ какъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, я еще не прослужилъ законнаго срока, чтобъ занимать эту должность, то онъ проситъ адмиралтейство назначить кого-нибудь другаго, лишь бы только и мнѣ дано было мѣсто на его кораблѣ. Секретарь записалъ желаніе О'Бріэна, и попросилъ его, если онъ имѣетъ вакансію мичмана, то позволить ему прислать на корабль одного молодого человѣка. О'Бріэнь охотно согласился, пожалъ ему руку и вышелъ изъ адмиралтейства, спѣша къ намъ съ этимъ пріятнымъ извѣстіемъ.

— Теперь, продолжалъ О'Бріэнь, я уже рѣшилъ, что дѣлать. Отправляюсь сначала въ Плимуть и распушу свой флагъ, потомъ попрошу на недѣлю отпущекъ и отправлюсь въ Ирландію посмотрѣть, какъ тамъ идутъ дѣла и что подѣлываетъ патеръ М'Гратъ. Такъ постараемся, Питеръ, провести этотъ вечеръ, какъ можно веселѣе; потому что, хотя мы съ тобой и скоро увидимся, однакожь, можетъ быть, годы пройдутъ прежде, чѣмъ намъ снова удастся посидѣть на этой софѣ въ троемъ, какъ теперь — а, кто знаетъ, можетъ быть и никогда не удастся.

Елена, у которой со времени смерти матушки все еще разстроены были нервы, потупила глаза, и я замѣтилъ слезинку, выкатившуюся у ней при замѣчаніи О'Бріэна, что, можетъ быть, мы никогда больше не увидимся. Я счастливо провелъ этотъ вечеръ: отецъ не обѣдалъ дома и не мѣшалъ намъ. Я сидѣлъ въ гостяхъ, между любимой сестрой съ одной стороны и вѣрнымъ другомъ съ другой. Какъ мало положеній, болѣе достойныхъ зависти!

О'Бріэнь рано уѣхалъ отъ насъ на слѣдующее утро. Во время завтрака, отцу моему подали письмо. Оно было отъ дяди, холодно извѣщавшаго, что лордъ Привилэджъ внезапно умеръ этой ночью, что похороны будутъ въ понедѣльникъ и что тотчасъ же послѣ того открыто будетъ завѣщаніе. Отецъ, молча, передалъ письмо

миѣ и началъ ложечкой хлѣбать чаѣ. Не могу сказать, чтобъ этотъ случай тронулъ меня очень, но все-таки тронулъ, потому-что лордъ Привиледжъ однажды былъ ласковъ со мною. Что же касается до моего отца, я не могъ, или скорѣе — не хотѣлъ анализировать его чувствованій. Допивъ чашку чаю, онъ вышелъ изъ-за стола и ушелъ въ свой кабинетъ. Тогда я сообщила эту новость сестрѣ Еленѣ.

— Боже мой! сказала она послѣ минутнаго молчанія, закрывая рукою лицо, — до какого страннаго, неестественнаго состоянія достигло общество, если батюшка нашъ можетъ встрѣтить такимъ образомъ извѣстіе о смерти своего родителя! Не ужасно ли это?

— Это ужасно, душа моя! отвѣчалъ я; но свѣтъ всѣ чувства свои приносить въ жертву почестямъ и пустымъ титуламъ. Младшими сыновьями пренебрегаютъ, если не покидаютъ ихъ советамъ; добродѣтель, способности, внутреннія достоинства — ни что не цѣнятся и единственное право на уваженіе даетъ наслѣдство. А если сами родители разрываютъ всѣ природныя узы, то можно ли удивляться, что дѣти не чувствуютъ къ нимъ привязанности? Справедливо ты замѣтила, — состояніе этого общества ненавистно.

— Я не говорила ненавистно, братецъ; я сказала странно, неестественно.

— Но еслибъ ты и те сказала, что я говорю — ты и тогда была бы права Елена. Я не желалъ бы изъ-за титула и богатства, которое онъ приноситъ съ собою, быть такимъ бездушнымъ, одинокимъ — можно сказать даже — пренебрегаемымъ существомъ, какииъ былъ нашъ дѣдушка. Еслибъ миѣ предложили, я не протѣялъ бы на это любовь моей Елены.

Елена бросилась въ мои объятія и мы отправились въ садъ, гдѣ долго разговаривали о нашихъ взаимныхъ будущихъ желаніяхъ, надеждахъ и видахъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Великолѣбныя похороны. — Чтеніе завѣщанія. — Я получаю наследство. — Что изъ него выходитъ. — Мой батюшка, разгоряченный, пишетъ для прохладженія себя проповѣдь. — Я отправляюсь на бригъ О'Бріэна и встрѣчаюсь съ Суэнбёрномъ.

Въ понедѣльникъ я отправился, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Игль-Паркъ, съ тѣмъ, чтобы присутствовать при погребеніи лорда Привиледжа. Черный балахонъ, пышныя перья, богато украшенный гробъ и множество восковыхъ свѣчъ, освѣщавшихъ комнату, произвели на меня торжественное и величественное впечатлѣніе. Облокотясь на балюстраду передъ гробомъ, и глядя на покоившагося въ немъ, я припоминалъ то время, когда расположеніе дѣда, казалось, клонилось въ мою пользу и онъ называлъ меня «дитя мое.» Еслибъ у дяди не родился сынъ, думалъ я, то, любя меня, ради меня самаго, а не изъ какихъ-нибудь свѣтскихъ видовъ, онъ умеръ бы, по всѣмъ вѣроятностямъ, на моихъ рукахъ. Я чувствовалъ, что полюбилъ бы его, еслибъ зналъ его долѣе. Какъ мало, размышлялъ я самъ въ себѣ, вознаграждали его эти пустыя почести за недостатокъ тѣхъ взаимныхъ чувствъ любви, которыя могли бы озарить такимъ счастіемъ его существованіе! Но жизнь его была посвящена пышности и суетности, — пышность и суетность провожали его въ могилу. Я вспомнилъ о сестрѣ Еленѣ и объ О'Бріэнѣ и отошелъ отъ гроба съ убѣжденіемъ, что Питеръ Симпль могъ бы быть предметомъ зависти для послѣдняго высокопочтеннаго лорда виконта Привиледжа, барона Карстона, лорда-лейтенанта графства и одного изъ самыхъ почетныхъ тайныхъ совѣтниковъ короля.

Лишь только кончились эти, столь же скучныя, какъ и великолѣбныя похороны, мы воротились въ Игль-Паркъ, гдѣ ожидалъ насъ дядя, разумѣется, уже овладѣвшій титуломъ и распоряжавшійся похоронами. Насъ ввели въ библіотеку, гдѣ въ креслахъ, такъ недавно еще постоянно занятыхъ дѣдушкой, сидѣлъ новый лордъ. Около него стояли законовѣдцы съ разными документами. Когда всѣ мы вошли, онъ показалъ намъ на стульяхъ, давая тѣмъ

знакъ, чтобъ мы съѣли; но ни одного слова не было произнесено, только время отъ времени перешептывался онъ съ законовѣдцами. Когда собрались, наконецъ, все отрасли семейства, до родственниковъ четвертаго и пятаго колѣна, законникъ, стоявшій по правую сторону дяди, надѣлъ очки, и, развернувъ пергаментъ, началъ читать завѣщаніе. Сначала я внимательно слушалъ, но юридическіе термины до того надоѣли мнѣ, что я замечтался о другомъ, какъ вдругъ, почти черезъ полчаса чтенія, меня вывелъ изъ задумчивости звукъ моего имени.

Это была приписка къ завѣщанію, въ которой дѣдушка оставлялъ мнѣ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Отецъ, сидѣвшій возлѣ, слегка толкнулъ меня, чтобы привлечь мое вниманіе, и я замѣтилъ, что лицо его теперь было уже далеко не такъ мрачно, какъ прежде. Это меня порадовало. Я припомнилъ, что онъ говорилъ мнѣ, когда мы, однажды, вмѣстѣ возвращались изъ Игль-Парка, а именно: «что вниманіе ко мнѣ дѣдушки равняется десяти тысячамъ фунтовъ въ его завѣщаніи,» и удивлялся, что онъ такъ мѣтко попалъ. Вспомнилъ я тоже, что онъ говорилъ мнѣ о собственныхъ дѣлахъ — о томъ, что ничего не приберегъ для своихъ дѣтей, и я поздравлялъ себя съ тѣмъ, что въ состояніи теперь содержать Елену, въ случаѣ, если какая-нибудь бѣда постигнетъ батюшку, какъ вдругъ вторичное упоминаніе моего имени снова разбудило меня. То была приписка, сдѣланная назадъ тому всего недѣлю, и въ которой дѣдушка, недовольный моимъ поведеніемъ, уничтожалъ прежнюю приписку, не оставляя мнѣ такимъ образомъ ничего. Я зналъ откуда дуетъ этотъ вѣтеръ и взглянулъ въ лицо моему дяди; лучъ злобнаго удовольствія горѣлъ въ его глазахъ, обращенныхъ на меня, въ ожиданіи моего взгляда. Я отвернулся отъ него съ выразительной улыбкой насмѣшки и презрѣнія и взглянулъ на отца, который, казалось, былъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Онъ сидѣлъ съ опущенной на грудь головою и сжатыми кулаками. Хотя ударъ этотъ поразилъ меня, такъ-какъ я чувствовалъ всю необходимость для насъ денегъ, однакожь, я былъ слишкомъ гордъ, чтобъ выказать это. Я чувствовалъ, что ни за что на свѣтѣ не промѣнялся бы съ дядей своимъ положеніемъ и еще менѣе чувствами. Когда оставшіеся въ живыхъ сходятся съ тѣмъ, чтобъ удостовѣриться въ послѣдней волѣ призваннаго на судъ Божій, относительно мірскихъ и переходящихъ вещей, имъ остав-

ленныхъ — чувства злобы и недоброжелательства, на время, по крайней мѣрѣ, забываются, потому что воспоминаніе о «скончавшемся братѣ» внушаетъ любовь и кротость: я чувствовалъ, что могу простить моему дядѣ.

Не такъ думалъ мой отецъ. Приписка, въ которой я лишился наслѣдства, была послѣдняя въ завѣщаніи; законникъ, прочитавъ ее, свернулъ пергаментъ и снялъ очки. Всѣ встали; отецъ мой, схвативъ шляпу, грубо велѣлъ мнѣ слѣдовать за собой; онъ сорвалъ съ руки своей траурныя манжеты и тутъ же бросилъ на полъ. Я тоже снялъ свои и, положивъ ихъ на столъ, слѣдовалъ за нимъ. Отецъ велѣлъ кликнуть свою карету, подождалъ въ передней, пока она не подъѣхала, и потомъ сѣлъ въ нее. Когда я усеяся, онъ поднялъ занавѣску и приказалъ ѣхать домой.

— Ни шести пенсовъ! Боже мой, ни шести пенсовъ! Не упомянуть даже моего имени, какъ только изъ-за дряннаго траурнаго кольца! А вы, сэръ, — позвольте васъ спросить, какъ это вы навлекли на себя дурное мнѣніе вашего дѣдушки, тогда какъ онъ оставилъ—было вамъ такую сумму? Гмъ! Отвѣчайте сейчасъ, сэръ, продолжалъ онъ, съ яростью оборачиваясь ко мнѣ.

— Я самъ не знаю, батюшка. Ясно только, что дядя мнѣ врагъ.

— А почему ему быть врагомъ, въ особенности вашимъ? Тутъ есть какія-нибудь причины, Питеръ, почему твой дѣдъ измѣнилъ свое завѣщаніе. Я настаиваю на томъ, сэръ, чтобъ вы ихъ открыли.

— Я поговорю съ вами объ этомъ, батюшка, когда вы успокоитесь.

Въ отвѣтъ на это, отецъ опрокинулся въ глубину кареты и до самаго дому сохранялъ молчаніе раздраженнаго человѣка.

Лишь только мы пріѣхали, батюшка ушелъ въ свою комнату, а я отправился къ Еленѣ, находившейся въ своей спальнѣ. Я рассказалъ ей все случившееся и посоветовался съ ней о томъ, какимъ образомъ сообщить отцу причины ненависти ко мнѣ дяди. Послѣ долгаго спора, она наконецъ согласилась, что теперь необходимо открыть ему все.

Послѣ обѣда сестра вышла въ другую комнату и я сообщилъ отцу всѣ обстоятельства, дошедшія до нашего свѣдѣнія, относительно

жизни дяди въ Ирландіи. Онъ внимательно слушалъ меня, и потомъ, вынувъ записную книжку, сдѣлалъ въ ней кой-какія отмѣтки.

— Хорошо, сказалъ онъ, когда я кончилъ, теперь я ясно понимаю все дѣло. Не сомнѣваюсь, что дѣти были обмѣнены съ цѣлю похитить у насъ съ тобой наследство титла и помѣстій; но я приложу все стараніе мое обнаружить тайну, — думаю, что съ помощію капитана О'Бріэна и патера М'Грата, это не невозможно.

— О'Бріэнь сдѣлаетъ все, что можетъ, сэръ, отвѣчалъ я; я ожидаю отъ него вѣстей: онъ теперь ужь около недѣли въ Ирландіи.

— Я самъ поѣду туда, возразилъ отецъ, и буду всѣми средствами стараться обнаружить этотъ безчестный заговоръ. Да, вскричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу такъ сильно, что разбилъ въ дребезги двѣ рюмки, — не стану пренебрегать ни какими средствами!

— То есть, батюшка, замѣтилъ я, средствами приличными вашему званію.

— Всѣми средствами, какими только можно возратить себѣ похищенные права! Не толкуй мнѣ о средствахъ приличныхъ, когда дѣло идетъ о титлѣ и имуществѣ, утраченныхъ, благодаря тайному, незаконному подмѣну! Клянусь Богомъ! я за обманъ буду платить обманомъ.... Братъ мой разорвалъ между нами всѣ связи....

— Ради Бога, батюшка, не горячитесь такъ, — вспомните ваше званіе.

— Помню, произнесъ онъ съ горечью, но помню и то также, какъ меня насильно заставили принять это званіе. Я помню слова отца, торжественное хладнокровіе, съ которымъ онъ мнѣ сказалъ, «что я долженъ избрать одно: духовное званіе или умереть съ голоду.» Но мнѣ нужно написать проповѣдь къ завтрашнему дню; я не могу оставаться тутъ долѣе. Скажи Еленѣ, чтобъ она прислала мнѣ чаю.

Я видѣлъ, что теперь ему не до проповѣди, но смолчалъ. Сестра сошла ко мнѣ и мы не видали его больше до завтрака слѣдующаго утра. Прежде чѣмъ мы увидѣлись съ нимъ, я получилъ письмо отъ О'Бріэна.

«Милый Питеръ, я поѣхалъ отъ васъ въ Плимутъ, спустилъ свой корабль, выхлопоталъ изъ верфи свои боты и пору-

«чилъ старшему лейтенанту заняться баластомъ и снабженіемъ ко-
 «рабля водою. Потомъ я отправился въ Ирландію и былъ, въ ка-
 «чества капитана О'Бріана, очень хорошо принятъ своимъ семей-
 «ствомъ, пользующимся цвѣтущимъ здравіемъ. Теперь, какъ объ
 «сестры мои замужемъ, батюшка и матушка живутъ довольно ком-
 «фортно, но одиноко, потому что я, кажется, ужъ говорилъ тебѣ,
 «что небу угодно было прибрать всѣхъ остальныхъ моихъ братьевъ
 «и сестеръ, кромѣ обѣихъ новобрачныхъ, и еще одной, которая,
 «бывъ изуродована оспой, такъ что женихи на нее и смотрѣть не
 «хотѣли, посвятила себя на служеніе Богу въ монастырѣ. Пока
 «семейство наше увеличивалось, батюшка и матушка постоянно
 «жаловались и хныкали, что никто не убываетъ, а теперь, какъ всѣ
 «выбыли различными путями, они безпрестанно сѣтуютъ, что ни-
 «кого съ ними не осталось, кромѣ патера М'Грата и свиней.
 «Правда, въ мірѣ этомъ нѣтъ довольныхъ: будучи окружены теперь
 «всякаго рода удобствами, они находятъ жизнь свою неудобною, и
 «получивъ исполненіе всѣхъ своихъ желаній, хотятъ, чтобъ все
 «опять было по прежнему; но, какъ говаривалъ обыкновенно ста-
 «рикъ Мэддоксъ: «добрая воркотня лучше дурнаго обѣда;» вели-
 «чайшее удовольствіе ихъ ворчать, и такъ какъ въ этомъ все ихъ
 «счастіе, то они счастливы ежедневно, потому что съ утра до
 «вечера занимаются этимъ.

«Первымъ дѣломъ моимъ было послать за патеромъ М'Гратомъ,
 «который что-то долѣе обыкновеннаго отсутствовалъ изъ дому —
 «вѣроятно, потому что не находить теперь вещей въ такомъ удоб-
 «номъ положеніи, какъ прежде. Онъ объявилъ мнѣ, что Англича-
 «нинъ покинулъ страну, да кромѣ того взялъ еще съ собою Элзу
 «и ея мать; но хуже всего то, что никто не знаетъ, куда они от-
 «правились; думаютъ, впрочемъ, что за-море. Это, видишь ли, Пи-
 «теръ, дурное дѣло, потому что мы не можемъ надѣяться узнать
 «истину отъ старухи: теперь у насъ война съ Французами и преслѣ-
 «довать ихъ нельзя. Съ другой стороны, это добрая вѣсть, потому
 «что мнѣ теперь не нужно соблазнять бѣдную дѣвушку и увѣрять
 «ее въ томъ, чего никогда быть не можетъ. Это меня радуетъ не
 «мало, потому что патеру М'Грату рассказывали ея подруги, что
 «она цѣлые два дня передъ отъѣздомъ все плакала и горевала, на-
 «влекая на себя этимъ брань матери. Кажется, теперь мы должны

«возлагать все свои надежды на солдата и его жену, кормилицу, отправляемых в Индію — безъ сомнѣнія, съ надеждою, что климатъ и горячки погубятъ ихъ. Этотъ дядя твой — негодяй страшный. Я ѣду отсюда черезъ три дня; пріѣзжай ко мнѣ въ Плимутъ. Засвидѣтельствуй мое почтеніе твоему батюшкѣ и сестрицѣ, которую да сохранять все святыя! Богъ да благословитъ ее навсегда.

«Твой на вѣки

«О'Бріанъ.»

Я показалъ это письмо отцу, лишь только онъ вышелъ изъ своей комнаты.

— Это хитрая интрига, замѣтилъ онъ; нужно тотчасъ же поступить по совѣту О'Бріана — поискать кормилицу, сосланную въ Индію. Знаешь ты въ какомъ полку ея мужъ?

— Да, сэръ, отвѣчалъ я, въ тридцать третьемъ; они отправлены въ Индію три мѣсяца тому назадъ.

— Зовутъ его, вы сказали, кажется, О'Сюлливанъ? спросилъ онъ, вынимая записную книжку. Хорошо, я тотчасъ же напишу капитану Фильдингу и попрошу его, какъ можно тщательнѣе разыскать, куда дѣвался этотъ Сюлливанъ. О томъ же попрошу сестру твою, Люси; женщины въ этихъ вещахъ сильнѣе мужчинъ. Если полкъ назначенъ въ Цейлонъ, тѣмъ лучше, — если нѣтъ, онъ возьметъ отпускъ и отправится разыскивать въ другихъ мѣстахъ. А между тѣмъ, я самъ отправлюсь въ Ирландію, посмотрѣть, нельзя ли напасть на слѣдъ прочихъ соучастниковъ.

Сказавъ это, отецъ мой вышелъ изъ комнаты, а я отправился съ сестрой готовиться къ отъѣзду въ Плимутъ на корабль. Я получилъ письмо, извѣщавшее меня о моемъ назначеніи на Ратгль-снэкъ и, желая избавиться отъ излишняго путешествія въ Лондонъ, написалъ, чтобы приказъ о томъ присланъ былъ въ Плимутъ адмиралтейскому писцу. На слѣдующее утро я простился съ отцемъ и моею милою сестрой и безъ всякихъ приключеній прибылъ на Плимутскую верфь, гдѣ встрѣтился съ О'Бріаномъ. Въ тотъ же самый день я представился адмиралу и поступилъ на корабль, который стоялъ еще покосившись кузовомъ, съ фокмачтами, распростертыми, поперекъ. Возвращаясь съ него и проходя улицею Форстритъ

я замѣтилъ высокаго, красиваго моряка, который стоялъ ко мнѣ задомъ и читалъ объявленіе, прибитое къ столбу, гдѣ говорилось, что Раттльснэкъ, капитанъ О'Бріанъ (готовящійся отправиться въ Вестъ-Индію, гдѣ дублоновъ такъ много, что доллары употребляются на балласть) нуждается въ нѣсколькихъ сильныхъ рукахъ. Слѣдовало бы сказать—почти не имѣетъ рукъ, потому что мы едва имѣли шесть человѣкъ на борту и производили всѣ работы съ помощію моряковъ и столяровъ верфи; но въ свѣтѣ не въ обычаѣ признаваться въ бѣдности, какъ относительно денегъ, такъ и относительно матросовъ. Я остановился и подслушалъ слѣдующую рѣчь:

— Ну, что касается до дублоновъ, этимъ не надуешь. Я до-вольно-таки послужилъ въ Вестъ-Индіи и знаю это; но капитанъ О'Бріанъ не тотъ ли самый, что былъ вторымъ лейтенантомъ на Сангліэ? Если такъ, то я не прочь попытать съ нимъ крейсировки.

Голосъ показался мнѣ знакомымъ; я ударилъ моряка по-плечу, онъ обернулся, и я узналъ въ немъ Суэнбёрна.

— А! Суэнбёрнъ! вскричалъ я, пожимая ему руку, потому что очень радъ былъ видѣть его, — это вы?

— А! мистеръ Симпль! ну, такъ я правъ: мистеръ О'Бріанъ дѣйствительно капитанъ и командуетъ этимъ корабликомъ. Гдѣ встрѣ-тишь колюшку, (*) тамъ недалеко и акула.

— Вы правы, Суэнбёрнъ; ошибаетесь въ одномъ только, что называете капитана О'Бріана акулой — онъ не акула.

— Нѣтъ, конечно, въ одномъ только случаѣ — въ томъ именно, что надѣюсь, онъ скоро покажетъ зубы Французамъ. Но виноватъ, сэръ — и Суэнбёрнъ снялъ фуражку.

— А! понимаю: вы сначала не замѣтили моихъ эпюлетъ. Да, Суэнбёрнъ, я лейтенантъ на Раттльснэкѣ и надѣюсь, вы будете съ нами.

— Вотъ моя рука въ доказательство, сказалъ онъ, ударивъ по моей рукѣ своимъ огромнымъ кулакомъ, такъ что раздался гром-кій звукъ. Я доволенъ, если капитанъ хорошій офицеръ, а если хорошихъ офицеровъ двое, такъ я счастливъ. Сейчасъ же беру боть

(*) Рыба.

и їду записать свое имя въ книгу, а потомъ возвращусь на берегъ промотать послѣднія деньги и попытаться нельзя ли пріобрѣсть нѣсколько волонтеровъ: я знаю, гдѣ они прячутся. Я еще давеча утромъ смотрѣлъ на корабликъ и успѣлъ уже влюбиться въ него. У него прекрасный кузовъ; но я надѣюсь, капитанъ О'Бріэнъ срубить эту голову, что торчитъ словно скрыпчаная рукоятка: я еще не видывалъ, чтобъ корабль былъ годезь на что-либо съ такой головой.

— А мнѣ кажется, капитанъ О'Бріэнъ нарочно просилъ объ этомъ коммиссіонера, отвѣчалъ я; но все равно — эту переимѣну не трудно будетъ сдѣлать намъ самимъ.

— Разумѣется, возразилъ Суэнбёрнъ; веревка въ четыре аршина составитъ туловище змѣи, голову мы срубимъ, а что касается до погремушекъ (*), не я буду, если не украду ихъ сегодня ночью у часовыхъ. Но покуда прощайте, мистеръ Симплъ, до свиданія!

Суэнбёрнъ сдержалъ свое слово: онъ къ полудню же вступилъ на корабль, и на слѣдующій день привелъ съ собой шесть человѣкъ, которыхъ уговорилъ служить у насъ.

— Скажите капитану О'Бріэну, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ онъ не слишкомъ торопился экипировать свой корабль. Я знаю, гдѣ можно найти много матросовъ; но сначала хочу употребить краткія средства.

Онъ такъ и сдѣлалъ: каждый день почти приводилъ съ собой по человѣку, и всѣ, кого онъ приводилъ, были хорошіе матросы. Другіе поступили волонтерами и такимъ образомъ мы почти были готовы къ отплытію. Адмиралъ далъ намъ позволеніе послать вербовщиковъ на берегъ.

— Мистеръ Симплъ, сказалъ мнѣ Суэнбёрнъ, я старался всѣчески убѣдить дюжину добрыхъ молодцовъ вступить къ намъ въ службу; они не хотятъ. Но я рѣшился экипировать, какъ слѣдуетъ корабль, и если они не знаютъ своей пользы, такъ я знаю, и увѣренъ, что они потомъ будутъ благодарить меня. Однимъ словомъ, я рѣшился забрать ихъ всѣхъ.

(*) *Rattle-snake* зрѣчитъ гремучая змѣя.

Въ ту же ночь мы собрали всѣхъ матросовъ, приведенныхъ Суэнбёрномъ, отправились къ одному извѣстному имъ шипку, и окруживъ его нашими людьми захватили двадцать три отличныхъ матроса, которые почти совсѣмъ пополнили нашъ комплектъ. Остальныхъ мы получили съ адмиральскаго корабля, и я не думаю, чтобъ изъ всѣхъ кораблей, вышедшихъ изъ илимутской гавани и бросившихъ якорь въ проливѣ, былъ хоть одинъ лучше Раттльсэка. Таково вліяніе добраго характера на матросовъ.

О'Бріанъ былъ вообще любимъ всѣми, кто плавалъ съ нимъ, и Суэнбёрнъ, знаяшій его хорошо, однихъ убѣдилъ, а другихъ насильно заставилъ поступить къ нему на корабль. Они вступили къ намъ въ тотъ же вечеръ и, за исключеніемъ взятыхъ съ адмиральскаго корабля, ни одинъ не дезертировалъ. Дезертиры же были изъ такихъ, какихъ мы и не желали имѣть у себя; при томъ ихъ вакансіи тотчасъ же замѣнялись людьми достойнѣйшими.

Печатать дозволяется. Москва. Декабря 15-го дня, 1854 г.

Цензоръ В. Флеровъ.

Въ типографіи Л. Степановой.

DEC 9 1980

